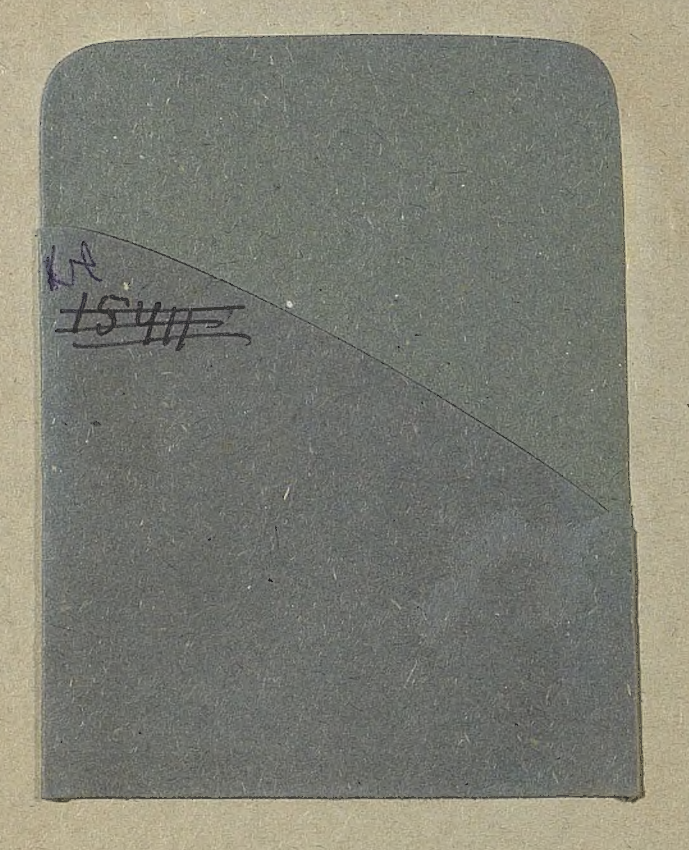


ИЗСЛѢДОВАНІЯ и ЗАМѢТКИ

по

РУССКИМЪ И СЛАВЯНСКИМЪ ДРЕВНОСТЯМЪ.

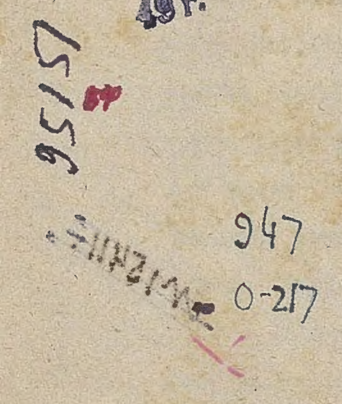
ИЗСЛѢДОВАНІЯ И ЗАМѢТКИ

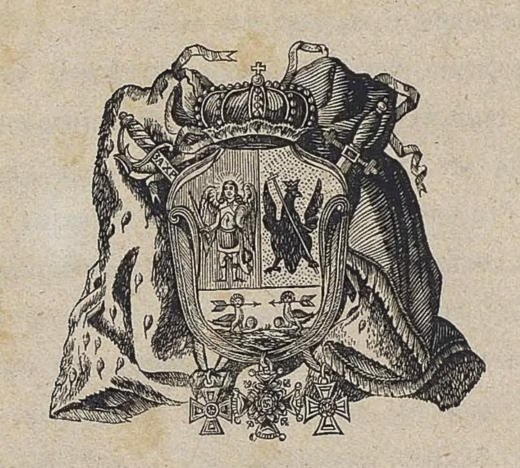
КНЯЗЯ М. А. ОБОЛЕНСКАГО

ПО

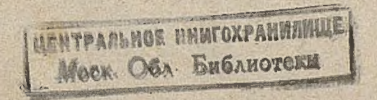
РУССКИМЪ И СЛАВЯНСКИМЪ ДРЕВНОСТЯМЪ.

(ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ СОЧИНЕНІЮ ЕГО: „О ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ РУССКОЙ ЛѢТОПИСИ". МОСКВА. 1870, И ДР. СТАТЬИ.)





САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ И ХРОМОЛИТОГРАФІЯ А. ТРАНШЕЛЯ, СТРЕМЯННАЯ, № 12.
1875.



Князь Михаилъ Андреевичъ Оболенскій, до послѣднихъ дней своей жизни, съ горячею любовію занимался судьбами отечественной исторіи. Послѣднимъ изъ ученыхъ трудовъ, изданныхъ имъ, было сочиненіе: «Нѣсколько словъ о первоначальной Русской лѣтописи». М. 1870. По мысли и плану сочинителя, за этою общею частью его труда, должны были слѣдовать пояснительныя приложенія, гдѣ въ отдѣльныхъ монографіяхъ предполагалось разсмотрѣть нѣкоторые важнѣйшіе вопросы русской старины, какъ то: вопросъ о происхожденіи Руси, о древнѣйшемъ ея бытѣ и письменности. Покойному князю не удалось выполнить это намѣреніе, не удалось вполнѣ высказаться и привести къ желанному концу свои труды, плодъ многолѣтнихъ занятій русско-славянскими древностями. При жизни его отпечатаны лишь два первые листа «Приложеній», остальное частью въ оконченномъ, большею же частью въ неоконченномъ, такъ сказать, въ черновомъ видѣ хранилось въ его портфеляхъ. При всемъ томъ и эти отрывочныя замѣтки содержатъ въ себѣ столько оригинальныхъ и новыхъ взглядовъ, столько иногда поразительныхъ и смѣлыхъ сближеній и объясненій, что было бы жаль, если бы они не увидѣли свѣта. Вотъ почему дочь его, княгиня Анна Михайловна Хилкова, пожелала сдѣлать доступнымъ для всѣхъ «ученое наслѣдіе» своего родителя.

Въ настоящемъ томѣ соединено почти все, что нашлось въ бумагахъ князя Михаила Андреевича, и напечатано безъ всякихъ измѣненій и прибавленій. Читатель найдетъ здѣсь много отрывочнаго и недоговореннаго, много такого, что только затронетъ, но не удовлетворитъ его любознательность Во всякомъ случаѣ, возбудить мысль, навести изслѣдователей на новыя соображенія—само по себѣ заслуга немаловажная, а потому издательница надѣется, что выходящія нынѣ въ свѣтъ посмертныя ученыя работы князя М. А. Оболенскаго въ области изученія отечественныхъ древностей не будутъ излишними.

Къ 1-й части изслѣдованій князя М. А. Оболенскаго «О первоначальной Русской Лѣтописи» приложены слѣдующія изображенія: блаженной княгини Ольги, снятое съ древней иконы, принадлежащей издательницѣ; телѣги, везомой волами [1]; прѣ (знамя) [2]; тула и налучія [3]; также снимокъ съ первой страницы 481 листа рукописи XV вѣка, принадлежащей Московскому Главному Архиву Министерства Иностранныхъ Дѣлъ (сборникъ Григорія, епископа Болгарскаго), на которой начинается «Лѣтописецъ Русскихъ царей.» Эти приложенія были приготовлены еще при жизни князя Михаила Андреевича; издательница же сочла своимъ долгомъ присовокупить къ нимъ и его портретъ.

---

[1]) См. О первон. Рус. лѣт. стр. 17.

[2]) Тамъ же стр. 7—15 и въ Прилож. стр. 72, 82—86, 91 и 113.

[3]) Прилож. стр. 82, 83.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЕ

I.

Въ 1840 году, въ нашемъ Сборникѣ, № 11, въ статьѣ: Нѣсколько замѣчаній для издателей Роусскихъ лѣтописей, мы уже указали настоящее значеніе тѣхъ собирательныхъ именъ, которыя въ договорахъ Олега и Игоря принимались ученымъ нашимъ міромъ за имена собственныя. Слова эти: Ирлы, Гуды, Гостие (купцы), Жоны, Бруны. Въ виду того, что и до сихъ поръ не рѣшено еще окончательно, какое значеніе имѣли, въ глубокой древности, въ нашихъ лѣтописныхъ сказаніяхъ, еще другія, подобныя же собирательныя имена, какъ на пр. Славене, Руссы и Варяги, считающіяся до сихъ поръ за названія особыхъ народовъ, и древнія слова: языкъ, родъ, дроузие, моужие, людие, племя, дроужина, которыя имѣли точный, опредѣленный смыслъ, совсѣмъ не тотъ, какой имъ придавали впослѣдствіи и какой онѣ имѣютъ нынѣ,— ниже мы попробуемъ опредѣлить эти слова въ самомъ древнемъ ихъ значеніи, на основаніи сохранившихся у насъ остатковъ нашей Первоначальной Лѣтописи и Съборника Григорія, епископа Болгарскаго. Здѣсь же мы припомнимъ только, что, въ началѣ еще XVI вѣка, съ водвореніемъ у насъ европейски образованнаго князя Михаила Львовича Глинскаго, при болѣе правильномъ и ученомъ взглядѣ на наши лѣтописи, утвердилось то мнѣніе, что Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ прибыли къ намъ съ Балтійскаго поморья, искони заселеннаго Славяннорусскимъ народомъ, родственнымъ съ

нашей Волжскою, Придонскою, Днѣпровскою, Ильменскою Русью. Нынѣ уже и многіе современные ученые принимаютъ и развиваютъ въ наукѣ тоже положеніе. Профессоръ Морошкинъ говоритъ [1]): думаю, что и Несторова Русь недалека отъ Пруссіи, если не по мѣсту, то по крайней мѣрѣ по родству, по Славянскому ея происхожденію. Не должно забывать, что древняя Пруссія была населена Славянами, чему есть множество доказательствъ. Самое названіе Пруссіи есть не что иное, какъ половина цѣлаго понятія. Руссія предполагаетъ Пруссію, какъ Подонская область предполагаетъ Задонскую и т. п. Когда Россія называлась Rutia, Пруссія—Prutia, Россія—Ruthenia, Пруссія— Pruthenia, наконецъ Россія—Russia, Пруссія Porussia, Prussia, Borussia, Reussen—Preussen [2]). Эту соотвѣтственность чувствовали и западные писатели. Сверхъ этого въ самой коренной Пруссіи остались неизгладимые слѣды тамъ бывшей когда-то Россіи. Извѣстно, что Нѣманъ, при впаденіи своемъ, издревле назывался, и теперь называется, Russ, а прилежащія къ нему земли Порусьемъ. Въ Лѣтописцѣ по списку Архангелогородскому, на стр. 4, сказано: «Въ лѣто 6371 пріидоша князи Нѣмскія на Русь княжити три браты».

Изъ приведеннаго мѣста очевидно, что эти прибывшіе князья были родомъ изъ Славянъ Балтійскаго поморья. Земля принѣманскихъ Славянъ называется въ нашихъ лѣтописяхъ и Русью, и землею Варяжскою. Море Балтійское также называется моремъ Варяжскимъ. Территорія Принѣманскаго Славянскаго народа, въ X вѣкѣ, отъ правителей своихъ, отъ мужей, предержащихъ власть, называлась землею русскою, а отъ вольнонаемныхъ дружинъ, отъ своихъ воинъ—варягъ—землею варяжскою. Ни руссы, ни варяги тутъ не были нисколько отдѣльнымъ народомъ. Какъ тѣ, такъ и другіе были только сословіемъ. И только уже впослѣдствіи, когда совершенно забылось это исконное сословное значеніе руссовъ и варягъ, оба эти названія были приняты за названія чисто народныя; при чемъ, такъ какъ названія эти приписывались въ лѣтописяхъ одной землѣ, одному морю, то нѣкоторые ученые, не вникнувъ въ настоящій ихъ древній смыслъ и соединивши ихъ къ одно по-

---

[1]) Въ примѣч. къ сочин. профессора Рейца. Опытъ исторіи госуд. и гражд. зак. стр. 358—359.

[2]) Saxonae lib. I, Wandalia D. Chytraeo, 1595, pag. 11.

нятіе, создали изъ нихъ одинъ, никогда небывалый народъ Варяго—руссовъ, котораго и стали за тѣмъ искать повсюду, но и до сихъ поръ нигдѣ еще не нашли, не находятъ, да, вѣроятно, и не найдутъ.

Сказавъ, что Принѣманская Славянская территорія называлась Варяжскою землею, мы встрѣчаемся съ такъ называемымъ Варяжскимъ вопросомъ. Вопросъ этотъ формулируется въ послѣднее время слѣдующимъ образомъ: что именно означали, по понятіямъ IX вѣка, въ нашей Первоосновной Лѣтописи слова: Русь, Славяне и Варяги? Мы нисколько не скрываемъ, что сами долгое время слѣдовали въ этомъ дѣлѣ мнѣнію ученыхъ, впервые обоснованному знаменитымъ Байеромъ и развитому до крайнихъ предѣловъ извѣстнымъ многочисленнымъ сонмомъ ученыхъ его послѣдователей: Струбе, Миллеромъ, Штриттеромъ, Тунманомъ, Шлецеромъ, Кругомъ, Лербергомъ, Френомъ, Карамзинымъ, Бутковымъ, Погодинымъ, Григорьевымъ, Шегреномъ, Размуссеномъ, наконенъ Шафарикомъ, Куникомъ и другими. Однако, въ видахъ строго научнаго безпристрастія, мы не могли не обращать вниманія и на возраженія противоположной стороны, какъ на пр., на изысканія Эверса, Неймана, Фатера, Каченовскаго, Надеждина, Максимовича, Венелина, Морошкина и другихъ. Къ тому же числу относимъ мы и позднѣйшія превосходныя изслѣдованія о Варяжскомъ вопросѣ (въ отрывкахъ) Степана Александровича Гедеонова, А. А. Котляревскаго, В. И. Ламанскаго, Д. И. Иловайскаго. Мы не могли не видѣть при этомъ, что тогда какъ первые изъ этихъ ученыхъ, при всѣхъ своихъ необычайныхъ усиліяхъ, нигдѣ не находили положительно опредѣленной страны Варяговъ—Руссовъ, какъ особенной народности, внѣ предѣловъ славянскаго міра,—о догадкахъ мы не говоримъ,—другіе, напротивъ, находили Руссовъ въ этихъ именно предѣлахъ, ранѣе пришествія ихъ къ Славянамъ по Нестору. Изъ сопоставленія этихъ двухъ безконечно спорныхъ положеній естественно возникаетъ вопросъ: дѣйствительно ли Варяго—Руссы означаютъ у Нестора только именно какой-нибудь особый народъ, и не означаютъ ли они чего еще другаго? Если значеніе ихъ у Нестора не одно только поколѣнное—народное, если до тѣхъ поръ какъ прозвалась Славянская земля Русскою, Русь и Варяги означали никакъ не народъ, то, конечно, и отыскать никакой точно

опредѣленной страны, населенной этимъ именно народомъ, нѣтъ возможности, ни внѣ древлеславянскихъ населеній, ни внутри ихъ. Не отъ того ли такъ и безуспѣшны были и до сихъ поръ всѣ эти поиски, гдѣ одинъ искатель на каждомъ шагу противорѣчитъ другому? И напротивъ: будь Русь и Варяги дѣйствительно особыя народности у Нестора, какъ на пр. Свеи, Агняне, Оурмане, или, какъ на пр. нынѣшняя Русь, въ теперешнемъ народномъ ея смыслѣ,—конечно, нечего было бы тратить и минуты на опредѣленіе географическаго ихъ положенія.

Всѣ эти вопросы неотступно должны предварять, по нашему мнѣнію, болѣе или менѣе успѣшное рѣшеніе Русскаго и Варяжскаго вопроса.

Въ отрывкахъ чрезвычайно обстоятельнаго изслѣдованія С. А. Гедеонова мы встрѣтились со многими знакомыми намъ, вновь разработанными имъ, положеніями, высказанными нѣкогда другими нашими учеными, и, въ томъ числѣ, на пр., Максимовичемъ, о Южной Россіи, существовавшей еще до Рюрика, и Эверсомъ—о Славянахъ, какъ древнѣйшихъ обитателяхъ побережья рѣки Росъ (Волги). Не отвергая того, что Русь въ Словенахъ была древнѣе Руси Рюрика, мы тѣмъ не менѣе не согласны съ С. А. Гедеоновымъ въ самомъ значеніи слова Руси только какъ народа, о чемъ подробнѣе скажемъ дальше. Что же касается до того, что по мнѣнію С. А. Руссы собственно были поклонники богини воды, росопоклонники, откуда и происходитъ, по его мнѣнію, ихъ названіе, тогда какъ Славяне были поклонниками богини огня, Suaha; то, въ отношеніи перваго мнѣнія, невольно припоминается намъ здѣсь, къ подтвержденію его, подобное же мнѣніе Шафарика о происхожденіи названія Вендовъ, этихъ древнѣйшихъ Славянъ, отъ слова winda, wenda, означающаго на Индо-европейскихъ, родственныхъ Славянству, языкахъ именно водȣ. Съ другой стороны, въ отношеніи культа богини огня, еще Морошкинъ уже доказывалъ, что всѣ они были древо-поклонники, быть можетъ, въ томъ же смыслѣ, что деревья—необходимая жертвенная принадлежность огня. Морошкинъ же, при этомъ, утверждалъ, что у древнихъ географовъ Греціи и Рима, какъ и на языкѣ варварскихъ народовъ, вся древняя Славянская страна называлась Россіей, т. е. великой

землей лѣсовъ, рощей (Roscia), рущей (Rutzia). Конечно, у всѣхъ почти древнихъ языческихъ народовъ, и рощи, и лѣса, особенно на возвышенныхъ мѣстахъ, а также рѣки и горы, преимущественно нѣкоторыя, считались и назывались священными; но вообще, именно къ Славянамъ хотятъ нѣкоторые ученые установить, въ этомъ отношеніи, особенное примѣненіе.

Мы, съ своей стороны имѣя свои особыя убѣжденія, не беремся ни отвергать, ни утверждать этихъ миѳофилологическихъ положеній. Строго ученая оцѣнка подобныхъ обширныхъ выводовъ выходитъ далеко за предѣлы нашего предмета собственно лѣтописныхъ изысканій. Здѣсь, въ этой бѣглой замѣткѣ, мы, конечно, не намѣрены,—да это и невозможно,—исчерпать всѣ основы Русскаго и Варяжскаго вопроса, разъяснить всѣ его противорѣчія, отвѣтить на всѣ главнѣйшія возраженія двухъ противныхъ сторонъ—Скандинавской и Славянской, разсѣять всѣ сомнѣнія и недоразумѣнія, а тѣмъ болѣе вдаваться въ массу подробностей, не рѣдко только подавляющихъ и затемняющихъ самую суть дѣла. Мы просто хотимъ здѣсь лишь въ немногихъ, краткихъ чертахъ, указать только въ самой лѣтописи на то, что можетъ послужить для подробныхъ изслѣдователей этого собственно предмета къ новому взгляду на его основы, и что положительно разнится отъ всего, высказаннаго до сихъ поръ по вопросу о Руссахъ и Варягахъ, вопросу, представляющему еще и въ наши дни столько сбивчивости, запутанности и неточности въ своихъ рѣшеніяхъ. Будь рѣшенъ этотъ вопросъ вполнѣ удовлетворительно знаменитыми искателями Скандинавскаго начала Руси, и мы, конечно, не имѣли бы предъ собою прекрасныхъ трудовъ: С. А. Гедеонова, В. И. Ламанскаго, Д. И. Иловайскаго и А. А. Котляревскаго, воскрешающихъ предъ нами къ новой жизни противоположное направленіе. Повторяемъ: вопросъ до сихъ поръ еще не рѣшенъ, не смотря на всю долговременность и громадность затраченнаго труда. Причина тому, очень можетъ быть, въ одной только не совсѣмъ вѣрной точкѣ зрѣнія на предметъ. Мы, съ своей стороны, становимся здѣсь на другую, совершенно новую, примиряющую точку зрѣнія, и постараемся посмотрѣть на дѣло нѣсколько иначе, чѣмъ смотрѣли на него до настоящаго времени.

Но прежде, чѣмъ мы взглянемъ на дѣло совершенно своеобразно, мы считаемъ не лишнимъ замѣтить напередъ, что, по нашему мнѣнію, для точнаго пониманія различныхъ словъ и выраженій въ Лѣтописномъ нашемъ Сводѣ, мы неизбѣжно должны имѣть въ виду различныя эпохи его наслоенія. Въ основѣ его, безспорно, лежитъ та древнѣйшая, основная наша лѣтопись, смыслъ словъ которой не всегда и не вездѣ былъ ясенъ для составителей позднѣйшихъ временниковъ. Не понимая иногда этаго смысла, или понимая его неправильно, они невольно должны были замѣнять древнія слова своими, или же употребляли прежнія въ другомъ смыслѣ, какъ напр., мы уже это видѣли на словѣ колѥса, на словѣ прѣ на словѣ ѫролы, и увидимъ еще на многихъ другихъ. Составители Свода изъ временниковъ, конечно, привнесли и отъ себя еще, такимъ же путемъ, такія же еще поправки, или скорѣе, ошибочныя передѣлки. Отсюда-то, важнѣе всего и считали мы всегда возстановленіе древнѣйшаго основнаго текста нашей лѣтописи и, за тѣмъ, самаго правильнаго пониманія словъ въ немъ, согласно той эпохѣ времени, въ какую какое слово и какъ было употреблено въ ней. Различныя точки зрѣнія на предметъ, видоизмѣнявшія какъ смыслъ, такъ иногда и самыя слова не могутъ быть тутъ неважны. Образованіе Свода изъ временниковъ, и временниковъ изъ Первоосновной Лѣтописи отстояло одно отъ другаго каждое не менѣе, какъ на цѣлое столѣтіе. Строго научной критикѣ предстоитъ громадный трудъ съ этой именно стороны.

Съ своей стороны мы желали бы положить на него и свою посильную лепту. Ограничиваемъ себя пока только этимъ трудомъ, предоставляя другимъ пояснить подробнѣе наши лѣтописи,—эту основу всего дѣла, всевозможными какъ древними, такъ и новыми иноземными источниками. Вообще, изъ всего этото состоянія дѣла, гдѣ и до сихъ поръ не видно никакихъ положительныхъ выводовъ, мы не могли не усомниться въ правильности тѣхъ пріемовъ, какіе до сихъ поръ при этомъ употреблялись. Пріемы эти, называясь условіями строгой исторической критики, состояли обыкновенно въ томъ, что къ изученію и опредѣленію смысла нашихъ лѣтописей приступали не прямо, не непосредственно, а чрезъ другіе, побочные, постороннiе, иноземные источники. Дань такому предубѣжденію въ пользу

и первостепенность этихъ пособій платили и мы не мало времени. Обыкновенно запасаясь всевозможными свѣдѣніями изъ различныхъ иностранныхъ свидѣтельствъ и мнѣній, ученые наши, подъ вліяніемъ предвзятыхъ оттуда идей, только за тѣмъ уже, т. е., уже пропитанные ими, такъ сказать, до пресыщенія, обращались къ нашей лѣтописи. Естественно, взглядъ ихъ на нее не могъ не выходить уже подготовленнымъ, и самая лѣтопись, при такомъ взглядѣ на нее, не могла не получать особаго колорита, не могла не окрашиваться въ такіе цвѣта, какихъ иногда вовсе въ ней не было, и отъ которыхъ часто пропадалъ настоящій цвѣтъ ея. Успѣха при такихъ пріемахъ выходило немного. Убѣжденные собственнымъ горькимъ опытомъ въ малоуспѣшности такого отношенія къ дѣлу, мы, вслѣдствіе этого, рѣшились наконецъ избрать совершенно новый, противоположный путь. Именно, мы твердо рѣшились принять за самую начальную точку отправленія въ нашихъ изслѣдованіяхъ не какіе-либо иноземные источники, не какіе-либо предвзятые ученые мнѣнія и взгляды, но самую нашу первоосновную Григоріеву лѣтопись и его Съборьникъ. Изъ нихъ только мы рѣшились преимущественно черпать разъясненія для нашей Русской Лѣтописи, а всѣ прочія пособія имѣть, при этомъ, только пособіями, только поясненіемъ главнаго предмета, но никакъ не главнымъ своимъ предметомъ. При такомъ отношеніи къ дѣлу, прежде всего, обратили на себя наше вниманіе, по предмету такъ называемаго Варяжскаго вопроса, слова: родъ, дроузиѥ, мѫжиѥ, людиѥ племѧ, дроужина, никогда до сихъ поръ, сколько намъ извѣстно, не прилагавшіяся къ его рѣшенію. Въ этихъ-то, однакожъ, словахъ, въ настоящемъ древнѣйшемъ ихъ смыслѣ, по нашему крайнему разумѣнію, и заключается истинный ключъ къ разрѣшенію всей этой задачи. Древнѣйшій смыслъ этихъ словъ достаточно объясняется изъ уцѣлѣвшихъ остатковъ первоначальной нашей письменности.

Но прежде чѣмъ мы разсмотримъ эти лѣтописные остатки, ведущіе свое древнее происхожденіе изъ понятій о самомъ началѣ человѣческаго общества, мы обратимся къ исторіи древнѣйшаго разселенія Славянъ, и припомнимъ, въ общихъ чертахъ, все, до сихъ поръ извѣстное о ихъ переходѣ изъ Азіи въ Европу, какъ и о мѣстностяхъ, населенныхъ ими въ этой послѣдней.

Извѣстно, что Европа заселена большею частію Арійскимъ поколѣніемъ, происходящимъ отъ Іафета, сына Ноева. Первоначально Арійское колѣно обитало въ Индіи. Главнѣйшая вѣтвь Арійцевъ была Аланє. Они исповѣдывали единобожіе, поклоняясь одному божеству, богинѣ Саккѣ. Китайскіе историки упоминаютъ о нихъ еще за XII вѣковъ до нашей эры. При возникшемъ, впослѣдствіи, новомъ религіозномъ культѣ въ Индіи подъ водительствомъ браминовъ, древнѣйшій культъ Аланъ подвергся упорному преслѣдованію. Въ законахъ Ману упоминается о Саккитахъ, поклонникахъ богини Сакки, какъ о проклятыхъ народахъ, которые, отвергнувъ жертвы браминскаго культа и не оказывая уваженія браминамъ, низошли на послѣднюю степень людей [1]). Аланє, отстаивая свой прежній культъ, принуждены были, силою этой вѣроисповѣдной борьбы, оставить родину, вслѣдствіе чего громадными волнами они и отхлынули съ береговъ Гангеса въ Европу и наводнили въ ней огромныя пространства. Къ этимъ времемамъ первобытнаго населенія Европы относилось также и заселеніе Греціи и Италіи. Въ этомъ древнѣйшемъ населеніи этихъ странъ, особенное вниманіе обращаютъ на себя въ первой Пеласги, въ послѣдней — Єтрўски. При первомъ движеніи своемъ изъ Индіи въ Европу, Аланє проходили Иранъ, Кавказъ, гдѣ многіе изъ нихъ и остались постоянными его насельниками.

Аланє, какъ мы уже сказали выше, въ глубокой древности, назывались также и Саккитами или Саками (Shacas). Такое названіе носили они по культу, какъ поклонники богини Дѣвы жизни, именовавшейся Саккею. Греки звали ихъ Скиѳами. Страбонъ (кн. XI, с. 10) говоритъ, что Сакки боготворятъ богиню Саккю (Sacaea), празднуютъ ей, проводя время въ пьянствѣ и забавахъ день и ночь. До сихъ поръ слово «Саккѧ» не было удовлетворительно объяснено. Σακέα—Саккѧ, значитъ праздникъ Вавилонянъ, похожій на сатурналіи Римлянъ, а таковы именно, по описанію Страбона, и были празднества въ честь богини Сакки у Саккитовъ. Геродотъ (ч. III., гл. 6) объясняетъ, что Скиѳовъ только Греки на-

---

[1]) См. Лѣтоп. Рус. Литературы, изд. Н. Тихонравова, 1859 годъ, кн. 1: Отзывъ о сочиненіи Бергмана о Скиѳахъ, А. А. Котляревскаго, стр. 124.

зываютъ Скиѳами, а Персы ихъ зовутъ Саками. Скиѳы же сам себя называютъ Сколотами. Ученый Бееръ имя Скиѳовъ производитъи отъ saki—tha, т. е., земля Саковъ, а Сколотовъ отъ skol—tha, т. е., господинъ, владѣлецъ земли [1]. Относительно до сихъ поръ не вполнѣ удовлетворительно объясненныхъ названій какъ Скиѳовъ, такъ и Сколотовъ, мы, съ своей стороны, не можемъ не замѣтить, что названія эти, очевидно происходятъ отъ того же самаго названія богини Сакки, какимъ именовали Дѣву—жизни Персы. Выраженія: Скиты, Сколоты, безъ всякаго сомнѣнія, то же, что Сакиты, Саколоты, и происходятъ прямо отъ того же имени богини Сакки. Изъ этого ясно, что подъ Скиѳами и Саккитами должно разумѣть однѣ и тѣ же народности, связанныя между собою только однимъ общимъ культомъ. Древніе Персы, какъ свидѣтельствуетъ Геродотъ, называли европейскихъ Скиѳовъ Саками. Извѣстно также, что Саками назывались и Скиѳы за-Каспійскіе (Scythae orientales), у всѣхъ классическихъ писателей. Близкое родство Скиѳовъ съ Славянами, кажется, не подлежитъ нынѣ никакому сомнѣнію. На пути своемъ изъ Индіи, заселивши различныя мѣстности, Алане получили разныя названія частію по культу, частію по своимъ вождямъ, а частію по мѣстностямъ, занятымъ ими. Изъ этихъ подраздѣленій Арійскаго населенія мы обращаемъ особенное вниманіе на Персовъ, Парѳянъ, Армянъ и Аланъ. Всѣ эти народы покланялись первоначально одному божеству, богинѣ Дѣвѣ жизни, которую Персы называли Саккею, а Алане, какъ увидимъ ниже, Славою. По этому то, въ древнѣйшихъ славянскихъ письменныхъ памятникахъ и сохранилось относительно Персовъ названіе: поганo-славніи Перси, т. е. Персы язычники, поклонники Славы [2].

Свидѣтельство о томъ, что Персы, какъ потомки Арійцевъ, и, слѣдственно, однородные съ Славянами, были, какъ и Славяне, также Магогиты, находимъ у Амартола. Приводимъ здѣсь это мѣсто по древнѣйшему переводу его, находящемуся въ Съборьникѣ Григорія, епископа Болгарскаго, а также и по греческому тексту.

---

[1] См. Шафарика „Древности", т. 1, кн. 2, стр. 188.

[2] См. Опис. слав. рук. Моск. Син. Библіотеки отд. 2/1 стр. 23.

Съборьникъ Григорія, епископа Болгарскаго, л. 30.

Пръвѣє бо ıакѡ҃ вѣщаєтъ ïѡсифъ Авраамъ Бга творца проповѣда и̓ пръвѣє ш҃є въ Єгипетъ. число звѣздъ зако́нницю єгиптѧны нау҆чи́ тѣ́мъ любимъ и̓ прѣпочестивъ и̓мъ бы́въ. помолисѧ є̂моу царь дабы єго слы́шати ѕвѣздосло́виє и̓ влъш҃вленïє и̓ соу҆щоу є̓мꙋ прескоусителемъ ï халдѣємъ ѕвѣздосло́виє и влъшвъленïє ѿ магоусѣи рекше ѿ пръсѧнъ начѧтъ бы҃. ибо пръсѧнѣ въ своє́й странѣ магогъ наричютсѧ.

Хронографъ Георгія Амартола, греческій подлинникъ, изд. Э. Г. Фонъ-Муральтомъ, стр. 66.

Πρῶτος γὰρ, ὡς φησὶν Ἰώσηπος, Ἀβρὰμ δημιουργὸν τὸν θεὸν ἀνεκήρυξεν, καὶ πρῶτος κατελθὼν εἰς Αἴγυπτον ἀριθμητικὴν καὶ ἀστρονομίαν αὐτοὺς ἐδίδαξεν, κἀντεῦθεν ἐπέραστος, καὶ παγγέραστος γενόμενος, ἠξίωσεν ὁ βασιλεὺς ὑπ' αὐτοῦ γυμνασθῆναι τὰ περὶ ἀστρολογίας καὶ μαγείας ἅτε πολυπείρῳ καὶ Χαλδαίῳ τυγχάνοντί ἀστρολογία γὰρ καὶ μαγεία ἀπὸ Μαγουσαίων ἤτοι Περσῶν ἤρξατο οἱ γάρ τοι Πέρσαι Μαγὼγ ὑπὸ τῶν ἐγχωρίων ὠνομάζοντο.

Къ сожалѣнію, до сихъ поръ никто изъ нашихъ ученыхъ не обратилъ вниманія на это древнѣйшее опредѣленіе той народности, которая разумѣется священными писателями подъ именемъ Магога. Изъ опредѣленія этого должно прямо заключить, что, въ древности, именно отъ родоначальниковъ въ народѣ Магогскомъ, какъ правителей всего народа, производилось и самое названіе народа, откуда и получилъ свое имя народъ Магогитовъ, а также далѣе, что и названіе древнихъ Маговъ у Персовъ, какъ части того же самаго народа, позднѣе Арійцевъ, произошло отъ имени тѣхъ же первыхъ родоначальниковъ у Магогитовъ, такъ какъ извѣстно, что, въ глубокой древности, вожди народные, власть державшіе въ народѣ, были вмѣстѣ съ тѣмъ и первыми представителями народнаго его культа, его волхвами, или магами.

Древнѣйшихъ Армѧнъ Греки временъ Геродота и Ксенофонта знали также подъ именемъ Саковъ Армянскихъ, т. е., какъ поклонниковъ той же богини Сакеи.

У Армянъ, принадлежавшихъ также, какъ мы сказали, по своему первоначальному, древнѣйшему происхожденію, къ одному и тому же народу вмѣстѣ съ Пареами и Парсами, какъ и Слава—Алане, сохранились, въ нѣкоторыхъ, дошедшихъ до насъ, извѣстіяхъ о

древнѣйшей ихъ религіи, замѣчательныя указанія на поклоненіе ихъ богинѣ Дѣвѣ. Имя этой богини было у Армянъ Анахидъ, она же и Таната. Ей поклонялись, какъ свидѣтельствуетъ Плутархъ, также и Парсы. Культъ ея былъ распространенъ и у Парѳовъ. О немъ упоминаютъ, какъ Плиній, такъ и Страбонъ, первый, въ своей натуральной исторіи, кн. XXXIII, 24, а послѣдній—въ своей Геогр. кн. XI, гл. XIX [1]). — Очевидно, это та же богиня Дѣва, по которой, какъ мы выше замѣтили, Греки и самыхъ Парѳовъ называли этимъ именемъ. Она же и богиня Сакея, которой, въ глубокой древности, поклонялись и всѣ вообще Сакиты, или Скиѳы, т. е., всѣ первоначальные индо-европейскіе народы, до обращенія ихъ къ дуализму, и, наконецъ, къ политеизму. Наибольшую, важнѣйшую часть этихъ Сакитовъ составляли, какъ извѣстно, Славяне.

Отличительныя черты культа богини Дѣвы у Армянъ были тѣ же самыя, какъ и богини Славы у древнѣйшихъ Славянъ. Агаѳангелъ, жившій въ началѣ IV вѣка по Р. Х. и бывшій секретаремъ царя Тердата, говоритъ объ этой богинѣ (Венец. 1835, стр. 47, 48) какъ «о великой царицѣ и госпожѣ; Славѣ народа, поддерживающей жизнь народную, матери всякаго цѣломудрія, благотворительницѣ всего человѣческаго рода, золотой матери, матери-богини» (Агаѳ. стр. 602—603). Изображеніе ея было золотое (стр. 586 — 588). Храмъ ея обладалъ огромными сокровищами (тамъ же). Ей посвящали бѣлыхъ быковъ, бѣлыхъ козловъ, бѣлыхъ коней, бѣлыхъ муловъ и пр. (стр. 29—30). Она отличалась отъ всѣхъ другихъ извѣстныхъ богинь, въ періодъ многобожія, какъ напр., отъ богинь Астхикъ и Нане, Афродиты или Венеры, и Діаны или Артемиды [2]).

Поколѣнная близость древнѣйшихъ Армянъ, какъ и Парсовъ, съ Слава—Аланами свидѣтельствуется, между прочимъ, и самымъ ихъ языкомъ, указывающимъ, по мѣстамъ, на эту близость нѣкоторыми важнѣйшими культовыми выраженіями. Такъ напр.,

---

[1]) Очеркъ религіи и вѣрованій языческихъ Армянъ, Н. О. Эмина. М. 1864, стр. 16.

[2]) Очеркъ религіи языч. Армянъ, Н. О. Эмина, стр. 63, 64, 65.

самое даже названіе божества, какъ у Славянъ, такъ у Армянъ, а равно у Парсовъ, въ словѣ «богъ», имѣетъ большое сходство, въ отношеніи своего корня, какъ это доказываетъ такой первостепенный знатокъ дѣла, противъ котораго всякій споръ, въ этомъ отношеніи, безполезенъ [1]).

У древнихъ армянскихъ писателей, говоритъ Н. О. Эминъ, встрѣчается въ связи съ понятіемъ о храмѣ, слово «багин», которое толкуется нѣкоторыми учеными въ смыслѣ также храма, или алтаря. Собственно же слово это значитъ: жертвенникъ, воздвигнутый Богу, въ чемъ удостовѣряетъ внимательное изученіе тѣхъ мѣстъ Агаѳангела и Моисея Хоренскаго, гдѣ у нихъ употреблено слово «багин». Корень этого слова «баг» (древне-парсійское-багà), встрѣчающійся въ армянскомъ языкѣ преимущественно въ именахъ собственныхъ (Баг-аран, Баг-аван, Баг-ариндж, и др.), значитъ «богъ», и представляется также въ древне-парсійскихъ именахъ, преимущественно, въ собственныхъ, каковы: Багсус, Баганатес, Багасакес, Багдас, Багафанес, Мабог (Maha-baog), и пр.

Такое происхожденіе слова «багин» (въ смыслѣ жертвенника, воздвигнутаго Богу), даетъ возможность предполагать, что религія Армянъ, въ древнѣйшую свою эпоху, безъ сомнѣнія, имѣла съ религіей Парсовъ одинъ общій источникъ. Съ своей стороны мы замѣтимъ, что древлеславянское языческое слово «божница» представляетъ самое близкое сходство съ армянскимъ словомъ «багин», въ смыслѣ жертвенника, воздвигнутаго богинѣ.

Географія древней Арменіи указываетъ, въ названіяхъ нѣкоторыхъ городовъ, черезъ то же слово «багин», на древнѣйшее жреческое ихъ происхожденіе, какъ такихъ городовъ, которые были особенно извѣстны въ древности по своимъ жертвенникамъ, воздвигнутымъ Богу, каковы напр., Багартодаштъ, Багнайръ, Багреваллъ и пр. Во всемъ этомъ мы не можемъ не согласиться съ нашимъ русскимъ знатокомъ армянскихъ древностей.

Не меньшее сходство у древнѣйшихъ Армянъ съ Славянами очевидно также и въ древнѣйшемъ народномъ строѣ ихъ жизни. Какъ у Славянъ весь народъ, а за нимъ и земля, называлась Русью,

---

[1]) Очеркъ религіи языческихъ Армянъ, стр. 17, 20, 21, 22, 15.

или Русскою, по имени своихъ властедержателей, или царствующей династіи Руссовъ, производимыхъ, по народному преданію, отъ божества, такъ и у древнихъ Армянъ весь народъ назывался, въ глубокой древности, Хайканами, по древнѣйшей династіи Хайкидовъ, родоначальникъ которой Хайкъ считался происходящимъ отъ божества же [1]). Въ этотъ періодъ Хайкидовъ, точно также, какъ въ древнѣйшій періодъ Руссовъ у Славянъ, монотеизмъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ армянскихъ писателей, былъ господствующею религіею у Армянъ [2]). Многобожіе явилось у нихъ, такъ же, какъ и у Славянъ, гораздо уже позднѣе [3]).

По имени этой Богини Дѣвы — *παρθένος*, очевидно, и Пареѳне получили это названіе отъ Грековъ, подъ которымъ мы и находимъ ихъ у греческихъ писателей.

Въ подтвержденіе того, что Пареѳне были также Скиѳы, т. е., поклонники богини Сакки, приведемъ здѣсь любопытное мѣсто изъ хроники Малалы.

Съборникъ Григорія, епископа Болгарскаго, л. 31.	Хронографія I. Малалы, изд. Бон., стр. 25, 26.
По тѣх же лѣтѣх црътвова Египтѧномъ прьвее ѿ колѣна Хамова Сострось именемъ. и въѿроуживсѧ воева на Асѵриа, повиноуѧ и Халдѣѧ и Прьсы до Вавилона. тако повиноу и Асию всю и Европь и Скоуфию и Моѵсию, и ѧко ѿбратисѧ въ Египетъ, ѿ землѧ Скоуфскы. [4]) и избра пѧть тысоущь моужь оуношь. ѩже приведъ	Καὶ λοιπὸν ἐν τοῖς μετὰ ταῦτα χρόνοις ἐβασίλευσεν Αἰγυπτίων πρῶτος ἐκ τῆς φυλῆς τοῦ Χὰμ Σῶστρις ὅστις ὁπλισάμενος ἐπολέμησεν Ἀσσυρίοις, καὶ ὑπέταξεν αὐτοὺς καὶ τοὺς Χαλδαίους καὶ Πέρσας ἕως Βαβυλῶνος. ὁμοίως δὲ ὑπέταξε καὶ τὴν Ἀσίαν καὶ τὴν Εὐρώπην πᾶσαν καὶ τὴν Σκυθίαν καὶ τὴν Μυσίαν. Καὶ ἐν τῷ ὑποστρέφειν αὐτὸν ἐπὶ τὴν Αἴγυπτον ἐκ τῆς χώρας τῆς Σκυθίας ἐπελέξατο ἀνδρῶν νεανίσκων πολεμιστῶν χιλιάδας ιέ.

[1]) Очеркъ религіи языч. Армянъ, стр. 72, 10, 11, 13.

[2]) Тамъ же стр. 10, 11.

[3]) Тамъ же стр. 42, 43.

[4]) Въ подлинникѣ: и скоусикы.

повелѣ ймъ жити въ Прьсидѣ. давъ ймъ землю тоу. юже избраша сами. тѣ живоуть й Скоуфитѣ ѿтолѣ въ Прьсидѣ даже й доселѣ. й прозвани быша ѿ Прьсъ Парфи еже прьскымъ ѩзыкомъ Скоуфи. йже ризꙋ, й бесѣдоу й законъ имоуть Скоуфескъ даже и доселѣ. й ѕѣло соуть храбри на рати. ꙗко Иродотъ моудрыи списа.

οὕστινας μετανάστας ποιήσας ἐκέλευσεν αὐτοὺς οἰκεῖν ἐν Περσίδι, δόσας αὐτοῖς χώραν ἐκεῖ οἵαν αὐτοὶ ἐπελέξαντο. καὶ ἔμειναν ἐν Περσίδι οἱ αὐτοὶ Σκύθαι ἐξ ἐκείνου ἕως τῆς νῦν· οἵτινες ἐκλήθησαν ἀπὸ τῶν Περσῶν Πάρθοι, ὅ ἐστιν ἑρμηνευόμενον Περσικῇ διαλέκτῳ Σκύθαι οἱ καὶ τὴν φορεσίαν καὶ τὴν λαλιὰν καὶ τοὺς νόμους Σκυθῶν ἔχουσιν ἕως τῆς νῦν, καὶ εἰσὶ μαχιμώτατοι ἐν πολέμοις, καθὼς Ἡρόδοτος ὁ σοφώτατος συνεγράψατο.

Не доискиваясь до того названія, какимъ Парояне называли себя сами, мы переходимъ къ имени Аланъ, представляющему для насъ болѣе важное значеніе.

Алане, по всей вѣроятности, назывались такъ, по обычаю древности, отъ восточнаго имени божества: Эли, Алла, по которому они прозвали и нагорныя мѣста своего богослуженія Алинами, а себя самихъ Аланами.

Родъ верховнаго князя ихъ, кнѧзѧ—главы, происходилъ, по ихъ вѣрованію, въ прямой линіи отъ верховнаго ихъ божества. Въ основѣ пра—родинныхъ законовъ Аланъ, искони было единобожіе и единовластіе [1]). Съ раннихъ временъ у Скиѳовъ является уже царская власть. Власть эта, основанная на мысли о чистотѣ крови и превосходствѣ породы, была если не наслѣдственною, по крайней мѣрѣ, всегда сохранялась въ знатнѣйшемъ родѣ. Женщины тоже не исключались изъ этого права,—и многія изъ нихъ, по свидѣтельству Геродота, правили народомъ послѣ смерти своихъ мужей.

Пришедши на Кавказъ, Алане поселились въ той мѣстности, гдѣ находились Киликійскія горы Тавръ, за такъ называемыми «Каспійскими вратами».

---

[1]) См. Лѣтоп. Рус. Литературы, изд. Н. Тихонравова, 1859, кн. 1. Отзывъ о сочиненіи Бергмана о Скиѳахъ А. А. Котляревскаго, стр. 129.

Вся эта мѣстность называлась «Гогъ-Хасанъ», Гогова крѣпость (Кавказъ), и граничила съ персидскими владѣніями. Въ Св. Писаніи сказано, что Богъ обитаетъ въ землѣ Магогѣ, къ сѣверу отъ израильскихъ горъ. Не смотря на такое явное указаніе Св. Писанія о землѣ Магога, а вмѣстѣ на тѣ слѣды, которыхъ надлежало бы искать, по важному вопросу о древнемъ ея мѣстонахожденіи именно въ предѣлахъ Кавказа, никто и до сихъ поръ изъ ученыхъ библейскихъ экзегетовъ не обратился съ тщательными розысками къ этой странѣ. Между тѣмъ, не только для библейской географіи, но и вообще для исторіи, а тѣмъ болѣе для древностей славянскихъ, безъ сомнѣнія, не маловажный интересъ представляетъ точное опредѣленіе того, въ какой мѣстности, за Дербентскими вратами, была страна Магогія, въ которой обиталъ на берегахъ Каспійскаго моря народъ Магогитовъ. Вопросъ этотъ, конечно, тогда бы только могъ подвинуться по пути къ надлежащему своему рѣшенію, еслибы положительно можно было напасть на слѣдъ, на какіе-либо остатки глубокой древности, которыя бы засвидѣтельствовали намъ, гдѣ именно находилась нѣкогда Магогія. Въ видахъ этого вопроса, руководясь высказанными нами выше соображеніями, мы обратимся за рѣшеніемъ его именно къ Кавказу. Тамъ и нигдѣ болѣе, какъ мы были убѣждены, нельзя было предполагать древняго народа Магога.

Обращая вниманіе на различные слѣды древности въ современныхъ указаніяхъ, какія даетъ эта страна, мы, наконецъ, были такъ счастливы, что нашли ту мѣстность, которая прямо открываетъ древнее положеніе Магогіи на Кавказѣ. Въ день празднованія памяти родоначальника нашего рода, Св. благовѣрнаго князя Михаила Черниговскаго, 20 сентября, въ нынѣшнемъ году, я былъ обрадованъ драгоцѣннѣйшимъ свѣдѣніемъ о томъ, что невдалекѣ отъ Каспійскаго моря, близь города Петровска, и до сихъ поръ сохранилось древнѣйшее названіе горной мѣстности Могоха, или Могохской, между горными же мѣстами Чиркать, Шибутъ и другими, извѣстными по мѣсторожденіямъ сѣры. И такъ, вотъ гдѣ находилась древняя Магогія, по прямому свидѣтельству о ней мѣстнаго названія, сохранившагося и до сихъ поръ въ памяти народной, за тѣми именно горными мѣстностями, которыя прямо указываютъ на

3

Киликійскія горы, у береговъ Каспія, за Дербентскими вратами, гдѣ жилъ нѣкогда народъ Магога [1]). Помимо всей важности такого открытія для разъясненія одного изъ труднѣйшихъ мѣстъ Св. Писанія, мы встрѣчаемся здѣсь съ новымъ подтвержденіемъ той необыкновенной точности, какою отличаются вообще библейскія указанія. Не одна только священная догматика, но и вся древнѣйшая исторія находитъ въ нихъ глубокій, чистый родникъ такихъ свѣдѣній, какихъ тщетно стали бы мы искать въ другихъ источникахъ. Отсюда потребность самого тщательнаго и внимательнаго отношенія къ надлежащему, самому строгому разъясненію библейскихъ выраженій. Подъ указаніемъ Св. книгъ, при помощи изложенныхъ выше соображеній, теперь мы съ точностію можемъ опредѣлить, гдѣ именно находилась на Кавказѣ страна Магогія, населенная народомъ, происходившимъ отъ Магога, сына Іаѳетова. Пророкъ Іезекіиль говоритъ, что онъ слышалъ глаголъ Іеговы, обращенный къ нему: «сынъ человѣческій! устреми взоръ свой противъ Гога земли Магогіи (князя Росъ) царя Мешеха и Тувала» [2]). Какое же туземное наименованіе носилъ народъ, названный въ библейскихъ сказаніяхъ Магогомъ? Изъ древнѣйшихъ историческихъ памятниковъ оказывается, что это были Аланє, происходившіе отъ племени Іаѳетова, и у которыхъ цари ихъ назывались Россами. Отсюда тѣ Аланє, которые управлялись царями, назывались «Россъ»; тѣ же Аланє, которые управлялись народными старшинами, назывались просто Аланами. А какъ библейскіе Магогиты, равно какъ и Аланє, происходили отъ одного и того же колѣна Іаѳетова, обитали въ одной и той же мѣстности,—предѣлахъ Кавказа, имѣли у себя царей, именовавшихся Россами: то и очевидно, какъ Магогиты, такъ и Аланє — одинъ и тотъ же народъ, который, по своему культу—богинѣ Славѣ, назывался Слава-Аланами, Славлянами, Славянами. Алане пользовались огромною извѣстностію въ Азіи; они извѣстны были

---

[1]) См. Бирж. Вѣдом. 1872 года 20 сентября, № 255, ст. „О сѣрныхъ и селитряныхъ мѣсторожденіяхъ на Кавказѣ“.

[2]) Ѳ. Л. Морошкинъ въ историко-критическихъ изслѣдованіяхъ своихъ о Руссахъ и Славянахъ, стр. 132, говоритъ: „*Тувалъ* означаетъ Алано-Лесгинскихъ булатныхъ ковачей“.

даже лѣтописцамъ китайскимъ. Одна часть Аланъ осталась на прежнихъ своихъ мѣстахъ на Кавказѣ, на берегахъ Каспійскаго моря, въ той мѣстности, гдѣ нынѣ находится г. Петровскъ; другая распространилась далѣе и заселила степи между Дономъ и Днѣпромъ, водворилась по берегамъ Азовскаго моря и заняла весь Крымскій полуостровъ, который, въ память прежняго поселенія Аланъ на Кавказѣ, въ воспоминаніе древней ихъ родины, около Киликійскихъ горъ Тавра, и названъ былъ Тавридою. Такое заселеніе этого полуострова Аланами совершилось за-долго до возникновенія у Грековъ мысли объ основаніи на Таврическомъ полуостровѣ ихъ колоній для производства столь выгоднаго для нихъ торга съ Тавро-Скиѳами. При выше указанномъ распространеніи Аланъ, мы видимъ ихъ подъ тремя различными названіями: Тавро-Аланъ, Россъ-Аланъ и Аланъ.

Выше мы видѣли, что Славѧне управлялись своими племенитыми мужами съ царемъ и родомъ его во главѣ ихъ, Рꙋссами, и что́ по этимъ Славянскимъ правителямъ и земли, занятыя Славѧнами, назывались Русью. Такое названіе сохранялось за этими землями еще до Р. Х., какъ мы видимъ это изъ древнѣйшей географіи Скиѳіи, оставленной намъ Геродотомъ. Вотъ что мы находимъ у него объ этомъ предметѣ:

«Ἕβδομος δὲ Γέρρος ποταμὸς ἀπέσχισται μὲν ἀπὸ τοῦ Βορυσθένεος κατὰ τοῦτο τῆς χώρης, ἐς ὅ γινώσκεται ὁ Βορυσθένης· ἀπέσχισται μὲν νυν ἐκ τούτου τοῦ χώρου, οὔνομα δὲ ἔχει τὸ περ ὁ χῶρος αὐτὸς, Γέρρος, ῥέων δ' ἐς θάλασσαν, οὐρίζει τήν τε τῶν Νομάδων χώρην καὶ τὴν τῶν βασιληΐων Σκυθέων, ἐκδιδοῖ δὲ ἐς τὸν Ὑπάκυριν.

Седьмая же рѣка Герросъ впадаетъ въ Борисѳенъ (Днѣпръ) въ томъ мѣстѣ, до котораго Борисѳенъ судоходенъ (извѣстенъ), и отъ этого мѣста, гдѣ она впадаетъ, вся страна называется землею Роса, по теченію (Борисѳена) въ море, которымъ (теченіемъ) онъ раздѣляетъ страну кочевниковъ отъ страны царскихъ Скиѳовъ, до впаденія въ него Гипакариса.

По поводу перваго изъ приводимыхъ нами мѣстъ изъ Геродота, мы считаемъ необходимымъ замѣтить:

1) Въ печатномъ текстѣ и въ извѣстныхъ доселѣ рукописяхъ здѣсь стоитъ слово Γέρρος но въ рукописяхъ древнѣйшихъ и первоначальномъ текстѣ, нѣтъ сомнѣнія, здѣсь стояло не слово Γέρρος,

Едвали, однакожъ, цѣлесообразно объяснять это древнѣйшее названіе, встрѣчаемое у Геродота, названіями Торкскими и Венгерскими. Не проще ли и не ближе ли ко времени отца исторіи будетъ чисто греческое производство слова Γέῤῥος отъ греческихъ же словъ: γῆ, γαία, γέα, ἔρα и Ῥῶς. Γῆ, тоже, что γαία, γέα значитъ земля, Ῥῶς—Росъ, а отсюда Γέῤῥος значитъ прямо земля Россовъ—Русь, т. е., земля царей, властелей Аланскихъ. На этой-то землѣ, съ незапамятныхъ временъ, жили Россъ-Алане (Геродотовскіе царскіе Скиѳы). Земля эта называлась царевщиной, потому что она была мѣстопребываніемъ Аланскихъ царей и его друзій; въ ней же находились и царскія усыпальницы. Изъ этой-то страны племенитые мужи посылались править всѣми землями Аланскими; почему, вѣроятно, Геродотъ и говоритъ, что царскіе Скиѳы считаютъ всѣхъ остальныхъ Скиѳовъ себѣ подвластными [1]).

Изъ приведеннаго выше Геродотова свидѣтельства ясно видно, что эта славянская царевщина называлась землею Россъ. По поводу такого древнѣйшаго употребленія слова Ῥῶς—Русь, мы считаемъ нелишнимъ обратить вниманіе нашихъ читателей на самое древнѣйшее употребленіе этого слова Ῥῶς. Слово Росъ въ смыслѣ главы властелей, царя, употреблялось у Славянъ-Аланъ въ глубочайшей древности. Ветхозавѣтныя книги упоминаютъ также объ нихъ, какъ мы выше сказали, подъ именемъ Магогитовъ (מָגוֹג Μαγὼγ), какъ народа, происходящаго изъ колѣна Іаѳета, отъ сына его Магога. Прокопій, in Genes. X, говоритъ: Μαγὼγ ἀφ' οὗ Σκύθαι (Магогъ, отъ котораго происходятъ Скиѳы) [2]). Греки, какъ извѣстно, подъ именемъ Скиѳовъ разумѣли Славянъ. Въ синодальной рукописи подъ № 110, содержащей творенія св. Меѳодія Патарскаго, въ толкованіи на кн. Быт. гл. X, ст. 2, мы читаемъ: Магѡгъ ѿ сего сꙋт҃ вси ꙗзыци иже живꙋт҃ на полꙋнощи. Козари. Рꙋси. Ѡбъри. Болгари и ини вси [3]). Здѣсь ясно рѣчь идетъ о Славянахъ;

---

[1]) Шафарикъ говоритъ: „кажется, во время пребыванія Геродота на Евксинскомъ берегу, всѣ Скиѳы (т. е. Аланы) зависѣли отъ царскихъ Скиѳовъ (т. е. Россо-Аланъ)“. См. Древности т. 1, кн. 2, стр. 171.

[2]) Bochart. Geograph. sacr. L. III, c. XIII.

[3]) См. Описаніе Слав. рукоп. Моск. Син. библ. отд. V, стр. 31.

но самый народъ славянскій ускользалъ отъ вниманія ученыхъ, застѣняемый отъ него своими властелями, правившими имъ: Козарами, Русами, Обрами, Болгарами. У этихъ-то восточныхъ Славянъ, какъ свидѣтельствуетъ арабскій писатель Ибнъ-Дастъ, царь ихъ назывался Хаканъ-Русь. Этотъ способъ для выраженія мыслей о главенствѣ Руси между мужами—властями употреблялся у Славянъ въ самой глубокой древности. Евреи и Греки этотъ способъ выраженія вполнѣ понимали и усвоили его себѣ, для выраженія идеи мѣстнаго царя у варварскихъ народовъ вообще и у Скиѳовъ, т. е. у Славянъ въ особенности. Пророкъ Іезекіиль, а за нимъ и LXX толковниковъ формулу Хаканъ-Русь передаютъ почти съ буквальною точностію. Іезекіиль выраженіемъ: נְשִׂיא רֹאשׁ (нэси рошъ), а LXX толковниковъ выраженіемъ: ἄρχων Ῥῶς. Не можемъ не обратить, по этому поводу, особеннаго вниманія на извѣстныя мѣста у Пророка гл. XXXVIII, ст. 2 и гл. XXXIX ст. 1, 2. Въ нихъ говорится о Гогѣ страны Магога, верховномъ или главенствующемъ князѣ. Въ такомъ именно значеніи еврейскихъ словъ: גּוֹג אֶרֶץ הַמָּגוֹג נְשִׂיא רֹאשׁ (гогъ эрец гамагог нэси рош) «Гогъ страны Магога, князь верховный, или князь—глава», согласны лучшіе еврейскіе коментаторы. С. Кагенъ, въ своемъ переводѣ библіи [1]), по поводу слова нэси рошъ, князь-глава говоритъ, что оно составлено изъ משך и נשיא съ רמש и значитъ собственно главенствующій, верховный князь, le prince chef, prince supérieur. Также точно переведено оно и въ извѣстной англійской библіи King's James'a: «the chief prince», какъ и во французскомъ переводѣ библейскаго общества: «prince-chef». Лютеръ переводитъ это выраженіе словами: «der oberste Fürst». Но для насъ важнѣе всего древнѣйшій переводъ LXX. Въ немъ слова: нэси рошъ, какъ мы видѣли, переводятся словами: ἄρχων Ῥῶς—князь Росъ. До сихъ поръ, не зная хорошо, что значило въ древности слово Росъ, нѣкоторые ученые, по примѣру знаменитаго Шлецера, позволяли себѣ наивно глумиться надъ мнѣніемъ древнихъ писателей: Іосифа, Ѳеодорита и Іеронима, видѣвшихъ здѣсь, подъ этимъ выраженіемъ, верховнаго князя, царя

[1]) La Bible, trad. nouv. par S. Cahen, t. XI, p. 136.

Скиѳовъ. Въ видахъ такого глумленія обыкновенно соединяли это мнѣніе о Скиѳахъ съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ ученыхъ, хотѣвшихъ наивно видѣть Москвитянъ подъ именемъ Мешеха, о которомъ говорится далѣе въ ст. 2 гл. XXXVIII у Іезекіиля, и, насмѣхаясь правильно надъ этимъ послѣднимъ нелѣпымъ толкованіемъ, подводили вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ ту же насмѣшку и мнѣніе древнихъ о томъ, что подъ народомъ, происходившимъ отъ Магога и племени его Магогитовъ, разумѣлись Греками и Евреями именно Славяне, которыхъ позднѣйшіе Греки называли Скиѳами [1]). Не входя съ своей стороны въ подробное разсмотрѣніе этого мнѣнія, мы не можемъ не упомянуть здѣсь только о томъ, что нѣкоторые древніе писатели, и въ томъ числѣ Іеронимъ, подъ Магогомъ разумѣли вообще, согласно мнѣнію, господствовавшему особенно между Евреями, именно тѣхъ Скиѳовъ, т. е. Славянъ, которые жили въ предѣлахъ Кавказа, и по которымъ, отъ имени ихъ царя, князя-главы, Гога, какъ вся страна ихъ, такъ и весь народъ назывались Ма-гогомъ, т. е. великимъ Гогомъ, а равно и самый Кавказъ, какъ мы видѣли выше, получилъ свое названіе. Колхидяне и Армяне называли его обыкновенно גוג חסן Гогхасанъ, Гогова крѣпость. Какъ бы то ни было, но выраженіе: Князь-Росъ—ἄρχων Ῥῶς, употребляемое LXX, для передачи еврейскаго נְשִׂיא רנש (нэси рош), князь-глава, передаетъ, какъ нельзя вѣрнѣе, настоящій смыслъ еврейскаго подлинника въ совершенномъ согласіи съ тѣмъ мнѣніемъ, господствовавшимъ именно у Евреевъ въ древности, какъ свидѣтельствуютъ о томъ упомянутые выше древніе писатели, по которому здѣсь разумѣлся именно князь-глава, князь-Росъ, царь Славянъ. Говоря объ этомъ-то народѣ и зная, при томъ, что у него дѣйствительно верховный, или главенствующій князь, т. е. царь, назывался, какъ свидѣтельствуетъ также и арабскій писатель Ибнъ-Дастъ, Каганомъ-Русь, LXX переводчиковъ, безъ сомнѣнія, нашли всего удобнѣе передать это названіе греческимъ ἄρχων Ῥῶς, какъ вполнѣ выражавшимъ требуемое понятіе; и вотъ прямая разгадка, почему у LXX мы встрѣчаемъ это именно выраженіе, не объяс-

---

[1]) Strab. L. XI.

ненное до сихъ поръ никѣмъ въ подлинномъ, древнемъ своемъ происхожденіи. Дѣло въ томъ, что Евреи, какъ извѣстно, почитали Скиѳовъ, т. е. Славянъ, происходящими отъ Магога, сына Іаѳетова, и потому называли ихъ народомъ Магогскимъ, Магогитами, или великимъ Гогомъ. Въ соотвѣтствіе тому также и Греки производили Скиѳовъ, т. е. Славянъ, отъ того же Магога, а потому также считали ихъ происходящими отъ колѣна Іаѳетова. Отсюда же, въ переводѣ на свой языкъ такого еврейскаго понятія о Скиѳахъ, какъ о Магогѣ, или великомъ Гогѣ, они называли и земли, населенныя Славянами, великою Скиѳіей. Кромѣ того, какъ мы увидимъ ниже, у Грековъ существовало особое названіе для всѣхъ царей—властелей собственно варварскихъ, языческихъ народовъ. Названіе это, какъ очевидно изъ положительныхъ историческихъ свидѣтельствъ, было у древнѣйшихъ греческихъ писателей Ῥῶς. Это-то названіе особенно подходило къ названію скиѳскаго, славянскаго властеля, князя-главы, Кагана-Русь, почему его-то именно и употребили здѣсь, говоря о царѣ Скиѳовъ-Славянъ, древнѣйшіе LXX переводчиковъ. Вполнѣ согласно съ ними и нашъ славянскій переводъ передаетъ еврейскія слова: «нэси рошъ» словами: «князь росъ». Другіе переводчики, не знавшіе древняго употребленія у Грековъ, какъ и у Евреевъ, слова «росъ» въ смыслѣ верховнаго властеля, царя Скиѳовъ-Славянъ, или князя-главы ихъ, передаютъ это выраженіе уже не столь вѣрно, и, при этомъ неизбѣжно впадаютъ въ самопроизвольную замѣну винительнаго падежа подлинника родительнымъ падежемъ въ переводѣ, или же излишнею вставкою предлога. Такъ, въ латинскомъ переводѣ, вмѣсто князь-росъ, князь-глава, princeps caput, какъ бы должно было читать, поставлено переводчикомъ: princeps capitis, князь главы, а именно: «Fili hominis, pone faciem tuam contra Gog et terram Magog, principem capitis Mosoch et Thubal et vaticinare de eo, et dices ad eum [1]).

А какъ выраженіе хаканъ Русь ἄρχων Ῥῶς, princeps-caput, какъ мы выше указали, суть синонимы слова царь, то и считаемъ себя вправѣ обратить вниманіе читателей на неправильность перевода архимандрита Макарія.

---

[1]) Proph. Ezechielis cap. XXXVIII.

Пророка Іезек. гл. XXXVIII.

Архимандритъ Макарій переводитъ:

Ст. 1. И было ко мнѣ слово Іеговы, и сказано:

Ст. 2. Сынъ человѣческій! устреми взоръ свой противъ Гога въ землѣ Магогіи, начальствующаго надъ Рошомъ, Мешехомъ и Туваломъ, и изреки на него пророчество.

Ст. 3. И скажи: такъ говоритъ Господь Іегова: вотъ Я взгляну на тебя, Гогъ, начальствующій надъ Рошомъ, Мешехомъ и Туваломъ.

По нашему мнѣнію слѣдуетъ перевесть:

И было ко мнѣ слово Іеговы, и сказано:

Сынъ человѣческій! устреми взоръ свой противъ Гога—земли Магогіи (князя Росъ) царя Мешеха и Тувала, и изреки на него пророчество.

И скажи: такъ говоритъ Господь Іегова: вотъ Я взгляну на тебя Гога (князя Росъ) царя Мешеха и Тувала.

Глава XXIX.

Ст. 1. Ты же, сынъ человѣческій, изреки пророчество на Гога и скажи: такъ говоритъ Господь Іегова: вотъ Я взгляну на тебя, Гогъ, начальствующій надъ Рошомъ, Мешехомъ и Туваломъ.

Ты же, сынъ человѣческій, изреки пророчество на Гога, и скажи: такъ говоритъ Господь Іегова: вотъ я взгляну на тебя Гога (князя Росъ) царя Мешеха и Тувала.

Упоминаніе, вѣроятно, о томъ же Росѣ встрѣчается и еще въ другихъ библейскихъ сказаніяхъ. Такъ, въ кн. Юдиѳь, въ числѣ другихъ названій, находимъ наименованіе сыновъ Расиса, населявшихъ нагорныя страны,—ясное указаніе на Кавказъ, гдѣ именно, какъ мы видѣли, обиталъ подвластный князю Росу народъ Магога. Въ ней говорится, что Олофернъ, воевода Навуходоносора, отправившись въ нагорную страну, разбилъ Фудянъ и Лудянъ, и разграбилъ всѣхъ сыновъ Рассиса. Приводимъ здѣсь это мѣсто, какъ въ греческомъ, такъ и въ русскомъ современномъ переводѣ:

Греческій текстъ по лейпцигскому изданію 1798 года:	Русскій текстъ по переводу, изданному въ С.-Петербургѣ въ 1869 г.
καὶ ἀπῆλθεν ἐκεῖθεν εἰς τὴν ὀρεινήν, καὶ διέκοψε τὸ Φοὺδ καὶ Λοὺδ, καὶ ἐπρονόμευσεν πάντας τοὺς Ῥασσὶς.	Гл. II, ст. 22..... онъ (Олофернъ) отправился въ нагорнꙋю странꙋ. Ст. 23. Разбилъ Фудянъ и Лудянъ, и разграбилъ всѣхъ сыновъ Рассиса.

По поводу древняго мнѣнія, находимаго какъ у Грековъ, такъ и у Евреевъ о происхожденіи Скиѳовъ-Славянъ, называвшихся Магогомъ, или великимъ Гогомъ, по имени своего родоначальника, отъ Магога, сына Іаѳетова, не можемъ, кстати, не замѣтить, что это мнѣніе, встрѣчаемое, какъ мы уже видѣли, у Прокопія и въ рукописи Меѳодія Патарскаго, не могло не быть извѣстно и первому нашему высокообразованному лѣтописателю Григорію, особенно изучавшему византійскую литературу и трудившемуся надъ переводами изъ нея. Отсюда мы и находимъ у него чисто греческія и древне-еврейскія выраженія о происхожденіи Славянъ, какъ напр., что они происходятъ отъ племени Іаѳетова: „Сїє колѣно ѿ племени Афетова,“ и что они называются у Грековъ Скиѳь великая: Грѣкове бо звахꙋ ихъ Скѵѳь великаа (Лѣт. Русск. Царей стр. 1, 3). По поводу перваго изъ этихъ мѣстъ, не можемъ не замѣтить, что лѣтописатель нашъ Григорій остается вѣренъ самъ себѣ и понятіямъ своего времени, говоря: «сїє колѣно ѿ племени Афетова», гдѣ ясно подъ словомъ колѣно, онъ разумѣетъ народъ, простолюдьє, а говоря объ Іаѳетѣ, какъ о родоначальникѣ и старѣйшинѣ въ своемъ народѣ, онъ употребляетъ выраженіе племени въ смыслѣ племенства (nobilitas). Вообще же, оба эти мѣста составляютъ буквальный переводъ на славянскій языкъ древнихъ греческихъ и еврейскихъ понятій о Славянахъ, какъ о Скиѳахъ, происходящихъ отъ Магога, сына Іаѳета (Быт. X, 2). Въ словахъ Скиѳь великаѧ, которыхъ Григорій называетъ также Хозарами (Лѣт. Рус. Цар. стр. 2), такъ и слышится буквальный переводъ еврейскаго Магогъ на древнія еврейскія понятія о Славянахъ, какъ о великой Скиѳіи, происходившей отъ племени Іаѳетова и обитавшей въ предѣлахъ Кавказа, гдѣ жили Хозары, и гдѣ верховные князья Славянъ, цари ихъ, назывались Каганъ-Рꙋсь.

Исконный обычай въ Скиѳіи или Руси (οἱ Ῥῶς, οὐ καὶ Σκύθας, φάσιν), о которомъ упоминаетъ Созоменъ, состоялъ въ единоначаліи, какъ въ гражданскомъ, такъ и въ духовномъ отношеніи [1]).

Алане вѣровали въ единое божество Славꙋ. Они представляли его себѣ Богинею Дѣвою, единою властительницею судебъ жизни какъ земной, такъ и загробной, райской, называли ее также и Царицею неба. Ей же, какъ мы увидимъ ниже, придавали они и названіе Матери, полагая, что отъ нея происходитъ какъ самая жизнь, такъ и всякое благополучіе для человѣка. Въ отличіе отъ матери земной, ее звали Божеской матерью. Жертвоприношенія ей состояли не только изъ обычныхъ возліяній, куреній и закланія животныхъ, но также изъ различныхъ мучныхъ требъ или трапезъ. Культъ этой богинѣ Славѣ въ глубокой древности былъ распространенъ у всѣхъ Арійцевъ, въ томъ числѣ и у Пелазговъ, первѣе, чѣмъ у нихъ появилось многобожіе. Вотъ, что мы читаемъ объ этомъ въ Сѫборникѣ Григорія, епископа Болгарскаго: «ѿ племене Афетова родилсѧ Сероў иже начѧ прѣвее ел'линскаго закона Славоу, рéкше коꙋмирослꙋженіа приносити дш҃амъ божескамъ коꙋмиромъ каменомъ [2]). Въ томъ же Сѫборникѣ мы читаемъ: Ѐасъ [3]) же и́ тотъ сн҃ъ быти Диѡнисоꙋ гл҃тьсѧ въ правдоꙋ сла́венъ .... Ӥраклїи же и тотъ сн҃ъ быти Диѡнисоꙋ г҃летсѧ въ правдоꙋ сла́венъ ..... ѿ Ӥраклѣѧ прѣвое славный Ӥлосъ цр҃ь. ѿ него Лакъдемон'стіи цр҃ве [4]). Таковы свѣдѣнія о происхожденіи культа Славы, открывающіяся въ трудахъ славянскаго писателя X вѣка, знатока славянской древности. Изъ нихъ мы узнаемъ, что первѣе еллинскаго закона существовалъ культъ Славы, что кумиры этого культа были каменные, что они считались одушевленнымъ божествомъ. Тутъ же находимъ и любопытное въ своемъ родѣ указаніе о древнѣйшихъ династіяхъ, исповѣдавшихъ культъ божества Славы, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, производившихъ родъ свой отъ этого божества, т. е., въ правдꙋ славныхъ или родославныхъ. О законахъ этого родословія — или заповѣдяхъ роди, мы будемъ имѣть случай говорить ниже. Здѣсь же узнаемъ,

[1]) „Донъ", Вельтмана, М. 1868, стр. 74.

[2]) Съборникъ Григ., л. 25.

[3]) Αἴας — Ajax.

[4]) Съборникъ Григор., л. 26.

что изъ царей, исповѣдниковъ этого древнѣйшаго культа, первый царь у Эллиновъ былъ Илосъ.

Свѣдѣнія о распространенномъ въ древности культѣ богини Славы сохранились въ миѳическихъ сказаніяхъ о царствѣ Амазонокъ. Миѳъ этотъ, въ своей основѣ, представляетъ, какъ извѣстно, идею царства женщинъ у Скиѳовъ. Очевидно, подобное царство было не болѣе какъ только вымыселъ, вполнѣ характеризующій царство божества Славы, изображавшейся у Славянъ подъ видомъ богини Дѣвы. Первая изъ Амазонскихъ царицъ называлась, по иноземнымъ сказаніямъ, Марсовой дочерью, а иноземцы называли обыкновенно Марсомъ ту емблему Славы, которую Славяне чествовали подъ видомъ меча. Переводя на древлеславянскія понятія такія иноземныя названія царицы Амазонокъ, выходитъ, что она, какъ дочь Марса, была дщерь Славы, т. е., что подъ ней означался тотъ кумиръ богини Славы, которому Славяне покланялись, какъ своей царицѣ, какъ видимому кумиру, или изображенію на землѣ невидимаго божества Славы. Это изображеніе, какъ происходящее отъ богини Славы, они и называли дочерью Славы, а какъ эмблема Славы, родословія, чествовалась у Славянъ подъ видомъ меча, то иноземцы, не Славяне, и назвали первый кумиръ славы у Славянъ дочерью Марсовою. Отъ этого то кумира распространились по разнымъ мѣстамъ и другіе подобные кумиры, между прочимъ, и въ Тавріи, которые всѣ назывались Царицами, въ земляхъ Славянскихъ дщерями Перво—Славы, царицы божеской, откуда и явилась басня о царствѣ Амазонокъ въ странахъ, населенныхъ Славянами. Въ подобномъ царствѣ, очевидно, уваженіе къ женщинамъ было несравненно выше, чѣмъ въ какой другой неславянской странѣ, какъ это также ясно сказалось въ миѳѣ о царствѣ женщинъ, или Амазонокъ. Другой, болѣе правдоподобной разгадки этого миѳа мы не предполагаемъ. Геродотъ, какъ и другіе позднѣйшіе писатели, славянскіе и неславянскіе, согласно свидѣтельствуютъ, что женщина всегда была въ особенномъ почетѣ у древнѣйшихъ Славянъ, у которыхъ, уже съ раннихъ временъ, является царская власть. Власть эта, основанная на мысли о чистотѣ крови и превосходствѣ породы, всегда сохранялась въ знатнѣйшемъ родѣ. Женщины тоже не исключались изъ этого правила, и многія изъ нихъ, по свидѣтель-

ству Геродота, правили народомъ по смерти своихъ мужей. Вѣроятно, одна изъ такихъ славянскихъ женъ—царицъ, названныхъ миѳически амазонскою, покорила своей власти всю страну отъ Танаиса до Ѳракіи. Въ этой же странѣ находилась и Таврія. Тамъ она воздвигла храмы и установила жертвоприношенія въ честь богини, прозванной Таврскою, и меча, какъ эмблемы славы [1]). Позднѣе, во времена многобожія, Греки назвали эту богиню Діаною, а культъ мечу—культомъ Марса.

Поклоненіе богинѣ Славѣ и въ самой глубокой древности было на столько всеобщимъ, что едва ли не этимъ же самымъ культомъ увлекались также и Іудеи, подвергшіеся за то обличенію со стороны пророка Іереміи. Вотъ что читаемъ объ этомъ у него, гл. XLIV, ст. 3, 16, 17, 18, 19.

Ѿ лица ѕлобы ихъ, юже сотвориша разгнѣвати мѧ, ходѧще кадити богѡмъ чуждимъ, ихже не вѣдѣсте вы сами, и оц҃ы ваши.

Слѡво, еже глаголалъ еси к' намъ во имѧ Гд҃не, не послꙋшаемъ тебе.

Ꙗкѡ творѧще сотворимъ всѧкое слово, еже изыдетъ из' ꙋстъ нашихъ кадити царицѣ нб҃нѣй, и возливати ей возліѧніѧ, ꙗкоже сотворихомъ мы, и оц҃ы наши, и цр҃и наши, и кнѧзи наши, во градѣхъ Іꙋдиныхъ, и внѣ Іерꙋсалима: и насытихомсѧ хлѣбомъ, и благо намъ бысть, и ѕла не видѣхомъ.

И егда престахомъ кадити цр҃ицѣ нб҃снѣй, и возливати возліѧніѧ, ѡскꙋдѣхомъ хлѣбы вси мы, и мечемъ и гладомъ скончахомсѧ.

И егда кадихомъ мы цр҃ицѣ нб҃снѣй, и возливахомъ ей возліѧніѧ, еда без мꙋжей нашихъ творихомъ ей опрѣсноки, и возливахомъ ей возліѧніѧ.

Въ глубокой древности Алане свято держались какъ единобожія, такъ и единовластія, и пока это единство соблюдалось ими, они, естественно, оставались въ единеніи между собою и, вслѣдствіе того, были могущественны и не распадались на отдѣльныя не соединимыя, враждебныя народности. Родъ царей своихъ они производили прямо отъ Славы, отъ божества. Царь у нихъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и верховнымъ жрецомъ (princeps et pontifex богини Славы. По этимъ древле-славянскимъ понятіямъ о высокомъ

[1]) Исторія о Тавріи, соч. С. Сестренцевича-Богуша. Спб., 1806, т. I.

значеніи царей, распространеннымъ и у сосѣднихъ населеній, близкихъ съ Славянами по одинаковому арійскому происхожденію, древніе писатели не иначе говорятъ о царственномъ лицѣ, какъ о сосудѣ божества. Такъ въ Сборникѣ Григорія, епископа Болгарскаго, объ Александрѣ Великомъ читаемъ; „Пръси же зрѧще Александра дивлѧхꙋсѧ, ꙗко малъ бѧше тѣломъ, но не вѣдѧхꙋ, ꙗко в малѣ съсꙋдѣ чѧсти нбныѧ бѣ Славы [1]).

По сказаннымъ древнѣйшимъ славянскимъ представленіямъ о царственномъ, правительственномъ родѣ, всѣ законы у Славянъ, обнимавшіе собою какъ уставы культа ихъ, такъ и преемства власти въ родѣ царей ихъ, назывались роди, или кнѧжи заповѣди. На основаніи этихъ заповѣдей всѣ земли, находящіяся подъ властію царскаго ихъ рода и платившія дань, считались исключительно собственностію царскаго рода, и какъ царскій родъ назывался у Славянъ, по Князю-Главѣ, Россу, Русью, то и всѣ, подвластныя ему земли назывались также землею Россовъ, Русью. Отсюда же, естественно, вытекало и то, что не только названіе земли, но и всѣ законы, правившіе ею, — кнѧжи заповѣди,— шли непосредственно отъ ея правителей, отъ предержащей власти, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ и древнее народное присловье: „Въ коей землѣ жити, томꙋ царю и правити“. Также точно и вѣра правителей земли, власть державшихъ въ ней, была господствующею вѣрою. Память объ этомъ также сохранилась въ народѣ: ,,чьѧ землѧ, того и вѣра''. Отъ этого-то, съ перемѣной правящей династіи, должна была измѣняться и господствующая вѣра въ народѣ, хотя при существовавшей полной свободѣ для всѣхъ другихъ культовъ, соблюдавшейся въ древнемъ до-христіанскомъ славянскомъ мірѣ, такія перемѣны могли совершаться вполнѣ непринужденно. Такъ и позднѣе, примѣръ св. Владиміра, принявшаго св. крещеніе, не могъ не увлечь за собою большинство народа безъ всякихъ враждебныхъ насильственныхъ мѣръ. Мѣры принудительныя явились уже позднѣе, подъ вліяніемъ иноземнымъ, не исконно-славянскимъ. Что понятіе о землѣ, платящей дань, какъ о собственности, о принадлежности царскаго рода,

---

[1]) Сборн. Григ. еп. Б. л. 328.

существовало у всѣхъ народовъ арійскаго происхожденія, въ томъ числѣ и у Персовъ, объ этомъ мы читаемъ слѣдующій любопытный разсказъ въ томъ же Григоріевомъ Сборникѣ:

,,Възвращаѧ же сѧ ѿ Лиѳана Алеѯандръ. и пришє къ ѿцꙋ своемꙋ Филиппꙋ. видѣ оу него стоѧща моужа въ ѡдежꙋ ратны пристроенны. испытоваше ѿ ни глѧ. кто си суть. ѡни же рѣша ємоу. мы єсмо вельможа Дарьѧ црѧ пръскаго. Алеѯандръ же рече к'нимъ. что сѣмо пріидосте. ѡни же ѿвѣщаша. ѡбычныѧ дани взѧти оу ѿца твоєго. и гла имъ Алеѯандръ. за что вы дани ємлете. ѿвѣща ємоу велможа Дариѧ црѧ. и гла имъ Алеѯандръ. аще сице даръ вдали соуть бози члкомъ на кръмлю. Дарии же ѡ божескы дарехъ радоуетсѧ“. [1])

По заповѣдямъ Роди, — по законамъ княжимъ (впослѣдствіи Русской Правдѣ) одни только Князь-Глава, Россъ, происходящій отъ богини Славы, и кровное потомство этого Князя-Главы Родо-славные Руссы, имѣли право быть властедержателями.

По тѣмъ же заповѣдямъ Роди, по законамъ княжимъ, Князь-Глава, Россъ, имѣлъ право витязей, прославившихся славными подвигами, нарекать Руссами и причислять къ властедержателямъ. Къ такимъ-то Руссамъ, получившимъ, во имя славы, право властедержательства, примѣнялось знаменательное древнее выраженіе: пріатъ рода силꙋ. Но эти витязи и ихъ потомство, возведенные въ званіе Руссовъ, въ отличіе отъ кровныхъ Руссовъ, назывались не Родо-славными, а Добро-славными.

Приводимъ здѣсь, изъ Сборника Григорія, епископа Болгарскаго, древнѣйшій переводъ изъ Св. Ап. Павла [2]). По глубокой древности выраженій, включающихъ въ себѣ еще свѣжую, живую память о родославіи, онъ, несомнѣнно, принадлежитъ временамъ близкимъ къ древле-славянскому язычеству. Въ позднѣйшихъ переводахъ того же мѣста изъ апостольскаго посланія мы уже не находимъ этихъ выраженій. Очевидно, онѣ замѣнены не безнамѣренно, какъ и въ другихъ мѣстахъ, совершенно другими словами, изглаживающими всякую память о древнѣйшемъ язычествѣ и, осо-

---

[1]) Сборникъ Григорія, еп. Болг. л. 317.

[2]) Посл. къ Евр. гл. VII, ст. 1—7.

бенно, о родословіи, какъ главнѣйшемъ предметѣ преслѣдованія, обращеннаго христіанскими славянскими проповѣдниками, начиная съ Св. Кирилла и Меѳодія, противъ рода и рожаницъ. —Вотъ это мѣсто по переводу Григоріева Сборника. Ѿ Мелхисѣдеце. Прьвѣе ѹбо истлъкѹется црь правдѣ. послѣди же црь салимль еже сказается црь мирѹ. безъ ѿца безъ мтре неродославимъ. ни начѧла же днемъ ни жизни конець имыи подоблѧсѧ снѹ бжїю. прѣбываеть їереи выинѹ. видимъ же коликъ есть, емоѹ авраамъ десѧтинѹ дасть ѿ своеѧ скотины патрїархъ. йбо ѿ сновъ левгїинъ сщеніе приемлюще й заповѣдь имоуть десѧтиноу имати на людѣхъ. по законоу рекше на братию свою. и еще же шедше йс колѣна авраамова неродасловлѧѧ иже ѿ нихъ десѧтинѹ взѧтъ оѹ авраама, имѣющемоу ѡбѣтованїѧ блви. кромѣ же всѧкого прѣкословїа меншее ѿ лѹчшаго блвѧетсѧ...

Тако глеть великыи Кирилъ неродословенъ нареченъ бы мелхиседекъ, занеже не сыи ѿ семене авраамлѧ бы ни Моисеѡмъ родославенъ весма, бы же ѿ хананеова рода и ѿ проклѧтаго сѣмене изше, тѣмъ й родословию не сподобисѧ.

Изъ Родославныхъ и Доброславныхъ Руссовъ, по тѣмъ же заповѣдямъ Роди, князь-глава обязанъ былъ избирать себѣ Друзій. Одни только они, вмѣстѣ съ своими потомками, также какъ и потомки царскаго рода, имѣли право, какъ мы видѣли выше, на властедержательство въ землѣ Русской, а потому и назывались какъ тѣ, такъ и другіе, Руссами. Эти Руссы одни также имѣли право препоясываться мечемъ, носить прѣ—знамя, и отпускать на срединѣ главы (на маковкѣ) прядь волосъ, носить клобукъ, мантію и поясъ.

О каждомъ изъ этихъ отличительныхъ аттрибутовъ Руссовъ мы поговоримъ особо; здѣсь мы упомянемъ о значеніи меча.

Мечъ, какъ эмблема власти, неотъемлемаго права рода, родославія, производившаго свое начало отъ богини славы, служилъ у Славянъ, какъ извѣстно, предметомъ обожанія, кумиромъ. Славяне уважали его, какъ знаменіе рода, власти, и ему покланялись. Для этого, какъ свидѣтельствуетъ Лукіанъ, они воздвигали огромныя возвышенія изъ связокъ прутьевъ, въ три квадратныя стадіи величиною, и прибавляли къ нему ежегодно по сту пятидесяти телѣгъ новыхъ связокъ прутьевъ. Посреди этого возвышенія втыкали старый мечъ, который ежегодно орошали человѣческою кровію,

принося въ жертву сотаго изъ плѣнниковъ, которымъ отсѣкали головы, по окропленіи ихъ виномъ. Мечемъ же клялись Славяне въ вѣрности принятыхъ обязательствъ, какъ и въ дружбѣ [1])

О томъ же самомъ свидѣтельствуетъ и арабскій писатель начала X вѣка Ибнъ-Даста. Приводимъ изъ него слѣдующее показаніе, по рукописи Британскаго музея, изданной, переведенной и объясненной Д. А. Хвольсономъ. Вотъ что онъ говоритъ о значеніи меча у родословныхъ мужей, т. е. Руси, имѣвшихъ родовое право на ношеніе его, какъ аттрибута власти: „Когда у кого изъ Руси родится сынъ, отецъ (новорожденнаго) беретъ обнаженный мечъ, кладетъ его предъ дитятею и говоритъ: „не оставляю въ наслѣдство тебѣ никакого имущества: будешь имѣть только то, что пріобрѣтешь себѣ этимъ мечемъ". Очевидно, ношеніе меча, давшее право на власть, на участіе въ извѣстной долѣ военной добычи и обычной дани, а также и право торговли, достаточно замѣняло для древняго Русса всякое другое наслѣдство.

Что касается до ношенія пряди волосъ на срединѣ верхней части головы Руссами, то причина такого отличія этихъ родословныхъ мужей въ Славянствѣ ведетъ свое начало изъ глубокой древности. Стриженіе или отращиваніе волосъ имѣло нѣкогда особенное, важное значеніе. Такъ отличительнымъ признакомъ древнѣйшей власти въ племенствѣ Магогитовъ изъ рода Іафетова, позднѣе Арійцевъ, населявшихъ Иранъ, Кавказъ и сопредѣльныя страны, составлялъ особенный родъ стриженія волосъ на головѣ, а также и бритье бороды. Обычай этотъ, какъ языческій, имѣвшій весьма важное значеніе, былъ строго воспрещенъ Іудеямъ, въ отличіе отъ язычниковъ, еще Моисеемъ. Вотъ, что мы читаемъ по этому поводу въ кн. Левитъ, гл. XIX, ст. 27: „Не сотворите ѿстриженїѧ кругомъ ѿ власъ главъ вашихъ ниже бріете брадъ вашихъ». Свидѣтельство о томъ, что этотъ языческій обычай былъ именно у Магогитовъ, къ которымъ принадлежали и Славяне, управляемые своими верховными князьями, или Россами, отличительною чертою которыхъ особенно служило стриженіе головы и бритье бороды,

---

[1]) Lucian in Tox, — Исторія о Тавріи, соч. Сестренцевича-Богуша т. 1 стр. 223.

находимъ у Пророка Іереміи. Говоря о царяхъ, обитавшихъ по ту сторону моря отъ Іудеи, Пророкъ помѣщаетъ въ число ихъ также и Россовъ. Какъ отличительную черту этихъ языческихъ правителей, онъ указываетъ стриженіе волосъ на лицѣ. Вотъ что читаемъ объ этомъ у Іереміи, въ гл. XXV, ст. 22 и 23.

«И цри иже об ону страну морѧ, и Дедана, и Ѳемана, и Роса и всѧкаго ѿстриженаго по лицу егѡ».

Эта же принадлежность власти существовала, вѣроятно, и у другихъ языческихъ народовъ, какъ говоритъ тотъ же Пророкъ, гл. IX, ст. 27.

Какой же особенный родъ стриженія головы и бритья бородъ составлялъ древнѣйшую отличительную принадлежность Руссовъ? Рѣшеніе этому вопросу даетъ знаменитый портретъ Святослава, оставленный намъ византійскимъ писателемъ, современникомъ Святослава, Львомъ Діакономъ. Изъ этого портрета мы знаемъ, что Руссы брили всю голову, за исключеніемъ самого верха ея (маковки), отъ которой шелъ длинный клокъ волосъ, что и считалось у Славянъ отличительнымъ признакомъ именно родовитости. Такое же стриженіе головы и бритье бороды существовало и въ другихъ славянскихъ династіяхъ. Такъ, извѣстно о древнѣйшихъ Болгарахъ — тоже династіи славянской,—что и они были съ остриженными головами. Въ нѣкоторыхъ спискахъ хронографа, называемаго эллинскимъ лѣтописцемъ, встрѣчается, говоритъ г. Гильфердингъ, послѣ IV кн. Царствъ, любопытная вставка, заключающая въ себѣ сказаніе или запись о первыхъ болгарскихъ князьяхъ. Выведена она до Умара, преемника Телеца, убитаго Болгарами въ 763 году. Она восполняетъ свидѣтельство византійскихъ историковъ и подтверждается ими въ свою очередь. Запись эта вошла въ составъ эллинскаго лѣтописца изъ Сборника Григорія, епископа Болгарскаго, и напечатана А. Н. Поповымъ въ Обзорѣ хронографовъ русской редакціи. Въ ней мы читаемъ: „первые пять князей держали княженіе об ону страну Дуная лѣтъ 515 остриженами главами“ [1]).

---

[1]) См. Обзоръ хронографовъ русской редакціи, А. Попова, вып. I, М. 1866, стр. 26.

Позднѣе, въ противодѣйствіе этому языческому отличію родославности, или роду вообще, христіанскіе проповѣдники, преслѣдователи всего языческаго и въ особенности—рода славы, по идеѣ равенства предъ Богомъ, строго воспрещали оставлять на маковкѣ тотъ клокъ волосъ, который, въ глубокой языческой древности, служилъ отличіемъ родославности. Отсюда-то, вѣроятно, ведетъ свое начало такъ называемое гуменцо. Предписаніе о немъ, по обычаю древнихъ писателей, любившихъ приписывать всякія установленія какому-либо знаменитому лицу Церкви,—освящается именемъ Василія Великаго; но самая причина этого предписанія при этомъ не объясняется, а указывается только нѣкоторая разность въ гуменцѣ у Западныхъ христіянъ съ Восточными. Замѣчательно, въ этомъ отношеніи, слѣдующее мѣсто, выписываемое нами изъ Архивскаго Сборника: [1])

К'чемꙋ приложить латинскїи поповъ гꙋмѐнъце к чемꙋ нашє сказаѥ. Латиньское к'прѣснокꙋ слꙋжєвноє, а нашє к просфирѣ. того ради намъ велико гꙋмєцє повелѣно носити стымъ васильѣмъ.

Такъ начало гуменца у Славянскихъ христіянъ выходитъ то же, что и отрощеніе волосъ на головѣ и бородѣ у древнихъ Евреевъ.

Какъ Евреямъ, въ отличіе отъ язычниковъ, запрещено было стриженіе головы и бритье бороды, такъ и позднѣйшимъ Славянамъ—христіанамъ воспрещено было отращиванье волосъ именно на маковкѣ головы, т. е. на той самой части ея, гдѣ нѣкогда у древнѣйшихъ родославныхъ изъ нихъ развѣвался отличительный признакъ древняго рода славы.

Вообще, съ остриженіемъ головы, или постриженіемъ, пострѣгами, у древнихъ Славянъ соединялось понятіе о власти, о властедержательствѣ, союзѣ со властію, какъ напр., о вѣнчаніи на княженіе, на царство, и о союзѣ брачномъ, или вѣнчаніи супруговъ. Позднѣе, христіанская церковь освятила этотъ обычай соотвѣтственными обрядами и молитвословіемъ. Въ древности, какъ извѣстно, постриги совершались:

1. При вступленіи младенца мужескаго пола въ отрочество. — Такъ, напримѣръ, сыновья Всеволода Великаго отъ

[1]) Архив. Сборникъ № 478/958, л. 390 об.

*

первой супруги его, знаменитой своимъ благочестіемъ и мудростью Маріи, родомъ Ясыни, по сказанію Суздальскаго лѣтописца, на четвертомъ или на пятомъ году жизни были торжественно пострижены, при чемъ ихъ сажали на коней, въ присутствіи епископа, бояръ, гражданъ; Всеволодъ давалъ тогда пиры роскошные, угощалъ князей союзныхъ, дарилъ ихъ золотомъ, серебромъ, конями, одеждами, а бояръ тканями и мѣхами. Въ лѣтописномъ Сводѣ, по списку Переяславля Суздальскаго, объ этомъ, подъ 1192 г. говорится: „Быша пострѣгы оу великого кнѧзѧ Всеволода сну его Гєωргію, мцѧ Їоулїѧ въ кн днь градѣ Соуждали, въ томъ же дни и на конь его всадишѧ».

Н. М. Карамзинъ полагаетъ тоже, что этотъ достопамятный обрядъ такъ называемыхъ постригъ, или перваго обрѣзанія волосъ у дѣтей мужескаго пола былъ остаткомъ язычества: знаменовалъ вступленіе ихъ въ бытіе гражданское въ чинъ благородныхъ всадниковъ, и соблюдался не только въ Россіи, но и въ другихъ земляхъ славянскихъ, напр., у Ляховъ, коихъ древнѣйшій историкъ пишетъ, что два странника, богато угощенные Піастомъ, остригли волосы его сыну, младенцу, и дали имя Семовита. Татищевъ пишетъ, что и въ его время нѣкоторые знатные люди еще держались сего древняго обычая, и что младенцы переходили тогда изъ рукъ женскихъ въ мужескія. Въ требникѣ есть молитва на первое стриженіе волосовъ у младенца, гдѣ говорится: «Заповѣдывай намъ все во славу Твою творити, пришедшаго раба твоего начатокъ сотворити стрищи власы главы своеѧ, благослови вкупѣ съ его воспрїемникомъ,» и проч. Крестный отецъ приводилъ духовнаго сына въ церковь, гдѣ священникъ читалъ надъ ними эту молитву [1]).

2. Пострѣги совершались также и при посаженїи на столѣ кнѧжемъ; такъ напр., «князь Михаилъ створи пострѣгы сынови своему Ростиславу, Новѣгородѣ, у св. Софіи, и уя власъ архіепископъ Спиридонъ; и посади (Михаилъ) его на столѣ, а самъ поиде въ Цьрниговъ» [2]).

---

[1]) Истор. Гос. Рос., т. III. 137, и прим. 143, 144 и 145.
[2]) Полн. Собр. Рус. Лѣт., т. III, стр. 46.

3. При вѣнчанїи брачномъ точно также совершался обрядъ постригъ. Приводимъ описанiе этого обряда по требнику конца XV вѣка. Въ чинѣ и оуставѣ ѡбрѹченїю и вен'чанїю црем и кнзем, і всѣ͠ православны͠ хртїаном, послѣ молитвы, которую священникъ глтъ втай: ,,Гди Бже нш͠ и ѿ ꙗзы͠ обрѹчивый собѣ црковь чтѹю блви оброученїє сїє совокѹпѣ и соблю͠ раб свой сих и в мирє вь єдиньствѣ''—слѣдуетъ ,,чинъ, бываємый на постриганїє власом''. По этому чину, женихѹ с невѣстою свщник глть пре͠ постриганїа млтвоу: ,,Блвнъ єси Ги Бже Ѿцъ нших пославый Ѿца ншего Авраама пострищи главоу. Їерѣєви твоємѹ мелхиседєкови и всѧ начатокъ є не оставив црквн стѹю твою прише на блвнїє пострінїа сты апл і оучнкъ и давъ имъ власть вмѣсто славны помыслъ правды и житїє добродѣтелно. ты нн҃ѣ рабѹ твоємоу імк. и рабѣ твоєй імк. обрѣзати власовъ главъ и пода͠ имъ смыслъ правѣ и житїє добродѣтелно. да по заповѣдє твоимъ живы и оугоднаꙗ тебѣ творѧ͠ сподобѧтсѧ стоꙗнїꙗ твоєго деснаго а пріемлющемѹ дай томѹ блгвенїє є дасть праведномѹ Семѵонѹ прїимшемѹ на рѹкоу Га ншго Іс Ха. Възгла. ꙗко блвисѧ и прослависѧ. та свщнкъ взимає ноницы оу мтри оу венчалнои и начне стрищи на д части. на челѣ. назадѣ. на правы оухом и на лѣвы. а оу невѣсты тако кртаобразно. глѧ сице. стриже власы главы своєѧ раб Бжїи імк. во имѧ Ѿца и сна и стго духа. Рцѣ вси за нь. Ги помилѹй г. і свивае власы ко свещи на д части. Свщнкъ миръ всѣ. Дїаконъ главы ваша Гви преклони. и лю амин. духови твоємѹ. тебѣ ги. та свщнкъ мо после постриганїа. Гу помолимсѧ. Ги бже нш и ѿ небытїа в бытїє всѧ приведый твой величество ꙗвлєннаго познанїѧ и члко не точїю своимъ образом оумным и словесны подобнѣ оукраси єси сам раба своего сєго имк и рабѹ свою імк и по благолѣпоту, и во здравїє и легость постригающи свой главный власы. всѣ мы тобою бжтвенными блгтьми оукраси и да сниде на главы и блвнїє твоє ꙗко сниде на главѹ і брадѹ Аароню ѿ твоєй во славѣ рекшаго всѧ нам во славѹ творити главноє твоє постриніє начинае творити рабом твоимъ імк: Възгла. ꙗко побаєт ти всѧка сл. и аще ли токмо ѿроунїє бывае. та глє свщнк ѿпоу. слава тебѣ Бо нш. и лю слв и ны. Ги поми и Ги бгви. та ѿпоу дневны. посе исходѧ ис цркви, прїємъ блгвнїє. За симъ слѣдуетъ чинъ вѣнчанїѧ.

По приведенному выше мнѣнію Н. М. Карамзина, противъ котораго мы ничего не имѣемъ возразить, обычай постригъ составлялъ остатокъ язычества. Что же именно въ древне-славянскомъ язычествѣ могло послужить основой для такого обряда, освященнаго впослѣдствіи церковью, какъ совершенно невиннаго и безгрѣшнаго, и, въ то же время, всенародно уважавшагося въ славянствѣ, какъ установленіе, идущее изъ глубины вѣковъ? Очевидно, постриги при вступленіи въ отрочество и постриги на княженіе имѣли началомъ тотъ обычай остриженія волосъ на головѣ, который, какъ мы видѣли, составлялъ нѣкогда отличіе родославія. Но откуда, изъ древнѣйшаго язычества, могли возродиться позднѣе въ христіанствѣ у Славянъ постриги при бракосочетаніи? Для объясненія этихъ постригъ припомнимъ себѣ культъ, или славленіе славянскаго божества Славы и то значеніе, какое, по этому культу, давалось брачному союзу. Мы уже видѣли, что культъ этотъ, какъ и всѣ древнѣйшіе культы, былъ преисполненъ символизма. Отсюда, союзъ двухъ брачащихся, какъ единеніе ихъ въ самомъ тѣсномъ сближеніи или сплетеніи всѣхъ чувствъ, всѣхъ мыслей, всей жизни ихъ, какъ союзъ двухъ сердецъ на вѣки, не только при жизни здѣсь, но и по смерти, когда духъ ихъ обоихъ воспарялъ, въ неразрывномъ сочетаніи, въ безсмертіе, когда непорочная дѣва, дщерь Славы, ставши супругою, долженствовала ввести въ блаженный рай своего супруга, поклонника Славы: такой союзъ необыкновенно наглядно, рельефно выражался въ остриженіи и соединеніи волосъ вступавшей въ союзъ четы, при чемъ, волоса эти, слѣпленные въ одно воскомъ, сожигались на жертвенникѣ предъ кумиромъ богини Славы и воскурялись предъ ней, какъ ѳиміамъ, какъ эмблема вѣчнаго, угоднаго для нея союза супруговъ. Христіанство, съ своей стороны, не находя ничего порочнаго и предосудительнаго въ этомъ древнемъ символизмѣ, удержало и освятило его въ своихъ обрядахъ. Иначе, нелегко объяснить древніе постриги, совершавшіеся при бракосочетаніи.

Но возвращаемся къ нашему предмету. Говоря о *Друзіяхъ*, мы упоминали объ ихъ аттрибутахъ; скажемъ теперь объ ихъ обязанностяхъ. Обязанности Друзій въ отношеніи царя состояли въ томъ, чтобы постоянно быть при немъ, охранять его во

всякой бѣдѣ и и опасности, и даже вмѣстѣ умирать и вмѣстѣ погребаться съ нимъ. [1]) По примѣру царя, также и князья, какъ происходящіе отъ царскаго рода, имѣли у себя такихъ же Друзій. По свидѣтельству Прокопія, то же самое наблюдалось у Унновъ-Эфталитовъ, прозванныхъ бѣлыми, которыхъ невозможно не признать за потомковъ Россъ-Алановъ, т. е. за Славянъ, управлявшихся царями. Вотъ что читаемъ объ этомъ у этого писателя: «Изо всѣхъ Унновъ они одни бѣлы тѣломъ и не безобра-«зны лицомъ. Образомъ жизни они также не похожи на другихъ «Унновъ и не живутъ, какъ тѣ, поскотски, но состоятъ подъ упра-«вленіемъ одного царя, составляютъ благоустроенное гражданство, «наблюдая между собою и съ другими справедливость не хуже «Римлянъ, или кого другого. Самые богатые изъ нихъ пріобрѣта-«ютъ себѣ Друзей, человѣкъ до двадцати и болѣе; Друзья всегда «обѣдаютъ вмѣстѣ съ ними, раздѣляютъ ихъ достатокъ, имѣя на «него общее съ ними право. Когда же тотъ, кто пріобрѣлъ Друзей, «умретъ, то, по закону, и они должны быть положены въ могилу вмѣстѣ съ нимъ, живые».

Языкъ или, чтó то же, народъ славянскій, дѣлился въ глубокой древности:

1) На Россо-славныхъ.

и 2) просто-славныхъ.

Россо-славные — Русь;

Просто-славные, простолюдіе, — Славяне.

Россо-Славные—Русь, дѣлились на:

1) Родо-славныхъ,

2) Добро-славныхъ,—моѵжик племенитые (nobilitas); это были: Великіе моужик (бояре), Добрые моужик, моужик.

Въ послѣдствіи времени, при гоненіи, воздвигнутомъ противъ культа богини Славы, а вмѣстѣ и противъ самого имени этой богини, необходимо должно было воздвигнуться преслѣдованіе и противъ древняго понятія о родѣ, какъ происходящемъ отъ божества, т. е. противъ того высокаго религіознаго уваженія, ка-

---

[1]). Freret, Acad. des inscriptions et belles-lettres, т. XIX, и Сестренцевича Исторія о Тавріи. Спб. 1836, стр. 81.

кимъ Славяне Алане окружали все родославное. Той же участи подверглось и самое названіе рода и славы, какъ напр., въ названіи Родославныхъ и Доброславныхъ. Выше мы уже видѣли, что въ глубокой древности родославными назывались только Князь-Глава и его потомки, а Доброславными только мѫжик, пріобрѣтшіе племенство славными подвигами. Позднѣе мы уже не находимъ этихъ названій. Подъ вліяніемъ духовныхъ властей, языческіе правители, принявшіе христіанство, ввели въ обычай именовать Руссовъ Родо-славныхъ названіемъ Кнѧжьк, а Доброславныхъ (nobilitas) Добродными (nobilitas). При чемъ слово «родославный» подверглось совершенному изгнанію, а «доброславный» измѣнено въ «добродный», съ умышленнымъ уничтоженіемъ въ этомъ новосоставленномъ названіи какъ слова славный, непріязненно звучавшаго для противниковъ Славы, такъ и съ такимъ же намѣреннымъ искаженіемъ преслѣдуемаго древняго понятія о родѣ, означавшемъ исключительно принадлежность къ потомству Князя-Главы, къ царскому роду. Здѣсь, въ новомъ словѣ «доброродный», высокое древнее значеніе кровнаго рода преднамѣренно было совершенно затемнено и унижено; такъ какъ названіе доброродія, доброродства было отнесено не къ кровнымъ потомкамъ рода Славы, Князя-Главы, а къ тѣмъ мужамъ, которые, не отличаясь такимъ происхожденіемъ, пріобрѣли себѣ личными доблестями только потомственное племенство (благородство); почему въ строгомъ смыслѣ славянской глубокой древности и не имѣли никакого права на названіе доброродныхъ, а должны были только называться доброславными. Причина гоненія на Славу и на родъ лежала въ самомъ духѣ христіанской проповѣди у Славянъ. Скажемъ напередъ нѣсколько словъ о послѣднемъ, т. е. о родѣ. Въ цѣляхъ этой проповѣди, сохраненныхъ намъ въ письменныхъ памятникахъ, преслѣдованіе языческаго понятія о высокой важности кровнаго царскаго рода занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Христіанскіе проповѣдники тѣхъ временъ, опираясь на библейскіе примѣры, напр. избраніе на царство Давида, настаиваютъ на равенствѣ предъ Богомъ всѣхъ людей, а отсюда и на равенствѣ съ кровными потомками царей, съ родославными всякого, отличившагося славными подвигами, т. е. доброславнаго. Вотъ почему и слово «доброславный» они измѣняютъ въ слово

«родославный» совершенно изгоняютъ изъ употребленія, замѣняя его словомъ кнѧжье.

Что касается до гоненія, воздвигнутаго нѣкогда тѣми же проповѣдниками противъ самаго культа богини Славы, то оно распадается, какъ свидѣтельствуютъ сохранившіеся остатки древняго проповѣдничества, на два главные момента: 1) на преслѣдованіе самаго чествованія Славы, какъ богини Дѣвы, и 2) на преслѣдованіе самой идеи дѣвства, въ томъ его видѣ, какъ уважалось оно у язычниковъ, въ противоположность съ представленіемъ о дѣвствѣ по идеѣ христіанскихъ проповѣдниковъ. Дѣвственность, по языческимъ преданіямъ, давала особенное, сверхъестественное могущество: витязь, только женившись на чистой отроковицѣ, могъ содѣлаться могучимъ богатыремъ и войти въ вѣчное блаженство Славы. О томъ и другомъ видѣ этого преслѣдованія мы замѣтимъ только, что въ основѣ ихъ лежало превознесеніе христіанскаго дѣвства надъ языческими понятіями о чистотѣ дщерей богини Славы, дѣвъ славянскихъ, благоговѣйно чтившихъ богиню своею матеріею, а себя считавшихъ предназначенными отъ нея стать супругами достойныхъ славы мужей и, въ сочетаніи съ ними безсмертныхъ душъ, ввести ихъ въ вѣчныя обители Славы по смерти. Такое языческое назначеніе дѣвства ставилось тогдашними христіанскими проповѣдниками сравнительно ниже тѣхъ вѣчныхъ обѣтовъ дѣвства, какіе внушались язычникамъ Славянамъ современною проповѣдью, и въ осмѣяніе этого-то языческаго дѣвства у Славянъ, какъ сама ихъ богиня Дѣва, такъ и всѣ поклонницы ея, дѣвы Славянскія, были названы рожаницами.

Законы единобожія и единовластія, или, что тоже, законы какъ культа, такъ и преемства властедержательства, называвшіеся у Славянъ роди или кнѧжи заповѣди, были тѣсно связаны между собою. Неизмѣнность преемства рода Славы, рода царей и культа богини Славы, была одинаково дорога для каждаго Славянина, поклонника этой богини. Оттого-то христіанскіе проповѣдники, возставая на этотъ культъ, подъ насмѣшливымъ именемъ рожаницы, должны были, по необходимости, проповѣдывать и противъ рода, т. е. преемственности властедержательства у Славянъ. Такъ, при преніяхъ св. Кирилла съ Козарами, проповѣдь противъ рода сто-

итъ на самомъ первомъ мѣстѣ. Въ Паннонскомъ житіи читаемъ: «послаша же Ко́зари противъ е́го мѹжа лукава и́ заскопива, и́же бесѣдѹа с ни҃ ре҃ емѹ: како вы́ золъ обы́чай и́мѣете, ставите цр҃ь и́нъ во и́но҃ мѣсто ѿ и́ного рода; мы́ же по родѹ се҃ дѣе҃. Филосо҃ же къ немѹ ре҃: и Бг҃ъ въ Саѹла мѣсто, ничтоже ѹгодно дѣюща, и́збра Дв҃да, ѹгажа́юща емѹ и рѡ҃ его». [1])

Первоначальною религіею Аланъ и Роксаланъ, какъ мы уже сказали, было единобожіе. Таковъ былъ культъ у Славянъ подъ первоначальной, самой древней, Русской династіей; такой же культъ продолжался у нихъ и подъ Хозарской династіей. Они поклонялись божеству подъ именемъ богини Славы — Іага (Bogina — Slavina) [2]). Въ доказательство тому, что поклоненіе Славянъ богинѣ Славѣ сохранялось у нихъ еще и подъ Хозарской династіей, мы можемъ указать необыкновенно важное свидѣтельство изъ книги «Кириллъ Словенскій», въ которой, какъ извѣстно, были въ подробности описаны пренія св. Кирилла съ Хозарами, Іудеями и Магометанами. Въ другомъ мѣстѣ мы будемъ имѣть случай полнѣе говорить объ этомъ драгоцѣнномъ источникѣ, а здѣсь мы указываемъ изъ него только необходимое подтвержденіе. Таково слѣдующее мѣсто изъ пренія св. Кирилла съ Хозарами: «рече́ Каза́ринъ. мы въ еди́ного Бг҃а вѣрѹемъ ꙗ́коже Іюдѣ́и́. а вы в̓ Тр҃цѹ.... Каза́ринъ ре҃. ка́ко се́ е̑сть три́ Сла́вы сла́вите и́ не срамлѧетесѧ. а́ мы́ е̑динѹ Сла́вѹ држи҃» [3]). Здѣсь, по непреложному свидѣтельству самаго Хозарина, приводимому св. Кирилломъ и записанному Меѳодіемъ, мы видимъ, что Хозары держались одного только культа, славили одну только Славѹ, поклонялись одному только божеству Славѣ, по имени которой и весь культъ, все богослуженіе у Славянъ называлось, какъ мы уже видѣли, славленьемъ. Божество Славы представляло религіозную славянскую идею о безсмертіи въ двухъ образахъ: какъ безконечную

---

[1]) Житіе и подвизи Константіна Философа въ „Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн.“ 1863 г. Кн. 2-я, въ отд. „Славянскіе Матеріалы“, стр. 12.

[2]) См. Словенско-Краинскую Грамматику, изд. въ 1783 году, въ Люблянѣ (Laubach) монахомъ Marcues a S. Antonio Paduano, стр. 226.

[3]) См. Архивск. рук. № $\frac{478}{968}$ л. 521 и „Кириллъ и Меѳодій“ І. Добровскаго, стр. 112.

славу жизни загробной, пріобрѣтаемую славными подвигами въ жизни земной, подъ водительствомъ богини Славы, такъ и нескончаемый круговоротъ непрестаннаго возрожденія природы подъ животворнымъ вліяніемъ Дѣвы Жизни, той же богини Славы. Сверхъ того, это же божество представлялось въ понятіяхъ Славянъ, какъ чистая, непорочная, свободная бѣлая дѣва, покровительница всего возвышеннаго, дѣвственнаго; отсюда у древнѣйшихъ Славянъ дѣвству воздавалось религіозное уваженіе и женщина въ славянскомъ мірѣ вообще пользовалась высокимъ почетомъ. Славяне вѣровали, что одна только дѣва, чистая, непорочная дѣва, достойная быть дщерію богини Дѣвы Славы, могла, вступая въ супружескій союзъ съ мущиной, стяжавшимъ славу и поддержавшимъ славными подвигами славу своего рода и славу своего языка (народа), слиться съ его безсмертною душою и ввести его въ безсмертную славу, въ вѣчное блаженство рая. Изваяніе божества славы, столь высоко чтимаго древнѣйшими Славянами, обыкновенно поставлялось ими на возвышенныхъ могильныхъ курганахъ въ образѣ дѣвъ жизни, какъ напоминанія Славянамъ о кончинѣ здѣшней жизни дорогихъ для нихъ родичей и о началѣ безсмертной, вѣчной ихъ славы въ жизни загробной. Эти каменныя изображенія богини Славы, какъ и первые кумиры Грековъ, были кумиры грубаго изваянія. Они представляются въ полукафтаньяхъ, съ остроконечными шапками на головѣ, держащими въ рукахъ чашу.

У всѣхъ славянскихъ поколѣній, питье чаши составляетъ предметъ первой необходимости при религіозномъ обрядѣ славленья. Скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ обрядѣ.

Съ незапамятныхъ временъ у Славянъ извѣстны: заздравная и заупокойная чаша. Заздравная чаша (здравица) состояла въ томъ, что, при многочисленномъ стеченіи народа, при пѣніи хороводовъ дѣвъ и припѣвахъ народнаго собранія, выпивались чаши въ славу Славы и славныхъ. Такое славленье совершалось въ установленные праздничные дни, равно какъ и при особыхъ торжественныхъ случаяхъ и обстоятельствахъ. При этомъ обыкновенно мущины, женщины и дѣвицы располагались особыми кружками. Славянскія дѣвы, отроковицы, считавшія себя дщерями богини Славы, обожавшія ее, какъ мать, становились ближе къ ея кумиру. Здѣсь онѣ бра-

*

лись за руки, составляли изъ себя кругъ около славянской божницы, т. е. кумира богини Славы, и, ходя вокругъ нея, пѣли хоромъ священныя пѣсни, или, что тоже, водили священный хороводъ и славили Славу и славныхъ, т. е. мужей, совершившихъ славные воинскіе подвиги подъ водительствомъ своихъ прѣ, на вершинѣ которыхъ находилось изображеніе богини. Такихъ только мужей славили на празднествахъ, совершавшихся въ честь Славы; имъ только славянскія дѣвы пѣли заздравныя пѣсни, причемъ выпивались за нихъ всенародно, съ припѣвомъ и съ кликами: «слава», и заздравныя чаши, т. е., чаша на здоровье, счастіе и благополучіе, чаша съ желаніемъ многолѣтія и долголѣтняго продолженія славныхъ подвиговъ. Первая чаша, вѣроятно, по обычаю язычниковъ, была такъ называемымъ возліяніемъ въ честь богини, затѣмъ славному изъ славныхъ, или верховному правителю Славянъ, Князю—Главѣ рода славныхъ, и, наконецъ, всѣмъ Славянамъ, начивая съ его друзій. Великимъ счастіемъ для Славянина была та славная участь избранника, когда его прославляли заздравною чашею, когда въ славу его раздавались хвалебныя пѣсни славянскихъ дѣвъ. Горе было для него не заслужить такого желаннаго народнаго привѣта. Каждому Славянину съ самаго дѣтства внушалась та мысль, что если онъ умретъ, не совершивъ славнаго дѣла, то

Вокругъ славянскія божницы
Безъ славы гибнущаго пѣть
Не станутъ красныя дѣвицы.

Приводимъ здѣсь нѣсколько такихъ древнихъ славленій, дошедшихъ до нашихъ дней, вѣроятно, изъ самой глубокой древности и поновленныхъ въ позднѣйшее время.

1.

Слава Богу на небѣ,
Слава!
Государю нашему на сей землѣ
Слава!
Чтобы нашему Государю не старѣться,
Слава!
Его цвѣтному платью не изнашиваться,
Слава!

Его добрымъ конямъ не изъѣзживаться,
Слава!
Его вѣрнымъ слугамъ не измѣниваться,
Слава!
Чтобы правда была на Руси,
Слава!
Краше солнца свѣтла,
Слава!
Чтобы царева золота казна
Слава!
Была вѣкъ полнымъ полна;
Слава!
Чтобы большимъ-то рѣкамъ
Слава!
Слава неслась до моря,
Слава!
Малымъ рѣчкамъ до мельницы.
Слава!
А эту пѣсню мы хлѣбу поемъ,
Слава!
Хлѣбу поемъ, хлѣбу честь воздаемъ,
Слава!
Старымъ людямъ на потѣшеніе,
Слава!
Добрымъ людямъ на услышаніе.
Слава!

2.

Вился, вился ярый хмѣль,
Слава!
Около тычинки серебряныя;
Слава!
Такъ вы вились, князья и бояре
Слава!
Около царя православнаго.
Слава!

3.

Жемчужина окатная,
Слава!
До чего тебѣ докатитися?
Слава!
Пора тебѣ выкатитися
Слава!
Князьямъ и боярамъ на шапочку.
Слава!

4.

Чарочка поплывушечка,
Слава!
До чего тебѣ доплывати?
Слава!
Пора тебѣ вонъ выплывать,
Слава!
Князьямъ, боярамъ вино подносить.
Слава!

По поводу послѣдняго древняго пѣснопѣнія въ честь чарочки, мы считаемъ не лишнимъ привести любопытный разсказъ изъ Съборьника Григорія, епископа Болгарскаго, гдѣ Александръ Великій, на пиру у Дарія, опоражнивая золотую чашу, относится къ ней совершенно особеннымъ образомъ. Но послушаемъ самого повѣствователя.

«Пїющим же ймъ чѧсто въ чáшехъ. Ѧлексáндръ прóмыслъ сътвори сице. ѐлико аще чѧша, възимааше к нáдра собѣ въкладáше вúдѧще йже ѥго повѣдаша Дáрьѐви, въстáвъ же Дáрїи рéче. ѿ храбре на чтó сé ты въкладаѐши в нáдра своѧ, на вечери възлежа. Сé слышавъ Ѧлександръ рече. великый цр҇ю. ѐгда вечерю творить Ѧлександръ велмóжамъ своймъ й воѐводамъ дарѹ҆етъ ймъ чѧша. й мнѧхъ тѧ такого соу́ща ак' же ѐсть ѿнъ. сегó дѣлѧ сътворихъ й áзъ сице. словомъ же Ѧлександровымъ й Пръси оудивишасѧ. присно бо прйтчѧ аще ймать вѣрѹ. въ оу́жасѣ творúть. мнóгоу же оу́бо млъчѧнию бывшю. Парагъгисъ нѣкто úменемъ сы

игемонъ въ Персидѣ навади Ӑлаксандра. видѣлъ бо̀ бъистинѹ Ӑлександра въ лицѣ. ѐгда бо̀ прїиде прьвое въ Пельлоу Макидо̀нскоую. посланъ ѿ Дарїа на да̀нь. възбраненъ ѿ Ӑлександра бывъ. сего зна̀ше, ӥ расмотрѣвъ по малоу Ӑлександра рє̑ въ собѣ. ее ѐсть Филиповъ сн҃ъ, а̀ще о̀бразъ сво̀и ѐсть ӥзмѣнилъ. мно̀зи бо̀ ч҃лци ѿ рѣчи познава̀еми бывають. аще и въ тмѣ прехо̑дить. ӥ та̀ко оу̀вѣривсѧ ѿ своѥѧ съвѣсти. ꙗко се ѐсть са̀мъ Ӑлександръ. приклони̇всѧ къ Да̀рїю рѐче ѐмоу. вели̇кый ц҃рю всеѧ землѧ Дарии. си̇и со̀лникъ Ӑлександръ. ѐсть ц҃рь Макидо̀нскый. Филиповъ сн҃ъ. Дарии же и̑ вси̇ пию̀ще с ни̇мъ пїани бѧ̀хоу вси̇ велми. слы̇шавъ же Ӑлександръ словеса Парагъгова, рѐченаа къ Да̀рьеви на вечери, и разоумѣвъ ꙗко познанъ. [1]) прелъсти̇ всѣхъ ӥзиийде а̑ ӥмѣѧ въ пазоусѣ своеи чашоу златѹ и ӥзиийде таи. ӥ въсѣдъ на конь ꙗко оубѣжати бѣды, ӥ ѡ̀брѣтъ въ вратъ Пѐрсенина ѐдинаго стража ӥ оу̀бивъ ѐго ӥзиийде ӥз града. ӥ оу̀видѣвъ же Да̀рїи. посла съ ѡ̀роужиѐмъ. ꙗти хотѧ Ӑлекса̀ндра. Ӑлекса̀ндръ же ла̀годѧ коневи, правлѧше ѐмоу поуть. бѧ̀ше бо̀ полѹнощи велика. мно̀зи же по немъ гонѧхѹ ӥ не постиго̀ша. дрѹзии бо̀ поутемъ гнаша, ӥ̀нїи же въ т̑мѣ па̀дахоу въ дебри. Ӑлександръ же бѣ а̀кы звѣзда въ небеси сиꙗющи ѐди̇нъ ӥда. ӥ бежа ни въ чтоже мнѧше Пр҃ъсы. Дарїи же тоужѧше на ѡ̀дрѣ своѐмъ сѣдѧ. по семъ же видѧ нѐчто зна̀мение ӥко̀на во Ксерѯкса ц҃рѧ. ӥнезапоу спаде ѿ стро̀па. ю̀же Да̀рїи люблѧше велми. ꙗко прекрасна бѣ писа̀нїемъ. Ӑлекса̀ндръ же спасѐнъ бывъ нощїю прїиде бѣжа на рѣкоу Гаги̇нѹ. ꙗкоже прїиде пришѐдшю конѐви къ брѣгоу и прѐднїи нозѣ поста̀вльшю на соусѣ. раз̀дроушисѧ рѣка ѿ сл҃нчьныѧ теплоты̇. ӥ во̀нь протроужа̀ше ѡ̀бо̀ въсхищенъ водою. Ӑлекса̀ндра ӥзвѐргъ на̀ соухо. Пр҃ъси гонѧще Ӑлекса̀ндра. прїидоша къ рѣцѣ. ю̀же прошѐдшю Ӑлекса̀ндрѹ ӥ не мо̀гша преити възврати̇шасѧ. рѣка бо непрохо̑дима бѧше всѣмъ ч҃лкомъ. Пр҃ъси же повѣдаша Да̀рьѐви Ӑлександрово вѧзньство Да̀рьѐви. Дарьи же дивѧсѧ пресла̀вномоу зна̀мению дрѧхлъ бысть велми. Ӑлександръ пѣшь шѐдъ ѿ рѣкы̇ ѡ̀брѣте Ѹ҆оумила. с ни̇мъ же бѣ ѡ̀ста̀вилъ два конѧ. ӥ и̇сповѣда ѐмѹ бы̇вшаа всѧ» [2]).

Чаша заупокойная входила въ обрядъ поминовенія покойника,

---

[1]) Въ подлинникѣ: познавъ.

[2]) Съборн. Григорія л. 328.

въ совершеніе тризны. По свидѣтельству Ибнъ-Фоцлана, на нее издерживалась обыкновенно одна часть имущества. Чаша эта возливалась, какъ и заздравная, сначала въ честь богини, а затѣмъ пили, прославляя подвиги умершаго тѣмъ же хороводнымъ пѣніемъ славянскихъ дѣвъ.

Вотъ что дошло до нашего времени изъ древности о погребеніи Скиѳскихъ царей.

Геродотъ говоритъ, что при погребеніи царей ихъ, вмѣстѣ съ царемъ погребаютъ и его любовницу. Императоръ Маврикій говоритъ также въ своемъ Стратегиконѣ [1]) объ обычаѣ Славянокъ предавать себя смерти по кончинѣ мужа. Свидѣтельство Маврикія дословно повторяется Львомъ Мудрымъ въ его Тактиконѣ [2]), гдѣ онъ сообщаетъ, что славянскія жены соблюдаютъ величайшее цѣломудріе, и даже до такой степени, что многія изъ нихъ смерть мужей своихъ считаютъ за свою и сами себя задушаютъ, не перенося своего вдовства. Причину такого обычая у Славянъ Маврикій объясняетъ чистотою ихъ нравовъ, скорбію о потерѣ любимаго существа и безотрадностію вдовства. Многіе находятъ такое объясненіе недостаточнымъ и думаютъ, что причина указаннаго выше обычая была болѣе глубокая, высшая, религіозная причина. Вообще до сихъ поръ это не объяснено. Съ своей стороны мы находимъ эту причину въ самомъ отношеніи Славянъ къ ихъ женамъ, подъ водительствомъ древнѣйшей ихъ религіи. Религія эта, какъ мы уже имѣли случай упомянуть, поучала Славянъ, что только чистая, непорочная отроковица, достойная быть дщерію богини Дѣвы Славы, вступая въ супружескій союзъ съ мущиной, стяжавшимъ славу вы-

---

[1]) Императоръ Маврикій (582 — 602) въ своемъ Стратегиконѣ говоритъ: Σωφρονοῦσι δὲ καὶ θήλεα αὐτῶν (Σκλάβων καὶ Αντῶν) ὑπὲρ πᾶσαν φύσιν ἀνθρώπου, ὥστε τὰ πολλὰ ἀυτῶν τὴν τῶν ἰδίων ἀνδρῶν τελευτὴν ἴδιον ἡγεῖσθαι θάνατον, καὶ ἀποπνίγειν ἑαυτὰ ἑκουσίως, οὐχ ἡγούμενα ζωὴν τὴν ἐν χηρείᾳ διαγωγὴν".

[2]) Въ Тактиконѣ Льва Мудраго (886—911) читаемъ: Castitate autem feminae quoque ipsorum (id est Sclavorum) erant quam maxima et tanto quidem, ut earum multae suorum virorum mortem suam propriam esse existement, et se ipsas suffocent, viduam tolerare vitam non sustinentes.

сокими доблестями, могла ввести его въ безсмертіе, въ нескончаемое блаженство рая. Древнѣйшіе Славяне, какъ извѣстно, свято чтили единоженство, какъ и единомужество. Народная рѣчь передала позднѣйшимъ вѣкамъ тоже вѣрованіе въ древнемъ присловьѣ: «любовь любитъ единость». Отсюда понятіе сүженаго въ славянскомъ семейномъ быту. Отсюда народное же выраженіе: «всякая невѣста для своего жениха родится», какъ и другое: «что душа радѣла, того Богъ мнѣ далъ». Отсюда же, еще въ самомъ дѣтствѣ мысль Славянки уже запечатлѣвалась тѣми же представленіями супружескаго ея назначенія и счастія неразрывно съ представленіемъ о богинѣ Славѣ и обращеніемъ къ ней. Мать, качая и убаюкивая свое дитя, напѣвала ей:

Ты, мати, мати рода моего
Слава!
И ты взгляни, мати, въ оконичко,
Слава!
И ты воскинь, мати, опушинку,
Слава!
Чтобы было чѣмъ опушить ясна сокола,
Слава!
Что ясна сокола, то моего жениха.
Слава!

Каждая Славянка воспитывалась съ самыхъ раннихъ лѣтъ въ самыхъ высокихъ понятіяхъ о назначеніи славянской женщины вообще, какъ о существѣ, призванномъ, какъ говоритъ народное присловье, «взять душою своего суженаго», создать счастіе своего супруга не только въ этой жизни, но и въ будущей, создать для него рай не только на землѣ, но и ввести его, по смерти, въ тотъ вѣчный рай, который миѳическое славянское воззрѣніе помѣщало на небѣ, среди воздушнаго океана. Какъ мущина Славянинъ обязанъ былъ создать для себя славу своими подвигами, поддерживающими славу цѣлаго рода и славянской народности, такъ женщина Славянка была призвана создать самого мущину, т. е. возвысить духъ его отъ земной славы къ вѣчной славѣ и блаженству. Сливаясь съ нимъ душею, восполняя его собою, какъ дщерь богини

Славы, она вводила его въ полноту славы, дѣлала его вполнѣ Славяниномъ, вполнѣ человѣкомъ (Славакомъ, Славѣкомъ, человѣкомъ). До этого сліянія душъ, мущина, по древнѣйшимъ понятіямъ Славянъ, не будучи вполнѣ человѣкомъ, оставался грубымъ, дикимъ звѣремъ; оттого въ славянскихъ пѣсняхъ и до сихъ поръ дѣвица такъ часто называется «красна дѣвица душа».

Въ этомъ выраженіи ясно сказывается древнѣйшее понятіе о высокомъ сліяніи душъ въ супружествѣ, о томъ высоко религіозномъ назначеніи, какому посвящала себя Славянка. Проникнутая такими религіозными понятіями, съ самаго дѣтства поддержанная въ нихъ во всю жизнь всею окружающею средою подругъ, родственниковъ, всѣмъ строемъ древней славянской жизни, славянская дѣва, вступивши въ бракъ, посвящала всю жизнь свою на воплощеніе въ ней высокаго идеала славянской женщины, какъ создательницы земнаго и вѣчнаго рая для своего супруга, и какъ вводительницы его въ вѣчное блаженство. Въ этомъ созиданіи рая для него она находила и свой собственный рай, свое существенное блаженство, выражаемое народной рѣчью: «Голубушка не та счастлива, которая у отца, а та, которая у мужа». Понятно, что при такомъ вѣрованіи, любящія своихъ мужей Славянки, напутствуемыя различными соотвѣтственными обрядами своего культа, спѣшили исполнить свои священныя обязанности въ отношеніи своихъ супруговъ, при ихъ кончинѣ, и какъ вводительницы ихъ въ страну безсмертія, добровольно искали умереть вмѣстѣ съ ними. Женщина искренно вѣрила, что только съ мужемъ она можетъ войти въ рай и блаженствовать; потому, по словамъ Массуди, такъ пламенно желала послѣдовать за мужемъ въ могилу. Нѣкоторыя разрытыя могилы представляютъ даже ясное подтвержденіе обычая одновременнаго погребенія жены съ мужемъ [1]. Достаться, по смерти мужа, въ обладаніе другому, считалось величайшимъ несчастіемъ. Это значило уже потерять права на вѣчное соединеніе съ нимъ, на свое высшее значеніе супруги, сдѣлаться какъ въ здѣшней, такъ и въ загробной жизни рабою, чего такъ страшились Сла-

---

[1]) См. Гр. А. Тышкевича о курганахъ. В. 1865, стр. 108—9; Alberti въ поврем. Variscia. Gr. 1830, 11, p. 116, 117.

вянки. Рабство для нихъ, какъ и для мужей ихъ, было величайшимъ несчастіемъ. Память объ этомъ сохранилась и до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ народныхъ пѣсняхъ. Приводимъ здѣсь одну изъ нихъ:

Какъ пошелъ нашъ молодецъ
Вдоль улицы на конецъ.
Ахъ, Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ, Донъ!

Ахъ, какъ звали молодца,
Позывали удальца.
Ахъ, Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ, Донъ!

Какъ во пиръ пировать,
Во бесѣдушку сидѣть,
На игрище поиграть.
Ахъ, Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ, Донъ!

Ужь, какъ мнѣ ли, молодцу
Мало можется,
Мало можется,
Играть хочется.
Иль я выйду, молодецъ,
На свой новый на крылецъ,
Закричу я, молодецъ,
Громкимъ голосомъ своимъ:
Ахъ, какъ есть ли у меня
Слуги вѣрные мои?
Вы берите ключи,
Отмыкайте сундуки,
Вынимайте кафтанъ
Рудожелтъ камчатъ,
Вынимайте шапку,
Черную мурмашку,
Вы подайте гусли
Звончатые мои!

*

Ахъ, Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ, Донъ!
Какъ пошелъ нашъ молодецъ
Ко вдовушкѣ на конецъ.
Ахъ, Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ, Донъ!
Какъ садился молодецъ,
Какъ садился удалецъ
Противъ вдовушки на скамьѣ.
Ахъ, Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ, Донъ!
Заигралъ онъ во гусли,
Заигралъ во звончатые свои.
Ахъ, Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ, Донъ!
Молодецъ вдовѣ челомъ,
Уронилъ шапку долой.
Ахъ, Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ, Донъ!
Ужъ, ты вдовушка моя,
Молодая вдова,
Подними шапку мурмашку.
Ахъ, Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ, Донъ!
Не твоя, господарь, раба́ [1])
Я не слушаю тебя.
Ахъ, Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ, Донъ!
Какъ пошелъ нашъ молодецъ
Вдоль улицы на конецъ.
Ахъ, Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ, Донъ!
Ахъ, какъ звали молодца,
Позывали удальца.

---

[1]) Новѣйшіе варіанты: не твоя, сударь, слуга; не твоя, сударь, раба́.

Ахъ, Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ, Донъ!
Какъ во пиръ пировать,
Во бесѣдушку сидѣть,
На игрище поиграть.
Ахъ, Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ, Донъ!
Какъ пошелъ нашъ молодецъ
Къ дѣвушкѣ на конецъ.
Ахъ, Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ, Донъ!
Какъ садился молодецъ,
Какъ садился удалецъ
Противъ дѣвушки на скамьѣ.
Ахъ, Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ, Донъ!
Заигралъ онъ во гусли
Заигралъ въ звончатые свои.
Ахъ, Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ, Донъ!
Молодецъ дѣвицѣ челомъ,
Уронилъ шапку долой.
Ахъ, Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ, Донъ!
Ужъ, ты, дѣвушка моя,
Ты, красная моя,
Подними шапку мурмашку.
Ахъ, Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ, Донъ,
Я твоя, сударь, слуга,
Я послушаюсь тебя.
Ахъ, Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ, Донъ!

Такъ было у Славянъ въ періодѣ древнѣйшаго ихъ культа—поклоненія единой богинѣ Славѣ. Позднѣе, при наставшемъ многобожіи и, вмѣстѣ, многоженствѣ, древнѣйшій обычай добровольнаго

преданія себя смерти вмѣстѣ съ мужемъ, смѣнился уже обычаемъ задушенія, при его смерти, одной изъ вызвавшихся на то, либо изъ его женъ, либо изъ хотей.

Противъ разсмотрѣннаго нами выше древнѣйшаго славянскаго міросозерцанія, противъ его идей о единобожіи, о раѣ и о высокомъ назначеніи славянскихъ дѣвъ, возстали развращенные многобожіемъ Эллины и накинулись съ ожесточенною насмѣшкою особенно на богиню Славу и на производство царскаго славянскаго рода отъ божества. Богиню Славы они стали приравнивать сначала къ Артемидѣ, потомъ къ Афродитѣ и, наконецъ, къ Артимпасѣ. Относительно же родопроизводства славянскихъ царей, они придумали слѣдующія унизительныя басни: о династіи скиѳской они разглашали, что цари скиѳскіе происходятъ отъ Геркулеса и какой то Гилейской жены,—чудовища, имѣвшаго до половины видъ змѣи и жившаго въ пещерѣ на Кильбурнской косѣ, а относительно династіи сарматской они разсказывали, будто Сарматы происходили отъ Амазонокъ и скиѳскихъ юношей. Басню эту не только помѣстилъ въ своемъ повѣствованіи Геродотъ, повторилъ и Гиппократъ. Точно также Эллины вымыслили насмѣшливый разсказъ и о происхожденіи Гунской династіи. По Іорнанду, они произошли отъ нѣкоторыхъ вѣдьмъ (quasdam magas mulieres) называемыхъ Aliorumnes и Aliorunes, изгнанныхъ Филимеромъ, сыномъ Гандарика Великаго, конунга Готовъ. Вѣдьмы эти, поселившись по Черторыю, при чертовомъ беремищѣ, сочетались съ вражьею силою, бродящею по степямъ (spiritus immondi per eremum vagantes), и произвели на свѣтъ это звѣринское поколѣніе [1]). Позднѣе, когда христіанство стало превозмогать надъ древнимъ языческимъ культомъ въ славянскомъ мірѣ, культъ богини Славы подвергся также весьма ревностному преслѣдованію. Въ это время христіанскіе проповѣдники, по весьма понятной причинѣ, назвали этихъ Дѣвъ жизни роженицами и стали убѣждать народъ не творить имъ обычныхъ требъ. Ученый нашъ академикъ, И. И. Срезневскій, въ своихъ превосходныхъ изслѣдованіяхъ о роженицахъ у Славянъ дѣлаетъ слѣдующее, необыкновенно мѣткое и вѣрное заключеніе: «народное преданіе сохранило

---

1) Аттила А. Вельтмана, М., 1858, стр. 2.

воспоминаніе о роженицахъ, почти только какъ о Дѣвахъ Жизни». Свидѣтельство о томъ, какъ относились къ именамъ чуждыхъ божествъ въ древности ихъ противники, мы находимъ въ твореніяхъ св. Григорія Богослова, въ первомъ обличительномъ словѣ на царя Юліана. Въ немъ мы читаемъ: «Особенно дѣтскою, неосновательною «и недостойною не только царя, но и сколько нибудь разсудитель«наго человѣка, была его мысль, будто бы за перемѣною имени по«слѣдуетъ перемѣна въ нашемъ расположеніи, или будто бы намъ «отъ сей перемѣны будетъ стыдно, какъ обвиненнымъ въ чемъ-то «гнусномъ. И онъ даетъ намъ новое наименованіе, самъ называетъ «насъ и узаконяетъ намъ именоваться, вмѣсто Христіанъ, Галилея«нами. Подлинно имя, отъ Христа заимствованное, славно и досто«честно; и онъ умыслилъ лишить насъ сего наименованія, или по «сей причинѣ, или потому, что страшился силы имени, подобно де«монамъ и замѣнилъ оное другимъ неупотребительнымъ и неизвѣст«нымъ. Но мы не будемъ перемѣнять у нихъ именъ, потому что и «нѣтъ именъ смѣшнѣе, чтобы замѣнить ими прежнія». Изъ этого драгоцѣннаго свидѣтельства мы видимъ, что и Юліанъ, увлекаясь общимъ потокомъ древняго обычая, воспретилъ именовать Бога христіанъ Его именемъ, замѣнивши собственное названіе несобственнымъ, отчасти только помѣстнымъ. Въ то же самое время мы узнаемъ въ приведенномъ отрывкѣ, что обычай перемѣнять имена чуждыхъ божествъ и, притомъ, стараться замѣнять ихъ другими, преимущественно смѣшными, дѣйствительно существовалъ еще и въ IV вѣкѣ. Обычаю этому не хотѣлъ слѣдовать самъ св. Григорій. Обращаясь къ христіанамъ, своимъ современникамъ, онъ высказываетъ даже и причину, почему не слѣдовало бы подражать, въ этомъ отношеніи, принятому обычаю. Онъ прямо говоритъ: «мы не будемъ перемѣ«нять у нихъ именъ, потому что и нѣтъ именъ смѣшнѣе, чтобы за«мѣнить ими прежнія». Вслѣдъ за св. Григоріемъ Богословомъ, по его указанію, также и нѣкоторые другіе христіане если и не перемѣняли имени древлеславянскаго божества, то просто старались не поминать его, какъ грѣховнаго, умалчивали о немъ, тогда какъ большинство старалось, какъ увидимъ ниже, сколько возможно осмѣять, представить и замѣнить смѣшнымъ это имя. Въ этомъ отношеніи оно слѣдовало только общему обычаю.

Такому же точно осмѣянію, какому подвергся весь культъ богини Славы, подверглись и Аланскія знамена, которыя назывались у Аланъ Прѣ-славами. Ихъ назвали въ насмѣшку Прѣ бабами.

Чтобы сколько возможно яснѣе возстановить видъ всего первобытнаго прѣ (знамени), мы представляемъ изображеніе его на рисункѣ въ приложеніяхъ, а здѣсь предложимъ описаніе древняго его вида. Его составляли: 1) древко, которое именовалось стягомъ, 2) металлическій верхній наконечникъ этого стяга назывался челомъ. У знамени, описаннаго въ Словѣ о Полку Игоревѣ, этотъ наконечникъ зовется: серебрено стружіе; 3) шолковая кисть, которая называлась чолкою и 4) парчевая хоругвь, носившая въ древности названіе прѣ. Перейдемъ теперь къ описанію приложеннаго нами рисунка, пользуясь для этого древними выраженіями, частію, Слова о Полку Игоревѣ, частію Григоріева Лѣтописца: стягъ червленъ, чело мѣдяно (точное изображеніе мѣднаго наконечника, найденнаго при раскопкѣ Александропольскаго Царскаго кургана, съ изображеніемъ на обѣихъ сторонахъ богини Славы и съ двумя привѣсками, состоящими изъ двухъ колокольчиковъ), чолка червлена, прѣ паволочито. Такія-то знамена у Славянъ—Аланъ назывались Прѣ-славами. Впослѣдствіи, гораздо позднѣе, когда древлеславянскій культъ подвергся преслѣдованію, изображеніе Славы на знаменахъ смѣнились другими, священными изображеніями новой вѣры, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самыя названія славянскихъ знаменъ — «Прѣславъ» замѣнились названіями «хоругвей». Тѣ изъ Дроузій Князя-Главы, которые носили царскіе стяги, назывались въ глубокой древности славниками [1]). Еще сохранился одинъ изъ тѣхъ древнѣйшихъ припѣвовъ, какимъ провожались славянскіе воины на войну, идя подъ водительствомъ своихъ парчевыхъ прѣ, которыми отличены въ нашихъ лѣтописяхъ Руссы. Вотъ этотъ припѣвъ въ позднѣйшемъ видѣ:

Золота парча развивается,
Слава!
Родославна Русь въ путь сбирается.
Слава!

---

[1]) Описаніе рукоп. Синод. Библ. т. $\frac{2}{1}$, стр. 22, рук. 54.

Въ иныхъ новѣйшихъ редакціяхъ послѣдній стихъ приводится такъ:

Кто-то въ путь, въ дорогу сбирается.

Слово «кто-то» здѣсь, очевидно, позднѣйшая вставка на мѣсто древнѣйшаго выраженія. Древность, какъ извѣстно, никогда, нигдѣ, не говорила такими неопредѣленными словами, напоминающими недавно отжившіе романсы. Притомъ же и добавка излишняго слова «дорога», составляющаго ненужное повтореніе того же, что сказано уже словомъ «путь», все это вмѣстѣ обличаетъ сильное стараніе вытѣснить изъ приведеннаго стиха два слова, возбудившія противъ себя, какъ мы уже видѣли, ожесточенное преслѣдованіе издревле, и поставить вмѣсто нихъ два другія слова. Слова эти: родъ и слава, замѣненныя ненужными и ничего опредѣленнаго не говорящими словами: кто-то и дорога. Мы возстановляемъ здѣсь, по другимъ древнѣйшимъ указаніямъ, такое именно чтеніе этого стиха, которое одинаково далеко какъ отъ романтической неопредѣленности, такъ и отъ всякой тавтологіи, и, притомъ, не теряемъ своей древне-русской почвы.

Выше мы видѣли, что изображеніями богини Славы украшались наконечники Аландскихъ прѣ или знаменъ. Онѣ же находились обыкновенно и на оружіи, какъ и на другихъ аттрибутахъ высшаго сословія у Аланъ, Родо-Славныхъ и Добро-Славныхъ, какъ это доказали позднѣйшія раскопки ихъ древнихъ могильныхъ кургановъ. Каменныя изваянія этой-то богини поставлялись всегда и на могильныхъ курганахъ ихъ царей-Руссовъ. Устремляясь въ битву подъ предводительствомъ своихъ прѣ или знаменъ, украшенныхъ изображеніемъ этой богини, и оглашая воздухъ кликами: Слава-Іага, Слава-Іага, Алане прозвались, по имени ея, Слава-Аланами, а сокращенно Славлянами, Славянами. По новѣйшимъ излѣдованіямъ оказывается, что въ глубокой древности, въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится нынѣшній Севастополь, существовали два города, одинъ древнѣйшій Херронисъ, а другой новѣйшій Херсонисъ. Страбонъ, писатель I-го вѣка по Р. Х., говоритъ, что «въ городѣ Херронисѣ (Χεῤῥόνησος)[1]) находится храмъ Дѣвы, нѣкое-

[1]) Городъ этотъ пишется также въ Периплѣ Понта Евксинскаго у безъимяннаго Χεῤῥόνησος. См. Зап. Одес. Общ. Т. II. стр. 242.

мому божеству посвященный, по которому и мысъ, въ ста стадіяхъ отстоящій отъ города, называется Парѳеніонъ (мысомъ Дѣвы), на коемъ стоитъ капище того же божества съ истуканомъ онаго». Очевидно, объ этомъ-то славномъ въ древности кумирѣ упоминаетъ, подъ именемъ Тьмутороканьскаго, и Слово о Полку Игоревѣ, въ слѣдующихъ таинственныхъ выраженіяхъ: «Дивъ кличетъ врьху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ, Влъзѣ, и Поморію, и по-Сулію, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ, Тьмутороканьскій блъванъ». Далѣе у того же писателя мы читаемъ, что за Херронисомъ находилась «узкоустая гавань, окрестъ коей Тавро-Скиѳы разбойничаютъ и нападаютъ на заходящихъ въ эту гавань, называемую „Символовъ". По поводу этого названія, не можемъ не замѣтить, что въ немъ ясно слышится славянское, или «семь воловъ» въ смыслѣ извѣстныхъ вьючныхъ животныхъ—воловъ, или же „семь валовъ", въ смыслѣ семи валовъ морскаго прибоя волнъ. Что касается до названія самого города Херронисомъ, то, очевидно, началомъ ему послужило слово—твердыня, насыпь, городъ, которое Греки перевели словомъ χέῤῥος, откуда и произошло названіе Χεῤῥόνησος. Въ этомъ-то Херронисѣ, по свидѣтельству Страбона, и находился храмъ „Дѣвы", божества его обитателей. Подлинное названіе этого божества, очевидно, хотя и было извѣстно Грекамъ, но они намѣренно избѣгали его наименованія; иначе знаменитый древній географъ не могъ бы не назвать его принадлежащимъ ему именемъ. Божество это, безъ всякаго сомнѣнія, было божествомъ Аланъ, или Славянъ, населявшихъ въ древности эту мѣстность, которыхъ, по обычаю Грековъ, Страбонъ называетъ Тавро-Скиѳами. Божество это была та же самая богиня Славь изваянія которой повсемѣстно распространены были у Славянъ и помѣщались на высокихъ курганахъ. Овидій, сосланный «на конечный предѣлъ Имперіи», разсказываетъ, что когда Сарматы подчинили своей власти Тавро-Скиѳовъ, то одинъ изъ нихъ, въ разговорѣ съ Овидіемъ, сказалъ ему: «я родился въ Тавросѣ, въ Скиѳіи; мы покланяемся тамъ сестрѣ Аполлоновой» [1]). Въ другомъ мѣстѣ Овидій говоритъ: «Кесарь не вѣдаетъ, какова жизнь въ этихъ далекихъ

---

[1]) Ovid. ex Ponto l. III. ep. II.

предѣлахъ..... Онъ не заботится спросить, въ какой части свѣта находятся Томитаны? Гдѣ эта едва извѣстная краина Гетовъ? Что дѣлаютъ Сарматы и суровые Языги? Что за поклоненіе богинѣ Орестеѣ въ странѣ Тавровъ?» [1]). А. Ѳ. Вельтманъ, по поводу этой богини справедливо замѣчаетъ, что латинское названіе ея Orestea созвучно греческому ὀρέστης—горный. Очевидно, что Овидій получилъ свѣдѣніе о такомъ названіи богини Аланъ — Славы не отъ нихъ самихъ, а отъ Грековъ, которые не сообщили ему настоящаго ея имени ни на славянскомъ языкѣ, ни въ переводѣ ея на греческій языкъ, а назвали ее просто только ὀρέστης—горная, по той одной изъ отличительныхъ ея примѣтъ, что изваянія ея помѣщались обыкновенно на возвышенныхъ курганахъ, а также и потому, что одно изъ такихъ изваяній той же богини Дѣвы находилось въ храмѣ Орестеонѣ, въ Тавріи, гдѣ жрицей ея была нѣкогда знаменитая Иѳигенія. И Греки и Римляне преднамѣренно скрывали обыкновенно названія чуждыхъ божествъ, или же придавали имъ, какъ извѣстно, названія своихъ боговъ и богинь. Точно также, какъ мы видѣли выше, и Страбонъ не сообщаетъ намъ настоящаго имени той же самой богини, а называетъ ее просто «Дѣвою».

Согласно съ знаменитыми греческими и римскими писателями, ничего не сообщаютъ объ имени этой богини также и древніе христіанскіе писатели. Такъ, св. Григорій Богословъ, въ своемъ словѣ на св. крещеніе, хотя и упоминаетъ, вполнѣ сходно съ другими писателями, о томъ, что богиня эта считалась у язычниковъ Дѣвою, и что ей приносились человѣческія жертвы изъ чужеземцевъ, тѣмъ не менѣе умалчиваетъ объ ея имени. Вотъ что мы читаемъ въ этомъ словѣ:

Славянскій текстъ, заимствуемый изъ Лѣтописей Русской Литературы и Древностей пр. Н. С. Тихонравова, по синодальной пергаментной рукописи XIV в., №954.	Греческій текстъ изъ того же изданія пр. Н. С. Тихонравова, по изданію Минья въ Cursus patrologiæ completus, series graeca, tom. 36. p. 337.

[1]) Pont. l. 1. ep. 2.

д҃. Не дыєва се сѣмена. и краденьꙗ̑ критьскаго мч҃тлѧ. а̊ще и єлинї негодую҃. ни киринѣтьстии звуци и̊ плесци, и плѧсаньꙗ въ ѡружьи̊ б҃у плачющюсѧ...

Δ. Οὐ Διὸς ταῦτα γοναὶ καὶ κλοπαὶ τοῦ Κρητῶν τυράννου, κἄν Ἕλληνες ἀπαρέσκονται, οὐδὲ Κουρήτων ἦχοι, καὶ κρότοι, καὶ ὀρχήσεις ἔνοπλοι, Θεοῦ κλαίοντος ἠχὴν συγκαλύπτουσαι, ἵνα πατέρα λάθῃ μισότεκνον...

є҃. Ни фригиискаꙗ кроє̑ньꙗ и свѣрили, и корувантии̊ є̑лико же ѻ̊ ирѣ ч҃лвци бѣсѧтсѧ. жруще мт҃ри б҃жьстьи.... ни д҃ва на̑ въсхытаѥ̑сѧ....

Οὐδὲ Φρυγῶν ἐκτομαὶ, καὶ αυλοί, καὶ Κορύβαντες, καὶ ὅσα περὶ τήν Ῥέαν ἄνθρωποι μαίνονται, τελοῦντες τῇ μητρὶ τῶν θεῶν, καὶ τελούμενοι, ὅσα τῇ μητρὶ τῶν τοιούτων ᾿εικὸς οὐδὲ κόρη τις ἡμῖν ἁρπάζεται, καὶ Δημήτηρ πλανᾶται.

ѕ҃. Дионис стегноражанью несношеный породъ. а̊ки и̊ногда главѣ первѣє̑. и б҃ъ мужженъ. и ликъ пьꙗны̑ и кои̊ ославѣвшеї. финикѣйско безумьство сего чтѧ. и семелино трѣсновенье кланѧемо.

Οὐδὲ Διόνυσος ταῦτα, καὶ μηρὸς, ὠδίνων ἀτελὲς κύημα, ὥσπερ ἄλλο τι κεφαλὴ πρότερον. καὶ Θεὸς ἀνδρόγυνος, καὶ χορὸς μεθυόντων, καὶ στρατὸς ἔκλυτος, καὶ Θηβαίων ἄνοια τοῦτον τιμῶσα, καὶ Σεμέλης κεραυνὸς προσκυνούμενος.

з҃. И Афродиты блудныꙗ̑ оуды таины. пѣна ꙗ̑же скверьнѣ. ꙗкоже ти гл҃ю. и бывший чтомѣ ни фалїкаци. ни ифуфали срамний̊ образы и дѣлы.

Οὐδὲ Ἀφροδίτης πορνικὰ μυστήρια, τῆς ἀισχρῶς, ὡς ἀυτοὶ λέγουσι, καὶ γεννωμένης καὶ τιμωμένης. Οὐδὲ Φαλλοὶ τίνες καὶ Ἰθύφαλλοι, ἀισχροὶ καὶ τοῖς σχήμασι καὶ τοῖς πράγμασιν.

и҃. Ни таврьскаꙗ чюжегубленьꙗ. и лаконьскы брадѣющи̊. требищнаꙗ кровь. прочесаꙗма ранами. ти се точью злѣ кропѧщимсѧ. имьже чтетсѧ б҃гыни. и̊ си же д҃ва.

Οὐδὲ Ταύρων ξενοκτονίαι, καὶ Λακωνικῶν ἐφήβωμιον ἐπιβῶν αἷμα, ξαινομένων ταῖς μάστιξι, καὶ τοῦτο μόνον κακῶς ἀνδριζομένων, οἷς τιμᾶται θεὰ, καὶ ταῦτα παρθένος.

О человѣческихъ жертвоприношеніяхъ Таврской богинѣ свидѣтельствуетъ извѣстный отвѣтъ Тавроскиѳскаго царя Ѳоаса Ифигеніи на ея упреки о приношеніи людей въ жертву. «Скиѳу ли ты говоришь это?» говоритъ ей Ѳоасъ, давая тѣмъ понять, что этотъ

кровавый обычай принадлежалъ издревле Скиѳамъ, у которыхъ онъ былъ только царемъ, но родомъ былъ Грекъ. Есть также преданіе и объ Аргонавтахъ, которымъ подтверждается то же самое. Вышедши на берегъ въ Тавріи, они едва не подверглись опасности быть принесенными въ жертву Таврской богинѣ, какъ чужеземцы. Выше мы видѣли, въ словѣ св. Григорія Богослова, что въ жертву богинѣ Дѣвѣ приносились брадѣющіе, т. е. юноши, у которыхъ только что начинала появляться борода. Впослѣдствіи времени, съ умягченіемъ нравовъ, человѣческія жертвы смѣнились жертвоприношеніями животныхъ. Указаніе о такой замѣнѣ находимъ въ слѣдующемъ древнемъ сказѣ: „Да та есть прѧ къ єретикомъ и к жерцемъ идольскимъ, иже далахꙋ за дѣвцꙋ ланию, а за штрока єлень на жрътвꙋ идоломъ“ [1]).

Въ томъ же, приведенномъ выше, словѣ св. Григорія Богослова упоминается о мазаніи и кропленіи жертвенною или требищною кровію.

О такомъ же точно употребленіи крови жертвъ говорится въ слѣдующемъ древнемъ сказѣ, гдѣ мы видимъ, какъ и этотъ обрядъ языческаго культа замѣняется впослѣдствіи, вмѣстѣ со многими другими, христіанскимъ таинствомъ, причемъ ему дается таинственное, духовное значеніе и объясненіе.

Что ради агньцє и козлицє требꙋ творѧть.

Сказаніє. Понеже ѿ того творенія намъ оустависѧ молитвовати за праведныѧ и за грѣшныи.

Почто кровию тою мажꙋть порогъ и двери, и всю храминꙋ покропѧть. Сказаніє. Понеже мы хрістіане піюще кровь Хвꙋ ѡсщаємъ двери телеси своєго и всє тѣло, а порогъ срдцє, ѿнюдꙋже исходѧть помыслы добрыѧ и злыѧ. добрыꙗ же ѡсщаємъ кровию Хвою, а злыѧ прогонимъ [2]).

Амміанъ Марцелинъ говоритъ, что у Тавро-Скиѳовъ богиня ихъ называлась Орсилохой (Orsilocha). До сихъ поръ названіе это остается необъясненнымъ. У Россо-Аланъ же, какъ мы видѣли, божество ихъ называлось богинею Славы, почему и верховный правитель ихъ, князь-глава ихъ, верховный царь, каганъ-Росъ, князь-Росъ, назывался у нихъ славнымъ изъ славныхъ, тѣмъ болѣе, что самое начало

---

[1]) См. Архив. рукоп. № $\frac{478}{959}$, на л. 392.

[2]) См. тамъ же, на л. 389 об.

царской власти, какъ и самый родъ царей своихъ они производили отъ божества. Это же имя ясно сказывается и въ большей части именъ верховныхъ князей славянскихъ. Таковы древнѣйшія имена: Святославъ, Ярославъ, Изяславъ, Мстиславъ, Вячеславъ, Болеславъ, Мечеславъ и множество другихъ. Дорогое для Славянъ названіе божества ихъ Славы, какъ мы уже видѣли, сказалось также и въ названіи ихъ хоругвей, ихъ прѣ, на наконечникахъ которыхъ находилось обыкновенно изображеніе ихъ богини: онѣ назывались прѣславами. На основаніи этихъ-то древнѣйшихъ, дорогихъ для Славянъ народныхъ преданій объ ихъ богинѣ Славѣ, и Болгаре, какъ народъ славянскій, столицу свою назвали Прѣславою. Еллины, въ древности, какъ свидѣтельствуютъ нѣкоторыя лѣтописи, приравнивали славянскую богиню Славы къ своей Артемидѣ — богинѣ Дѣвѣ. Указаніемъ на это служитъ храмъ Артемидѣ, воздвигнутый Еллинами въ Херсонисѣ, по сосѣдству славянскаго храма Дѣвы, находившагося въ древнемъ славянскомъ городѣ Херронисѣ. Отъ этого храма, какъ мы уже видѣли, произошло и самое названіе этой мѣстности мысомъ Дѣвы — Парѳеніонъ. Такое уподобленіе славянской, чуждой для Еллиновъ, богини ихъ національной богинѣ Артемидѣ прямо указываетъ на ихъ стараніе сблизиться съ Славянами, привлечь ихъ на свою сторону, къ своему культу, обратить ихъ къ еллинству, слить съ собою. До нѣкоторой степени, какъ свидѣтельствуетъ Геродотъ, такая попытка Еллиновъ не осталась вовсе безуспѣшною. Отецъ исторіи повѣствуетъ о славянскомъ царѣ Скилесѣ, какъ о ревнителѣ еллинскаго просвѣщенія, воздвигшемъ великолѣпный дворецъ въ торжищѣ борисѳенеитовъ. Но могучій духъ Славянъ былъ неспособенъ вполнѣ подчиниться чуждому для него вліянію. Управляемый единовластіемъ своихъ царей, онъ не могъ промѣнять своеобразнаго своего единобожія на еллинское многобожіе, и только уже позднѣе, съ теченіемъ вѣковъ, при упадкѣ древняго единовластія, онъ впалъ въ многобожіе. До этого упадка единства въ Славянахъ, Еллины не могли уронить въ глазахъ ихъ дорогой для нихъ культъ Славы. Въ своемъ враждебномъ отношеніи къ этому культу, послѣ неудачныхъ своихъ попытокъ для привлеченія Славянъ къ многобожію, они пустили въ ходъ противъ ихъ Славы орудіе осмѣянія. Такова, напр., сохранив-

шаяся до нашихъ дней у древнихъ греческихъ писателей басня о царствѣ амазонокъ, относимая обыкновенно къ древнѣйшему населенію славянскаго міра въ Тавридѣ. Басня эта, какъ нѣкоторые предполагаютъ, напоминаетъ преданія, сохраненныя Геродотомъ о происхожденіи Скиѳовъ отъ союза Иракла съ русалкой Эхидной, полудѣвой, полурыбой, и о происхожденіи Сарматовъ отъ сочетанія доброродныхъ (ἐλευθέρων) Скиѳовъ съ амазонками (ἀμαζόνες). Не раздѣляя съ древними писателями вѣры въ существованіе амазонокъ, мы не можемъ, однакоже, не согласиться съ тѣми, которые думаютъ, что исторія полна метаморфозъ, и что въ иносказательныхъ преданіяхъ нерѣдко скрывается истина, какъ святыня, отъ изувѣровъ, и какъ сокровище отъ хищниковъ.

Смыслъ этой басни, очевидно, слѣдующій: подъ амазонками въ ней ясно разумѣются какъ свято чтимыя древнѣйшими Славянами изваянія богини Славы, распространенныя по всей странѣ ихъ, такъ и тѣ высокія права, какими пользовалась у однихъ только Славянъ и нигдѣ болѣе женщина, вдова при малолѣтнихъ дѣтяхъ, какъ полновластная наслѣдственная правительница по кончинѣ мужа. Въ то же время, когда вымышлена была подобная басня о царствѣ амазонокъ, Еллины также стали уподоблять славянскую богиню Славы богинѣ Афродитѣ [1]), соединяя это уподобленіе съ миѳомъ, не совсѣмъ лестнымъ для происхожденія богини.

Вотъ что внесъ въ свой Съборникъ Григорій, епископъ Болгарскій, объ этомъ предметѣ:

Въ та҃ лѣта кра́доу ѻ҆гньноу поусти Бг҃ъ съ нб҃се на гиганти живоущіаа въ Келтїистѣй странѣ, и҆ пожже ѧ҃. пришедши҃ кра́да въ ї҆ѻ́рдан҆скоую рѣкоу оу҆гасе.

Сии же по потопѣ бя҃хоу Хоусъ [2]) моуринъ роди Неврода гиганта и҆ съ-

Ἐν τοῖς χρόνοις τούτοις σφαῖραν πυρὸς ἔπεμψεν ὁ Θεὸς ἐκ τοῦ οὐρανοῦ κατὰ τῶν ὄντων ἐν τῇ Κελτικῇ χώρᾳ γιγάντων καὶ ἔκαυσεν αὐτὴν καὶ αὐτοὺς καὶ εἰς τὸν Ἠριδανὸν ποταμὸν ἐνεχθεῖσα ἡ σφαῖρα ἐσβέσθη [3]).

Ὁ δὲ Χοῦς ὁ Αἰθίωψ ἐκ τῆς φυλῆς τοῦ Σὴμ ἐγέννησε τὸν Νεβρὼδ

---

[1]) Въ Неаполитанскомъ музеѣ хранится статуя загадочной Афродиты изъ Капуи.

[2]) Въ подлинникѣ: бя Хоусъ.

[3]) Fragmenta Histor. Graecor. C. Mulleri, vol. IV. pag. 540, 541.

твори Вавилонъ. єгоже глють Перси бга бывша, и сꙋща въ звѣзда нбны. єго наричють кроужиліа тотъ преже настави ловити и даꙗше всѣмъ звѣриноу ꙗсти. старѣи Прьсомъ.

Вѣщаша древніи ꙗко Кронъ въста на ѿца своего глемаго Дамїа. и ѿрѣзавъ оуды его тайныѧ въверже въ море. Приплоувше же тайныхъ оудовъ ѿрѣзаніе Афродитъ и бь. тако оубо та стоуднѣ и породнѣ чтетсѧ богыни. пакы блоудны ради смѣшеніи скверныхъ таинъ. тыи же Кронъ нареченъ бы ѿ Дамьѧ ѿца своего. во имѧ прѣходнѧѧ звѣзды. Бѣ же страшенъ всѣмъ ꙗко лютъ ратникъ сѣкый всѧ [1]).

τὸν γίγαντα, τὸν τὴν Βαβυλῶνα κτίσαντα, ὃν λέγουσιν οἱ Πέρσαι ἀποθεωθέντα καὶ γενόμενον ἐν τοῖς ἄστροις τοῦ οὐρανοῦ τοῦτον καλοῦσιν Ὠρίονα, αὐτὸς γὰρ πρῶτος κατέδειξε τὸ κυνηγεῖν καὶ ᾿εχορήγεν αὐτοῖς τὰ θηριὰ ἐις βρῶσιν, ὅθεν καὶ ᾿επρώτευσεν [2]).

Причиной такого разсказа послужило, очевидно, желаніе унизить, осмѣять самой дорогой для Славянъ культъ ихъ, такъ какъ Славяне, по своимъ мужественнымъ доблестямъ, становились все болѣе опасными, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ненавистными для Еллиновъ. Еще позднѣе, тѣ же самыя чувства національной вражды, которыя никогда не были чужды Еллинамъ относительно Славянъ, заставили ихъ обратиться еще съ другими, не менѣе унизительными, названіями къ славянскому культу. Въ видахъ религіозной ревности по вѣрѣ, у греческихъ христіанъ проповѣдниковъ, возстававшихъ противъ древнѣйшаго славянскаго культа, мы находимъ то же самое орудіе насмѣшки, обращенное какъ противъ богини Славы, такъ и противъ всего, что непосредственно происходило отъ нея и освящалось ею у Славянъ, какое предшествовавшіе имъ проповѣдники

---

[1]) Съборникъ Григорія, епископа Болгарскаго, л. 25 об.

[2]) Anecdota Graeca A. Crameri, vol. II, pag. 233,234. Сличи съ Anonymi Chronologica, напеч. въ Нибуровскомъ изд. вмѣстѣ съ Малалой, стр. 16—17.

обращали противъ своего еллинскаго языческаго культа Артемиды. Такъ мы видимъ въ нашихъ древнихъ рукописяхъ, какъ осмѣиваетея древнѣйшее славянское поклоненіе роду и роженицѣ, въ сопоставленіи его съ культомъ Артемиду и Артемидѣ. Подъ родомъ здѣсь ясно то божеское происхожденіе отъ славянскаго божества ихъ царей, именовавшихся славными изъ славныхъ, и тѣхъ царскихъ или княжескихъ заповѣдей, которыя назывались обыкновенно роди и которыя обнимали собою всю какъ гражданскую, такъ и религіозную жизнь славянскаго народа. Подъ роженицами же тутъ прямо разумѣлись самыя тѣ изваянія Дѣвъ жизни, богинь славы, предъ которыми на высокихъ могильныхъ курганахъ совершались различныя религіозныя требы. Въ древнихъ рукописяхъ находится замысловатое иносказаніе, сюда относящееся: Да та́ є̑сть прѧ къ єретико̑ и́ к҇ жерцє́мъ и҆дольскимъ. иже даꙗ́хꙋ за дв҇цу ла́нию. а́ за ѿтрока е̑ле́нь на жрътву и҆доло́мъ.

В҆зыди на горꙋ и҆ сконьча́йсѧ.

Ска҇. Єретици̑ наче́ньше до́брѣ, а злѣ̑ скони̑чавше.

Сконьча́йсѧ и взы́ди к на̑.

Ска҇. Прьвосла́вніи [1]) наче́ньше грѣ̑шни а̑ скони̑ча́ша праве̑ни. Про́къ рѣ̑чи томѧ бес толъкꙋ, а̑ще ли кто̑ хитръ е́сть, да прило́жить на свою̑ дш҇ꙋ.

Иносказанія эти обличаютъ своею иносказательностію весьма отдаленную отъ насъ древность, когда особенно былъ въ употребленіи древнѣйшій, приточный способъ выраженія мыслей. Такъ мы читаемъ: *(Здѣсь въ рукописи князя М. А. Оболенскаго оставленъ пробѣлъ на три строки).*

Изъ этого древнѣйшаго понятія о высокой мудрости, очевидно, что мудрымъ, или по древнему хитрымъ, почитался обыкновенно тотъ, кто былъ силенъ въ уразумѣніи смысла иносказаній. Получивши свое начало въ древнѣйшемъ символизмѣ священнаго санскрита, въ египетскихъ іероглифахъ, въ восточныхъ аллегоріяхъ и миѳахъ, когда высокая мудрость полагалась въ уразумѣніи таинственнаго смысла священныхъ книгъ и всякихъ прикровенныхъ

---

[1]) Такъ сказано въ принадлежащей мнѣ рукописи XVI в. на л. 240 об.; въ Архивской рукоп. № $\frac{478}{958}$ на л. 392 читаемъ: правовѣрніи.

сказаній, иносказательный складъ рѣчи былъ не мало любимъ и употреблялся нерѣдко и нашими древними писателями. По поводу приведенныхъ выше многознаменательныхъ иносказаній, на важность которыхъ обращаетъ особенное вниманіе и самъ сказатель, мы не можемъ не замѣтить, что въ нихъ довольно прозрачно сказывается смѣна одного народнаго культа у Славянъ, одного славленья другимъ богослуженіемъ. При такомъ смыслѣ иносказанія, въ первомъ изъ приведенныхъ выше сказаній указывается, что древнѣйшее языческое нагорное богослуженіе у Славянъ, названное еретическимъ, окончилось для нихъ, и что послѣ такого скончанія его на горахъ, Славяне обратились, перешли, возвысились отъ своихъ нагорныхъ мѣстъ къ высшему, христіанскому богослуженію. Во второмъ сказаніи подтверждается та же самая мысль, но при томъ съ особеннымъ еще указаніемъ на древнѣйшій славянскій культъ Славы. Въ немъ прямо говорится, что первославніи,—прьвославніи,—были, при этомъ своемъ культѣ, грѣшниками, — наченше грешни, но потомъ кончили праведностію,—скончаша праведни, т. е. обратились къ христіанству. Замѣчательно, что въ нѣкоторыхъ спискахъ слово прьвославніи замѣнено словомъ правовѣрніи, причемъ теряется, конечно, всякій смыслъ сказанія, такъ какъ, при такой замѣнѣ словъ, прямо выходитъ, будто правовѣрность была почему-то изначала грѣховностью, а потомъ, также неизвѣстно почему, сдѣлалась праведностью. Оставляя въ сторонѣ подобную безсмыслицу, не легко, однакоже, обойти тотъ вопросъ, откуда же и почему могла явиться въ нѣкоторыхъ спискахъ подобная замѣна словъ, не оправдываемая, не вызываемая никакимъ смысломъ, а напротивъ являющаяся въ ущербъ всякому смыслу. Не было ли какихъ либо особенныхъ причинъ, вызвавшихъ такую именно замѣну словъ? Вовсе же безъ причины произойти она не могла. На нашъ взглядъ эта причина кроется именно въ слѣдующемъ. Начиная изъ самой глубокой, языческой древности, славянскій народный культъ подвергался различнымъ враждебнымъ вліяніямъ. Сосѣдніе Еллины, стараясь подчинить себѣ мужественныхъ царскихъ Скиѳовъ, Россаланъ, т. е. Славянъ, управлявшихся царями, если не силою оружія, что оказывалось для нихъ непосильнымъ, то, по крайнѣй мѣрѣ, превосходствомъ своей цивилизаціи, старались, естественно, прежде всего о

томъ, чтобы привлечь ихъ къ себѣ въ самомъ средоточіи народной жизни, въ религіи. Съ этой цѣлію они всячески должны были стараться привить къ нимъ свой культъ, свое многобожіе, въ чемъ и успѣвали по временамъ, дѣйствуя по преимуществу на высшіе слои этого славянскаго населенія, гдѣ менѣе встрѣчали отпора своимъ цивилизаціоннымъ стремленіямъ. Такъ напр., извѣстно, что правитель царскихъ Скиѳовъ, Скилесъ, увлекся въ поклоненіе Вакху, за что и былъ низверженъ народною ненавистью, при возмущеніи, возбужденномъ противъ него его братомъ Октамазадомъ, въ царствованіе котораго Геродотъ путешествовалъ по Скиѳіи [1]. Въ видахъ униженія народной религіи въ глазахъ той части населенія, которое наиболѣе легко поддавалось еллинскому вліянію, религія эта подвергалась либо прямо осмѣянію со стороны Еллиновъ, либо подмѣнѣ славянскихъ божествъ еллинскими, причемъ самое имя послѣднихъ умышленно приводилось въ забвеніе, изглаживалось изъ памяти народной, и особенно тщательно изгонялось изъ письменности. Вотъ самая вѣроятная причина, почему такъ мало свѣдѣній дошло до насъ о древнѣйшей скиѳской миѳологіи, да и въ нихъ славянскія божества лишены соотвѣтственныхъ народныхъ своихъ наименованій, какъ, напримѣръ, богиню Аланъ „Славу“ мы знаемъ отъ Грековъ только по ея персидскому названію „Сакеи“. Впослѣдствія и это ея названіе Еллины подмѣнили своимъ названіемъ Артемиды, Афродиты, Орестеи, скрывая подлинное народное ея названіе, точно также, какъ и самыхъ Скиѳовъ они не называли настоящимъ ихъ именемъ Славянъ, происходящимъ отъ имени ихъ богини Славы, а называли другими именами: Саколотами, Сакитами, Скитами, Скиѳами, производя ихъ отъ персидскаго названія этой богини Сакеею. Религіозная вражда не могла выразиться иначе между древними, языческими народами. Презирая иноземныя, варварскія божества, Еллины ни сами не хотѣли знать, ни другимъ не желали сообщать ихъ названій.

Позднѣе, при обращеніи Славянъ къ христіанству, вновь обращенные изъ нихъ и просвѣщаемые христіанствомъ отъ Византіи, спѣшили сами предать забвенію и вычеркнуть какъ изъ народной

[1]) Herod. l. IV.

памяти, такъ и изъ всей своей письменности древнюю, языческую свою богиню Славу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свое древнее названіе Славянъ, заимствованное отъ ея имени [1]). Напоминаніе объ этомъ имени, при введеніи новой религіи, могло быть опасно для христіанства, какъ слишкомъ шевелившее еще надавнія, еще свѣжія и дорогія воспоминанія о Славянствѣ. Съ теченіемъ времени, имя древней языческой Славы потеряло свое обаятельное религіозное вліяніе и могло быть снова безопасно возстановлено. Иное, могучее, опасное соперничество христіанству представляло въ древности, при началѣ нашей письменности, языческое имя Славы именно для новообращеннаго изъ язычества въ христіанство Славянина. Отсюда проповѣдники новой религіи должны были спѣшить изгладить, по возможности, отовсюду это древнее языческое названіе. Такъ они и дѣлали. Прежде всего они постарались замѣнить его въ самомъ названіи культа-славленья. Вмѣсто словъ славленье, славіе, какъ напр. въ словахъ: звѣздославіе, родославіе, первославіе, стали говорить: звѣздословіе, родословіе, правовѣріе, вмѣсто Славянъ—Словене, христіане—крестьяне, при чемъ, очевидно, проповѣдники новой религіи производили, по древнему образцу, по всеобщему древнему народному обычаю, народное имя свое, какъ и названіе самой религіи, также какъ и прежде, отъ божества, но уже не отъ божества языческаго, не отъ богини Славы, а отъ истиннаго единаго Бога, Бога-Слова, самаго Христа, почему и стали называться Словенами, замѣняя этимъ новымъ названіемъ древнѣйшее свое названіе Славянъ.

Такимъ же образомъ и древнее слово «первославіе», сохранившееся въ нашемъ спискѣ, замѣнилось въ другихъ спискахъ словомъ правовѣріе, а слово Славяне, во многихъ мѣстахъ, въ нашихъ лѣтописяхъ, обратилось въ названіе Словенъ, при чемъ вездѣ тщательно скрывалось первоначальное происхожденіе слова «первославіе», какъ и названія Славянъ отъ языческой богини Славы, а также считалось грѣховнымъ поминать и самую эту богиню подъ настоящимъ ея названіемъ. Не маловажнымъ, прямымъ основаніемъ

---

[1]) Примѣръ подобнаго заимствованія представляли нѣкогда также Вавилоняне, производя свое названіе отъ божества же Ваала.

для такихъ понятій служило извѣстное мѣсто св. Писанія, именно Пс. XV (по евр. XVI), ст. 4, гдѣ читаемъ по русскому переводу: «Пусть (другіе) умножаютъ идоловъ своихъ, бѣгутъ къ чуждымъ; я не возливаю имъ кровавыхъ возліяній ихъ и не положу именъ ихъ во уста мои». Въ древнихъ рукописныхъ пергаментныхъ псалтиряхъ конецъ этого стиха читается: „ни помѧноу же именъ ихъ оустнама моима“.

Воспользовавшись такимъ умолчаніемъ, иноземные враги Славянства постарались произвести древне-славянское названіе всего народа славянскаго «Славѧнами» отъ чуждаго для нихъ имени раба, Sclavus. Ничѣмъ другимъ, кромѣ такого же систематическаго преслѣдованія слова «Славы» въ наиболѣе дорогихъ для Славянъ названіяхъ, возбуждавшихъ въ нихъ самыя священныя, самыя живыя воспоминанія, невозможно объяснить изчезновеніе въ нашей письменности и слова прѣ-слава, которымъ, въ глубокой древности, назывались у Славянъ ихъ хоругви, составлявшія, какъ извѣстно, предметъ самого высокаго обожанія и носившія на самомъ верху своемъ изображеніе богини Славы. Что касается до названія самой богини Дѣвы-Славы, то это названіе во всѣхъ письменныхъ нашихъ памятникахъ было совершенно уничтожено и вмѣсто него было поставлено другое, унизительное названіе «роженицы».

Св. Кириллъ, въ своихъ преніяхъ съ Козарами, оставилъ намъ память о первыхъ христіанскихъ проповѣдническихъ попыткахъ отвратить Славянъ отъ ихъ вѣрованія въ родъ и рожеництъ. Приводимъ драгоцѣнное мѣсто изъ книги «Кириллъ Словенскій», которая сохранилась, къ сожалѣнію, только въ отрывкахъ, въ разныхъ древнихъ рукописяхъ:

«Постави мя ꙗко стрѣлу избран'ну в'тулѣ.

Толкъ. Святіи бо възлюбив'ше Бога и притекоша к нему оправ'див'шеся правою вѣрою, кротостию и смиреніемъ и всѣмъ житіемъ пожив'ше чисто и праведно, и душю чисту уготовив'ше в' телеси чистѣ, ꙗко стрѣлу в' тулѣ. Тулъ убо речется тѣло, а стрѣла умъ и душа. Ꙗкоже бо стрѣла в' тулѣ истрѣлить ею и право летаеть и скорь: тако умъ и душа праведнича скоро и право въсходить на небо к' Богу, аки орелъ възлетаеть к' высотѣ, и Господа Бога своего любить и заповѣди его съблюдаеть; а не съблюдающіи заповѣдей Христовыхъ, то душа ихъ толь права

ѩко кочерьга, а умъ ихъ пестръ аки рысь пестра есть. Се же в' притчахъ глаголет' человѣку; аще ли желаеши мудрости в' сердци своемъ обрести, то съхрани заповѣди Господня, и Господь дастъ ти мудрость. Павелъ же Апостолъ рече: възлюбивъ Господа и заповѣди его съблюди глаголаше: кто ны можетъ разлучити отъ люб'ве Христовы? скор'бь ли туга, ли гоненіе, ли раны, и прочее.

Іеремѣя Пророкъ поминаеть глаголя: гор'лица, ластовица, щуръ сельный, птици разумѣють лѣту приходъ.

Сказ. Гор'лица есть церковь Божіа, а ластовица Іоаннъ Креститель, а щуръ великій учитель и премудрый Павелъ Апостолъ, а лѣто Христосъ. да ѩкоже п'тици проповѣдають лѣто приходящее. тако и сіи проповѣдають пришествіе Христово. Рече бо Пророкъ: пріиде Господь отъ горы сѣн'ныя части. Отъ горы, то рече с небесѣ отъ Отца; а иже сѣн'ныя части, сіи рече отъ Бога. сѣнь бо есть святая Богородица.

И другій рече: се грядеть крѣплій мене, емуже нѣсмь достоинъ разрѣшити ремень сапогу его.

Сказ. Се глаголеть о Апостолѣ Павлѣ, егоже ослѣпи Христосъ, идущу ему в'Дамаскъ. Сапогъ есть ученіе Христово, а ремень вѣра нова и крещеніе. А иже нѣсмь достоинъ, сіирѣчь, привести вся ѩзыки отъ невѣріа в' вѣру и въ крещеніе. Самъ убо Господь нашь Іисусъ Христосъ. егда учаше жидовъ, глаголаше к' народу: что чюдитеся и глаголете ѩко Іоан'нъ великъ есть. инъ того боліи есть, иже можеть понести распятіе мое и имя мое на себѣ. и нач'неть проповѣдати въ всѣхъ ѩзыцехъ пришествіе мое, и приводити нач'нетъ въ крещеніе, и нынѣ еще не въсталъ на проповѣданіе, ни въ Апостолы еще не прич'тенъ есть, и ни ѩвих'ся мнѣ, и гонитъ мя нынѣ и вѣрующихъ въ имя мое, и по истиннѣ тъ есть боліи Іоан'на. Се же, мню, о Павлѣ глаголетъ. Самъ бо Павелъ рече: Христосъ пріиде грѣш'ники спасеть, отъ нихъже пер'выи есмь азъ. И много о немъ глаголаше. Азъ же написахъ, но отъ многа. Глаголеть Господь Исаиемъ Пророкомъ: служащего ми радъ сътворю добро, и ходящимъ по заповѣдемъ моимъ, и в'нушающимъ словеса пророкъ моихъ и апостолъ моихъ, подамъ имъ пищу радости и веселіа моего в' будущемъ вѣци. Вы же, окан'ній жидове и прочіи невѣрующіи, остависте мя и забысте ученіа моего святаго, и готовающе трапезу рожаницамъ. испол'няюще бѣсомъ чер'пала; се вси вы закланіемъ падете. Глаголахъ бо к вамъ и не послушасте мене, учахъ вы и не ѩсте ми вѣры, ни

словесемъ моимъ, иже глаголахъ к вамъ усты пророческими; егоже бо не хощу, того творите, а егоже хощу, того не творите; се азъ предамъ васъ на смерть, а по смерти ж'детъ васъ мука вѣч'ная и никто же васъ избавить. Аще ли сего не лишитеся ставленіа трапезы тоя идольскіа, нарицаемыя рожаницамъ, испол'ні а чер'пала того бѣсов'скаго, то всѣ вы нач'нете горѣти з бѣсы в' негасимомъ огни; аще ли отвер'жетеся ученія того діаволскаго, ставленія трапезы тоя мерзъскіа и скоморошеніа [1]), имѣти имать оставленіе грѣхомъ и вѣч'нѣй пищи причаст'ници будете съ всѣми ненавидѣв'шими трапезы тоя проклятыя, мѣнимыя роду и рожаницамъ. И възгласи глаголя: имѣяй уши слышати да слышить» [2]).

Въ отвѣтъ на эти угрозы христіанской проповѣди относительно преграждения для язычниковъ входа въ рай, слышался полунасмѣшливый народный говоръ со стороны язычества: «Ай, заключенъ рай!» [3]). Въ возраженіе на ту же недоступность рая для язычниковъ, та же народная рѣчь выразила сомнѣніе объ этомъ присловьѣ, сохранившемся и до нашихъ дней. Въ немъ язычники укорительно старались какъ бы опровергнуть христіанъ ихъ же собственнымъ положеніемъ, говоря: «Въ небо приходящимъ отказу не бываетъ». Съ такимъ же точно сомнѣніемъ относились они и къ тѣмъ обѣщаніямъ вѣчныхъ наградъ отвергающимъ ученіе языческое и наслѣдующимъ за то вѣчной пищи причастіе, которыя обращала къ нимъ христіанская проповѣдь. Явной насмѣшкой въ этомъ именно смыслѣ звучитъ народное присловье: «коли хочешь въ рай, передайся къ намъ».

---

[1]) Замѣчательное выраженіе той же религіозной борьбы христіанства съ язычествомъ представляетъ слѣдующая древняя народная поговорка: „Богъ далъ попа, а чортъ скомороха". Очевидно, она явилась подъ вліяніемъ желанія возвысить христіанскихъ пастырей и унизить служителей языческаго культа.

[2]) См. рукоп. Архива Мин. Ин. Дѣлъ подъ № $\frac{478}{958}$, л. 71, 72 и 73.

[3]) Всѣ приведенныя выше и ниже пословицы и поговорки заимствованы нами изъ статьи проф. Ѳ. Буслаева „Русскія пословицы и поговорки". (Архивъ истор. юрид. свѣдѣній", изд. Н. Калачева. М. 1854, кн. 2, полов. 2).

Въ приведенномъ выше мѣстѣ изъ книги: «Кириллъ Словенскій» мы встрѣчаемся съ самымъ древнѣйшимъ возстаніемъ въ нашей письменности противъ славянской богини Славы и всего ея культа, вмѣстѣ съ основными его законами, которые назывались роди (княжию заповѣди), и на основаніи которыхъ родъ княжій Россовъ одинъ только имѣлъ право царствовать надъ Славянами, какъ происходившій отъ божества, какъ славный изъ славныхъ, по древнѣйшему выраженію восточныхъ Славянъ. И то и другое замѣняется таинственными, загадочными названіямя рода и роженицъ, къ которымъ приспособляются и пророческія писанія и подъ которыми разумѣлось: подъ родомъ цѣлый культъ богини Славы, со всѣми его законами и постановленіями, а подъ роженицами самыя ея изображенія, какъ изваянныя изъ камня, поставлявшіяся на могильныхъ курганахъ, такъ и отчеканенныя изъ мѣди, помѣщавшіяся въ видѣ наконечниковъ на славянскихъ прѣ или хоругвяхъ. Названіе роженицы, очевидно, въ насмѣшку, въ видахъ крайняго униженія, здѣсь впервые придается славянской богинѣ Дѣвѣ, и, затѣмъ, повторяется уже вездѣ въ позднѣйшихъ славянскихъ рукописяхъ. Происхожденіе такого именно, а не другаго какого-либо названія, относимаго къ этой богинѣ, по нашему мнѣнію, объясняется вполнѣ правдоподобно, если припомнить, что еще Еллины уже называли ее, на своемъ языкѣ, Артемидою, приравнивая ее къ своей богинѣ Дѣвѣ Діанѣ. Позднѣе, во времена возстанія на этотъ древній славянскій культъ, Греки же, какъ язычники, такъ и христіане, въ видахъ униженія и осмѣянія этой богини Дѣвы, высоко уважавшейся Славянами,— между прочимъ, и по тому особому почтенію, какое они оказывали вообще дѣвственности,—подмѣнили названіе Артемиды названіемъ Афротиды, Венеры, отличавшейся совершенно противоположными качествами, а наконецъ названіе это передали, на народномъ языкѣ, словомъ роженицы, которое и отнесли ко всѣмъ кумирамъ богини Славы. Въ то же время подъ словомъ родъ они осмѣивали и весь культъ этой богини, а вмѣстѣ съ тѣмъ и все то родославіє, которое вело начало свое у Славянъ отъ божества «Славы».

Въ приводимомъ нами драгоцѣнномъ древнѣйшемъ памятникѣ нашей письменности о первомъ осмѣяніи этого древнеславянскаго культа, мы открываемъ также и первое, а вмѣстѣ и важ-

нѣйшее свидѣтельство самого св. Кирилла о томъ, что у восточныхъ Славянъ, какъ это видно изъ словъ одного изъ нихъ, Козарина, препиравшагося съ св. Кирилломъ, культъ этотъ сохранялся въ Козаріи, во всей его первобытной простотѣ, еще и во времена св. славянскихъ апостоловъ. Въ другихъ мѣстностяхъ славянскаго міра въ это же время, какъ вѣроятно и еще гораздо ранѣе, культъ этотъ былъ уже замѣненъ, усложненъ иноземнымъ многобожіемъ.

Въ томъ же вполнѣ достопримѣчательномъ мѣстѣ книги «Кирилла Словенскаго» мы встрѣчаемъ замѣчательное толкованіе самаго св. Кирилла на евангеліе, гдѣ евангельскія слова, сказанныя безотносительно къ кому либо на землѣ, относительно того, что не родился человѣкъ больше Іоанна Крестителя, отнесены прямо къ Апостолу Павлу, котораго древнѣйшіе славянскіе писатели, въ томъ числѣ, какъ мы видимъ, св. Кириллъ и ревностный послѣдователь его въ христіанскомъ просвѣщеніи Славянъ, Григорій, епископъ Болгарскій, называютъ, вмѣстѣ съ св. Андреемъ, первоапостолами славянства.

Не менѣе замѣчателенъ у св. Кирилла и весь иносказательный способъ толкованія пророка Іереміи, какъ и обращенія апостола, указывающій на глубокую древность своего написанія.

Не можемъ не замѣтить еще, въ приводимомъ нами мѣстѣ, отрывка изъ ст. 7 гл. 8 пр. Іереміи. Въ немъ еврейское названіе птицы עָגוּר агуръ переводится словомъ шуръ, причемъ представляется замѣчательное созвучіе съ еврейскимъ словомъ, и даже, быть можетъ, прямое подражаніе самому написанію этого слова въ еврейскомъ текстѣ. Славянскій переводчикъ какъ будто не только имѣлъ предъ глазами этотъ текстъ, но еще и звукоподражалъ ему; или же въ самой той мѣстности, гдѣ онъ передавалъ еврейскій текстъ по славянски, въ составъ областнаго славянскаго говора входили еврейскія слова и вообще существовалъ въ немъ обмѣнъ еврейскихъ словъ съ славянскими, какъ напр. въ Хозаріи, во времена св. Кирилла. Подобной передачи еврейскаго слова агуръ словомъ шуръ мы уже не находимъ въ позднѣйшихъ редакціяхъ переводовъ св. Писанія. Такъ, въ библіи Острожской, слово шуръ за-

мѣнено словомъ сиконіѧ, указывающимъ уже не на еврейскій и даже не на греческій, а на латинскій переводъ этого слова.

Все упоминаемое въ выше указанномъ мѣстѣ изъ книги «Кириллъ Словенскій» о родѣ и роженицахъ, встрѣчающееся, какъ повтореніе и развитіе того же въ другихъ позднѣйшихъ памятникахъ письменности, относится, какъ мы уже сказали, только къ первоначальной, древнѣйшей формѣ славянскаго культа, сохранившагося, во времена св. славянскихъ первоучителей, въ славянской Хозаріи. Наиболѣе отличительными чертами этой первоначальной эпохи культа Славы были единобожіе и погребеніе тѣлъ. Въ другихъ мѣстностяхъ славянскаго міра язычество вступало уже во второй періодъ своего развитія, въ позднѣйшее многобожіе. Ко второму періоду славянскаго языческаго культа, отличительными чертами котораго были многобожіе и сожиганіе тѣлъ, относятся нѣкоторые древніе письменные памятники, въ которыхъ упоминается о родѣ и роженицахъ. Хотя памятники эти уже и обнародованы многими нашими учеными, съ своей стороны считаемъ не лишнимъ привести и объяснить здѣсь одинъ отрывокъ изъ нихъ, относящійся къ первому періоду славянскаго культа, предшествовавшаго многобожію.

Покойный достоуважаемый профессоръ С. П. Шевыревъ, во время своей поѣздки въ Кириллобѣлозерскій монастырь, нашелъ въ Паисіевскомъ сборникѣ [1]) слово св. Григорія, гдѣ, между прочимъ, говорится: «Оттуду же навыкоша Елени класти требы Атремиду и Артемидѣ, рекше роду и роженицѣ, таціи же Егуптяне. Тако и до Словѣнъ доиде се. словити начаша требы класти роду и роженицамъ преже Перуна, бога ихъ».

И Забѣлинъ, приводя это мѣсто въ своей статьѣ: «Новыя свидѣтельства о родѣ и рожаницахъ» [2]), находитъ необходимымъ слово «словити» произвольно раздѣлить, по своимъ соображеніямъ, на три слова: слово и ти. Безъ этого онъ находитъ это слово совершенно непонятнымъ, а при такомъ странномъ раздѣленіи одного слова

---

[1]) См. Поѣздку въ Кириллобѣлозерскій монастырь. ч. II. стр. 33.

[2]) См. Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихс ядо Россіи. Изд. Н. Калачева. кн. II-й полов. 2, стр. 64.

словити на три слова: «слов(о) и ти», и при сдѣланной г. Забѣлинымъ особенной вставкѣ, онъ даетъ этому слову совершенно иное значеніе. Между тѣмъ, до сихъ поръ, слово это для всѣхъ древнихъ переписчиковъ оказывалось вполнѣ понятнымъ, чему служитъ доказательствомъ то, что они, на основаніи древле усвоеннаго христіанскими проповѣдниками правила, слово «славити» обратили въ «словити». Да и по самому смыслу всего этого памятника, слово это для всякаго непредубѣжденнаго изслѣдователя вполнѣ понятно, и, затѣмъ, всѣ приводимыя г. Забѣлинымъ доказательства о томъ, что оно непонятно, доказываютъ единственно то, что смыслъ этого слова оставался до сихъ поръ неяснымъ только для самыхъ новѣйшихъ его пояснителей.

Выше мы уже доказали, что слово «славить» означало въ древности то же, что покланяться божеству, т. е., культъ, богослуженіе, при чемъ мы указали также, что слово это происходило у Славянъ, какъ и самое названіе ихъ, отъ ихъ божества Славы. Въ этомъ древнѣйшемъ значеніи своемъ слово «славить», въ приведенномъ нами отрывкѣ изъ слова св. Григорія, даетъ прямой и ясный смыслъ относительно того культа, какой имѣли Славяне преемственно. Изъ весьма понятныхъ выраженій этого отрывка: «тако и до Словѣнъ доиде се славити», безъ всякой произвольной замѣны вполнѣ понятнаго слова «славити» непонятными «слово и ти», мы узнаемъ, что Славяне славили, т. е., поклонялись единому божеству Славѣ, прежде чѣмъ они впали въ многобожіе и стали поклоняться Перуну и другимъ богамъ.

До сихъ поръ наши ученые не замѣчали еще, что мы имѣемъ два важныхъ, самыхъ положительныхъ свидѣтельствъ о томъ, что Славяне, до Перуна, покланялись одному божеству, которое и называли Славою, какъ и весь культъ его именовали Славою. Свидѣтельства эти заключаются въ указанномъ нами выше разговорѣ св. Кирилла съ Козариномъ, гдѣ послѣдній прямо утверждаетъ, что Козаре, или восточные Славяне, во времена Кирилла, держали одну только Славу, т. е. покланялись одному только божеству Славѣ; другое же свидѣтельство, въ приведенномъ выше отрывкѣ изъ слова св. Григорія, прямо подтверждая то же самое, удостовѣряетъ, сверхъ того, еще въ томъ, что такое славленье, такой культъ бо-

*

жеству Славѣ,—тако и до Словѣнъ доиде се славити,—существовало у нихъ ранѣе позднѣйшаго ихъ многобожія, именно прежде Перуна, бога ихъ.

Выше мы объяснили, что родомъ и рожаницами названы были позднѣе: словомъ родъ—самый культъ божества Славы у древнихъ Славянъ, какъ и законы этого культа — роди; а словомъ рожаницы — различныя изваянія и всякія изображенія богини Дѣвы, Славы.

Въ приведенномъ нами отрывкѣ написатель слова св. Григорія, стараясь объяснить сравнительною миѳологіею значеніе этого древлеславянскаго культа, вѣроятно, уже забытаго въ его время, приравниваетъ, по примѣрамъ, бывшимъ у Еллиновъ и до него еще, славянскую богиню Дѣву къ еллинской богинѣ Дѣвѣ же, и отсюда сопоставляетъ Артемиду съ рожаницею; но затѣмъ, не зная, какъ объяснить родъ греческою миѳологіею, онъ, звукоподражая тому же имени Артемидѣ, самъ отъ себя уже порождаетъ небывалое у Еллиновъ миѳологическое имя Атремида и говоритъ: «извыкоша Елени класти требы Атремидꙋ и Артемидѣ, рекше роду и рожаницѣ».

До сихъ поръ ученые наши полагали, что замѣчательнѣйшими изъ древнихъ памятниковъ письменности, гдѣ встрѣчаются названія родъ и рожаницы, должно считать паремейники, въ которыхъ имена ихъ упоминаются въ чтеніи изъ пророчества Исаіи о гроздѣ. Изъ указанныхъ выше мѣстъ теперь уже достаточно объяснилось, что названія рода и рожаницъ встрѣчаются уже гораздо ранѣе, именно въ письменныхъ памятникахъ еще IX вѣка, въ книгѣ «Кириллъ Словенскій». Въ отрывкѣ, выше нами приведенномъ, мы находимъ обращеніе св. славянскаго апостола къ жидовинамъ и прочимъ невѣрующимъ, что именно указываетъ на его проповѣдь Іудеямъ и другимъ иновѣрнымъ, язычествующимъ Славянамъ въ Хозаріи. Убѣждая и преклоняя ихъ къ вѣрѣ во Христа, онъ приводитъ и объясняетъ имъ, примѣнительно къ тогдашнимъ языческимъ славянскимъ понятіямъ и вѣрованіямъ, изъ пророка Исаіи гл. LXV ст. 11, 12, 13 и 14. Въ стихахъ этихъ, по переводу архимандрита Макарія съ еврейскаго, мы читаемъ: «а вы, оставляющіе Іегову, забывающіе гору святую Мою, поставляющіе столъ для

Гада и растворяющіе полную чашу для Мени» [1]) и проч. Вполнѣ понятно, почему Пророкъ обращаетъ здѣсь укоръ къ Евреямъ именно противъ извѣстныхъ увлеченій ихъ отъ истиннаго богослуженія къ поклоненію тѣмъ божествамъ, которыми они имѣли случай идолослужить по примѣру окружавшихъ ихъ язычниковъ. Божества эти были либо финикійскія: Гадъ, Мануѳи, либо вавилонскія: Ваалъ, Астарта. Противъ этихъ божествъ и возставалъ пророкъ Исаія. Словенскій апостолъ точно также, по примѣру Пророка, проповѣдуетъ Славянамъ истинную вѣру въ Бога, возстаетъ противъ языческаго культа, но при этомъ онъ имѣетъ въ виду, не какъ Исаія, уже не финикійскія или вавилонскія божества, а именно только славянское языческое божество. Отсюда, примѣнительно къ такимъ именно потребностямъ своей проповѣди, онъ и замѣняетъ въ своемъ толкованіи на пророчество, въ приводимыхъ изъ него мѣстахъ, имена языческихъ божествъ Гада и Мени названіями, приписанными культу Славянъ, въ видахъ осмѣянія и униженія его. Богиню Славы Дѣву онъ называетъ рожаницею, а богослуженіе ей, какъ и уставы этого культа (роди), узаконявшіе преемственность рода, происшедшаго отъ божества Славы, онъ называетъ, въ совокупности все вмѣстѣ вполнѣ послѣдовательно и согласно съ принятою идеею, однимъ словомъ родъ. Въ употребленіи такихъ названій христіанскій проповѣдникъ руководился, очевидно, примѣромъ Еллиновъ, которые также называли славянскую богиню сначала Артемидою, а потомъ Афродитою, сопровождая это послѣднее названіе соотвѣтственно насмѣшливыми миѳическими вымыслами, чему именно отвѣчало съ достаточной выразительностію славянское названіе рожаницы. Въ народной памяти, никогда не оставляющей безъ живаго отпечатка на себѣ никакихъ важныхъ народныхъ переломовъ, не могло не отразиться, въ изустныхъ преданіяхъ, хотя и съ извѣстной своеобразностью, побѣдное возстаніе св. Кирилла противъ славянской богини, приравненной Греками къ Артемидѣ. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ никто изъ нашихъ ученыхъ не нисходилъ до того, чтобы внимательно порыться въ этихъ

---

[1]) Гадъ (или Ваалъ Гадъ) и Мени (Мануѳи) имена финикійскихъ божествъ.

грубыхъ, чисто народныхъ памятникахъ, и поискать въ нихъ отмѣтки о самыхъ первоначалахъ древнѣйшей религіозной борьбы христіанства съ тѣмъ культомъ, который существовалъ у Славянъ, какъ поклоненіе богинѣ Дѣвѣ, и пріурочивался Еллинами къ Артемидѣ, а христіанами назывался въ насмѣшку требами роду и рожаницамъ. По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ даже не было и замѣчено, что народныя поговорки наши своеобразно хранятъ въ себѣ память объ Артемидѣ, сопоставляя это имя съ именемъ Кирилла, возстающаго на Артемиду. Вотъ что именно говоритъ одно замѣчательное народное присловье: «Артемида страшитъ Демида, а Кирилло ее въ рыло».

Примѣру высокочтимаго славянскаго первопросвѣтителя послѣдовали и другіе славянскіе проповѣдники, и отсюда-то названіе родъ и рожаница встрѣчаются также и въ паремейникахъ, какъ и въ другихъ памятникахъ нашей письменности, нерѣдко цѣликомъ повторявшей многія мѣста изъ древнѣйшей, благоговѣйно уважаемой проповѣднической бесѣды св. Кирилла съ Хозарами, записанной братомъ его св. Меѳодіемъ.

Мѣста же, повторяемыя съ истолкованіемъ въ словѣ о поставляющихъ трапезу (вторую) роду и рожаницамъ, которое почти постоянно входитъ въ составъ сборниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ Златоустовъ, приписываемыхъ Іоанну Златоустому, составляютъ позднѣйшее произведеніе славянскихъ проповѣдниковъ, гдѣ принято за основу толкованіе на пророка Исаію св. Кирилла, съ примѣненіемъ къ нѣкоторымъ современнымъ духовнымъ потребностямъ той паствы, къ которой обращалось проповѣдническое ихъ слово.

Здѣсь мы не приводимъ другихъ мѣстъ изъ древней нашей письменности о родѣ и рожаницахъ, такъ какъ онѣ относятся къ второй эпохѣ славянскаго культа, ознаменованной многобожіемъ и сожиганіемъ тѣлъ умершихъ: эпоха эта достаточно и превосходно уже обслѣдована въ ученыхъ трудахъ И. И. Срезневскаго, А. Н. Аѳанасьева, А. А. Котляревскаго и др.

Все сказанное и приведенное нами выше, по разнымъ наиболѣе древнимъ и достовѣрнымъ источникамъ, въ объясненіе древнѣйшаго подлиннаго значенія Руссовъ, какъ мужей племенитыхъ, мы пода-

гаемъ, достаточно свидѣтельствуетъ о такомъ именно общественномъ значеніи этихъ властелей между Славянами. Кончая нашу рѣчь объ этомъ собственно предметѣ, мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи, чтобъ не заключить ее драгоцѣннымъ свидѣтельствомъ въ пользу изложеннаго выше мнѣнія. Свидѣтельство это идетъ изъ глубочайшей древности; его сообщаетъ самъ отецъ исторіи, Геродотъ. Приводимъ здѣсь подлинныя его слова, вмѣстѣ съ точнымъ ихъ переводомъ:

Πέρην δὲ τοῦ Γέῤῥου ταῦτα δὴ τὰ καλούμενα Βασιλήια ἐστι, καὶ Σκύθαι οἱ ἄριστοι τε καὶ πλεῖστοι, καὶ τοὺς ἄλλους νομίζονδες Σκύθας δούλους σφετέρους εἶναι.

За рѣкой Герросомъ находится такъ называемая Царевщина, и Скиѳы доброродные и самые многочисленные; они считаютъ остальныхъ Скиѳовъ подвластными себѣ.

Здѣсь Геродотъ прямо и положительно дѣлитъ Скиѳовъ на царскихъ Скиѳовъ и просто Скиѳовъ. Изъ словъ его ясно слѣдуетъ, что царскіе Скиѳы были Скиѳы осѣдлые, и что они управлялись мужами племенитыми съ царемъ во главѣ, причемъ онъ свидѣтельствуетъ, что эти племенитые мужи считали прочихъ Скиѳовъ себѣ подвластными, — просто же Скиѳами онъ называетъ Скиѳовъ кочующихъ (толъковины), которые управлялись не царями, а старшинами изъ простородья. Мѣстность, которую Геродотъ отводитъ для этихъ Скиѳовъ, какъ свидѣтельствуютъ другіе писатели, какъ-то: Плиній, Тацитъ, Амміанъ, Марцелинъ, Стробонъ, Прокопій, была занята Россаланами и Аланами. Изъ чего ясно, что Геродотовы царскіе Скиѳы были Россъ-Алане, а просто Скиѳы были Алане. Относительно Аланъ и Россъ-Аланъ мы уже доказали, что это были Славяне и что послѣдніе управлялись своими доброродными мужами — Руссами.

Выше мы указали также и на тѣ древнѣйшіе аттрибуты власти, какіе нѣкогда неотъемлемо принадлежали Руссамъ. Въ числѣ этихъ аттрибутовъ мы видѣли между прочимъ прѣ или знамена. Здѣсь мы не можемъ не обратить вниманія на нѣкоторыя мѣста, гдѣ говорится объ этихъ прѣ у византійскихъ писателей.

Константинъ Багрянородный, описывая аудіенціею, данную въ

946 г. греческими императорами посламъ эмира Тарсійскаго, говоритъ, «что при этомъ многіе крестившіеся Руссы, вооруженные мечами, были во дворцѣ и держали въ рукахъ знамена. Οἱ βαπτισμένοι Ῥῶς μετὰ φλαμούλων βαστάζοντες σκουτάρια, φοροῦντες καὶ τὰ ἑαυτῶν σπαθία» [1]). Многіе приводили это мѣсто только какъ упоминающее о Руссахъ,—не болѣе. На тѣ особенные, отличительные аттрибуты, съ какими въ подробности они здѣсь описываются, не обращалось до сихъ поръ ни малѣйшаго вниманія. Между тѣмъ, здѣсь, очевидно, не безъ особеннаго намѣренія сказано, что Руссы стояли въ самомъ дворцѣ, были препоясаны мечами и каждый изъ нихъ держалъ въ рукѣ знамя. Изъ этого мы, не безъ основанія, должны заключить, что Багрянородный, описывая съ особенною подробностію такое отличительное вооруженіе Руссовъ, тѣмъ самымъ давалъ разумѣть, что Руссы были изъ добродныхъ, такъ какъ тогда было всѣмъ извѣстно, что только одни мужи добродные имѣли право опоясываться мечами и быть знаменоносцами.

Тоже самое подтверждается и отличительными аттрибутами Готовъ, которые, по отношенію къ власти, были преемниками Руссовъ въ славянскомъ мірѣ. Объ аттрибутахъ этихъ мы знаемъ отъ того же Константина Багрянороднаго. Онъ говоритъ, что «предводители ихъ (Готовъ) въ знакъ начальства носили древко съ небольшимъ знаменемъ изъ шелковой ткани, которая, когда вѣтеръ ею игралъ, извивалась подобно дракону».

Извѣстно, что въ самой глубокой древности у Славянъ надъ могилами царей и знаменитыхъ мужей ихъ насыпались обыкновенно курганы, на вершинахъ которыхъ ставились такъ называемыя нынѣ каменныя бабы. О такихъ древнихъ царскихъ славянскихъ могилахъ повѣствуетъ Геродотъ, причемъ, относительно царскихъ Скиѳовъ, которые, какъ мы уже видѣли выше, были именно тѣ Скиѳы, которые управлялись Руссами, Россами, или Риксами, словомъ, были Роксалане, свидѣтельствуетъ, что они, направляясь на сѣверъ и потомъ на востокъ, простирались до страны Герросъ (IV, 71), т. е. нынѣшняго Днѣпровскаго подпорожья, и даже по

[1]) См. Corpus scriptorum Hist. Byzantiae: Constantini Porphyrogeneti de Cerem. Aulae Byzant. pag. 579.

правому берегу Днѣпра до рѣки Герроса, или теперешняго Бузулука, который служилъ границею между ними и Скиѳами кочующими (IV, 56). До Герроса, т. е. до столицы Руси, по Геродоту, 40 дней плаванія по Днѣпру отъ устья Лимана. Полагая 25 верстъ въ день плаванія противъ воды, въ 40 дней пріѣдемъ къ Кіеву,— по поводу этого мѣста замѣчаетъ А. Ѳ. Вельтманъ [1]).

Любимымъ мѣстопребываніемъ царскихъ Скиѳовъ была долина Днѣпровская, отъ пороговъ и до Лимана.

Здѣсь-то жили предпочтительно цари ихъ, изъ которыхъ одинъ, Скилесъ, соревновавшій византійской образованности, имѣлъ обширный, великолѣпный дворецъ въ торжищѣ борисѳенеитовъ и жилъ около Лимана. Въ сосѣдствѣ же Днѣпровскихъ пороговъ, находилось самое завѣтное святилище этихъ царскихъ Скиѳовъ, кладбище царей ихъ (IV, 71). Геродотъ удостовѣряетъ, что оно было именно въ странѣ Герросъ, мѣстоположеніе которой онъ опредѣляетъ съ одной стороны отдѣленіемъ рѣки Герросъ отъ Борисѳенеиса, а съ другой границею судоходства по Борисѳену, изъ чего ясно слѣдуетъ, что оно находилось именно между первымъ сліяніемъ Бузулука съ Днѣпромъ и началомъ пороговъ, и, стало быть, между теперешнимъ мѣстечкомъ Никополемъ и городомъ Александровскимъ, въ Екатеринославской губерніи. Здѣсь, дѣйствительно, по обѣ стороны Днѣпра, встрѣчаются тѣ таинственные курганы, которые, при раскопкахъ и оказываются могилами [2]), доказывая необыкновенно точную достовѣрность описаній Геродота, засвидѣтельствованную, особенно въ послѣднее время, учеными провѣрками англійскихъ его издателей. Императорская Археологическая Коммиссія въ 1866 г., въ превосходномъ изданіи своемъ Древностей Геродотовой Скиѳіи, разоблачила предъ славянской наукой многое изъ этой глубочайшей древности. Въ этомъ изданіи она описала раскопку Александропольскаго кургана, а въ рисункахъ приложеннаго къ нему атласа художественно изобразила найденныя въ немъ драгоцѣнныя вещи

---

[1]) См. Аттила и Русь IV и V вѣка, стр. 212.

[2]) См. въ Записк. Одесск. Общ. любит. ист. и др., т. I, ст. Н. И. Надеждина: „Геродотова Скиѳія, объясненная чрезъ сличеніе съ мѣстностями„, стр. 84.

для славянской науки. Курганъ этотъ заключалъ въ себѣ гробницу скиѳскаго царя IV или III вѣка до Р. X.

Александропольскій курганъ, изображенный на виньеткѣ въ самомъ началѣ указаннаго нами изданія, находится въ Екатеринославскомъ уѣздѣ, близъ казеннаго селенія Александрополя, верстахъ въ 60—70 отъ Днѣпра и въ 30 верстахъ отъ рѣки Базавлука, и болѣе извѣстенъ подъ мѣстнымъ названіемъ Луговой могилы. Онъ принадлежитъ къ числу значительнѣйшихъ кургановъ во всемъ Новороссійскомъ краѣ. По подошвѣ, которая была обложена огромными дикарными камнями, онъ простирался въ окружности до 150 саж. и въ вышину имѣлъ около 10 саж. Видъ его былъ конусообразный. На вершинѣ его стояла нѣкогда, по разсказамъ мѣстныхъ жителей, каменная баба.

Осенью 1851 года, когда въ Александрополѣ начали строить церковь и каждый изъ поселянъ обязался привезти по одному возу камня для ея фундамента, четверо изъ нихъ, добывая камень у подошвы кургана съ южной стороны, въ разстояніи около 2-хъ саженъ отъ основанія кургана, напали на камни бо́льшей противъ прочихъ величины и, сдвинувъ ихъ съ мѣста, нашли подъ ними различныя вещи, въ числѣ которыхъ находились: бронзовый наконечникъ отъ древняго прѣ или знамени и мѣдныя украшенія, находившіяся на тулѣ, или колчанѣ и на налучіи, или налушнѣ [1]). Этотъ

---

[1]) Въ поясненіе значенія словъ: налучія или налушна, тула или колчана, приводимъ нѣсколько строкъ изъ древнихъ русскихъ стихотвореній Кирши Данилова:

Вынимаетъ онъ Потокъ
изъ налушна свой тугой лукъ,
изъ колчапа вынималъ калену стрѣлу;
и беретъ онъ тугой лукъ въ руку лѣвую,
калену стрѣлу въ правую,
накладываетъ на тетивочку шелковую,
потянулъ онъ тугой лукъ за ухо,
калену стрѣлу семи четвертей,
заскрипѣли полосы булатныя
и завыли рога у туга лука.

наконечникъ и мѣдныя украшенія особенно достопримѣчательны: на наконечникѣ съ обѣихъ сторонъ, а на украшеніяхъ съ одной стороны, находятся изображенія, совершенно сходныя съ тѣми изображеніями, которыя обыкновенно ставились въ глубокой древности на вершинахъ могильныхъ кургановъ и представляли собою богиню Славы, а позднѣе стали извѣстны подъ именемъ каменныхъ бабъ. Значеніе, какъ этого наконечника, такъ и этихъ украшеній, вполнѣ заслуживаетъ особеннаго вниманія, но до сихъ поръ не было еще объяснено и объяснить нѣтъ возможности иначе, какъ только припоминая тѣ неотъемлемые аттрибуты власти въ древле-славянскомъ мірѣ, въ число которыхъ неизбѣжно входили также и знамена, имѣвшія, какъ и всегда, на верхушкѣ своего древка особой формы наконечники, различные въ разныя времена. Въ древности видъ этихъ наконечниковъ, по всей вѣроятности, былъ такой, какимъ мы находимъ его въ томъ именно наконечникѣ, какой въ недавнее время посчастливилось открыть въ Александропольскомъ курганѣ. При такомъ указаніи на древнюю форму верхняго конца древка и при соображеніи всего, извѣстнаго о древнихъ знаменахъ, мы имѣли, затѣмъ, возможность наглядно изобразить весь цѣльный составъ древняго знамени, какъ въ отношеніи его прѣ, такъ и всего древка или стяга. Въ высшей степени замѣчательно особенно то, что на помянутомъ выше наконечникѣ встрѣчается изображеніе тѣхъ же самыхъ такъ называемыхъ бабъ, какія обыкновенно ставились на вершинѣ самыхъ кургановъ. Представляется затѣмъ вопросъ, который мы и предлагаемъ соображенію нашихъ ученыхъ, относительно значенія этихъ изображеній власти въ древнемъ славянскомъ мірѣ.

Мы, съ своей стороны, не можемъ не представить здѣсь нѣкоторыхъ данныхъ по этому предмету и нѣкоторыхъ выводовъ изъ нихъ.

Извѣстно, что славо «слава» въ славянскомъ языкѣ означаетъ изъ древности то же, что богослуженіе, поклоненіе, культъ. Отсюда, безъ сомнѣнія, это слово и получило у Славянъ свое высшее значеніе и употребляется въ смыслѣ того, что у другихъ народовъ передается словами: δόξα, gloria. Но если словомъ «слава», «славить» выражалось у Славянъ богослуженіе, богопоклоненіе, культъ,

то причина такому значенію «славы», очевидно, должна корениться ни въ чемъ другомъ, какъ въ этомъ же самомъ богослуженіи Славянъ и, всего вѣроятнѣе, значеніе свое слово «слава» заимствовало отъ имени божества у Славянъ, другими словами, самое это божество должно было именоваться Славою, а отсюда и все богослуженіе носило названіе «славы». Отсюда же и всѣ Алане, какъ тѣ, которые управлялись мужами Родо-Славными и Добро-Славными съ царемъ во главѣ, т. е. царскіе Алане, Россалане, по гречески—Царскіе Скифы, такъ и тѣ, которые управлялись старшинами изъ простолюдья, т. е. просто Алане, по гречески Скифы, назывались «Слава-Алане», а сокращенно «Славляне», «Славяне», подобно тому, какъ, на основаніи законовъ такого же замѣщенія звуковъ, древнѣйшее слово «православленіе» замѣнилось позднѣе, въ произношеніи, а отсюда и на письмѣ, болѣе краткою формою—«православіе». Отъ того же культа божества Славы и верховный великій князь Аланъ, Каганъ-русъ, назывался славнѣйшимъ изъ славныхъ; отсюда и ихъ высшее сословіе доброродныхъ мужей называлось Русью, словомъ, означавшимъ, какъ мы видѣли выше, славу, сіяніе; отсюда же, наконецъ, и слово Русь, какъ Слава, по своему древнѣйшему происхожденію отъ наименованія божества Славы, соединяется и до сихъ поръ съ понятіемъ святости; почему еще и до сихъ поръ говорится: Святая Русь. Допуская такое вполнѣ вѣроятное происхожденіе слова Славы, мы желали бы, затѣмъ, рѣшить только слѣдующій вопросъ: въ какомъ же именно видѣ изображалось у древнѣйшихъ Славянъ ихъ божество, называемое Славою. Для рѣшенія этого вопроса мы должны, конечно, обратиться къ древностямъ не западныхъ и не юго-западныхъ Славянъ, какъ уже позднѣйшихъ, а Славянъ именно юго-восточныхъ, такъ какъ, будучи Арійскаго происхожденія и идя въ Европу съ востока, Славяне, чѣмъ были нѣкогда восточнѣе, тѣмъ были древнѣе. У этихъ-то древнѣйшихъ Славянъ, какъ мы уже видѣли, на вершинахъ ихъ кургановъ, насыпавшихся обыкновенно надъ могилами ихъ Руссовъ, т. е. ихъ вождей, властителей, мужей доброродныхъ, поставлялись такъ называемыя нынѣ каменныя бабы. Изображенія тѣхъ же бабъ открываются и на наконечникахъ знаменъ, или прѣ, у тѣхъ же древнѣйшихъ Славянъ. Эти прѣ носились предъ или впереди всего Сла-

вянскаго войска, откуда получили, какъ мы уже доказали въ другомъ мѣстѣ, и самое свое название. Эти же прѣ, какъ мы также видѣли, служили аттрибутомъ власти мужей Родославныхъ и Дoff
брославныхъ и, по кончинѣ ихъ, эти прѣ полагались съ ними въ могилу. На вершинѣ же кургановъ совершались обыкновенно тризны у Славянъ и слѣдственно совершалось богослуженіе, культъ, славленье. Оно же воздавалось и знаменамъ: Славяне, какъ нѣкоторые утверждаютъ, обожали знамена [1]), т. е., покланялись имъ, какъ божеству, или, говоря древнѣйшимъ Славянскимъ языкомъ, славили знамена. На наконечникахъ этихъ знаменъ, какъ мы уже видѣли, изображена была та же Слава, изваяніе которой обыкновенно ставилось на вершинахъ кургановъ надъ могилами славнѣйшихъ славянскихъ мужей, Руссовъ, гдѣ также совершалось славленье.

Разъяснивъ, по возможности, изъ древнѣйшихъ вещественныхъ памятниковъ то отношеніе, въ какомъ находились въ глубокой древности изображенія на наконечникахъ древлеславянскихъ хоругвей къ тѣмъ кумирамъ, которые встрѣчаются на различныхъ курганахъ, очевидно, того же древле-славянскаго или аланскаго происхожденія, мы обратимся, затѣмъ, по своему обычаю, къ первоосновнымъ памятникамъ древней нашей письменности, къ русскому лѣтописному своду. Посмотримъ, не сохранилось ли въ немъ какихъ либо указаній, поясняющихъ то же самое отношеніе древнѣйшихъ мѣдныхъ изображеній на наконечникахъ прѣ къ кумирнымъ каменнымъ изваяніямъ древнѣйшаго славянскаго культа. Поищемъ этихъ поясненій въ наиболѣе древней и наиболѣе вѣрно передающей основный текстъ лѣтописнаго свода редакціи по списку Переяславля Суздальскаго. Вотъ что мы читаемъ въ переяславской рукописи: «(Владиміръ) взя же и в҃ капищи мѣдяны, ижъ были за стою Бц҃ею яко жены [2]) ѡбразѡмъ мраморяны суще». Въ этомъ про-

---

[1]) Исторія Карамзина. Спб. 1818. Т. 1, стр. 93.

[2]) Слово «жена»—санскритское «джани», собственно значитъ «раждающая», отъ глагола „джанъ“ — рождать. См. Ѳ. Буслаева Ист. Очерк. Русск. нар. слов. Т. 1, стр. 22.

Преподобный Несторъ, какъ писатель-христіанинъ, намѣренно не назы-

стомъ, ясномъ сообщеніи древняго лѣтописателя, мы открываемъ прямое, несомнѣнное, чисто историческое свидѣтельство о томъ же самомъ значеніи древнихъ мѣдныхъ изображеній славянскаго культа (капищъ) къ другимъ точно такимъ же изображеніямъ мраморнымъ или каменнымъ. Изображенія эти были одни и тѣ же, какъ на мѣдныхъ наконечникахъ прѣ, такъ и каменныя на могильныхъ курганахъ, какъ мы это уже видѣли по древнѣйшимъ памятникамъ, раскрытымъ раскопками. Какія это изображенія? Раскопки кургановъ, какъ и изваянія на нихъ, единогласно отвѣчаютъ: это изображенія женщины, т. е. изображенія исконной славянской богини, Дѣвы Славы. То же самое, въ согласіи съ вѣковымъ свидѣтельствомъ многихъ нашихъ предковъ, отвѣчаетъ на такой вопросъ и нашъ древній лѣтописатель. Онъ говоритъ: «капищи мѣдяны»,— т. е. мѣдныя культовыя корсунскія, или юго-восточныя славянскія изображенія,—яко жены образомъ мраморяны суще, т. е. имѣютъ тотъ же самый образъ или видъ, какъ и такія же мраморныя или вообще, каменныя изваянія, именно образъ или видъ жены. Такое древнее поясненіе къ раскопкамъ Александропольскаго кургана, по счастію сохраненное Переяславскимъ лѣтописцемъ, хотя до сихъ поръ и незамѣченное въ нашемъ ученомъ мірѣ, не оставляетъ желать ничего болѣе относительно своей ясности. Важность этого лѣтописнаго показанія во всѣхъ другихъ отношеніяхъ также не менѣе очевидна. Имъ сопоставляются въ прямую связь древнѣйшіе славянскіе памятники могильные на царско-скиѳскихъ курганахъ близь Александрополя съ памятниками юго-восточной славянской древности въ Корсуни. Одни и тѣ же важнѣйшія, культовыя изображенія оказываются какъ тамъ, такъ и тутъ, одни и тѣ же, какъ мѣдныя, такъ и мраморныя или каменныя кумирныя Дѣвы, или жены. Такое тождество культовыхъ, совершенно сходныхъ изображеній, блистательно свидѣтельствуетъ о той близкой родственной связи, которая соединяетъ могилы подъ александропольскими курганами, насыпанными за нѣсколько вѣковъ до Р. Х. Славяно-Ала-

---

ваетъ эти кумиры дѣвами, а, подобно предшественникамъ своимъ, к оторые именовали эти кумиры въ насмѣшку роженицами, называетъ ихъ женами, каковыя названія, какъ мы видѣли выше, тождественны.

нами, съ корсунскими потомками ихъ X и XI вѣка. Однимъ вполнѣ поясняется другое: памятники, дошедшіе до нашихъ дней, сохраненные древнѣйшими царскими могилами царскихъ Скиѳовъ, или Руссо-Аланъ, разъясняются другимъ, не менѣе дорогимъ для насъ памятникомъ, сохранившимся въ Переяславской рукописи— лѣтописцємъ Русскихъ царей. О томъ же самомъ, какъ и лѣтописецъ Русскихъ царей, относительно того, что изображенія славянской богини Дѣвы были мѣдныѧ, свидѣтельствуютъ и нѣкоторыя народныя присловья. Возьмемъ, для примѣра, одно изъ нихъ, слѣдующее: «видѣна дѣва [1]) мѣдѧна, а нє видѣна золотаѧ». Въ присловьи этомъ ясно выразилось народное воззрѣніе на древнѣйшіе кумиры богини Дѣвы. Кумиры эти дѣлались не всегда, хотя и большею частью, мѣдныє. Такъ мы видѣли уже, что въ Тавріи кумиръ этой богини, похищенный Орестомъ, былъ вылитъ изъ золота. Бывали кумиры, какъ говоритъ нашъ лѣтописецъ, ѡви древѧны, ѡви медѧны и мраморѧны, и сребрѧны и златы.

Изъ всѣхъ этихъ изображеній особенно знакомы были народу изображенія мѣдныѧ. Эти изображенія всего чаще были у него на глазахъ, какъ въ его божницахъ, такъ и на знаменахъ. О золотыхъ изображеніхъ онъ только слыхалъ, но никогда почти ихъ не видывалъ. Позднѣе, вмѣстѣ съ учрежденіемъ древле-славянскаго культа, эти дорогія изображенія, вѣроятно, были всѣ расхищены, тогда какъ мѣдныѧ еще оставались. Вообще, сопоставляя мѣдь съ золотомъ и никогда не видя золотыхъ изображеній своей богини, а между тѣмъ иногда слыша о нихъ, народъ вправѣ былъ выразить это въ своемъ говорѣ: «видѣна дѣва мѣдѧна, а нє видѣна золотаѧ». Впослѣдствіи названіе «Дѣвы» обращено было, въ видахъ осмѣянія, противниками древняго культа, какъ увидимъ ниже, въ дѣвку, роженицу, жену, бабу.

Преданіе о томъ, что названіе бабы дано божеству славянскому позднѣе, а что прежде Славяне называли ее богинєю, сохранилось въ народномъ присловьѣ: звалася баба богинєю (вар. княгинею) за пречистою братиною.

Вообще же народная рѣчь отпечатлѣла въ себѣ, въ этомъ отно-

---

[1]) Варіантъ „дѣвка". Арх. Кал. кн. 2, пол. 2, стр. 83.

шеніи, то же самое, что сохранилъ намъ и лѣтописный сводъ по списку Переяславля Суздальскаго.

Въ другихъ, позднѣйшихъ рукописяхъ, мы уже не встрѣчаемъ этой древней ясности и простоты показаній. Извѣстіе, приводимое въ Переяславской рукописи относительно найденныхъ Владиміромъ двухъ мѣдныхъ изображеній славянской богини, очевидно, не безъ умысла искажено и затемнѣно въ нихъ. Такъ, въ русскомъ лѣтописномъ Сводѣ, напечатанномъ въ I т. Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей, мы читаемъ: «Взѧ же и да мѣдѧнѣ двѣ капищи, и д҃ конѣ мѣдѧны, иже и нынѣ стоѧть за свѧтою Богородицею; ѧкоже невѣдуще мнѧть ѧ мраморѧны суща». Въ этомъ искаженіи первоосновнаго лѣтописнаго текста, сохранившагося по списку Переяславля Суздальскаго, драгоцѣнна та прозрачность, съ какою просвѣчиваетъ въ ней самая цѣль искаженія, отнюдь небезъумышленная. Конечно, не будь у насъ на глазахъ того же мѣста по болѣе правдивому варіанту изъ Переяславскаго лѣтописца, и мы не имѣли бы никакой возможности не только выяснить себѣ этого преднамѣреннаго искаженія, но и просто уразумѣть позднѣйшій текстъ лѣтописи. Но съ помощію этого лѣтописца, изъ сопостановки и сличенія съ нимъ позднѣйшихъ редакцій, становится вполнѣ ясно, чего хотѣлось этимъ редакціямъ. Принося историческую правдивость въ жертву высшихъ поучительныхъ стремленій и опасаясь болѣе всего сохранить потомству и вѣкамъ въ письменномъ благочестивомъ словѣ память о поганствѣ (язычествѣ) и о поганственномъ образѣ, о видѣ языческой славянской богини, благочестивый списатель и передѣлыватель разсказа о найденныхъ въ Корсунѣ 2 мѣдныхъ изображеніяхъ этой богини счелъ за лучшее изгладить ихъ вовсе изъ своей лѣтописи, не упоминать вовсе объ образѣ этихъ изображеній, такихъ же, какъ и на мраморныхъ кумирахъ, т. е. объ образѣ жены. Съ этой цѣлію онъ весьма замѣтно для безпристрастнаго наблюдателя передѣлываетъ древнѣйшій текстъ: «ѧко жены образомъ, мраморѧны суще» въ совершенно другой, а именно: ѧкоже не вѣдуще мнѧть ѧ мраморѧны суще». Образъ древле-славянской богини исчезаетъ при этомъ вовсе изъ лѣтописнаго Свода, и хотя съ тѣмъ вмѣстѣ исчезаетъ изъ него и древній, ясный, простой смыслъ разсказа, но тѣмъ не менѣе цѣль позднѣйшей редак-

ціи достигнута: память объ образѣ поганственнаго (языческаго) божества сокрыта отъ потомства. Вмѣсто него замѣтна грубая вставка: 4 конєй, а по инымъ спискамъ еще и 3 львовъ, чѣмъ самымъ совершенно устраняется изъ разсказа извѣстіе о томъ образѣ или видѣ, какой имѣли мѣдныѧ капища или, по выраженію другихъ списковъ, болваны, взятые Владиміромъ.

Замѣчательна также грубая несообразность, встрѣчаемая въ позднѣйшихъ редакціяхъ, не обращавшая на себя, къ сожалѣнію, и до сихъ поръ ничьего вниманія. Несообразность эта бросается, однакожъ, въ глаза всякому, внимательно сличающему эти редакціи съ редакціями Переяславскаго списка. Тогда какъ въ немъ мы читаемъ, что Владиміръ, бывши въ Корсуни, взялъ 2 мѣдныхъ капища, бывшихъ за святою Богородицею, — взѧ и в҃ капища мѣдѧны, ижъ были за Стою Бцею, —въ другихъ редакціяхъ видимъ нелѣпую передѣлку, будто эти же капища, которыя взя Владиміръ, и нынѣ стоятъ за святою Богородицею. Гдѣ-же: въ Корсуни ли, откуда ихъ уже взялъ Владиміръ? что нелѣпо, или въ Кіевѣ, гдѣ Владиміръ не могъ же, не будучи уже язычникомъ, ставить языческія капища за святою Богородицею? Нелѣпость, очевидно, и здѣсь не меньшая, устраняемая изъ Лѣтописнаго Русскаго Свода единственно поправкою Лѣтописца Русскихъ Царей.

Изъ сопоставленія всѣхъ этихъ древнѣйшихъ данныхъ изъ славянскаго быта юговосточныхъ Славянъ, относительно того славленья, поклоненія, которое воздавалось этими Славянами изображенію ихъ божества, называемому нынѣ въ простонародіи каменной бабой, нѣтъ возможности не придти къ тому достаточно вѣроятному заключенію, что въ глубокой древности у юговосточныхъ языческихъ Славянъ арійскаго происхожденія само верховное существо представлялось въ образѣ Дѣвы и называлось Славою. Отсюда-то такое высокое понятіе включалось Славянами и въ самое слово «слава» во всевозможныхъ, указанныхъ нами выше, его употребленіяхъ. По крайнѣй мѣрѣ, мы, съ своей стороны, не находимъ другаго болѣе вѣроятнаго основанія для такого именно высокаго древле-славянскаго значенія слова «слава». Идя за своими прѣ, или знаменами, съ изображеніями на самой вершинѣ этихъ прѣ верховнаго славянскаго божества Славы, въ обликѣ Дѣвы,

предводительствуемые этими пре, несомыми руссами, славнейшими славянскими мужами, Славяне, бросаясь въ битву, оглашали воздухъ восторженными, вдохновительными кликами: Слава-Іага, Слава-Іага [1]). Почему не только сами себя называли, но и другіе народы не могли не называть ихъ, слыша эти ихъ клики, Славянами [2]).

Предоставляемъ нашимъ славянскимъ ученымъ подтвердить еще болѣе, или опровергнуть это наше заключеніе о происхожденіи древнѣйшаго значенія слова Славы въ древле-славянскомъ языкѣ. Относительно самаго названія этого божества Славы богинею мы не можемъ не высказать здѣсь того мнѣнія, что до сихъ поръ нерѣшенный вопросъ о томъ, какъ называлось древнѣйшее божество у Славянъ, едва ли не долженъ остановиться на словѣ Іагъ, Іага, какъ выражавшемъ вообще идею божества. Слава-Іагъ Слава-Іага — таково могло быть полное названіе богини Славы у Славянъ.

Далѣе, мы не входимъ здѣсь въ точнѣйшее опредѣленіе этого названія, а считаемъ нужнымъ только замѣтить, по поводу всего сказаннаго нами выше, что, допуская происхожденіе у Славянъ древнѣйшаго значенія слова славы отъ ихъ верховнаго божества, именовавшагося Славою, мы не имѣемъ ничего возразить противъ признаваемаго нѣкоторыми въ ученомъ мірѣ происхожденія названія Славянъ отъ слова Славы въ смыслѣ религіи, какъ поклонниковъ Славы, откуда въ древности слово слава и употреблялось въ смыслѣ религіи, какъ напр. слава бѣсовская означала идолослуженіе; да и до сихъ поръ съ словомъ славы сопрягается въ нашемъ языкѣ понятіе религіозное, такъ напр. понятіе это ясно слышится въ самомъ словѣ православіе [3]). Но мы не можемъ, при этомъ,

---

[1]) У древнѣйшихъ Славянъ, ихъ потомковъ, замѣчательно сопоставленіе этого слова—Слава съ словомъ живіе, происходящимъ отъ слова жизнь, которымъ называлась у Евреевъ также женщина.

[2]) Слово человѣкъ, чловѣкъ могло произойти также у Славянъ отъ слова Слава, съ замѣною звука *с* звукомъ *ч* на томъ основаніи, что всѣ поклонявшіеся богинѣ Славѣ назывались Славянами.

[3]) См. четыре бесѣды Фотія и разсужденіе о нихъ преосв. Порфирія. Спб. 1864. стр. 57.

согласиться съ мнѣніемъ достопочтеннаго нашего исторіографа, Н. М. Карамзина, будто бы Славяне обожали именно знамена [1]). Изъ всего объясненнаго нами выше относительно того, что представили намъ новѣйшія раскопки древнѣйшихъ славянскихъ кургановъ, теперь уже ясно, что Славяне поклонялись не собственно знаменамъ, а именно тому, что изображалось на вершинѣ этихъ знаменъ, или прѣ, т. е. верховному своему божеству Славѣ. То же самое замѣчаніе мы обязаны сдѣлать и по поводу мнѣнія Массуди, которое приводитъ А. А. Котляревскій относительно того, будто бы Славяне поклонялись тѣнямъ усопшихъ [2]). Мнѣніе это, очевидно, основывалось на томъ, что Славяне совершали тризны и отправляли богослуженіе на курганахъ, насыпанныхъ надъ ихъ умершими. Но мы уже знаемъ, что на тѣхъ же самыхъ курганахъ Славяне ставили обыкновенно изображеніе и своего божества богини Славы. Ей-то, безъ сомнѣнія, а не усопшимъ они и воздавали тутъ-же богопоклоненіе, или, что тоже, справляли славленье; самые же усопшіе служили, при этомъ, не болѣе, какъ только прямымъ поводомъ къ отправленію такого богослуженія, славленья, совершавшагося, какъ поминовеніе по усопшемъ.

Не можемъ, по этому поводу, не привести несомнѣнныхъ свидѣтельствъ о древнѣйшемъ способѣ погребенія у Славянъ. Геродотъ, описывая царскія скиѳскія кладбища, въ кн. IV. LXXI, говоритъ: «кладбища царей скиѳскихъ находятся въ Герросѣ (ἐν Γέῤῥοις), въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ начинается судоходство по Борисѳену... Когда умретъ у нихъ царь, то (по совершеніи сорокодневной тризны) по очищеніи тѣла отъ внутренностей и намащеніи благовоніями, везутъ его на колесницѣ въ Герросъ (Γέῤῥος). Всѣ жители мѣстъ, чрезъ которыя везутъ тѣло, также обрѣзываютъ волосы и терзаютъ себя. По прибытіи въ столицу, ставятъ тѣло въ гробу на одръ, устланный зеленью; потомъ устроиваютъ изъ копій крытый навѣсъ, подъ которымъ задушивъ любимицу

---

[1]) Мнѣніе это Н. М. Карамзинъ основываетъ на Сакс. Грам. Hist. Dan. стр. 322, Машъ: Über die Alterthüm. der Obotriten и Chron. Дитм. Мерзебург. стр. 415 (Исторія Госуд. Рос. т. 1, примѣч. 219).

[2]) О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ. М. 1868. стр. 57—58.

царя, кравчаго, повара, конюшаго, гонца и лошадей, предаютъ все погребенію, съ разными вещами и золотыми кубками, а потомъ насыпаютъ высокую могилу». Тотъ-же самый обрядъ сопровождалъ, какъ извѣстно, и погребеніе Аттилы. Вотъ что передаетъ объ этомъ Іорнандъ: «Выразивъ такимъ образомъ свое отчаяніе, они совершили на могилѣ его великій пиръ, называемый у нихъ страва, предаваясь попеременно противоположнымъ чувствамъ и вмѣшивая разгулъ въ печальный обрядъ. Во время ночи прахъ Аттилы былъ тайно преданъ землѣ; его положили въ три гроба: первый былъ золотой, второй серебряный, а третій желѣзный. Вмѣстѣ съ нимъ положили оружіе, ожерелья изъ драгоцѣнныхъ камней и разныя царскія украшенія. Чтобъ скрыть всѣ эти сокровища отъ похищенія, они убили всѣхъ прислужниковъ, бывшихъ при погребеніи». Изъ обѣихъ этихъ свидѣтельствъ, какъ Геродота, такъ и Іорнанда, мы видимъ, что первичная форма погребенія у Славянъ была не сожженіе, а просто преданіе праха землѣ. Сожженіе явилось уже позднѣе. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы узнаемъ, что при погребеніи, вмѣстѣ съ царемъ, хоронились не только его приближенные, но даже и его кони и разныя царскія украшенія, и что надъ всѣми погребенными насыпалась могила, или курганъ. При погребеніи царей ближайшимъ металломъ къ его праху полагалось золото, затѣмъ дальше шло серебро и напослѣдокъ уже желѣзо. Достовѣрность этихъ свидѣтельствъ во многомъ уже подтвердилась позднѣйшими раскопками тѣхъ древнѣйшихъ царскихъ могильныхъ кургановъ, какіе находятся въ древнемъ Герросѣ, близъ нынѣшняго Бузулука. Этими же раскопками открылось нѣчто и новое. Онѣ разоблачили другую тайну вѣковъ по поводу тѣхъ же могилъ. При раскопкѣ знаменитаго Александропольскаго кургана обнаружено, что онъ подвергся нѣкогда, безъ сомнѣнія въ глубокой древности, систематическому расхищенію. По всей вѣроятности, расхищеніе это могло совершиться только тогда, когда уже древнѣйшая династія Руссовъ была смѣнена иною династіею Хозарскою, Обрскою или другою, когда первобытные Руссы при такой династической перемѣнѣ, по древнему обычаю, были частію истреблены, т. е. вырѣзаны, частію удалились въ другія мѣстности, и, какъ мы уже говорили, на сѣверъ, къ Балтійскому

поморью. Иначе, при существованіи еще этой перво-славянской династіи во главѣ южнаго славянства, народное благоговѣніе къ своимъ правителямъ не могло дозволить подобнаго расхищенія, подобнаго святотатства въ отношеніи священнаго праха своихъ царей. Въ извѣстныхъ народныхъ сказкахъ: а) о трехъ царствахъ— мѣдномъ, серебряномъ и золотомъ и б) Иванъ Сученко и бѣлый Полянинъ,—открываются древнѣйшія преданія объ этомъ расхищеніи, обставленныя различными поэтическими вымыслами. Въ нихъ мы видимъ замѣчательное сходство съ древнимъ процессомъ разграбленія, оказавшимся при раскопкахъ Александропольскаго кургана. Въ основѣ этихъ сказокъ ясно просвѣчиваетъ разсказъ расхитителей царскихъ гробницъ, хвастливо распространенный ими въ народѣ, о тѣхъ трудностяхъ, какія они испытывали въ подземномъ своемъ путешествіи за золотою добычей. Путь этотъ близко совпадаетъ съ тѣмъ путемъ грабителей, какой открыли современныя раскопки кургана. Вотъ что повѣствуютъ намъ объ этомъ народныя наши преданія.

Въ обѣихъ указанныхъ нами выше сказкахъ, подъ видомъ исканія невѣстъ, изображается преодолѣваніе многихъ трудностей и опасностей при добычѣ мѣди, серебра и золота изъ могильныхъ кургановъ. Въ сказкѣ: «Иванъ Сученко и бѣлый Полянинъ» разсказывается: братья пошли по слѣдамъ стараго дѣда, пріѣзжавшаго въ ступѣ съ того свѣта, шли-шли—стоитъ гора, въ той горѣ ляда; взяли ее отворили, привязали до каната камень и опустили въ нору; какъ достали камнемъ дно, вытянули его назадъ и привязали до каната Ивана Сученка. Говоритъ Сученко: черезъ три дня какъ встряхну канатъ, сейчасъ меня вытягайте. Вотъ отпустили его на тотъ свѣтъ.» А въ сказкѣ о трехъ царствахъ говорится: «пошли змѣй съ Ивашкомъ, дошли до камня; и змѣй приказалъ камень отворотить съ мѣста. Ивашко хватилъ его, и камень какъ не бывалъ — съ мѣста слетѣлъ; тутъ оказалась дыра въ землю и близь нея утверждены ремни. Вотъ змѣй и говоритъ: Ивашко, садись на ремни, я тебя спущу, и ты тамъ пойдешь и дойдешь до трехъ царствъ, а въ каждомъ царствѣ увидишь по дѣвицѣ». Подобное же тому разсказывается и въ малороссійской сказкѣ: Норка-звѣрь. Въ ней царевичъ проситъ своего отца «штобъ іонъ вялѣвъ звить кожанный.... браты опустили его». При

раскопкѣ Александропольскаго кургана, дѣйствительно оказалось углубленіе въ землю, заваленное камнями, похожее на колодезь, длиною въ 6, шириною въ $5^1/_2$ и глубиною въ 8 аршинъ. Въ западной стѣнѣ этого колодезя, въ уровень съ дномъ его, находилось полукруглое отверстіе. Это былъ входъ въ галлерею, которая вела въ средину кургана, прямо къ царской могилѣ. Недалеко отъ колодца, при самомъ началѣ этой галлереи, найдено нѣсколько лошадиныхъ остововъ. Замѣчательно, что въ сказкѣ «Норка-звѣрь» Иванъ Царевичъ, опустившись въ отверстіе горы и очнувшись на томъ свѣтѣ, подъ землею первымъ предметомъ встрѣчаетъ тамъ коня въ богатой збруѣ. Такое совпаденіе сказочнаго разсказа съ дѣйствительностію, оказавшеюся при раскопкахъ кургана, прямо доказываетъ, что и самый разсказъ этотъ идетъ отъ тѣхъ, кому хорошо была извѣстна дѣйствительность, а безъ сомнѣнія такая извѣстность могла принадлежать только тѣмъ, которые нѣкогда проникали въ эти курганы этимъ самымъ колодцемъ и этою самою галлереею, гдѣ и находили, при первомъ же вступленіи въ нее, лошадиные остовы. Очевидно, это были древніе расхитители кургановъ; они же были и первые слагатели народныхъ разсказовъ о разныхъ своихъ подвигахъ, при подземномъ путешествіи, представленныхъ ими подъ иносказательными образами исканія невѣстъ съ богатымъ приданымъ.

Осмотрѣвъ памятники древней славянской письменности относительно первой эпохи славянскаго культа—единобожія и погребенія умершихъ и коснувшись при этомъ нашихъ народныхъ сказокъ, сохранившихъ въ себѣ преданіе о разграбленіи царскихъ гробницъ, мы обратимся къ народнымъ же разсказамъ и посмотримъ, не сохранила ли народная память какихъ либо указаній о древнѣйшей эпохѣ славянскаго культа и о современной тому династіи Руссовъ.

Та борьба новыхъ религіозныхъ вѣрованій съ языческой древностью, которая выразилась въ древле-славянской проповѣднической письменности осмѣяніемъ язычества, отразилась также и въ народномъ изустномъ сказѣ, гдѣ остались слѣды того же осмѣянія, перешедшаго уже прямо въ поруганіе. Неоспоримо, что народныя сказки древнѣйшей первичной формаціи сохранили въ себѣ, какъ выразился ученый издатель русскихъ сказокъ А. Н. Аѳанасьевъ,

много указаній и намековъ на сѣдую старину доисторическаго періода. И вообще, народная рѣчь, даже самая грубая, какъ напр. выраженія бранныя, таитъ въ себѣ точно такія же указанія. Безъ этого нѣтъ никакой возможности объяснить, напр., почему въ одно и то же время, при самыхъ нѣжныхъ чувствахъ, обращаемыхъ въ народѣ къ понятію матери и указывающихъ вѣковое почтеніе къ ней даже въ названіи земли матерью, — мать сыра земля,—въ народѣ существуетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, самая непристойная, самая унизительная брань, основанная все на томъ же обращеніи къ имени матери. Относясь не шуточно, не легко, а серьезно ко всякому обстоятельству народнаго быта, глубокій изслѣдователь неизбѣжно приходитъ къ вопросу: почему же нигдѣ, въ этихъ грубыхъ бранныхъ, безличныхъ выраженіяхъ, позорящихъ не то или другое лице, а самое высокоуважаемое въ народѣ понятіе матери и дѣвственности, не слышится нигдѣ имени отца, мущины, а слышится все только имя женщины, все только имя мать? Не скрывается ли причина этому въ какой либо особенной доисторической чертѣ народнаго быта и въ чемъ именно? Попытаемся объяснить эту причину.

Выше мы уже сказали, что Славяне, при древнѣйшемъ своемъ культѣ, подъ вліяніемъ обоготворенія женщины въ образѣ богини Дѣвы-Славы, высоко чтили дѣвственность и женщину вообще. Мы видѣли также, что позднѣе иноземное вліяніе еллинскаго многобожія настойчиво старалось застѣнить древній образъ Славы въ Славянахъ нечистою идеею своей Афродиты, со всевозможною обстановкою самыхъ постыдныхъ образовъ. Осмѣивая ту же древнѣйшую богиню Славянъ подъ этимъ послѣднимъ образомъ, христіанскіе проповѣдники, какъ мы уже указали, начиная съ самыхъ первыхъ духовныхъ просвѣтителей славянства, обращали всю силу своей проповѣди противъ этой же древней славянской богини, подъ не менѣе позорнымъ и насмѣшливымъ названіемъ роженицы. Примѣру ихъ послѣдовали и многіе другіе пастыри, благоговѣйно подражавшіе ихъ проповѣди, гремѣвшей первоначально въ Хозаріи противъ древле-славянскаго, сохранившагося тамъ культа единой Славѣ, до жидовства, державшагося также на почвѣ единобожія. Подобное долговременное осмѣяніе древле-славянской богини не могло, наконецъ, не перейти въ крѣпкое, живучее народное слово, гдѣ и вылилось въ особыя гру-

быя бранныя выраженія, совершенно вѣрно, простонародно передававшія то же самое понятіе осмѣянія, какое заключало въ письменности слово роженицы. Этимъ именемъ, только подъ другими словами, народное негодованіе, совершенно безлично и самымъ позорнымъ образомъ клеймило всякаго исповѣдника не новой, а старой языческой вѣры въ богиню Славу, какъ и самую эту богиню, чтимую древле-языческими Славянами, какъ мать-сыру землю, принимавшую человѣка въ нѣдра свои при погребеніи, и затѣмъ передававшую духъ его въ лоно вѣчной жизни, безсмертной славы.

Отсюда же, конечно, произошло и самое названіе «баба», въ отношеніи къ тѣмъ каменнымъ кумирамъ богини дѣвы Славы, какія обыкновенно ставились въ древности на могильныхъ курганахъ. Кумиры эти прозвались въ народѣ каменными бабами. Карамзинъ, Т. V, въ прим. 125, говоритъ, что объ идолѣ золотой бабы упоминается въ рукописной Новгородской лѣтописи подъ г. 1398, гдѣ говорится: «Преставися св. Стефанъ.... Сей научи Пермскую землю вѣрѣ Христовѣ..... а прежде кланялися звѣремъ, и древомъ, водѣ, огню и златой бабѣ.» Гваньини, современникъ царя Іоанна Васильевича IV, въ своей книгѣ Rer. Polon. II, 205, пишетъ: «In hac Obdoriae regione est quoddam antiquissimum idolum de lapide excisum, quod Moscovitis Zolota Baba dicitur» и проч. Въ польскомъ переводѣ хроники Гваньини, Пашковскаго, изд. 1611 г., приложено самое изображеніе кумира золотой бабы. При этомъ мы не можемъ не упомянуть, что и у нашего славянскаго народа, въ числѣ его пословицъ и поговорокъ, сохранилось слѣдующее присловье: «баба, бабушка, золотая.... сударушка! Бога молишь, хлѣбцемъ кормишь, домъ бережешь, добро стережешь». Присловье это, въ числѣ другихъ остатковъ славянской древности, ясно указываетъ на то, что, не смотря на все стараніе позднѣйшаго многобожія и эллинскихъ вводителей его у Славянъ осмѣять древнѣйшій славянскій культъ подъ названіемъ бабы, чему послѣдовали и нѣкоторые христіанскіе проповѣдники, — исконное религіозное уваженіе къ древнѣйшему развѣнчанному славянскому божеству прокралось въ различныя народныя чувства и мысли и сохранилось до нашихъ дней въ нѣкоторыхъ поговоркахъ. Въ приведенной нами поговоркѣ въ глубокой древности, вѣроятно, шла рѣчь о Славѣ, Славушкѣ, золотой господарушкѣ,

и т. п. Позднѣе, подъ вліяніемъ христіанскаго духовенства, старавшагося вездѣ истреблять имя древнѣйшаго божества Славянъ, не только въ письменныхъ памятникахъ, но и въ народныхъ преданіяхъ, названіе богини Славы замѣнилось, какъ мы видѣли, названіемъ Бабы. Доказательство тому, что духовенствомъ употреблялся даже и въ позднѣйшее время такой способъ униженія въ народѣ чтимыхъ имъ кумировъ, мы находимъ не только въ изустныхъ народныхъ, но и въ письменныхъ памятникахъ. Такъ, въ Новгородской лѣтописи мы читаемъ, что св. Стефанъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, кумиръ Пермяковъ называетъ также бабой.

Указаннымъ выше вліяніемъ религіозной борьбы и ревностнымъ внушеніемъ духовенства объясняется также и происхожденіе различныхъ сказокъ о бабѣ-ягѣ. Въ этомъ названіи, какъ и въ разныхъ миѳическихъ аттрибутахъ, которыми народное воображеніе насмѣшливо обставило ягу-бабу, довольно ясны рѣзкіе намеки на то, какъ поруганіе надъ богиней Дѣвой—Славой—Ягой, обратило ее въ сказочную бабу-ягу. Сказки о ней скрываютъ въ себѣ историческія черты, а потому мы и разсмотримъ ихъ въ нашемъ изслѣдованіи.

Замѣтимъ, прежде всего, что въ большей части этихъ сказокъ представленіе о бабѣ-ягѣ смутно сливается въ народномъ представленіи съ понятіемъ о Руссахъ, о русскихъ витязяхъ, о русскомъ духѣ, какъ бы въ нераздѣльномъ воспоминаніи о тѣхъ временахъ русскаго властедержательства, о той династіи Руссовъ, при которой славилась древняя богиня Славянъ, превращенная позднѣе насмѣшкою и поруганіемъ въ ягу-бабу.

Встрѣчаясь съ сказочными героями, баба-яга обыкновенно говоритъ: «фу, фу, фу! доселева русскаго духа видомъ не видано, слыхомъ не слыхано, а нынѣ русскій духъ въ очью проявляется!» или: «фу, фу, фу! русская коска зачѣмъ сюда пришла?» Очевидно подъ русскимъ духомъ, русской коской здѣсь разумѣется давно невиданное и неслыханное, а не просто человѣкъ; такъ какъ, по сказочному преданію, баба-яга ежедневно питалась человѣческимъ мясомъ, и отъ того просто человѣкъ былъ для нея, конечно, не рѣдкость. Какое же рѣдкое явленіе составляло для бабы-яги этотъ русскій духъ, русская коска? Во времена господства не русской, а

другой династіи у Славянъ въ тѣ времена, когда богиня Славы была насмѣшливо превращена въ ягу-бабу, такимъ именно явленіемъ былъ у Славянъ древле-славный русскій богатырь Руссъ. Народное воспоминаніе объ этой первоначальной, впослѣдствіи надолго изчезнувшей, ушедшей на сѣверъ, династіи Руссовъ, сказалось смутно въ народныхъ воспоминаніяхъ, подъ названіями: русскій духъ, русская коска. Отсюда-то, все рѣдкое, необыкновенное, богатырское баба-яга и называетъ именно этими выраженіями. Далѣе, народное представленіе о бабѣ-ягѣ соединяется съ памятію о тѣхъ обычаяхъ древле-славянскаго погребенія, которые прямо относились ко временамъ первоначальнаго культа богини Славы, превращенной позднѣйшимъ поруганіемъ въ бабу-ягу. Такъ, въ сказкѣ о трехъ царствахъ или золотой горѣ [1]), понятіе о ней сливается съ понятіемъ объ этихъ трехъ царствахъ — мѣдномъ, серебряномъ и золотомъ, подъ которыми, какъ мы выше сказали, скрывалось воспоминаніе о томъ порядкѣ размѣщенія и расхищенія гробницъ въ могильныхъ курганахъ, въ какомъ то и другое совершалось въ глубокой древности. При этомъ народная мысль о ягѣ-бабѣ возбуждаетъ собою другое близкое воспоминаніе о тѣхъ каменныхъ кумирахъ богини Славы, какіе обыкновенно ставились на этихъ курганахъ. Въ указанной выше сказкѣ мы встрѣчаемъ названіе сильнаго идолища, и за нимъ, тотчасъ же, Еги-бабы. Сказка о Василисѣ прекрасной, гдѣ рѣчь идетъ о той же бабѣ-ягѣ, относится, по всей вѣроятности, къ тому второму періоду славянскаго язычества, когда культъ богини Славы давно уже былъ оставленъ, забытъ и преданъ поруганію. Въ это время существовало уже поклоненіе другимъ кумирамъ, божкамъ, и въ томъ числѣ той куклѣ, о которой говорится въ этой сказкѣ, какъ о материнскомъ благословеніи, данномъ Василисѣ. Куклѣ этой совершается обычная треба: мать завѣщала дочери: когда приключится ей какое горе, дать куклѣ поѣсть и спросить у нея совѣта. Василисѣ, дѣйствительно, помогаетъ ея куколка. Василиса сама не съѣстъ, а ужъ куколкѣ оставитъ самый лакомый кусочикъ, и вечеромъ, какъ всѣ улягутся, она запрется въ чуланчикѣ, гдѣ жила, и подчиваетъ ее, приговаривая: «на, куколка, покушай, моего горя послушай!» и проч.

---

[1]) Нар. рус. сказки, изд. А. Н. Аѳанасьевымъ, вып. I, стр. 27 и 100.

Враждебное отношенie обоихъ культовъ — древле-славянскаго и позднѣйшаго многобожія—сказывается ясно въ разговорѣ бабы-яги съ Василисой. На вопросъ первой о томъ, какъ Василиса успѣваетъ исполнять работу, какая ей задается, послѣдняя отвѣчаетъ: «мнѣ помогаетъ благословенie моей матери». Такъ вотъ что, — говоритъ баба-яга,—убирайся же ты отъ меня, благословенная дочка! не нужно мнѣ благословенныхъ; и выталкиваетъ ее отъ себя [1]).

Въ этой же сказкѣ сохранилось и дошло до нашихъ дней другое древнее преданie о двухъ различныхъ способахъ славянскаго языческаго погребенiя, самомъ древнемъ, состоявшемъ въ преданiи тѣла землѣ, и позднѣйшемъ, сожженiи тѣлъ. Въ народномъ представленiи смутно слились и отпечатлѣлись вмѣстѣ въ народномъ сказѣ два образа древности: одинъ—это изваянiя, кумиры древнѣйшаго культа богини Славы, искаженные въ бабу-ягу и помѣщавшiеся на могильныхъ курганахъ, гдѣ оставались они даже и тогда, когда культъ Славѣ смѣнился уже многобожiемъ, и другой, это древнее преданie о сожженiи труповъ близъ тѣхъ же, или даже на тѣхъ же самыхъ могильныхъ курганахъ, гдѣ стояли ея изваянiя. Отсюда-то яга-баба, какъ насмѣшливое искаженie древней богини Славы, и является въ сказочномъ образѣ—въ сопоставленiи съ черепами, изъ глазъ которыхъ свѣтитъ и пылаетъ огонь, точь въ точь, какъ это могло быть при сожженiи мертвецовъ. Въ сказѣ о Василисѣ Прекрасной говорится, какъ баба-яга даетъ Василисѣ съ своего забора одинъ черепъ съ горящими глазами, для дочекъ ея мачихи, которыя и внесли его въ горницу, а глаза то изъ черепа такъ и глядятъ на мачиху и ея дочерей, такъ и жгутъ, а къ утру и совсѣмъ сожгли ихъ въ уголь.

Избушки на курьихъ ножкахъ, въ которыхъ живетъ яга-баба въ лѣсу, указываютъ прямо на деревянныя постройки, близъ могильныхъ кургановъ, въ которыхъ обыкновенно помѣщался на нѣкоторое время трупъ умершаго, пока вырывалась для него могила, и на которыхъ стояло всегда изображенie богини Славы. Рощи и деревья вообще служили, какъ извѣстно, обычной принадлежностью всѣхъ языческихъ, такъ называемыхъ, высокихъ мѣстъ или кур-

[1]) См. А. Н. Аѳанасьева „Народн. рус. сказки“ вып. IV, стр. 127.

гановъ, на которыхъ совершались ихъ тризны предъ изваянiемъ божества.

Такiя же преданiя о бабѣ-ягѣ находимъ у всѣхъ Славянъ. Словаки говорятъ, что она живетъ въ темной пещерѣ въ лѣсу — прямое указанiе на могилы. Коса, которою баба-яга отсѣкаетъ головы странникамъ, приходящимъ переночевать къ ней, и ея пища, состоящая большею частiю изъ человѣческаго мяса—такое же указанiе на представленiе о смерти и о могилахъ, надъ которыми насыпались курганы и поставлялись изображенiя богини Славы, а иногда приносились и человѣческiя жертвы [1]).

Во всѣхъ подобныхъ многознаменательныхъ разсказахъ о той средѣ, обстановкѣ, въ какой старались противники древнѣйшаго славянскаго культа запечатлѣть въ воображенiи древнихъ Славянъ образъ исконнаго божества ихъ, примѣнительно къ существовавшимъ издревле понятiямъ о немъ, обоснованнымъ на исторической дѣйствительности,—во всѣхъ народныхъ сказкахъ о бабѣ-ягѣ проглядываетъ, изъ подъ крова вымысла, эта самая дѣйствительность. Коснувшись этой обстановки, въ которой баба-яга живетъ и до сихъ поръ въ народномъ воображенiи, мы перейдемъ, наконецъ, и къ самому ея образу, какой передаютъ намъ наши древнiя сказки. Разсмотримъ наиболѣе крупныя черты развѣнчанной и поруганной, нѣкогда славной и славимой древле-славянской богини. Другiе изслѣдователи, быть можетъ, еще болѣе разъяснятъ эти древнѣйшiя черты первоначальнаго славянскаго культа въ сохранившихся народныхъ славленiяхъ, преданiяхъ. Замѣтимъ напередъ, что народныя сказки часто упоминаютъ о трехъ сестрахъ бабахъ-ягахъ. Не остатки ли это индiйскаго древнѣйшаго культа у Славянъ, оставленнаго ими для одной богини Славы, Дѣвы жизни.... *(пробѣлъ)*. Или не память ли это въ народѣ о какихъ либо трехъ знаменитѣйшихъ ея кумирахъ, и въ томъ числѣ о томъ, какой находился въ древнѣйшемъ Херронисѣ? Сходство нѣкоторыхъ примѣтъ бабыяги съ сильнымъ идолищемъ, какъ напр. въ сказкѣ о трехъ царствахъ, отчасти подтверждаетъ эту мысль [2]). Но не рѣшая вопроса

---

[1]) См. Изслѣд. о языч. богослуж. др. Славянъ соч. И. И. Срезневскаго.

[2]) См. Народн. Рус. сказки, изд. А. Н. Аѳанасьевымъ, вып. I, стр. 27.

такой отдаленной древности, посмотримъ на ближайшій къ намъ образъ бабы-яги, какъ онъ запечатлѣлся въ древнѣйшихъ русскихъ сказкахъ. Здѣсь онъ распадается обыкновенно на два представленія о ней: одно, какъ о существѣ благомъ, готовомъ подать добрый и мудрый совѣтъ и оказать помощь тѣми сверхъ-естественными силами, которыя находятся въ полномъ ея распоряженіи. Существо это владѣетъ также даромъ предвѣдѣнія и раскрытія таинъ; оно даетъ человѣку судьбу его, клубокъ, который приводитъ его въ таинственныя страны, или чудеснаго коня, сапоги скороходы и т. п Оно распоряжается воздушными силами и законами природы, воз метаетъ ихъ огненною метлою и желѣзнымъ пестомъ, заставляетъ летать по воздуху свою желѣзную ступу, — земля стонетъ, вѣтры свищутъ, звѣри воютъ, нечистая сила реветъ, когда ѣдетъ баба-яга. Таково могло быть понятіе, очевидно, только о высшей, божеской силѣ. Представленіе это составляетъ останки того высокаго религіознаго уваженія къ богинѣ Славѣ, которыхъ не успѣли совершенно изгладить изъ народнаго воображенія позднѣйшее осмѣяніе и поруганіе, какимъ подверглась она отъ противниковъ древле-славянскаго культа, старавшихся провести въ народѣ другое представленіе о ней, какъ о существѣ чрезвычайно уродливомъ, смѣшномъ, какъ о бабѣ-ягѣ, костяной ногѣ, со всѣми укорительными аттрибутами, какими даритъ нелюбимое существо народная пѣснь, въ родѣ слѣдующихъ: а сама шестомъ, голова пестомъ, уши ножницами... и т. п. По этому представленію баба-яга лежитъ въ своей избушкѣ на полу,—явный намекъ на поверженный кумиръ ея,—въ самомъ безобразномъ неестественномъ положеніи, изъ угла въ уголъ, носъ и ногъ въ потолокъ или чрезъ грядку.

Наряжаясь на святкахъ бабой-ягой, крестьянки стараются придать себѣ какъ можно больше безобразіе. У Словаковъ баба-яга представляется не менѣе безобразною: скулы, что́ два пригорка, носъ съ добрый горшокъ. Баба-яга летаетъ или ѣздитъ на шабаши вѣдьмъ и колдуновъ въ желѣзной ступѣ, погоняя толкачемъ и заметая помѣломъ слѣдъ [1]).

---

[1]) Слово шабашъ вѣдьмъ указываетъ отчасти на древнюю близость первоначальнаго славянскаго культа съ употреблявшимися тогда въ народѣ

Относительно того сходства, какое находятъ нѣкоторые въ нашихъ сказкахъ между ягою-бабою и вѣдьмами (вѣщими женами), мы не можемъ не заявить здѣсь кратко нашего мнѣнія. Сходство это ограничивается все только тѣмъ однѣмъ, что баба-яга, также какъ и вѣдьмы, присутствуетъ на вѣдовскихъ сборищахъ, даетъ мудрые совѣты, можетъ предвѣщать, разумѣетъ таинственный языкъ загадокъ, распоряжается могучими силами природы, летаетъ съ тѣми же особенностями, какъ и вѣдьмы, наконецъ живетъ близь лѣсовъ и, подобно вѣдьмѣ, похищаетъ и поѣдаетъ дѣтей [1]).

Во всѣхъ этихъ особенностяхъ бабы-яги, сходныхъ съ вѣдьмами, мы, съ своей стороны, не видимъ ничего болѣе, какъ только то одно, что народное представленіе богини Славы точно также исказилось противниками ея культа въ чудовищные образы, какъ и представленіе о вѣщихъ женахъ, ея жрицахъ, и слилось въ одно смутное преданіе, причемъ все, что отнесено было къ этой богинѣ въ ея поруганномъ образѣ бабы-яги, враги ея культа отнесли также къ ея жрицамъ и ко всѣмъ вообще славянскимъ женщинамъ, дщерямъ и поклонницамъ богини Славы, какъ вѣдьмамъ и колдунамъ, причемъ всяческое осмѣяніе и поруганіе было простерто и на весь культъ богини Славы, на все родославіе съ его законами, называвшимися роди (княжи заповѣди), какъ и на самый родъ Славы т. е. на производство рода Руссовъ отъ божества.

Древнее значеніе вѣдьмъ, какъ языческихъ жрицъ, доказывается тѣми же народными преданіями: въ нихъ вѣдьмамъ прямо приписывается совершеніе жертвенныхъ обрядовъ [2]).

Вѣдьмы и вѣдуны, какъ древніе жрицы и жрецы юговосточныхъ Славянъ, превратились позднѣе въ другихъ мѣстностяхъ въ колдуньевъ и колдуновъ, служащихъ нечистой силѣ. Превращеніе это совершилось уже во времена христіанской проповѣди у Славянъ.

еврейскими словами, какъ это могло быть въ Хозаріи, этой первоначальной родинѣ славянскаго жидовства.

[1]) См. Народныя Русскія сказки А. Аѳанасьева. М. 1855, вып. I, стр. 84.

[2]) См. изслѣдов. о языч. богосл. древнихъ Славянъ, соч. И. И. Срезневскаго, стр. 76 и далѣе.

Выше, въ изслѣдованіи нашемъ, хотя мы и ограничились однимъ только первоначальнымъ періодомъ языческаго культа, не касаясь многобожія, но здѣсь, по поводу замѣченнаго нами, упоминаемаго въ народныхъ нашихъ сказкахъ, необыкновеннаго дара матери, передававшей предъ смертію своей дочери, какъ материнское благословеніе, какую-то куколку, составлявшую, очевидно, изображеніе или кумиръ какого-либо бога, мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи, чтобы не привести поясненія о томъ же самомъ кумирѣ изъ недавно изданнаго превосходнаго сборника г. В. Шеина подъ заглавіемъ: «Русскія народныя пѣсни». Въ немъ мы находимъ въ одной пѣснѣ слѣдующее преданіе объ этомъ кумирѣ:

«Куколка, куколка,
«Богиня [1]) куколка,
«Зачѣмъ вечо́ръ не пришла?
«Побоялась тивуна.
«Тивунъ тебѣ не судья,
«Судья тебѣ архирей".

Въ этихъ немногихъ словахъ много сказано для воспоминанія о томъ времени, когда предоставлено было не гражданскимъ, а духовнымъ властямъ преслѣдовать языческіе обряды и въ томъ числѣ поклоненіе куклѣ, совершавшееся, какъ мы видѣли въ указанной выше сказкѣ, именно по вечерамъ или по ночамъ. Очевидно, названіе «боярыня» замѣнено здѣсь позднѣе названіемъ божества, богини, въ смыслѣ госпожи, властительницы, изъ опасенія преслѣдованій отъ тѣхъ же властей къ открытому названію языческаго божества, богинею, божествомъ, но никакъ не въ обычномъ смыслѣ просто боярыни, что было бы нелѣпо, такъ какъ для боярыни придти вечеро́мъ могло не предстоять, конечно никакихъ опасеній, ни отъ какихъ властей. Если же тутъ разумѣть просто дѣтскую куклу, то нелѣпость выходитъ еще очевиднѣе: такая кукла и вовсе не подлежала, ни днемъ ни ночью, никакой распорядительной власти, ни гражданской, ни духовной, о которыхъ, однакоже, прямо упоминается въ приведенномъ выше отрывкѣ. Не можемъ также не указать и въ древнихъ письменныхъ нашихъ

---

[1]) Варіантъ „боярыня".

памятникахъ положительнаго подтвержденія справедливости народныхъ преданій о томъ же кумирѣ или куклѣ. Вотъ что говорится объ этомъ предметѣ въ Архив. Сборникѣ: «Томꙋ же подобна и дрꙋгаѧ вина, жертвꙋ приносѧть бѣсомъ, и недуги лѣчать чарами, и наꙋзы, и немощнаго бѣса глемаго трѧсцꙋ прогонѧть нѣкими письмены лживыми проклѧтыи бѣсовъ еллиньский. пишꙋще на ꙗблоци, и покладають на стѣй трапезѣ вго стыѧ литургіа и тогда оужаснꙋтсѧ страхомъ аггльскаѧ воиньства. того ради Бгъ гнѣваѧсѧ не пꙋщаеть дождѧ с нбсе. понеже Бгъ не велить члка догонити до клѧтвы и до роты, ни бѣсы искати цельбы, и ловитвы, и кꙋклѣ, и милости ѿ цре и чарами и наꙋзы» [1]). Замѣчательное согласіе съ народными разсказами представляетъ это мѣсто изъ нашей древней письменности. Въ немъ прямо говорится, при исчисленіи удержавшихся въ народѣ, даже и во времена христіанства, нѣкоторыхъ остатковъ язычества, состоявшихъ, между прочимъ, въ идольскихъ требахъ, также и о куклѣ, о которой въ народныхъ сказкахъ нашихъ, какъ мы видѣли, сохранился нелживый разсказъ, относящійся ко второму періоду славянскаго многобожія. Къ этому же періоду принадлежатъ и слѣдующія народныя поговорки: «ѣдетъ божокъ съ перищемъ, стучитъ колесомъ», и другая: «взялъ боженьку за ноженьку, да и о полъ».

Къ тому же періоду многобожія, когда уже совершалось сожженіе умершихъ, принадлежитъ и слѣдующее мѣсто изъ того же Сборника: «Что ради агньце и козлище требꙋ творѧть. Сказаніе. Понеже ѿ того творенія намъ оустависѧ молитвовати, за праведныѧ и за грешны. Почто кровию тою мажꙋтъ порогъ и двери, и храмину покропѧть. Сказаніе. Понеже мы хртіане піюще кровь Хву ѿсщаемъ двери телеси своего и все тѣло. а порогъ срце ѿнюдꙋже исходѧть помыслы добрыѧ и злыѧ. добрыѧ же ѿсщаемъ кровию Хвою, а злыѧ прогонимъ. Что раді творѧхꙋ всесожженіе. Сказ. Да не вкꙋси того иноплеменникъ, ни песъ. И ѿ того на повелѣно да не вкꙋсить тѣла Хва и крове скверникъ и еретикъ. А иже повелѣно тꙋгою превѧзатисѧ аптоломъ и всѣмъ стымъ. да крѣпко слꙋжать Бгꙋ поклоно и постомъ, и бдѣніемъ, и моленіемъ, и теченіемъ проповѣди въ ѧзыцехъ. того ради черници и попове крѣпко пе-

[1]) См. Архив. рукопись № $\frac{478}{958}$, л. 552.

ревмзываютсм. Лѣпо бы и всѣмъ хр҃тїан҃о. такѡ оучить Хс҃, и Павелъ Ап҃лъ и Двдъ Пр҃рокъ [1]).

Мѣсто это, по всей вѣроятности, относится къ тому времени, когда христіанскіе кіевскіе проповѣдники старались воздѣйствовать своимъ словомъ на язычниковъ изъ Хозаръ, поселившихся въ кіевской хозарской улицѣ, слободѣ Почайнѣ. Въ немъ ясно видно стараніе христіанства сблизить и отождествить нѣкоторые языческіе обряды съ библейскими, и затѣмъ искуснымъ иносказательнымъ толкованіемъ замѣнить ихъ христіанскими. Въ числѣ такихъ обрядовъ упоминается, между прочимъ, и о сожженїи, при чемъ, на вопросъ о томъ, для чего сожигаются тѣла умершихъ, дается весьма замѣчательный слѣдующій сказъ: «да не вкуситъ того иноплеменникъ и песъ». Въ отвѣтѣ этомъ мы имѣемъ важное историческое свидѣтельство о той причинѣ, какая заставила языческихъ Славянъ сожигать тѣла ихъ умершихъ. Причина этому была та, чтобы дорогой для нихъ прахъ ихъ родственниковъ не подвергся какому либо поруганію. Не менѣе любопытны въ приведенномъ выше мѣстѣ также и другія иносказательныя объясненія относительно кропленія жертвенною кровію, причемъ также очевидно желаніе сказателя устранить идольскія требы и сообщить язычникамъ понятія о значеніи искупительной Христовой жертвы.

Но возвратимся отъ народныхъ славянскихъ преданій къ письменнымъ нашимъ памятникамъ.

Изъ числа этихъ памятниковъ мы обращаемся къ самому важнѣйшему, къ Русскому Лѣтописному Своду, въ древнѣйшей его редакціи, сохранившейся въ Лѣтописцѣ Русскихъ Царей, по списку Переяславля Суздальскаго.

Основа всего нашего бытописанія, Лѣтописный Сводъ нашъ, передаетъ намъ событіе, записанное подъ 1070 годомъ, хотя не безъ сокращеній и передѣлокъ, вызванное остатками многознаменательной борьбы многобожія,—навѣяннаго на Славянъ преимущественно отъ еллинскаго міра,—съ древнѣйшимъ славянскимъ культомъ. Борьба эта, какъ видно, долго еще не прекращалась. Древнѣйшее единобожіе, поклоненіе богинѣ Славѣ, съ заповѣдями «роди» въ главѣ, еще

[1]) См. Архив. рукопись, № $\frac{478}{958}$, л. 389 об.

коренилось въ потомствѣ родославныхъ, всѣ права которыхъ обусловливались этими заповѣдями; вѣроятно, и въ простолюдьѣ многіе держались еще этого культа, хотя большинство и было уже увлечено позднѣйшимъ многобожіемъ, вождями котораго являлись кудесники или волхвы. Водворявшейся вѣрѣ христіанъ предлежала при этомъ двойная задача: уничтоженіе какъ того, такъ и другаго культа, причемъ нерѣдко поклонниковъ одного оно предавало законной карѣ чрезъ посредство другаго, какъ это мы видимъ въ помянутомъ выше событіи. Съ своей стороны и многобожіе старалось дѣйствовать навѣтами какъ предъ христіанами, такъ и предъ простолюдьемъ на остатки родославія, въ видахъ конечнаго истребленія ихъ потомства. Примѣръ подобнаго рода борьбы отразился, какъ мы сказали, въ разсказѣ о голодѣ 1070 года въ Ростовской области.

Это событіе тѣмъ болѣе для насъ важно, что оно уберeглось для потомства въ наименѣе искаженномъ видѣ въ одномъ только Лѣтописномъ Сводѣ по списку Переяславля Суздальскаго. Изъ разсказа объ этомъ голодѣ, хотя большею частію смутнаго и неяснаго, подвергшагося въ послѣдствіи въ различныхъ спискахъ чрезвычайно грубымъ и безсмысленнымъ передѣлкамъ, имѣвшимъ очевидною цѣлію изгладить въ письменныхъ хроникахъ всякую память о древнѣйшемъ языческомъ культѣ Славы,—мы узнаемъ, что около 1070 года «бывшю гладу въ Ростовѣ, приидоша Ярославцы, два мужа «прелестніи (два кудесника) глаголюще: мы вѣдаемъ, кто обиліе держитъ. И поидоста по Волзѣ, нарицая добрыя жены, честныя, яко «сіи жито держатъ, а сіи рыбу, а сіи скору. И привожаху къ нимъ «матери и сестры и жены своя, они же мечтаніемъ, яко скомраси, «прорѣзаху въ нихъ за плечами, вынимаху предъ людьми съ подъ «кожи у нихъ жито, а у иныхъ медъ, и скору, и рыбу, вѣвѣрицю, «и убиста множество женъ, а имѣніе собѣ беруще. И бѣ съ ними «инѣхъ людей глупыхъ триста. Пріиде же Янъ отъ Святослава по «дань, сынъ Вышатинъ. И сказаша Бѣлозерцы Яну: се у насъ два «кудесника, много женъ и мужъ погубиша и дани не кѣмъ [1]) взяти.

[1]) Въ подлинникѣ: „не на комъ“. Вѣрнѣе, однако же читать: „и дани вамъ не кѣмъ взяти“, такъ какъ, по смыслу разсказа, дань брать было еще

«И посла къ людемъ, глаголя: выдайта тѣхъ нашихъ смердовъ. «Они же поиде безъ оружья на нихъ, и счюняша й, и проч. Это послѣднее древнѣйшее выраженіе, значащее: предостерегли его—опущено въ другихъ спискахъ и замѣнено въ Лаврентьевскомъ слѣдующими словами новѣйшаго пошиба рѣчи: «и рѣша ему отроци его: не ходи безъ оружья, осоромять тя».

Здѣсь мы опускаемъ дальнѣйшія подробности разсказа о томъ, какъ наконецъ были выданы кудесники Яну Вышатину, и переходимъ къ самому разговору съ нимъ. Когда они были приведены предъ Яна, онъ спросилъ ихъ: «чего ради погубиста много человѣкъ? Они же рѣша: держатъ гобино, аще избіеве всѣхъ, то явится гобино. Аще ли хощеши, выимеве жито, или рыбу или медъ, или вѣвѣрицю предъ тобою. Янъ сказалъ имъ: по истиннѣ лжете: сотворилъ есть Богъ человѣка отъ земли и ставленъ костми и жилами, и ничтоже имать. Они же рѣша: мы вѣдаевѣ како есть человѣкъ створенъ. Онъ же рече: како? И рѣша: Богъ мылся въ мовници, и отерся вехтемъ, и верже съ небеси на землю». Остановимся на этихъ послѣднихъ словахъ, какъ на представляющихъ необыкновенное, до сихъ поръ ни кѣмъ не обслѣдованное ученіе о созданіи человѣка. Что такое хотѣли сказать здѣсь кудесники? Представляли ли ихъ слова нѣчто новое, невѣдомое для ихъ современниковъ, или же эти слова, не смотря на ихъ позднѣйшую возможную передѣлку, не болѣе, какъ только отрывокъ, какъ только часть, повтореніе такихъ вѣрованій, съ которыми уже было знакомо древнее славянство и противъ которыхъ возставали современные исповѣдники другаго культа? Въ разъясненіе этихъ вопросовъ мы приводимъ изъ хранящейся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ М. И. Д. рукописи, описанной Н. В. Калачовымъ [1]), листъ 365,

---

на комъ,—кудесники не всѣхъ же перебили, — но не кѣмъ было брать, потому что дань собиралась обыкновенно мужами родовитыми и племенитыми, а ихъ-то кудесники и избили множество, какъ сказано въ Переяславскомъ спискѣ; въ прочихъ же спискахъ не только слово: „мужи", но и вся рѣчь о дани, очевидно, намѣренно исключены.

[1]) См. Архивъ Историко-юрид. свѣд., относ. до Россіи, изд. Н. Калачовымъ, кн. II, полов. I. М., 1855, стр. XXIII.

*

слѣдующее мѣсто: «Вдуновение безсмертъное не старѣющеся единъ въдымаеть вседръжитель, иже единъ бесмертенъ и непогибающихъ Творецъ, дуну бо ему на лице духъ жизни, и бысть человѣкъ въ душю живу: то ти не Родъ, сѣдя на въздусѣ мечеть на землю груды и въ томъ ражаются дѣти». Изъ сопоставленія этого мѣста съ приведенными выше словами кудесниковъ о созданіи человѣка взаимно поясняется и то и другое. Сближеніе это въ связи его съ тѣми обстоятельствами вышеприведеннаго разсказа, гдѣ мы видимъ, какъ кудесники, поклонники языческаго многобожія, пользуясь борьбою христіанства съ язычествомъ, вообще стараются изъ видовъ корысти возбудить простолюдье противъ доброславныхъ женъ и мужей, исповѣдниковъ древнѣйшаго славянскаго культа богини Славы и, вмѣстѣ, родославленія, даетъ намъ ключъ къ разгадкѣ и самаго изложенія кудесниками языческихъ вѣрованій предъ Яномъ. Естественно, и здѣсь они стараются очернить въ его глазахъ не свои религіозныя понятія, а то именно родославленье, которое они преслѣдуютъ. Съ этой цѣлію, въ угоду Яну, христіанину, они просто искажаютъ предъ нимъ, въ видахъ осмѣянія, то самое ученіе древнѣйшаго славянскаго культа, которое съ христіанской точки зрѣнія изложено въ приведенномъ нами мѣстѣ изъ Архивской рукописи, и по которому Родъ, родославные признавались происходящими отъ божества. Насмѣшка надъ этимъ же родославленьемъ въ его искаженіи, выраженная своеобразно въ рукописи подъ тѣмъ представленіемъ, будто родъ произвелъ человѣковъ отъ верженія грудъ, выражается у кудесниковъ еще насмѣшливѣе подъ иными, отчасти схожими образами. Они производятъ человѣка отъ вехтя, также верженнаго съ небеси на землю. Что касается до преслѣдованія ими женъ и мужей, собственно доброславныхъ, исключительно поклонниковъ культа богини Славы и родославленія, противъ которыхъ они успѣли произвести возмущеніе въ простолюдьѣ, приписывая первымъ всѣ случившіяся невзгоды, — то древнѣйшія указанія объ этомъ сохранились, по счастью, въ Лѣтописцѣ Русскихъ Царей. Въ другихъ спискахъ они умышленно изглажены.

Обратимся къ окончанію лѣтописнаго разсказа объ участи, постигшей кудесниковъ, послѣ разговора ихъ съ Яномъ. Янъ прежде

всего приступилъ къ дознанію, кто именно изъ племенитыхъ (дославныхъ) и родославныхъ мужей погибли въ этомъ возмущеніи, произведенномъ кудесниками. И рече Янъ подвозникомъ: есть ли у кого у васъ племени убили сіи смерды. Далѣе онъ дѣлаетъ розысканіе о подобномъ же убіеніи наиболѣе знаменитыхъ, — причемъ, наконецъ, открывается, что погибли нѣкоторые также и изъ потомства древнихъ Друзій,—и Друзіи родъ свой показаша, т. е., оказалось, что въ числѣ Друзій были и родо-славные. Дознавши объ этомъ и пользуясь еще живыми, не вовсе изчезнувшими въ народѣ остатками языческой родовой кровной мести и тѣмъ вліяніемъ власти, какое всегда оказывало въ славянскомъ народѣ исконное родовое начало, Янъ предоставилъ усмиреніе народнаго мятежа казнію надъ кудесниками самимъ представителямъ этого родоваго властедержательства, и рече имъ: мстити своихъ. Они же убиша ихъ, т. е. кудесниковъ, и повѣсиша ихъ на дубѣ. Такъ кончилась эта неудавшаяся попытка служителей многобожія истребить все родославное въ данной мѣстности возбужденіемъ противъ него простолюдья.

Не можемъ не замѣтить при этомъ нѣкоторыхъ драгоцѣнныхъ остатковъ древности, сохранившихся въ этомъ разсказѣ по списку Переяславля Суздальскаго. Въ немъ мы находимъ такія выраженія, которыя, очевидно, не безъ умысла, изглажены вовсе въ другихъ спискахъ позднѣйшей редакціи, какъ напоминающія о родославіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и о культѣ Славы вообще, которыя тѣмъ болѣе преслѣдовались христіанскими писателями, чѣмъ болѣе распространялось христіанство, какъ это и было въ позднѣйшія времена. Характеръ поучительности все болѣе и болѣе вытѣснялъ древній характеръ простаго, вѣрнаго историческаго изложенія и цѣлямъ благочестивой проповѣди подчинялъ историческую правдивость. По списку Переяславля Суздальскаго, приведенный выше разсказъ отличается вообще болѣе древнимъ характеромъ: въ немъ нѣтъ того многословія и тѣхъ позднѣйшихъ наставительныхъ прибавокъ, какъ въ другихъ спискахъ. Особенно же обращаютъ въ немъ на себя вниманіе слѣдующія, многозначительныя, чисто древнія выраженія, намѣренно исключенныя позднѣйшими редакціями, проводящими, очевидно, по всему разсказу, по заранѣе предначер-

танному плану, нить преслѣдованія противъ того же древняго культа Славы, противъ котораго возставали и главные дѣятели событія, позднѣйшіе вожди языческаго многобожія. Скоморошеніе, какъ мы выше видѣли, по свидѣтельству самого св. Кирилла, входило въ составъ древнѣйшаго культа Славы, противъ котораго съ особенною настойчивостію возставали христіанскіе проповѣдники. Позднѣе, вѣроятно, самое даже имя скомороха считалось грѣховнымъ, почему мы и не находимъ уже этого названія въ другихъ редакціяхъ: благочестивые передѣлыватели Лѣтописнаго Свода, безъ сомнѣнія, сочли своею обязанностію изгладить самую память о немъ въ народѣ.

Не безъ той же, очевидно, благочестивой цѣли передѣлано или исключено изъ всего позднѣйшаго разсказа въ разныхъ спискахъ также и все, напоминающее родославіе. Такимъ образомъ, то названіе доброславныхъ женъ, которое только подмѣнено въ Переяславскомъ спискѣ другими словами, дающими еще нѣкоторую возможность, при знакомствѣ съ древнѣйшими понятіями, господствовавшими въ славянствѣ, догадаться о тѣхъ древнихъ выраженіяхъ, какія подверглись замѣщенію, названіе это совершенно переиначено и неузнаваемо въ другихъ спискахъ. Такъ, въ Переяславскомъ Спискѣ мы читаемъ: наричющю добрыа жены честныя — еще ясно древнѣйшее выраженіе: доброславныя жены, передѣланное въ позднѣйшее: доброчестныя или добрыя жены честныя, гдѣ слово: слава, чтобъ не возлагать на уста этого грѣховнаго языческаго названія славянской богини, замѣнено синонимически словомъ честь; причемъ совершенно вѣрно сохранено подъ именемъ доброчестныхъ то же самое понятіе племенства, какое выражалось въ древности и названіемъ доброславныхъ. Въ другихъ спискахъ мы уже вовсе не находимъ этого выраженія: оно замѣнено тамъ другимъ, позднѣйшимъ «лучшіѣ жены», не только не сохранившимъ въ себѣ древле-славянскихъ понятій, но еще, какъ бы умышленно, затемняющимъ либо спутывающимъ эти понятія. Въ названіи: «лучшіѣ жены» нѣтъ и намека на древнее племенство, выражаемое словами: доброславныя и доброчестныя; напротивъ названіе это напоминаетъ скорѣе простолюдье, къ средѣ котораго причислялись лучшіе люди.

Изъ позднѣйшихъ списковъ выкинуто также и названіе мужей въ заявленіи Бѣлозерцевъ Яну Вышатичу. «Два кудесника много женъ и моужъ погубиша, и дани не на комъ взяти», говорятъ Яну Бѣлозерцы. Въ другихъ спискахъ здѣсь мы уже не находимъ слова: мужи, какъ не находимъ также ниже ни слова ни о племени, ни о родѣ, ни о дани. Все это, очевидно, переиначено съ намѣреніемъ, въ соотвѣтствіе съ умолчаніемъ о мужахъ. Причина такого умолчанія и передѣлки сказывается въ томъ же, упомянутомъ выше, христіанскомъ преслѣдованіи древле-славянскаго культа, отъ котораго проистекало и все древле-славянское различіе родославныхъ и доброславныхъ мужей отъ простолюдья, какъ и права первыхъ на власть и на сборъ дани. Въ видахъ умаленія и уничтоженія въ народѣ этого различія и правъ, основанныхъ на заповѣдяхъ Роди, или княжихъ, позднѣйшій поновитель нашего Лѣтописнаго Свода счелъ своею обязанностію не вводить въ грѣхъ благочестивыхъ своихъ читателей напоминаніемъ о древне-языческихъ заповѣдяхъ. Отсюда, естественно, онъ старается исключить изъ лѣтописи все что говорилось въ ней, по древнѣйшему списку, сначала о мужахъ, избитыхъ кудесниками, а затѣмъ, по связи съ этимъ разсказомъ, также и о дани, которую имѣли право собирать только мужи, поставляемые на то верховной княжеской властью. Въ Переяславскомъ Лѣтописцѣ сохранилось еще какъ то, такъ и другое, съ небольшою только перемѣною въ выраженіяхъ, происшедшею, очевидно, не отъ умысла, а просто отъ ошибки списателя. Ошибка эта состоитъ въ томъ, что слова Бѣлозерцевъ Яну: и дани вамъ не кѣмъ взяти, прочитаны и переписаны невѣрно, въ ущербъ прямому, ясному смыслу. Бѣлозерцы не могли, конечно, сказать Яну, какъ сказано въ лѣтописи, что дани не на комъ взяти затѣмъ, что два кудесника много женъ и мужъ погубиша, такъ какъ дань платило только простолюдье, а не мужи и жены, принадлежавшіе къ сословію доброславныхъ, которые, какъ извѣстно, не платили сами никакой дани, а, напротивъ, сами собирали дань. Очевидно, Яну они сказали совсѣмъ другое, именно, что, за убіеніемъ много женъ и мужей, дани ему собрать не кому, что вполнѣ согласно и совсѣмъ остальнымъ разсказомъ.

Въ различныхъ спискахъ, кромѣ Переяславскаго, очевидно,

позднѣйшихъ, замѣтно и въ приведенномъ нами разсказѣ, какъ и въ другихъ, сильное церковное вліяніе, особенно-набожный оттѣнокъ. Какъ мы уже сказали, опасеніе грѣховности отъ упоминанія о томъ, что касалось законовъ языческаго культа, заповѣдей Роди, преимущественно же имени древне-славянскаго языческаго божества, заставило позднѣйшихъ списателей умышленно измѣнить все то въ древнихъ лѣтописяхъ, что могло возбуждать въ народѣ память о древнемъ его культѣ. Такъ, въ позднѣйшихъ спискахъ, мы уже не находимъ, чтобы Янъ Вышатичь дѣлалъ розысканіе о томъ, кто убитъ кудесниками изъ племенитыхъ мужей и, потомъ, кто убитъ изъ друзій и родовитыхъ. Все это, очевидно, не безъ умысла изглажено въ нѣкоторыхъ спискахъ и замѣнено: племенство просто роднею, а друзіи и родъ словами: другой и роженье. Отсюда, тамъ, гдѣ по списку Переяславскому мы читаемъ въ вопросахъ Яна къ подвозникамъ: есть ли кого оу васъ племени оубили сіи смерды, т. е. кудесники, и далѣе: а ины рече: оу мене сестру и иманіе взяша, а дроузіи родъ свой показаша, по другимъ позднѣйшимъ спискамъ мы находимъ, въ замѣнъ перваго вопроса, только уже слѣдующее: ци кому васъ кто родинъ убьенъ отъ сего, а въ замѣнъ послѣдняго выраженія: они же рѣша: мнѣ мати, другому сестра, иному роженье. Очевидно, понятіе племенства, друзій рода въ это время намѣренно приводилось уже въ благочестивое забвеніе.

Яркій оттѣнокъ сильнаго церковнаго вліянія, заставившій нѣкоторыхъ ученыхъ принять эти разсказы даже за отрывокъ проповѣдническаго труда, особенно ясенъ въ томъ духовно-назидательномъ размышленіи, которымъ гораздо многословнѣе, чѣмъ въ Переяславскомъ Лѣтописцѣ, сопровождается въ позднѣйшихъ спискахъ описаніе бѣдственной участи, постигшей кудесниковъ. То же самое вліяніе ясно скрывается въ этихъ спискахъ также и въ замѣнѣ нѣкоторыхъ словъ Переяславскаго Лѣтописца другими словами съ чисто церковнымъ характеромъ. Такъ, напр., тамъ, гдѣ въ этомъ Лѣтописцѣ очень цѣлесообразно съ историческимъ характеромъ изложенія, безъ всякихъ предвзятыхъ поучительныхъ идей, просто разсказывается, какъ волхвы или кудесники увлекли только людей глупыхъ, разумніи же смѣялись надъ ними, въ другихъ спис-

кахъ слово: разумнiи замѣнено уже словомъ: вѣрнiи, какъ наиболѣе подходящимъ къ благочестиво-назидательному характеру повѣствованiя.

По поводу всего сказаннаго выше о древнѣйшемъ культѣ Славянъ, не можемъ не обратить вниманiя на драгоцѣнный остатокъ славянской древности, знаменитое Слово о полку Игоревѣ. Въ этомъ поэтическомъ произведенiи давнихъ вѣковъ встрѣчается, какъ извѣстно, много мѣстъ, либо мало объясненныхъ, либо не поддающихся никакому изъясненiю. Необъяснимость этихъ мѣстъ, очевидно, указываетъ, что до сихъ поръ не понятъ еще тотъ древнѣйшiй смыслъ словъ и выраженiй, въ какомъ употреблены они древнимъ пѣснослагателемъ. Такая неразгаданность служитъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, лучшимъ доказательствомъ о неподдѣльности, т. е., о древнѣйшемъ происхожденiи этого слова, хотя, по мѣстамъ, оно и могло, позднѣе, подвергнуться искаженiю, поновленiю и разнымъ неумѣлымъ передѣлкамъ, какъ и всѣ другiе древнiе памятники. Нѣкоторыя изъ древнѣйшихъ его мѣстъ, при помощи изложенныхъ нами выше соображенiй, представляется, однакожъ, возможнымъ объяснить вполнѣ удовлетворительно, въ смыслѣ именно древнѣйшаго быта Славянъ, чѣмъ самымъ также доказывается съ одной стороны глубокая древность этого произведенiя, такъ съ другой подтверждается свидѣтельствомъ этого же драгоцѣннаго памятника вѣрность и самыхъ соображенiй, объясняющихъ древнѣйшее значенiе его выраженiй, необъяснимыхъ никакими другими догадками, не столь глубоко проникающими въ отдаленную славянскую культовую и бытовую жизнь.

Разсмотримъ нѣкоторыя изъ этихъ выраженiй, дающихъ прямое указанiе на древнѣйшее значенiе Славы у Славянъ, еще свѣжо хранившееся въ памяти народной во времена Игорева пѣснопѣвца. Въ нихъ ясно обозначаются черты тѣхъ самыхъ знаменъ, или прѣ, у которыхъ на наконечникахъ находилось изображенiе божества Славы и которыя вообще имѣли тотъ самый видъ и то назначенiе, которыя выше мы старались, по возможности, возстановить и изобразить.

Такъ, вскорѣ вслѣдъ за началомъ пѣсни о Полку Игоревѣ, мы читаемъ: «комони ржутъ за Сулою; звенитъ Слава въ Кыевѣ, трубы

трубятъ въ Новѣградѣ; стоятъ стязи въ Путивлѣ; Игорь ждетъ мила брата Всеволода». Нѣтъ, конечно, надобности пояснять, что здѣсь рѣчь идетъ о ратномъ строѣ, о приготовленіи къ битвѣ, о готовящемся движеніи боевыхъ силъ, объ отправленіи ихъ въ походъ. Древній поэтъ живописуетъ намъ воинскій станъ: мы видимъ и слышимъ тутъ и ржущихъ коней, и звуки бранной трубы, и водруженные въ землю стяги знаменъ, этой первой принадлежности этихъ водителей ратнаго сонма. Но что же такое: звенитъ слава въ Кыевѣ? Очевидно, это рѣчь о какомъ либо аттрибутѣ войны, такъ какъ о ней-то и говоритъ здѣсь пѣвецъ Игоря. Но какой же это аттрибутъ? Объясненіе совершенно вѣрное и вполнѣ точное даетъ намъ на этотъ вопросъ представленное выше изображеніе древнѣйшаго славянскаго прѣ (знамени). Припомнимъ это изображеніе. Прежде всего не забудемъ, что знамя это въ глубокой древности носило на самомъ верху своего древка, въ видѣ наконечника, изображеніе божества Славы, почему и само называлось прѣ—славою. Это названіе сохранилось за знаменами, очевидно, и во времена написанія Слова о Полку Игоревѣ. Далѣе, мы уже знаемъ, что древнѣйшія знамена имѣли подъ наконечниками своими особые привѣски, именно колокольчики, которые обыкновенно издавали звонъ при всякомъ движеніи, или колыханіи знаменъ, когда тѣ снимались или трогались съ своихъ мѣстъ, какъ это обыкновенно бывало при движеніи полковъ въ походъ, причемъ знамена всегда несли впереди. Припоминая все это и сопоставляя со всѣмъ приведеннымъ выше описаніемъ, мы легко и точно можемъ объяснить теперь себѣ его выраженіе: «звенитъ Слава въ Кыевѣ». Нельзя яснѣе и поэтичнѣе выразить,—при томъ же совершенно въ древнеславянскомъ значеніи словъ, — какъ выражаютъ здѣсь эти древнія слова именно то, что далѣе развивается еще подробнѣе, именно, что войска въ Кіевѣ готовятся выступить въ походъ, причемъ поднятыя съ своихъ мѣстъ знамена звенятъ, чтобы тронуться въ путь впереди полковъ, тогда какъ въ Путивлѣ Игорь поджидаетъ милаго брата Всеволода, и потому тамъ еще стоятъ, т. е., войска еще не трогаются въ путь.

Въ томъ же самомъ смыслѣ говоритъ пѣвецъ нѣсколько далѣе: «ступаетъ въ златъ стремень въ градѣ Тмутороканѣ, тоже звонъ

слыша давный, великый Ярославъ», т. е. Ярославъ въ Тмуторокани также готовится въ походъ, садится на коня, какъ скоро узнаетъ, что знамена зазвенѣли, т. е. что войска тронулись въ путь. Совершенно другое происходитъ, по описанію древняго пѣвца Игорева, въ Черниговѣ, съ Владиміромъ: «А сынъ Всеволожъ, Владиміръ, по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ», т. е., слыша вѣсти о выступленіи войска впередъ, Владиміръ не хочетъ знать этого, онъ какъ бы не слышитъ звона знаменъ, готовыхъ тронуться въ путь.

Нѣсколько ниже, самъ повѣствователь вписываетъ и поясняетъ именно въ томъ смѣслѣ, какой мы раскрыли выше, движеніе знаменъ при выступленіи полковъ въ походъ. Такъ, онъ говоритъ: «Что ми шумить, что ми звенить далеча, рано предъ зорями? Игоръ плъкы заворачаетъ». Какъ ясно сказывается здѣсь и шелестъ по вѣтру развѣвающихся знаменъ, и звонъ ихъ колокольчиковъ при поднятіи ихъ предъ движеніемъ полковъ, которые ведетъ Игорь на выручку брата Всеволода. «Жаль бо ему мила брата», говоритъ пѣвецъ Игоревъ и, продолжая ту же рѣчь о знаменахъ, прибавляетъ: «бишася день, бишася другый; третьяго дни къ полудню падаша стязи Игоревы».

Извѣстно, что при проигранной битвѣ, знамена преклонялись, понижались, какъ бы падали. «Понизить стязи свои, вонзить свои мечи (въ ножны)», говорится въ этомъ смыслѣ.

Въ такомъ же, какъ и выше значеніи, употребляются слова: звонъ славы и слава въ слѣдующихъ выраженіяхъ Слова о Полку Игоревѣ: «Звонячи въ прадѣднюю славу..... Преднюю славу сами похитимъ, заднюю ся сами подѣлимъ», т. е., при движеніи ратныхъ строевъ подъ древними знаменами, воины могутъ питать надежду на побѣду, на отнятіе передовыхъ знаменъ, а затѣмъ и на дѣлежъ по себѣ всѣхъ идущихъ за ними остальныхъ враждебныхъ знаменъ.

Но всего драгоцѣннѣе для насъ слѣдующее самое трудное для объясненія мѣсто въ Словѣ о Полку Игоревѣ. Нѣкоторые думаютъ, что это мѣсто сильно искажено переписчиками; въ дѣйствительности же все искаженіе заключается тутъ только въ пропущенной буквѣ *и* въ словѣ «инърози» и, затѣмъ, все это мѣсто становится

вполнѣ понятнымъ, если прочесть его, не забывая сказаннаго выше о значеніи древнихъ знаменъ. Вотъ это мѣсто: «о! стонати Русской земли... конииа поятъ на Дунаи [1])». По нашему мнѣнію, ясный смыслъ этого мѣста слѣдующій. Пѣвецъ Игоревъ горько жалуется на утрату древняго единовластія, на плачевный раздѣлъ Русской земли. О! стонати, т. е. о, горе Русской землѣ въ его время, сравнительно съ первой ея годиной, съ первыми ея князьями, единовластно управлявшими Русью. Здѣсь онъ невольно останавливается мыслію на Владимірѣ, и какъ единовластіе неизбѣжно должно было выражаться единствомъ знаменъ, то онъ и выражаетъ скорбь о томъ, зачѣмъ нельзя было навсегда пригвоздить этихъ знаменъ къ горамъ кіевскимъ, т. е. зачѣмъ нельзя было навсегда, нерушимо удержать единовластія за Кіевомъ. А теперь, продолжаетъ повѣтствователь, это древнее единовластіе изчезло изъ Руси. Выраженіе такого распаденія власти онъ видитъ именно въ раздѣленіи знаменъ. Такъ, одни изъ нихъ Рюриковы безъ славы, безъ дѣйствія стоятъ недвижимыя въ Кіевѣ, тогда какъ Давидовы несутъ его друзіи съ изображеніемъ, на наконечникахъ ихъ, единороговъ, далеко, около Дуная, причемъ, развѣваясь, какъ хоботами пашутъ эти знамена по вѣтру, и коней своихъ войска поятъ на Дунаѣ. Таковъ самый ясный смыслъ этого мѣста, при внимательномъ его разборѣ, при надлежащемъ пониманіи значенія древнихъ знаменъ на Руси.

Замѣтимъ кстати, что подобное же поэтическое описаніе знаменъ, развѣвающихся по вѣтру, мы находимъ также и у св. Григорія Богослова. Такъ, въ первомъ обличительномъ словѣ своемъ на царя Юліана, онъ говоритъ: «Потомъ возстаетъ онъ и противъ «того великаго знамени съ изображеніемъ креста, которое, бывъ «поднято вверхъ, предводило воинствомъ, почиталось у Римлянъ, и «дѣйствительно было облегченіемъ въ трудахъ, можно сказать, цар«ствовало надъ прочими знаменами, изъ которыхъ однѣ украшены «изображеніями царей и распростертыми тканями съ различными «цвѣтами и письменами; а другія, принимая въ себя вѣтеръ чрезъ «страшныя пасти драконовъ, утвержденныя на верху копій, разду-

---

[1]) Въ подлинникѣ: „копіѧ поютъ“, но это, очевидно, только описка.

«ваются по изгибамъ, испещреннымъ тканою чешуею, и представ-«ляютъ взорамъ пріятное и вмѣстѣ ужасное зрѣлище».

Приведенное выше мѣсто изъ Слова о Полку Игоревѣ особенно драгоцѣнно также тѣмъ, что оно указываетъ на русскій древнѣйшій памятникъ, свидѣтельствующій прямо и положительно объ отличительномъ правѣ друзій, какъ доброславныхъ мужей, быть знаменоносцами.

Въ томъ же памятникѣ, какъ и въ другихъ, эти друзіи отличаются отъ братій княжихъ, отъ родославныхъ, хотя и тѣ и другіе находились одинаково въ дружбѣ великокняжей. Такъ, Игорь говоритъ къ дружинѣ своей: братіе и дружино, или вѣрнѣе, братіе и друзіи. Въ заключеніи пѣсни видимъ тоже различіе князей или братій отъ друзій, гдѣ говорится: «здрави князи и дружина». Приэтомъ, князи верховные именуются свѣтлыми, какъ напр. «И рече ему Буй туръ Всеволодъ: одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты, Игорю, оба есвѣ Святъславлича». Тотъ же Всеволодъ называется: «великый княже Всеволоде». Такимъ князьямъ вездѣ приписывалась въ «старыхъ словесахъ», то есть, по древнему выраженію, «слава», дружинѣ же ихъ «честь». Такъ, читаемъ: «струны же сами княземъ славу рькотаху», или: «ищущи себѣ чти, а князю славы»; «притрепа славу дѣду своему Всеславу», «расшибе славу Ярославу» и т. п.

Не менѣе важно указаніе въ томъ же памятникѣ относительно того, что какъ князья, такъ и ихъ друзіи, во времена написанія пѣсни о Полку Игоревѣ, назывались Русичами. Такъ, Игорь, обращаясь къ братьямъ, т. е. князьямъ, и къ дружинѣ т. е. друзіямъ, говоритъ: «хощу копіе приломити конецъ поля половецкаго съ вами, Русичи».

Въ этой же пѣснѣ встрѣчаемся съ воспоминаніемъ, жившимъ еще въ народной памяти во времена пѣснопѣвца, о древнемъ русскомъ правѣ, судѣ или заповѣдяхъ роди, законахъ родославія, славы, или княжихъ, о которыхъ мы упоминали выше. Повѣствователь говоритъ: «Бориса же Вячеславича слава на судъ приведе», другими словами: надъ нимъ произнесенъ былъ судъ по княжему закону, по заповѣдямъ роди или славы.

Особенно замѣчательное указаніе представляетъ тотъ же памят-

никъ древней русской поэзіи какъ на древнѣйшій культъ у Славянъ, такъ и на самую мѣстность, которая служила ему, какъ мы уже видѣли, изначальнымъ средоточіемъ, именно на Корсунь и слѣд. на Хозарію. Тамъ, съ доисторическихъ временъ, развивался древне-славянскій культъ богини Славы; тамъ находимъ и знаменитый въ свое время кумиръ ея. Пѣвецъ Игоревыхъ подвиговъ прямо сопоставляетъ Корсунь съ древнѣйшимъ славянскимъ кумиромъ, гдѣ говоритъ: «...и Корсуню, и тебѣ тьмутораканьскый блъванъ».

Нѣкоторые наши ученые полагаютъ, что въ Пѣсни о Полку Игоревѣ говорится также о какомъ либо древнемъ славянскомъ культѣ въ слѣдующихъ словахъ: «вступила дѣвою на землю Трояню». Соглашаясь вполнѣ съ этимъ мнѣніемъ, мы съ своей стороны, по всѣмъ приведеннымъ выше соображеніямъ, не можемъ отвергать того предположенія, что здѣсь говорится именно о древнѣйшемъ славянскомъ культѣ богини Дѣвы—Славы.

Остатки древняго языческаго обычая у Славянъ относительно хотей или наложницъ, о которомъ мы уже упоминали, вѣроятно, не вовсе исчезли еще во времена Игоря Святославича, по крайнѣй мѣрѣ судя по слѣдующему упоминанію о хоти: «и своя милыя хоти, красныя Глѣбовны», и проч.

Кончаемъ наши объясненія на подходящія къ нашему предмету важныя указанія древнѣйшаго памятника славянскаго поэтическаго сказанія.

Подробный разборъ другихъ его указаній завлекъ бы насъ слишкомъ далеко, гораздо далѣе предположенныхъ нами предѣловъ для своего изслѣдованія.

До этого мѣста было обработано Княземъ М. А. Оболенскимъ первое Приложеніе *къ его изслѣдованію* «О первоначальной русской лѣтописи». *Нѣкоторые изъ оставшихся въ его бумагахъ подготовительные матеріалы для послѣдующихъ* Приложеній, *а равно и другія статьи напечатаны въ концѣ этого изданія.*

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХЪ РУССКИХЪ ЛѢТОПИСЯХЪ

И

О СЛАВЯНСКИХЪ АЗБУКАХЪ:

ГЛАГОЛИЦѢ и КИРИЛЛИЦѢ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

о судьбахъ первоначальныхъ Русскихъ Лѣтописей и о славянскихъ азбукахъ: Глаголицѣ и Кириллицѣ.

Прежде чѣмъ говорить о предметѣ нашего изслѣдованія, не лишнимъ будетъ обратиться къ недавно изданному замѣчательному произведенію отечественной литературы, касающемуся отчасти и нашего предмета.

Съ особеннымъ вниманіемъ и необыкновеннымъ удовольствіемъ прочелъ я «Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей Болгарской, Сербской и Румынской», обогатившій отечественную нашу литературу. Предметъ, избранный авторомъ, г. экстраординарнымъ профессоромъ Московской Духовной Академіи Евгеніемъ Евстигніевичемъ Голубинскимъ, исчерпанъ имъ глубоко и разносторонне. Не оставлено безъ подробнаго изслѣдованія почти ничего важнѣйшаго въ этомъ предметѣ. Но, къ величайшему моему прискорбію, г. профессоръ мало обратилъ вниманія на моего любимца Григорія, епископа Болгарскаго, спутника великой княгини Ольги въ ея путешествіи въ Константинополь. Его великая просвѣтительная дѣятельность начально въ Болгаріи и за тѣмъ у насъ въ Россіи не можетъ, безспорно, не заслуживать глубочайшаго уваженія со стороны нашихъ ученыхъ любителей отечественнаго просвѣщенія.

Г. автору угодно было напечатать, что Григорій, въ надписаніи Палеи, приложенной къ переводу Малалы у Калайдовича въ Іоаннѣ Экзархѣ, стр. 178, называется: Григорій презвитеръ, мнихъ всѣхъ церковникъ болгарскихъ церквей, и сдѣлать слѣдующее примѣчаніе: что значитъ «мнихъ или презвитеръ мнихъ всѣхъ церковникъ», въ настоящее время мы не можемъ объяснить. Мы подозрѣваемъ, что извѣстное нынѣ чтеніе неправильно, и что нужно: презвитеръ мнихъ и (приставникъ, пастухъ, или что нибудь подобное) всѣхъ церковникъ болгарскихъ церквей.

По поводу этого примѣчанія, мы не можемъ не отнестись къ г. профессору съ тѣмъ же словомъ, съ какимъ мы обращались къ В. М. Ундольскому: «Мы думаемъ, что въ дѣлѣ науки важно общее содѣйствіе и трудъ; а сомнѣнія, которыя ведутъ только къ безплодному отстраненію вопроса, важнаго для науки, и производятъ не участіе къ научному интересу, какое мы старались вызвать, а равнодушіе,—едвали не безполезны.

Съ примѣчаніемъ автора мы, съ своей стороны, никакъ не можемъ согласиться. Имѣя въ виду нѣкоторые почтенные, древніе документы, достаточно разъясняющіе этотъ предметъ, мы никакъ не считаемъ себя вправѣ называть его необъяснимымъ и задаваться нерѣшимыми вопросами. Тѣмъ менѣе мы вправѣ, ставя такіе излишніе вопросы, заподозривать древнее чтеніе и произвольно пополнять его, безъ всякой законной на то причины.

Съ своей стороны, на основаніи древнѣйшихъ, вполнѣ достовѣрныхъ памятниковъ, мы признаемъ и не можемъ не признать за Григоріємъ прєзвитєромъ мнихомъ всѣхъ цєрковникъ Болгарскихъ цєрквєй сана епископскаго. Вотъ эти основанія, вотъ эти свидѣтельства, которымъ мы не можемъ отказать въ великой силѣ и убѣдительности.

1. Возьмемъ одно изъ доказательствъ, какія намъ представляетъ древнѣйшая исторія Русской Церкви. Григорій называется въ нашей рукописи прєзвитєромъ мнихомъ. Точно также называетъ себя и Иларіонъ въ своемъ исповѣданіи, уже по избраніи его въ митрополиты. Онъ именно говоритъ о себѣ: азъ мнихъ и прєзвитєръ Иларіонъ. Изъ совершенной одинаковости этихъ названій прєзвитєра мниха, употребляемыхъ въ древности какъ Иларіономъ, такъ и Григоріємъ, мы несомнѣнно должны заключить и объ одинаковости єпископскагѡ ихъ сана.

2. Константинъ Багрянородный лично зналъ єпископа Григорїа, который представлялся ему въ свитѣ великой княгини Ольги и не могъ не быть извѣстенъ императору, какъ ревнитель, поборникъ и защитникъ интересовъ Славянства противу византійскихъ вымогательствъ. Въ силу этого именно патріотизма Григорїа, отношеніе къ нему Константина было далеко не пріязненное. Византійская враждебность къ Григорію выразилась прямо сравнительно гораздо

меньшей долей даровъ, назначенныхъ славянскому епископу византійскимъ дворомъ противъ другихъ переводчиковъ, не столь безкорыстно преданныхъ дѣлу Руси въ Византіи. Императорское правительство, очевидно, хотѣло и стремилось унизить Григорія предъ другими, становившимися на его сторону Славянами. Но великій духъ нашего древняго епископа, мудраго и безкорыстнаго совѣтника великой княгини Ольги, не въ силахъ былъ промѣнять интересы какъ ея, такъ и общей родины на византійское золото. Временно униженный обдѣломъ въ дарахъ, онъ тѣмъ болѣе сохранилъ свою высокую характеристику для потомства: по ней особенно мы узнаемъ въ запискахъ Константина эту свѣтлую личность, озарявшую собою весь путь великой княгини Ольги въ Царьградъ и ея пребываніе въ этой столицѣ. Не смотря на свою враждебность къ Григорію, даже Константинъ не счелъ возможнымъ, въ своихъ запискахъ, назвать его, вопреки вопіющей правдѣ, просто священникомъ πάπας'омъ, а вынужденъ былъ именовать παπᾶς, что, какъ извѣстно, означало высшій духовный санъ. Архіепископъ Макарій не отрицаетъ архіерейскаго сана у папы Григорія, сопутствовавшаго Ольгѣ въ Грецію, на основаніи слѣдующихъ древнѣйшихъ свидѣтельствъ. «Еще въ III в., замѣчаетъ высокопреосвященный, папами на востокѣ называли иногда именно епископовъ (Origen. contra Celsum, lib. VIII sub. finem); въ VI, VII и VIII вѣкахъ на западѣ—также епископовъ, пока не сдѣлалось это имя исключительнымъ для одного римскаго первосвященника (Histor. Christ. Spanheimii, pag. 1098 — 1288). Славяне западные, по принятіи христіанства, приписывали имя папъ тоже однимъ архипастырямъ своимъ, называя вмѣстѣ простыхъ священниковъ попами (Истор. первобытн. христ. Церкви у Славянъ Маціевскаго, стр. 168—170). Ученый Гоаръ дѣлаетъ различіе между греческими παπᾶς и πάπας, утверждая, что первымъ именемъ у Грековъ назывались собственно епископы, а послѣднимъ пресвитеры и даже клирики. Сопутствовавшій великой княгинѣ Ольгѣ Григорій названъ у Багрянороднаго παπᾶς [1]).

3. Въ Ватиканскомъ евангеліи встрѣчаемъ мы слѣдующія Кирилловскія приписки: л. 46 обор. «о папасѣ Ивани Кравоноси писа

[1]) Истор. христ. въ Россіи, 2-е изд., стр. 247, прим. 500.

евангеліє сиє»; л. 76 об. «азъ попь Станъ писахъ»; л. 158: «азъ попь Станъ пишѫ». Изъ этихъ приписокъ очевидно, что въ одно и тоже время безразлично употреблялись оба эти выраженія попь и па́пасъ, какъ однозначительныя въ смыслѣ сана священническаго. Въ четырехъ другихъ припискахъ (л. 39, 43, 57, 75), въ томъ же евангеліи, которыя составляютъ указанія на чтеніе при елеосвященіи, совершаемомъ семью священниками (ἑπταπάπαδον), мы видимъ что слово па́пасъ означало также санъ священника [1]).

4. Григорій нигдѣ не называется попомъ, а называется презвитеромъ-мнихомъ.

Изъ всего вышеприведеннаго вполнѣ очевидно, что Григорій, сопутникъ великой княгини Ольги, былъ именно высшимъ духовнымъ лицомъ, никакъ не ниже епископа; но сопутникъ этотъ, какъ мы уже доказали, по всей вѣроятности, могъ быть не кто иной, какъ именно Григорій-презвитеръ-мнихъ, знаменитый сподвижникъ славнаго царя Симеона.

5. Кромѣ всего того, Григорій былъ именно презвитеръ-мнихъ всѣхъ болгарскихъ церковникъ.

Извѣстіе объ этомъ его санѣ мы указали уже изъ дошедшаго до насъ древнѣйшаго памятника нашей письменности—изъ трудовъ самаго Григоріѧ. Подъ словомъ «церковникъ» (люди црквныя) [2]) здѣсь, очевидно, нельзя разумѣть ничего другаго, кромѣ церковнаго причта, т. е. священно-и церковнослужителей, а потому и презвитеромъ-мнихомъ всѣхъ болгарскихъ церковникъ, безъ сомнѣнія, не могъ быть никто другой, какъ высшее духовное лицо, епископъ, папасъ. Это ясно, какъ день.

Да и, наконецъ, 6) могъ ли Григорій, по своему близкому отношенію къ болгарскому царю Симеону, какъ ближайшій сотрудникъ его высокопросвѣтительной дѣятельности, могъ ли онъ не быть награжденъ наслѣдникомъ царя Симеона, въ память великихъ личныхъ заслугъ, оказанныхъ отцу его, по достоинству, могъ ли не быть возведенъ имъ, за свои особые, многіе труды, на самую выс-

---

[1]) Свѣдѣн. и замѣтки о малоизв. и неизв. памятникахъ, И. И. Срезневскаго, стр. 77.

[2]) См. Уставъ В. К. Ярослава Владиміровича въ Исторіи Русской Церкви, высокопреосвящ. Макарія, т. II, стр. 216 и 357.

шую, возможную для его званія, степень почета? Не быть этого, безъ сомнѣнія, не могло. А потому, нисколько не колеблясь, мы, съ своей стороны, и не можемъ, за отсутствіемъ всякихъ документальныхъ, не голословныхъ возраженій противъ этого, не признать за Григоріемъ, прѣзвитеромъ-мнихомъ всѣхъ болгарскихъ церковникъ высшаго, духовнаго сана епископства, которое признается за нимъ и Константиномъ Багрянороднымъ, называющимъ его именно παπᾶς [1]), что, какъ мы уже видѣли, значитъ епископъ, а не просто пресвитеръ, называвшійся по гречески не παπᾶς, а πάπας [2]).

Этотъ-то Григорій прѣзвитеръ-мнихъ, котораго г. экстраординарный профессоръ не желаетъ признать епископомъ, былъ, однакоже, однимъ изъ первыхъ преемниковъ такъ называемыхъ седмичисленниковъ. Укрывшись въ Россію, во времена великой княгини Ольги, отъ происходившихъ тогда смутъ въ Болгаріи, онъ привезъ съ собою Сѣборьникъ, содержавшій въ себѣ первоначально цѣлую библіотеку избранной болгарской письменности X вѣка. Этимъ Сѣборьникомъ было положено первое основаніе всего дальнѣйшаго письменнаго просвѣщенія на Руси.

Сѣборьникъ Григоріа прѣзвитера-мниха всѣхъ церковникъ болгарскихъ церквей первоначально содержалъ въ себѣ:

1) Апокалипсисъ.

2) Шестодневъ Іоанна экзарха Болгарскаго.

Помѣщеніе въ Съборьникѣ Григорія Шестоднева Іоанна экзарха Болгарскаго доказываетъ, что Іоаннъ былъ писатель X в. Въ подтвержденіе чему приводимъ слова преосвященнаго Филарета, епископа Рижскаго: «Въ Шестодневѣ своемъ экзархъ пишетъ, что а) Болгарами управляютъ собственные князья ихъ, притомъ не цари, и что князья ихъ, также какъ у Хозаръ, наслѣдуютъ сынъ отцу, братъ брату, по древнему обычаю (сл. 5); б) онъ представляетъ дворъ князя Болгарскаго въ такомъ великолѣпномъ видѣ, въ какомъ тотъ былъ только при кн. Симеонѣ, сынѣ Бориса (сл. 3 и 6); в) даетъ видѣть, что въ его время еще много было язычниковъ между племенами славянскими, «да ся срамляютъ убо вси поши-

---

[1]) См. Константина Багрянороднаго о церем. Византійск. Двора, т. I, стр. 597.

[2]) См. Diction. de Théolog. par Bergier: papas.

бени и скверніи Минихеи и вси погани Словени и вси языцы зловѣрніи (4 слово)». Шестодневъ Іоанна заключаетъ въ себѣ три толкованія: Северіана Гевальскаго, неизвѣстнаго и Василія, а въ той части его, которая не принадлежитъ ни Северіану, ни Василію, находятся, какъ упомянутыя замѣчанія о Болгарахъ, такъ еще филологическія замѣчанія объ отношеніи славянскаго языка къ греческому (см. у Калайд. стр. 154), а это показываетъ, что эта часть принадлежитъ самому Іоанну. Такимъ образомъ самое содержаніе Шестоднева свидѣтельствуетъ, что переводчикъ-сочинитель жилъ при князѣ Симеонѣ» [1]).

3) Хронографъ по Великому изложенію.

Въ основѣ этого хронографа положены слѣдующіе письменные памятники:

1) Ветхозавѣтныя книги, нѣкоторыя въ полномъ, а другія въ сокращенномъ видѣ; нѣсколько мѣстъ изъ Новаго Завѣта.

2) Іосифа Флавія (писателя 1-го вѣка) Древности Іудейскія, о войнѣ Іудейской и о плѣненіи Іерусалима.

3) Іоанна Малалы (писателя VI вѣка) хроника отъ сотворенія міра до 528 года.

4) Пасхальная хроника отъ сотворенія міра до 630 года.

5) Хронографія Ѳеофана отъ Діоклитіана до царя Михаила и Ѳеофила, сына его, 820—829 г.

6) Георгія Амартола (писателя IX вѣка) хронографъ отъ сотворенія міра до 842 года.

7) Хронографъ Іоанна Антіохійскаго монаха и неизвѣстныхъ его продолжателей, изъ коихъ послѣдній былъ современникомъ Константина Порфиророднаго и матери его Зои, и находился еще въ живыхъ въ 920 году.

Наша рукопись драгоцѣнна еще и въ томъ отношеніи, что она даетъ ключъ къ разрѣшенію важнаго вопроса, до сихъ поръ не приведеннаго къ окончательному отвѣту учеными еллинистами, это именно о различіи, существующемъ между хроникой Іоанна Антіохійскаго Малалы и хронографомъ Іоанна Антіохійскаго монаха.

---

[1]) См. Кириллъ и Меѳодій, соч. Филарета, епископа Рижскаго, стр. 27—28.

Извѣстно, что начало хроники Малалы утрачено въ единственномъ, дошедшемъ до насъ, греческомъ спискѣ. Въ нашей рукописи это начало сохранилось въ переводѣ на славянскомъ языкѣ. При посредствѣ этого перевода, при усиленной ученой работѣ могутъ быть возсоединены въ одно цѣлое не сгибшіе еще вовсе отрывки начальныхъ листовъ помянутой хроники, разсѣянные по разнымъ греческимъ рукописямъ.

Въ нашей рукописи мы находимъ слѣдующее заглавіе: «Изложеніє Іоанна, бывшаго отъ Антїохїйскаго великаго града Сиріѧ Малыѧ, о лѣтѣхъ миру».

Въ заглавіи этомъ для каждаго замѣтна описка древняго переписчика. Ошибка эта, безъ сомнѣнія, вполнѣ извинительная, хотя тѣмъ не менѣе весьма явная. Встрѣтившись съ невѣдомымъ, непонятнымъ для себя словомъ: Малалы, переписчикъ, очевидно, поставленъ былъ въ крайнее затрудненіе, какъ вѣрнѣе написать это слово въ своей рукописи. Всего естественнѣе онъ долженъ былъ принять его за слово «малыѧ», и это тѣмъ болѣе потому, что, по способу древняго написанія, слово Малалы было написано съ л подъ титломъ сверху строки, — Малы, — причемъ, переписчику, при легко возможной утратѣ въ рукописи, отъ обветшанія, слово - титла л, представлялся вполнѣ законный поводъ прочесть это слово за малы и, затѣмъ, по необходимости, дополнить его въ концѣ, для смысла, буквою ѧ, изъ чего и вышло слово: малыѧ, какъ эпитетъ страны Сиріи, поставленной въ родительномъ падежѣ. Въ нашемъ предисловіи къ Лѣтописцу Русскихъ Царей, въ примѣчаніи 13-мъ, мы уже обратили вниманіе ученыхъ на эту ошибку переписчика. Указавъ на приведенную описку, и возстановляя правильное чтеніе этого мѣста, мы читаемъ его такъ: Изложеніє Іоанна, бывшаго отъ Антїохїйскаго великаго града Сиріи, Малалы, о лѣтѣхъ миру.

Приведемъ здѣсь вступленіе, слѣдующее за указаннымъ изложеніемъ въ нашей рукописи, какъ въ подлинникѣ, такъ и въ двухъ переводахъ его на латинскій языкъ—одномъ, буквально близкомъ къ подлиннику, другомъ, болѣе вѣрномъ духу латинскаго языка. Переводы эти мы предлагаемъ читателю въ видахъ того, чтобы предоставить возможность ученымъ эллинистамъ, даже и мало зна-

комымъ съ древне-славянскимъ языкомъ, сравнить по нимъ это мѣсто изъ нашей рукописи съ греческимъ ея подлинникомъ, можетъ быть, уцѣлѣвшимъ гдѣ-либо отрывочно въ греческихъ рукописяхъ.

Съборникъ Григорія, епископа Болгарскаго, листъ 16.

И҆зложенїє І҆ѡанна бывшаго. ѿ Антиѡ҆хийскаго града Сирїи Мал҃ы ѿ лѣтѣхъ мирꙋ.

«Зѣло добро мню е҆же сказати коуюжо главизнꙋ повѣстїи. ꙗ҆же [1]) Моисеѡмъ хронографомъ повѣдаѥмы соуть, и҆ А҆фриканомъ. и҆ Е҆всѣвїємъ Панфиловымъ. и҆ Паоу҆санїємъ. и҆ Дидоумомъ. и҆ Ѳеѡфиломъ. и҆ Климѧнтомъ и҆ Диѡдоромъ и҆ Домининомъ. и҆ Оу҆стафиѥмъ. и҆ и҆нѣхъ много трꙋдившихсѧ хронографь и҆ и҆сторикъ и҆ творець сказати и҆ мнѣ поистиннѣ, слоучившаꙗ҆сѧ вчѧсти. и҆ въ лѣта цр҃ь, въшедъша въ оу҆ши мои. гл҃ю оу҆бо ѿ цр҃тва Зинонѧ. и҆ потомъ цр҃твовавшихъ. Лѣпо же є҆и иже боу҆доуть по мнѣ списати. ꙗ҆же посемъ бл҃гти дѣлѧ. сказаша оу҆бо преже писавшеи. мирское бытие сице сꙋщее».

Fragmenta Historicorum Graecorum Caroli Mulleri, vol. IV, pag. 540. Codex Paris, № 1630, fol 234.

Ἀπὸ τῆς ἐκθέσεως Ἰωάννου Ἀντιοχέως τῆς περὶ χρόνων καὶ κτίσεως κόσμου πονηθείσης, ὥς φησιν, ἀπὸ βίβλων Μωσέως, Αφρικανοῦ, Εὐσεβίου, Παππίου [2]) καὶ Διδύμου καὶ ἑτέρων.

Примѣч. На основаніи нашего древняго перевода, слѣдуетъ читать вмѣсто слова Παππίου-Παυσανίου. Мы неоднократно уже говорили, что посредствомъ древнихъ славянскихъ переводовъ можно возстановлять испорченное чтеніе греческихъ кодексовъ. Еслибы г. Мюллеръ имѣлъ въ виду нашъ древній славянскій переводъ, онъ не сдѣлалъ-бы слѣдующаго ошибочнаго примѣчанія, по поводу слова: Παππίου. Мюллеръ говоритъ: Παππίου—безъ сомнѣнія это Papias (или Pappias), изъ котораго много заимствуютъ безъимянныя краткія хроники (παρατάξεις σύντομοι χρόνικαι).

Переводъ.

Я считаю весьма полезнымъ изложить вкратцѣ (каждую главу) содержаніе каждой главы исторій, разсказанныхъ хронографомъ Моисеемъ, Африканомъ, Евсевіемъ Памфиловымъ, Павзаніемъ, Дидумомъ, Θеофиломъ, Климентомъ, Діодоромъ, Домниномъ, Евстафіемъ, равно какъ (изложить содержаніе) другихъ, много трудив-

[1]) Въ подлинникѣ юже.

[2]) Чит. παυσανίου.

шихся хронографовъ, историковъ и поэтовъ; (кромѣ того) поистинѣ, прилично также и мнѣ, ради блага тѣхъ, кои будутъ писать послѣ меня о послѣдующихъ событіяхъ, изложить случившееся въ (области) предѣлахъ и (въ года) періодахъ царей (что́ только дошло до моего слуха) (я разумѣю) т. е. царствовавшихъ, начиная съ Зинона и далѣе...

Переводъ по латыни слово въ слово:

«Utilissimum fore existimo singula rerum gestarum capita, quae a chronographo Moise, Africano, Eusebio Pamphili, Pausania, Didymo, Theophilo, Clemente, Diodoro, Domnino, Eustathio aliisque sollertissimis chronographis, historicis atque poëtis narrantur, breviter referre, justum sane ėst, ut ipse quoque eorum gratia, qui post me facta scripturi sunt, referrem omnia quae ex imperii finibus ac tempore, scilicet inde a Zenone ultroque, in aures meas descesserunt.

Qui itaque ante scripserant, haec de mundi henesi retulerunt...

Переводъ, съ небольшими отступленіями, болѣе чистой латынью:

Equidem utilissimum fore existimo singula rerum gestarum capita quae a chronographo Moise, Africano, Eusebio Pamphili, Pausania, Didymo, Theophilo, Clemente, Diodoro, Domnino, Eustathio aliisque sollertissimis chronographis, historicis atque poëtis referuntur, commemorare; dignum sane et justum est, ut ipse quoque eorum gratia, qui post me facta scripturi sunt, literis consignarem omnia quae ex emperii finibus ac tempore, inde a Zenone ultroque, mihi innotuerunt.

Qui itaque ante scripserant, haec de mundi genesi retulerunt.

Ученые еллинисты и до сихъ поръ держатся того мнѣнія, что прозваніе Іоанна Антіохійскаго «Малала» происходитъ будто-бы отъ того, что на Сирскомъ языкѣ слово: Малеласъ или Малаласъ значитъ риторъ, софистъ, схоластикъ. Мы, съ своей стороны, предлагаемъ совершенно иное объясненіе для этого прозванія. Оно, по нашему мнѣнію, представляетъ собою чисто мѣстное происхожденіе. Іоаннъ Антіохійскій, по прозванію Малала, всего вѣроятнѣе, былъ Селевкійскимъ митрополитомъ, или родомъ изъ Селевкіи, которая принадлежитъ къ Антіохійскому патріархату и по арабски еще и въ наше время называется Малула. Слово это, по гречески пишется *Μαλοῦλα*, звукъ *ου*, употребляемый при этомъ, извѣстенъ на Востокѣ (и у восточныхъ Турокъ) какъ сред-

ній между у и ы. Этотъ же самый звукъ въ болгарскихъ средневѣковыхъ кодексахъ передается чрезъ буквы ѫ или ъ, а произносится какъ а (краткое). Отсюда и слово Μαλούλα Болгаре того времени не могли произносить иначе, какъ Малала.

Въ сочиненіи: Ἐπιστολάριον ἢ ἐπιστολικὸς χαρακτὴρ, δι' οὗ διδάσκονται οἱ φιλομαθεῖς, πῶς νὰ γράφειν μὲ καλὴν τάξιν ἐπιστολὰς πρὸς ὁποιον δήποτε πρόσωπον, μὲτοὺς τίτλους ἑκάστῳ κατὰ τὸν κοινὸν τρόπον ὡς τὴν σήμερον συνηθίζεται, на стр. 219 читаемъ: (Митрополитъ) Селевкій честнѣйшій и экзархъ первой (передней) Сиріи. Селевкія же называется нынѣ Малула. Ὁ Σελευκείας, ὑπέρτιμος καὶ ἔξαρχος πρώτης Συρίας. λέγεται δὲ νῦν ἡ Σελεύκεια Μαλούλα.

Приводимъ нѣсколько позднѣйшихъ указаній относительно той мѣстности, гдѣ находится Малула. Нынѣ эта мѣстность, какъ и въ древности, лежитъ въ Антіохійскомъ партріархатѣ. Изъ свѣдѣній, полученныхъ въ 1851 году отъ его высокопреподобія отца архимандрита Порфирія Успенскаго [1]), обогатившаго нашу историческую литературу важнымъ открытіемъ и изданіемъ, съ превосходными комментаріями, четырехъ бесѣдъ знаменитаго патріарха Фотія, столь драгоцѣнныхъ для изслѣдователей древней Русской Исторіи, видно, что селевкійскій архіепископъ Іаковъ (изъ Арабовъ), и по смерти его Захарія (изъ Грековъ) пребывали: первый—въ селеніи Сайданѣѣ, въ 6 часахъ отъ Дамаска, а послѣдній въ монастырѣ св. равноапостольной Ѳеклы въ селеніи Малулѣ, въ 12 часахъ пути отъ Дамаска на Сѣверъ [2]). Захарія, какъ извѣстно, въ томъ же году былъ убитъ въ означенномъ монастырѣ возмутившимися Коптами. Извѣстно, что въ единственно уцѣлѣвшей греческой рукописи хроники Малалы первые листы утрачены. Это начало хроники Малалы можетъ быть легко возстановлено съ помощію Григоріева Съборьника, Палеи и Еллинскаго Лѣтописца.

Хронографъ по великому изложенію, получившій свое начало въ царствованіе знаменитаго покровителя и споспѣшника славянскаго просвѣщенія, Болгарскаго царя Симеона Борисовича, умершаго въ

---

[1]) Нынѣ епископъ Чигиринскій, викарій Кіевской митрополіи. *Прим. изд.*

[2]) См. въ Хр. Чт. 1854 г. въ Декабрьской книжкѣ, стр. 492, статью: Состояніе правосл. церкви Сирійской въ 1848 г., извлеченной изъ записки, доставленной о. а. П., находящимся въ Іерусалимѣ.

927 году, для насъ въ высшей степени драгоцѣненъ, потому что имъ несомнѣнно пользовался преподобный Несторъ первый, и изъ него внесъ въ свою лѣтопись многія мѣста буквально, а другія въ сокращенномъ видѣ. Онъ самъ ссылается на этотъ хронографъ въ своей лѣтописи, находящейся въ Переяславско-Суздальскомъ спискѣ, гдѣ, говоря о женолюбіи Соломона, выражается такъ: «Рече бо книга Царская Григоріемъ мнихомъ о Соломане, яко име женъ семьсотъ, а наложницъ триста». Ссылка эта указываетъ на то обстоятельство, что древній лѣтописатель нашъ пользовался книгами Царствъ по переводу, находящемуся въ Съборьникѣ Григорія, епископа Болгарскаго.

Хронографъ по великому изложенію замѣчателенъ еще тѣмъ, что послужилъ составителю такъ называемой Палеи (извѣстной въ пергаментномъ спискѣ 1406 г.) главнымъ источникомъ для его изложенія древней исторіи, на что въ Палеѣ есть прямое указаніе. По свидѣтельству А. Х. Востокова, — въ его описаніи Палеи (1495 года) Румянцевскаго Музея, послѣ исторіи объ Ахавѣ, въ Палеѣ, л. 341, сказано: «такъ бо бѣ писано въ книгахъ, еже прѣдръжитъ фронографъ по великому изложенію».

Это любопытное указаніе обязано своимъ происхожденіемъ вотъ какому обстоятельству: въ хронографѣ, послѣ разсказа объ Ахавѣ царѣ, составленнаго по сказанію 3 книги Царствъ главъ XVI и XVII, сдѣлана замѣтка: «и се же писана быша въ паремьи и прочая по семъ». Составитель же Палеи въ соотвѣтствіе съ этою замѣткою, написалъ на томъ же мѣстѣ свою вышеупомянутую, въ такомъ же родѣ, замѣтку, указывая тѣмъ на источникъ, откуда заимствовано имъ это сказаніе, и какой авторитетъ имѣлъ для него этотъ источникъ. Указанная замѣтка составителя Палеи служитъ доказательствомъ того, что онъ, хотя сокращалъ текстъ хронографа по великому изложенію, но тѣмъ не менѣе твердо держался не только порядка и состава его повѣствованія, но подчинялъ ему, такъ сказать, и самый складъ своихъ собственныхъ мыслей и выраженій.

4) Лѣтописецъ Рускихъ црѣи.

Начало лѣтописанія въ Россіи совпадаетъ съ первымъ появленіемъ въ Кіевѣ Съборника Григорія, епископа Болгарскаго. Перво-

основная Русская лѣтопись была вписана въ Сѣборьникъ Григоріа, и долгое время на Руси постоянно переписывалась вмѣстѣ съ этимъ Сѣборьникомъ вслѣдъ за хронографомъ, составляя какъ бы его продолженіе, и будучи съ нимъ соединена внутреннею связью, какъ трудъ одного и того же лица, которое перевело и составило хронографъ, и написало лѣтопись. За тѣмъ, вмѣсто первоосновной лѣтописи, сталъ переписываться лѣтописный сводъ преподобнаго Нестора. Однимъ изъ доказательствъ этого служитъ слѣдующее заглавіе Псковской лѣтописи:

НАЧАЛѠ ЛѢТОПИСЦА ПСКОВСКАГО.

Аще хощеши изъѡбрѣсти, ѿ начала, ѿ твореніи мира ѿ перваго Богомъ створенаго человѣка Адама, до потопа вся роды, ѿ потопа до Авраама, ѿ Авраама до Христа, отъ Христа даждь и до благочестиваго царя Михаила, и царствіа, и пророки, и проповѣди, и иная вся подобная изъѡбрящеши, токмо начни чести книгу сию ѿ доски, и тако по ряду доидеши до начала роускыя земля.

Находящееся въ лѣтописномъ сводѣ по Ипатьевскому списку сказаніе о стеклянныхъ глазкахъ, падающихъ съ неба въ Ладогѣ, также важно для насъ тѣмъ, что повѣствователь подъ 1114 годомъ, въ подтвержденіе правдивости разсказа, приводитъ отрывокъ изъ хронографа, привезеннаго Григоріемъ въ Кіевъ: «аще кто сему вѣри не иметъ, да почтетъ хронографа» [1]).

Но всего важнѣе, это послѣсловіе Сильвестра, взятое Татищевымъ изъ манускрипта Голицынскаго, который оканчивался 1198 г. Послѣсловіе это сходно съ припискою Сильвестра, уцѣлѣвшею въ Лѣтописномъ Сборникѣ, именуемомъ Патріаршею, или Никоновскою лѣтописью. Приводимъ его вполнѣ.

«Се язъ грѣшный инокъ Селивестръ, игуменъ святаго Михаила, написахъ книги сіа, глаголемыя греческымъ языкомъ хранографъ, русскимъ языкомъ тлъкуется временникъ, еже есть лѣтописецъ, во священно и божественно священноначяльства господина Никифора, митрополита Кіевскаго и всея Руси, во обладаніе державы Кіевскіа православнаго и благочестиваго великого князя Владимера

---

[1]) См. Бестужева-Рюмина о сост. Русск. Лѣтоп., стр. 78; Попова о хроногр. 1, 69.

Маномаха, сына Всеволожа, внука Ярославля, правнука великаго и равноапостольнаго святаго Владимера, нареченнаго въ святѣмъ крещеніи Василіа, крестившаго всю Русскую землю. Писа же вся сія любве ради Господа Бога, и пречистыя Богородицы, и святыхъ его, и своего ради отечества Рускія земли, во спасеніе и ползу всѣмъ; и молю всѣхъ прочитающихъ книги сіа, да помолятся о мнѣ во святыхъ своихъ молитвахъ, да сладостный и радостный гласъ услышу отъ Господа Бога въ день онъ суда великаго, и избавленъ буду безконечныхъ мученій, и обѣщанныхъ благыхъ отъ Господа получю, молитвами пречистыа Богородици и всѣхъ святыхъ, аминь».

Изъ этого послѣсловія ясно видно, что Сильвестръ былъ однимъ изъ переписчиковъ Григоріева хронографа, Григоріева Русскаго Лѣтописца и Несторовой Лѣтописи. Но, къ величайшему сожалѣнію, это уже былъ не просто переписчикъ, свято дорожащій дословно-вѣрною перепискою драгоцѣнныхъ памятниковъ славянской письменности, какимъ былъ тотъ благочестивый труженникъ, который, при св. в. кн. Владимірѣ Святославичѣ, какъ мы ниже увидимъ, израсходовалъ цѣлыхъ шесть лѣтъ жизни на переписку Григоріева Съборника. Для Сильвестра, какъ для лица, іерархически высоко поставленнаго, былъ тяжелъ, несвойственъ трудъ простаго писца, получающаго большія или меньшія средства къ жизни отъ большаго или меньшаго числа переписанныхъ имъ листовъ. Сильвестръ задавался совсѣмъ иными задачами. Ему нужна была не вѣрная и многообъемистая рукопись, какъ плодъ его трудовъ; потребность, цѣль его была совершенно противоположная. Ученый мужъ, поднимавшійся къ высшимъ степенямъ духовнаго сана, онъ не могъ не имѣть въ виду, при перепискѣ сказанныхъ рукописей, наложить свой особенный характеръ на новые, свои, списки съ нихъ, и онъ дѣйствительно отпечатлѣлъ на нихъ этотъ характеръ; онъ наложилъ на нихъ руку: онъ сократилъ и переиначилъ ихъ по своему особенному взгляду, по своему собственному направленію, которому слѣдовалъ самъ, по влеченію всей окружавшей его, современной среды. Какое же было это направленіе и какими чертами могло отразиться оно на перепискѣ, сокращеніяхъ и передѣлкахъ Сильвестровыхъ?

Чтобы объяснить себѣ это направленіе, мы необходимо должны имѣть въ виду два періода, двѣ различныя эпохи въ направленіи всей нашей славянской письменности. Къ первой изъ этихъ эпохъ относится древнѣйшая славянская письменность, имѣвшая своимъ началомъ самый разцвѣтъ Болгаріи, и еще ранѣе, разцвѣтъ всего славянскаго просвѣщенія, въ главѣ котораго стоятъ св. первопросвѣтители Славянства, за ними — такъ именуемые седмичисленники, и, за тѣмъ, преемники ихъ, и въ томъ числѣ Григорій, епископъ Болгарскій. Подъ вліяніемъ этихъ великихъ, высокопросвѣщенныхъ вождей, славянская жизнь развилась во всей свободѣ и полнотѣ своей, не только не чуждаясь ни свѣтской жизни, ни славянской народности, но, напротивъ, захватывая, въ юной своей мощи и проникая собою весь кругозоръ тогдашнихъ современныхъ славянскихъ интересовъ.

Этому направленію дорога была и наука, и жизнь государственная, и языческія преданія предковъ, и миѳы языческой древности: все жаждало оно приблизить къ христіанству, примирить, озарить христіанскимъ свѣтомъ. Не таково стало послѣдующее, другое направленіе, гдѣ стала уже изсякать эта первая, живая, свободная полнота развитія первохристіанской жизни въ Славянствѣ, гдѣ поблекъ первый разцвѣтъ Болгаріи, гдѣ свободно-національное и умственное смѣнилось другимъ пришлымъ вліяніемъ, гдѣ духовная жизнь Славянъ не въ силахъ уже была пробиваться въ жизнь народную, въ жизнь науки, будучи преграждена въ своемъ теченіи тѣми узами, какія были наброшены на нее извнѣ, не изъ Славянства. Послѣ великаго Симеона, въ Болгаріи, какъ извѣстно, возобладала Византія. Съ этого времени началась въ ней вторая эпоха письменности, подъ вліяніемъ греческаго духовенства, возстававшаго противъ всего національно-славянскаго и презрительно, даже непріязненно, относившагося ко всякому свѣтскому народному, славянскому просвѣщенію. При воздвигнутомъ гоненіи на сотрудниковъ царя Симеона, Григорій Болгарскій, укрывшись отъ преслѣдованія, укрылъ на Руси вмѣстѣ съ собою отъ неминуемаго уничтоженія, при наставшемъ новомъ направленіи въ Болгаріи, и драгоцѣнную древнѣйшую Болгарскую письменность. Вмѣстѣ съ ней онъ повѣялъ на Русь и тѣмъ древне-болгарскимъ духомъ, отъ ко-

тораго нѣкогда разцвѣла Болгарія. Разцвѣтъ этотъ готовился и для Россіи. Тѣмъ же самымъ духомъ начинали проникаться и древнѣйшіе немногіе собственно русскіе іерархи, каковъ былъ митрополитъ Иларіонъ, черноризецъ Іаковъ и преподобный Несторъ первый, писавшіе и дѣйствовавшіе на развитіе роднаго славянскаго элемента. Вторая, противоположная эпоха развитія началась у насъ на Руси гораздо позднѣе, именно съ прибытіемъ Грека Никифора, управлявшаго Кіевскою митрополіею съ 1097 по 1121 г., — человѣка духовно-просвѣщеннаго, ревнителя православія, но съ тѣмъ вмѣстѣ ревниво относившагося ко всему Славянскому. Въ огнѣ своей духовной и византійской ревности онъ пожигалъ не только всякія плевелы, но и самую пшеницу, какая могла возрасти не на византійской, а на славянской почвѣ. Начиная съ его времени, всѣ труды нашей древней письменности принимаютъ совершенно особый характеръ. Это та вторая эпоха въ ней, изъ сопоставленія которой съ первою, до Никифоровской, эпохой, ясно опредѣляется весь характеръ обоихъ направленій въ нашей древней письменности, именно: древнѣйшей, ведущей свое начало, какъ мы уже сказали, изъ Болгаріи, свободно и широко охватывавшей весь кругозоръ народной славянской жизни и просвѣщенія, и второй, непріязненной и противуположной ей, ведущей свое начало отъ Никифора Грека и отличающейся узкимъ преслѣдованіемъ всего, что не исходило изъ круга тогдашнихъ чисто византійскихъ, церковныхъ взглядовъ на жизнь и просвѣщеніе.

Въ это-то время трудился и Сильвестръ, игуменъ Выдубецкій, а съ 1119 г. епископъ Переяславскій, надъ своей передѣлкой указанныхъ нами лѣтописей, подъ вліяніемъ этого послѣдняго направленія. Къ этой же второй эпохѣ принадлежатъ, какъ извѣстно, и труды инока Ѳеодосія, собесѣдника св. князя Черниговскаго Николая Святоши, написавшаго повѣсть о Халкидонскомъ Соборѣ и преложившаго съ греческаго на славянскій языкъ богомудрую и догматическую епистолію св. Льва Римскаго, и труды инока Саввы, составившаго для митрополита Никифора выписки изъ различныхъ толкованій на ветхозавѣтныя книги, на которыхъ Никифоръ обосновалъ свои посланія къ великому князю и князьямъ. Въ это же самое время были переведены на славянскій языкъ: сочиненіе

Меѳодія Патарскаго, и, въ честь митрополита Никифора, «Лѣтописецъ вѣскорѣ Никифора патріарха Цареграда». Естественно, подъ вліяніемъ всѣхъ подобныхъ трудовъ, а также и подъ вліяніемъ своего благоговѣнія къ митрополиту Никифору, игуменъ Сильвестръ, руководимый его направленіемъ, принялся ревностно за передѣлку Григоріева Лѣтописца и Несторовой Лѣтописи, согласно этому направленію, враждебному какъ для всего языческаго, такъ вмѣстѣ и для всего славянскаго, носившаго на себѣ свѣжіе слѣды первой древнѣйшей эпохи болгарскаго развитія, подъ вліяніемъ котораго создался русскій первоосновный Григоріевъ Лѣтописецъ. Руководясь совершенно другимъ взглядомъ какъ на жизнь, такъ и на просвѣщеніе, Сильвестръ прежде всего счелъ необходимымъ исключить изъ древнѣйшихъ нашихъ историческихъ памятниковъ: изъ Григоріева лѣтописца и Несторовой лѣтописи—все несогласное съ своимъ міросозерцаніемъ, каково было все, не входившее въ составъ тогдашнихъ церковныхъ византійскихъ понятій и напоминавшее Славянамъ какъ языческую древность вообще, такъ и ихъ народность въ-особенности. За такими исключеніями многихъ частей изъ древнѣйшихъ лѣтописей, что не могло, конечно, не льстить ученой современной самодѣятельности Сильвестра и, въ тоже время достаточно сокращало для него его труды простаго переписчика, нисколько не лестные, конечно, для игумена и потомъ епископа,—лѣтописи наши подверглись существеннымъ перемѣнамъ. Многое изъ нихъ отпало вовсе, многое въ нихъ совершенно измѣнено, вообще же все языческое и церковно-византійское подпало въ нихъ самому ревностному преслѣдованію. Все такое большею частію было замѣнено различными благочестивыми размышленіями и молитвенными воззваніями. Сверхъ того, по примѣру «Лѣтописца вѣскорѣ Никифора патріарха», и въ Григоріевомъ Лѣтописцѣ произведена замѣна имени Константина Багрянороднаго, крестившаго великую княгиню Ольгу, именемъ Ивана Цимисхія, а также, по примѣру того же Никифора лѣтописца, Сильвестръ вздумалъ предъ каждымъ отдѣльнымъ разсказомъ о происшествіи поставить годъ отъ сотворенія міра, и такимъ образомъ сдѣлался первымъ числополагателемъ въ русскихъ лѣтописяхъ и, вмѣстѣ, составителемъ перваго русскаго лѣтописнаго свода. Тотъ перечень, встрѣчаемый нами въ

этомъ сводѣ, гдѣ мы читаемъ: «отъ смерти Святославли до смерти Ярославли лѣтъ 85, а отъ смерти Ярославли до смерти Святополчи лѣтъ 60», конечно, принадлежитъ Сильвестру. Вотъ этотъ перечень:

Отъ Адама до Христа 5000 и 500 лѣтъ. А отъ Христа до Михаила благочестиваго царя лѣтъ 856. А отъ Михаила до крещенія Болгарскія земли лѣтъ 17. А отъ крещенія Болгарскія земли до преложенія книгъ отъ Грекъ на Словенскій языкъ лѣтъ 29. А отъ преложенія книгъ до крещенія Руской земли лѣтъ 70 и лѣто Купно же отъ Адама до крещенія Руской земли въ лѣто 6360. Отъ 1-го лѣта царства Михаилова до 1-го лѣта Олга, князя Рускаго, иже сѣдѣ въ Кіевѣ, лѣтъ 29. А отъ Олга до Игоря лѣтъ 31. Отъ Игоря до Святослава, сына его, лѣтъ 33. А отъ Святослава до Ярополка, сына его 28 лѣтъ. Ярополкъ княжилъ 8 лѣтъ, а Володимеръ княжилъ 40 лѣтъ. Купно же отъ 1-го князя Олга, иже сѣдѣ первѣе въ Кіевѣ, до крещенія Руской земли лѣтъ 110 [1]).

Бысть же крещена Руская земля въ 9-е лѣто княженія Володимерова. Купно же отъ Адама до крещенія Рускаго лѣтъ 6496, индикта 1, ключь границы Р, кругъ солнца числа 28, вѣруцѣлѣто 7, а лунѣ кругъ 17, а Жидомъ пасха Апрѣля 5 въ пятокъ, а христіяномъ пасха Апрѣля 8. Отъ крещенія Рускаго до смерти Володимера и убіенія Бориса и Глѣба 28, а въ лѣто 6523; а потомъ на другое лѣто бысть сѣча у Любца, и одолѣ Ярославъ, а Святополкъ побѣже въ Ляхи, и тамо пропаде. Отъ убіенія Бориса и Глѣба до пренесенія мощемъ 60 лѣтъ безъ 3, а отъ перваго перенесенія мощемъ до 2-го 43 лѣта, а въ лѣто 6623 [2]).

Тѣмьже отъ смерти Святославля до смерти Ярославли лѣтъ 85; отъ смерти Ярославли до смерти Ярополчи лѣтъ 60. Но мы на предлежащее възвратимся и скажемъ, что ся удѣяло в лѣта си; якоже преже почали бяхомъ пѣрвое лѣто Михаила, и по ряду положимъ числа [3]).

---

[1]) См. Псковскую лѣт., изд. М. П. Погодинымъ, стр. 1.

[2]) См. П. С. Р. Л. т. IV, Псковск. перв. Лѣтоп. стр. 175—176.

[3]) См. „Лѣтопись по Ипатскому списку", изд. Археограф. Коммис. (1871) стр. 10.

Извѣстно, что въ Русскомъ Лѣтописномъ Сводѣ, тамъ, гдѣ приводится проповѣдь византійскаго миссіонера, излагается, вслѣдъ за указаніемъ ложности ученія Магометанъ, Папистовъ, Іудеевъ, подробно исторія ветхозавѣтная, причемъ, къ библейской ея основѣ прибавлено также и то, что не встрѣчается въ Св. Писаніи.

Приводимъ здѣсь одно мѣсто изъ такого разсказа по Съборьнику Григорія, въ соотвѣтствіи его съ русскимъ лѣтописнымъ сводомъ по списку Переяславля Суздальскаго.

Съборникъ Григорія, епископа Болгарскаго, листъ 17. Кн. Быт. гл. III, ст. 1—7.	Съборн. Григорія, еп. Болгарскаго, л. 492—Русскій Лѣтописный Сводъ по сп. Переяславля Суздальскаго.
1. Змия же бѣ мудрѣйши всѣхъ звѣрей сущих по земли, ıаже сътвори Господь Богъ. и рече змия къ женѣ что ıако рече Богъ. не имате ıасти от древа сего сущаго в раи. 2. И рече жена къ змии от всего древа сущаго в раи снѣдоховѣ. 3. От плода же древу еже есть посрѣди раа. рече Богъ не можета снѣсти от него. ни имаета прикоснутися ему и да не умрета. 4. И рече змия къ женѣ не съмрътию умрета. 5. Видяше бо Богъ ıако в онже день снѣста его. и отвръзостася очи има. и будета ıако Богъ разумѣвающа добро и зло. 6. Видѣ жена ıако дрѣво добро въ снѣдь. и ıако годѣ видѣти очима и красно есть разумѣти. и въземши от плода его снѣсть и дасть и мужу своему съ собою снѣсти.	Видѣв же діаволъ ıако почти Богъ человѣка и взавидѣвъ ему, преобразися въ змію. и прииде къ Евзѣ и рече ей: почто не ıаста от дрѣва сущаaго посрѣде рая. И рече жена зміи: Богъ заповѣда рекъ не ясти от него да не смертію умрете. Рече змия к женѣ: не смѣртію умрете: вѣдяше бо Богъ. ıако вънже день снесте от него, отвръзутся очи ваю и будета ıако Богъ разумѣюще добро и зло. И видѣвъ жена ıако добро древо въ ядь, и вземши жена снѣсть и дасть [1]) и мужю своему и ядоста

[1]) Въ подлинной рукописи слова: „и дасть“ пропущены.

7. И отвръзостася очи обѣма и разумѣста ꙗко нага бѣста. и съшиста листвиемъ смоковнымъ прѣпоясание собѣ.	и отвръзостася очи обѣма [1]) и разумѣста ꙗко нага еста, и съшіста листвіемъ смоковнымъ собѣ препоасаніе.

Это же самое мѣсто М. И. Сухомлиновъ приводитъ въ своемъ превосходномъ изслѣдованіи «О древней русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ», сличая его съ ветхозавѣтными книгами по рукописи XIV вѣка Троицко-Сергіевской лавры. Изъ сопоставновки приведеннаго нами мѣста по Григоріевѹ Съборьникѹ съ тѣмъ же мѣстомъ разсказа, приводимымъ М. И. Сухомлиновымъ по лаврскому списку, каждый, кто потрудится заняться такимъ сличеніемъ, несомнѣнно убѣдится какъ въ близкомъ сходствѣ обоихъ этихъ текстовъ, такъ и въ томъ, что библейскій текстъ въ Григоріевомъ Съборьникѣ отличается болѣе древнею редакціею; что лаврская редакція, его хотя и весьма древняя, представляетъ явныя примѣты позднѣйшихъ поправокъ и что, наконецъ, редакція русскаго лѣтописнаго свода по лѣтописцу Переяславскому передаетъ разсказъ этотъ вполнѣ согласно съ древнѣйшею его формою, сохранившеюся въ Григоріевомъ Съборьникѣ. Мы увѣрены, что, при тщательномъ сличеніи библейскаго текста, находящагося въ этомъ Съборьникѣ съ такимъ же текстомъ, находящимся въ лаврскомъ спискѣ XIV вѣка, окажется, что въ обѣихъ этихъ рукописяхъ переводъ ветхозавѣтныхъ книгъ одинъ и тотъ же, и что лаврскій списокъ этого перевода принадлежитъ къ тѣмъ рукописямъ, въ которыя списывался ветхозавѣтный текстъ, выдѣленный изъ Григоріева Съборьника, обращаясь затѣмъ въ отдѣльные кодексы.

5) Соборникъ царѧ Симеона.

Въ княженіе великаго князя Изяслава Соборьникъ Болгарскаго царѧ Симеона подвергся русской передѣлкѣ; онъ списанъ былъ съ списка, находившагося въ Григоріевомъ Сборникѣ и великолѣпно переписанъ въ отдѣльную книгу; посвященіе царю Симеону, находившееся въ подлинникѣ, сперва передѣлано было на имя великаго князя Изяслава, а потомъ на имя Ярослава [2]).

---

[1]) Въ подлинникѣ: има.

[2]) См. Описан. Син. рукоп. гг. Горскаго и Невоструева отд. ꙁ стр. 367.

После Лѣтописца Русскихъ Царей въ рукописи, какъ мы видимъ это изъ оглавленія, былъ помѣщенъ Соборникъ, который отъ рукописи отдѣленъ, вѣроятно, тѣмъ писцемъ, которому поручено было снять съ него копію, и гдѣ теперь этотъ Соборникъ, отдѣленный вмѣстѣ съ Бчелою, находится, — неизвѣстно. Но, судя по заголовкамъ главъ, указанныхъ въ оглавленіи, этотъ Соборникъ одинаковъ съ извѣстнымъ такъ называемымъ Свѧтославовымъ изборникомъ, переписаннымъ для Святослава въ 1073 году. Пр. Филаретъ говоритъ, что переводъ этого Соборника можно приписать Іоанну, экзарху Болгарскому. С. П. Шевыревъ, во время своей поѣздки, въ 1847 г., нашелъ въ библіотекѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, рукопись, подъ № 118, писанную среднимъ уставомъ на бумагѣ въ 4-ку, которая оказалась также одинаковою съ Изборникомъ Свѧтославовымъ. Говоря объ этомъ древнемъ памятникѣ Болгарской письменности, С. П. Шевыревъ предполагаетъ, что для славянскаго перевода этого Сборника могла служить оригиналомъ греческая рукопись, писанная въ 912 году, принадлежавшая нѣкогда Аѳонской лаврѣ, и нынѣ, по указанію Монфокона, находящаяся въ Коаленевой библіотекѣ. Далѣе, онъ говоритъ: «Всего замѣчательнѣе въ этой рукописи предисловіе, въ которомъ, вмѣсто имени Великаго Кнѧзѧ Свѧтослава, находится имя царѧ Симеона. Это предисловіе, написанное киноварью, на оборотѣ листа, послѣ оглавленія, читается такъ [1]):

«Великыи въ црехъ сѵмеонъ желаніемъ зело вжела... державный влдка обавіти съкровенья разумы въ глубинѣ многострьтныихъ книгъ прѣмоудрааго василіа вразумѣх повелѣ мнѣ нѣкчинѣвѣдію. премѣноу сътворіти рѣчи инако набдяще тожьство разумъ его. яже акы бчела любодѣльна со всякого цвѣта пісанію, събравъ акы въ единъ сотъ. въ вельмысленое срдце свое, проліваеть акы стредь сладъкоу изъ оустъ своих предъ боляры на въразоумленіе тѣхъ мыслемъ являяся имъ новыи птоломѣй не вѣрою, но желаніемъ паче. и събора дѣля многочастных бжственныхъ книгъ всѣхъ. имиже и своя полаты исполъни. ѣчноую сі памят сътвори. еще памяті віну въспріаті. буди хсолю-

[1]) Перепечатываемъ предисловіе буквально изъ книги С. П. Шевырева, не ручаясь за вѣрность текста.

біеви его дш҃и въ отмъщеніе вѣнцем, блж҃еных и ст҃ыхъ моуж. въ непребредомы вѣкы вѣкомъ. амінъ».

Отсюда видно, что русскій переписчикъ 1073 года вполнѣ перенесъ въ свой списокъ подпись болгарскаго списка, замѣнивъ только имя Симеона именемъ Русскаго Князя, для котораго списывалъ. При этомъ проф. Шевыревъ ставитъ вопросъ: гдѣ же могъ быть написанъ Кирилловскій Сборникъ, или лучше, съ какой рукописи? И самъ же отвѣчаетъ: всего вѣроятнѣе, на Аѳонской горѣ, съ какого нибудь древняго кодекса; ибо есть рукописи въ Кирилловской библіотекѣ, писанныя на Святой горѣ.

Но мы, съ своей стороны, полагаемъ, что Кирилловскій Сборникъ могъ быть, въ 1445 году, написанъ и въ Россіи, и съ русской рукописи. Въ той части нашей рукописи, которая уцѣлѣла, и отъ которой отдѣленъ вышеупомянутый нами Сборникъ, сохранилось извѣстіе, что «Григорій мнихъ и презвитеръ всѣхъ церковникъ Болгарскихъ церквей преложилъ отъ греческаго языка въ славянскій книги Завѣта Божія ветхаго, сказающе образы новаго завѣта истинну соущу. повелѣніемъ книголюбца князя Семіона, истиннѣ рѣщи боголюбца». А потому, если въ уцѣлѣвшей части рукописи сохранилось это указаніе на Семіона въ первоначальномъ видѣ, то отчего же не допустить, что и въ Сборникѣ, отдѣленномъ отъ нея, сохранилось также неизмѣннымъ и то самое предисловіе, которое находится въ Сборникѣ Кирилловскомъ? И слѣдственно, почему не предположить, что Кирилловскій Сборникъ есть копія съ того Сборника, который отдѣленъ отъ нашей рукописи, первоначальный списокъ коей, какъ извѣстно, относится къ 1261 году и всегда находился въ Россіи. Равнымъ образомъ, говоря о переводѣ сего Сборника съ греческаго подлинника на славянскій языкъ, намъ кажется, что всего ближе и естественнѣе приписать этотъ трудъ тому же Григорію пресвитеру-мниху.

Но такъ какъ покойный преосв. Филаретъ, съ своей стороны, предполагалъ, что переводчикомъ Святославова Сборника могъ быть Іоаннъ экзархъ Болгарскій, то окончательное разрѣшеніе вопроса, кому именно принадлежитъ этотъ переводъ, — предстоитъ въ настоящее время славянскимъ филологамъ-спеціалистамъ,—и эта задача, при существующихъ теперь данныхъ, не представляетъ осо-

бенныхъ затрудненій. Извѣстно, во первыхъ, гдѣ хранятся списки какъ греческаго подлинника, такъ и славянскаго перевода; во вторыхъ, открыты переводы другихъ сочиненій съ греческаго на славянскій, принадлежащіе несомнѣнно—одни Іоанну экзарху Болгарскому, другіе Григорію пресвитеру-мниху. И такъ, чтобы рѣшить этотъ вопросъ, стоитъ только тщательно сличить переводъ Сборника, въ филологическомъ отношеніи, съ другими извѣстными переводами того и другаго болгарскаго писателя.

6) Книга Бчела.

«Книга Бчела о житіи, добродѣтели и злобѣ» содержащая въ себѣ собраніе изреченій св. Писанія, отцевъ церкви и знаменитыхъ греческихъ философовъ, поэтовъ и другихъ писателей, расположенное по предметамъ; была въ виду Даніила заточеннаго и изъ нея приведены мѣста въ Мѣрилѣ праведномъ.

М. П. Погодинъ говоритъ: «Въ Пчелѣ (1199 г.), одномъ изъ древнихъ нашихъ Сборниковъ, сказано о книгахъ: Умъ безъ книгъ, аки птица опѣшена. Якожъ она възлетати не можетъ, такоже и умъ не домыслится съвершена разума безъ книгъ. Свѣтъ дневной есть слово книжное, егожъ лишився безумный, акы во тьмѣ ходить и погибнетъ въ вѣки» [1]).

Приводимъ выписку изъ нашей рукописи, гдѣ подъ 1186 г. дѣлается ссылка на Бчелу.

Лѣтописный Сводъ по списку Переяславля Суздальскаго с. 99.	Полное Собраніе Русск. Лѣтоп. т. I, с. 170.
Всеволодъ же не въсхотѣ мира ихъ, іакоже въ Бчелѣ глеть: брань славна лоуче мира скудна, съ лживымъ же миромъ живоуще велию пакость землямъ творять.	Всеволодъ же не всхотѣ мира ихъ, якоже Пророкъ глаголеть: брань славна луче есть мира студна, съ лживымъ же миромъ живуще, велику пакость землямъ творять.

Изъ сопоставленія двухъ приведенныхъ нами выписокъ ясно оказывается все преимущество древнѣйшей редакціи Переяславскаго Лѣтописца предъ позднѣйшей редакціей Лѣтописнаго Свода въ Полномъ Собраніи Русскихъ Лѣтописей. Въ первой изъ нихъ сохрани-

---

[1]) См. въ Журн. мин. нар. просв. статью М. П. Погодина объ образ. и граматн. въ древн. періодѣ рус. ист.

лось вѣрное указаніе на книгу Бчелу, которая первоначально содержалась, какъ нераздѣльная часть въ Съборьникѣ Григорія, епископа Болгарскаго, и была выдѣлена изъ него только впослѣдствіи. Та Бчела 1199 г., о которой упоминаетъ М. П. Погодинъ, есть нечто иное, какъ точный списокъ съ Бчелы Григоріева Съборьника. Мы увѣрены, что кто потрудится справиться съ Бчелою 1199 г., тотъ найдетъ въ ней буквально тѣ самыя слова, которыя приводятся въ Лѣтописномъ Сводѣ Переяславля Суздальскаго. Очевидно, въ то время, когда сокращался Переяславскій Лѣтописецъ, книга эта, какъ и самый Съборьникъ Григоріевъ, пользовались глубокимъ уваженіемъ, и мѣста изъ нихъ приводились какъ самыя почтенныя свидѣтельства. Но то было позднѣе, когда Съборьникъ Григорія сталъ уже подвергаться несправедливому преслѣдованію. Только въ это позднѣйшее время могла явиться потребность замѣнить ссылку на Бчелу какою-либо другою, подходящею ссылкою, какъ это и сдѣлано въ позднѣйшихъ редакціяхъ. Отсюда-то передѣлыватель древнѣйшей редакціи на новый, тогдашній современный ладъ, счелъ нужнымъ, по духу своего времени, поставить на мѣсто словъ: «якоже въ Бчелѣ гл҃етъ», слова: «якоже Пророкъ глаголетъ», тогда какъ ни у кого изъ Пророковъ не встрѣчается буквально слѣдующихъ далѣе словъ, а говорится только вообще о мирѣ нѣчто въ родѣ того, что «беззаконнымъ нѣтъ мира» и т. п. Отъ этого-то передѣлыватель и не могъ назвать прямо по имени никакого Пророка, у котораго приводились бы эти слова, и тѣмъ обличилъ самъ себя, какъ исказителя того древнѣйшаго текста, гдѣ на мѣсто общаго, неопредѣленнаго указанія на пророческія писанія вообще, мы видимъ точную и опредѣленную ссылку именно на Бчелу.

Съборьникъ Григорїа, епископа Болгарскаго, переписанный въ 1261 г., сохранился въ рукописи конца XIV или начала XV вѣка. При этомъ невольно припоминается указаніе Волынской Лѣтописи (стр. 222), свидѣтельствующее, что Галицкій князь Мстиславъ положилъ въ Галичскомъ монастырѣ «Сборникъ великій отца своего» (князя Владиміра † 1284), и еще «Сборникъ отца же своего въ Каменецкомъ храмѣ». Время положенія княземъ Мстиславомъ этихъ сборниковъ почти совпадаетъ съ временемъ переписанія нашего Съборьника: вклады сдѣланы только 23 года спустя

отъ написанія нашей рукописи. А потому весьма вѣроятно, что эти Мстиславовы вклады-сборники были одинаковаго съ нашимъ Съборникомъ состава и происхожденія, и, быть можетъ, одинъ изъ нихъ списанъ вполнѣ, а другой сокращенъ съ одной и той же древней рукописи.

Судя по различію въ самомъ названіи помянутыхъ сборниковъ: Сборника великаго и просто Сборника, а также и потому, что первый изъ нихъ былъ положенъ Мстиславомъ въ монастырѣ, послѣдній же просто въ церкви, надобно полагать, что второй Сборникъ хотя и былъ тотъ же самый Сборникъ, но только уже не великій, а малый, или, что тоже, только сокращенный Сборникъ, т. е. сокращеніе перваго Сборника. Сборникъ великій, т. е., полный, не сокращенный, Съборьникъ Григоріевъ, содержалъ въ себѣ, въ полномъ составѣ, Лѣтопись Іоанна Антіохійскаго Малалы, состоящую изъ 18 словъ, которая перешла въ этомъ видѣ въ Еллинскій Лѣтописецъ, а Сборникъ сокращенный заключаетъ въ себѣ туже лѣтопись Малалы, но только уже въ числѣ 10 словъ. Не можемъ не пожалѣть, что нашъ Съборьникъ составляетъ, по всему вѣроятію, только именно такое сокращеніе великаго Сборника, какъ относительно всего своего состава, такъ и относительно помѣщеннаго въ концѣ хронографа Лѣтописца Русскихъ Царей. Съборникъ Григорія, епископа Болгарскаго заключалъ въ себѣ, притомъ, во многихъ мѣстахъ также различныя лицевыя изображенія изъ библейской и гражданской исторіи. Въ нашей рукописи, для означенныхъ выше лицевыхъ изображеній Съборьника, оставлены, къ сожалѣнію, только пробѣлы, съ надписью на нѣкоторыхъ изъ нихъ названія тѣхъ изображеній, какія должны были тутъ стоять. Казалось бы, такимъ образомъ, эти достопримѣчательныя изображенія окончательно для насъ утратились. Однакожъ, по счастію это не такъ. Съ теченіемъ времени, вслѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ, части Съборьника хотя и подверглись разъединенію и образовали изъ себя различные особые манускрипты, но въ этихъ-то именно отдѣльныхъ манускриптахъ, на какіе распались разъединенныя части Григоріева Съборьника, и сохранились еще до сихъ поръ тѣ именно изображенія, для которыхъ въ нашемъ Съборьникѣ оставлены только пробѣлы. Слѣдственно осталась, вмѣстѣ съ тѣмъ,

полная еще возможность возстановить по нимъ и драгоцѣнныя миньатюры X вѣка, и, по возстановленіи, сличить ихъ съ подобными же изображеніями, уцѣлѣвшими въ древнихъ греческихъ рукописяхъ.

Особенно драгоцѣнно для насъ, въ этомъ отношеніи, также то обстоятельство, что такъ какъ наша лѣтопись носитъ на себѣ явныя примѣты своей принадлежности перу того же лица, которому принадлежитъ переводъ многихъ частей Съборьника, и составляла первоначально вмѣстѣ съ Съборьникомъ одно неразрывное цѣлое, то въ этомъ лѣтописцѣ должны были первоначально также находиться такія же лицевыя изображенія, какъ и въ другихъ частяхъ Съборьника. Замѣчательно, что подобныя драгоцѣнныя изображенія дѣйствительно существуютъ еще въ Кенигсбергскомъ спискѣ: а потому изданіе этого списка было бы особенно важно въ томъ фотолитографическомъ видѣ, передающемъ вполнѣ всѣ оттѣнки подлинника, въ какомъ Археографическая Коммиссія предприняла уже изданіе древнихъ отечественныхъ памятниковъ.

Изъ числа другихъ частей Съборьника, обратившихся, впослѣдствіи, въ отдѣльные манускрипты, заключаютъ въ себѣ также подобныя изображенія, сколько намъ извѣстно, слѣдующіе:

1) Апокалипсисъ съ лицевыми изображеніями.

2) Житіе Бориса и Глѣба.

3) Сборникъ Болгарскаго царя Симеона.

4) Болгарскій переводъ Амартола въ пергаментномъ спискѣ исхода XIII вѣка, съ современными лицевыми изображеніями, хранящійся въ библіотекѣ Московской Духовной Академіи подъ № 100.

5) Эллинскій Лѣтописецъ, хронографъ, библіотеки графа Толстаго Отд. 1, № 319 (по каталогу публичной библіотеки Л. F. № 91), конца XVI вѣка, — списокъ дурно сохранившійся: нѣтъ начала и послѣднихъ листовъ. Листы спутаны. На поляхъ рукописи слабые остатки миніатюръ. Начинается отрывкомъ Александріи—посланіемъ Александра къ Дарію; въ концѣ, сколько можно судить по уцѣлѣвшимъ листамъ, были вставлены русскія статьи.

Сѣборьникъ Григорія, епископа Болгарскаго, подвергся полемическимъ нападкамъ на него, всилу преобладавшаго нѣкогда греческаго вліянія на Руси, враждебно относившагося ко всему не греческому,

и особенно болгарскому, какъ представлявшему собою самостоятельное, собственно славянское развитіе. Первою причиною нападковъ на Съборьникъ послужилъ помѣщенный въ немъ Хронографъ по великому изложенію за находящіяся въ немъ выписки изъ сочиненія жидовина Іосифа Флавія въ то время, когда неудовольствіе противъ Евреевъ, возбужденное въ XI вѣкѣ между христіанами, за ихъ жидовскую нечестивую торговлю христіанскими невольниками, превратилось въ неодолимую ненависть въ XII вѣкѣ. По поводу этой торговли невольниками, благочестивые іерархи и учители проповѣдывали, чтобы христіане не продавали жидамъ невольниковъ христіанъ и не дозволяли бы жидамъ продавать христіанъ иноземцамъ, а старались бы всячески выкупать у торгашей-жидовъ, какъ плѣнниковъ, такъ и невольниковъ — христіанъ. Къ числу сочиненій противъ Евреевъ къ этому времени относятся: слово русскаго митрополита Иларіона, о ветхомъ и новомъ завѣтѣ, гдѣ говорится противъ іудейства; также и письмо св. Θеодосія къ князю Изяславу о воскресномъ днѣ и о постѣ среды и пятка, которое начинается такъ: «что възмыслилъ если, боголюбивый княже, въпрошати меня некнижна и худа о таковѣ вѣщи? Съ того времени какъ Богъ нашъ нисшелъ на землю, все Іудейское умолкло... Тотъ, кто сказалъ тебѣ, будто въ воскресенье не должно закалать, ни ѣсть закланнаго, сказалъ не отъ священнаго писанія, а отъ своего сердца». Затѣмъ ненависть къ жидовству сдѣлалась еще ожесточеннѣе. Особенно такова она стала со времени пренесенія въ Кіевъ мощей св. Евстратія, пострадавшаго отъ Евреевъ. Торжественное это событіе необыкновенно живо возбуждало въ памяти народной тѣ обстоятельства, при которыхъ совершились страданія и мученическая кончина Евстратія. Обстоятельства эти были слѣдующія: въ 1096 г., при неожиданномъ нападеніи на Кіевъ Половцевъ, причемъ были сожжены ими монастыри Стефановъ и Германовъ, и разграбленъ монастырь Печерскій, Половцы, убивши нѣсколько братій, взяли многихъ въ плѣнъ, въ томъ числѣ и пр. Евстратія. Затѣмъ, вмѣстѣ съ другими Кіевлянами, онъ проданъ былъ въ рабство одному изъ херсонскихъ жидовъ, занимавшемуся, по примѣру своихъ единоплеменниковъ, весьма распространившеюся во то время торговлею невольниками-христіанами, которыхъ они скупали у разныхъ язычниковъ: По-

ловцевъ, Печенеговъ и др. и, затѣмъ, наводняли ими рынки Испаніи, Польши, и Азіи. Херсонскій жидъ многими мученіями вынуждалъ Евстратія и его товарищей къ отреченію отъ Христа, но Евстратій, напротивъ, до такой степени успѣлъ укрѣпить ихъ въ любви къ вѣрѣ, что они рѣшились скорѣе всѣ, одинъ по одному, умереть, и умерли, моримые голодомъ, чѣмъ измѣнить вѣрѣ. Только онъ одинъ, проводя много дней безъ пищи, оставался еще живымъ. Жидъ, раздраженный такимъ необыкновеннымъ упорствомъ, распялъ, наконецъ, Евстратія на древѣ, и, потомъ, еще живаго, пронзилъ его копьемъ. Всѣ эти обстоятельства, приведенныя на память христіанамъ, въ сказанное нами время, пренесеніемъ въ Кіевъ мощей этаго мученика, уроженца ихъ роднаго города, особенно возбуждали Кіевлянъ противъ жидовства.

Въ 1113 г. жиды своею жадностію къ деньгамъ возбудили противъ себя бунтъ въ кіевскомъ народѣ, — и тогда многіе изъ нихъ были побиты [1]),

Вызываемая такимъ образомъ ожесточенная противъ нихъ ненависть отразилась на всемъ тогдашнемъ мыслящемъ обществѣ. По случаю этого чувства непріязни къ жидамъ, такое же враждебное чувство пало и на Хронографъ, содержавшій въ себѣ сочиненія Іосифа Флавія, какъ писателя еврейскаго. Помѣщенный въ немъ, въ переводѣ Григорія, епископа Болгарскаго, Хронографъ подавалъ самъ собою въ руки враговъ знаменитаго болгарина самое вѣрное орудіе какъ противъ него, такъ и противъ всего его переводнаго труда, для униженія его въ глазахъ тогдашняго мало просвѣщеннаго русскаго общества, чрезъ обвиненіе его въ благосклонности къ жидамъ и снисходительности къ жидовской ереси. Врагами этими не могли быть никто другіе какъ Греки, которые, въ это именно время, какъ видно особенно изъ исторіи нашей іерархіи, усиливались достигнуть, и достигли, полнаго преобладанія въ области духовнаго просвѣщенія на Руси, стараясь подавить своимъ вліяніемъ все, едва начинавшееся у насъ самобытное славянское наше развитіе, поддерживаемое вліяніемъ

[1]) П. С. Р. Л. т. VII, Воскресенская лѣт. стр. 23; «Кіяне же разграбиша дворъ Путятинъ-тысячьскаго; идоша на жиди и разграбиша я».

приходившихъ къ намъ Болгаръ и приносимыхъ ими трудовъ славянской письменности, первые начатки которой были доставлены къ намъ изъ Болгаріи же въ означенномъ съборьникѣ составителемъ его Григоріемъ, епископомъ Болгарскимъ. Въ доказательство тому, что положенія наши относительно того гоненія, которому подвергся Григоріевъ Съборьникъ, не голословны, мы приводимъ одно изъ мѣстъ, встрѣченныхъ нами въ рукописи, хранящейся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ М. И. Д.

Въ началѣ Григоріева Съборьника лист. 16. об. мы читаемъ: «и҆ създа бг҃ъ чл҃ка пръсть въземъ ѿ землѧ и҆ въдоуноу въ лице є҆го дх҃ъ животенъ. и҆ живоу дш҃а приѧ [1]).

По поводу толкованій въ Сборникѣ на этотъ стихъ кн. Бытія, вотъ какое недружелюбное замѣчаніе находимъ мы о Болгарахъ, какъ и о сарацинскихъ книгахъ, въ печатаемомъ нами мѣстѣ: „О в'дуновеніи духа человѣка“.

«Вдуновеніе бесмерт'ное не старѣющеся единъ в'дымаеть вседръжитель. иже единъ бесмертенъ и негиб'лющихъ творецъ [2]). дуну бо ему на лице духъ жиз'ни. и бысть человѣкъ в' душю живу. то ти не родъ сѣдяй на в'здусѣ. мечеть на землю груды и в' томъ ражаются дѣти и паки ангелъ ли в'дымаеть душю. или паки иному от человѣкъ или от ангелъ судъ Богъ предасть. сице бо нѣціи еретици глаголють от книгъ срачинъскихъ и от проклятыхъ Бол'гаръ. о такихъ блядословцехъ Пророкъ рече. попелъ сердце ихъ. и перьсти хуже надежа ихъ. и без'честнѣе кала житіе ихъ. ꙗко не разумѣша творца своего съз'давшаго ихъ. и в'дох'нув'шаго в нихъ духъ жиз'ни. и вложив'шаго душу дѣиствену. всѣмъ бо есть творецъ Богъ а не родъ. аще ли хощемъ увѣдаті ꙗснѣе телесное естество помыслимъ отколѣ мала сѣмени велика бывають величествіа телесъ. не мни же никто же от силы сѣмен'ныя бываетъ величество. откуду убо можеть быти великъ. малу сѣмени в'падъшу въ чрево матер'не. и еще же мертвъ и не въображенъ. чимъ ли инѣмъ вообразится или съставится въ чревѣ раз'вѣ мудрости Божіа. аще ли то изгорѣло бы» [3]).

Здѣсь книгамъ сарацинскимъ приписывается прямо еретическое

---

[1]) Быт. Глав. II, с. 7.

[2]) На полѣ написано: і не погибающихъ.

[3]) Арх. Сборн. № $\frac{478}{958}$, лист. 365.

значеніе: «Сице бо нѣціи еретици глаголють от книгъ срачинскихъ и отъ проклятыхъ Болгаръ».

Какія это сарацинскія книги, которыя могло читать и изъ которыхъ могло заражаться ересью тогдашнее Славянство, мы не знаемъ; вѣроятнѣе всего, книги эти были хозарско-славянскаго происхожденія, такъ какъ только въ Хозаріи существовала славянская древле-глаголитская письменность, на которой могли сообщаться Славянамъ, какъ Несторіева, такъ и другія ереси, а также и ереси жидовскія и магометанскія или срачинскія. Что же касается до книгъ болгарскихъ, то онѣ прямо называются здѣсь достойными осужденія, отверженія, проклятія. А подъ этими-то именно книгами и разумѣется принесенный въ Русь Григоріемъ его Съборникъ, такъ-какъ прямо, по поводу толкованія въ этомъ Съборникѣ на указанный выше стихъ книги Бытія, и обращается здѣсь проклятіе на болгарскія книги.

Послѣдствіемъ такой полемики противъ книгъ болгарскихъ было охлажденіе къ Григоріеву Сѣборьнику, пользовавшемуся дотолѣ особеннымъ уваженіемъ; его стали списывать въ сокращенномъ видѣ, за тѣмъ, отъ хронографа по великому изложенію отдѣлили библейскія книги и сочиненіе Іосифа Флавія и стали ихъ переписывать въ отдѣльные манускрипты; составили хронографъ русской редакціи, которому дали названіе: Лѣтописецъ Еллинскій и Римскій. По мѣрѣ появленія въ переводахъ Лѣтописца вскорѣ Никифора, патріарха цареградскаго, сочиненія Меѳодія Патарскаго, хроники Константина Манассіи [1]), повѣствованія Еллинскаго лѣтописца стали сокращать и пополнять изъ другихъ источниковъ; появились новые Хронографы русской редакціи и новаго состава. Когда привезли въ Россію сербскій переводъ Георгія Амартола, — изъ Еллинскаго Лѣтописца выдѣлили болгарскій переводъ, подвергли его русской передѣлкѣ и стали списывать эту передѣлку въ отдѣльныя рукописи, давая имъ заглавіе: Криница. Что находящійся въ Криницѣ переводъ есть нечто иное, какъ передѣлка Григоріева перевода, этому служитъ доказательствомъ то обстоятельство, что какіе въ Григоріевомъ Съборникѣ находятся пропуски про-

---

[1]) Хроника Манассіи — въ болгарскомъ спискѣ 1345 г. находится въ Московской Синодальной Библіотекѣ № 38.

тивъ греческаго текста Амартола, точно такіе же мы встрѣчаемъ и въ Криницѣ.

Сохранилось въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ хронографахъ русскаго извода и послѣсловіе Григорія къ его хронографу по великому изложенію. Но это послѣсловіе такъ искажено, такъ передѣлано на русскую рѣчь, что возстановить его въ первобытномъ видѣ чрезвычайно трудно. Нельзя, однакоже, отчаяваться, чтобы въ какихъ-нибудь древнихъ памятникахъ, на которые какъ мы видѣли, распался хронографъ по великому изложенію, не сохранилось это послѣсловіе въ неискаженномъ своемъ видѣ. Указываемъ на него только въ той его передѣлкѣ, какая извѣстна намъ въ настоящее время, съ надеждой, что счастливый случай дастъ кому либо возможность, при такомъ указаніи, открыть гдѣ-либо еще названное послѣсловіе Безъ сомнѣнія, мы не можемъ не быть благодарны и той русской редакціи, которая передала намъ его, хотя и далеко не въ настоящемъ видѣ. Не смотря на все ея искаженіе, въ нѣкоторыхъ строкахъ открывается въ ней ясно та причина, которая послужила поводомъ Григорію къ составленію его хронографа. Скажемъ нѣсколько словъ о томъ видѣ, въ какомъ дошло до насъ это послѣсловіе въ русской редакціи. Григоріево послѣсловіе внесено въ предисловіе къ хронографу, озаглавленному такъ: «хронографъ, русскимъ языкомъ толкуется временникъ, еже есть лѣтописецъ. [1]) А. Х. Востоковъ, въ своемъ описаніи рукописей Румянцевскаго Музея приводитъ это предисловіе. Оно начинается такъ: «Первѣе убо подобаетъ истинному христіанину, не токмо инокомъ, но и сущимъ въ мірѣ, испытати писаніе». Тутъ предложено исповѣданіе вѣры, о Троицѣ и о поклоненіи иконъ.

Здѣсь мы выпишемъ изъ предисловія, находящагося въ нашемъ хронографѣ, мѣсто, не приведенное А. Х. Востоковымъ. Мѣсто это любопытно особенно потому, что оно встрѣчается въ лѣтописномъ сводѣ и невольно возбуждаетъ вопросъ: кому принадлежитъ первая передѣлка Григоріева послѣсловія, которое онъ включилъ въ свое предисловіе о изложеніи о православней вѣрѣ христіанстей? По поводу этого же замѣчательнаго мѣста, М. И. Сухомлиновъ

---

[1]) Хронографъ XVI в., принадлежащій мнѣ.

доказываетъ, что оно не совсѣмъ вѣрно напечатано, какъ въ изданіи Тимковскаго, такъ за нимъ и Археографическою Коммиссіею. Въ своемъ замѣчаніи онъ указываетъ на различіе какъ въ Лѣтописи: «икона на первый образъ приходить», такъ и въ чтеніи, предлагаемомъ Тимковскимъ: «ꙗко на первый образъ приходить». Ни то ни другое мѣсто не оказывается близкимъ къ своему греческому подлиннику, словамъ Василія Великаго въ книгѣ о Св. Духѣ, гл. 18: «διότι ἡ τῆς εἰκόνος τιμὴ ἐπὶ τὸ πρωτότυπον διαβαίνει». Г. Сухомлиновъ сравниваетъ съ этими словами и находитъ ближе къ нимъ приписку на полѣ Хлѣбниковскаго списка, а именно: почесть образа на первообразное приходитъ». Чтеніе Никоновскаго списка оказывается при этомъ вѣрнѣе какъ Лаврентьевскаго, такъ и другихъ списковъ. Въ этомъ спискѣ читаемъ: «иконнаꙗ честь на первый образъ преходитъ». Въ томъ же самомъ смыслѣ мѣсто это приводится и въ предисловіи, находящемся въ помянутомъ выше, принадлежащемъ мнѣ, хронографѣ, а именно: «первообразное почитающе. честь бо образа, ꙗкоже рече Василіе, преходитъ на первоеобразное». По поводу означеннаго нами предисловія А. Х. Востоковъ говоритъ: «отъ сего предмета переходитъ сочинитель къ книгамъ священнаго Писанія и къ исторіи чудесъ Божіихъ. Въ концѣ говоритъ онъ: «мы желающе нечто разумѣти отъчасти таковыхъ, во многія и долго-«временныя труды внидохомъ еже избрати отъ многихъ лѣтописныхъ и «бытійскихъ книгъ нужнѣйшая и добрѣйшая, и совокупити во едино, «занеже тѣ книги вси о единомъ пишутъ, а во всѣхъ многая разнь: «тотъ то оставилъ, а инъ ино; а за величество тѣхъ книгъ не удобно есть «ихъ всѣхъ стяжати, и сего ради много помышляхъ сіе дѣло начати, и «возбраняемъ есмь отъ рукодѣлія еже стяжати, чимъ «животъ кормити. Божіимъ же попущеніемъ нашедшу искушенію «тяжку, и за многое уныніе и скорбь одержащую получихъ таковыя «книги и начахъ таковое дѣло и многа лѣта въ сихъ упраждняяся, и «возтѣрзая отъ многихъ лѣтописныхъ книгъ добрѣйшая, якоже цвѣты «нѣкія совокупляя во едино, или якоже сотъ медовый исполнь сладости «духовныя, или яко очи исторгъ отъ всѣхъ тѣхъ книгъ; многъ же пояхъ «трудъ за разгласіе рѣчей, въ тѣхъ книгахъ изыскуя правая, а за разгласіе многихъ пословицъ. Елицы же хотятъ сія преписавати и «прочитати, и отъ сихъ пользу обрѣсти, сію благодать прошу у

«нихъ: егда прочитаютъ, да глаголютъ: Сыне Божій, спаси душу потру-«дившагося въ сицевыхъ, и не постави въ грѣхъ елико неразумія «ради рѣчи силу премѣнихъ или за неудобь разумныя старыя и иностран-«ныя рѣчи, не точію же сихъ недостатокъ, Христе милостивый, наверши, «но и къ пользѣ души его приложи во время исхода и въ первый часъ «тысяща лѣтъ, въ онь же всѣмъ потрудившимся воздаси мѣру добру нат-«каноу и потрясну, яко тебѣ подобаетъ слава со Отцемъ и Святымъ «Духомъ нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Въ предисловіи этомъ очевидны не одинъ, а два лица, изъ которыхъ послѣднее пользуется первымъ, передѣлываетъ, пополняетъ перваго, и передѣлываетъ такъ, что тотчасъ же самъ себя обличаетъ. Обличеніе это прямо сказывается въ тѣхъ противорѣчіяхъ, какія находятся въ этомъ предисловіи, и которыя указываютъ ясно на перваго составителя хронографа, отличая отъ него того, кто переписывалъ и передѣлывалъ его прежде. Различіе этихъ двухъ лицъ прямо слѣдуетъ изъ различія тѣхъ средствъ, какими оба они располагали, по отношенію къ тому библіографическому матеріалу, какой необходимъ былъ для составленія хронографа. Именно, мы видимъ въ предисловіи, что первый изъ нихъ, т. е., тотъ, кто былъ составителемъ хронографа, необходимо долженъ былъ «стяжать» и, конечно, стяжалъ, безъ чего не могъ бы и составить хронографъ, много такихъ книгъ, по величинѣ которыхъ неудобно всѣ ихъ приобрѣсть, какъ выражается предисловіе: «а за величество тѣхъ книгъ неудобно есть ихъ всѣхъ стяжати», тогда какъ другой, т. е. тотъ, кто переписывалъ и передѣлывалъ перваго, не имѣлъ возможности приобрѣсть этихъ книгъ, будучи «возбраняемъ отъ рукодѣлія еже стяжати, чимъ жи-«вотъ кормити». Подобныхъ противорѣчащихъ обстоятельствъ въ средствахъ къ существованію, въ удобствахъ и неудобствахъ къ стяжанію тѣхъ книгъ, изъ коихъ составился хронографъ, конечно, не могло совмѣститься въ одномъ и томъ же лицѣ. Очевидно, одно лице, составившее хронографъ по великому изложенію, пользовалось, да и не могло не пользоваться, безъ чего не явился бы и хронографъ, тѣми книгами, которыя «за величество ихъ» было не удобно стяжати другому лицу. Но не имѣя возможность «стяжать» этихъ книгъ, изъ которыхъ составился хронографъ, лице

это не могло быть и составителемъ хронографа. Очевидно, оно было не болѣе, какъ только переписчикомъ и передѣлывателемъ того, что было сдѣлано первымъ лицемъ, составившимъ хронографъ, у котораго были подъ руками всѣ книги, вошедшія въ составъ хронографа. Это первое лице, этотъ составитель хронографа, былъ Григорій, епископъ Болгарскій, имѣвшій дѣйствительно, какъ мы уже видѣли, всѣ средства къ составленію этого временника, все богатство какъ книжнаго византійскаго матеріала, такъ и умственнаго. Средствъ этихъ не могло имѣть второе лице, переписывавшее и передѣлывавшее трудъ Григорія, какъ лицо, само свидѣтельствующее о скудости своихъ средствъ слѣдующими словами: «и возбраняемъ есмь отъ рукодѣлія еже стяжати, чимъ животъ кормити». Кто было это лицо, мы не знаемъ; но не можемъ не указать на различіе его отъ Григорія, какъ перваго написателя хронографа. Вѣроятно, позднѣйшіе переписчики смѣшали слова этого лица, о скудости его средствъ съ словами Григорія о томъ, что книги, которыми онъ пользовался для составленія хронографа книги рѣдкія и большія, не легко доступныя для пріобрѣтенія,—и, такимъ образомъ, впали въ явное противорѣчіе, приурочивъ какъ богатство, такъ и скудость книжныхъ средствъ къ одному и тому же лицу. При этомъ же и все послѣсловіе Григоріево они слили съ словами другаго лица и передѣлали все это въ одно предисловіе къ изложенію о вѣрѣ. Къ словамъ Григорія же относятся, очевидно, также и тѣ слова въ предисловіи, гдѣ говорится: «Божіимъ же попущеніемъ нашедшу искушенію»... и далѣе, гдѣ рѣчь идетъ о долговременномъ упражненіи его въ составленіи хронографа. Первое ясно намекаетъ на то время смутъ, какимъ подверглась его родина, по кончинѣ Симеона; послѣднее же говоритъ о томъ, какой громадный и мудрый трудъ былъ предпринятъ и совершенъ имъ, при средствахъ самыхъ богатыхъ, предоставленныхъ въ его распоряженіе великимъ книголюбцемъ.

Далѣе, въ предисловіи говорится: «елицы же хотятъ сія преписывати и прочитати и отъ сихъ пользу обрѣсти, сію благодать прошу у нихъ: егда прочитаютъ, да глаголютъ: Сыне Божій, спаси душу потрудившагося въ сицевыхъ». Очевидно, эти

и вышеприведенныя слова указываютъ прямо на одного изъ древнихъ переписчиковъ Григоріева Хронографа. Переписчики, въ древности, какъ извѣстно, кормились отъ своего рукодѣлія. За тѣмъ, въ предисловіи переписчикъ говоритъ: «и не постави въ грѣхъ, елико неразумія ради рѣчи силу премѣнихъ, или за неудобь разумныя старыя и иностранныя рѣчи, не точію же сихъ недостатокъ, Христе милостивый, наверши, но и къ пользѣ души его приложи». Это указаніе, данное въ концѣ предисловія, относится, очевидно, ко времени первой, ближайшей къ Григорію, переписке его хронографа, подвергшейся, конечно, впослѣдствіи, многимъ другимъ перепискамъ, а вмѣстѣ и передѣлкамъ. Въ предисловіи далѣе говорится: «во время исхода и въ первый часъ тысяща лѣтъ, въ оньже всѣмъ подрудившимся воздаси мѣру добрꙋ натканꙋ и потрѧснꙋ» [1]). Въ одной рукописи № 280, принадлежащей Московскому Обществу Исторіи Древностей Рос., въ хронографѣ 2-й редакціи, находится слѣдующая замѣтка: «Начахъ 6492 лѣта, кончахъ 6498».

По переложеніи этихъ лѣтъ на лѣта отъ Р. Х., оказываются, какъ увидимъ ниже, года, близкіе къ исходу одного и началу другаго тысящелѣтія, именно 986 и 992 г. Оканчивая трудъ свой въ такое многознаменательное время, переписчикъ, по тогдашнимъ ожиданіямъ близкой кончины міра, весьма естественно могъ быть пораженъ мыслію о свѣтопреставленіи именно въ то время, когда кончалась одна тысяча лѣтъ и начиналась другая. Значеніе этого апокалипсическаго числа лѣтъ особенно могло навести его на мысль объ исходѣ при первомъ близкомъ часѣ новаго тысячелѣтія. Естественно также, при такой мысли, онъ не могъ не желать себѣ блаженной, евангельской награды за свои труды по перепискѣ книги, которую, безъ сомнѣнія, считалъ священной и божественной: благожеланіе это, относительно всѣхъ потрудившихся въ перепискѣ, и надежду на воздаяніе онъ и выразилъ въ своей замѣткѣ, заключивъ ее прямо словами евангелія отъ Луки гл. VI, ст. 38, которыя мы и приводимъ по пергаментному евангелію XIII вѣка, намъ принадлежащему: «мѣрꙋ добрꙋ натканꙋ и потрѧснꙋ». Сопостав-

---

[1]) Лук. гл. VI: 38.

ляя эту замѣтку съ указаннымъ выше счетомъ лѣтъ, мы не можемъ не придти къ тому заключенію, что она сдѣлана именно однимъ изъ древнѣйшихъ переписчиковъ, трудившихся надъ перепискою Григоріева хронографа. Дѣйствительно, громадный трудъ этой переписки не могъ совершиться иначе, какъ въ нѣсколько лѣтъ и, безъ сомнѣнія, не менѣе, какъ въ пять, шесть лѣтъ, чего, конечно, нельзя предположить о самомъ составленіи хронографа. Трудъ этого составленія былъ безконечно громаднѣе, чѣмъ простая переписка этого труда. Чтобы составить хронографъ по великому изложенію, необходимо было не только перечитать, сличить, свести и выписать множество мѣстъ изъ греческихъ рукописей, но еще и перевести ихъ на славянскій языкъ, а для всего этого потребовались бы, конечно, десятки лѣтъ. Въ замѣткѣ этой необыкновенно важно еще одно древнее показаніе. Оно состоитъ въ слѣдующемъ. Вычитая изъ лѣтъ, указанныхъ переписчикомъ въ этой замѣткѣ, по принятому, въ древности, на югѣ Руси, обычаю, 5506, мы находимъ, что переписчикъ началъ переписку хронографа въ 986 г., а кончилъ въ 992 г. При воспоминаніи древнѣйшихъ событій нашей исторіи, открывается сама собою причина, почему, въ это именно время, явилась потребность въ переписѣ Григоріева хронографа. Извѣстно, что въ 986 г. пришли къ вел. кн. Владиміру проповѣдники различныхъ вѣръ. Изъ этого нельзя не заключить, что вниманіе великаго князя, въ это самое время, уже было сильно возбуждено вѣроисповѣдными предметами. Иначе, конечно, и не приходили бы къ нему проповѣдники. По такому настроенію его духа не могла не явиться у него потребность также и въ сличеніи съ проповѣдью этихъ пришельцевъ той иной вѣры, задатки которой не могли не храниться въ немъ отъ самого первоначальнаго его воспитанія подъ водительствомъ мудрой, равноапостольной его бабки и Григорія, епископа Болгарскаго. Остатки этой вѣры не могли не возбуждать его вниманія къ христіанству. Теперь именно, болѣе чѣмъ когда-нибудь, должно было возбудиться въ немъ желаніе имѣть подъ руками тотъ драгоцѣнный трудъ, который могъ живо напоминать ему какъ первыхъ его наставниковъ и воспитателей, такъ и самую ихъ вѣру. Такимъ драгоцѣннымъ памятникомъ, а вмѣстѣ важнымъ орудіемъ христіанской проповѣди былъ именно тотъ Григоріевъ хроно-

графъ, въ которомъ все было приспособлено и направлено къ наиболѣе убѣдительному изложенію вѣры христіанской. Отсюда переписка этого хронографа должна была впервые явиться именно въ то самое время, когда всѣ народности вокругъ Руси заботливо старались объ обращеніи каждая въ свою вѣру ея правителя, возбужденнаго благотворнымъ вліяніемъ перваго своего воспитанія къ перемѣнѣ язычества на лучшую вѣру.

Въ слѣдъ за этимъ предисловіемъ, въ нѣкоторыхъ хронографахъ русской редакціи сохранились слѣдующія драгоцѣнныя для насъ строки: «Отънѣлеже убо всемудрый хитрецъ и содѣтель Богъ отъ сотвореннаго свѣта въ первый день сотвори зѣницу всѣхъ сущихъ на земли превеликое свѣтило солнце и въ обновленіе того двусотное и тридесѧть первое двадесѧть четвертаго лѣта начахъ таковыѧ гранесы и кончахъ втораго лѣта второе обновленіе».

О предложенномъ въ этихъ строкахъ счетѣ лѣтъ знаменитый нашъ филологъ А. Х. Востоковъ даетъ слѣдующее объясненіе:

«Здѣсь говорится о 28-ми лѣтнихъ обновленіяхъ солнечнаго круга. Таковыхъ прошло отъ сотворенія міра до временъ сочинителя предисловія сего 230, и онъ началъ трудъ свой въ 24-е лѣто 231-го обновленія, слѣдовательно въ 6464 (956 отъ Р. Х.), а окончилъ во 2-е лѣто 232 обновленія: въ 6470 (962) году. Сочинитель предисловія, которому, вѣроятно, и нѣкоторыя части хронографа принадлежатъ, долженъ быть какой-нибудь византійскій писатель, намъ неизвѣстный».

А. Х. Востоковъ замѣчаетъ, что какъ эти строки, такъ и самое предисловіе, а также нѣкоторыя части хронографа принадлежатъ составителю какаго-либо неизвѣстнаго византійскаго хрониста. Въ бѣглой своей замѣткѣ на разсматриваемое нами предисловіе А. Х. не заблагоразсудилъ подвергнуть его подробному разбору, который мы нашли необходимымъ, и при которомъ, какъ мы видѣли выше, ясно открываются въ предисловіи два лица, одно — составитель хронографа, а другое—его переписчикъ. Чтожъ касается до послѣднихъ, приводимыхъ нами строкъ, то онѣ, какъ справедливо замѣтилъ А. Х. Востоковъ, дѣйствительно принадлежатъ составителю хронографа. Нѣтъ никакихъ, однакоже, основаній предполагать, чтобы этотъ составитель хронографа

былъ византіецъ. Ясно въ нихъ только одно, что написателемъ ихъ былъ человѣкъ современно, разносторонне образованный, знакомый съ византійскими хронологическими вычисленіями. Эти строки, очевидно, принадлежатъ тому же самому писателю, который, въ разобранномъ нами предисловіи, говоритъ о рѣдкихъ по своей величинѣ библіографическихъ средствахъ, какими онъ располагалъ при составленіи своего хронографа. Переписчикъ и передѣлыватель перваго, указаннаго нами выше мѣста изъ этаго же хрониста, которое онъ дополнилъ своими собственными вставками и разсужденіями, и обратилъ въ предисловіе, счелъ необходимымъ внести, вслѣдъ же за предисловіемъ, на свои страницы и другое изъ него мѣсто, т. е. тѣ строки, о которыхъ мы привели сейчасъ замѣчаніе А. Х. Востокова. Сохранивши такимъ образомъ для потомства, хотя и въ искаженномъ видѣ, эти драгоцѣнные остатки этого высокообразованнаго и богатаго всякими книжными пособіями писателя, переписчикъ сохранилъ намъ, отчасти, даже и прямое указаніе на то, что послѣднія строки стояли въ томъ древнемъ подлинникѣ, откуда были взяты переписчикомъ, совершенно отдѣльно отъ первыхъ, и относились прямо къ чему-то другому въ хронографѣ, а не къ самому хронографу. Къ хронографу, очевидно, относились только тѣ мѣста, которыя указываютъ въ предисловіи на тѣ важныя пособія, какими пользовался хронистъ при его составленіи. Добавивши это указаніе различными своими вставками и обративши его, какъ мы видѣли, въ предисловіе, переписчикъ, въ заключеніе всего, ставитъ слово: аминь. Въ этомъ одномъ словѣ, при древнемъ значеніи его мѣста въ рѣчи, неоспоримо свидѣтельствуется, что одна рѣчь, одно изложеніе, одинъ рядъ мыслей кончается; что затѣмъ начинается нѣчто совершенно другое. Это другое и было, безъ сомнѣнія, то другое мѣсто въ древнемъ хронистѣ, откуда переписчикъ приставилъ къ концу своего предисловія, безъ всякой связи съ нимъ, послѣ аминя приведенныя нами строки.

Кто же, однако, былъ этотъ древнѣйшій, высокопросвѣщенный хронистъ, знавшій въ совершенствѣ не только греческій, но и славянскій языкъ, на который перелагалъ выписки изъ византійскихъ хронистовъ? Изъ какихъ частей его хронографа были, по всей вѣ-

роятности, заимствованы позднѣйшими его переписчиками и передѣлывателями отмѣченныя нами драгоцѣнныя строки? Хронистомъ этимъ, въ древнѣйшее время славянскаго просвѣщенія, не могъ быть никто другой, какъ Григорій, епископъ Болгарскій, вполнѣ отличающійся сказаннымъ характеромъ высокаго славянскаго дѣеписателя; а указанныя выше мѣста составляли одно первое послѣсловіе къ самому его хронографу, а послѣднее — послѣсловіе къ тому Лѣтописцу Русскихъ Царей, который составлялъ продолженіе и закончаніе хронографа.

Изъ этого драгоцѣннаго послѣсловія для насъ открывается чрезвычайно важное свѣдѣніе. Мы узнаемъ изъ него, когда именно начата была Григоріева лѣтопись, и когда онъ окончилъ ее. Начало ея относится къ 956, а закончаніе къ 962 году. Года эти знаменательно совпадаютъ съ тѣмъ самымъ временемъ, когда Григорій пребывалъ на Руси и сопутствовалъ великой княгинѣ Ольгѣ въ Цареградъ.

Мы уже видѣли, какимъ перемѣнамъ, передѣлкамъ и искаженіямъ подвергался хронографъ по великому изложенію, составленный Григоріемъ, епископомъ Болгарскимъ. Такая же участь постигла и написанную имъ русскую лѣтопись, которая, какъ было въ обычаѣ, всегда переписывалась вслѣдъ за его хронографомъ. Въ томъ первоначальномъ видѣ, въ какомъ она заключалась въ Сборникѣ Григоріевомъ, она составляла первооснову всего русскаго лѣтописанія, заложенную Григоріемъ, епископомъ болгарскимъ. Лѣтопись, написанная имъ, кончалась описаніемъ пребыванія Ольги въ Константинополѣ и принятія ею св. крещенія. Поставивши себѣ задачею написать эту лѣтопись, онъ составилъ себѣ напередъ хронологическую таблицу, которую раздѣлилъ на двѣ, почти равныя половины: отъ начала царствованія Императора Михаила до Александра, и отъ Александра до Романа. Обѣ эти половины дѣлились у него, въ свою очередь на «гранесы». Въ гранесы эти онъ внесъ нѣсколько годовъ (обозначая ихъ по византійской хронологіи отъ сотворенія міра, а не отъ Р. Х.), съ отмѣтками при нихъ происшествій изъ исторіи византійской и болгарской, и къ этой хронологической рамкѣ приурочилъ описаніе событій тогдашней Руси. Григоріева хронологическая таблица сохранилась въ нашемъ

Лѣтописномъ сводѣ, хотя и не на своемъ мѣстѣ. Вотъ эта таблица. «В лѣт ҂ѕ҃. т҃. ѯ҃. индикта є҃і, нача Михаилъ царствовати въ Цариградє, нача царствовати Русскаѧ землѧ: тѣмже отселѣ почнемъ и числа положимъ. Ѩко отъ Адама до потопа лѣтъ ҂в҃ с҃. м҃. в҃. а отъ потопа до Аврама лѣтъ ҂а҃. п҃. в҃., а отъ Аврама до исхоженіѧ Моисѣева лѣтъ у҃. л҃., а отъ исхоженіѧ Моисѣева до Давыда лѣтъ х҃. и а҃., а отъ Давыда и отъ начала царства Соломонѧ до плѣненьѧ Ієрȣсалимлѧ лѣтъ у҃. м҃. и҃., а отъ плѣненіѧ до Олександра лѣтъ т҃. н҃і., а отъ Олександра до Рожества Христова лѣтъ т҃. л҃. г҃., а отъ Христова Рожества до Константина лѣтъ ф҃. м҃. в҃. Мы же на преднее възвратимсѧ и скажемъ, что сѧ удѣѧ въ лѣта си отъ Михаила царѧ до Александра и до Романа».

Различныя наши лѣтописи хранятъ въ себѣ и до сихъ поръ нѣкоторыя части остова Григоріевой лѣтописи. Въ какомъ видѣ была наша первоосновная лѣтопись, это всего болѣе можно, приблизительно, усмотрѣть изъ Софійской первой лѣтописи и изъ лѣтописи Воскресенской, о чемъ мы надѣемся имѣть случай говорить впослѣдствіи, при разборѣ самой лѣтописи.

Вторымъ лѣтописателемъ, продолжателемъ и пополнителемъ Русской лѣтописи, послѣ Григоріѧ, былъ Несторъ первый.

Какъ главнымъ побужденіемъ къ написанію болгарскихъ лѣтописей послужило возбужденное славянское національное чувство въ Болгаріи, такъ точно это же самое чувство, по прибытіи Григорія, епископа Болгарскаго, въ Кіевъ, слившееся въ душѣ его съ желаніемъ пробудить чувство національности и въ соплеменномъ ему Русскомъ народѣ,—послужило главнымъ началомъ къ написанію Первоосновной Русской Лѣтописи. Таково, по всему вѣроятію, было основное побужденіе и къ составленію преподобнымъ Несторомъ перваго Русскаго Лѣтопискаго Свода. Оно также заключалось въ возбужденіи того же національнаго славянскаго чувства на Руси, именно, при поставленіи на Кіевскую митрополію одного изъ лицъ нашего Русскаго міра, митрополита Иларіона. Окруженный людьми столько же, какъ и онъ самъ, чисто Русскими, и потому преданными Русскому дѣлу: Іаковомъ Черноризцемъ и Несторомъ, онъ вмѣстѣ съ ними предположилъ выразить всѣ завѣтныя свои чувства въ живыхъ образахъ лѣтописнаго Русскаго сказанія и трудъ его, какъ можно, вѣроподобно, заключить, по дошедшимъ до насъ

лѣтописнымъ памятникамъ, они раздѣлили между собою, по силамъ и по значенію каждаго изъ нихъ. О трудахъ св. Иларіона и Іакова Черноризца мы не будемъ здѣсь распространяться, такъ какъ труды эти превосходно уже обслѣдованы и объяснены разными нашими учеными. За тѣмъ мы прямо перейдемъ къ Лѣтописному Русскому Своду.

Несторъ первый, какъ юнѣйшій изъ нихъ, и съ бóльшими силами, взялъ на себя наиболѣе трудный подвигъ представить описаніе кнѧзємь кієвьскымъ кнѧжившимъ в кієвѣ в поганствѣ боудущимъ.

Нестору первому принадлежитъ драгоцѣнное предисловіе къ его Лѣтописи, сохранившееся въ Софійской первой Лѣтописи, которое мы здѣсь и печатаемъ.

Россійская Лѣтопись по списку Софейскому великаго Новаграда. Изд. Императорской Академіи Наукъ, 1795 года, стр. 9.

О началѣ Роуская земля и о князехъ како сюду быша.

Васъ молю, стадо Христова, любовию приклонити оушеса ваша разумно, како быша древни князи и моужи ихъ како побараахоу Роуские князи и земля, инии же страны примахоу под ся. Тіи бо князи не збирахоу много имѣния и творимыхъ вѣрь нижъ продажи вькладахоу на люди, но ижъ обидяше правая вѣра, а тоу возсмядяше дроужиинѣ на ороужии. А дроужина его ороужии кормяхоуся воююще ины страны, биющесь братие потягнемъ по своемъ князи и по Роуской земли. Жадахоу ми мало княженіе с҃ гривенъ. Не кладахоу на своя жены золотыхъ оброученъ, но хождахоу жены ихъ в сребрѣ и росплодили землю же

Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей т. V, Софійская первая Лѣтопись, стр. 87.

О началѣ Русьскыя земля и о князѣхъ, како и откуду быша.

Васъ молю, стадо Христово, съ любовію, приклоните ушеса ваша разумно: како быша древніи князи и мужи ихъ, и како отбараняху Русьскыя земля, и иныя страны пріимаху подъ ся. Ти бо князи не сбираху многа имѣнія, не творимыхъ виръ, ни продажь въскладаху на люди; но оже будяше правая вира, и ту возма, даяше дружинѣ на оружіе. А дружина его кормяхуся воюющи иныя страны, біющися: «братіе! потягнемъ по своемъ князи и по Русьской земли». Не жадаху: «мало ми есть, княже, 200 гривенъ»: не кладаху на свои жены златыхъ обручей, не хожаху жены ихъ въ серебрѣ, и расплодили были землю Русьскую...

Роускую... Мы же отъ начала Роуския земля до сего лѣта, и все по ряду извѣстно скажемъ. А отъ Михаила царя до Александра Исакия.	Мы же отъ начала Русьской земли до сего лѣта и вся по ряду извѣстно да скажемъ, отъ Михаила царя до Александра и Исакія.

Редакторомъ V тома Полн. Собр. Рус. Лѣт., Академикомъ Яковомъ Ивановичемъ Бередниковымъ, безъ всякаго основанія поставлено въ текстѣ слово: «отбараняху» тогда какъ тутъ должно стоять слово: «побораахоу». Слово это въ наименѣе искаженномъ видѣ сохранилось въ спискѣ Софійской первой Лѣтописи, мнѣ принадлежащей, отъ котораго и приведены варіанты въ Полн. Собр. Рус. Лѣт. Слово: побораті — defendere — въ соотвѣтствующемъ значеніи встрѣчается ниже въ той же Лѣтописи Нестора перваго, по списку Переяславля Суздальскаго, стр. 41: Ярославъ оутеръ пота, побораа по брати своеи и сѣде в Киеве и всю взѧ Рускую землю.

Преподобный Несторъ же первый написалъ Житіє св. Антоніѧ и Сказаніє о началѣ Печерскаго монастырѧ.

Задача, предположенная себѣ Несторомъ первымъ, была, чтобы продолжать и пополнить лѣтопись, составленную епископомъ Григоріемъ, начавши оную отъ начала царствованія Михаила до Александра и до Исаакіа. Не можемъ не остановиться здѣсь нѣсколько минутъ на выраженіи: до Александра и до Исаакіа, столько смущавшемъ всѣхъ нашихъ ученыхъ славистовъ и не объясненномъ удовлетворительно ни у одного изъ нихъ. По нашему мнѣнію, объясненіе всей этой задачи выходитъ очень просто и естественно, безъ всякихъ особенныхъ мудрованій. Дѣло въ томъ, что Несторъ, пиша свою лѣтопись, взялъ для нея за основу и за образецъ лѣтопись Григоріѧ, епископа Болгарскаго, при чемъ, конечно, и въ самомъ хронологическомъ расположеніи событій онъ подражалъ тому же Григорію. А какъ у Григоріѧ хронологическая таблица располагалась, какъ мы видѣли, по императорамъ Византіи, къ событіямъ которой онъ приурочилъ событія Русской исторіи, то и Несторъ, слѣдуя Григорію, расположилъ свою хронологію такимъ же порядкомъ. Но какъ, при томъ, Несторъ писалъ позднѣе Григоріѧ, то, естественно и неизбѣжно, Несторъ долженъ былъ въ своей хронологической таблицѣ поставить за императоромъ Александромъ

имя того византійскаго императора, которое соотвѣтствовало позднѣйшему, именно тому времени, до котораго онъ довелъ свое лѣтописаніе, а какъ въ это время, въ 1057 — 1059 г., въ Визаитіи императоромъ былъ Исаакъ Комнинъ, то Несторъ и долженъ былъ поставить вслѣдъ за именемъ Александра, стоявшимъ у Григорія, уже не имя Романа, отвѣчавшее времени окончанія Григоріевой лѣтописи, а имя Исаакіа, что, какъ мы видимъ, онъ и дѣйствительно сдѣлалъ. Такая разгадка этого имени въ лѣтописаніи Несторовомъ очень просто открываетъ прямую причину своего написанія. При этомъ, для насъ открывается еще положительное, лѣтописное, древнѣйшее указаніе о томъ, когда именно окончилъ свою лѣтопись Несторъ первый. Это было именно не позднѣе 1057—1059 г. Вѣроятно, вскорѣ по окончаніи своей лѣтописи Несторъ скончался, почему и не внесена въ нашу лѣтопись кончина ни св. Иларіона, ни черноризца Іакова, подъ благотворнымъ вліяніемъ которыхъ онъ началъ и продолжалъ свою лѣтопись, въ полномъ съ ними единомысліи. Но возвращаемся къ нашему лѣтописному своду. Несторъ первый составилъ свою хронологическую сѣть, вмѣщавшую описанныя имъ событія, по годамъ княженій. Ниже приводимый перечень, встрѣчаемый нами въ лѣтописѧхъ конечно, принадлежитъ Нестору первому, а именно слѣдующій: «Начало кнѧземь Киевскымъ, кнѧжившимъ в Киевѣ, в поганствѣ боудущимъ.

Первѣе начаша княжити въ Кіевѣ Диръ и Аскольдъ едино княженіе. 1

Отъ 1-го лѣта царства Михаилова до 1-го лѣта Ольга, князя Русскаго, иже сѣде въ Кіевѣ, лѣтъ 29

Отъ Ольга до Игоря 31

Отъ Игоря до Святослава сына его 33

Отъ Святослава до Ярополка сына его 28

Ярополкъ княжилъ 8

Бысть крещена Русская земля въ 9-е лѣто княженія Владимірова. 9

Купно же отъ перваго князя Ольга, иже сѣде въ Киевѣ, до крещенія Русской земли 4 князи лѣтъ» 109

(Выраженіе: «четыре кнѧзи» относится къ самостоятельному труду преподобнаго Нестора перваго, къ повѣствованію его о

князьяхъ Кіевскихъ, княжившихъ въ Кіевѣ, въ поганствѣ будущихъ).

Изъ приведеннаго нами перечня видно, что лѣтописецъ Нестора перваго заключалъ въ себѣ не только его собственные, исключительные труды, обнимавшіе первыя четыре княженія, но и труды другихъ, писавшихъ о другихъ князьяхъ и событіяхъ, столько же для насъ любопытныхъ. Изъ конечныхъ страницъ лѣтописца Несторова приводимъ слѣдующія слова, дающія намъ понятіе о его слогѣ. Описывая кончину великаго князя Ярослава, онъ говоритъ: «И тако раздѣли имъ грады и заповѣда имъ не преступати в чюждаа предѣлы да не въ клятвѫ и неблагословеніе впадутъ родъ и роду и до послѣднѧго Христова пришествіа. Отець мои Рускую землю разоралъ крещеніемъ и книгами насѣалъ и заповѣдми в'зрастилъ и закономъ пожалъ и вѣрою оутверди. и загради духовныхъ житницахъ. а вы готоваꙗ брашна ꙗжте. и духъвное питіе пиите отъ камени еже есть Христосъ. Къ величайшему сожалѣнію, изъ всего этого обширнаго и, безъ сомнѣнія, подробнаго лѣтописанія до насъ дошли только уже одни отрывки, въ которыхъ ясны слѣды какой-то позднѣйшей руки, безжалостно урѣзывавшей и уродывавшей все, что не подходило подъ ея особую мѣрку. На многія, чрезвычайно важныя событія, которыя никакъ не могли не быть занесены въ лѣтопись ни Григоріемъ Болгарскимъ, ни Несторомъ первымъ, остались однѣ только голословныя указанія. Чтобъ не говорить о прочемъ, укажемъ только на то сокращеніе, какому подверглось все, что могло быть сказано у Нестора перваго о первомъ распространеніи христіанства на Руси. По всему видно, всякіе слѣды этого распространенія, опередившіе введеніе христіанства св. Владиміромъ, были кѣмъ-то тщательно и повсемѣстно изглажены.

Перейдемъ теперь къ разсказу о Печерскомъ монастырѣ, гдѣ встрѣчаемъ любопытное указаніе, сохранившееся въ Несторовомъ лѣтописцѣ, относительно самого Нестора перваго.

Въ лѣтописцѣ Русскихъ Царей, по списку Переяславля Суздальскаго 1216 года, въ сказаніи о началѣ Печерскаго монастыря, въ концѣ мы читаемъ: «того ради старѣй наречесѧ всехъ манастыреи, пре-

слоу по всеи Р8си, кънжии и азъ прїидохъ ѕ҃ı лѣтъ соуща, и приатъ мѧ, се же и написахъ» (Противъ этого мѣста написано на полѣ рукописи тою же рукою, что и весь Лѣтописецъ: Нестеръ). Приведенное нами мѣсто представляетъ неопровержимое, положительное свидѣтельство о томъ убѣжденіи, существовавшемъ въ древности, что сказаніе это написанно именно Несторомъ, но, безъ сомнѣнія, Несторомъ, современникомъ Иларіона, а никакъ не Несторомъ вторымъ, написавшимъ житіе св. Өеодосія.

Ошибочное же смѣшеніе двухъ разныхъ Несторовъ писателей, жившихъ въ разное время и писавшихъ совершенно въ иномъ духѣ и направленіи, Нестора перваго и Нестора втораго, и сліяніе ихъ въ одно лице Лѣтописателя Нестора произошло гораздо позднѣе.

Приведемъ здѣсь конецъ сказанія о началѣ Печерскаго монастыря изъ Лѣтописца Русскихъ Царей и изъ позднѣйшаго лѣтописнаго свода, напечатаннаго Полнаго собранія лѣтописей въ 1 томѣ.

Лѣтописецъ Русскихъ Царей стр. 45—46.	Полн. Собр. Русск. Лѣт. т. 1. стр. 69.
И҆ съвок8пи братьи р҃ и҆ нача искати пра́вила чернечскаго и҆ ѡбрѣте тогда Михаила старца монастырѧ Стоудїискаго. пришедша из' Грѣкъ съ митрополитомъ Геѡргїемъ и҆ оу́зѧ оу него обычныи Стѫдїискыи оу́ста́въ, списа́въ и҆ оу҆стави пѣнїа пѣти, и҆ почитанїа и҆ покло́ны дръжати и҆ на трапезѣ сѣданиа́. и҆ что в кїа дни ꙗстї и҆ пити. и҆ предастъ манастырю́. и ѡтъ того всѝ манастыри Рѫстїи пре-	И совокупи братьѣ числомъ 100. И нача искати правила чернечьскаго, и обрѣтеся тогда Михаилъ чернецъ манастыря Студійскаго, иже бѣ пришелъ изъ Грекъ съ митрополитомъ Георгіемъ, и нача у него искати устава чернецъ Студійскыхъ; и обрѣтъ у него, и списа, и устави въ манастыри своемъ како пѣти пѣнія манастырьская, и поклонъ какъ держати, и чтенья почитати, и стоянье въ церкви, и весь рядъ церковный, на тряпезѣ сѣданье и что ясти въ кыя дни, все съ уставленьемъ. Өеодосій все то изъобрѣтъ, предасть манастырю своему.

писаша: того ради старѣи наречесѧ всехъ манастыреи. преслоу по всеи Руси. вънжи и азъ придохъ. з҃i лѣтъ сущѧ и приатъ мѧ. се же и написахъ.	Отъ того же манастыря перея-ша вси манастыреве уставъ: тѣмже почтенъ есть манастырь Печерьскый старѣе всего. Ѳеодосьеви же живущю въ манастыри, и правящю добродѣтелное житье и черничьское правило и пріимающю всякого приходящаго къ нему, къ нему же и азъ придохъ ху-дый и недостойный рабъ, и пріятъ мя лѣтъ ми сущю 17 отъ ро-женья моего. Се же написахъ.

Изъ приведенныхъ здѣсь мѣстъ ясно видно для каждаго, что разсказъ Лѣтописца Русскихъ Царей кратокъ, ясенъ, естественъ и простъ, между тѣмъ какъ разсказъ, помѣщенный въ Полномъ собраніи Русскихъ Лѣтописей отличается сравнительно излишнимъ многословіемъ, витіеватостью и даже нѣкоторыми противорѣчіями. Вообще онъ представляетъ неудачную передѣлку перваго разсказа съ постоянно повторяющеюся перестановкою и наборомъ лишнихъ словъ. Такъ напр., сказавши впереди о томъ, что уставъ монастыря Студійскаго былъ взятъ Ѳеодосіемъ у Михаила чернеца Студійскаго, списанъ и введенъ въ руководство въ Печерскомъ монастырѣ, откуда принятъ съ того времени и во всѣхъ прочихъ монастыряхъ, онъ далѣе весь уставъ монастырской жизни въ этомъ послѣднемъ монастырѣ желаетъ приписать какъ бы собственно самому Ѳеодосію и прямо говоритъ: «Ѳеодосій все то изобрѣтъ», чѣмъ явно искажаетъ ту простую, историческую истину, какая стоитъ въ древнѣйшей нашей лѣтописи, изъ которой онъ хотя и приводитъ подлинныя слова, но вдаваясь въ излишнюю фразеологію, совершенно превратно представляетъ самый ихъ смыслъ. Объ этомъ же Ѳеодосіи онъ дѣлаетъ еще приписку, также не находящуюся въ сказаніи о началѣ Печерскаго монастыря въ Лѣтописцѣ Русскихъ Царей, и, для связи съ нею, распространяется о Ѳеодосіи еще и выше, гдѣ прибавляетъ отъ лица лѣтописателя такіе отзывы его о себѣ, какихъ мы не видимъ вовсе въ древнѣйшей редакціи. Въ заключеніи всего, въ лѣтописномъ сводѣ Лаврентьевскаго списка мы встрѣ-

чаемъ слѣдующую вставку: «а о Ѳеодосовѣ житьи паки скажемъ», которая прямо приводитъ своего читателя къ тому именно ошибочному выводу, будто и о началѣ Печерскаго монастыря написано тѣмъ самымъ лѣтописателемъ, которому принадлежитъ и написаніе житія Ѳеодосіева, о которомъ онъ такъ особенно и распространяется, а лѣтописатель этотъ былъ ни кто другой, какъ Несторъ вторый, при чемъ Несторъ первый совершенно изчезаетъ изъ виду читателя.

Замѣчательно, одинаковая судьба въ области русскаго лѣтописнаго нашего міра, постигшая какъ первыхъ основоположниковъ нашей лѣтописи Григорія, епископа Болгарскаго, и Нестора, кіевопечерскаго инока, такъ равно и знаменитаго перваго русскаго митрополита Иларіона и черноризца Іакова, ставшихъ во главѣ русскаго національнаго просвѣщенія. Имена ихъ, видимо, съ преднамѣреніемъ, какая то партія старалась затереть и, по возможности, изгладить вовсе изъ памяти народной. Но какая же была причина столь настойчиваго и продолжительнаго преслѣдованія на Руси этихъ именъ? Можетъ быть, нѣкоторые скажутъ, что все это было, безъ всякой причины, дѣломъ чисто одного случая. Но, однако, какъ же допустить тутъ, на разумномъ основаніи, совершенно одну только случайность? Вопросъ объ этомъ такъ любопытенъ, что онъ вполнѣ заслуживаетъ особеннаго вниманія и спеціальнаго труда и розысканія со стороны нашихъ ученыхъ.

Не случайно въ Русскомъ Лѣтописномъ Сводѣ замѣнено и имя національнаго славянскаго нашего лѣтописателя Григорія Болгарскаго именемъ Георгія Амартола, лѣтописателя греческаго. Вслѣдъ за появленіемъ въ Россіи хроники Георгія Амартола въ сербскомъ переводѣ, приступили къ выдѣленію изъ Григоріева хронографа Амартоловой лѣтописи и, послѣ передѣлки ея и списыванія въ отдѣльныя рукописи этой Русской редакціи, подъ заглавіемъ Криницы, нашимъ начетчикамъ, ознакомившимся съ именемъ Георгія, подъ вліяніемъ этой Криницы, вспало на умъ замѣнить именемъ этого греческаго хрониста имя своего отечественнаго лѣтописателя, во всѣхъ тѣхъ рукописяхъ, которыя попадались имъ подъ руки. Такая перемѣна могла совершиться, конечно, не вовсе безнамѣренно, не по одному невинному смѣшенію сходныхъ именъ. Всего вѣроятнѣе, это была не одна простая, грубая ошибка. Невѣроятно

предполагать, чтобы не совершалась такая подмѣна прямо подъ вліяніемъ греческаго духовенства, которое очень хорошо понимало, что такимъ путемъ въ памяти всего читающаго, просвѣщеннаго славянскаго большинства запечатлѣется не славянское, а греческое просвѣтительное имя. Отсюда и произошло, что тѣ немногіе списки, въ которыхъ сохранилось имя Григоріа, принадлежатъ къ древнѣйшимъ редакціямъ, когда греческое вліяніе было слабѣе, чѣмъ впослѣдствіи.

Выше мы говорили, что, въ XII вѣкѣ, при перенесеніи въ Кіевъ мощей св. мученика Евстратія, претерпѣвшаго страданія за вѣру отъ Іудеевъ, народная ненависть между христіанами была особенно обращена на жидовъ. Въ это же самое время враги славянской національности, Греки, постарались обратить это же самое враждебное чувство и на древнѣйшую славянскую письменность, на Съборьникъ Григорія, епископа Болгарскаго. Для этого они поспѣшили обвинить его въ сочувствіи къ жидовству, въ доказательство чему указывали на содержавшійся въ немъ переводъ нѣкоторой части сочиненія жидовина Іосифа Флавія. Обвиненіе это было, однакоже, однимъ только предлогомъ къ возбужденію противъ Григоріева Съборьника всеобщей ненависти и подозрѣнія въ жидовствѣ. Настоящая причина преслѣдованія этого Съборника таилась гораздо глубже. Она состояла именно въ слѣдующемъ. Какъ мы уже замѣтили выше, въ Лѣтописцѣ Русскихъ царей,—этой первоначальной русской лѣтописи,—Григорій, епископъ Болгарскій, описывалъ событія временъ языческихъ царей Руси; точно также и Несторъ первый писалъ о князьяхъ, въ поганьствѣ будучихъ. Отсюда, какъ тотъ, такъ и другой, не могли не касаться подробно, въ своихъ описаніяхъ, того языческаго культа, который составлялъ главнѣйшій элементъ древнѣйшей русской жизни. Но, какъ мы уже доказали въ І-мъ приложеніи къ нашей статьѣ: «О первоначальной Русской Лѣтописи», культъ этотъ подвергся позднѣе упорному, систематическому гоненію, и отъ того-то всѣ тѣ древнѣйшія сказанія, гдѣ упоминалось объ этомъ культѣ были тогда же исключены, и до насъ дошли отъ нихъ одни только краткія, хотя тѣмъ не менѣе драгоцѣнныя, перечневыя указанія.

Помимо всего громаднаго значенія описанной нами рукописи для исторіографа первоначальной письменности не только болгарской, но и нашей отечественной, для насъ, Русскихъ, всего важнѣе сохранившійся въ ней Лѣтописецъ Русскихъ Царей. Однакоже, не Лѣтописецъ Григорія, епископа Болгарскаго, обратилъ на себя вниманіе г. экстраординарнаго профессора Московск. Дух. Академіи, Е. Е. Голубинскаго, а предисловіе къ этому Лѣтописцу. Г. профессоръ напечаталъ: Григорій, презвитеръ-мнихъ всѣхъ церковникъ болгарскихъ церквей, переведшій, по приказанію князя Симеона, хронографъ Іоанна Малалы въ греческомъ подлинникѣ, обнимающій время отъ сотворенія міра до импер. Юстиніана и дополненный въ переводѣ: 1) Палеей, или исторіей ветхаго завѣта; 2) Александріей, или баснословнымъ сказаніемъ объ Александрѣ Македонскомъ (см. о немъ кн. Оболенскаго или В. Ундольскаго предисловіе къ Лѣтописцу Переяславля Суздальскаго)». Въ видахъ библіографической точности, мы, мимоходомъ, считаемъ долгомъ своимъ исправить неопредѣленность, или ошибочность такого показанія. Для этого мы обращаемся къ нашимъ личнымъ воспоминаніямъ. Вуколъ Михайловичъ Ундольскій дѣйствительно былъ домашнимъ моимъ секретаремъ и усерднымъ помощникомъ въ моихъ историческихъ занятіяхъ, и сверхъ того училъ меня греческому и латинскому языкамъ. Но не одинъ онъ былъ моимъ учителемъ въ этихъ языкахъ: учили меня имъ же И. В. Поспѣловъ, А. Н. Аѳанасьевъ и, въ особенности, обязанъ я за нѣкоторые успѣхи въ этихъ языкахъ родственнику моему, брату второй супруги старшаго моего брата кн. Николая Андр. Оболенскаго,—В. А. Панову.

Получивъ воспитаніе въ Пажескомъ корпусѣ, бывъ камеръ-пажемъ, а потомъ поступивъ въ военную службу, я не имѣлъ особенной надобности изучать основательно древніе языки; но съ тѣхъ поръ, какъ сталъ присматриваться къ историческимъ памятникамъ, я началъ учиться латинскому, греческому, а нынѣ отчасти и еврейскому языкамъ. Приношу здѣсь мою душевную благодарность всѣмъ тѣмъ, которые меня учили, учатъ и будутъ учить этимъ древнимъ языкамъ, нужнымъ мнѣ при настоящихъ моихъ занятіяхъ. Хотя я уже и приближаюсь къ старости, но не считаю для себя излишнимъ учиться. «Мы єсмы Роусь», сказалъ любимиче мой Григорій,

епископъ Болгарскій; повторю и я за нимъ: Мы єсмы Роусь, а русская пословица говоритъ: «вѣкъ живи, вѣкъ учись».

Въ 1851 году, когда я издалъ Лѣтописецъ Русскихъ Царей, Вуколъ Михайловичъ Ундольскій уже не участвовалъ въ моихъ занятіяхъ, а потому не писалъ и не переписывалъ моего предисловія. Зная во всей подробности всѣ труды нашего библіографа, удивительно, какъ г. профессоръ Е. Е. Голубинскій не обратилъ вниманія на слѣдующія слова Предисловія: «Указавъ на рукопись Московской Синодальной библіотеки, подъ № 280, и на хронографъ Іоанна Антїохїйскаго, мы этимъ указаніемъ старались обратить вниманія нашихъ археологовъ на имя Іоанна Антїохїйскаго, упоминаемаго въ числѣ источниковъ означенной рукописи Синодальной библіотеки. Мы хотѣли установить новый и весьма любопытный въ наукѣ вопросъ: какой источникъ должно разумѣть подъ именемъ Іоанна Антїохїйскаго? Вопросъ объ Іоаннѣ Антіохійскомъ Малалѣ Съборьникомъ нашимъ рѣшается положительно. Малала открывается писателемъ VI вѣка. Что же касается до хронографа Іоанна Антіохійскаго монаха, то, не смотря и на превосходные комментаріи Мюллера, вопросъ о немъ, по недостаточности приведенныхъ Мюллеромъ выписокъ, остается еще неразрѣшеннымъ. Окончательному и положительному рѣшенію этого вопроса еллинистами много могло бы способствовать изданіе и тщательное изученіе Григоріева Съборьника во всей его цѣлости. Но вмѣсто ожидаемыхъ нами подробныхъ ученыхъ изысканій о томъ, что надо понимать подъ именемъ «гранографа Іоанна Антїохїйскаго» и вошелъ ли этотъ памятникъ въ составъ русскихъ хронографовъ,—вмѣсто такихъ изысканій, въ которыхъ собственно и заключается интересъ науки,—нѣкоторые изъ нашихъ библіографовъ предложили однѣ сомнѣнія. Мы думаемъ, что въ дѣлѣ науки важно общее содѣйствіе и трудъ; а сомнѣнія, которыя ведутъ только къ безплодному отстраненію вопроса, важнаго для науки, и производятъ не участіе къ научному интересу, какое мы старались вызвать, а равнодушіе,—едва ли не безполезны». Достопочтенный профессоръ, надѣюсь, не поколеблется сознать, что Вуколъ Михайловичъ Ундольскій, отличавшійся особенною добросовѣстностію, не могъ же, конечно, рѣшиться писать самъ противъ себя. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я надѣюсь также, что

22

господинъ профессоръ, занявшійся только предисловіемъ моего издания, не посѣтуетъ на меня, если я обращу его вниманіе на самый Лѣтописецъ Русскихъ Царей, который принадлежитъ перу Григорія, епископа Болгарскаго, и составляетъ и основу, и начало всего лѣтописнаго нашего свода.

Я просилъ бы г. профессора обратить вниманіе на нѣкоторыя, наиболѣе вопіющія, мѣста изъ Лѣтописца Русскихъ Царей. Съ своей стороны, я считаю для себя такое обращеніе къ г. профессору съ печатнымъ моимъ словомъ тѣмъ болѣе не излишнимъ, что онъ и самъ обратился ко мнѣ печатно съ своимъ библіографическимъ указаніемъ, по поводу моего предисловія. Въ моихъ указаніяхъ я буду имѣть въ виду только чисто научные интересы. На самой же первой страницѣ Лѣтописца не можетъ, безъ сомнѣнія не обратить на себя вниманія Е. Е. Голубинскаго слѣдующее мѣсто, которое мы приводимъ здѣсь, какъ по Григоріеву Єзборьнику, такъ и по Рѹсскому Лѣтописномѹ сводѹ

Изборникъ Григорія, епископа Болгарскаго, — Лѣтописецъ Русскихъ Царей, стр. 1.	Полн. Собр. Русск. Лѣт. т. 1. стр. 3.
И тако разыдеся словенскыи ꙗзыкъ томоу и грамота дася ꙗзыкоу.	Тако разидеся словѣньскій языкъ, тѣмже и грамота прозвася словѣньская.

Изъ сличенія и сопоставленія этого мѣста по Лѣтописцу Русскихъ Царей съ Полнымъ Собраніемъ Русскихъ Лѣтописей открывается самая рѣзкая разница между обоими этими лѣтописными текстами. Отмѣтимъ здѣсь это различіе. Въ первомъ изъ нихъ мы видимъ въ каждомъ словѣ дѣйствительную исторію, подлинное, историческое сообщеніе самыхъ важныхъ фактовъ о языкѣ, или народѣ Славянскомъ и о его письменной рѣчи. Во второмъ, совершенно наоборотъ, въ каждомъ словѣ, гдѣ онъ не повторяетъ буквально перваго, мы не видимъ ничего подобнаго, или видимъ если не прямое искаженіе и отрицаніе факта, то, по крайней мѣрѣ, чисто безмысленный наборъ словъ. Дѣйствительно, что такое эти слова: тѣмъ же, т. е. Славянскимъ языкомъ и грамота прозвася Словѣнская? что̀ новаго, что дѣйствительно историческаго сообщаютъ намъ эти слова? Ничего, кромѣ того, что Славяне называли все свое Славянскимъ. Никакого новаго факта изъ ихъ древней жизни,

мы не узнаемъ изъ этихъ словъ. Совсѣмъ другое узнаемъ мы изъ Григоріева Лѣтописца Русскихъ Царей. Въ немъ прямо сообщается потомству, что у Славянъ, въ самой глубокой древности, была уже своя грамота, — томоу и грамота дасѧ ꙗзыкоу. О какой же изъ двухъ Славянскихъ грамотъ — Глаголицѣ или Кириллицѣ, говоритъ здѣсь древнѣйшій лѣтописатель? Судя потому, что онъ не упоминаетъ здѣсь объ имени изобрѣтателя, тогда какъ въ другомъ мѣстѣ, далѣе, говоря о другой грамотѣ Славянской, онъ прямо указываетъ на изобрѣтеніе ея св. Кирилломъ, естественно полагать, что онъ говоритъ здѣсь именно о Глаголицѣ, относительно которой, по глубокой древности ея, ничего неизвѣстно объ имени ея изобрѣтателя. Такое точно заключеніе не можетъ не вытекать также и изъ того обстоятельства, что въ Лѣтописцѣ повѣствуется здѣсь именно о самыхъ древнихъ временахъ Славянскаго міра, когда Кириллица не была еще для него извѣстна. Черноризецъ Храбръ говоритъ, что въ Кирилловской азбукѣ 24 буквы написаны по греческому алфавиту, а четыринадесѧть по Словѣнскоу ꙗзыкꙋ. Это свидѣтельство Черноризца Храбра, какъ мы увидимъ ниже, составляетъ прямое указаніе на ту самую грамоту, которая дасѧ Словенскому ѧзыку и о которой говоритъ, въ приведенномъ нами мѣстѣ, современникъ Храбра Григорій, епископъ Болгарскій. Одно уже это краткое упоминаніе объ этой грамотѣ въ Григоріевомъ Лѣтописцѣ сообщаетъ необыкновенную важность этому мѣсту какъ самому древнему свидѣтельству въ пользу изначальной славянской письменности. До сихъ поръ ученые наши не обратили еще на него вниманія, конечно, только потому, что приписывая его Нестору, жившему гораздо уже позднѣе, а не Григорію, писателю X вѣка, они не считали его достаточно древнимъ свидѣтельствомъ. Послѣ означеннаго мѣста, въ Лѣтописцѣ Русскихъ Царей замѣтенъ явный перерывъ. Разсказъ о грамотѣ, только что начатый, неожиданно прекращается и смѣняется другимъ. Отъ всего этого разсказа остались только слѣдующія, заключительныя слова его: «Словѣномъ живꙋщимъ по горамъ симъ». Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ этомъ разсказѣ (о томъ, что и грамота дасѧ тому т. е. Славѧнскому ѧзыку), Григорій, по примѣру описанія происхожденія азбуки Кирилловской, не могъ не упомянуть и здѣсь, какъ о томъ, откуда и какимъ путемъ явилась глаголитскаѧ азбука

*

у славянскаго языка, такъ и о томъ, у какихъ именно Славянъ она впервые явилась и распространилась. По этому поводу онъ не могъ не упомянуть здѣсь также, что азбука эта, именно азбука глаголитская, употреблявшаяся Славянами-Хозарами, не могла не быть извѣстна кіевскимъ христіанамъ-Славянамъ по тому близкому сношенію ихъ съ хозарскими Славянами-христіанами, которое выразилось даже прямо, фактически въ Хозарской слободѣ въ Кіевѣ, гдѣ была христіанская церковь, не могшая, безъ сомнѣнія, существовать и обходиться безъ богослужебныхъ славянскихъ книгъ, а книги эти, до времени Кириллицы, не могли быть писаны никакою другою славянской азбукой, кромѣ Глаголицы, такъ какъ никакой другой еще славянской азбуки, какъ извѣстно, ранѣе Кириллицы не существовало. Обо всемъ этомъ не могъ не упомянуть Григоріи болгарскій, говоря объ азбукѣ, употреблявшейся еще въ глубокой древности Кіевскими Славянами. Поэтому-то разсказъ его объ ней, прерванный, или скорѣе вырванный какою-то святотатственною, вѣроятно, не русскою, рукою, оставившею намъ отъ него только первую да послѣднюю строку, и заканчивается знаменательными словами: (та грамота дася и) Словеномъ, живущимъ по горамъ симъ. Изъ словъ этихъ, хотя и оторванныхъ отъ цѣлаго разсказа, мы узнаемъ, однакоже, что и у этихъ Славянъ, жившихъ по горамъ, т. е., въ Кіевѣ, письменность существовала ранѣе Кириллицы, и была, конечно, глаголитская письменность.

Вообще какая-то неумышленно грубая или умышленно дерзновенная рука поднята была на всѣ Григоріевы разсказы и уничтожила въ нихъ все не согласное съ ихъ тогдашнимъ мнимо-ученымъ взглядомъ. Судя по разсказу, слѣдующему затѣмъ, о которомъ мы сейчасъ только говорили, можно, по всей вѣроятности, заключить, что въ немъ шла рѣчь также болѣе подробно, какъ и послѣдовательно, о распространеніи христіанства у восточныхъ Славянъ и о проповѣди между ними Андрея Первозваннаго. Между тѣмъ, въ Лѣтописномъ нашемъ сводѣ, мы встрѣчаемся съ страннымъ, неудачнымъ совокупленіемъ въ одинъ разсказъ двухъ совершенно разныхъ, несовмѣстимыхъ разсказовъ. Первый разсказъ относится къ тѣмъ свѣдѣніямъ, какія самъ Григорій пріобрѣлъ, относительно воднаго пути изъ Балтійскаго моря въ Черное и Каспійское,

при путешествіи своемъ, въ свитѣ великой княгини Ольги, изъ Кіева въ Новгородъ, и тѣ впечатлѣнія, какія произвели на него Новгородскія бани. Второй разсказъ касается проповѣди св. апостола Андрея Первозваннаго и прибытія его въ Кіевъ. Конечно, о путешествіи св. Апостола въ Новгородъ не было и рѣчи въ первоначальной нашей лѣтописи. Написатель ея, епископъ болгарскій, какъ лицо духовное и высокопросвѣщенное безспорно, нашелъ бы сказать что-нибудь болѣе достойное апостольскаго посѣщенія и пребыванія у Сѣверныхъ Славянъ, если бы св. апостолъ Андрей дѣйствительно былъ въ Новгородѣ. Вѣроятно, не бани же однѣ могли исключительно привлечь тамъ на себя вниманіе Апостола, имѣвшаго въ виду одну только проповѣдь вѣры. Да и не занесъ бы такого нелѣпаго преданія объ Апостолѣ въ свою лѣтопись Григорій, если бы даже и существовало оно гдѣ-либо въ Славянахъ. Конечно, по примѣру того, какъ говорится въ лѣтописи же объ апостольскомъ пребываніи въ Кіевѣ, лѣтописатель, вѣрнѣе всего, сказалъ бы и здѣсь о томъ благословеніи, какое, въ заключеніе своей проповѣди,—если бы только дѣйствительно проповѣдь эта оглашала Новгородъ,—преподалъ Апостолъ этому народу. Ничего подобнаго нѣтъ объ этомъ въ нашемъ лѣтописномъ сводѣ. По всему вѣроятію, что наблюденіе лѣтописателя, о сѣверныхъ славянскихъ баняхъ относилось къ путешествію самого Григорія въ Новгородъ, во время котораго Григорій и узналъ, что изъ Новгорода водянымъ путемъ доходятъ до Рима; позднѣе же эта замѣтка его попала, подъ неискусной рукой, переиначившей, урѣзавшей и исказившей всю лѣтопись, изъ путешествія Григорія прямо въ путешествіе св. Апостола и слила оба разсказа въ одинъ; при чемъ, все то, что говорилось Григоріемъ только вообще о водяномъ пути изъ Новгорода до Рима, было отнесено къ самому св. апостолу Андрею и, вмѣстѣ съ тѣмъ, было присочинено, будто именно св. Апостолъ отправился въ Римъ изъ Новгорода.

По поводу апостольской проповѣди, Григорій, епископъ Болгарскій, человѣкъ рѣдкой современной образованности, не могъ не знать и не внести въ свою лѣтопись, хотя бы и въ сокращеніи, повѣствованія знаменитаго учителя церкви св. Епифанія Кипрскаго, писателя IV вѣка, объ апостолѣ Андреѣ, и безпорно также извѣстна-

го ему, написаннаго въ IX вѣкѣ іерусалимскимъ іеромонахомъ Епифаніемъ, житія св. Апостола Андрея, тѣмъ болѣе, что въ этомъ житіи повѣствуется о проповѣди св. Апостола въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя были заселены Славянами, именно на Кавказѣ и въ Крыму. Все описаніе этого пути и проповѣди Первозваннаго Апостола между древнѣйшими нашими предками изъято изъ нашей лѣтописи, хотя краткій намекъ о томъ, что разсказъ этотъ дѣйствительно въ ней существовалъ, и сохранился въ лѣтописномъ русскомъ сводѣ, какъ указываютъ на это слѣдующія слова въ немъ въ концѣ повѣствованія о проповѣди св. Апостола: «Андрѣй же, бывъ въ Римѣ, прииде въ Синопию», и въ началѣ: «Андрѣю учащу въ Синопіи и пришедшу ему въ Корсунь». Затѣмъ сохранились въ ней только тѣ мѣста, которыя повѣствуютъ о пребываніи св. Апостола въ Херсонѣ и Кіевѣ. Григорій, не безъ намѣренія, говоритъ въ своей лѣтописи: «якоже рѣша», указывая этимъ выраженіемъ на тѣ мѣстныя преданія о проповѣди св. Андрея, какія онъ нашелъ въ нашемъ отечествѣ. Григорій, прибывши въ Кіевъ, какъ христіанинъ и епископъ, вѣроятно жилъ въ предмѣстіи Кіевскомъ — Почайнѣ, при соборной церкви св. Иліи (Церковь св. Пророка Иліи была сооружена въ веси (слободѣ) Почайнѣ). Слобода Почайна построена была надъ ручьемъ того имени и составляла укрѣпленное кіевское предмѣстье. Въ этомъ предмѣстьѣ, на площади («бесѣдѣ»), раздѣлявшей предмѣстье на двѣ стороны: на конецъ Пасынчъ и конецъ Казарскій, стояла церковь св. Иліи. Въ этой-то слободѣ, въ которой преимущественно проживали Хозары - христіане, исключительно должны были храниться изустныя преданія о проповѣди св. Андрея Первозваннаго въ нашемъ отечествѣ. Быть можетъ, тутъ же, при церкви св. Иліи, сохранились еще и письменныя преданія объ этой проповѣди. Какъ эти преданія, такъ и священныя книги, по которымъ совершалась церковная служба на славянскомъ языкѣ, въ этомъ храмѣ были писаны, безъ сомнѣнія, восточно-русской азбукой—Глаголицей. Подробное изслѣдованіе наше объ этой азбукѣ мы надѣемся имѣть удовольствіе сообщить въ послѣдствіи; пока мы можемъ заявить только тѣ выводы, къ какимъ мы пришли, по этому предмету, путемъ нашихъ изысканій. Вотъ основныя положенія нашего изслѣдованія:

1) Глаголица округленная была въ употребленіи у восточныхъ Славянъ, въ глубокой древности, какъ домашняя славянская азбука. Изъ числа династій, господствовавшихъ надъ этими Славянами, наиболѣе должны обратить на себя вниманіе нашихъ ученыхъ: Русы, Обры, Болгары, Хозары.

2) Виновникомъ изобрѣтенія глаголитской азбуки былъ ученый оріенталистъ.

3) Глаголица издревле употреблялась въ Хозаріи, въ которой правителями были Хозары; а потому и вся страна, имъ подвластная, именовалась Хозаріею, и весь народъ въ совокупности назывался Хозарскимъ, въ частности же и раздѣльности по народностямъ онъ назывался Славянами и другими именами, по мѣстностямъ, родамъ и колѣнамъ.

4) Самый языкъ Болгаръ, или, что тоже, языкъ славянскій, былъ одинъ и тотъ же языкъ, что и у Хозаръ.

5) Между Хозарскими Славянами были Славѧне-христіане, и Славѧне-іудействующіе. Тѣ и другіе употребляли для своей проповѣди славянскій языкъ, выражая его глаголитскими письменами.

6) Славяне Кіевскіе, между которыти было много христіанъ, находясь подъ властію кагана Хозарскаго и платя дань Хозарамъ, также употребляли глаголитскую азбуку.

7) При Аскольдѣ и Дирѣ, до принятія и послѣ принятія ими христіанства, въ предмѣстіи Кіева, въ Почайнѣ, въ церкви св. Иліи, богослуженіе совершалось на славянскомъ языкѣ, и богослужебныя книги были писаны Глаголицей.

8) Договоры Олега и Игоря были писаны также Глаголицей.

9) Ветхозавѣтныя книги были въ древности переведены въ Хозаріи съ еврейскаго на славянскій языкъ.

10) Св. Константинъ отправился въ Хозарію изъ Месемвріи, извѣстнымъ путемъ, описаннымъ Константиномъ Багрянороднымъ, и прибылъ въ Херсонъ, гдѣ обрѣлъ книги жидовскія, т. е., Ветхій Завѣтъ, въ переводѣ на славянскомъ языкѣ, а также Евангеліе и Псалтирь, писанныя русскими письменами, т. е., Глаголитой.

11) Св. Константинъ обрѣлъ составленную для Славянъ азбуку— Глаголицу.

12) Вслѣдствіе занесенныхъ изъ Болгаріи нѣкоторыхъ еретиче-

скихъ книгъ, писанныхъ Глаголицей, патріархомъ Фотіемъ былъ созванъ Соборъ, на которомъ, во вниманіе къ различнымъ религіознымъ политическимъ причинамъ, было положено составить новую азбуку для Славянъ, что и было возложено на св. Константина. Вслѣдствіе того, св. Константинъ и изобрѣлъ для Славянъ новую азбуку—Кириллицу.

13) Такимъ образомъ очевидно, св. Константинъ обрѣлъ и изобрѣлъ Славянскую азбуку.

14) Когда у Славянъ явились двѣ азбуки, то Глаголиту стали называть Буквицей, а Кириллицу Литерицей.

15) Обрѣтеніе св. Константиномъ Глаголицы должно отнести къ 855 г.

16) Св. Константинъ бесѣдовалъ въ Хозаріи съ іудействующими Славянами на славянскомъ языкѣ. Бесѣды его записаны были въ книги Глаголицей и переложены впослѣдствіи съ Глаголиты на Кириллицу братомъ Константина философа Меѳодіемъ, который раздѣли ѐ на осмь словесъ. Ученые полагаютъ, что эти бесѣды утратились; но онѣ не вовсе безслѣдно исчезли: ихъ можно отыскать, хотя и въ искаженномъ видѣ, въ такъ называемой Толковой Палеѣ, и другихъ древнихъ письменныхъ славянскихъ памятникахъ, гдѣ дѣлается обращеніе преимущественно къ жидовинамъ.

17) Св. Константину, возвращавшемуся изъ Хозаріи въ Константинополь, путь лежалъ чрезъ Болгарію (А. Ѳ. Гильфердингъ говоритъ: «а въ тѣ времена ѣздили нескоро, и люди, каковъ былъ Кириллъ, путешествуя, проповѣдывали)». Св. Константинъ и Меѳодій, прибывъ въ Болгарію, научили Болгаръ читать Глаголицу и распространили въ спискахъ пріобрѣтенныя ими въ Хозаріи ветхозавѣтныя и богослужебныя книги. Здѣсь впервые у западныхъ Болгаръ св. проповѣдники ввели богослуженіе на славянскомъ языкѣ, по книгамъ, писаннымъ Славянскою Глаголитскою азбукою.

18) Оставивъ брата своего Меѳодія у Болгарскаго царя Богориса, Константинъ отправился на новые труды въ Константинополь, куда и прибылъ въ 863 году.

19) Живущіе въ Хозаріи Славяне-христіане и Славяне іудействующіе, узнавъ чрезъ торговыхъ людей, что западные Болгаре научились читать Глаголицу, и что возникъ большой спросъ на

глаголитскія книги поспѣшили наводнить западную Болгарію своими проповѣдниками и рукописями.

20) Въ 864 г. властитель болгарскаго народа Богорисъ и бояре его изъявили императору константинопольскому желаніе креститься. Царь же кнѧзѧ ихъ крестивъ и ѿтъ свѧтаго крещенїѧ прїѧтъ и сыномъ и нарече.

21) Въ 864 году крестились Аскольдъ и Диръ.

22) Вскорѣ за тѣмъ прибыли къ императору Михаилу послы отъ моравскаго князя Ростислава съ просьбою дать имъ епископа, который бы научилъ ихъ читать славянскія книги и служить по нимъ литургію.

23) Императоръ Михаилъ и патріархъ Фотій созвали соборъ, который, вслѣдствіе распространившихся въ большемъ количествѣ въ Болгаріи глаголитскихъ рукописей, посредствомъ коихъ водворялись еретическія мнѣнія и испорченные тексты св. Писанія, — постановилъ изобрѣсти новую азбуку и поручилъ это дѣло ученику патріарха Фотія, св. Константину.

24) Изобрѣтеніе св. Константиномъ Кириллицы должно отнести къ концу 864 или началу 865 года.

25) Болгарскій царь Богорисъ, вслѣдствіе нареченїѧ его сыномъ, требуетъ отъ греческаго императора царскаго вѣнчанїѧ, въ которомъ ему отказываютъ.

26) Отъѣздъ св. Константина въ Моравію въ 865 году.

27) Богорисъ отправляетъ посольство къ папѣ, которое прибыло въ Римъ въ августѣ мѣсяцѣ 866 года. Одновременно съ этимъ посольствомъ Богорисъ отправилъ посольство къ своему союзнику, королю нѣмецкому, Лудовику, прося у него, какъ и у папы, присылки епископа и священниковъ. Для чего же ему были нужны епископъ и священники? Для вѣнчанія его на царство.

28) Посольство Богориса къ папѣ второе, въ концѣ 867 года. Чтобы быть коронованнымъ, Богорисъ рѣшается присоединиться къ латинской церкви; онъ прогоняетъ отъ себя греческихъ священниковъ и проситъ на мѣсто ихъ прислать епископа и священниковъ изъ Рима.

29) Константинъ и Меѳодій ѣдутъ въ Римъ въ 868 году.

30) Римскіе епископы отвергаютъ и осуждаютъ кирилловскія

письмена за новизну ихъ. Они нарицаютъ ихъ варварскими и язы ческими, не позволенными для священныхъ цѣлей и берутъ подъ свое покровительство Глаголицу.

31) Св. Константинъ не защищаетъ изобрѣтенную имъ Кириллицу отъ нападенія латинскихъ епископовъ; ему важно не то, чтобы дано было предпочтеніе Кириллицѣ предъ Глаголицей, а важно, чтобы богослуженіе совершалось на славянскомъ языкѣ и по книгамъ, писаннымъ славянскою азбукою.

32) Отвѣтъ папы относительно присылки архіепископа и священниковъ, не удовлетворяетъ Богориса, и онъ посылаетъ въ Римъ третье посольство въ 869 году.

33) Тотъ же самый посолъ, который принесъ отъ папы послѣдній, по прежнему неудовлетворительный, отвѣтъ, немедленно, по своемъ возвращеніи (въ началѣ слѣдующаго 870 г.), отправляется Богорисомъ въ Константинополь, гдѣ и поставленъ былъ договоръ о возвращеніи Болгаръ подъ церковную власть патріархата константинопольскаго.

34) Игнатій, патріархъ константинопольскій, назначаетъ въ Болгарію архіепископа и епархіальныхъ епископовъ.

35) Богорисъ подкупаетъ латинскаго епископа Гримоальда, чтобы онъ, подъ разными предлогами, вывелъ латинскихъ священниковъ изъ Болгаріи, и дозволяетъ греческому и болгарскому духовенству вводить постепенно Кириллицу, замѣняя ею глаголитскую азбуку.

36) Вскорѣ православные Славяне навсегда отказались отъ Глаголиты и предоставили ее на вѣчныя времена латинскимъ буквоѣдамъ.

37) Латиняне, взявъ подъ свое покровительство Глаголицу, начали съ того, что приписали изобрѣтеніе ея св. Іерониму, а затѣмъ принялись передѣлывать ее въ квадратную, сближая съ латинскимъ алфавитомъ.

Къ такимъ выводамъ пришелъ я, изучая преимущественно наши собственные отечественные памятники, во взаимномъ сличеніи ихъ между собою. При этомъ, я старался, сколько возможно, не поддаваться увлеченію никакими иноземными взглядами, выработанными не на почвѣ нашей родной, чисто-русской мысли. При всемъ глу-

бокомъ уваженіи къ громаднымъ трудамъ иностранныхъ ученыхъ по разработкѣ нашихъ древнихъ письменныхъ памятниковъ, тѣмъ не менѣе нельзя не сознаться, что точка зрѣнія ихъ на предметъ далеко не русская. Какъ ни легко пользоваться этимъ даровымъ трудомъ, какъ ни удобно и ни пріятно итти по проторенной дорожкѣ, и, наоборотъ, какъ ни трудно и не совсѣмъ удобно выработывать взгляды, не совсѣмъ согласные съ мнѣніемъ иноземнаго, ученаго большинства, не совсѣмъ привычные для него и для всѣхъ, покорно относящихся къ иноземнымъ авторитетамъ, тѣмъ не менѣе пора намъ, русскимъ, отказаться отъ такого ученаго раболѣпства предъ западомъ, пора взяться за свой собственный, хотя бы иногда и тяжелый, чернорабочій трудъ, а не довольствоваться однимъ только легкимъ нанизываніемъ разныхъ фактовъ славянской древней письменности на чужія, не русскія идеи. Послѣднее, конечно, покойнѣе, но едва-ли оно невсегда безславно для русскаго, безславно, и именно тогда, когда въ жертву не русскому приносится все русское. За примѣрами далеко ходить нечего. Въ наше время, по счастію, пробудилось, однакоже, совершенно иное, чисто-русское направленіе въ разработкѣ драгоцѣнныхъ отечественныхъ памятниковъ. Нѣтъ уже прежняго рабства ни предъ теоріей скандинавскаго происхожденія Руси, ни предъ нерусскимъ происхожденіемъ всей нашей письменности, ни предъ многими тому подобными предвзятыми нерусскими идеями. Я увѣренъ, какъ и многіе, что такому направленію суждена великая и славная будущность, лишь бы наши ученые не пожалѣли на этомъ пути чисто-русскихъ, самобытныхъ своихъ трудовъ, а не покорныхъ и легкихъ повтореній только чужаго, съ добавкой одной мелочной подборки фактовъ на чужія мысли. Г. профессору Е. Е. Голубинскому особенно должно быть пріятно послѣдовать такому направленію. Что касается до меня, то я уже давно на немъ стою. Ему, какъ исторіографу славянскихъ церквей, біографу св. апостоловъ славянства, увѣнчанному Демидовскою преміею и, вѣроятно, готовящему скорое обогащеніе нашей литературы изданіемъ своего труда о нашихъ первоапостолахъ, особенно должно быть дорого самостоятельное изученіе драгоцѣннаго житія Константина Философа, написаннаго однимъ изъ ближайшихъ его учениковъ.

*

Житіе это, къ величайшему сожалѣнію, не дошло до насъ въ первоначальномъ своемъ видѣ. Оно поправлено по житіямъ Паннонскимъ, рукою тѣхъ, которые предполагали, что житіе это было написано пр. Несторомъ. Г. экстраординарный профессоръ Е. Е. Голубинскій, по такому же точно предположенію, также не обратилъ своего вниманія на это житіе. Между тѣмъ, разсказъ Григоріевъ о славянской грамотѣ, не смотря на всю позднѣйшую его передѣлку, все еще хранитъ въ себѣ достаточно самостоятельныя черты, составляющія, по истинѣ, неоцѣненную драгоцѣнность. Въ подтвержденіе такой именно самостоятельности этого древнѣйшаго разсказа приводимъ слѣдующія доказательства.

Въ Лѣтописцѣ Русскихъ царей, по списку Переяславля Суздальскаго, говорится:

Бѣ бо единъ ıазыкъ словенскы: Словене, иже сѣдяху по Дунаю ихъже преаша Угре, и Марава, и Чеси, и Ляхове, и Поляне, Кіане, ıаже зовуться Русь. Сіимъ бо пръвое преложены книгы, Мораавѣ, ıаже и прозвася грамота Словенская, еже грамота сія в Руси и въ Блъгарѣхъ Дунаискыхъ. Словеномъ живущимъ крещено с Болгары Михаиломъ царемъ и княземъ ихъ Ростиславу, и Святополъку, и Коцелу, и послаша къ царю въ Грѣки глаголюще: «земля наша крещена, а учителя у насъ «нѣсть, еже бы насъ наказалъ и протолковалъ святыя книгы; не ра«зумѣемъ бо ни грѣчьскыи ни латыньски; они бо насъ инако учатъ, а «друзіи инако; темже не разумѣемъ писаніа ни силы Божия и прелщаемся. Дръжавныи царю, послете намъ учителя, иже можеть намъ ска«зати книжная словеса и разумъ ихъ». Се слышавъ царь Михаилъ, созва риторы вся, и сказа имъ неисцелимыи недугъ врачевати душевный, и ıави имъ словенскыхъ князей рѣчи. И рѣшя ритори: «есть мужъ въ «Селуни, именемъ Левъ, и суть у него сыны два, разумивы ıазыку Сло«венску и философи хитри». Се слыша царь посла по нихъ въ Селунь ко Львови, глаголя: «посли к намъ въскоре сыны своя, Мефедіа и Костянтина». Се слышавъ Левъ, въскоре пославъ я; и прѣдста царю, и рече царь: «се прислася ко мнѣ Словенская земля, просяще учителя «собѣ, иже бы моглъ имъ протолковати святыя книги; сего бо желають». И умолена быста царемъ, и послаша я въ Словенскую землю, къ Ростиславоу и къ Святоплъку и Коцелови. Сима же пришедшима, начаста съставливати писмена азъбоуковная Словенскіи, и пре-

ложиста Апостолъ и Евангеліе; и ради быша Словени, ꙗко слышаша величия Божія своимъ ꙗзыкомъ. Посемь же преложи Псалтырь, и Охтаикъ, и прочая книгы. Неціиже начаша хулити словенскіа книги, глаголюще: «ꙗко не достоитъ ни которому языку буквовъ своихъ, развеи «Евреи и Грековъ и Латинъ, по Пилатову писанію, иже на крестѣ «Господни написа». Се же слышавъ папежь римьскый, похули тѣхъ и посвари посланіемъ писаніа, иже кто ропщеть на книги словенскыя, самъ похулится, и рече: «да ся испльнить книжное слово и реченное Іоилемъ пророкомъ и Езекиилемъ, глаголющимъ: въ оны дни, рече, излею «отъ духа моего на всяку плоть, и пререкуть сынове ваши, и дщери «ваши, и юноты ваша видѣніа узрятъ; други же вси възглаголють ꙗзыци «величіа Божіа. И Давыдъ: хвалите Господа вси ꙗзыци и похвалите его «вси людіе. Езекеиль пакы: въси възглаголють величія Божія разно«личными ꙗзыки, ꙗкожь Духъ дааше имъ Святый». Рече папежь въ писаніи своемъ к нимъ: «аще кто похулить словенскую грамоту, да «будетъ отвръженъ отъ церкви, дондеже исправится; тіим' бо влъци «имя, а не овци, яже достоить отъ плодъ познати и хранитися ихъ. Вы же, чада Божія, послушайте ученія и не отрините наказаніа церковнаго и яко же вы наказалъ Меѳеодие учитель вашь». Костянтинъ же възвратися вспять, и иде оучити блъгарска языка, а Меѳеодіе оста в Моравѣ. Посемъ же Коцелъ князь постави Меѳеодия епископомъ въ ис Папіи, на мѣсте святаго апостола Андроника, единого отъ 70 ученика святаго апостола Павла. Меѳедій же посади 2 попа борзописца зѣло, и преложи вся книгы испльнь отъ греческа языка въ словенскый 6-ю мѣсяць, наченъ отъ Марта мѣсяца, скончa до 26 Охтоврія. И славу и хвалу людіе въздаша вседръжителю Богу въ Троици, давшему таку благодать человѣкомъ своимъ угодникомъ Меѳедіемъ, настлъникомъ Андрониковымъ. Темже прьвы учитель бысть языку словенску апостолъ Андроникъ, в Мораавы бо ходилъ; и Павелъ апостолъ училъ туда; то бо есть Илурикъ, его же доходилъ апостолъ Павелъ, ту бо бѣшя Словене, преже при Павлѣ; того ради начало словѣнску языку учитель Павелъ, отъ негоже языка и мы есмы, Русь, темже и намъ Руси, учитель есть Павелъ, понеже училъ ту, и поставилъ отходя намѣстника въ себе мѣсто Андроника. А словенескь языкъ и рускии языкъ единъ. Поляне же Кіане прозвашася, понеже в поли сѣдяху, а языкъ словеньскыи и рускыи единъ есть.

Приведенное нами свидѣтельство о св. Кириллѣ и Меѳодіѣ, какъ о первыхъ виновникахъ изобрѣтенія славянской азбуки и перевода священныхъ книгъ на славянскій языкъ, до сихъ поръ не обращало на себя того особеннаго вниманія, какого оно заслуживаетъ по несомнѣнной своей древности. Житіямъ равноапостольныхъ св. Кирилла и Меѳодія, писаннымъ по славянски въ Панноніи, отдавалось донынѣ безусловное преимущество. Между тѣмъ, какъ эти памятники одинаково древни, одинаково драгоцѣнны, и хотя сходны въ общихъ чертахъ, но ни какъ не въ подробностяхъ, которыми они другъ друга пополняютъ. Написателемъ Паннонскихъ житій признается ученикъ св. Кирилла, епископъ Болгарскій Климентъ, бывшій еще въ живыхъ въ царствованіе царя Симеона; сообщитель свѣдѣній, находящихся въ Лѣтописцѣ Русскихъ Царей, объ этихъ равноапостольныхъ мужахъ, есть также ихъ преемникъ, епископъ Григорій, жившій въ царствованіе царя Симеона Болгарскаго. Климентъ писалъ для Болгаръ, Григорій для Руси, а потому необыкновенно важное значеніе получаетъ для насъ описанное здѣсь имъ первопросвѣщеніе Славянъ, какъ скоро становится извѣстнымъ и достовѣрнымъ, что описателемъ этого событія былъ никто другой, какъ знаменитый Болгарянинъ, епископъ Григорій, собесѣдникъ и наставникъ великой княгини Ольги. Григорій былъ современникъ епископа Климента, написателя такъ называемыхъ Паннонскихъ житій св. первоучителей славянскихъ, и былъ такимъ же, какъ и Климентъ, ближайшимъ сотрудникомъ Болгарскаго царя Симеона, только моложе Климента по лѣтамъ. Отсюда, по своему близкому отношенію къ этому средоточію всего славянскаго первопросвѣщенія, Григорій не могъ не знать, съ одинаковою достовѣрностью, какъ и Климентъ, обо всѣхъ, какъ главныхъ, такъ и второстепенныхъ, чертахъ великаго событія. Отсюда, все, записанное имъ, по этому предмету, въ первоначально имъ же написанной, первоосновной Русской Лѣтописи, сохранившейся, къ несчастію, не во всей полнотѣ своей, въ Лѣтописцѣ Русскихъ Царей, пріобрѣтаетъ для насъ особенную, громадную важность. Знаменитое сказаніе это до сихъ поръ не обращало еще на себя должнаго вниманія, какого оно вполнѣ заслуживаетъ. Многіе ученые лишь мимоходомъ замѣчали его. Незнаніе того, кѣмъ именно написано это

сказаніе, извиняетъ, конечно, такое отношеніе къ дѣлу. Обыкновенно думали, что занесенное въ лѣтопись, написанную 250 лѣтъ спустя послѣ самого событія, простодушнымъ инокомъ Несторомъ и дошедшее къ нему, неизвѣстно изъ какихъ источниковъ, сказаніе это могло только повторять давно уже извѣстное изъ другихъ памятниковъ, болѣе важныхъ и достовѣрныхъ, или же только пополняло ихъ какими-нибудь извѣстіями, далеко не столь вѣрными. Но совершенно иное значеніе представляетъ этотъ памятникъ глубочайшей древности, когда мы получаемъ положительное убѣжденіе, что писано оно не со слуховъ; что въ Лѣтопись нашу занесено оно личностью высокообразованною, ближайшимъ современникомъ къ дѣятелямъ описаннаго въ немъ событія.

Какія же, однако, особенности представляетъ это сказаніе, сравнительно съ другими повѣствованіями о томъ же предметѣ? Отмѣтимъ кратко лишь наиболѣе важныя. Особенности эти касаются самого характера разсказа, какъ самого достовѣрнаго. Во 1-хъ, сказаніе Григорія утверждаетъ для насъ несомнѣннымъ свидѣтельствомъ его самого,—свидѣтельствомъ, подтверждаемымъ всею личною, письменною дѣятельностію его,—то, что Св. Писаніе было преложено первопросвѣтителями нашими именно на тотъ языкъ, который, со времени преложенія, сталъ одинаково общимъ въ письменномъ употребленіи, какъ въ Руси, такъ и въ Болгарѣхъ Дунайскихъ, и прозвася съ того времени грамота Словенская. Труды самого Григорія, сохранившіеся у насъ въ драгоцѣнномъ болгарскомъ пъборьникѣ X вѣка, свидѣтельствуютъ эту тожественность, и затѣмъ, Соложеніе это оказывается внѣ всякаго спора и сомнѣнія. Ясно и неоспоримо такимъ образомъ самый капитальный вопросъ о томъ древнемъ нарѣчіи, на какое были преложены св. Кирилломъ и Меѳодіемъ нѣкоторыя книги Св. Писанія, рѣшается слѣдующимъ удостовѣреніемъ ближайшаго, современнаго участника въ дѣлѣ всесловенскаго первопросвѣщенія: прьвое преложены книги Мораавѣ, яже и прозвася грамота Словенская, есть же грамота сія в Руси и въ Болгарѣхъ Дунайскыхъ». Здѣсь же изчисляются и первопреложенныя книги съ Глаголиты на Кириллицу: Апостолъ, Евангеліе, потомъ: Псалтирь, Октоихъ и вся книгы исплънь ѿ Греческа языка въ Словенскыи ѕ-ю мѣсяць, наченъ ѿ марта мѣсяца сконча до кѕ ѡхтоврія. Во 2-хъ,

здѣсь же мы встрѣчаемъ удостовѣреніе еще и о томъ, что тѣсная, неразрывная умственная и гражданская связь существуетъ, отъ самого начала всей нашей письменности, между Русью и Болгарами Дунайскими. Все это подтверждается въ уцѣлѣвшихъ трудахъ епископа Болгарскаго самымъ дѣломъ, а не однѣми какими-либо гипотезами и апріорными соображеніями. Достовѣрность свидѣтеля ручается здѣсь за достовѣрность свидѣтельства, и на оборотъ; причемъ и то и другое подтверждается самымъ памятникомъ, въ которомъ сохранились переводные историческіе труды перваго просвѣтителя Руси, болгарскаго епископа Григорія. Приведемъ въ доказательство сказаннаго нами изъ:

Изборника Григорія, епископа Болгарскаго, гл. 225, слов. 114, лист. 384, по собственному его Григоріеву переводу.	Св. Евангелія Софійскаго, апракосъ, по списку 1056—57 годовъ, писаннаго въ Новгородѣ для посадника Остромира.

Св. Еванг. Матѳ. Глав. III.

Пріиде бо іоаннъ креститель проповѣда въ поустыни іюдѣистей. и глагола покайтеся, приближи бо ся царство небесное. се бо есть реченное пророкомъ исаиемъ глаголющимъ. гласъ въпиющаго. въ поустыни. оуготовите поуть Господенъ и правы сътворите стезя его. сам' же іоаннъ носяше одежю свою отъ власъ вльбужъ. и поясъ кожанъ о чреслехъ его. пища же его бѣ проузи. и медъ дивии. тогда исхожаше къ нему іерусалимъ и вся июдѣя. и вся страна. и яже окрестъ іордана. и крещахуся въ іордани отъ него. исповѣдающе грѣхы своя. видѣв' же многы фарисея и садукѣи. грядущим' же имъ къ крещенію его рече имъ. ищадіа ехиднова, кто показа вамъ. бѣжати отъ грядущаго	Приде иоанъ креститель проповѣдаꙗ въ поустыни иоудейсцѣ, и глаголя. покайтеся приближи бо ся царствие небесьное. сь бо есть реченыи исаіемъ пророкъмь глаголющемь. гласъ въпиющаага въ поустынии. оуготовайте путь господень, правы творите стезя его. самъ же иоанъ имѣаше ризу своя отъ власъ вельбуждь, и поясъ оуснианъ о чрѣслѣхъ своихъ. ѣдъ же его бѣ акридъ и медъ дивий. тогда исхождааше къ нему іерусалимъ, и вьсꙗ иоудеа, и вьсꙗ страна иерданьская, и крьщаахуся въ ерданьсцѣй рѣцѣ отъ него, исповѣдающе грѣхы своꙗ видѣвъ же мъногы фарисеꙗ и садоукеꙗ грядущя на крьщение его и глагола ищадиꙗ ехидьнова, къто съказа вамъ бѣжати отъ грядущааго

гнѣва сътворите оубо плоды достойны покаянію и не пщуете глаголати въ собѣ. яко отца имамъ авраама. глаголю бо вамъ яко можеть богъ отъ камения сего въздвигнути чяда аврааму. оуже бо секира при корени древа лежить. Всякое оубо дрѣво не творяще плода добра, посѣкается. и въ огнь оумѣтается. азъ убо крещу вы въ водѣ въ покаяніе. а грядыи по мнѣ крѣпліи мене есть. емоуже нѣсмь достоинъ сапогъ понести. тъ вы крестить духомъ святымъ. емоу же лопата в руцѣ его и очистить гоумно свое и изберетъ пшеницю свою въ житницю свою и плевелы сожжеть огнемъ неоугасимымъ.

гнѣва, сътворите плодъ достоинъ покаянию и не начинайте глаголати въ себѣ. отца имаамъ авраама. глаголю бо вамъ, яко можеть богъ отъ камения сего въздвигнути чяда авраамови. оуже бо секыра при корении дрѣва лежить. вьсяко оубо дрѣво еже не творить плода добра, посѣкаемо бываеть. и въ огнь въметаемо. азъ оубо крьщу вы водою въ покаяние: грядыи же по мънѣ, крѣплии мене есть. емоуже нѣсмь достоинъ сапога понести. тъ вы крьститъ духъмь святымь.

Замѣтимъ особенности перевода епископа Григорія Болгарскаго:

Прузи. По списку Остромирову, въ евангеліи Матѳ. гл. 3, въ ст. 4 читается: ѣдь же его бѣ акридъ и медъ дивии; Григоріемъ же переведено: пища его бѣ прѹзи и медъ дивии. Слово прѹзи читается во 1-хъ, въ хранящемся въ Синодальной библіотекѣ подъ № 20, четверо-евангеліи, пергам. рукописи въ 4 д., писанной уставомъ 1144. ѧдь же его бѣ проѹзї. (См. Калайд. Іоаннъ Экзархъ Болгарскій, 104, прим. 57. и Матеріалы для исторіи письменъ греческихъ, римскихъ и славянскихъ. Москва. 1855. стр. 15); во 2-хъ, въ новгородскомъ евангеліи апракосъ, перг. рукописи XII вѣка (1118 — 1128) fol. 231. (См. Русскія извѣстія 10, 73 (по словарю Миклошича); въ 3-хъ въ хранящемся въ Синодальной библіотекѣ подъ № 21 евангеліи недѣльномъ (апракосѣ) — рукописи 1307 г., писанной на пергам. въ листъ: ѣдь же его бѣ проузи. См. Матеріалы для исторіи письменъ восточныхъ, греческихъ, римскихъ и славянскихъ. Москва 1855, стр. 35.

Не пщуете. По списку Остромир. еванг. Матѳ. гл. 3, ст. 9 читается: и не начинайте глаголати въ себѣ. Григоріемъ же переведено:

и не пщуете глаголати въ собѣ. Слово пщуютъ встрѣчается въ евангеліи 1270 г. Лук. гл. IX, ст. 18: кого мѧ пьщуютъ народи быти. См. Миклошича словарь стр. 760.

Въ водѣ. Въ спискѣ по Остромирову евангелію 3 гл. Матѳ. въ ст. 11 читается: азъ оубо кръщу вы водою въ покаꙗніє, Григоріемъ же переведено: азъ ѹбо крєщу вы въ водѣ въ покаꙗніє. Это, по нашему мнѣнію, самый важный варіантъ съ точки зрѣнія православно-восточной церкви,—варіантъ, котораго намъ, между тѣмъ не удалось встрѣтить ни въ одномъ изъ извѣстныхъ древнихъ изводовъ евангелія отъ Матѳея, но который совершенно соотвѣтствуетъ греческому тексту, гдѣ сказано: Ἐγὼ μὲν βαπτίζω ὑμᾶς ἐν ὕδατι εἰς μετάνοιαν. Этотъ переводъ подкрѣпляется парраллельнымъ ему текстомъ у евангелиста Марка. По списку Остром. еванг. отъ Марка гл. 1 въ ст. 8 читается: азъ оубо крьстихъ вы водою, а въ пергам. четверо-евангеліи конца XIII в., рукописи въ 4-ку, мнѣ принадлежащей, читается согласно греческому тексту азъ оубо кр҇тихъ вы въ водѣ — Ἐγὼ μὲν ἐβάπτισα ὑμᾶς ἐν ὕδατι· Изъ этого видно, что переводъ Григорія, епископа Болгарскаго, сдѣланный въ X вѣкѣ, точнѣе и ближе къ подлиннику, чѣмъ славянскіе переводы евангелія, находящіеся въ позднѣйшихъ рукописяхъ.

Мысль, что св. Кириллъ и Меѳодій передали въ наслѣдство Славянамъ не однѣ мертвыя буквы, но и вдохновили ихъ животворящею благодатію православія, заключающагося въ священныхъ богослужебныхъ книгахъ, переведенныхъ ими на языкъ славянскій,—эта мысль была во всѣ вѣка единодушно принимаема всѣми православными славянскими; она сдѣлалась, можно сказать, однимъ изъ священнѣйшихъ преданій славянской церкви, которое съ благоговѣніемъ передавали отцы дѣтямъ, какъ драгоцѣнную святыню.

Въ правдивыхъ словахъ Григорія, епископа Болгарскаго, находимыхъ нами въ его сказаніи о первопросвѣщеніи Славянъ, словахъ, необыкновенно полныхъ мыслію и не многословныхъ по выраженію мысли, и, оттого, не совершенно ясныхъ съ перваго взгляда, раскрывается, для внимательнаго изслѣдователя, цѣлый строй убѣжденій первооснователя нашей лѣтописи. Не очевидна-ли здѣсь для всякаго, при болѣе глубокомъ вниманіи въ дѣло, при знакомствѣ съ характеромъ лѣтописателя по другимъ особенностямъ его тру-

довъ, та великая идея объединенія, которой онъ послужилъ всѣми силами своего высокаго образованія и патріотизма. Убѣжденные вполнѣ, что первымъ написателемъ нашей лѣтописи былъ никто другой, какъ Григорій, пресвитеръ Болгарскій, нѣкогда знаменитый сотрудникъ Болгарскаго царя Симеона и горячій ревнитель всеславянскаго, какъ духовнаго, такъ и гражданскаго развитія и объединенія, а потомъ доблестный наставникъ и сподвижникъ великой княгини Ольги, въ ея просвѣтительной дѣятельности на Руси,—мы, при свѣтѣ этой руководящей мысли, не можемъ закрыть глаза и на тѣ подтвержденія, какія даетъ для этой мысли только что приведенное нами мѣсто изъ нашей лѣтописи. Не ясно-ли сказывается въ немъ тоже задушевное убѣжденіе, тоже одушевленное слово, которыя, зачавшись для Григорія въ Болгаріи, принесены имъ были и на Русь, и въ ней заложены имъ же въ основу самой первой нашей Лѣтописи. Мысль эта, слово это, весь характеръ рѣчи, все это прямое изліяніе души, глубоко проникнутой идеею объединенія всѣхъ Славянъ, идеею единства ихъ по вѣрѣ, единства ихъ по общему корню народности, единства по рѣчи, по слову, по языку. Не споримъ о томъ, что приведенное мѣсто могло и можетъ толковаться различно, смотря потому, болѣе или менѣе внимательно разыскивается и изслѣдуется самое начало, самое происхожденіе нашей лѣтописи. Безъ внимательнаго изслѣдованія объ этомъ началѣ, безъ всякаго сомнѣнія, мы всегда и вездѣ будемъ блуждать только въ потемкахъ. Во всякомъ случаѣ, безспорно, однакоже, то, что, судя по всей связи словъ, по всему строю ихъ, мѣсто это сохранилось вполнѣ въ Лѣтописцѣ Русскихъ Царей. Мудрено опровергать и то, что написатель этого мѣста говоритъ въ немъ прямо о единствѣ всѣхъ Славянъ. Кому приличнѣе какъ не Григорію, епископу Болгарскому, на сколько мы знакомы съ его духомъ, съ его образованіемъ, съ характеромъ его покровителя и образователя, великаго царя Симеона, эта именно мысль единства? Характеръ этой рѣчи свидѣтельствуетъ ясно о характерѣ Григорія, какъ написателя этихъ строкъ первой Русской Лѣтописи и въ свою очередь, характеръ Григорія свидѣтельствуетъ о томъ, что мѣсто это могло быть именно имъ написано.

Краснорѣчиво пользуясь двумя значеніями славянскаго слова

языкъ въ смыслѣ народа, и въ смыслѣ языка, рѣчи, слова, Григорій говоритъ здѣсь прямо сначала о единствѣ вѣры во всемъ славянскомъ языкѣ или народѣ. Полагая первоучителемъ Славянъ Апостола Павла и утверждая, что Русь также отъ славянскаго языка, онъ, строгимъ силлогизмомъ, выводитъ прямо то заключеніе, что и Руси учитель Павелъ. «Того ради», говоритъ онъ, «начало словенскоу ѧзыкꙋ учитель Павелъ. Отъ него же ѧзыка и мы єсмы Рꙋсь. Тѣмъ же и намъ Рꙋси учитель Павелъ». Здѣсь, говоря о Руси, лѣтописатель, хотя и Болгаринъ, не можетъ не заявить съ нѣкоторымъ паѳосомъ и благородною гордостію, что и онъ, хотя Славянинъ, хотя Болгаринъ, но какъ святитель, какъ лице, власть предержащее, также Русь, и мы єсмы Русь, тѣмже и намъ Руси учитель єсть Павелъ. Понятно такое одушевленіе въ человѣкѣ, посвятившемъ всего себя дѣлу Славянства, дѣлу высокаго, народнаго развитія, именно на Руси! Еще далѣе онъ не въ силахъ не подтвердить опять, не удостовѣрить еще разъ, не въ силахъ оторваться отъ мысли, что «словенскый ѧзыкъ и роускый ѧзыкъ єдинъ.» Какъ выше онъ утверждалъ единство православной вѣры для всего Славянства, такъ здѣсь, съ неменьшей увѣренностію, онъ утверждаетъ единство же славянской народности. Наконецъ, принимая слово ѧзыкъ въ смыслѣ уже не народа, а въ смыслѣ языка, рѣчи, слова, онъ старается провести здѣсь ту же мысль о единствѣ Славянъ также и по языку. Указывая на существовавшія тогда два различныя названія Кіявлянъ: Кіяне и Поляне, онъ старается объяснить, что вся разница тутъ происходитъ единственно отъ различнаго только названія: Кіянъ отъ перевоза, а Полянъ отъ мѣстности: Полѧне прозвашасѧ, понеже въ поли сѣдѧхоу. О самомъ происхожденіи перваго изъ этихъ названій мы представили уже наше соображеніе при объясненіи другаго мѣста нашей лѣтописи: здѣсь же мы ограничиваемся только замѣчаніемъ, что объясненіе наше вполнѣ согласуется съ свидѣтельствомъ и настоящаго въ ней указанія.

Лѣтописецъ, увѣряя въ разницѣ существовавшихъ несходныхъ названій Славянъ только по мѣсту ихъ разселенія, заключаетъ рѣчь опять своимъ задушевнымъ убѣжденіемъ: «а ѧзыкъ рѣчь) словеньскый и роускый єдинъ єсть.» Много мыслей возникаетъ въ русскомъ читателѣ при такомъ одушевленномъ словѣ, доносящемся до

насъ изъ самаго первоначала, изъ самой глубины всей нашей отечественной жизни, всего нашего роднаго просвѣщенія; но мы, при нашемъ дѣлѣ собственно только лѣтописнаго изысканія, не можемъ ограничиться однимъ лишь краткимъ указаніемъ на самые зачатки этихъ мыслей въ первоначальной нашей лѣтописи. Дѣло объединенія Славянъ, это великое дѣло всего Славянства, какъ очевидно изъ трудовъ епископа Григорія, задумано и зачато было еще въ Болгаріи. Оттуда оно передано, перешло на Русь и должно, безъ сомнѣнія, не загаснуть, но неизбѣжно завершиться одной изъ наиболѣе могучихъ славянскихъ народностей. Какъ, когда, какими путями—никому неизвѣстно; непреложно только одно, что самая глубокая, коренная связь Руси и Болгаріи въ этомъ дѣлѣ неизгладимо заложена первымъ нашимъ Лѣтописателемъ Григоріемъ, епископомъ Болгарскимъ, какъ свидѣтельствуетъ о томъ Лѣтописецъ Русскихъ Царей, и вся лѣтописная дѣятельность этого великаго нашего первопросвѣтителя.

Въ только что приведенныхъ нами рѣчахъ Григорія можно предполагать, по прямому смыслу слова: Русь, какой дается этому слову въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нашего Лѣтописца, отдаленное указаніе еще на высшее іерархическое значеніе самого Григорія для древней Руси. Значеніе это вполнѣ очевидно еще и по другимъ, до сихъ поръ незамѣченнымъ, несомнѣннымъ свидѣтельствамъ самыхъ достовѣрныхъ древнихъ письменныхъ памятниковъ. Укажемъ ниже эти свидѣтельства, а пока замѣтимъ, въ приводимомъ нами мѣстѣ, нѣкоторое только указаніе на высшее іерархическое достоинство Григорія.

Подъ Русью, какъ мы уже показали въ 1 отдѣлѣ нашего изслѣдованія, разумѣлось, въ древнѣйшей части нашей лѣтописи, все племенитое, все высшее на Руси, всѣ князи и мужи земли Русской. Отъ этого, отъ этой Руси и самая земля и весь народъ прозвалися и прозываются Русью. Отсюда же и всѣ людіе, все простородье, какъ и всякій говоръ, или рѣчь, языкъ на Руси, прозывались русскими. Славяне, какъ мы уже указали и какъ указываетъ собственное ихъ выраженіе о себѣ, были не собственно Русь, не племенство, хотя и однонародье съ Русью, а только люди, простородные, или, какъ сами они о себѣ говорятъ: «мы, Славяне,

простая чадь». [1]) Что народное происхожденіе ихъ было одинаковое, одно и тоже съ Русью, съ племенствомъ, объ этомъ настоятельно удостовѣряетъ древнѣйшій нашъ лѣтописатель: «а словенескь «языкъ и русскій языкъ единъ. А языкъ словеньскый и роускый «единъ есть». Подобное тому происходило въ древности и у другихъ народовъ. Какъ у насъ отъ мужей славныхъ, сіятельныхъ, рос, (слава, сіяніе) весь народъ прозвался русскимъ, Русью, Славянами, людьми, подданными Руси, а земля прозвалась русскою, Русью, такъ и въ другихъ странахъ господствующее, высшее, передовое сословіе сообщило свое имя всему народу, всей землѣ. Укажемъ въ примѣръ на Франковъ, ни Германновъ, Гудовъ, Готѳъ, гдѣ ясно слышится наше племенство. — Впослѣдствіи, самое начало, происхожденіе этихъ названій утратилось, названія же удержались въ смыслѣ только поземельномъ, народномъ, какъ наиболѣе употребительномъ. Сословное значеніе этихъ названій замѣнилось другими различными названіями, какъ родовыми, такъ и жалованными, титулярными. Въ глубокой древности было иначе: тогда, какъ свидѣтельствуетъ древнѣйшая наша лѣтопись, у насъ, на Руси, названіемъ руси, русовъ, чествовалось собственно только племенство, благородство, высшее сословіе мужей. Князь и мужъ были тогда только родовыми, а не жалованными отличіями, прямо Русью.

Пожалованіе въ это высшее достоинство Руси мужей соединялось, вѣроятно, съ какими-нибудь рѣдкими, необыкновенными доблестями и заслугами, какъ мы видимъ это даже и позднѣе, напр., уже по вел. кн. Владимірѣ, на отрокѣ Періаславѣ, пожалованномъ въ мужи Владиміромъ.

Въ этомъ именно смыслѣ, въ смыслѣ высшаго сословнаго достоинства, держась строго древнѣйшаго значенія слова: Русь, мы и обязаны, большею частію, понимать это слово, когда въ древнѣйшей части нашей лѣтописи оно, можетъ быть отнесено къ какой-либо личности, а не къ землѣ, рѣчи, или къ цѣлому народу. Зем-

---

[1]) См. Житіе Меѳодія въ изслѣд. М. И. Сухомлинова о Древ. Рус. Лѣт., стр. 73. (Не на это ли древнее названіе людей, простородья, челядинцевъ, домочадцевъ, Словянъ указываетъ сохранившееся до сихъ поръ обыкновеніе звать прислугу словомъ: люди, человѣкъ (словѣкъ, словакъ)?

ля—землей, рѣчь—рѣчью, народъ—народомъ, а сословіе—сословіемъ. Въ иныхъ случаяхъ подъ однимъ и тѣмъ же названіемъ Руси, очень вѣроподобно, могъ скрываться въ древности, дошедшій, по мѣстамъ и до насъ, не смотря ни на какія позднѣйшія искаженія, древній смыслъ этого слова не только въ поземельномъ, или народномъ, но также и въ сословномъ его значеніи. Такъ, напр., въ приведенномъ нами мѣстѣ, не будетъ особенною смѣлостью предполагать, въ смыслѣ хоть намека, какое именно отдаленное сословное значеніе слова: Руси, если только мы должны твердо помнить это его значеніе въ нашемъ лѣтописцѣ. Григорій говоритъ; «и мы есмы Русь, и намъ Руси.» Перенесемся совершенно въ духъ его времени; прислушаемся къ тогдашнему, а не къ одному нашему, современному только, значенію этого слова: Русь, въ словахъ Григорія. Для его современниковъ, какъ и для него самаго, въ словѣ Русь непременно должно было звучать и слышаться нѣчто высшее, передовое, руководящее людьми, простородьемъ, нѣчто отличное отъ всего остальнаго народа, отъ большинства. Простородье на Руси, замѣтимъ мимоходомъ, въ тѣ времена, какъ большинство еще не христіанское, а только имѣвшее обратиться когда-то въ далекомъ будущемъ къ христіанству, даже и не могло собственно разумѣться здѣсь въ словахъ Григорія, говорившаго о первоучителѣ Руси Апостолѣ Павлѣ. Русь здѣсь, очевидно, означала высшее сословіе на Руси. Къ этой-то Руси, къ этому высшему сословію, Григорій могъ, по всему праву, отнести и себя. Какимъ образомъ? разберемъ это обстоятельство.

Григорій былъ епископъ, пресвитеръ надъ всѣми болгарскими церковниками. Очевидно, по этому высокому своему сану, онъ имѣлъ полное право причислять себя къ высшему, передовому сословію, къ племенству, къ мужамъ, къ Руси; могъ, съ полнымъ сознаніемъ высокаго достоинства своего званія, говорить о себѣ: «и мы есмь Русь, и намъ Руси.„ Такъ онъ и говорилъ; говорилъ, безъ сомнѣнія, не по личной гордости, а по требованію самыхъ обстоятельствъ. Но, почему же Григорій мнихъ могъ называться Русью, другими словами, почему же мы обязаны считать, или не можетъ не считать его епископомъ. Доказательства на это представляютъ самые древніе, вполнѣ достовѣрные памятники, какъ и самая біографія. Выше мы уже привели эти доказательства.

Какъ епископъ, какъ высшее, передовое лицо въ общемъ тогдашнемъ движенiи впередъ всего славянскаго мiра, какъ первопросвѣтитель особенно Руси, въ лицѣ великой правительницы ея княгини Ольги, Григорiй могъ возвѣстить о себѣ, не въ смыслѣ только присоединенiя себя къ новому русскому своему отечеству, но и въ смыслѣ собственно Руси, племенства, что и онъ Русь,— «и мы есмы Русь, и намъ Руси», что и онъ стоитъ впереди, въ высшемъ просвѣтительномъ движенiи всѣхъ Славянъ.

Въ томъ же именно смыслѣ, въ какомъ называетъ себя Русью епископъ Григорiй по сану своего епископства, назывался въ древности Русомъ же и епископъ св. Меѳодiй. Ни по чему другому, конечно, св. Меѳодiй и не могъ называться Русомъ, какъ только по своему епископству. Такъ, въ Далимиловой риѳмованной хроникѣ конца XIII, или начала XIV вѣка, читаемъ о св. Меѳодiи: «Ten arcibiscup Rusin biese, msĕ swatau Slowensky sluziese» (гл. 23)[1].

Изъ сказаннаго становится вполнѣ понятною та мысль, какую Григорiй, по требованiю современныхъ обстоятельствъ, могъ и долженъ былъ стараться провести на Руси, это — мысль о прямомъ преемствѣ святительной благодати, о прямомъ преемствѣ духовнаго учительства и святительства для Руси, непрерывно идущаго отъ самаго Апостола Павла, чрезъ Андроника, и, наконецъ, чрезъ Кирилла и Меѳодiя до него, Григорiя, какъ ближайшаго ученика славянскихъ первоучителей, и, затѣмъ, вмѣстѣ съ нимъ, какъ ихъ настольника въ Руси, переходящаго и на Русь изъ Болгарiи. При самомъ началѣ древняго нашего просвѣщенiя, при томъ высокомъ положенiи, какое занималъ Григорiй при вел. кн. Ольгѣ, такая мысль имѣла особенную, необыкновенную важность, и насадить, утвердить эту мысль въ землѣ Русской было, безъ всякаго сомнѣнiя, великою задачею и священною обязанностiю самого же Григорiя. Конечно, никто другой изъ всей, окружавшей его тогдашней среды не былъ ни столько достоинъ этого дѣла, ни столько способенъ, ни даже облеченъ и поставленъ на такое дѣло, какъ этотъ великiй, древнiй Болгарскiй епископъ, знаменитый сподвижникъ великаго царя Симеона, сподвижникъ и руководитель великой княгини рус-

---

[1]) См. Православiе у Чеховъ, соч. Е. Новикова, М. 1848 г., стр. 15.

ской Ольги, бывшій пресвитеръ, мнихъ, всѣхъ болгарскихъ церковниковъ.

Послѣ всего указаннаго нами здѣсь необыкновеннаго важнаго свидѣтельства въ пользу разсказа Григорія, епископа Болгарскаго, многоученый нашъ профессоръ, вѣроятно, обратитъ вниманіе на этотъ памятникъ глубокой древности.

Такого изученія отечественныхъ нашихъ памятниковъ ожидаетъ наше отечество отъ многоученаго нашего профессора. Г. профессоръ имѣетъ, въ этомъ отношеніи, предо мною то великое преимущество, что судьба предоставила въ распоряженіе его такія громадныя, многоцѣнныя сокровища по древнѣйшему славянскому переводу ветхозавѣтныхъ книгъ, хранящихся въ библіотекѣ Московской духовной академіи, какими я не имѣю возможности пользоваться. Если бы ему, нашему спеціалисту - ученому по этому предмету, пришла счастливая мысль потрудиться надъ изданіемъ этихъ священныхъ памятниковъ первой нашей письменности, безконечною благодарностію были бы обязаны ему всѣ любители отечественнаго просвѣщенія.

Первое, богатое развитіе славянской и вмѣстѣ русской письменности явилось въ золотой вѣкъ для всего Славянства, при первомъ самостоятельномъ развитіи болгарскаго народа въ царствованіе великаго царя его Симеона. Непосредственно изъ Болгаріи перешло оно и въ Россію. Важнѣйшій вопросъ, представляющійся при этомъ для всей славянской современной науки состоитъ въ томъ: когда и какими путями болгарскія книги въ первый разъ явились на Руси. Многіе, и въ томъ числѣ Шафарикъ, полагаютъ, что, можетъ быть, еще до кончины Ольги (969) нѣкоторыя изъ нихъ были уже вывезены изъ Болгаріи (Впослѣдствіи, до самаго Ярослава, церковные пѣвцы на Руси были Болгары, а они, конечно, не приходили же безъ книгъ). Что же касается до самаго перваго появленія у насъ исторической болгарской письменности, то наиболѣе опредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ, вытекающій самъ собою изъ самой первой появившейся на Руси болгарской исторической рукописи, мы надѣемся представить здѣсь же, изъ близкаго разсмотрѣнія этого драгоцѣннѣйшаго для всѣхъ Славянъ памятника.

Изученіе этой именно рукописи, принадлежащей Московскому Главному Архиву М. И. Д. и содержащей въ себѣ древлеславянскій переводъ греческаго хронографа и Лѣтописецъ Русскихъ Царей (какъ труды, большею частію, одного изъ знаменитыхъ просвѣтителей болгарскаго и, вмѣстѣ, русскаго народа, пресвитера Григорія, и перваго составителя лѣтописнаго нашего свода Нестора 1-го) рѣшаетъ, кромѣ сказаннаго, много и другихъ еще, до сихъ поръ нерѣшенныхъ не менѣе, если не болѣе, важныхъ вопросовъ. Относясь къ произведеніямъ древнѣйшей эпохи славянской письменности, труды эти включаютъ въ себѣ большую часть произведеній этой эпохи, которая, безспорно, какъ замѣчаетъ Шафарикъ, «составляетъ неисчерпаемый источникъ для славянскаго языкоизслѣдователя, стремящагося къ болѣе глубокому и основательному изученію состава своего отечественнаго языка. Хотя памятники эти дошли къ намъ только въ позднѣйшихъ спискахъ XI, XII и XIII столѣтій тѣмъ не менѣе представляютъ они и въ этомъ своемъ видѣ, измѣненномъ только въ мелочахъ, а въ сущности оставшихся неприкосновенными, умному и безпристрастному изслѣдователю достаточное свидѣтельство о свойствѣ и составѣ славянскаго языка Кириллова вѣка: изъ чего и можно заключать, какая жатва ожидаетъ славянскихъ филологовъ, если будетъ издано въ свѣтъ больше еще этихъ неоцѣненныхъ памятниковъ такъ же исправно и вѣрно, какъ это сдѣлано уже съ нѣкоторыми».

«Желательно было бы», говоритъ тотъ же знаменитый славянистъ, «чтобы изслѣдователи наши обратили свое вниманіе на имена такихъ знаменитыхъ и заслуженныхъ мужей каковы такъ называемые ученики и преемники седмичисленниковъ: болгарскіе епископъ Константинъ, пресвитеръ Григорій, экзархъ Іоаннъ, черноризецъ Храбръ, монахъ Ѳедоръ Доксовъ, или Дуксъ, и другіе продолжатели святаго дѣла седми первоучителей славянскихъ, съ св. Кирилломъ и Меѳодіемъ во главѣ ихъ». При этомъ, славянскій ученый вспоминаетъ, что долго мы могли только догадываться о распространеніи проповѣди ихъ въ другихъ земляхъ, кромѣ Моравіи и Панноніи, совершенно не зная ни именъ продолжателей, ни дальнѣйшихъ обстоятельствъ жизни и дѣятельности

ихъ; что первый свѣтъ въ этой литературной пустынѣ показался именно только въ 1824 году, послѣ появленія, въ изданіи Калайдовича, Іоанна экзарха Болгарскаго, и что нельзя не надѣяться на еще большее распространеніе этого свѣта, не смотря на все скептическое холодное отношеніе къ этому дѣлу нѣкоторыхъ нашихъ ученыхъ. Увѣренность его въ непосредственномъ и послѣдовательномъ продолженіи трудовъ славянскихъ седмичисленниковъ другими знаменитыми мужами, также оставившими по себѣ слѣды того же дѣла по просвѣщенію Славянъ, начатаго солунскими апостолами совершенно непоколебима. «И точно», говоритъ онъ, «если бы со смертью этихъ двухъ мужей совершенно прекратились переводы и сочиненія на языкѣ славянскомъ, то церковная словесность осталась бы слабой, бѣдной... и, на оборотъ; если бы впослѣдствіи какой нибудь новый Кириллъ или Меѳодій воскресилъ и ввелъ ее въ жизнь, то, безъ сомнѣнія, исторія сохранили бы намъ имя его, память о немъ не исчезла бы совсѣмъ безслѣдно... При всемъ томъ, долго, предолго, все это могло быть покрыто непрогляднымъ мракомъ.... только въ послѣдніе годы (съ 1824 г.) открытіе нѣкоторыхъ, совершенно неизвѣстныхъ, или остававшихся внѣ всякаго вниманія, древнихъ славянскихъ памятниковъ, дало возможность нѣсколько глубже проникнуть во мракъ этого времени, вытти на болѣе свѣтлую почву и замѣтить соотношеніе между событіями. Это дѣло болѣе начато, нежели кончено; каждый день приноситъ намъ какое нибудь новое извѣстіе, новую поправку». Мы, съ своей стороны, всегда вполнѣ раздѣляли и до сихъ поръ раздѣляемъ это же самое мнѣніе, и остаемся также твердо увѣрены, что никакой безпристрастный, непредубѣжденный трудъ въ этомъ святомъ для всѣхъ Славянъ дѣлѣ, не исчезнетъ безъ свѣтлаго слѣда во мракѣ этихъ отдаленныхъ отъ насъ временъ.

Въ этой увѣренности и въ совершенной надеждѣ оказать посильную помощь съ своей стороны нашимъ славянскимъ дѣятелямъ въ изысканіяхъ ихъ относительно этихъ истоковъ литературнаго нашего Нила, столько плодотворныхъ для всего нашего просвѣщенія и нашей письменности, мы, еще въ 1851 году, издали вполнѣ замѣчательный во всѣхъ отношеніяхъ Лѣтописецъ Русскихъ Царей на который, съ тою же цѣлью, указывали нашимъ ученымъ, даже

еще и ранѣе, въ другомъ нашемъ изданіи. Въ предисловіи нашемъ къ этому лѣтописцу, мы старались обратить вниманіе ученаго міра на мало извѣстные еще труды Григорія, пресвитера болгарскаго. Съ изданіемъ этимъ случилось, однакожъ, нѣчто подобное тому, что и съ изданіемъ Іоанна, экзарха Болгарскаго: оно также какъ и это послѣднее, было заподозрѣно нашими скептиками, и, затѣмъ прошло малозамѣченнымъ, по крайнѣй мѣрѣ, не возбудило никого къ изысканіямъ, относительно ни какъ не менѣе, но еще несравненно болѣе чѣмъ экзархъ Болгарскій, о замѣчательной для насъ личности Григорія. Въ памятникахъ нашей древности многознаменательныя отношенія его собственно къ Россіи на столько важны, что не желать изучить и опредѣлить ихъ могло развѣ только крайнее предубѣжденіе и равнодушіе. Не предполагая ничего подобнаго въ искренно ревностныхъ дѣятеляхъ нашей науки, мы находили только одну причину для такой малой доли вниманія къ великой для Россіи личности, именно ту, что раскрытіе ея въ нашихъ лѣтописяхъ перечило и еще перечитъ всѣмъ старымъ авторитетамъ науки, всѣмъ традиціямъ древней греческой партіи на Руси. А эти авторитеты столь достойно окружены всѣмъ подобающимъ благоговѣніемъ со стороны всѣхъ, воспитавшихся подъ ихъ вліяніемъ. Всякое смѣлое, прямое слово на перекоръ имъ здѣсь было бы неслыханнымъ посягательствомъ какъ бы на самую непреложную истину. Каемся въ этомъ:—мы и сами, не малое число лѣтъ преклонялись подъ гнетомъ этихъ господствующихъ именъ и мнѣній, пока не убѣдились, наконецъ, самымъ опытомъ, изъ близкаго, прямаго, свободнаго отношенія къ дѣлу, къ самымъ памятникамъ, что очень многое въ этихъ предвзятыхъ мнѣніяхъ нисколько не оказывается вѣрнымъ при близкомъ сопоставленіи его съ древнею нашею письменностію. Помимо нерѣдкой своей ошибочности въ оцѣнкѣ нѣкоторыхъ весьма важныхъ событій, оно вездѣ болѣе тормозитъ, чѣмъ подвигаетъ впередъ всякое самостоятельное дѣло, всякую неученическую работу. Подводя опять, какъ нѣкогда, подъ древнюю византійскую ферулу славянское самобытное наше развитіе, оно, особенно по мѣстамъ, скрываетъ отъ Славянъ все собственно національное ихъ участіе въ дѣлахъ, и подмѣняетъ его древними греческими нашими учителями. Борьба Славянства съ Византій-

ствомъ, никогда не допускавшая, при всемъ уваженіи Славянъ къ духовенству, обратиться греческому παπᾶς въ папу римскаго, стоитъ вполнѣ самаго близкаго, особаго изученія. Истые Славяне отстаивали себя вездѣ, и отстояли какъ отъ Папизма, такъ и отъ преобладанія Византіи. Не желая, конечно, съ своей стороны, оставаться долѣе въ такой не нашей, не родной, чуждой Славянству сферѣ, мы избрали для себя совершенно иной, можетъ быть, очень одинокій, путь, независимый ни отъ какого предвзятаго взгляда, въ изслѣдованіи древнихъ славянскихъ памятниковъ, и этимъ только путемъ, то-есть, изученіемъ и сличеніемъ самыхъ рукописей, внѣ всякой указки авторитетовъ, рѣшились итти до тѣхъ выводовъ, до какихъ бы ни привелъ онъ насъ этотъ именно только одинъ совершенно самостоятельный путь изслѣдованія.

При такомъ отношеніи къ дѣлу, выводы наши, безъ сомнѣнія, во многомъ должны будутъ пойти въ разрѣзъ со всѣми выводами противуположной точки зрѣнія. Отстаивая Славянъ въ славянскихъ лѣтописяхъ, мы неизбѣжно столкнемся въ нихъ съ враждебною имъ древне греческою партіею, еще живою и дѣйствующею и доселѣ въ поклонникахъ отжившей свой вѣкъ греко-славянской учености. Возстаніе противъ такихъ выводовъ, мы увѣрены напередъ, тутъ будетъ поголовное. Въ награду за всѣ такія невзгоды, намъ останется только то утѣшеніе, что мы по всей совѣсти относимся вѣрно къ нашему предмету. Съ этимъ вмѣстѣ не менѣе утѣшительна и та увѣренность, что истина непреодолима, и что то зерно ея, какое снято нами прямо съ богатой нивы разработки первоосновныхъ нашихъ лѣтописей, даетъ неудержимо свой плодъ сторицею, подъ искусными руками будущихъ новыхъ дѣятелей, хотя, конечно, быть можетъ, тогда, когда уже насъ не будетъ.

При изданіи выше названной нами рукописи, говоря о мало извѣстныхъ трудахъ пресвитера всѣхъ болгарскихъ церквей Григорія, мы высказали о немъ все, что дознали о немъ тогда лично изъ разобранной нами рукописи, и что съ тѣхъ поръ уже принято нашей славянской наукой. Но, съ этого времени и до сихъ поръ еще, нигдѣ ничего больше мы не встрѣчали о Григоріѣ въ новѣйшихъ какъ русскихъ такъ и другихъ ученыхъ трудахъ. И однако, «никогда еще», какъ замѣчаетъ справедливо Шафарикъ, «имя

первоучителя и истиннаго просвѣтителя народа не пропадало, не оставивъ по себѣ какого-либо слѣда, особливо изъ вѣка, столь близкаго», и затѣмъ выражаетъ увѣренность, что «по всему праву мы можемъ заключить, что все, что не принадлежитъ, въ дѣлѣ перваго просвѣщенія Славянъ, непосредственнымъ ученикамъ Кирилла и Меѳодія, должно относиться къ преемникамъ этихъ учениковъ въ эпоху цвѣтущаго состоянія Болгарскаго царства.

Вполнѣ довѣряясь этой же истинѣ, мы терпѣливо, болѣе 20-ти лѣтъ уже, не оставляемъ нашихъ трудовъ по разысканію въ древнихъ памятникахъ новыхъ слѣдовъ многознаменательной для нашего отечества личности Григорія, и, въ настоящее время, въ виду готовящагося отъ Археографической Коммиссіи изданія, гдѣ мы увидимъ также и труды его, не можемъ, наконецъ, не сообщить любителямъ отечественной древности главнѣйшихъ послѣдствій этихъ поисковъ. Посвящая имъ эту статью, мы напередъ всего представляемъ нашимъ читателямъ ту нить нашихъ сообщеній, по которой, мало по малу, мы дошли до тѣхъ выводовъ, которые, не смотря на всю новость ихъ, держатся глубоко и крѣпко на самой древней почвѣ славянской нашей письменности.

Прежде всего насъ занималъ тотъ вопросъ: когда, откуда, какимъ путемъ впервые проникло въ древне-полудикое еще наше отечество, самое первое зерно духовнаго и гражданскаго нашего просвѣщенія. Само собой, безъ какой-либо особенно мощной, живой, личной, просвѣщательной силы, явиться въ немъ оно не могло; не могло оно также и исчезнуть безслѣдно, то есть, не оставивъ по себѣ какихъ-либо памятниковъ, какъ дѣло, слишкомъ важное и, при томъ дѣло письменное да, сверхъ того, не могшее обойтись и безъ участія въ немъ какихъ-либо особенно выдающихся высокихъ личностей, память о которыхъ всегда живетъ въ потомствѣ. По крайнѣй мѣрѣ, такъ вездѣ и всегда начиналось всякое просвѣщеніе, и всякій народъ всегда ревностно отыскиваетъ и всегда находитъ древнихъ своихъ просвѣтителей. Наше просвѣщеніе, думали мы, должно же было имѣть какую-либо связь съ общимъ для всѣхъ Славянъ разливомъ возсіявшаго для нихъ впервые христіанскаго свѣта, и эта связь не могла не быть буквально живая, т. е. не могла не выразиться въ какой-либо свѣтлой личности, преемст-

венно продолжившей у насъ дѣло святыхъ славянскихъ первоучителей. Но кто же именно изъ среды близкихъ къ нимъ продолжателей этого дѣла могъ явиться у насъ въ это время на Руси? Вотъ вопросъ, на который современная исторія нашего просвѣщенія не отвѣчаетъ пока еще ничего.

Пока, однакоже, мы искали и не находили отвѣта на этотъ вопросъ въ лѣтописныхъ основахъ нашей исторіи, намъ приходило на мысль: не откроется-ли намъ какое-либо указаніе для рѣшенія того же вопроса въ другой области нашего просвѣщенія, именно, въ государственной, гражданской его сторонѣ, по близкой связи ея съ другою, духовною ея стороною. Въ тѣ времена особенно, просвѣщеніе христіанской вѣрой стояло неразрывно вмѣстѣ съ государственнымъ преуспѣяніемъ народовъ. Мы задавались при этомъ такими вопросами: кто первый изъ наиболѣе выдающихся просвѣщенныхъ личностей самой древней нашей эпохи наиболѣе могъ содѣйствовать гражданскому развитію древней Руси. Но и здѣсь исторія наша ничего намъ не подсказала. Она говорила только, что въ это именно время, когда мы видѣли на Руси зачавшееся сильное броженіе отъ запавшихъ въ нее новыхъ просвѣтительныхъ христіанскихъ началъ, какъ это было именно во времена Ольги [1]), повсюду вѣяло уже у наиболѣе просвѣщенныхъ племенъ,—примѣръ чему у Славянъ мы видимъ особенно на Болгаріи,—общее стремленіе вступить въ великую семью народовъ, уже получившихъ государственное значеніе въ Европѣ. Центромъ этой великой семьи была римская западная и восточная имперія, иначе, Римъ и Византія. Желаніе родственнаго или духовнаго союза съ ними, черезъ который давалось право царственности, было самымъ завѣтнымъ желаніемъ для тогдашнихъ правителей разныхъ сосѣдственныхъ съ ними племенъ, стремившихся занять свое мѣсто въ средѣ тогдашнихъ просвѣщенныхъ народовъ. Такое желаніе должно было коснуться и древней Болгаріи, какъ это дѣйствительно и случилось, а оттуда, при близости сношеній и племенному сродству, оно должно было, при первыхъ благопріятныхъ условіяхъ, перей-

---

[1]) Русь готовилась уже къ этому просвѣщенію, хотя почти незамѣтно, ещё со временъ Аскольда и Дира.

ти и на Русь. Условіями этими, прежде всего, являлось просвѣщеніе, или, собственно говоря, единовѣріе съ Римомъ или Византіей, какъ съ двумя тогдашними центрами всякой цивилизаціи. Другимъ условіемъ, столько же необходимымъ для правъ царственнаго достоинства, стояло единовластіе. Оба эти условія совпадали въ то время между собою на Руси, именно въ вел. княг. Ольгѣ, когда уже завершался для Болгаріи великій разцвѣтъ ея просвѣщенія. Вел. кн. Ольга была, такъ сказать, тою притягательной силой, которая перезывала на Русь всѣ просвѣтительныя силы Болгарскаго народа,—тою связью, которая долженствовала соединить Русь съ тогдашнимъ христіанскимъ и государственнымъ міромъ просвѣщенія. Она жаждала какъ вѣры, какъ духовныхъ, такъ и вѣчныхъ благъ для своего народа. Но для осуществленія этихъ великихъ цѣлей, недостаточно было только желанія. Необходимы были люди, которые съумѣли бы повести и совершить дѣло просвѣщенія Руси, которые указали бы путь и смогли бы вести и провести по немъ Русскій народъ къ союзу съ христіанской и царственной сосѣдней Византіей. Такихъ людей, вполнѣ знакомыхъ съ тогдашнею христіанскою и государственною жизнію Римской имперіи, не могло, конечно, найтись въ ближайшей, какъ славянской, такъ и варяжской средѣ, окружавшей правителей Руси. Не только тогда, но, какъ извѣстно, даже и много позднѣе, въ видахъ ознакомленія съ цивилизаціей, Русь искала ихъ внѣ этой среды. И люди эти всегда, конечно, находились у ранѣе ее просвѣщенныхъ народовъ, и знакомили ее съ необходимыми для нея пріемами просвѣщенія. Большею частію, узнавъ ея потребности, они сами спѣшили къ ней, предлагая ей свои услуги, и всегда встрѣчали у нея самый почетный пріемъ. Такъ могло, или, лучше сказать, иначе не могло и быть, также и при первомъ началѣ духовнаго и гражданскаго нашего просвѣщенія. Таковъ самый естественный ходъ событій.

Но откуда же именно, въ это самое время, о которомъ мы говоримъ, могли являться на Руси подобные необходимые для нее люди? Изъ Греціи тогда еще они не являлись, такъ какъ Русь, оставаясь языческою, не заявляла еще Византіи открыть своего желанія принять ихъ отъ нея, какъ это мы видимъ на другихъ странахъ; да это бы и не осталось тайной. Изъ Рима также явить-

ся они не могли, по причинамъ такого же рода; при томъ же Русь и не оказывала никогда никакого тяготѣнія къ Риму. Остается, за тѣмъ, въ этомъ отношеніи, одна только Болгарія, и откуда же, какъ не изъ нея, и ъ этой страны близкой къ намъ и по языку и по соплеменности, могли, въ это время, явиться у насъ подобные дѣятели? Исторія не молчитъ о томъ, что въ это самое время въ Болгаріи ярко еще догоралъ золотой вѣкъ Симеона, и искры отъ этого священнаго огня обильно должны были упадать на все близкое къ нему по духу Славянство. Даже и впослѣдствіи, не изъ Болгаріи ли, по разъ проложенному пути, приходили къ намъ во множествѣ церковные пѣвцы, и монастыри болгарскіе воздвигались на Руси? Но самая яркая изъ этихъ искръ должна была освѣтить насъ еще гораздо ранѣе, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ обращеніе къ христіанству вел. княг. Ольги. Обращеніе это произошло, очевидно, не прямо отъ Грековъ, хотя Ольга икрестилась въ Царьградѣ, и до конца жизни осталась вѣрною дочерью восточнаго православія. Гордое отношеніе ея вскорѣ послѣ крещенія въ Византіи, показываетъ ясно, что вмѣстѣ съ христіанствомъ она ни на минуту не переставала быть Славянкою, точно также какъ и Симеонъ Болгарскій, ставши христіаниномъ, никогда не подчинялся Византіи. Одно и то же самобытное, славянское, независимое усвоеніе духовнаго просвѣщенія, какъ послѣдствіе одиой и той же преемственной славянской проповѣди св. славянскихъ апостоловъ говоритъ само за себя и здѣсь и тамъ. Во времена обращенія Ольги еще свѣтло сіялъ живой храмъ Бога всѣхъ христіанъ, воздвигнутый для Славянъ, въ ученикахъ и преемникахъ св. Кирилла и Меѳодія въ Болгаріи. Могли ли не пасть прямо изъ этого храма свѣтъ вѣры и просвѣщенія на близкую Болгаріи Русь; могли-ли ревностные болгарскіе проповѣдники слова Божія не обратить къ ней своего славянски-братскаго роднаго слова проповѣди? И дѣйствительно, оно было обращено: христіанство въ это самое время и является на Руси.

Но кто же именно изъ немногихъ извѣстныхъ намъ, современныхъ Ольгѣ, учениковъ и преемниковъ святыхъ славянскихъ апостоловъ, подвигъ ее, а съ нею и всю Русь, впослѣдствіи, къ принятію христіанства? Вопросъ, безъ сомнѣнія, чрезвычайно

смѣлый, по великой отдаленности временъ и по тому мраку, какимъ и до сихъ поръ еще окружены для насъ эти первые начатки всего нашего просвѣщенія. Но и предполагать, послѣ всего сказаннаго, что-либо противное его основаніямъ, намъ кажется совершенно невозможнымъ. Для лѣниваго скептика возможно тутъ лишь одно: оставить все это подъ сомнѣніемъ. Чтобъ не подымать лишнихъ споровъ и розысканій, конечно, это спокойнѣе; но въ виду важности подобнаго вопроса, мы не считали себя вправѣ останавливаться на этомъ, и продолжали итти впередъ, все по тому же пути соображеній.

Въ отвѣтъ на послѣдній запросъ, изъ этихъ отдаленныхъ временъ намъ слышалось до сихъ поръ только одно, что Ольга дѣйствительно имѣла при себѣ какого-то духовнаго наставника, по имени Григорія, что этотъ Григорій сопровождалъ ее въ ея поѣздкѣ въ Царьградъ, гдѣ не совсѣмъ по его достоинству былъ одаренъ греческими императорами, что у Багрянороднаго онъ названъ не πάπας, а παπᾶς, т. е., высшимъ духовнымъ лицемъ, и что участь его затѣмъ неизвѣстна, хотя при погребеніи Ольги мы и видимъ еще пресвитеровъ. Въ самомъ началѣ нашей лѣтописи упоминается также о нѣкоемъ Григоріи лѣтописателѣ.

Но кто же, и откуда этотъ Григорій?

Для рѣшенія этого вопроса, едва-ли не одного изъ первостепенныхъ въ исторіи духовнаго и гражданскаго нашего просвѣщенія, мы обратились прямо къ тѣмъ памятникамъ, какіе дошли до насъ изъ тѣхъ временъ, какъ въ нашей славянской, такъ и въ византійской письменности.

Въ нихъ прежде всего мы были поражены совпаденіемъ, отнюдь не случайнымъ (иначе чего же нельзя объяснить одною случайностью), слѣдующихъ особенно замѣчательныхъ обстоятельствъ:

1) Отношеніе Ольги къ Византіи по случаю ея крещенія (957 г.) и послѣдующее за тѣмъ сношеніе ея съ Римомъ (959 г.) достаточно ясно намекаютъ на нѣчто подобное въ сношеніяхъ съ Восточною и Западною Римскою имперіею у Болгарскаго царя Симеона, жившаго не за долго передъ этимъ (888—927).

2) При Ольгѣ, какъ и при Симеонѣ, мы также видимъ нѣкоего священника, или пресвитера, по имени Григорія, по всей вѣроят-

ности, не Грека, а Славянина, и знаемъ въ то же время, что Григорій, дѣятельный сотрудникъ царя Симеона въ дѣлѣ народнаго славянскаго просвѣщенія, легко могъ перейти на Русь изъ Болгаріи въ послѣдующее царствованіе сына Симеонова Петра, послѣ 927 г., т. е., вскорѣ послѣ кончины Симеона, когда большая часть дѣятелей золотаго вѣка Болгаріи, мечтавшихъ о продолженіи начавшагося самобытнаго славянскаго развитія, принуждена была, отъ гнета противуположной, византійской партіи, укрыться оттуда въ другія сосѣднія страны, или предана была на казнь и заключеніе въ темницы.

3) Часть трудовъ этого самого Григорія, совершенныхъ имъ по повелѣнію царя Симеона, вскорѣ же за тѣмъ стала уже извѣстна переписанною на Руси, какъ великая драгоцѣнность, именно при Святославѣ, а всѣ въ совокупности его труды, всего вѣроятнѣе, принесены были на Русь имъ самимъ еще гораздо ранѣе.

4) Описаніе событій во времена вел. кн. Ольги, и, особенно, поѣздки ея въ Царьградъ, пополняющее Багрянороднаго и дошедшее до насъ въ нераздѣльной какъ внутренней, такъ и внѣшней связи съ трудами того же Григорія, въ древнѣйшемъ спискѣ (начала XIII вѣка), включающемъ въ себѣ «Лѣтописецъ Русскихъ Царей» указываетъ въ сочинителѣ образованнаго современника многихъ событій, лице, близко стоявшее къ вел. княгинѣ Руссовъ, и, притомъ, болгарина. Въ этой же самой рукописи, въ наиболѣе древней ея редакціи, также говорится о Григоріи, именно, какъ о Лѣтописателѣ. Безъ всякаго основанія не могло же стоять тутъ это имя, хотя въ нѣкоторыхъ другихъ лѣтописныхъ спискахъ, принадлежащихъ къ редакціи уже позднѣйшей, когда въ ученомъ тогдашнемъ мірѣ на Руси возникла уже борьба древне-славянской національной и пришлой изъ Византіи иноземной партіи, имя Григорія подмѣнено уже именемъ Георгія, достаточно напоминающимъ ходячее въ то время на Руси то же имя лѣтописателя—Грека.

5) Въ лѣтописи нашей по «Лѣтописцу Русскихъ Царей», въ отдѣлѣ ея о древнѣйшихъ временахъ Руси, до 970 года, обличающемъ въ составителѣ болгарина и современника, если не очевидца, нѣкоторыхъ событій, мы находимъ также явные слѣды стремленія усвоить тогдашней древней Руси такое же значеніе царствованія и

царства, на основаніи бывшаго въ ней тогда единовластія, какое мы видимъ въ то же время въ другой славянской же землѣ, Болгаріи. Сообразно съ этимъ стремленіемъ, вся эта лѣтопись такъ и озаглавлена: «Лѣтописецъ Русскихъ Царей», что иначе было бы, конечно, нелѣпѣйшемъ анахронизмомъ, какъ для этого, такъ и для всего позднѣйшаго, удѣльнаго періода, къ которому несомнѣнно относится нашъ списокъ лѣтописца.

Сопоставленіе весьма немалочисленныхъ обстоятельствъ, въ громадно-длинной связи проходящихъ по всей нашей лѣтописной исторіи, наводило насъ далѣе на слѣдующія еще мысли.

Мы разсуждали такъ:

Если названная нами рукопись дѣйствительно древняя, что не подлежитъ никакому сомнѣнію, какъ по простотѣ и естественности ея разсказа, записаннаго по мѣстамъ прямо наглядно съ самыхъ событій, такъ и по многимъ выраженіямъ въ ней, какъ это мы увидимъ далѣе; если, притомъ, многое въ ней, въ начальномъ описаніи періода до-удѣльнаго, обличая стремленія ни сколько не современныя ни этому періоду, ни всему ходу описанныхъ въ ней событій (до того времени, когда она могла быть переписана, именно не позднѣе 1219 года), не принадлежитъ, какъ это также несомнѣнно, ни къ поправкамъ, ни къ припискамъ, сдѣланнымъ въ тѣ позднѣйшія времена, когда уже стояло царство, или единовластіе, на Руси, то ясно, что все это должно было быть написано въ совершенно другое, но, однакожъ, совершенно сходное съ этимъ позднѣйшимъ временемъ, до-удѣльное время, когда единовластіе еще царило и еще объединяло всю Русь. Но какое же это другое время, кромѣ того, когда преемственно правительствовали на Руси Олегъ, Игорь, Ольга и Святославъ, и когда именно, близкій къ этому времени, лѣтописатель, описавшій болгарско-русскою рѣчью, какъ очевидецъ, нѣкоторыя событія изъ времени Ольги, могъ по справедливости сказать, въ смыслѣ современнаго ему единовластія, — какъ мы видимъ это въ Лѣтописцѣ Русскихъ Царей: «нача Михаилъ царствовати въ Царѣградѣ, нача царствовати Русская земля». Въ это только, дѣйствительно, время, единовластіе и началось на Руси при Олегѣ. Во всякое другое время, и въ другомъ смыслѣ, когда бы ни было написано, и даже переписано, это выраженіе, оно было

бы вопіющею безсмыслицей. По этому-то именно, хотя также не совсѣмъ съ толкомъ, оно и замѣнено въ позднѣйшихъ редакціяхъ, не понявшихъ сути дѣла, совершенно другимъ выраженіемъ.

Но если этотъ лѣтописецъ, — думали мы еще, — идетъ, какъ по своему заглавію, такъ и по описанію древнѣйшихъ событій на Руси, дѣйствительно изъ этихъ отдаленныхъ временъ, когда люди пишущіе были, такъ сказать, еще на перечетъ и у всѣхъ на виду въ Славянствѣ, и, конечно, принадлежали къ высшимъ дѣятелямъ славянскаго просвѣщенія, болѣе или менѣе близко знавшимъ современныя и ближайшія къ нимъ событія; если, при всемъ этомъ, нашъ лѣтописецъ указываетъ въ своемъ описателѣ этихъ событій, ни какъ не грека, а славянина, именно славянина болгарина, какъ мы укажемъ это ниже; если еще тѣ событія, какія изображаетъ онъ, какъ близко извѣстныя ему, обличаютъ въ немъ современника Ольги, то кто же именно былъ этотъ нашъ первый славянскій лѣтописатель на Руси? Такой вопросъ естественно заставлялъ насъ, для рѣшенія его, еще разъ обратиться по всѣмъ тѣмъ положительнымъ даннымъ, ближайше относящимся къ дѣлу, изъ которыхъ однѣхъ только и могло послѣдовать наиболѣе вѣрное рѣшеніе этого вопроса. Приводя себѣ на память эти данныя, мы видимъ ихъ въ самой близкой, неразрывной между собою связи. По складу и по всей рѣчи, напоминающей въ Лѣтописцѣ Русскихъ Царей болгарина, описателя современныхъ и близкихъ къ нему событій; по имени, ясно говорящему въ немъ о нѣкоемъ Григоріи (а не Георгіѣ) лѣтописателѣ; по мѣсту, занимаемому въ древнѣйшемъ памятникѣ древне-славянской письменности этимъ лѣтописцемъ, стоящимъ въ связи съ трудами Григорія же, пресвитера Болгарскаго; по несомнѣнному участію духовныхъ совѣтовъ также Григорія, въ дѣлахъ вел. кн. Ольги, напоминающихъ собою ясно царственныя и просвѣтительныя стремленія великаго Болгарскаго царя Симеона; по тожеству характера этихъ совѣтовъ съ характеромъ трудовъ Григорія, сотрудника Симеонова, по современности и одноименности съ этимъ Григоріемъ Григорія, совѣтника Ольги; по вѣроятному удаленію Григорія болгарскаго изъ отчизны вслѣдствіе воздвигнутыхъ тамъ гоненій на самобытное славянство; по трудамъ этого знаменитаго славянскаго дѣятеля, являющимся около этого времени на Руси;

по тѣмъ преслѣдованіямъ, какимъ и здѣсь подвергается, въ русскомъ лѣтописномъ мірѣ, также какъ въ Болгаріи, отъ чуждой славянству партіи, имя Григорія, а вмѣстѣ и труды его: по всѣмъ этимъ, какъ и по многимъ другимъ соображеніямъ, мы неизбѣжно приходимъ еще къ послѣднему, окончательному вопросу одному изъ самыхъ коренныхъ, основныхъ вопросовъ въ дѣлѣ всего славянскаго и особенно отечественнаго нашего просвѣщенія.

Вопросъ этотъ такой: кто другой, какъ не тотъ же знаменитый ученикъ и преемникъ славянскихъ седмичисленниковъ, Григорій, пресвитеръ болгарскій, скрывается здѣсь, въ нашихъ лѣтописяхъ, подъ именемъ Григорія, духовнаго совѣтника вел. кн. Ольги? Кто другой, какъ не онъ, покинувши, вслѣдствіе гоненій, свою отчизну, является изъ соплеменной и сосѣдней Болгаріи въ Кіевской странѣ, съ тѣми же словами просвѣщенія, какое онъ проповѣдывалъ еще недавно и устно и письменно, въ золотой вѣкъ Болгаріи? Кто другой, какъ не этотъ же самый Григорій, преемственно продолжая святое дѣло славянскихъ первоучителей, приноситъ впервые къ вел. кн. Ольгѣ зачавшееся съ этого именно времени христіанство на Руси, и обращаетъ къ нему, какъ ее, такъ и многихъ другихъ первохристіанъ кіевскихъ? Кто другой, кромѣ этого Григорія, сообщаетъ равноапостольной нашей Ольгѣ, продолжающей далѣе тоже дѣло славянскихъ апостоловъ, всѣ тѣ великія государственныя думы, отъ которыхъ такъ ярко сіялъ при Симеонѣ золотой вѣкъ Болгаріи? Кто, кромѣ него, въ видахъ наибольшаго водворенія, упроченія и распространенія, и дѣломъ, и словомъ, этихъ самостоятельно славянскихъ просвѣтительныхъ началъ на Руси, побудилъ вел. кн. Ольгу къ ея поѣздкѣ въ Царьградъ, и въ тѣхъ же видахъ, для укорененія тѣхъ же государственныхъ идей на Руси, составилъ самъ первоосновную лѣтописную исторію народа Русскаго: Лѣтописецъ Русскихъ Царей? Всѣ эти вопросы, естественно, не могли не представляться намъ при близкомъ, прямомъ взглядѣ на самое дѣло, при тщательномъ вниманіи къ однимъ только древнимъ нашимъ памятникамъ, и за тѣмъ, всѣ они сливались въ одинъ вопросъ: не Григорій ли, пресвитеръ болгарскій, одинъ изъ просвѣтителей Болгаріи, по преемству собственно славянской Христовой проповѣди, былъ дѣйствительно первымъ просвѣтителемъ также и

древней Руси, а вмѣстѣ и самымъ первымъ нашимъ лѣтописателемъ, предшественникомъ перваго составителя лѣтописнаго нашего свода, Нестора 1-го? При этомъ мы не можемъ не признаться, что для отрицательнаго рѣшенія этого вопроса, въ угоду какимъ-либо древнимъ авторитетамъ славянскаго ученаго міра, мы прямо должны были бы здѣсь поступиться и покривить своей совѣстью, за неимѣніемъ никакихъ чисто документальныхъ возраженій, противныхъ имѣющемуся у насъ подъ руками лѣтописному матеріалу. А однѣ голословныя возраженія, или ссылки на авторитетъ, или же просто сомнѣнія, конечно, обличать тутъ одно только холодное отношеніе къ этому, безспорно, не маловажному отечественному вопросу. Во всякомъ случаѣ, пока не представится намъ какого-либо прямаго свидѣтельства изъ самой древности, изъ ея памятниковъ, въ пользу отрицанія всѣхъ основаній нашего вопроса, мы, съ своей стороны, считаемъ себя ни какъ не вправѣ не стоять за самое положительное его рѣшеніе. Ни древнія наши лѣтописи, ни указанія исторіи вообще, ни естественный ходъ событій, ни строгая логика выводовъ, ничто, наконецъ, кромѣ нѣкоторыхъ предвзятыхъ мнѣній, не говоритъ нигдѣ ничего противъ такого именно рѣшенія.

Посмотримъ теперь на тѣ слѣды, какіе открываются въ хронографахъ и русскихъ лѣтописяхъ, относительно перехода изъ Болгаріи въ Россію первыхъ начатковъ самобытнаго славянскаго просвѣщенія въ лицѣ Григорія мниха, пресвитера всѣхъ церковникъ Болгарскихъ церквей.

Прежде всего мы считаемъ не лишнимъ припомнить здѣсь себѣ тотъ ходъ развитія, какому вообще слѣдовалъ отъ начала и до настоящаго времени нашъ письменный славено-русскій языкъ. Названіе это мы употребляемъ здѣсь для того, что оно, по нашему убѣжденію, выражаетъ вполнѣ дѣйствительный составъ и значеніе нашей русской письменности, какъ самостоятельнаго, славянскаго продолженія и развитія одного общаго для всѣхъ Славянъ языка. Зачавшись отъ колыбели въ Царѣградѣ и перейдя потомъ на Мораву, далѣе въ Болгарію, онъ развивается до юношеской полноты и крѣпости силъ. Здѣсь онъ испытываетъ ихъ надъ всѣми отраслями мысли. Отсюда, естественно, онъ переходитъ на самую близ-

кую, родственную, плодотворную для него почву, сливаясь съ живою, изустною рѣчью древней Руси, мало разнившеюся отъ него, какъ по звуковымъ, такъ и по граматическимъ своимъ формамъ. Древнѣйшіе болгарскіе памятники доказываютъ, что древне-болгарскій языкъ и древне-русская кіевская рѣчь представляли самое близкое родство между собою и были одинъ и тотъ же языкъ славянскій. Сохраняясь при этомъ неприкосновенно, въ первобытныхъ основахъ своихъ, въ переводѣ слова Божія и книгъ церковныхъ, онъ далѣе, съ теченіемъ времени, вліяя отсюда этимъ первоначальнымъ строемъ своимъ на древнюю устную рѣчь великорусскаго народа, претворяется мало по малу, отъ воздѣйствія на него этой живой рѣчи, въ то широкое современное русское слово, которое охватываетъ, наконецъ, цѣлый кругозоръ общечеловѣческой мысли. Не тотъ ли же это новый, общеславянскій языкъ, предъ которымъ, какъ предъ современнымъ англійскимъ языкомъ въ англо-саксонскомъ мірѣ, всѣ другіе письменные говоры въ мірѣ Славянъ, не болѣе, какъ только струйки въ многоводномъ потокѣ. Начатое разъ, это естественное, громадное развитіе славяно-русскаго языка теперь уже незамѣнимо никакимъ другимъ подобнымъ развитіемъ. Невозможенъ уже никакой другой еще, столько же самобытный, славянскій языкъ съ такимъ же вѣковымъ, самостоятельнымъ прошлымъ, какъ нынѣшній велико-русскій языкъ, не рабствовавшій никогда никакому чуждому вліянію отъ самыхъ временъ св. проповѣди славянскихъ апостоловъ. Не подчинившись вліянію латинской мысли и латинской рѣчи, не принявъ латинской азбуки, отвергнувъ главенство папы и принявши чистое православіе съ Востока, православные Славяне не подчинились и Грекамъ. На все заимствованное отъ нихъ они положили печать своей славянской самобытности.

Св. Кириллъ и Меѳодій передали въ наслѣдство Славянамъ не однѣ мертвыя буквы, но и вдохновили ихъ животворящею благодатію православія, заключающеюся въ священныхъ и богослужебныхъ книгахъ, переведенныхъ ими на языкъ славянскій и объясненныхъ ими Славянамъ православно. Эта мысль, во всѣ вѣка, единодушно принималась всѣми православными Славянами и стала, можно сказать, однимъ изъ священнѣйшихъ преданій славянской церкви, благо-

говѣйно, какъ драгоцѣнная святыня, передаваемымъ отъ отцевъ къ дѣтямъ.

Для насъ, Русскихъ, въ особенности знаменательно здѣсь также и то обстоятельство, что время перевода священныхъ книгъ на славянскій языкъ прямо совпадаетъ здѣсь со временемъ основанія нашего государства, Такъ, царство Русское въ 1862 г. торжествовало дѣйствительно вдвойнѣ тысячалѣтній юбилей какъ своего существованія, такъ и перевода Слова Божія на свое родное слово.

Но перейдемъ къ событіямъ и обстоятельствамъ нашего первопросвѣщенія.

Вся могучая сила его, развившая и до сихъ поръ еще развивающая весь міръ Славянъ, заключалась, какъ и всегда заключается, въ родномъ словѣ, въ родной письменности, облекающей высокія истины. Безъ этого слова истина остается недоступною, непонятною народу. Кроясь, въ такомъ случаѣ, лишь въ небольшомъ кружкѣ избранныхъ, она, безъ этого сродственнаго орудія передачи ея большинству, не идетъ расширяясь, какъ свѣтъ по атмосферѣ, отъ центра къ окружности и не озаряетъ животворно народы, а напротивъ замираетъ мало по малу даже и въ самомъ своемъ средоточіи, лишенномъ необходимаго орудія къ дѣятельности. То было и съ христіанствомъ у Славянъ. Не будь дано ему это орудіе для распространенія, и неизвѣстно, до какой малой цифры убавилось бы въ Славянствѣ число послѣдователей той вѣры, которая, при этомъ орудіи, животворитъ и вѣчно будетъ животворить милліоны. Такъ важно родное народу письменное слово въ дѣлѣ его просвѣщенія, и это слово дано намъ Кирилломъ и Меѳодіемъ, составившими славянскую грамату и переложившими на славянскій языкъ Новый Завѣтъ и нѣкоторыя богослужебныя православныя книги. Прямымъ посредникомъ этой передачи былъ для насъ Григорій, мнихъ, пресвитеръ всѣхъ болгарскихъ церковникъ. Кириллъ и Меѳодій, уроженцы Солуня города, населеннаго едва-ли не преимущественно Славянами, быть можетъ, и сами Славяне,—они озарили весь тогдашній славянскій міръ свѣтомъ евангельской проповѣди, и скрѣпили единствомъ вѣры единство кровнаго союза Славянъ (разсѣявшихся какъ въ предѣлахъ Византійской имперіи, такъ и внѣ ея, на югѣ, востокѣ и сѣверѣ Европы), съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ выраженіемъ этой

единой вѣры для всѣхъ Славянъ сталъ этотъ именно єдинъ ѧзыкъ славѧнскїй и эта именно єдина грамота славѧнскаѧ. Слѣдствіемъ такого именно нескончаемаго, плодотворнаго, апостольскаго дѣла ихъ, просвѣщеніе христіанствомъ стало удѣломъ не только тѣхъ славянскихъ племенъ, къ какимъ ходили на проповѣдь сами Кириллъ и Меѳодій, но даже и тѣхъ, къ которымъ не могла достичь ихъ личная проповѣдь. До слуха всѣхъ Славянъ коснулось живое слово ея благодати, возвѣщавшее Славянамъ величіе Божіе на ихъ родномъ языкѣ. Именно, при такомъ благовѣстіи, раздавшемся на весь славянскій міръ въ родныхъ звукахъ славянской рѣчи, крестились, какъ извѣстно, и Неретчане, и частію Русь, около 866 г. при Аскольдѣ, (гдѣ, очевидно, дѣйствовала та же проповѣдь, незадолго, за 10 лѣтъ предъ тѣмъ, принесенная въ Козарскія владѣнія), — крестились и Хорваты, неудовлетворенные проповѣдью латинства; утверждались въ христіанствѣ и Сербы; и всѣ эти племена обратились ко свѣту истины единственно въ силу явленія и воплощенія ея въ родной славянской рѣчи и письменности. Сами Кириллъ и Меѳодій не могли проповѣдывать ни одному изъ этихъ племенъ. Затѣмъ, далѣе, развиваясь въ безконечность грядущихъ временъ, все тоже письменное славянское слово запало огнемъ вѣчнаго слова жизни и въ средоточіе русскаго міра. Мы знаемъ, что хотя апостолы славянскіе и не были сами никогда въ Кіевѣ, однакожъ во 2-й половинѣ IX вѣка здѣсь также являются христіане. Не смотря на всю отдаленность Кіева отъ центра всего православнаго христіанства—древняго Царяграда,—оно все же проникло къ Кіевскимъ Славянамъ въ родной ихъ рѣчи, если не чрезъ Болгаръ, то, вѣроятно, чрезъ Славянъ Козарскихъ, которымъ несомнѣнно проповѣдывали также Кириллъ и Меѳодій. Во всякомъ случаѣ, непреложенъ тотъ историческій фактъ, что Кириллъ и Меѳодій касались своею проповѣдью и нашего отечества, проповѣдуя въ державѣ кагана Козарскаго, гдѣ именно славянская стихія обусловливала миссію ихъ въ этотъ край. Отсюда и Россія, не менѣе какъ и Сербія съ Болгаріей, та же наслѣдница святаго дѣла Кирилла и Меѳодія, того дѣла, для котораго они посвятили жизнь свою преимущественно между Славянами западными, но котораго западные славяне не въ силахъ были отстоять отъ чуждыхъ и

враждебныхъ вторженій. По духу и по мысли славянскіе первоучители всецѣло принадлежатъ намъ. Безъ насъ давно не осталось бы и слѣда славянской грамоты, въ той чистотѣ и широтѣ первоначальной славянской рѣчи, какая слышалась издревле въ устахъ Славянъ и въ какой запечатлѣлись, на вѣчныя времена, письменные труды славянскихъ первоучителей. Безъ насъ же, не было бы давно и помину ни о славянскомъ богослуженіи во всемъ его древнемъ величіи, ни о духовной самобытности Славянъ, ни обо всемъ томъ, чему отдали всю свою жизнь первые просвѣтители славянвянскихъ народовъ.

Конечно, въ то время, о которомъ мы говоримъ, на Руси были только слабые еще начатки православія. Христіанство, распространявшееся въ началѣ своемъ даже гоненіями, теперь, для пріумноженія своего, требовало уже поддержки, а языческая верховная власть при Рюрикѣ, Олегѣ и Игорѣ не могла не относиться къ нему, если и не враждебно, то совершенно равнодушно. Вѣроятно, отсюда, православіе и было принадлежностію только частныхъ лицъ въ Россіи, но никакъ не государства. Самая почва для христіанства была еще нисколько не подготовлена. Вообще быстрое распространеніе его, при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, было, конечно, невозможно. И все это, безъ сомнѣнія, было необходимо для того, чтобы этотъ медленный ростъ истины, соотвѣтственный своему будущему величію, тѣмъ долговѣчнѣе былъ въ великой землѣ Русской.

Другое дѣло было въ Моравіи, гдѣ болѣе другихъ странъ потрудились Кириллъ и Мееодій, и гдѣ, еще при жизни Мееодія, православіе укоренилось глубже, чѣмъ во всѣхъ другихъ славянскихъ земляхъ. Славянская проповѣдь, какъ ихъ самихъ, такъ и ближайшихъ учениковъ ихъ: Горазда, Климента, Лаврентія, Наума и др., при готовой почвѣ для христіанскихъ истинъ, была тамъ особенно плодотворна. По свидѣтельству современника ихъ, католическаго архипресвитера Рихбальда, «во всемъ народѣ было подорвано уваженіе къ латинскимъ обѣднямъ, евангелическимъ чтеніямъ и службамъ тѣхъ, которые совершали ихъ на латинскомъ языкѣ». При кончинѣ Мееодія въ Великоморавскомъ царствѣ было уже, по свидѣтельству житія Климентова (писаннаго Ѳеофилак-

томъ, архіепископомъ болгарскимъ, жившимъ во 2-й половинѣ XI в.), до 200 священниковъ, поставленныхъ самимъ Меѳодіемъ. Но, по смерти его, чрезвычайно скоро, въ теченіи не многихъ лѣтъ, все это опять изчезло. Православіе и его ревнители были изгнаны изъ Моравіи. Пріютъ имъ дала Болгарія.

Здѣсь, на новой почвѣ, подготовленной греческими христіанами, славянскіе учители нашли обильное поле для духовной своей жатвы. Не смотря на преклонныя уже лѣта, самъ государь болгарскій Борисъ, въ крещеніи Михаилъ, сталъ изучать, подъ ихъ руководствомъ, «древнія исторіи и житія святыхъ и слушалъ изъ устъ ихъ Святое Писаніе: очевидно, его привлекалъ, его радовалъ славянскій переводъ библейскихъ книгъ, которыхъ, въ это время, ученики Меѳодіевы могли принести съ собою изъ Моравіи гораздо больше, нежели сколько ихъ было прежде извѣстно въ Болгаріи». Отсюда христіанское просвѣщеніе съ самобытнымъ славянскимъ характеромъ, съ своей особенной славянской рѣчью, разливается по всей Болгарской землѣ. Во главѣ этаго новаго просвѣтительнаго движенія, стоятъ, какъ извѣстно, ученики Меѳодіевы: Горяздъ и Климентъ, одинъ уроженецъ Моравіи, а другой природный Болгаринъ, «какъ бы въ свидѣтельство союза болгарскаго народа съ его славянскими братьями во имя христіанства», какъ замѣчаетъ г. Гильфердингъ.

Но, въ особенности, великое дѣло славянскаго христіанскаго просвѣщенія процвѣтаетъ здѣсь при болгарскомъ царѣ Симеонѣ. При немъ особенно, Болгарія служитъ этому дѣлу со всею ревностію новообращеннаго народа. И евангельская ревность образованныхъ Кирилломъ и Меѳодіемъ наставниковъ, и стремленіе юнаго народа къ умственной дѣятельности, и примѣръ книголюбиваго царя, все соединилось тогда въ Болгаріи, и поставило ее на высшую степень ея духовнаго развитія. Разростаясь и возвышаясь въ сознаніи народа, оно возвышало предъ лицемъ міра и самый народъ и его великаго вождя.

Въ это-то цвѣтущее состояніе болгарскаго народа, при вліяніи на него этихъ новыхъ, явившихся въ немъ христіанскихъ просвѣтителей, онъ производитъ невѣроятное множество книжныхъ трудовъ. Сравнительно въ очень короткое время, у него создается гро-

мадная литература. Область переводовъ, какъ необходимаго введенія въ самостоятельную умственную дѣятельность, занимаетъ въ ней обширное мѣсто. Произведенія собственной, вновь возникшей богословской мысли соединяются съ свѣтскими науками: философіей, словесностью, исторіей и описаніемъ природы; не мало письменныхъ памятниковъ, дошедшихъ и до нашихъ временъ отъ этой славной эпохи въ жизни болгарскаго народа, позволяютъ намъ заключить о множествѣ другихъ подобныхъ трудовъ, затерявшихся въ вѣкахъ, и всѣ они указываютъ на ту великую плодотворность, какая внесена была въ народную мысль славянской письменностью, славянской проповѣдью христіанства, славянскимъ переводомъ св. книгъ. Извѣстны исторіи знаменитые писатели этого времени, великіе подвижники христіанскаго процвѣтанія у Славянъ. Мы говоримъ объ Іоаннѣ, экзархѣ болгарскомъ, епископѣ Константинѣ, Климентѣ Охридскомъ, черноризцѣ Храбрѣ, пресвитерѣ Григоріи и др. Великими трудами этихъ именно просвѣтителей нашихъ еще и въ то время уже даны были всему славянскому міру переводы всѣхъ почти священныхъ и богослужебныхъ книгъ и множества твореній св. отцевъ. Въ теченіе столѣтій, все это читалось, непрестанно перечитывалось, развивало умственную и духовную жизнь народовъ Болгаріи, Сербіи, древней Руси, и все это совершено было трудами учениковъ Меѳодія, пришедшими въ Болгарію въ концѣ княженія Борисова, и особенно потрудившимися въ царствованіе сына его Симеона, ставшаго въ главѣ всего этого великаго развитія. «Самъ государь», говоритъ г. Гильфердингъ, «учавствуетъ въ этомъ свѣтломъ и чистомъ порывѣ народа болгарскаго; воспитанный въ Царьградѣ, вполнѣ усвоившій себѣ греческое образованіе, Симеонъ могъ бы довольствоваться готовыми уже несмѣтными богатствами греческой письменности: нѣтъ, онъ не хочетъ отдѣляться образованіемъ отъ своего народа; греческія книги не удовлетворяютъ его, такъ хорошо знакомаго съ греческимъ языкомъ, что его называли п о л у - г р е к о м ъ: ему нужно, чтобы книги были доступны народу, онъ поощряетъ переводчиковъ, велитъ составлять на славянскомъ языкѣ сборники замѣчательныхъ духовныхъ сочиненій, поручаетъ Константину епископу, ученику Меѳодія, перевести на славянскій языкъ слова Аѳанасія великаго, требуетъ отъ Григорія пре-

свитера перевода хроники Іоанна Антіохійскаго, еще ревностнѣе отца своего Бориса покровительствуетъ неутомимому подвижнику и писателю св. Клименту Охридскому; ему, «царю великому, христолюбцу Симеону», посвящаетъ Іоаннъ экзархъ свой трудъ о сотвореніи міра, составленный по «Василію Великому, Іоанну Златоусту... и Аристотелю философу», и самъ онъ, среди заботъ государственнаго управленія и военныхъ тревогъ, «привыкшій прочитывать всѣ книги» (такъ выражается о Симеонѣ современникъ), дѣлаетъ изъ громадныхъ трудовъ Златоуста сборникъ избранныхъ сочиненій въ славянскомъ переводѣ (такъ называемый Златоструй), сборникъ, который особенно полюбился Болгарскому, а потомъ и Русскому народу. Такъ сознавалъ государь этотъ, величайшій изъ вѣнценосцевъ Болгаріи, свою обязанность быть и вождемъ и просвѣтителемъ народа; такъ онъ, который предписывалъ миръ кесарямъ и великолѣпіемъ своего двора затмѣвалъ старый дворъ византійскій, чтилъ слово и просвѣщеніе»...

Современное извѣстіе о Болгарскомъ князѣ Симеонѣ находится въ хроникѣ Луитпранда кн. III, гл. VIII. Оно любопытно, какъ свидѣтельствующее о любви къ просвѣщенію болгарскихъ правителей въ X столѣтіи:

Tunc et enim Simeonem ἡμίαργον, id est, semigraecum esse ajebant, eo quod a pueritia Bysantii Demosthenis rhetoricam Aristotelis que syllogismos didicerit. Post haec avtem relictis artium studiis, ut aiunt conversationis sanctae habitum sumpsit: vetu paulo post regnandi cupiditate deceptus, ex placida monasterii quiete ad seculi procellam transiit, elegit que potius apostatam Iulianum, quam beatissimum coelestis regni clavigerum imitari. Qui duos filios habuit unum nomine Baianum, alterum qui nunc usque superest, potenterque Bulgaris principatur, nomine Petrum

Въ то время Симеона называли полу-Аргосомъ (ἡμίαργον) т. е. полу-Грекомъ, потому что онъ съ самаго отрочества изучалъ въ Византіи краснорѣчіе Демосѳена и философію Аристотеля. Послѣ сего, оставя заниматься науками, онъ велъ набожную жизнь, но впослѣдствіи, обольщенный желаніемъ царствовать, отъ пріятнаго монастырскаго спокойствія перешелъ къ мірскому шуму, и въ этомъ случаѣ послѣдовалъ болѣе отступнику Юліану, нежели блаженному ключеносцу царствія небеснаго. Онъ имѣлъ двухъ сы-

Baianus autem adeo fertur didicisse magicam, ut ex homine fieri lupum, et quamcunque vellet aliam cerneres feram.

новей: одного именемъ Бояна, а другаго Петра, царствующаго нынѣ у Болгаръ. Говорятъ, Боянъ изучалъ магику, и изъ человѣка сдѣлался волкомъ и началъ кусать другихъ дикихъ звѣрей.

Венелинъ въ критическомъ изслѣдованіи объ исторіи Болгаръ (Москва. 1849 г. стр. 263) предполагаетъ, что Боянъ, упоминаемый въ словѣ о полку Игоревѣ, есть Боянъ Владиміровичь князь Болгарскій, слывшій колдуномъ. Венелинъ основываетъ свое мнѣніе на томъ, что южному Славянину свойственнѣе рискать по тропѣ Трояней, нежели Русскому, и что въ старомъ времени относительно пѣвца Игоря не могло существовать въ Россіи поэта, коему примѣнялись бы восторженныя слова пѣсни.

Греки называли Симеона ἡμίαργον для обозначенія его не какъ полусовременнаго имъ Грека, но какъ полудревняго Грека, полуклассическаго и полу-героическаго, именно потому что Аргосъ, столица героической Греціи, игралъ большую роль въ классической словесности. Весьма замѣчательно, что прилагательное semigraecus придаваемо было и въ Римѣ древнѣйшимъ латинскимъ ученымъ: «antiquissēmi doctorum... poetae et semigraeci erant».—Светон. de claris gram. гл. [1]).

Въ неутомимой ревности о возвеличеніи своего народа, Симеонъ уже давно простиралъ мысль къ возвышенію болгарскаго престола. Съ этою цѣлью онъ предпринялъ войну противъ Византіи. При походѣ своимъ на Царьградъ, Симеонъ, какъ мы уже видѣли, получилъ отъ патріарха цесарское нареченіе. Но, по нѣкоторымъ тогдашнимъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, въ цесарскомъ вѣнчаніи было ему отказано. За этимъ послѣднимъ утвержденіемъ себя въ санѣ цесаря, онъ вынужденъ былъ обратиться въ Римъ и стараться склонить на свою сторону римскаго первосвященника. Папа Николай I не отказалъ прислать Симеону императорскій вѣнецъ и свое патріаршее благословеніе (тогда еще раз-

---

[1]) См. Времен. Импер. Моск. Общ. ист. и древн. Рос. 1851 г. Замѣч. на слово о полку Игоревѣ, Кн. П. П. Вяземскаго, с. 15).

дѣленіе церквей западной и восточной не выражалось открытымъ разрывомъ, и Римъ сохранялъ еще многое, отъ чего отпалъ въ послѣдствіи).

Во все царствованіе Симеона, во всѣхъ дѣлахъ его, такимъ образомъ ясны двѣ главныя, твердо постановленныя и надъ всѣмъ господствующія цѣли, это, во 1-хъ, народное просвѣщеніе, на основахъ православія, съ самобытнымъ какъ по духу, такъ и по буквѣ, славянскимъ характеромъ, и, во 2-хъ, при содѣйствіи этого своеобразнаго народнаго образованія, возведеніе Болгаріи въ значеніе державы первостепенной.

При тогдашнемъ разсѣянномъ, не сплоченномъ между собою никакимъ связующимъ началомъ, разрозненномъ положеніи Славянъ, соединенныхъ, однакожъ, внутреннею, родственною связью, Симеону, естественно приходила мысль, выразить, оформить эту связь какимъ либо прочнымъ государственнымъ союзомъ, объединяющимъ Славянъ, въ видахъ образованія изъ нихъ одного крѣпкаго политическаго тѣла. Съ цѣлью такого объединенія всѣхъ, или многихъ славянскихъ племенъ въ одно стройное цѣлое, ему предлежало, прежде всего, устроить свою собственную страну, какъ такую государственную первоосновную единицу, которая могла бы стать за тѣмъ въ средоточіи всего славянскаго міра, какъ одна крѣпкая, образовательная, объединяющая сила. Для созданія такой именно силы, ему необходимо было обратить Болгарію въ болгарскій народъ, въ царство болгарское. И Симеонъ блистательно достигъ этой цѣли: онъ далъ, дѣйствительно, великое государственное значеніе Болгаріи, онъ сталъ не только царемъ, но даже императоромъ претендентомъ на византійскій престолъ всемірной Римской имперіи. Значеніе Болгаріи относительно правъ государственныхъ онъ поставилъ на ряду съ громаднымъ тогдашнимъ значеніемъ Византіи. Своей Болгаріи, а вмѣстѣ съ ней, и всему славянскому міру, онъ задумывалъ усвоить въ наслѣдіе всю Восточную Римскую имперію, завладѣвъ для этого Византіей. Не суждено было, однакожъ, свершиться этимъ завѣтнымъ думамъ и предначертаніямъ Симеона. Болгарскій народъ не оказался, послѣ него, тою великой, объединяющей силой всего Славянства, которая должна была стать во главѣ его, рано или поздно, наперекоръ врагамъ

его, къ желаннымъ цѣлямъ единства Славянъ. Вспыхнувшая ярко, лишь на самое недолгое время, самобытная, государственная жизнь Болгаріи, угасла въ ней вскорѣ вмѣстѣ съ кончиною Симеона.

Одна только Русь изъ всего Славянства явилась, въ теченіи вѣковъ, тою средоточною государственной крѣпостью, къ которой стянулись и сами собой стеклись многія силы Славянства, составивши потомъ, вмѣстѣ съ нею, одно великое цѣлое. Туда же притекла изъ Болгаріи, и тамъ же развилась, въ пышный разцвѣтъ вся древле-славянская мысль и письменность, начавшись на Руси во дни равноапостольной Ольги, вмѣстѣ съ первохристіанскимъ зачаломъ всего русскаго просвѣщенія, завѣщаннаго ей изъ золотаго вѣка Болгаріи чрезъ посредство одного изъ учениковъ и преемниковъ славянскихъ седмичисленниковъ, Григорія, пресвитера Болгарскаго, сотрудника великаго царя Симеона. Здѣсь же мы находимъ первые зачатки и всего, наставшаго въ свое время, государственнаго объединенія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и всего величія и могущества Руси, за которое впослѣдствіи умирали и жертвовали жизнію и достояніемъ наши народные герои, Пожарскіе, Минины, Сусанины и многіе другіе.

При наслѣдникѣ Симеона померкла вся слава, изчезли всѣ надежды Болгаріи. Сыны его не унаслѣдовали ни доблестей, ни дарованій, ни великихъ стремленій своего отца. Не стало Симеона, и вся Болгарія остановилась какъ бы въ оцѣпененіи. Замерла сила, стремившая ее впередъ по пути развитія и возвышенія. Утративъ въ Симеонѣ великое орудіе своего осуществленія, она покинула Болгарію и удалилась въ другую великую страну славянскую, жаждавшую духовнаго просвѣщенія и готовившуюся къ нему. Сила эта заключалась въ томъ свѣтѣ христіанства, какой принесенъ былъ, въ ковчегѣ славянскаго слова, учениками Меѳодія, изъ просвѣтившейся Моравіи, въ языческій мракъ земли болгарской, гдѣ озаривши Бориса-Михаила христіанина, отсюда онъ разлился по Болгарскому народу и достигъ высшей степени своего сіянія при преемникѣ его, царѣ Симеонѣ, ревнителѣ какъ духовнаго, такъ и государственнаго величія своего отечества. Со смертію этого государя, какъ мы уже сказали, та же, никогда не умирающая вѣч-

но-дѣятельная сила этаго свѣта переселилась, тѣмъ же путемъ, т. е., чрезъ тѣхъ же своихъ носителей и въ томъ же родномъ для всѣхъ Славянъ ковчегѣ, славянской грамотѣ,—въ иную славянскую страну, какъ это мы укажемъ далѣе. Въ Болгаріи же, съ кончиной Симеона покинуты были всѣ высокія, завѣтныя его думы, какъ о водвореніи единовластія во всѣхъ самостоятельно управляемыхъ общинахъ славянскихъ, съ цѣлію образованія изъ нихъ единаго великаго славянскаго союза, такъ и о перенесеніи при этомъ столицы славянскаго государства, по преемству кесарей, въ Царьградъ, какъ издревле царственный для всего восточнаго православнаго христіанства. Всѣ эти мысли изчезли у его преемниковъ подъ хитрымъ вліяніемъ византійской политики. Изчезла, съ тѣмъ вмѣстѣ, и мысль о самобытномъ славянско-христіанскомъ народномъ просвѣщеніи. Ослабла, и вовсе изсякла, въ тоже время, и вся сила, вдохновлявшая народъ Болгарскій въ битвахъ его съ наступавшими отвсюду врагами. Померкла слава Болгаріи, и недруги ея обступили ее, стѣснили, отрѣзали отъ роднаго славянскаго міра, и стали ея владыками. Второй сынъ Семеона, Петръ, сдѣлался усерднымъ слугою византійской политики, для которой такъ прибыльно и такъ необходило было подорвать и уничтожить все воздвигнутое Семеономъ въ Болгаріи стремленіе къ обладанію Царьградомъ. Петръ, хотя и получилъ въ наслѣдіе отъ своего отца царскій титулъ, но, вступивъ въ бракъ, по удачнымъ проискамъ Византіи, съ греческою княжною, внукою императора Романа, онъ тѣмъ самымъ добровольно отдалъ себя во власть безмѣрному вліянію Греціи, ставшею съ тѣхъ самыхъ поръ полною распорядительницею при его дворѣ. Византія, какъ и прежде, признавала также и теперь за болгарскими государями титулъ царя,—Βασιλέως,—но какъ велика была теперь разница этого признанія, отъ того, какимъ было оно при Симеонѣ! Лестное для Петра, теперь оно сдѣлалось равносильно полному отреченію его отъ тѣхъ всѣхъ предначертаній и стремленій, въ виду которыхъ этотъ титулъ былъ принятъ его отцомъ. Симеонъ хотѣлъ,— и это составляло главнѣйшіе его виды,—быть единственнымъ царемъ, преемникомъ царскаго престола; почему, послѣ нареченія его цесаремъ въ Византіи, онъ и вынужденъ былъ искать цесар-

скаго вѣнчанія въ Римѣ; причемъ папа, желая унизить Византію и еще болѣе возбудить противъ нея Болгарію къ препирательству за право цесарей, прислалъ Симеону не только вѣнецъ царскій, но и даровалъ ему, равный съ византійскимъ, титулъ императора, самодержца Римлянъ. Симеону, безъ сомнѣнія, старались внушить, при этомъ, что онъ, во всѣхъ правахъ своихъ, совершенно равенъ съ византійскимъ императоромъ. Напротивъ Петръ, принимая цесарскій титулъ только отъ Византіи, тѣмъ самымъ отнималъ уже у него все самобытное, независимое, дѣйствительное его значеніе, и обращалъ его не болѣе, какъ только въ одну почетную игрушку въ рукахъ самой же Византіи, въ одно безсодержательное, хотя и очень громкое, названіе царя. Симеонъ хотѣлъ быть именно не менѣе, какъ первымъ между вѣнценосцами у христіанъ; Петръ легкомысленно согласился утратить всѣ великіе государственные виды своего отца, стать просто только вторымъ послѣ государя византійскаго, или его «сыномъ», какъ и титуловался онъ во всѣхъ императорскихъ грамотахъ. Въ дѣйствительности онъ былъ только рабомъ и покорнымъ услужникомъ византійскихъ стремленій.

Но весь этотъ тяжелый, превратный ходъ дѣлъ въ Болгаріи, естественно, не могъ не возстановить противъ себя истыхъ сыновъ прежняго живаго движенія ея впередъ, къ высшему современному величію и самобытности, и особенно не могъ онъ не возмущать бывшихъ ближайшихъ сподвижниковъ Симеона, принимавшихъ горячо къ сердцу его царственныя предначертанія, раздѣлявшихъ съ нимъ одни мысли, одни желанія. Теперь для нихъ, видѣвшихъ всю глубину того приниженія, къ какой неудержимо влеклась родная страна ихъ, для нихъ, какъ ни для кого больше, по прежнему близкому стоянію ихъ объ руку съ ихъ вождемъ въ его дѣятельности, становилось особенно ясно, что самостоятельность Болгаріи готова окончательно замереть и никогда не воскреснуть къ прежней жизни, къ прежнему величію, какъ въ государственномъ и просвѣтительномъ, такъ и собственно въ духовномъ своемъ преуспѣяніи. Константинопольскимъ же дворомъ, правда, даровано было Болгаріи, въ это время, даже и особое патріаршество: но и оно также не было ли теперь только новымъ звѣномъ въ цѣпи зависи-

мости для Болгаръ, даже и по церкви, отъ Царьграда? Какъ и титулъ болгарскаго царя, оно было только даромъ отъ Греціи за послуги ей теперешняго болгарскаго владѣтеля.

Всѣ недовольные такимъ новымъ порядкомъ дѣлъ въ Болгаріи, и, въ главѣ ихъ, конечно люди,-стоявшіе ближе къ Симеону, составили особую партію. Открылось возстаніе противъ Петра, сначала подъ предводительствомъ младшаго брата его Іоанна, потомъ, при участіи старшаго, Михаила, нѣкогда насильно постриженнаго еще отцомъ его въ монашество. Обѣ попытки этого мятежа не имѣли, однакоже, никакого успѣха. Всѣ соучастники или были казнены, или разсѣялись по разнымъ странамъ, кто куда успѣлъ удобнѣе укрыться отъ преслѣдованія. Соплеменныя славянскія земли представляли для нихъ, естественно, самый привѣтный и безопасный пріютъ, какъ для дѣятелей, преданныхъ собственно славянскому дѣлу и противниковъ греческаго, враждебнаго отношенія къ славянскому самобытному развитію. Иные бѣжали впрочемъ и въ Грецію.

Впослѣдствіи, духовная дѣятельность болгарскаго народа также скоро увяла, какъ быстро и величаво раскрылась и разнеслась она при самомъ своемъ началѣ. Во времена Петра, болгарскій дворъ нисколько уже не заботился ни о какомъ самостоятельномъ славянскомъ просвѣщеніи народа; частные же люди не имѣли уже возможности, въ эти смутныя времена, по прежнему предаваться свободно словеснымъ мирнымъ трудамъ. Новымъ дѣятелямъ негдѣ было образоваться, а старые, бывшіе сотрудники Симеона, или уже покоились въ могилѣ за свои честныя, родныя, славянскія убѣжденія, или были уже далеко въ другихъ странахъ, гдѣ открывалось для нихъ болѣе широкое, безпрепятственное поле дѣятельности на ту же общую, завѣтную пользу для всѣхъ Славянъ. Въ числѣ этихъ послѣднихъ, покинувшихъ родную страну, не представляющую уже болѣе при царѣ Петрѣ никакой возможности для подобной дѣятельности, находился и младшій изъ подвижниковъ Симеона, трудившійся нѣкогда, по его повелѣнію, надъ переводомъ книгъ Завѣта Божія Ветхаго, Григорій, мнихъ, пресвитеръ всѣхъ церковникъ болгарскихъ церквей. Судя по всѣмъ сохранившимся до сихъ поръ даннымъ, этотъ именно ученикъ Меѳодія перешелъ изъ Болгаріи въ Кіевъ, куда и прибылъ около 946 года.

Относительно пребыванія и дѣятельности знаменитаго болгарскаго пресвитера Григорія какъ въ этомъ средоточіи древней Руси, такъ и прежде того, въ Болгаріи, мы можемъ и должны составить себѣ вѣрное понятіе, возстановляя его черты, доселѣ скрывавшіяся отъ потомства, и слагая изъ нихъ, мало по малу, цѣльный, ясный очеркъ, единственно на основаніи тѣхъ самыхъ указаній, какія представляются внимательному безпристрастному взгляду при изученіи этихъ же его собственныхъ, дошедшихъ до насъ трудовъ. Историческая критика, вездѣ провѣряемая въ своихъ заключеніяхъ о возможности того или другаго обстоятельства въ жизни возсоздаваемаго древняго образа, строгими законами дѣйствительности, и близкое знакомство съ древностію, безспорно, много оказываютъ помощи въ этомъ нелегкомъ дѣлѣ. Но дѣло дѣйствительно не легко, и, однакожъ, задача этого дѣла до того увлекательна, личность одного изъ ближайшихъ учениковъ Кирилла и Меѳодія, пресвитера Григорія, такъ высока, труды его такъ велики и важны и такъ недостойно преданы до сихъ поръ малоизвѣстности, что никакой трудъ не долженъ показаться тяжелымъ для извлеченія ихъ изъ вѣчнаго забвенія.

На основаніи нашихъ данныхъ, мы постараемся прежде всего, по преемству времени, проникнуть мысленно въ тѣ отдаленныя времена золотаго вѣка Болгаріи, когда впервые обозначилось и опредѣлилось будущее великое значеніе Григорія въ судьбахъ какъ болгарскаго, такъ и нашего древняго отечественнаго просвѣщенія. За тѣмъ, мы перейдемъ къ другимъ эпохамъ въ его жизни, причемъ разсмотримъ и самые труды его, и отношеніе его къ нашему отечеству.

И такъ, прежде всего о началѣ дѣятельности Григорія у болгарскаго народа. Тамъ, въ Болгаріи, при царѣ Симеонѣ, любившемъ читать всѣ книги, т. е., не оставлявшемъ безъ вниманія ничего замѣчательнаго, новаго въ нихъ, и посылавшемъ обыкновенно молодыхъ Болгаръ въ Царьградъ для высшаго образованія,— въ числѣ этихъ молодыхъ людей отправляется туда и Григорій. Въ Константинополѣ, въ одномъ изъ высшихъ учрежденій для обученія, онъ внимаетъ преподаванію и свѣтскихъ и духовныхъ наукъ. Просвѣщеніе въ византійской имперіи, начиная отъ IX до XII сто-

лѣтія, стояло на самой высокой степени. Свидѣтельство объ этомъ находится какъ у Гиббона гл. I, III, такъ и у Schöll'я, кн. VI, гл. LXXI, Hist. de la litter. grecque prophane, 2 ed. Paris, 1824. До второй же половины IX столѣтія, послѣ первыхъ преемниковъ Константина Великаго, участь константинопольскихъ образовательныхъ учрежденій была довольно бѣдственная. Главное училище, основанное въ Царѣградѣ Константиномъ Великимъ, гдѣ преподавались разныя отрасли богословія и всѣ другія науки, и учители котораго, принадлежавшіе къ духовному званію, назывались вселенскими, подверглись, въ первой половинѣ VIII вѣка, сильному гоненію отъ иконоборцевъ. Оно существовало, однакоже, и послѣ сожженія зданія, построеннаго Константиномъ. Кромѣ этого училища, въ Царѣградѣ учреждались въ VII и VIII вѣкѣ также и другія училища, именно при монастыряхъ и соборныхъ церквахъ. Въ нихъ также преподавались какъ науки богословія, такъ и современныя, извѣстныя тривіумъ и квадривіумъ. Преслѣдованіе отъ иконоборцевъ коснулось и этихъ училищъ. Только уже при царяхъ Михаилѣ III, Василіѣ Македонянинѣ, Львѣ Премудромъ и Константинѣ Багрянородномъ учрежденія эти стали вновь пользоваться особеннымъ императорскимъ покровительствомъ. Все это имѣло, конечно, особенную важность для нашего славянскаго просвѣщенія. Подъ покровительствомъ Варда просвѣщеніе развилось въ высшей степени. Тому же содѣйствовали своимъ участіемъ Левъ, Іоаннъ Леканомантъ и патріархъ Фотій. Бывшіе сановники и духовные особы избирались между людьми, наиболѣе просвѣщенными. Всѣ науки быстро развились въ тоже время. Въ вѣкъ особенно блестящаго своего развитія, въ то время, о которомъ мы говоримъ, при Константинѣ Багрянородномъ, господствовавшее направленіе въ сочиненіяхъ, подъ ближайшимъ руководствомъ самого императора, ревностно предававшагося изученію наукъ, имѣло характеръ собиранія и объединенія въ одно цѣлое многихъ какъ историческихъ, такъ и другихъ разнообразныхъ познаній. Чтобы усилить въ читающей публикѣ любовь къ чтенію и облегчить чтенію книгъ историческихъ, Константинъ Багрянородный поручилъ, какъ извѣстно, разнымъ ученымъ дѣлать выписки изъ лучшихъ историческихъ греческихъ писателей съ размѣщеніемъ этихъ выпи-

сокъ по отдѣламъ или рубрикамъ. Императоръ полагалъ, что при такомъ выборѣ читатели внимательнѣе и постояннѣе могутъ впечатлѣвать въ умѣ читаемое. Съ этой цѣлію онъ раздѣлилъ разныя сочиненія по предметамъ, числомъ до 53. До нашего времени сохранились отъ нихъ только нѣкоторые отрывки. По порученію Багрянороднаго былъ написанъ подробный, особеннаго состава хронографъ, излагающій событія отъ сотворенія міра.

Молодой Болгарянинъ, горячо преданный дѣлу современной науки, для котораго онъ жилъ въ это время въ Византіи, безъ сомнѣнія, не могъ не слѣдить съ напряженнымъ вниманіемъ за всякими капитальными произведеніями въ научномъ мірѣ. Въ числѣ такихъ новостей былъ и указанный выше хронографъ. Григорій изучалъ это новое произведеніе, задуманное и совершенное по мысли императора. Читая въ этомъ хронографѣ и переводя выписку изъ римскаго писателя Фортуната, онъ заключаетъ переводъ свой слѣдующими словами: «Се же мудрый Фортунатъ римскый хронографъ списа», и добавляетъ отъ себя: «еже твореніе въ Констянтинѣградѣ изобрѣтохъ». Въ этихъ словахъ мы имѣемъ важное, положительное указаніе для біографіи Григорія о томъ, что онъ жилъ въ Константинополѣ, что, въ любознательныхъ занятіяхъ своихъ онъ пріобрѣталъ важнѣйшія современныя рукописи и пріобрѣлъ лично хронографъ Фортуната. Завершивъ свое образованіе въ столицѣ восточныхъ императоровъ, Григорій возвратился въ Болгарію, и, какъ человѣкъ рѣдкихъ качествъ и способностей, какъ одинъ изъ лучшихъ представителей современнаго просвѣщенія, сосредоточивавшагося въ Константинополѣ, онъ призванъ былъ къ царскому болгарскому двору, для содѣйствія своими способностями и познаніями просвѣтительнымъ стремленіямъ своего государя. Вѣроятно, онъ первый и привезъ царю Симеону извѣстіе о составлявшемся тогда въ Константинополѣ новомъ замѣчательномъ хронографѣ, что было, конечно, самою свѣжею и самою любопытною книжною новостью для Симеона. Не желая никакъ отстать отъ современнаго умственнаго движенія, совершившагося въ столицѣ кесарей, которую онъ прочилъ въ резиденцію себѣ и въ столицу своему народу, Симеонъ естественно желалъ имѣть списокъ этого новаго историческаго произведенія, имѣвшаго для него самый живой и тѣмъ большій интересъ, что въ немъ,

по соображеніямъ Симеона, должны были уже быть внесены самыя свѣжія государственныя и политическія событія Византійской имперіи. При тогдашнихъ, почти безпрестанныхъ сношеніяхъ съ константинопольскимъ дворомъ, Симеону не было никакого труда пріобрѣсть чрезъ своихъ посланниковъ списокъ съ этаго хронографа, не смотря на то, что трудъ этотъ не былъ еще оконченъ [1]). Когда Симеону удалось пріобрѣсть этотъ хронографъ и ознакомиться съ его содержаніемъ, то, естественно, онъ пожелалъ, чтобы сдѣланъ былъ ему съ него переводъ для его народа, и кому же всего ближе онъ могъ поручить этотъ трудъ, какъ не Григорію, только что прибывшему изъ Византіи и съ свѣжими силами вступавшему на открытое предъ нимъ ученое поприще? Легко могло статься при этомъ, что самъ же Григорій и былъ отправленъ царемъ въ Константинополь, для пріобрѣтенія и доставки къ нему этаго хронографа, или же самъ онъ безъ всякаго посторонняго внушенія, заинтересованный замѣчательнымъ историческимъ трудомъ, привезъ съ собою изъ Константинополя списокъ съ него и самъ же, какъ знатокъ греческаго языка, предложилъ Симеону свои услуги, въ качествѣ переводчика.

Какъ бы то ни было, но переводъ хронографа Григоріемъ, по повелѣнію царя, былъ сдѣланъ дѣйствительно и явился съ слѣдующимъ заглавіемъ: «Книги Завѣта Божіа Ветхаго, сказающе образы Новаго Завѣта, истинну сущу, преложеныя отъ греческаго языка въ словенскый при князи блъгарьстѣмъ Симеоне, сыне Бориши, Григоріемъ, презвитеромъ мнихомъ всѣхъ церковникъ блъгарскихъ церквій, повелѣніемъ того книголюбца князя Семіона, истиннѣ рещи боголюбца».

Изъ этого-то перевода, сдѣланнаго почти дословно Григоріемъ, мы узнаемъ, что въ основѣ греческаго подлинника его были положены слѣдующія сочиненія:

---

[1]) Мы приблизительно можемъ опредѣлить самое время, когда Симеону была доставлена копія съ этого хронографа. Такъ какъ болгарскій переводъ оканчивается 920 г., подъ которымъ сообщается свѣдѣніе о вѣнчаніи царскимъ вѣнцемъ жены Романа Өеодоры и сына его Христофора, то съ достовѣрностію надо полагать, что вскорѣ послѣ этого событія и была доставлена Симеону копія съ неоконченнаго еще, но доведеннаго только до этого года хронографа.

1) Іосифа Флавія (писателя 1-го вѣка)—Древности Іудейскія, о войнѣ Іудейской и о плѣненіи Іерусалима.

2) Іоанна Малалы (писателя VI вѣка)—хронографъ отъ сотворенія міра до 528 года.

3) Григорія Амартола (писателя IX вѣка)—хронографъ отъ сотворенія міра до 842 года.

4) Хроника Іоанна Антіохійскаго и неизвѣстныхъ его продолжателей, изъ коихъ послѣдній былъ современникомъ Романа и находился еще въ живыхъ, по крайней мѣрѣ, въ 959 г., потому что онъ изчисляетъ годы царствованія Константина Порфиророднаго, именно Симеонъ Лагоѳетъ, какъ замѣчаетъ весьма основательно Э. Г. Фонъ-Муральтъ [1]). Есть основаніе полагать, что греческій подлинникъ хронографа, съ котораго сдѣланъ былъ переводъ Григоріемъ, имѣлъ тогда, или получилъ впослѣдствіи, заглавіе: Παλαιά (Палея). Константинъ Багрянородный пользовался этимъ хронографомъ. Въ своемъ сочиненіи: Примѣры добродѣтелей и пороковъ . . . . онъ дѣлаетъ извлеченія изъ этаго хронографа. Въ предисловіи къ своему сочиненію Константинъ Багрянородный говоритъ: «извлечены они (примѣры добродѣтелей и пороковъ) изъ слѣдующихъ историческихъ твореній: 1) Іосифа древностей, 2) Георгія монаха, 3) хроника Іоанна, прозваннаго Малалою и 4) Іоанна Антіохійскаго.

Таково самое правдоподобное, ни сколько не лишенное исторической основательности и выводимое изъ законовъ самой дѣйствительности, наше предположеніе объ отношеніи Григорія къ Симеону и о дѣятельности его въ Болгаріи. Этимъ же путемъ соображеній мы послѣдуемъ за нимъ и во всей прочей его дѣятельности, пока не придемъ къ подробному разсмотрѣнію самыхъ трудовъ его, отъ которыхъ, какъ отъ основныхъ фактовъ, мы заключаемъ здѣсь отъ дѣйствительности къ возможному. Развившись съ самыхъ юныхъ лѣтъ вблизи громадной личности, подъ обаятельнымъ вліяніемъ царственнаго просвѣтителя и созидателя величія своего отечества,

---

[1]) Въ отдѣльныхъ болгарскихъ спискахъ хроники Георгія Амартола трудъ Іоанна Антіохійскаго и его продолжателей кончается 948, а по другимъ русскимъ хронографамъ онъ значится продолженнымъ до 990 года.

Григорій, естественно, не могъ не проникнуться тѣми же идеями, какъ и Симеонъ. Посвятивши всего себя на служеніе завѣтнымъ думамъ этаго царя-христіанина, онъ и послѣ померкшаго вмѣстѣ съ нимъ болгарскаго золотаго вѣка, не могъ, конечно, отрѣшиться отъ своихъ убѣжденій, не могъ не искать возможнаго для ихъ осуществленія. Во время тяжкихъ смутъ, наставшихъ для Болгаріи, вмѣстѣ съ кончиною ея великаго царя, не предвидя ничего лучшаго ни въ близкомъ ея будущемъ, проницательный Григорій оставилъ родину, гдѣ онъ не находилъ пищи для своего духа, жаждавшаго просвѣтительской дѣятельности. Зная, что изъ славянскихъ племенъ, обитавшихъ на Сѣверо-Востокѣ Европы, образовалось сильное государство, подъ именемъ Руси, и самъ бывъ очевидцемъ, какими русскіе властители были пособниками Симеону въ осуществленіи его мысли овладѣть Византіею, онъ отправился въ Кіевъ, столицу Русскаго государства, въ надеждѣ насадить здѣсь и сѣмяна православія и съ цѣлію попытаться, не удастся ли политическія стремленія и замыслы Симеона перенесть на русскую почву?...

Туда, въ эту обѣтованную для него землю, естественно, онъ долженъ былъ стремиться изъ наставшаго темнаго вѣка для Болгаріи. И случай проникнуть на Русь и сдѣлаться извѣстнымъ самой Ольгѣ, вѣроятно, не замедлилъ ему представиться. Наконецъ, Григорій является въ Кіевѣ, и Ольга, жаждавшая уже и христіанскаго просвѣщенія, и величія своей родины, и истинной славы и счастія для своего сына, узнаетъ Григорія, исполненнаго великихъ думъ и предначертаній для ея отечества.

Въ историческихъ византійскихъ памятникахъ тѣхъ временъ, безъ сомнѣнія, не могло остаться никакихъ свидѣтельствъ ни о томъ, когда и какъ именно Григорій, быть можетъ, бѣдный изгнанникъ, укрылся изъ Болгаріи въ Кіевъ, ни также о томъ, какіе письменные памятники перешли вмѣстѣ съ нимъ на Русь. Путешествіе его, конечно, тайное, не могло быть отмѣчено ни въ какихъ тогдашнихъ памятникахъ; да еслибъ даже было оно и совершенно явное, то, по состоянію тогдашней письменности, не имѣвшей, подобно нашему времени, ни газетъ, ни журналовъ, оно ни въ какомъ случаѣ не могло быть особенно замѣченнымъ. Не ска-

заться въ области славянской письменности и жизни не могло оно только благими своими послѣдствіями для Россіи. Даже и тогда, еслибъ поѣздка его изъ Болгаріи въ Россію была событіемъ несравненно болѣе важнымъ, чѣмъ поѣздка частнаго лица, еслибъ даже она была такимъ торжественнымъ событіемъ, какъ напр. посольство Ольги къ Оттону I и многія тому подобныя происшествія, отдаленныя отъ насъ цѣлыми вѣками, то, и при этомъ даже, оно не могло дойти до насъ ни въ какихъ неопровержимыхъ свидѣтельствахъ. Какъ много чрезвычайно важныхъ тогдашнихъ историческихъ обстоятельствъ, при тогдашней сравнительно безгласности слова, мы узнали и узнаемъ еще никакъ не изъ какихъ либо записокъ о нихъ, до насъ дошедшихъ, а единственно лишь на основаніи тѣхъ послѣдствій, какія, естественно, не могли не произойти отъ нихъ, какъ необходимое дѣйствіе отъ своей причины. Таковы напр., въ числѣ множества другихъ, неоспоримыя заключенія о томъ, что еще задолго до времени Владиміра, въ Кіевѣ было уже распространено христіанство, такъ какъ, по свидѣтельству современника-очевидца, уже при Владимірѣ было не мало церквей, которыя не успѣли бы соорудиться при немъ въ какія нибудь десять, или пятнадцать лѣтъ, а никѣмъ, кромѣ христіанъ эти храмы воздвигнуты, конечно, быть не могли.

Вообще безъ такихъ вполнѣ правдоподобныхъ заключеній, какъ извѣстно, никакая исторія и никакая наука существовать не могутъ. Безъ нихъ, какъ безъ неоспоримой вѣроятности, все въ наукѣ будетъ всегда безсвязно и не можетъ не оставаться безъ важныхъ, совершенно излишнихъ пробѣловъ. Такія заключенія требуются самыми положительными законами человѣческой мысли, вездѣ естественно переходящей отъ причины къ дѣйствію, и отъ дѣйствія къ причинѣ, на основаніи обычной, всегда повторяющейся связи между ними. Таковы же и наши заключенія о томъ, что Григорій, пресвитеръ Болгарскій, высокій сотрудникъ царя Симеона, былъ именно тотъ Григорій, который жилъ и дѣйствовалъ при вел. кн. Ольгѣ на Руси, какъ ближайшій ея совѣтникъ.

Чтобы усумниться въ этомъ, мы должны положительно знать, что это именно не одно и то же лицо. А между тѣмъ никакой историческій документъ не можетъ быть приведенъ въ подтвержденіе

такого предположенія. Даже и косвенно, ни по какимъ несходствамъ характера того и другаго Григорія, мы не можемъ заключить о разности этихъ лицъ, и для насъ остается совершенно непонятнымъ, какъ и до сихъ поръ никто изъ нашихъ ученыхъ, при внимательномъ отношеніи къ дѣлу, не могъ ясно разглядѣть поразительнаго сходства между Григоріемъ, сотрудникомъ Симеона, и Григоріемъ, сподвижникомъ Ольги. Кто другой, кромѣ этого именно Григорія, какъ ближайшаго совѣтника Ольги, или, по крайней мѣрѣ, кто болѣе него, въ окружающей ея средѣ, могъ вдохновить ее тѣми же самыми стремленіями, тѣми же почти пріемами къ ихъ осуществленію, какіе только онъ могъ усвоить себѣ и вынести съ собой изъ Болгаріи, и именно, только изъ бывшихъ близкихъ отношеній своихъ къ Симеону. Такая личность, какъ Григорій, только и могла подвигнуть Ольгу на необъяснимыя безъ того отношенія ея къ Царьграду и, потомъ, къ императору Оттону, а такая личность не могла въ то время ни образоваться, ни развиться ни у Грековъ, какъ отчасти враждебная имъ, ни у кого либо изъ Славянъ, кромѣ Болгаръ, какъ у просвѣщеннѣйшихъ тогда изъ всего славянскаго міра. Отношенія Ольги къ Византіи, въ мало понятной безъ этого именно Григорія, и почти невѣроятной и крайне спорной причинѣ поѣздки ея въ Царьградъ для крещенія, и еще болѣе въ непонятной безъ того причинѣ несомнѣннаго посольства ея къ Оттону, объясняются всѣ очень легко изъ близкаго сопоставленія Симеона и Ольги при посредствѣ Григорія. Въ этомъ посредствѣ мы находимъ прямую разгадку всѣхъ этихъ, нисколько необъяснимыхъ безъ того обстоятельствъ. Удались Ольга, послѣ принятія ею христіанства куда либо въ пустыню, отрекись она отъ всякой царственной дѣятельности, и будь у нея въ тоже время ближайшимъ духовнымъ совѣтникомъ также какой либо Григорій, и даже прямо Григорій изъ Болгаріи, но только другаго характера, и мы точно также обязаны были бы заключить, по этимъ именно дѣйствіямъ Ольги, какъ по необходимымъ слѣдствіямъ совѣтовъ и внушеній этого лица, совсѣмъ противное тому, что необходимо вынуждены заключить теперь о нашемъ Григоріѣ. Григорій этотъ былъ бы вовсе уже не тотъ Григорій, котораго мы знаемъ, и который именно жилъ и дѣйствовалъ въ Болгаріи во времена золотаго, цвѣтущаго ея состоянія,

а какой либо другой, кто нибудь изъ аскетиковъ временъ другаго болгарскаго владѣтеля не Симеона, а Петра, изъ тѣхъ временъ, когда для духовныхъ дѣятелей Болгаріи не оставалось уже болѣе ничего, какъ только удаленіе въ пустыню, и плачъ тамъ и сокрушеніе о глубокомъ паденіи въ ней всякаго широкаго, самостоятельно-славянскаго развитія. Но Григорій, совѣтникъ Ольги, строго судя о немъ по всѣмъ ея дѣйствіямъ, отличается именно такимъ характеромъ, по которому мы, ни минуты не колеблясь, не можемъ не признать его за дѣятеля иныхъ лучшихъ, цвѣтущихъ временъ его родины, а эти именно времена, какъ ближайшія къ вѣку Ольги, были времена только Симеона, при которомъ мы и находимъ въ числѣ литературныхъ его сотрудниковъ-христіанъ, одну особенно выдающуюся личность пресвитера болгарскаго, юнаго Григорія, трудившагося, по повелѣнію Симеона, надъ тѣмъ самымъ письменнымъ памятникомъ, который вскорѣ за тѣмъ, послѣ Симеона, появляется на Руси, гдѣ, вмѣстѣ съ нимъ, является тамъ-же и тогда-же, какъ сборникъ Симеоновъ (превратившійся позднѣе въ сборникъ Святославовъ), такъ и самое имя Григорія съ тѣмъ же духовнымъ саномъ, какой имѣлъ и болгарскій пресвитеръ. Предполагать же за тѣмъ, совершенно гадательно, что этотъ не тотъ же самый Григорій, укрывавшійся съ дорогимъ своимъ трудомъ изъ приниженной, по смерти Симеона, Болгаріи и явившійся затѣмъ въ ближайшую къ ней, по сходству языковъ, славянскую же, наиболѣе дружественную страну, только что начинавшую разцвѣтать и христіански и политически, предполагать все это, безъ всякихъ основательныхъ, равно сильныхъ историческихъ соображеній и свидѣтельствъ, думать иначе, нежели заставляютъ насъ думать всѣ эти неопровержимые факты, мы, съ своей стороны, считаемъ себя никакъ не вправѣ; мы даже боимся такой мечты въ области нашей исторіи, какъ самой нелѣпой научной галлюцинаціи. Отвергать здѣсь возможное и даже дѣйствительное для невозможнаго, для однѣхъ сомнѣній ни на чемъ не основанныхъ, намъ кажется болѣе чѣмъ наивнымъ. Вообще, не желая ни сколько впадать ни въ какую излишнюю мнительность и подозрительность, и рѣшившись разъ навсегда строго держаться одниxъ только ясныхъ, неискаженныхъ указаній въ нашихъ лѣтописяхъ, мы никакъ не въ силахъ отворотиться отъ тѣхъ вопіющихъ свидѣтельствъ, отъ той

чисто исторической правды, съ какими является предъ нами въ нашихъ древнѣйшихъ рукописныхъ памятникахъ высокая личность Григорія. Отечественное, первобытное, чисто славянское просвѣщеніе наше, не менѣе какъ и первоначальное великое значеніе нашей родины въ государственномъ быту народовъ не мало обязаны своей самобытностью именно его горячей ревности о благѣ Россіи. Забвеніе объ этой личности, или холодное невниманіе къ ней равносильно, по нашему убѣжденію, неизвинительной холодности къ общеславянскому дѣлу на Руси.

Прибытіе въ Русскую землю ближайшаго этаго ученика св. апостоловъ Славянства и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятельнаго сотрудника Симеонова въ просвѣщеніи народа Болгарскаго и въ осуществленіи его политическихъ стремленій, конечно, не могло остаться безъ вліянія какъ на умственную, такъ и на политическую жизнь не только тогдашней, но даже, какъ мы видимъ по послѣдствіямъ, и и позднѣйшей Руси. Григорій, водворившись въ Русскомъ государствѣ, жилъ вѣроятно не въ Кіевѣ, а въ предмѣстьи кіевскомъ Почайнѣ, гдѣ была соборная церковь св. Иліи. Онъ путешествовалъ съ вел. кн. Ольгою въ Новгородъ, гдѣ и могъ собрать многія свѣдѣнія и преданія, записанныя имъ въ свой Лѣтописецъ. Разсказъ Григорія о видѣнныхъ имъ въ Новгородѣ баняхъ простодушный сократитель Лѣтописей Григорія и Нестора перваго слилъ съ разсказомъ о путешествіи св. Апостола Андрея, и тѣмъ приводилъ и долго еще будетъ приводить многихъ изслѣдователей въ недоумѣніе.

Чтобы проникшее при жизни св. просвѣтителей Славянства христіанское правовѣріе утвердить между русскими язычниками на болѣе прочныхъ основаніяхъ, для этого Григорій находилъ, конечно, недостаточнымъ обращеніе въ христіанство частныхъ лицъ, для этого нужно было заронить искру божественнаго огня въ душу той великой русской жены, въ которой для тогдашней варварской Руси олицетворялась мысль единовластія, — нужно было познакомить съ христіанствомъ Ольгу правительницу, дабы познавъ сама свѣтъ истины Христовой она явилась вождемъ и въ дѣлѣ просвѣщенія своихъ подданныхъ.

И Григорій, хотя мы не знаемъ, какими путями, дѣйствительно достигаетъ своей цѣли: онъ не только дѣлается извѣстнымъ Ольгѣ,

но является ея ближайшимъ довѣреннымъ лицомъ и совѣтникомъ. Бесѣдуя съ нею на родномъ равно для нея и для него языкѣ, онъ постепенно озаряетъ ея отъ природы свѣтлый умъ лучами высшаго божественнаго свѣта и располагаетъ ея сердце къ принятію чистаго евангельскаго ученія. Ольга готова уже принять крещеніе, она въ душѣ уже христіанка. Но Григорій, прозиравшій въ великую будущность земли Русской, не могъ удовлетвориться тѣмъ, чтобы обратить Ольгу въ христіанство, и затѣмъ предоставить дальнѣйшій ходъ потоку случайностей. Онъ хотѣлъ, чтобы Ольга, вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства, вступила въ союзъ христіанскихъ вѣнценосцевъ, какъ равная имъ, и затѣмъ, чтобы и управляемая ею держава славянская, содѣлавшись христіанскою, съ подобающимъ ей почетомъ, вступила въ семью другихъ державъ христіанскихъ. Для этого онъ, конечно, повѣствовалъ Ольгѣ о тѣхъ высокихъ политическихъ замыслахъ, какіе имѣлъ обожаемый имъ государь Симеонъ, о томъ единовластіи и царственномъ величіи и славѣ, которыя окружали царя болгарскаго, титуловавшаго себя, не обинуясь, самодержцемъ Римлянъ, и наконецъ о томъ, какъ съ смертью Симеона, осиротѣла Болгарія и утратила свои надежды и стремленія, и при этомъ, безъ сомнѣнія, намекалъ повелительницѣ сѣверныхъ Славянъ, что и для нея вполнѣ открытъ путь къ единовластію и такому же царскому достоинству и величію.

Изображая предъ Ольгою государственный бытъ Римской имперіи, пышность и великолѣпіе византійскаго двора, блескъ и величіе, которыми окружали себя императоры, Григорій не могъ не сообщить ей, что не малая доля всѣхъ этихъ знаковъ царственнаго величія сообщилась недавно и молодому царю болгарскому Петру,—что этотъ государь, породнившись съ императорами посредствомъ брачнаго союза со внукою императора Романа, торжественно признанъ отъ византійскаго двора царемъ, равнымъ имъ по достоинству, и уступаетъ имъ только преимущество старѣйшинства,—что какъ въ императорскихъ грамотахъ, такъ и въ самомъ церемоніалѣ пріема пословъ болгарскихъ, Петру отдается византійскимъ дворомъ почетъ гораздо бо̀льшій, чѣмъ самому императору западному. Описывая все это предъ Ольгою, Григорій, конечно, представлялъ ей, съ другой стороны, что ея собственная держава

также Славянская, какъ и царство Болгарское, — что границы ея гораздо обширнѣе болгарскихъ, и что все предвѣщаетъ въ будущемъ еще бóльшее расширеніе ея предѣловъ, такъ какъ ея юный сынъ подаетъ надежды, что пойдетъ по слѣдамъ своихъ доблестныхъ предковъ. Отъ чего бы не быть, конечно разсуждалъ Григорій, другому такому же царству Славянскому, какъ Болгарское? И не вполнѣ ли приличествуетъ быть такимъ царствомъ Руси, въ самое короткое время сложившейся въ такое плотное государственное тѣло? И что для этаго нужно? Очень немногое: чтобы со стороны византійскаго двора (не разъ дознававшаго силу русскаго оружія) признанъ былъ царскій титулъ и царское достоинство за верховнымъ вождемъ и повелителемъ Руссовъ. А для этаго нужно только то, чтобы сынъ ея вступилъ въ брачный союзъ съ особою императорской крови. Разъ признанный и провозглашенный царемъ, воинственный Святославъ еще болѣе возвеличитъ свою державу и царскій титулъ преемственно будетъ переходить отъ отца къ сыну въ его родѣ. Но для этого прежде всего необходимо, чтобы Святославъ также, какъ и сама Ольга, принялъ христіанство; когда же Святославъ сдѣлается христіаниномъ, то въ согласіи греческихъ императоровъ породниться съ нимъ не будетъ, конечно, никакого сомнѣнія.

Такъ разсуждалъ Григорій, бесѣдуя съ Ольгою, и мудрая правительница, имѣя въ виду славу и честь своего рода и благо земли своей, не могла не принять къ сердцу предлагаемыхъ ею Григоріемъ внушеній. Слѣдствіемъ этихъ-то внушеній было извѣстное путешествіе Ольги въ Царьградъ, съ цѣлію лично узнать и убѣдиться, на сколько осуществимы надежды Григорія и порожденныя имъ въ ней самой желанія быть родоначальницей русскихъ царей и создательницей Русскаго царства.

Расположивъ сердце вел. кн. Ольги къ принятію слова Божія и пробудивъ въ ней мысль о высокомъ государственномъ назначеніи, ожидающемъ Русь и ея правителей, Григорій, увлекшись самъ своею идеею о будущемъ царственномъ величіи Руси, видѣлъ эту идею какъ бы уже осуществленною, и чтобы яснѣе передать ее, глубже внѣдрить въ умѣ Ольги и въ сознаніи окружавшихъ ее лицъ и всего Русскаго народа, рѣшился выразить ее въ письменахъ, явился первымъ дѣеписателемъ Руси, озаглавивъ свое твореніе «Лѣтописцемъ Рус-

скихъ Царей». Онъ первоначально написалъ своей Лѣтописецъ отъ Михаила царя до Александра, потомъ, возвратившись съ царицею Еленою изъ Константинополя, дополнилъ свой Лѣтописецъ описаніемъ путешествія вел. кн. Ольги въ Царьградъ, крещенія ея и нареченія царицы Елены дщерію императора Константина, по поводу чего онъ и прибылъ въ своемъ хронологическомъ перечнѣ и до Романа; прибавка эта сдѣлана въ то время, когда въ Кіевѣ узнали о смерти Константина, слѣдственно около 960—961 года. Къ этимъ годамъ слѣдуетъ отнести и посольство изъ Византіи къ царицѣ Ольгѣ. Наименованіе своего историческаго труда Лѣтописцемъ Русскихъ Царей дано было имъ съ очевиднымъ намѣреніемъ утвердить въ умѣ тѣхъ, кому онъ посвящалъ этотъ трудъ, мысль, одушевлявшую его самаго, — что Русь не только должна быть царствомъ, но уже есть царство, и что ея правители—цари, которые по достоинству равны царямъ болгарскимъ.

Всего вѣроятнѣе, что образцомъ для первой нашей лѣтописи послужили не византійскія хроники, а лѣтописи болгарскія, которыя при царяхъ болгарскихъ, безъ сомнѣнія, никакъ не могли озаглавливаться иначе, какъ Лѣтописцами болгарскихъ царей. Отсюда и нашъ первоначальный хронистъ, въ подражаніе своимъ образцамъ, озаглавилъ свое повѣствованіе: Лѣтописецъ русскихъ царей. Что были древнія болгарскія лѣтописи, можно легко заключить по аналогіи, да и есть положительныя свидѣтельства болгарскія. Такъ въ 1202 году, въ посланіи своемъ къ папѣ Иннокентію III, Калояннъ (imperator Bulgarorum et Blachorum) писалъ между прочимъ: «Imprimus petimus ab Ecclesia Romana, matre nostra, coronam et honorem, tanquam dilectus filius, secundum quod imperatores nostri veteres habuerunt. Unus fuit Petrus, alius fuit Samuel, et alii, qui eos imperio precesserunt, sicut in libris nostris invenimus esse scriptum» (Theiner, Vetera monum. Slav. meridion., Romae 1863, XXVI, стр. 16). Въ 1204 году тотъ же Калояннъ (dominus et imperator totius Bulgariae et Blachiae) къ тому же Иннокентію писалъ: «Inquisivi antiquorum nostrorum scripturas et libros, et beatae memoriae imperatorum nostrorum predecessorum leges, unde ipsi sumpserunt regnum Bulgarorum et firmamentum imperiale, coronam super caput eorum et pat-

riarchalem benedictionem, et diligenter perscrutantes in eorum invenimus scripturis quod beatae memoriae illi imperatores, Simeon, Petrus et Samuel... coronam imperii eorum et patriarchalem benedictionem et imperiale firmamentum et patriarchalem benedictionem (et diligenter perscrutantes) acceperunt a summa Dei Romana Ecclesia» (тамъ же, XLIII, стр. 27 [1]).

Вообще Григорій въ своемъ лѣтописцѣ провелъ ту основную мысль, что Русская земля есть царство, что ея обладатели—цари. И проведенная въ этомъ первомъ русскомъ историческомъ трудѣ и, какъ оказывается, первомъ письменномъ памятникѣ, явившемся въ тогдашней Руси, мысль эта не осталась безплодною.

Имѣя въ виду примѣръ Петра, царя болгарскаго, Ольга въ свою очередь рѣшилась искать случая вступить въ родственную связь съ византійскими императорами, и отправилась въ Константинополь, чтобы вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства, вывѣдать, нельзя ли для ея сына Святослава найти здѣсь невѣсту императорской крови, дабы, вступивъ съ нею въ бракъ, онъ могъ быть признанъ византійскимъ дворомъ за такого же царя, какимъ былъ царь болгарскій. И что путешествіе Ольги, совершенное вмѣстѣ съ Григоріемъ, кромѣ чисто-религіозныхъ побужденій, — имѣло, дѣйствительно, и эту политическую цѣль, и что она пыталась осуществить ее, это, кромѣ долговременнаго стоянія Ольги въ Судѣ, въ ожиданіи аудіенціи императорской и продолжительности переговоровъ, и кромѣ другихъ не совсѣмъ обычныхъ обстоятельствъ, при которыхъ было отбыто ея путешествіе, всего яснѣе подтверждается тѣмъ указаніемъ, какое находимъ въ наставленіяхъ, данныхъ Константиномъ Багрянороднымъ его сыну.... Хотя это указаніе не прямое, но всѣ подробности, въ немъ приведенныя въ самое время его написанія (т. е. годъ крещенія Ольги) рѣшительно наводитъ на мысль, что совѣтъ, данный императоромъ сыну, есть не что иное, какъ свѣжій выводъ, сдѣланный имъ вслѣдствіе предложенія, только что полученнаго имъ отъ русской княгини. Такимъ образомъ сватовство Ольги не удалось, да оно и не могло удасться уже по тому

[1]) См. Болгар. словесность XVIII вѣка В. И. Ламанскаго въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1869 г. за Сентябрь, стр. 110.

одному, что не смотря на моленія и на слезныя просьбы матери, Святославъ «ни въ уши пріимаше» совѣты сдѣлаться христіаниномъ. Тѣмъ не менѣе идея о Русскомъ царствѣ глубоко засѣла въ русской почвѣ, и мы видимъ, что Владиміръ, внукъ Ольги, принявъ святое крещеніе, вмѣстѣ съ рукой царевны греческой Анны, получаетъ и царскій скипетръ и корону отъ двора византійскаго. Задушевныя, завѣтныя мысли Григорія о Русскомъ царствѣ и о созданіи свободной, православно-національной славянской церкви въ этомъ царствѣ блистательно осуществились.

Многіе ученые, обыкновенно, разнорѣчатъ въ своихъ предположеніяхъ о тѣхъ побудительныхъ причинахъ, какія могли подвигнуть 65-лѣтнюю Ольгу па такую дальнюю, трудную и небезопасную поѣздку, какъ поѣздка ея въ Царьградъ. Иные, отъ излишняго недовѣрія къ современнымъ почти свидѣтельствамъ, думаютъ сомнѣваться даже въ томъ, дѣйствительно-ли Ольга крестилась въ Царьградѣ. На нашъ взглядъ всѣ эти разнорѣчія и сомнѣнія возникаютъ единственно отъ недостаточнаго вниманія, какъ къ характеру самой Ольги и ея вѣнценоснаго воспріемника, такъ и къ значенію при ней той высокой личности, самое имя которой такъ старательно забывалось и переиначивалось не только списателями, но даже и изслѣдователями нашихъ отечественныхъ памятниковъ древности.

Безъ сомнѣнія, вполнѣ вѣроятно то предположеніе, что Ольга желала видѣть у самаго, такъ сказать, источника, все величіе той вѣры, къ какой склонялась душа ея. Но не менѣе вѣроятно также и то, что твердо уже рѣшившись сдѣлаться христіанкой, она не имѣла никакихъ причинъ отлагать св. крещеніе и не принять его въ Кіевѣ, гдѣ имѣла полную къ тому возможность, если только дѣйствительно она была уже на столько проникнута идеями христіанства, что рѣшилась изъ горячихъ чувствъ благочестія на нелегкую для нея, по ея преклоннымъ лѣтамъ, поѣздку въ Царьградъ, какъ въ тогдашнее средоточіе христіанской святыни. Одно изъ двухъ: или Ольгу подвигло къ такому путешествію истинное ея благочестіе, несомнѣнно засвидѣтельствованное всею ея дальнѣйшею жизнію, и въ такомъ случаѣ тоже благочестіе должно было заставить ее, не отлагая крещенія, стать вполнѣ христіанкою уже

*

въ отечествѣ; или же, не смотря на все ревностное ея желаніе пріять, сколь возможно скорѣе, св. крещеніе, она не менѣе того желала пріять его именно въ Царѣградѣ, по какимъ либо особеннымъ, чрезвычайно важнымъ побужденіямъ, не менѣе дорогимъ ея сердцу и близко связаннымъ съ самимъ этимъ крещеніемъ. Какія же были эти причины? никакихъ подобныхъ побужденій нигдѣ не было и не могло быть до сихъ поръ указано, по недостатку для этаго имѣвшихся до сихъ поръ данныхъ, и никакія изъ всѣхъ высказанныхъ объ этомъ предположеній не имѣютъ за себя вполнѣ правдоподобныхъ историческихъ основаній, какъ это уже и было не разъ заявлено въ мірѣ нашей исторической науки. Вопросъ объ этихъ побужденіяхъ такъ и оставался, даже и до сихъ поръ, нерѣшеннымъ вопросомъ, вмѣстѣ со многими другими вопросами о той же эпохѣ, вполнѣ правдоподобно разрѣшаемыми лишь изъ внимательнаго отношенія къ личности Григорія и всесторонняго сопоставленія ея съ другими современными обстоятельствами. Какъ одна забытая, стертая или искаженная цифра въ математической задачѣ путаетъ все правильное ея рѣшеніе, такъ здѣсь оставленное въ нашихъ рукописяхъ, безъ всякаго должнаго вниманія и даже переиначенное имя пресвитера Григорія мѣшало во многомъ правильному уразумѣнію важнѣйшаго событія въ жизни великой просвѣтительницы нашего отечества.

Послѣдуемъ теперь за Ольгой, сопровождаемой Григоріемъ въ ея поѣздкѣ въ Царьградъ для принятія св. крещенія. Цѣль поѣздки вел. кн. Ольги въ Грецію, какъ мы уже видѣли, не могла быть однѣмъ только чувствомъ благочестія. О путешествіи въ то время въ Царьградъ изъ Кіева нельзя заключать по нынѣшнимъ путешествіямъ къ святымъ мѣстамъ, далеко не представляющимъ тѣхъ трудностей и опасностей, какія представляла поѣздка Ольги. Весьма вѣроятное благочестивое расположеніе въ ней и желаніе принять св. крещеніе въ Царѣградѣ, которымъ всегда, впрочемъ, она могла ускорить, въ виду преклонныхъ своихъ лѣтъ, и въ Кіевѣ, не откладывая его къ концу предпринятаго чрезвычайно дальняго и опаснаго своего путешествія, такое расположеніе, безъ сомнѣнія, соединялось въ ней съ другими, не менѣе важными для нея побужденіями. Въ тотъ вѣкъ, когда жила и дѣйствовала Ольга, вся окру-

жающая ее среда не отрѣшалась еще въ своихъ религіозныхъ побужденіяхъ отъ другихъ, близко связанныхъ съ ними, надеждъ и стремленій. Немаловажную причину, какъ въ принятіи, такъ и въ утвержденіи христіанства, составляли тѣ благія послѣдствія обращенія къ нему, какія могли сопровождать это обращеніе для всего вообще народа. Такъ, мы знаемъ отъ нашего лѣтописца, который не могъ, конечно, въ этомъ отношеніи не передать намъ вѣрно самый духъ своего времени, что Владиміръ на предложеніе ему еврейской вѣры прямо отвергнулъ это предложеніе, на основаніи именно того опасенія, что вѣра эта имѣла гибельныя послѣдствія для Іудеевъ. Такъ, и на оборотъ, великія надежды, осуществленныя христіанствомъ для всей Римской имперіи, особенно живо представлялись нашимъ предкамъ въ близко знакомой имъ Византіи. Участіе въ современномъ ея вселенскомъ величіи и власти, нераздѣльное отъ обращенія въ христіанство, не могло не составлять тогда завѣтной думы для всякаго просвѣщеннаго владѣтеля Славянъ, примѣръ чему мы видѣли въ болгарскомъ царѣ Симеонѣ. Тѣ же идеи, глубоко запавшія въ такую же, какъ и его великую душу Ольги, черезъ посредство ближайшаго въ дѣлѣ христіанскаго просвѣщенія сотрудника Симеонова Григорія, не могли не составлять главнѣйшей цѣли путешествія ея въ Царьградъ. Принять св. крещеніе въ этой великой столицѣ имперіи отъ самаго патріарха, быть воспринятой отъ купели самимъ императоромъ, нарещись его собственно духовной дщерью, все это не могло не имѣть громаднаго значенія для владѣтельницы Руссовъ. По меньшей мѣрѣ, черезъ это духовное сродство, независимо отъ благодати присоединенія къ святой церкви, она заручалась неотъемлемымъ правомъ на «дочернее» именно отношеніе къ Византіи, а такое отношеніе не могло не быть равносильно, какъ мы видѣли выше, собственно «царскому» достоинству, какого до сихъ поръ никогда еще не получали русскіе владѣтели отъ всемірной имперіи. До сихъ поръ, по отношенію къ Византіи они стояли на самой низшей ступени почета, ни чѣмъ не выше Мадьярскихъ, Печенежскихъ, Хорватскихъ, Сербскихъ, Моравскихъ и другихъ князей и титуловались просто только «владѣтелями»; тогда какъ названіе «сына», или вообще «духовнаго чада» по византійскому этикету принадлежало

единственно только царямъ. Это-то именно высшее царственное достоинство для тогдашней Руси Ольга и желала принести ей съ собою отъ св. купели изъ Царяграда. По крайней мѣрѣ эта именно главная цѣль поѣздки ея для крещенія въ Грецію слишкомъ ясно просвѣчиваетъ въ древнѣйшихъ спискахъ изъ подъ тѣхъ сказочныхъ обстоятельствъ, какими обставила пребываніе Ольги въ Константинополѣ не понявшая дѣйствительную истину современная фантазія лѣтописца передѣлывателя, не знавшаго, конечно, ничего о разныхъ тонкостяхъ греческаго этикета. Но великимъ надеждамъ и цѣлямъ Ольги, какъ извѣстно, не суждено было осуществиться тогда же.

Для Ольги, какъ матери Святослава, могла, естественно, заключаться въ той же поѣздкѣ еще и другая, близкая сердцу матери цѣль. При тѣхъ отношеніяхъ Руси къ Византіи, когда недавно еще сами Греки, какъ ясно изъ послѣдняго договора съ Игоремъ, искали утвержденія мира съ Русью, Ольга могла надѣяться на осуществленіе также и этой своей надежды. Святославъ не менѣе Игоря могъ сдѣлаться страшенъ для Грековъ. Въ избѣжаніе этой опасности Греки (какъ могла, не безъ увѣренности, предполагать Ольга) не должны были бы противиться ея желанію, если бы она сдѣлала предложеніе византійскому двору о бракѣ ея сына съ какою-либо греческою принцессою. Съ другой стороны и самъ Святославъ могъ бы подвигнуться такимъ союзомъ на принятіе христіанства, а вмѣстѣ съ тѣмъ могъ бы какъ онъ, такъ чрезъ него могла бы и вся тогдашняя Русь, чрезъ тотъ же самый союзъ, вступить на путь великаго царственнаго значенія и христіанскихъ просвѣтительныхъ преобразованій, на какомъ, со временъ Симеона, стояла уже соплеменная Руси Болгарія. Не суждено было, однакоже, сбыться и этимъ сердечнымъ надеждамъ великой Ольги, которыя должны были бы, въ своемъ исполненіи спасти тогда же отъ языческой дикости и Русь и Святослава. Осуществленіе этихъ завѣтныхъ думъ было, однако, уже не далеко для внука и воспитанника Ольги, равноапостольнаго ея послѣдователя.

И цѣли и надежды эти не могли не одушевлять Ольгу въ ея путешествіи въ Царьградъ. Другихъ, болѣе важныхъ побужденій у нея не было, да и быть не могли въ это именно время, по мнѣ-

нію всѣхъ вообще историковъ. По крайней мѣрѣ изъ всего истиннаго смысла какъ нашихъ, такъ и греческихъ лѣтописей, только и видны эти однѣ причины. О нихъ же свидѣтельствуетъ и самый характеръ Ольги, какъ и духовнаго ея руководителя, которымъ не могъ быть никто другой, какъ бывшій сотрудникъ великаго болгарскаго царя Симеона. Ихъ же доказываетъ, хотя и безлично, не называя никого прямо по имени, вполнѣ отвѣчающее характеру тогдашняго императора византійскаго Константина его наставленіе своему сыну, писанное имъ, судя по всему вѣроятію, именно вскорѣ послѣ этого времени. Въ наставленіи этомъ ясно и настоятельно со всѣми подробностями излагается все это дѣло, точно будто мы видимъ въ очію владѣтельницу тогдашней Руси, ведущую переговоры съ императоромъ на счетъ вступленія въ родственный союзъ съ нимъ ея сына. Вотъ собственныя слова самого императора и его убѣдительныя внушенія своему преемнику: «Услышишь ты», говоритъ Константинъ, «и еще просьбу, по истинѣ неразумную и непристойную, имѣй на этотъ случай подобающій и честный отвѣтъ. Если когда нибудь который изъ тѣхъ невѣрныхъ и дерзкихъ сѣверныхъ народовъ захочетъ вступить въ родство съ римскимъ императоромъ и станетъ или просить у него дочери за своего князя, или предлагать въ невѣсты свою княжну съ тѣмъ, чтобы она сдѣлалась супругою императора или его сына, то ты долженъ слѣдующимъ образомъ отвѣчать на такое нелѣпое предложеніе: запрещено и на святой трапезѣ въ великой церкви положенъ страшный и непреложный завѣтъ великимъ и святымъ Константиномъ, да никогда римскій императоръ не вступаетъ въ родство съ народомъ, который имѣетъ иные обычаи, чуждые Римлянамъ, а пуще всего если этотъ народъ другой вѣры или вовсе не крещенъ. Изъятіе сдѣлано только для однихъ Франковъ, однихъ ихъ исключилъ Константинъ великій, ибо онъ самъ былъ родомъ изъ Франковъ. Поэтому между ними и Римлянами—сродство и постоянныя сношенія; съ ними только позволилъ онъ родниться римскимъ императорамъ, уважая древнюю извѣстность и благородство ихъ. Со всякимъ же другимъ народомъ запрещено было подобное общеніе, такъ что если кто дерзнетъ на такой шагъ, тотъ, какъ нарушитель отеческихъ преданій и императорскихъ законовъ, не долженъ счи-

таться христіаниномъ и предается проклятію». Сказавъ здѣсь объ участи императора Льва VI, нарушившаго этотъ завѣтъ, Константинъ продолжаетъ: «А если кто спроситъ: какъ же императоръ Романъ вступилъ въ родство съ Болгарами и отдалъ внучку свою за князя ихъ Петра? На это должно отвѣчать слѣдующимъ образомъ: императоръ Романъ былъ человѣкъ неученый и неграмотный, выросъ онъ не въ царскомъ дворцѣ; съ дѣтства не слѣдовалъ онъ римскимъ законамъ и не наблюдалъ римскихъ обычаевъ; да и происхожденія-то онъ былъ не царскаго, или благороднаго. Поэтому и поступалъ онъ во многомъ съ большою свободою и не стѣсняясь. Такъ и въ этомъ случаѣ не послушалъ онъ запрещеній церкви и не явился покорнымъ предписанному великимъ Константиномъ, но поступилъ по своему усмотрѣнію, не зная, что честно, отвергая хорошее и благородное, попирая отеческія преданія. Впрочемъ онъ руководствовался здѣсь тѣми похвальными соображеніями, что такимъ способомъ можно было освободить несмѣтное множество христіанъ, томившихся въ плѣну. Далѣе, что Болгары—христіане и притомъ одной вѣры съ нимъ, и наконецъ, что отдалъ въ замужество княжну, которая была дочерью не прямаго и законнаго императора, но третьяго, послѣдняго и подчиненнаго, который не имѣлъ никакой власти въ дѣлахъ государственныхъ. Да и тутъ нельзя извинять поступка Романа близостію или отдаленностію родственной связи княжны съ императорскимъ родомъ, равно и тѣмъ, чтобы дѣло это обусловливалось необходимостію для общаго блага, или что отецъ невѣсты, бывъ послѣднимъ между императорами, не имѣлъ власти. Съ какой бы стороны не разсматривать его, все-же здѣсь важнѣе всего нарушеніе церковнаго правила и завѣта великаго святаго Константина. За то императоръ Романъ въ жизни своей испыталъ много оскорбленій, много взнесено было на него клеветы, много претерпѣлъ онъ ненависти отъ сенаторовъ, народа, даже самой церкви; ненависть эта наконецъ разразилась тѣмъ, что онъ и по смерти презираемъ и пренебрегаемъ, ибо рѣшился на дѣло неблаговидное и недостойное славной Римской имперіи. Каждый народъ, въ отдѣльности взятый, имѣетъ свои отличительные обычаи, законы и обряды; онъ долженъ хранить тѣ, которые всего ближе къ его природнымъ свойствамъ, и самъ рѣшаетъ, что должно

соотвѣтствовать его общежитію. Какъ между животными общеніе существуетъ только между тѣми, которые принадлежатъ къ одному и тому же роду, такъ прилично и людямъ заключать браки не съ иноплеменными и разноязычными, но съ принадлежащими къ одному и тому же племени и языку. При такомъ условіи обыкновенно бываютъ постоянное согласіе и дружественное общеніе и сожительство; разные же нравы и различіе въ законахъ скорѣе поражаютъ непріязнь и разводы, вмѣсто дружбы и общенія. И государи, которые желаютъ царствовать законно, должны слѣдовать примѣру не тѣхъ, которые по заносчивости своей въ дѣйствіяхъ своихъ обнаруживаютъ недостатокъ такта и знанія, но тѣхъ, которые царствовали, соблюдая законы и правду, совершили похвальныя дѣянія, представивъ собою прекрасный образецъ для подражанія. Чрезъ самовольные же поступки всего скорѣе можно испытать участь, какой подвергся императоръ Романъ. Повторяю, что онъ далъ собою разумное доказательство для всякаго, кто только захочетъ соревновать дурнымъ его дѣйствіямъ» [1]).

Какъ ясно во всѣхъ этихъ словахъ, писанныхъ, вѣроятно, не задолго до смерти Константина, послѣдовавшей вскорѣ послѣ свиданія его съ Ольгой, слышатся подробности той дѣйствительности, какая недавно еще была предъ глазами Багрянороднаго. Какъ наглядно сказывается въ нихъ, что именно кто-то изъ владѣтелей сѣверныхъ народовъ уже изъявлялъ желаніе вступить въ родственный союзъ съ императоромъ и просилъ уже у него дочери за своего князя, указывая при этомъ въ примѣръ на императора Романа, отдавшаго свою внуку за болгарскаго князя Петра. Но кто же ближе всѣхъ другихъ, кромѣ нашей вел. кн. Ольги, знавшей вполнѣ всѣ эти событія чрезъ болгарскаго своего наставника Григорія, могъ въ это время указать на этотъ примѣръ, въ подкрѣпленіе своихъ предложеній о такомъ союзѣ? Для кого, какъ не для нея, въ это именно время, такъ естественно было позаботиться, по чувству матери христіанки, о будущемъ христіанскомъ, родственномъ и государственномъ союзѣ Святослава съ Византіей? Самые пере-

---

[1]) См. жизнь и труды императора Константина Багрянороднаго, вып. I. А. Зернина. 1858 г. стр. 88—91.

говоры объ этомъ, вѣроятно, даже и начаты были чрезъ посредство того же Григорія, какъ знатока греческаго и славянскаго языковъ, и, только затѣмъ уже завершились самой Ольгой, при ея свиданіяхъ съ Константиномъ, если только не были прерваны и остановлены въ самомъ началѣ, и не были сочтены недостойными для бесѣды съ греческимъ вѣнценосцемъ, судя по молчанію объ этомъ византійскихъ лѣтописей.

Неблаговоленіе императора къ Григорію, выказавшееся вскорѣ, при первомъ пріемѣ Ольги во дворцѣ, указываетъ также на его участіе въ этихъ переговорахъ.

Но какъ бы ни велись эти переговоры, во всякомъ случаѣ понятно изъ приведенныхъ словъ Константина, какъ глубоко должно было оскорбить римскую гордость императора всякое домогательство Ольги на родственный союзъ ея съ Византіей. Какъ тщательно долженъ былъ стараться скрыть отъ потомства Константинъ подобное свое оскорбленіе, изгладить вовсе, по крайней возможности, самую память объ этомъ горькомъ для него событіи, въ Византіи. Такое стараніе вообще унизить и забыть, сколько возможно, всякое государственное значеніе всякаго варварскаго, т. е. не римскаго, народа ясно у Константина также и по отношенію къ другимъ народамъ, какъ напр. къ болгарскому. Такъ, въ томъ же наставленіи своемъ сыну, онъ съ явнымъ умысломъ не называетъ болгарскаго Петра царемъ, не смотря на всю извѣстность для него тогдашняго царскаго достоинства, признаннаго за болгарскими владѣтелями еще отъ временъ Симеона. Но пребываніе Ольги въ Царѣградѣ не могло, однакоже, не быть вовсе отмѣчено въ лѣтописяхъ Византіи, и по нимъ, въ связи съ нашими лѣтописными сказаніями, мы можемъ представить его себѣ именно въ той дѣйствительности, въ какой, по всему вѣроятію, оно должно было совершиться. Постараемся воспроизвести его, со всевозможною вѣрностію по тѣмъ даннымъ, какія дошли до насъ изъ того времени въ лѣтописи Григорія, съ исключеніемъ изъ нихъ всего вымышленнаго, вошедшаго въ позднѣйшія редакціи нашихъ лѣтописцевъ.

Не легкой путь предстоялъ великой княгинѣ отъ Кіева до Царяграда. Обыкновенно Руссы отправлялись туда въ Іюнѣ, и Ольга

прибыла къ Царьграду, вѣроятно, не ранѣе уже Іюля, если судить объ этомъ по тѣмъ трудностямъ, какихъ не могла она избѣжать на этомъ пути. Прежде чѣмъ пуститься въ него, необходимо было также заручиться мирными отношеніями Пациниковъ, Печенѣговъ и Болгаръ, такъ какъ безъ этаго нельзя было бы не подвергнуться нападенію съ ихъ стороны, которое отражать было вообще не легко. Въ то время, о которомъ мы говоримъ, дружественныя отношенія Руси къ Дунайскимъ Болгарамъ могли еще нѣсколько уменьшать опасности этаго пути, по крайней мѣрѣ у береговъ моря. Многочисленная посольская свита, состоявшая какъ изъ мущинъ, такъ и изъ женщинъ сопровождала при этомъ Ольгу, и въ числѣ этихъ спутниковъ самымъ важнѣйшимъ, безъ сомнѣнія, былъ Григорій, столько необходимый, особенно здѣсь, въ этомъ путешествіи, не только своимъ знаніемъ какъ Болгаріи, такъ и Греціи, но и особенно, какъ главный руководитель всего завѣтнаго дѣла Ольги въ неисходномъ лабиринтѣ византійскаго этикета. Изъ этого-то именно его значенія въ этой поѣздкѣ въ Царьградъ, рѣшается вполнѣ ясно и окончательно возбужденный нѣкоторыми учеными вопросъ: для чего именно тутъ находился *παπάς* Григорій, тогда какъ Ольга была еще не крещена, а только ѣхала еще креститься въ Византію, гдѣ и должна была получить особо избраннаго для нея греческаго пресвитера. Пресвитеръ этотъ былъ дѣйствительно данъ ей, но Григорій, по всему вѣроятію, не могъ уже болѣе возвратиться на Русь [1])...

---

[1]) Окончанія статьи въ бумагахъ кн. М. А. Оболенскаго не оказалось.

*

ИЗВЛЕЧЕНІЕ

ИЗЪ ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫХЪ ТРУДОВЪ КНЯЗЯ М. А. ОБОЛЕНСКАГО

къ изслѣдованіямъ его:

О ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ РУССКОЙ ЛѢТОПИСИ, О СЛАВЯНСКИХЪ АЗБУКАХЪ

ГЛАГОЛИЦѢ и КИРИЛЛИЦѢ

о сборникѣ Григорія, епископа Болгарскаго, о правильномъ чтеніи мѣстъ, искаженныхъ переписчиками въ сводѣ русскихъ лѣтописей, и пр.

Вникая въ смыслъ давно минувшихъ различій въ жизни Словенъ, о которыхъ упоминаетъ исторія, мы видимъ, что въ глубокой древности языкъ ἔθνος, populus—народъ—дѣлился на двѣ основы: на племеньство—моужие—nobilitas—бѣла кость, и простолюдіе—plebs—простородіе—черна кость. Какъ человѣкъ изъ племеньства имѣлъ свой родъ, а родъ его—колѣна, поколѣнія: такъ точно и человѣкъ изъ простородія имѣлъ свой родъ, а родъ его—колѣна, поколѣнія. При чтеніи и изученіи нашихъ лѣтописей, это твердо должно держать въ памяти: потому что даже по прошествіи не болѣе ста лѣтъ, во времена Нестора перваго и митрополита Иларіона, не знали уже различія между словомъ племя и словомъ родъ, и считали ихъ за однозначущія, а потому и ставили ихъ одно вмѣсто другаго, отъ чего и затемнился смыслъ многихъ мѣстъ Григоріева Лѣтописца Русскихъ Царей. Тоже самое слѣдуетъ замѣтить и о словѣ: моужие. Въ X вѣкѣ, во времена в. к. Ольги и ревностнаго сподвижника ея просвѣтительной дѣятельности въ нашемъ отечествѣ, епископа Григорія, названіе моужие,—синонимъ слова: роусы, было названіемъ племеннымъ, т. е. сословнымъ

названіемъ. Во времена Ярослава, этаго племеннаго значенія слова моужие уже не понимали. Въ Русской Правдѣ слово моужъ встрѣчается въ трехъ различныхъ значеніяхъ: моужъ, какъ знатный сановникъ; княжъ моужъ; свободный моужъ, очевидно, не въ томъ уже исключительно племенномъ значеніи, какъ это было въ X вѣкѣ.

До сихъ поръ наши историки обращали мало вниманія на древнее значеніе сословія племенитыхъ, между тѣмъ какъ въ IX и X вѣкѣ это сословіе—моужие одно только пользовалось наслѣдственною и территоріальною властію; людие изъ другихъ сословій, изъ простородныхъ, если и достигали власти, то это считалось чрезвычайнымъ происшествіемъ и записывалось въ хроники, какъ необыкновенный случай;—приводимъ для примѣра изъ

Іосифа Флавія, о войнѣ Іудейской:

Греческій текстъ изд. 1544 года, ч. 1, кн. 1, гл. 21, стр. 715—716.

Μετὰ δὲ τὴν ἀναίρεσιν τοῦ παιδὸς ἐπὶ βίους πέντε ἡμέρας, τελευτᾷ, βασιλεύσας ἀφ᾽ οὗ μὲν ἀποκτείνας ἀντίγονον ἐκράτησε τῶν πραγμάτων ἔτη τέσσαρα καὶ τριάκοντα, ἀφ᾽ οὗδε ὑπὸ ῥωμαίων ἀπεδείχδη βασιλεύς, ἑπτὰ καὶ τριάκοντα καὶ κατὰ τὰ ἄλλα πάντα τύχῃ δεξιᾷ χρησάμενος, εἰ καὶ τις ἕτερος, ὅς τις γε κατεστήσατο βασιλείαν ἰδιώτης ὤν, καὶ τοσούτῳ χρόνῳ φυλάξας, ἰδίοις τέκνοις κατέλιπεν, ᾿εν δὲ τοῖς κατ᾽ οἶκον, ἀτυχέστατος.

Славянскій текстъ, по изборнику Григорія, пресвитера Болгарскаго, л. 380.

По Антипатровѣ убиеніи живе 5 дніи и умре, царствовавъ повелѣніемъ Кесаревымъ лѣтъ 30, и благовазненъ сый паче всѣхъ, но не отъ благороднаго рода, и своимъ мужествомъ изиска царство и расшири е и своимъ дѣтемъ остави.

Принимая вполнѣ какъ выводы С. А. Гедеонова, что Русь — Словене и его изслѣдованіе объ имени Русь, такъ и историческія доказательства Ѳ. Л. Морошкина, который, также признавая Руссовъ за Словенъ, указываетъ на бывшее существованіе Руссій: Прибалтійской, при Нѣмецкомъ морѣ, Моравской и Богемской, Сербской, Болгарской на Дунаѣ, на Адріатическомъ морѣ, Базель-

ской, въ землѣ Равраковъ, или въ верховьѣ рѣки Дуная, Хвалынской на Каспійскомъ морѣ, —мы предоставляемъ будущимъ отечественнымъ ученымъ согласовать ихъ выводы и представить въ стройномъ цѣломъ. Съ своей же стороны, мы остаемся твердо убѣжденными, что Словене были народъ (простородіе), а предержащая у нихъ власть была благородное ихъ племя Русь. Гдѣ водворялись Словене и образовывали самостоятельное владѣніе тамъ правителями были ихъ благородное племя Русь; а гдѣ они бывали покорены, тамъ они или обращались въ свободныхъ земледѣльцевъ, или же отдавались въ рабство, а благородное племя ихъ— Русь, поголовно уничтожалось, вырѣзывалось. Такъ, когда Юлій Цезарь повелъ римскіе легіоны противъ Венетовъ, и когда упорная, продолжительная борьба кончилась побѣдою для Римлянъ, старѣйшины Венетовъ, по приказанію Цезаря, были умерщвлены, а остальное народонаселеніе распродано въ рабство (Юлія Цезаря Comment. de bello gallico, lib. III, IV, VII). Готы (376 г.) безжалостно повѣсили плѣненнаго ими царя Антовъ, Божа, вмѣстѣ съ его невинными сыновьями и семьюдесятью вельможами [1]). Въ доказательство тому же приведемъ слѣдующій разсказъ изъ Ѳеофана: «Въ л. м. 6026, Р. Х. 526, царь Вандаловъ Тразамундъ, по смерти жены своей, скончавшейся бездѣтною, принялъ доброе намѣреніе, именно отправилъ пословъ въ Испанію къ Ѳевдерику, Готѳскому царю, и просилъ у него въ супружество себѣ сестру его, Амалафриду, уже овдовѣвшую. Тотъ выдалъ за него сестру, а съ нею отправилъ двѣ тысячи благороднѣйшихъ Готѳовъ, назначая ихъ тѣлохранителями ея, да для прислуги имъ далъ еще пять тысячъ воиновъ. По смерти Тразамунда воцарился Ильдерихъ. У Ильдериха былъ родственникъ, нѣкто Гелимеръ, который присвоилъ себѣ верховную власть, при чемъ Ильдериха онъ заключилъ въ темницу, а всѣхъ благороднѣйшихъ мужей Готѳовъ истребилъ» [2]). Изъ этого разсказа ясно: 1) что Готы были доброродное сословіе мужей, а

---

[1]) См. Славянскія древн. Шафарика, пер. Бодянскаго, изд. М. П. Погодинымъ 1837 г. стр. 255.

[2]) См. русскій перев. Ѳеофана, сдѣлан. княземъ Оболенскимъ и помѣщ. въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. Рос. 1859, кн. II, въ отд. Матер. стр. 143.

не простородье, не народъ, и 2) что по тому-то самому двѣ тысячи этихъ Готовъ, какъ мужей доброродныхъ, и были уничтожены, вырѣзаны, тогда какъ пять тысячъ воиновъ, какъ людіе простородные, были оставлены въ живыхъ. Подобные примѣры уничтоженія благородныхъ родовъ, при порабощеніи народа, кажется, въ древности были обычны и повсемѣстны. Одинъ изъ позднѣйшихъ примѣровъ такого жестокаго обычая мы видимъ при покореніи Болгаріи и взятіи Константинополя Турками, при чемъ лучшіе благородные роды были вырѣзаны и изъ нихъ спаслись только тѣ, которые рѣшились измѣнить вѣрѣ отцевъ своихъ и приняли мусульманство.

У древнихъ Славянъ, слѣдственно, и въ при-Нѣманскомъ Руссо-Славянскомъ государствѣ, въ которомъ царская власть, какъ мы видѣли выше, принесена была и утвердилась съ юга отъ царскихъ Скиѳовъ или Россаланъ, т. е. Аланъ, у которыхъ властелями была Русь, въ этомъ государствѣ, сосѣднемъ съ Поруссіею (Borussia), изъ котораго призваны были Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ,—Руссы составляли сословіе доброродныхъ, держащихъ власть, dominatores.

Словене—сословіе вольныхъ людей изъ простородья, сущихъ подъ властью, plebs.

Варяги—сословіе вольнонаемныхъ ратниковъ изъ простородья.

Моужие—сословіе доброродныхъ.

Людие—сословіе простородныхъ.

Моужики—вольные хлѣбопашцы, изъ сословія простородныхъ. подвластные моужамъ.

Добrородие—бѣла кость,—сословіе владѣтелей (dominatores, состояло изъ княжья и моужей.

Княжье дѣлилось на три степени:

1) Велій Князь, Великій Князь—царь [1]), но не коронованный, вслѣдствіе чего наши лѣтописатели, начиная съ Нестора перваго, стали придавать ему названіе Великаго Князя,—князь княжащій и царствующій, Великій Князь, державшій подъ рукою своею и Русь и Словенъ,—глава добrородія и простородія.

---

[1]) На языкѣ Эстовъ: Kunningas; Готск. Kaniggs; древне-нѣм. Chuninc; Слав. царь.

2) Добри князи — князья владѣтели — свѣтлые князи, правители.

3) Князь—младшій членъ княжескаго рода, Иарлъ (Jarl) Ярлъ.

Моужие дѣлились на три степени:

1) Велий моужъ, велии моужи, вельможа, вельможи,—бояринъ, боляре.

2) Добрый человѣкъ, добри моужи,—Гуды, тіуны.

3) Моужи—Бруны, Моны, Гостие (купьцы), Дѣтскіе, Старъ моужъ (градскій старшина).

Людие—простородіе, черна кость, простая чадь, состояло изъ свободныхъ и рабовъ; свободные—чадь, рабы—челядь.

Людие—простородіе дѣлилось также на три степени:

1) Добри людие, лучшіе людие: огнищане, моужики, старецъ (сельскій старшина).

2) Середніе людие: средовичи, людинъ, чадь.

3) Молодчіе людие: простьцъ [1]).

Служилые люди составляли особое сословіе, покуда находились на службѣ, но не мѣстное, градское, а государственное.

Вои—ратные люди—состояли, какъ и нынѣ, изъ начальниковъ и воиновъ; изъ прѣводителей — бѣла кость и ратниковъ—черна кость.

Служилые люди дѣлились на государевыхъ, вольнонаемныхъ воиновъ, получавшихъ жалованье и содержаніе отъ великаго князя,

---

[1]) Въ доказательство того, что такое именно троякое дѣленіе людей сохранилось и въ позднѣйшія времена, приводимъ слѣдующее указаніе изъ временъ Бориса Годунова: „Въ соху положено лучшихъ людей по 80 дворовъ, а среднихъ людей по 100 дворовъ, а молодшихъ и убогихъ людей по 120 дворовъ. А впредь имъ въ государевыхъ царевыхъ и в. к. Бориса Θедоровича всея Русіи податяхъ верстатися самимъ по животомъ и по промысломъ; а бобыльскіе дворы въ сошное письмо не положены“. Здѣсь, по назначенію правительства, лучшіе люди платили каждый дворъ восемдесятую долю податной единицы, середніе сотую и молодшіе или бѣдные сто двадцатую; и этими долями каждая кость версталась сама собою уже безъ вмѣшательства со стороны правительства, какъ сказано въ актѣ: „а въ государевыхъ податяхъ верстатися самимъ по животомъ и по промысломъ (см. Врем. Моск. Общ. Ист. кн. XI, «О поземельномъ владѣніи московск. государствѣ» стр. 73).

и земскихъ, получавшихъ жалованье и содержаніе отъ своего земства.

Вои состояли изъ конницы (полкъ) и пѣхоты (рать).

Къ конницѣ принадлежали: отроки и мечники.

Пѣхотныя войска состояли изъ государевыхъ вольнонаемныхъ воиновъ: Варяговъ и гридней и земскихъ ратниковъ, по имени волостей,—сыновъ и пасынковъ—народцевъ, обитателей этихъ волостей. Такъ мы читаемъ въ лѣтописи Григорія:

«Иде Олегъ на Греки, а Игоря остави въ Кіевѣ и поя со собою воя многи: Варягы, Словены, Чудь, Кривичи, Мерю, Поляны, и Сѣверы, и Деревляны, и Радимичи, и Хорваты, и Дулебы, и Тивирци».

Варяги. Варягъ ратникъ по найму, изъ вольныхъ людей, изъ просrandродья.

Въ древней при-Балтійской Руссіи образовалось народное войско подъ названіемъ: wäringar (wäring-ar) отъ wara, wäria — защита, стража. Названіе waring, warigg означало въ послѣдствіи человѣка вольнаго изъ простородія (plebejus), вступившаго добровольно въ составъ войска. У Грековъ это было φάραγξ, вольный ратникъ. Войско это состояло изъ ратей, рать изъ сотенъ, а каждая сотня изъ ратниковъ одного поколѣнія и рода (volk). Эти войсковыя общины или сотни состояли преимущественно изъ народовъ славянскихъ, но между ними были и другіе народцы. Каждый округъ или отчина выставлялъ, какъ упоминаетъ и Тацитъ, по сту молодцовъ по наряду или по ряду—berād. Каждый поряженный (paratus) назывался berad, bard, bardisan [1]); bard — наемный, вольный ратникъ, тоже, что Варягъ. Они были копьеносцы и состояли преимущественно изъ Словенъ. хотя ихъ начальники: Hauptman (гетманъ), Gesael (эсаулъ) Haurgan (хорунжій), прѣдръжатель отъ Haurg—знамя, прѣ—хоругвь, безъ сомнѣнія были Руссы.

Дворъ нашихъ царей состоялъ изъ его соратниковъ; они были всѣ изъ племенства (nobilitas) и дѣлились на велiихъ моужей и моужей; первые изъ нихъ назывались дроузіи, вторые дроужина. Когда царь выѣзжалъ, свита, его окружающая, была всегда на коняхъ; знатнѣйшіе изъ всадниковъ князья и велие моужи ѣхали возлѣ стремени царя, что считалось за великій почетъ. Сверхъ

---

[1]) Glossarium, Sveogotticum Jhre.

того, царя сопровождала домовая чадь также на коняхъ; она состояла изъ простородья: отроковъ, конюховъ и другой чади. Во время походовъ и торжественныхъ шествій отроки въ нарядныхъ одеждахъ и золотыхъ гривнахъ предшествовали царю, а за нимъ ѣхали дроузии, украшенные обручами и монистами[1]).

Отличительные знаки моужей составляли: мятля, которую имѣли право носить только они одни и ихъ жены; клобукъ, (ушевъ, въ древнѣйшее время, и высокая мѣховая шапка позднѣе). Эти головные уборы дѣлались обыкновенно изъ черныхъ куницъ или изъ чернаго лисьяго мѣха; золотые или серебряные обручи на шеѣ, большая серьга изъ такихъ же металловъ въ одномъ ухѣ,— болѣе цѣннымъ металломъ означался высшій санъ. Поясъ-перегорода, поясъ, украшенный драгоцѣнными узорочьями и цвѣтными каменьями. Сапоги, шитые золотомъ и украшенные также цвѣтными каменьями. На эти отличительныя примѣты мужей мы находимъ указаніе въ глубокой древности. Такъ, въ Съборьникѣ Григорія, епископа Болгарскаго, на листѣ 292 читаемъ:

Кн. пр. Дан. гл. III, ст. 21.

Славянскій текстъ, по переводу, находящемуся въ Съборьникѣ Григорія, епископа Болгарскаго.

Тогда моужи ти оковавше ихъ съ гащами ихъ и съ клобоукы и настегньвами[2]) и съ одѣніи своими и въверже ихъ посреди пещи огнемъ горящіа.

Славянскій текстъ Острожской Библіи 1580.

Тогда мужи тіи оковавше я съ гащми ихъ и клобуки и съ настегнъвами и съ одѣніами ихъ, въвръгоша я посредѣ пещи огня горяща.

Латинскій текстъ, по Лугдунскому изданію 1568.

Et confestim viri illi vincti cum braccis suis et tiaris et calceamentis et vestibus, missi sunt in medium fornacis ignis ardentis.

Греческій текстъ по Лейпцигскому изд. 1697.

Τότε οἱ ἄνδρες ἐκεῖνοι ἐπεδήθησαν σὺν τοῖς σαραβάροις [3]) αὐτῶν καὶ τιάραις καὶ περικνημίσι καὶ ἐβλήθησαν εἰς τὸ μέσον τῆς καμίνου τοῦ πυρὸς τῆς καιομένης.

---

[1]) См. слово о богачѣ и Лазарѣ по списку XII в., напечатанному въ Свѣд. и замѣтк. о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, И. И. Срезневскаго, стр. 29: „раби его предътекоуще мнози: въ брачинѣ и въ гривьнахъ златахъ, а дроузии съ зада оброучи и мониста носяще“.

[2]) Въ подлин. достегньвами.

[3]) Sch. τινὲς σαρβάρα εἰρήκασι, τὰ μὲν παρὰ τῶν πολλῶν λεγόμενα μώκια, παρὰ δὲ τοῖς Ἕλλησιν ἀναξυρίδες προσαγορευόμενα.

Въ греческомъ текстѣ словъ, соотвѣтственныхъ словамъ: и съ одѣніами ихъ—нѣтъ.

Въ опытѣ переложенія съ еврейскаго на русскій языкъ архимандрита Макарія книги Пророка Даніила читаемъ:

Тогда связаны мужи сіи въ исподницахъ своихъ, въ нижнемъ и верхнемъ платьѣ своемъ, и во всемъ одѣяніи своемъ, и брошены въ пещь, раскаленную огнемъ.

Императоръ Ираклій, заключивъ союзъ съ каганомъ Хозарскимъ, нарекъ его сыномъ, затѣмъ возложилъ на главу его собственную свою корону, подарилъ ему царскую одежду и жемчужныя серьги. Князьямъ, бывшимъ въ свитѣ кагана, далъ по серьгамъ своими собственными руками [1]).

Кн. Исход. гл. XXVIII, ст. 40.

Съборникъ Григорія, епископа Болгарскаго, л. 104 об.

И сыномъ Аронемъ да сътвориши ризы и поясы и клобукы. и да сътвориши имъ въ честь и въ славу.

Кн. Исх. гл. XXIX, ст. 8 и 9.

8. И сыны его приведеши, и облечеши я вризы, и опояшеши поясы, и възложиши има клобука, и да боудеть имъ жрети мнѣ въ вѣкы.

Въ русскомъ лѣтописномъ сводѣ [2]), подъ 1152 годомъ, также читаемъ: «И види Ярослава сѣдяща на отни мѣстѣ въ черни мятли [3]) и въ клобуцѣ, такоже и вси мужи его». Кромѣ того, отличительный признакъ мужей составляло то, что голова ихъ была обыкновенно бритая, и только по серединѣ оставлялся на ней длинный локонъ волосъ, который развѣвался по сторонамъ. Такъ Левъ Калойскій, повѣствуя о свиданіи Святослава съ Цимисхіемъ, говоритъ, что у Святослава голова была голая, только въ сторону развѣвался локонъ волосъ, означающій благородное происхожденіе. При этомъ онъ также упоминаетъ и о серьгѣ въ одномъ

---

[1]) См. Nicèphorus Patriarcha p. 11, 12. Teophanus p. 263, 264. Anastasius p. 95, 96. Cedrenus. T. I, p. 415.

[2]) См. П. С. Р. Л. т. II. с. 72.

[3]) Мятль—pallium, мятлемъ. Vost. 1, 257. Serm. mantel, мантія. См. Lexic. palaeoslov. Graecolatin. Fr. Miclosich, fasc. III, pag. 394.

ухѣ у Святослава. Серьга эта была золотая съ двумя жемчужинами и червчатымъ яхонтомъ.

Въ лѣтописномъ сводѣ нашемъ мы находимъ различныя названія для означенія высшихъ сословій на Руси. Названія эти съ теченіемъ времени измѣнились. Такъ, во времена составленія первоосновной Григоріевой лѣтописи, племеньство—высшее сословіе доброродныхъ носило названіе: велии моужие, моужие; во времена Нестора перваго—дроузіи и дроужина; во времена Сильвестра дроузіи назывались: дроужина большая и дроужина первая; дроужина же называлась дроужина малая и дроужина юная; нѣсколько позднѣе—бояре и дроужина.

Первоначальный составъ придворныхъ, окружавшихъ государя, долго сохранялъ въ себѣ характеръ чисто военный. Велие моужи и моужи, дроузіи и дроужинники были связаны личными отношеніями съ своимъ государемъ, за которымъ они слѣдовали повсюду. Подобное же этому свидѣтельствуетъ Тацитъ и о древнихъ Германцахъ. Онъ говоритъ (de situ, morib. et pop. germanice гл. XIII и XIV): «Благородные юноши не стыдятся быть при дворѣ князя великодушнаго. Они стараются превзойти другъ друга заслугами; онъ старается имѣть ихъ какъ можно болѣе числомъ и знаменитѣе мужествомъ; ими побѣждаетъ на войнѣ, ими славится въ мирное время..... Князю стыдъ и безчестіе уступить дружинѣ въ храбрости, дружинѣ стыдъ и безчестіе не равняться храбростію съ княземъ. ....Беречь, спасать его жизнь, уступать ему даже славу свою есть главная обязанность дружины. Князь сражается для побѣды, дружина единственно для князя».

Приведемъ нѣкоторыя мѣста, гдѣ упоминается о велiихъ моужахъ.

И рече Иосифъ къ велможамъ Фараонямъ [1].	Ἐλάλησεν Ἰωσὴφ πρὸς τοὺς δυνάστας Φαραὼ [2].
И послаша старѣишихъ 20 боляръ, иприплоуша подъ Боричевъ въ лодьи.. и посла Олга къ Дерevляномъ рече: да аще мя право просите, то присли-	И послаша Деревляне лучьшіе мужи, числомъ 20, въ лодьи къ Ользѣ и присташа подъ Боричевымъ въ лодьи... Пославши Ольга къ Дерев-

[1]) Быт. гл. L, ст. 4, по переводу Григорія, епископа Болгарскаго.

[2]) Быт. гл. L, ст. 4, по Лейпцигскому изд. Греческой Библ. 1697 года.

те къ симъ 20 еще нарочитыхъ, да въ велицеи чти за вашь князь поиду... Се слышавъ прочие Деревляне, послаша болшихъ, еже землю дръжать ихъ... посемъ позвавъ вльможи вси Деревлянъ, повеле ихъ поити и служити отрокомъ своимъ околъ ихъ. И рѣша Деревляне къ Олзѣ: гдѣ суть дроузи наши, ихъ же послашя по тя моужи наши? Она же рече: идуть по мнѣ съ дружиною мужа моего [1])...

лляномъ, рече имъ: да аще мя просите право, то пришлите мужа нарочиты, да въ велицѣ чти приду за вашь князь... Се слышавше Деревляне, избраша лучьшіе мужи, иже дерьжаху Деревьску землю... Посемъ сѣдоша Деревляне пити, и повелѣ Ольга отрокомъ своимъ служити предъ ними. Рѣша Деревляне къ Ользѣ: «кдѣ суть дружина наша, ихъже послахомъ по тя?» Она же рече: «идуть по мнѣ съ дружиною мужа моего» [3]).

Увы, рѣша, господине мой драгый, руководителю слѣпымъ, одежда нагымъ, и старости жезле! кто сіа въ нынѣшнемъ вѣцѣ обрѣтеся, створивъ и исправивъ заповѣдь Спасову? како не восхотѣ веселитися съ вльможами своими честными? [2]).

Увы мнѣ, княже мои милыи, драгыи, блаженыи, водителю слѣпымъ, одежа нагымъ, старости жезле, казателю не наказанымъ! кто оуже си исправить. како не въсхотѣ веселитися съ честными велможами. како не въсхотѣ величия еже въ семъ житии [4])?

Многу мятежю и крамолѣ бывшю в людехъ и молвѣ немалѣ, и тъгда совкупившася вси людие. паче же болшии и нарочитии мужи шедше причтомъ всихъ людии. Моляху Володимера да шедъ уставить крамолу сущюю в людехъ. и въшедъ утоли мятежъ и голку людьскую и прия княжение Рускѣ земли .... Ту бо сошлося отъ всѣхъ странъ Руския земля и отъ инѣхъ странъ много множество людий и князи и все болярьство и все старѣйшинство и воеводы всея Руския земля. и вси предерьжащая страны вся... Велможи и все болярьство бяше устроено по обѣма сторонома, удуже влечаху честнѣи рацѣ, и не бя лзѣ ни ити, ни повлещи отъ множества людий [5]).

---

[1]) Лѣтоп. Сборникъ, по списку Переяславля Суздальскаго, стр. 10, 11.

[2]) Лѣтоп. Сборникъ, по списку Переяславля Суздальскаго, с. 38.

[3]) П. С. Р. Л. т. I, с. 23, 24.

[4]) Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ, изд. Археолог. Общ. с. 52.

[5]) Извѣстія Импер. Акад. Наукъ. Дополненія къ запискѣ: древн. жизнеопис. Рус. Княз. И. И. Срезневскаго.

1177 года.

Всеволодъ же князь погна въ слѣдъ ихъ съ всею дроужиною. овы сѣкуще. овы вяжюще. и тоу самого Глѣба иняша и сына его Романа и шюрина его Мьстислава Ростиславичя. и дроужиноу его всю изимаша и доумця его вси извязаша. Бориса Жидиславичя. и Ольстѣна. и Дилця. и инѣхъ множество. а поганыя Половци избиша оружіемъ...

И приведоша в городъ князя Глѣба съ сыномъ своимъ Романомъ. и съ шюриномъ Мьстиславомъ изиманы. и дружина изимана. и вси велможи ихъ... По малѣ же дни, опять въсташа людіе и бояре, велможа, купци, и пріидоша на дворъ княжь многое множество съ ороужиемъ, и рекоша: чего ихъ дръжати. И поустиша ею изъ земля [1]).

Всеволодъ же князь погна въ слѣдъ ихъ, со всею дружиною, овы сѣкуще, овы вяжуще. И ту самого Глѣба яша руками, и сына его Романа, и шюрина его Мьстислава Ростиславича и дружину его всю изъимаша, и думци его извязаша всѣ, и Бориса Жидиславича, и Ольстина, и Дѣдилця и инѣхъ множество; а поганыѣ Половци избиша оружьемъ...

....И приведше въ градъ Володимерь князя Глѣба съ сыномъ своимъ Романомъ и съ шюриномъ Ярополкомъ и дружина ихъ вся изъимана, и всѣ вельможи ихъ... По малѣ же дній вcташа опять людье вси и бояре (и вси велможи и до купець. Р. Т.) и придоша на княжь дворъ, многое множьство, съ оружьемъ, рекуще: «чесо ихъ додержати? Хочемъ слѣпити и». Князю же Всеволоду печалну бывшю, не могшю удержати людій, множьства ихъ ради клича (и пустиша ею изъ земли Р. Т. [2]).

1186 г. И побѣжени быша наши, гнѣвомъ Божьимъ, князи вси изъимани быша, а боляре и велможа и вся дружина избита, а другая изъимана, и та язвена [3]).

Въ лѣто 6719 (1211). Великый князь Всеволодъ ожени сына своего Георгія Всеволожною Кыевьского князя, и вѣнчанъ бысть въ святѣй Богородици въ Володимери епископомъ Іоаномъ, и ту сущю великому князю Всеволоду, и всѣмъ благороднымъ дѣтемъ и всѣмъ велможамъ [4]).

---

[1]) Лѣтоп. Сборн. по списку Переяславля Суздальск. с. 90. 91.

[2]) П. С. Р. Л. т. I, с. 162, 163.

[3]) П. С. Р. Л. т. I, с. 168.

[4]) П. С. Р. Л. т. I, с. 184.

1231 г. Кириллъ священый епископъ въ 1-е лѣто, въ оньже поставленъ бысть епископомъ богохранимому граду Ростову, многы добродѣтели показа, якоже истинный святитель, а не наимникъ; якоже самъ истина Христосъ рече въ святѣмъ еуангельи: отдадите убо кесарєва кесареви. Се наполняя писанья, княземъ бо и бояромъ и всѣмъ велможамъ бысть на успѣхъ [2]).

А вотъ мѣста, гдѣ встрѣчаемся съ словомъ дроузіи:

Хететей гласи на отрокы своя и рече: призовите человѣка. Они же звахоу Авраама [3]).

Ефронъ же сынъ Хететіевъ прѣбысть всю нощь грозою обдрьжимъ; въставъ же за оутра рече: другомъ своимъ соущиимъ с нимъ: призовѣте Авраама [1]).

Рѣша дроузіе ему (Александру): оженися царю, се 2 дщері Даріеви, възми за ся. Он же не восхотѣ ихъ и видѣти вся дни, глаголя: нѣсть воинъ оженивыйся [4]).

Въ словѣ о богачѣ и о Лазарѣ, по списку XII вѣка, читаемъ:

Богатыи въ паволоцѣ хожааше... раби его предътекоуще мнози въ брачинѣ и въ гривьнахъ златахъ. а друзии съ зада, обручи и мониста носяще... възлежащю емоу и не могущю одсъноути, друзии нозѣ ему гладять. ини по лядвіямъ тѣшать его. ини бають емоу. ини гудуть ему.

И рѣша Деревляне къ Олзѣ: гдѣ суть друзи наши, ихже послаша по тя мужи наши? Она же рече: идуть по мнѣ съ дружиною мужа моего приставлены къ скарбоу [5]).

Блаженыи же Борисъ постомъ и молитвою вьоружаашеся ста в то время на Алтѣ шатры. И глаголаша ему друзіи: поиди и сѣди въ Кіевѣ на столѣ отни, се бо вси рати в руку твоею суть [6]).

Он же (Глѣбъ) видѣ не внемлюща словесѣ его, нача прощение даати глаголя: спасися, честныи отче Василье; спасися, госпоже мати моа; спасися и ты, брате мой милый Борисе; спасися брате и споспешниче

---

[1]) П. С. Р. Л. т. I, с. 195.

[2]) Сборн. Григ., еписк. Болг., лист. 28-й.

[3]) Изборникъ Григорія, епископа Болгарскаго, л. 28.

[4] [5] [6]) Лѣтоп. Сборн. по списку Переяславля Сузд. стр. 52, 11 и 37.

Ярославе; спасися и ты, брате и враже Святополче; спаситеся и вы, друзии *) моа и дружино моа вся: уже не имамъ васъ видѣти в житіи семъ [1]).

Въ лѣто 6657 (1149 г.) Изяславъ же съ братомъ своимъ Ростиславомъ и съ Ярополкомъ, и съзваша бояры свое и всю дружину свою, и нача думати с ними, хотя поѣхати къ Гюрьги на ону сторону за Трубежь. Мужи же ему едини молвяху: «княже! не ѣзди по немъ, отъяти перешелъ земли, а трудился, а сдѣ пришедъ не успѣлъ ничтоже, а то уже поворотися прочь, а на ночь отъидеть; а ты, княже, не ѣзди по немъ»; друзии же понуживахуть его, рекуче: «поѣди, княже, привелъ ти Богъ, не упустимъ его прочь». Изяславъ же то слышавъ отъ обоихъ, излюби поѣхати по нихъ, и тако исполца воѣ свое и перейде по немъ на ону сторону, за Трубеже; перешедъ полкы своими не въсходя на гору, и ста на лузи, противу Кузнечимъ воротомъ [2]).

Не можемъ не обратить здѣсь вниманія на нѣкоторыя выраженія нашего лѣтописнато свода. До сихъ поръ это мѣсто обыкновенно понималось въ томъ смыслѣ, что изъ числа мужей одни совѣтуютъ князю: «не ѣзди по немъ»; а другіе, напротивъ, понуждаютъ его, говоря «поѣди, княже». При такомъ неправильномъ чтеніи совершенно теряется, въ этомъ мѣстѣ лѣтописи, важное указаніе ея на древнихъ Думныхъ княжескихъ совѣтниковъ. Здѣсь мы видимъ, что и въ древнихъ великокняжескихъ совѣщаніяхъ точно такъ-же, какъ и въ настоящее время въ совѣщательныхъ учрежденіяхъ, дозволяется подавать голоса, высказывать мнѣнія, напередъ младшимъ совѣтникамъ. Такъ, мы читаемъ въ лѣтописномъ нашемъ сводѣ, что сначала думаютъ и говорятъ только мужи. Затѣмъ, послѣ нихъ, подаютъ голосъ уже старшіе, высшіе совѣтники, говорятъ уже друзіи, т. е. веліи мужи. Все это до сихъ поръ ускользало отъ вниманія изслѣдователей нашихъ древнихъ лѣтописныхъ памятниковъ, при неправильномъ чтеніи этого мѣста. Выраженіе здѣсь: мужи едини не значитъ вовсе: одни изъ мужей, а значитъ прямо: только одни мужи совѣтуютъ князю не ѣхать; тогда какъ друзіи, т. е. именно веліи мужи, совѣтуютъ ему противное.

---

*) Въ подлинникѣ: братьа.

[1]) Лѣтоп. Сборн. по списку Переяславля Суздальскаго с. 39.

[2]) П. С. Р. Л. т. II, с. 43, 44. Нов. изд. с. 266.

6657 (1149). Изяславъ же, то слышавъ и увидѣвъ, нача думати съ братомъ своимъ Ростиславомъ и съ Изяславомъ, Давыдовичемъ, и съ братома своима Володимеромъ и съ Ярополкомъ, и съ сыномъ своимъ Мьстиславомъ, и съ Андрѣевичемъ Володимиромъ, хотя поѣхати по нихъ; они же начаша думати ему: «не ѣзди по нихъ, но пусти е в товары свои, уже ти есть вѣрно»; дроузии же рекоша: «княже! бѣжать уже.» Изяславу же то любо бысть, и поиде по нихъ [1]).

6657 (1149). Изяславъ же посла мужи своя и тивуны, своего дѣля товара и своихъ дѣля стадъ, егоже бѣ отшелъ, а мужи своего дѣля они самѣ ѣхаша, а друзіи тивуны своѣ послаша; и тако приѣхавше к Гюргеви, и начаша познавати свое [2]).

Плѣна же шестая часть достоитъ княземъ взимати, а прочее все число всѣмъ людемъ въ равную часть раздѣлити; довлѣетъ бо жупаномъ и казначѣемъ княжа часть, а прибытокъ людемъ. Аще ли обрящутся етери отъ нихъ дерзнувше, и отъ тѣхъ друговъ, или кметичищь, или простыхъ людій, подвигъ и храборьство сдѣеть, обрѣтаяйся князь или воевода въ то время отъ рьченаго урока княжа да подаетъ ему, якоже лѣпо есть, да подъемлетъ я по части; иже обрѣтается на брани, да бываетъ часть; и иже остаютъ на стану, да бываетъ...[3]).

Объяснивъ себѣ значеніе и взаимное отношеніе древнихъ славянскихъ сословныхъ различій, существовавшихъ какъ на Руси при Нѣманской, такъ и у насъ, мы попытаемся, съ помощію представленныхъ соображеній, опредѣлить, на основаніи лѣтописныхъ памятниковъ, настоящій смыслъ словъ: моужие, людие, племя и родъ.

Прежде всего, мы считаемъ необходимымъ сосредоточить все наше вниманіе на томъ значеніи, въ какомъ сама наша лѣтопись употребляетъ слово: моужие; но предварительно мы коснемся нѣсколько самаго его производства.

Мѫжь—слово, образовавшееся изъ самостоятельнаго корня man—(слав. мьн), при посредствѣ гортаннаго окончанія [4]). Въ Санскритѣ, какъ находятъ нѣкоторые ученые филологи, слово это происходитъ изъ господствовавшаго миѳа о рожденіи человѣчества послѣ

---

[1]) П. С. Р. Л. т. II, с. 43, 44. Нов. изд. с. 267.

[2]) П. С. Р. Л. т. II, с. 48. Нов. изд. с. 274.

[3]) Соф. Времен. изд. П. М. Строева, т. 1, с. 131.

[4]) См. Лавровскаго: Корен. знач. въ назв. родства у Славянъ.

всемірнаго потопа отъ Ману, спасеннаго за высокорелигіозную жизнь. Слово мѫжь соотвѣтствуетъ готскому man, которое означало собою родоначальниковъ добродныхъ, производившихъ свое происхожденіе отъ боговъ; слѣдственно, мѫжие составляли сословіе добродныхъ, которое держало землю, управляло землею, т. е., имѣло въ ней власть; а власть, по убѣжденію того времени, могла принадлежать только добродным. Въ доказательство того, что въ древнѣйшія времена понятіе объ этихъ мужахъ-властеляхъ было въ духѣ того времени и вполнѣ соотвѣтствовало понятіямъ какъ нашего древнеславянскаго переводчика, такъ и греческаго писателя Льва Діакона и многихъ другихъ хронистовъ, мы приводимъ слѣдующія изъ нихъ мѣста *)...

Теперь становится для насъ понятнымъ, отъ чего отъ добродныхъ мужей, отъ своихъ Herr Männer Нѣмецкая земля получила свое названіе Германіи, и отъ такихъ же добродныхъ мужей, Nordmänner, извѣстная область въ землѣ французской получила свое названіе — Нормандіи; а отъ добродныхъ моужей Франковъ Галльскія земли получили названіе Франціи.

Мы выше уже доказали, что Восточные Славяне отъ своихъ мужей-властелей назывались Руссами: такимъ же точно образомъ и отъ прибывшихъ съ Рюрикомъ мужей добродныхъ—Руссовъ, сѣверныя славянскія земли нашего отечества стали называться Русью.

Здѣсь кстати будетъ упомянуть также и о древнемъ словѣ: моужики, которое значило: людие, подвластные моужамъ. Слово моужикъ приравнивается къ санскритскому manuga, готскому—manna.

Въ глубокой древности слово: моужіе, какъ мы уже выше сказали, означало добродье,—лицъ, получавшихъ дань; слово же: моужики значило простородье,—людей, платящихъ дань. Григорій, епископъ Болгарскій, какъ въ Лѣтописцѣ Русскихъ Царей, такъ и въ своемъ Изборникѣ остается вѣренъ этимъ понятіямъ и, сообразно имъ, строго различаетъ оба эти слова. Въ доказательство тому приводимъ слѣдующее мѣсто изъ Григоріева Изборника, въ сличеніи его съ греческимъ, латинскимъ и славянскимъ текстами, вмѣстѣ также съ другимъ, объяснительнымъ къ нему, мѣстомъ изъ того же Изборника.

*) Въ рукописи Князя М. А. Оболенскаго оставленъ пробѣлъ.

Книги Числъ гл. IV, ст. 49.

Славянскій текстъ, по переводу, находящемуся въ Изборникѣ Григорія, епископа Болгарскаго, лист. 129 об.

Гласомъ Господнимъ съглядаа в руцѣ Моисіинѣ. мужа по моужикъ дѣлесемъ ихъ. еже въздвизааху сии съглядашася си, якоже повелѣ Господь Моисею.

Славянскій переводъ съ еврейскаго, по рукописи XV вѣка, хранящейся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ подъ №№ 354 и 803, л. 125.

Повелѣніемъ Господнимъ съглядаша въ руцѣ Мѵсіинѣ мужа по мужикъ дѣлесемъ ихъ. и еже въздвизаху сіи, якоже повелѣ Господь Мѵсею.

Славянскій текстъ Острожской Библіи 1580 г.

Повелѣніемъ Господнимъ и съглядаша ихъ рукою Мѵсіевою, мужа по служеніи его, по дѣлесемъ его, и еже въздвизаху сіи, и съглядани суть, якоже повелѣ Господь Мѵсію.

Греческій текстъ, по Лейпцигскому изд. 1697 г.

Διὰ φωνῆς κυρίου ἐπεσκέψατο αὐτοὺς ἐν χειρὶ Μωυσῆ ἄνδρα κατ' ἄνδρα ἐπὶ τῶν ἔργων, καὶ ἐπὶ ὧν αἴρουσιν αὐτοί, καὶ ἐπεσκέπησαν ὃν τρόπον συνέταξε κύριος τῷ Μωυσῇ.

Латинскій текстъ, по Лейденскому изд. 1568 г.

Juxta verbum Domini recensuit eos Moyses, unumquenque juxta officium et onera sua, sicut praeceperat ei Dominus.

Русскій текстъ, по переводу на нынѣшнее русское нарѣчіе, изд. 1868 г. стр. 204.

По повелѣнію Господню чрезъ Моисея опредѣлены они каждый къ своей работѣ и ношенію, и исчислены, какъ повелѣлъ Господь Моисею.

Книги Числъ гл. IV, ст. 19.

Славянскій текстъ, по переводу, находящемуся въ Изборникѣ Григорія, епископа Болгарскаго, л. 129.

Се да сътворите имъ и живи да боудуть. и не оумруть приходящимъ къ святымъ святыхъ. Арронъ и сынове его да влезуть прежде. и да оустроять я кождо ихъ починъ ихъ и бремени ихъ.

Греческій текстъ, по Лейпцигскому изд. 1697 г.

Τοῦτο ποιήσατε αὐτοῖς, καὶ ζήσονται, καὶ οὐ μὴ ἀποθάνωσι, προσπορευομένων αὐτῶν πρὸς τὰ ἅγια τῶν ἁγίων. Ἀαρῶν καὶ οἱ υἱοὶ αὐτοῦ προσπορευέθωσαν, καὶ καταστήσουσιν αὐτοὺς ἕκαστον κατὰ τὴν ἀναφορὰν αὐτοῦ.

Славянскій переводъ съ еврейскаго, по рукописи XV вѣка, хранящейся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ подъ №№ 354 и 803, лист. 124.

Се да сътворите имь. и живи будуть и не оумруть приходящимь имь святымь святыхъ. Ааронъ и сынове его да влезуть прежде. и да оустрояті я коегождо ихъ по чину ихъ бремени ихъ.

Латинскій текстъ, по Лугдунскому изд. 1568 г.

Sed hoc facite eis, ut vivant et non moriantur, si tetigerint sancta sanctorum. Aaron et filii ejus intrabunt ipsique disponent opera singulorum et divident quid portare quis debeat.

Славянскій текстъ Острожской Библіи 1580 г.

Се же да сътворите имъ, и живи будутъ и не оумрутъ. приходящимъ имъ къ святымъ святыхъ. Ааронъ и сынове его да внидутъ, и да оустроитъ ихъ коегождо по ношенію его.

Русскій текстъ, по переводу на нынѣшнее русское нарѣчіе, 1868 года, стр. 203.

Но вотъ, что сдѣлайте имъ, чтобы они были живы и не умерли, когда приступаютъ къ Святому Святыхъ: Ааронъ и сыны его пусть прійдутъ и поставятъ ихъ въ служеніи его и у ноши его.

Въ приведенномъ нами мѣстѣ изъ Григоріева Изборника мы видимъ, какъ важно то различіе, которое онъ строго соблюдаетъ относительно употребленія словъ: моужіе и моужики въ ихъ настоящемъ, древнемъ смыслѣ. При такомъ именно употребленіи этихъ словъ смыслъ еврейскаго подлинника передается совершенно согласно съ древними понятіями славянскаго переводчика о сословныхъ различіяхъ въ народѣ, когда говорится о томъ порядкѣ, въ какомъ весь народъ долженъ былъ шествовать при несеніи Святая Святыхъ. Это-то понятіе всего народа вполнѣ выражено у Григорія двумя древними словами: моужа по моужикъ, т. е. отъ моужа до моужика, или отъ высшаго сословія до нисшаго включительно. Что таково именно было понятіе славянскаго переводчика при передачѣ этого мѣста еврейскаго подлинника, это ясно изъ другаго, приведеннаго нами мѣста изъ той же главы кн. Числъ, гдѣ говорится о томъ же устроеніи народа, при его шествіи съ Святая Святыхъ, и гдѣ тѣ же выраженія моужа и моужика

поясняются другими, соотвѣтственными имъ выраженіями: по чиноу ихъ и бремени ихъ. Очевидно, по понятіямъ древняго славянскаго переводчика, чинъ означаетъ здѣсь сословіе высшее, власть предержащую, моужей, доброродье, лицъ, получающихъ дань; а бремена означаютъ людей, несущихъ дань, платящихъ подать, людей подвластныхъ, нисшее сословіе. Тотъ же смыслъ выясняется отчасти и въ латинскомъ переводѣ ст. 49 гл. IV кн. Числъ выраженіями: officium и onera.

Позднѣе, въ XIII и XIV вѣкахъ, различіе между словами: моужи и моужики утратилось, такъ что переписчики, потерявши уже это различіе, легко могли смѣшать въ позднѣйшихъ рукописяхъ слово моужи съ словомъ моужики, какъ это дѣйствительно и случилось въ послѣдствіи, примѣры чему мы укажемъ теперь же. Смѣшеніе это легко могло произойти такимъ образомъ: слово моужики, писавшееся обыкновенно моужи҃, при стершейся въ обветшалой рукописи верхней буквѣ к подъ титломъ, могло не иначе читаться, какъ за слово моужи, не возбуждая какъ у переписчиковъ, такъ и у издателей, ни догадки на счетъ ошибочности такого чтенія, ни желанія къ исправленію его.

Изборникъ Григорія, епископа Болгарскаго — Лѣтописецъ Русскихъ Царей, л. 487 об.	Лѣтопись по Ипатскому списку стр. 38.
В лѣто 6454 (946). И побѣгоша людіе изъ града и повелѣ Олга имати ихъ. и взя ихъ и градъ съжже. старѣйшины иж҆же, а проча развѣде, а иныхъ посѣче, а иныхъ работѣ преда [1]) раздая моужіемъ [2]) своимъ и платить повелѣ по двѣ коунѣ чръныхъ. по две веверици. и скоры и медъ, и давати Киевоу и Вышеградоу. тъ бо Олжинъ градъ.	В лѣто 6454 (946) И побѣгоша людье изъ города, и повелѣ Олга воемъ своимъ имати я; и яко взя городъ и пожьже и, старѣйшины же города ижьже, и прочая люди овѣхъ изби, а другия работѣ преда мужемъ своимъ, а прокъ остави ихъ платити дань тяжьку, и двѣ части идета Киеву, а третьяя Вышегороду къ Ользѣ; бѣ бо Вышегородъ Ольжинъ городъ.

[1]) Въ подлинникѣ слова: работѣ преда, опущены.

[2]) Въ подлинникѣ: отрокомъ.

Chronica Nestoris, edita Fr. Miklosich, pag. 88.	Лѣтописный сводъ по списку Лаврентія мниха, въ П. С. Р. Л. т. I, стр. 62.
Въ лѣто 6526 (1018 г.). Начаша скотъ събирати отъ моужика [1]) по четыри коуны, а отъ старостъ по десять гривьнъ, а отъ болярь по осмьнадесяте гривьнъ.	Въ лѣто 6526 (1018 г.). Начаша скотъ сбирати отъ мужа по 4 куны, а отъ старостъ по 10 гривенъ, а отъ бояръ по 18 гривенъ.

Сближая показанія Григорія (946 г.) съ разсказомъ Нестора (1018 г.), каждый ясно усмотритъ, что: а) Древляне, которыхъ великая княгиня Ольга работѣ преда моужиемъ своимъ, по всей вѣроятности, должны были съ тѣхъ поръ называться моужиками, т. е. землепашцами, состоящими непосредственно подъ властію моужей, дань платящими; б) что эти моужики въ 946 году платили дань по двѣ коунѣ чрънихъ, по двѣ веверицы, а въ 1018 г. стали сбирать дань отъ моужика по четыре коуны.

Съборьникъ Григорія, епископа Болгарскаго — Лѣтописецъ Русскихъ Царей, л. 499 об.	Лѣтописный сводъ по списку Лаврентія мниха, въ П. С. Р. Л. стр. 52
И нача ставити грады по Деснѣ, и по Остри, и по Трубежу, и по Суле, и по Стугнѣ, и нача нарубати мужики [2]) лучшии отъ Словенъ, отъ Кривичъ отъ Чюди, отъ Вятичь, и отъ сихъ насели грады.	И нача ставити грады по Деснѣ, и по Остри, и по Трубежеви, и по Сулѣ, и по Стугнѣ, и поча нарубати мужѣ лучьшая отъ Словенъ и отъ Кривичь и отъ Чюди и отъ Вятичь, и отъ сихъ насели грады.

Изъ сдѣланнаго нами сопоставленія и изъ приведенныхъ выше мѣстъ русскаго лѣтописнаго свода каждый можетъ убѣдиться, что какъ въ первомъ изъ нихъ, такъ и во второмъ, вмѣсто слова моужа, въ первоосновной редакціи стояло слово моужики. Въ первомъ мѣстѣ это видно по самому смыслу всего разсказа, гдѣ соблюдена строгая постепенность въ распредѣленіи подати, начиная съ самого нисшаго ея количества и восходя до высшаго; при чемъ соблюдено тоже различіе и между сословіями, восходящее отъ нисшаго къ высшему, отъ моужика до моужа, или, что тоже, болярина; по-

---

[1]) Въ подлинникѣ: моужа.

[2]) Въ подлинникѣ: моужи.

чему и подать съ моужика сочтена только въ четыре куны, тогда какъ боляринъ платитъ уже восьмнадцать гривенъ; во второмъ же мѣстѣ, очевидно, никакъ не могли разумѣться моужи, а моужики при заселеніи городовъ: ибо, естественно, не моужами же, не высшимъ сословіемъ заселились города, а народомъ, людьми, подвластными моужамъ. Ошибка, вкравшаяся въ позднѣйшую редакцію лѣтописнаго нашего свода, совершенно исказила древній смыслъ первоосновной редакціи въ приведенныхъ нами мѣстахъ, и мы спѣшимъ, съ своей стороны, возстановить надлежащее древнее чтеніе этихъ мѣстъ, до сихъ поръ еще не возстановленное.

Во второмъ изъ приведенныхъ нами мѣстъ мы встрѣчаемся съ выраженіемъ: «лучшіе моужики». Выраженіе это указываетъ на древнее дѣленіе моужиковъ на лучшихъ, середнихъ и молодчихъ. При внимательномъ изученіи нашихъ лѣтописей, ученые наши, быть можетъ, откроютъ и другія подтвержденія такому же древнему дѣленію этого сословія. Мы, съ своей стороны, старались только указать на него изслѣдователямъ нашихъ отечественныхъ древностей, и въ доказательство тому, что остатки этого древняго дѣленія сохранились въ народѣ даже и въ позднѣйшія времена, приводимъ слѣдующее мѣсто изъ наказа 1672 года, гдѣ Олонецкому воеводѣ Богдану Нащокину предписано: «того беречь накрѣпко, чтобъ въ Заонежскихъ и Лопскихъ погостѣхъ моужики, горланы, богатые не воровали, середнимъ и молодчимъ людямъ продажи не чинили [1])».

Но обратимся снова къ моужамъ добророднымъ,—къ Руссамъ. М. П. Погодинъ говоритъ: [2]) «Арабскія свидѣтельства о нашихъ Руссахъ совершенно согласны съ скандинавскими:

Слыша, говоритъ Ибн-Фоцланъ, что они (Руссы) сожигаютъ своихъ умершихъ начальниковъ, съ обрядами весьма странными, я ждалъ случая видѣть оные—и видѣлъ собственными глазами. Размуссенъ, въ примѣчаніяхъ своихъ на эту статью, выражается такъ: надо замѣтить особенно, что сожигались только начальники и вельможи. Такимъ образомъ должно ограничить слишкомъ общія слова Ибн-Гаукала, который говоритъ, что Руссы сожигаютъ мертвыхъ.

[1]) См. Ист. мѣстнаго управленія въ Россіи Градовскаго т. 1, стр. 322.

[2]) См. Изслѣд., замѣч. и лекціи М. П. Погодина, т. III, стр. 424—425.

Замѣчаніе Размуссена въ отношеніи того, что въ словахъ Ибн-Гаукала необходимо разумѣть подъ Руссами только начальниковъ и вельможъ, безъ сомнѣнія, совершенно вѣрно, такъ какъ именно только державшіе власть, т. е. только князи и мужіе, назывались Руссами. Но объясненія самой причины для такого пониманія словъ арабскаго писателя Размуссенъ не представляетъ. До сихъ поръ не обращено было также никакого вниманія еще и на другое, подобное же обстоятельство, оставшееся, за тѣмъ, также безъ всякаго разъясненія, именно на то, что только одни доброродные мужіе Руссы имѣли право торговать, одни они только имѣли право управлять вооруженными судами и набирать для этой цѣли морскія дружины. Восточные писатели, имѣвшіе случай видѣть этихъ Руссовъ, производившихъ торговлю, ошибочно принимали ихъ за народъ, тогда какъ это было только доброродное племеньство, Руссы, что ясно видно частію даже по тому описанію, какое представляютъ о нихъ эти писатели. Приводимъ здѣсь изъ изданія Д. А. Хвольсона извѣстіе о Руссахъ Ибнъ-Даста, неизвѣстнаго доселѣ арабскаго писателя начала X вѣка: «что касается до Руси, то находится она на островѣ, окруженномъ озеромъ. Окружность этого острова, на которомъ живутъ они (Руссы), равняется тремъ днямъ пути; покрытъ онъ лѣсами и болотами; нездоровъ и сыръ до того, что стоитъ наступить ногою на землю, и она уже трясется, по причинѣ (рыхлости отъ) обилія въ ней воды». Д. А. Хвольсонъ даетъ на это мѣсто слѣдующій превосходный ученый комментарій: «Все это мѣсто передаетъ намъ Якутъ въ слѣдующихъ краткихъ словахъ: „они (Руссы) живутъ на нездоровомъ (waḃiaḣ) островѣ, окруженномъ озеромъ“. Френъ полагаетъ «waḃiaḣ» есть искаженное имя обитаемаго Руссами острова и принималъ его за искаженіе имени Даніи. Это очень остроумное и соблазнительное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и опасное предположеніе, невѣрность котораго ясно выходитъ изъ полнаго мѣста Ибнъ-Даста. Да остерегутся впредь русскіе историки, желающіе пользоваться Ибнъ-Фоцланомъ, какъ источникомъ для русской исторіи, отыскивать островъ Вабія, будтобы обитаемый Руссами.

Но такъ какъ невозможно разумѣть тутъ островъ Данію, спрашивается: что же это за лѣсистый и болотистый островъ, прости-

рающійся приблизительно на 100 верстъ? Этого я не знаю и полагаю, что невозможно опредѣлить это. Кто бы ни были эти Руссы, Норманны или Славяне, ни тѣ, ни другіе не жили исключительно на островѣ, и ужъ никакъ не жили на островѣ, подобномъ здѣсь описываемому. Правда, что Скандинавія полуостровъ, что Шармуа и принималъ здѣсь въ соображеніе, и что арабскій языкъ означаетъ понятіе объ островѣ и полуостровѣ однимъ словомъ, но Скандинавія—полуостровъ только въ глазахъ географовъ, которые и самую Европу считаютъ полуостровомъ; простому же смертному Шведу и въ голову не приходитъ, что онъ живетъ на полуостровѣ; я даже думаю, что простолюдинъ и въ Англіи не знаетъ, что онъ живетъ на островѣ. Я представляю себѣ дѣло вотъ какъ: Ибнъ-Даста или источникъ его видѣлъ въ Итилѣ или въ другомъ мѣстѣ на берегу Каспійскаго моря ловкихъ, смѣлыхъ, предпріимчивыхъ купцовъ, пришедшихъ изъ Руси. «Кто вы?» спросилъ онъ ихъ. «Мы Руссы», отвѣчали они, ибо такъ называли себя всѣ приходящіе изъ Руси купцы, какому бы племени они не принадлежали. «Гдѣ вы живете?» «На островѣ», т. е., на одномъ изъ множества острововъ, образуемыхъ рукавами Волги, можетъ быть, на островѣ около устья Днѣпра, такъ какъ Руссы уже давно поселились около Чернаго моря. «Великъ ли вашъ островъ?» «Около трехъ дней пути». По лѣсамъ и болотамъ путешествуютъ не скоро и въ три дня не проходятъ большаго пространства. «Есть ли у васъ хорошія пашни?» «Нѣтъ, весь островъ нашъ состоитъ изъ лѣсовъ и болотъ, такъ что земля трясется подъ ногами». «А чѣмъ же вы живете?» спросилъ наконецъ любознательный мусульманинъ. «Мы купцы», отвѣчали Руссы, «и живемъ торговлею». Такимъ образомъ спросившій могъ удержать въ памяти, что Руссы имѣютъ такой-то наружный видъ, живутъ торговлей и обитаютъ на лѣсистомъ и болотистомъ островѣ. Подобно этому развѣ не поступаютъ и новѣйшіе путешественники? Кто желаетъ отыскать островъ, на которомъ живутъ эти Руссы, едва ли найдетъ его.

Очень возможно, что Ибнъ-Даста или источникъ его обращались и къ другимъ приходящимъ изъ Руси купцамъ и постоянно получали отвѣтъ, что они живутъ на островахъ, т. е. островахъ Волги; ибо эти люди, вѣроятно, имѣли важныя причины жить

именно на болотистыхъ и лѣсистыхъ островахъ. Надѣюсь, что я не взведу клеветы на этихъ почтенныхъ купцовъ, если предположу, что они, кромѣ торговли, занимались и еще кое-какимъ посороннимъ дѣломъ, именно разбоемъ. Руссы, по свидѣтельству Ибнъ-Даста, на водѣ и корабляхъ были очень опытны. Стало быть ловкимъ и удалымъ Руссамъ было очень удобно предпринимать съ острова въ лодкахъ набѣги на неуклюжихъ финскихъ береговыхъ жителей, грабить ихъ и потомъ безопасно возвращаться на свои лѣсистые и болотистые острова. Въ такомъ случаѣ Ибнъ-Даста, вѣроятно, не рѣдко получалъ отвѣтъ: мы живемъ на островѣ такого-то рода, и заключилъ изъ этого, что весь русскій народъ живетъ на островѣ. Иначе я не могу объяснить себѣ извѣстія объ островѣ Руссовъ, такъ какъ никогда не существовалъ народъ Руссовъ, жившій только на островѣ, и при томъ на островѣ, подобномъ тому, который описывается у Ибнъ-Даста.

Островъ, на которомъ будто-бы жили Руссы, упоминается разными позднѣйшими писателями, которые еще многое прибавляютъ выдуманнаго ими; извѣстіямъ же ихъ очевидно служили основаніемъ только показанія Ибнъ-Даста.

«Русь имѣетъ царя, который зовется хаканъ-русь. Они производятъ набѣги на Славянъ; подъѣзжаютъ къ нимъ на корабляхъ, выходятъ на берегъ и полонятъ народъ, который отправляютъ потомъ въ Хазеранъ и къ Болгарамъ, и продаютъ тамъ. Пашень Русь не имѣетъ и питается лишь тѣмъ, что добываетъ въ землѣ Славянъ» [1]).

Ученый комментаторъ говоритъ по поводу этого мѣста слѣдующее: «Это показаніе совершенно вѣрно и очень важно. Извѣстно, что русскіе князья даже въ XI вѣкѣ носили еще титулъ хагановъ и были называемы своими русскими подданными. Происхожденіе этого титула г. Куникъ объясняетъ тѣмъ, что русскіе князья, начиная съ Оскольда, освободившаго отъ ига хозарскихъ хагановъ многія славянскія племена, нѣкоторымъ образомъ замѣнили въ ихъ глазахъ этихъ хагановъ, и что освобожденныя племена, не имѣв-

---

[1]) См. Извѣстія о Хозарахъ, Буртасахъ, Болгарахъ, Мадьярахъ, Славянахъ и Руссахъ Ибнъ-Даста, изд. Д. А. Хвольсона, 1869 г., стр. 35.

шія тогда развитыхъ государственныхъ понятій, не знали другаго титула верховнаго главы, кромѣ хагана. Итакъ, титулъ хагановъ могли имѣть только царствующіе въ Россіи князья, кто бы они не были, Славяне или Норманны. Мы здѣсь не обращаемъ вниманія на то, когда начался въ Россіи хаганатъ, до прихода Варяговъ въ Кіевъ или съ Олега. Мы довольствуемся тѣмъ, что вѣрность показанія Ибнъ-Даста доказана, и выводимъ изъ этого факта то заключеніе, что Ибнъ-Дастовы извѣстія о Руссахъ, по крайней мѣрѣ отчасти, относятся къ Руссамъ, подвластнымъ упомянутымъ русскимъ хаганамъ, т. е. къ Руссамъ, жившимъ на Руси, а не гдѣ нибудь въ Швеціи. Мы даже видимъ, что Ибнъ-Даста говоритъ о Руссахъ, живущихъ около Волги, которые, по его разсказу, занимаются торговлею съ Болгарами; тѣ же Руссы, о которыхъ онъ говоритъ здѣсь, также имѣютъ торговыя сношенія съ Болгарами. Стало быть, Руссы приволжскіе не могутъ быть не тождественными съ тѣми, о которыхъ онъ говоритъ здѣсь, и великій князь которыхъ, жившій въ Кіевѣ, носилъ титулъ Хаканъ-Русь».

Далѣе Д. А. Хвольсонъ въ примѣчаніи 95, относясь къ словамъ Ибнъ-Даста: «Пашень Русь не имѣетъ и питается лишь тѣмъ, что добываетъ въ землѣ Славянъ», говоритъ: «Полагаю, что тутъ очень легко можетъ быть рѣчь о настоящихъ Руссахъ. Въ этомъ случаѣ Ибнъ-Даста только отнесъ ко всему русскому народу то, что ему разсказывали разные русскіе купцы о себѣ и своихъ товарищахъ. Подобныя недоразумѣнія встрѣчаются и у новѣйшихъ путешественниковъ. Показаніе Ибнъ-Даста о томъ, что Руссы живутъ исключительно своею добычею въ землѣ Славянской, по моему мнѣнію, ясно указываетъ на то, что тутъ рѣчь идетъ не о цѣломъ народѣ, а только о купеческой и, можетъ быть, военной корпораціи, и что повѣствователь разумѣлъ только тѣхъ Руссовъ, которыхъ самъ видѣлъ, и которые вели подобную жизнь.

«Когда у кого изъ Руси родится сынъ, отецъ (новорожденнаго) беретъ обнаженный мечъ, кладетъ его предъ дитятею и говоритъ: «не оставлю въ наслѣдство тебѣ никакого имущества: будешь имѣть только то, что пріобрѣтешь себѣ этимъ мечемъ».

Въ этихъ словахъ арабскаго писателя, просто и вѣрно передающихъ дѣйствительность, нельзя не узнать прямаго изображенія

древняго доброродства, имѣвшаго исключительное право носить мечъ и передававшаго вмѣстѣ съ мечемъ отъ отца къ сыну тоже самое право.

«Русь не имѣетъ ни движимаго имущества, ни деревень, ни пашень; единственный промыселъ ихъ—торговля собольими, бѣличьими и другими мѣхами, которые и продаютъ они желающимъ; плату же, получаемую деньгами, завязываютъ накрѣпко въ пояса свои».

«Любятъ опрятность въ одеждѣ; даже мужчины носятъ золотые браслеты. Съ рабами обращаются хорошо. Объ одеждѣ своей заботятся, потому что занимаются торговлею. Городовъ у нихъ большое число, и живутъ въ довольствѣ» [1]).

Въ этомъ описаніи мы видимъ Руссовъ въ златыхъ браслетахъ; видимъ подъ властію у нихъ рабовъ. Не можемъ не узнать и въ этихъ отличіяхъ правъ нашихъ древнихъ доброродныхъ мужей Руссовъ, въ этихъ браслетахъ—древнихъ обручей, носить которые имѣли только право мужи, въ этихъ рабахъ ту домовую чадь доброродныхъ Руссовъ, то простородье, владѣть которымъ имѣли только право эти Руссы.

Отъ этихъ далекихъ иностранныхъ свидѣтельствъ о Руссахъ перейдемъ къ болѣе близкимъ и точнымъ показаніямъ первоосновной Григоріевой лѣтописи, опредѣляющимъ подлинное значеніе слова Руси въ смыслѣ мужей доброродныхъ, о чемъ мы уже упомянули въ нашемъ изслѣдованіи. Тамъ мы говорили: Рюрикъ, отправляясь въ Ладогу, составилъ свою дружину все изъ одной Руси, т. е. не изъ народа Руси, а изъ Руси-сословія, или тѣхъ мужей, называемыхъ имъ вездѣ своими, которые составляли племеньство (nobilitas)—доброродіе. Этихъ сословныхъ, доброродныхъ мужей, эту Русь дружины Рюриковой, никакъ не должно смѣшивать съ простородьемъ—Варягами. Необходимо заключить такъ и въ отношеніи Аскольда и Дира, что они, принадлежа только къ простороднымъ Варягамъ, завладѣвъ Кіевомъ, назвались Русью и княжили въ немъ не по праву доброродія. Изъ чего становится

---

[1]) См. Извѣстія о Хозарахъ, Буртасахъ, Болгарахъ, Мадьярахъ, Славянахъ и Руссахъ Ибнъ-Даста, изд. Д. А. Хвольсона, 1869 г., стр 35 и 36.

яснымъ настоящій смыслъ словъ, обращенныхъ Олегомъ къ Аскольду и Диру: онъ обвиняетъ ихъ прямо въ самозванствѣ, и, вслѣдствіе этого, приказываетъ ихъ казнить.—Мнѣніе наше о самозванствѣ Аскольда и Дира подтверждается также и недавно открытыми начальными листами Новгородской лѣтописи, которую Археографическая Коммиссія начала вновь издавать по Синодальному списку. На стр. 4-й только-что отпечатанныхъ первыхъ листовъ мы читаемъ: «и по сихъ братіи той пріидоста два Варяга и нарекостася князема».

Не менѣе важныя подтвержденія для того же предмета представляютъ намъ и слѣдующія мѣста по разнымъ спискамъ Лѣтописнаго Свода:

Лѣтоп. по Лаврент. списку изд. Тимковскаго, стр. 13: «И бѣста оу него 2 мужа не племени его, ни боярина, и та испросистася ко Царюгороду съ родомъ своимъ».

П. С. Р. Л. т. I, стр. 9: «И бяста у него 2 мужа, не племени его, но боярина, и та испросистася ко Царюгороду съ родомъ своимъ».

Лѣтоп. по Радзив. списку, стр. 17: «И бяста у него два мужа Аскольдъ и Диръ не племени его, но боярина, и та испросистася съ родомъ своимъ ко Царюграду».

Лѣт. Русск. Царей по списку Переяславля Суздальскаго, стр. 5: «И бѣста оу него два моужа не его рода и болярина, и та испросистася ко Царюграду с родомъ своимъ».

Лѣт. по списку Архангелогородскому стр. 4—5: «И бѣста съ нимъ пришли изъ Варягъ два человѣка, имя единому Асколдъ, имя другому Диръ, ни племени княжа, ни боярска, и не дастъ имъ Рюрикъ ни града, ни села. Асколдъ же и Диръ испросистася у Рюрика ко Царюграду итти съ родомъ своимъ».

Возстановленный текстъ: И бѣста у него два человѣка, Аскольдъ и Диръ, не его рода и не племени болярина, и не дастъ имъ Рюрикъ ни града, ни села, и та испросистася ко Царюграду съ родомъ своимъ.

Не ясно ли изъ всего этого разсказа, строго выдѣляющаго изъ Руси все, что не Русь, что не доброродно, что не ея княжаго рода и не племени болярина, что не мужи, которымъ однимъ

раздаются волости и города, не ясно ли, что лѣтописецъ здѣсь прямо самъ опредѣляетъ намъ, что такое Русь. Рюрикъ беретъ съ собою все только Русь. Съ нимъ идетъ только одна эта Русь. Русь эта вся состоитъ, за исключеніемъ Аскольда и Дира, изъ князей и мужей т. е. изъ лицъ, принадлежащихъ къ высшему, власть держащему сословію. Аскольдъ же и Диръ, какъ людіе простородные,—Варяги,—устраняются отъ управленія. Что же такое, послѣ всего этого, Русь, одна только Русь, какъ не совокупность однихъ только князей и мужей? Трудно, почти невозможно еще яснѣе, чѣмъ у нашего лѣтописца, выразить, что эта именно Русь значитъ просто и прямо одно только высшее, правительственное сословіе у Славянъ принѣманскихъ, земля которыхъ отъ имени этихъ правителей и называлась по нимъ Русіей.

Откуда, однако же, самое названіе этого сословія—Русь. Сабининъ говоритъ, что Русь, по скандинавски Ros—значитъ слава, слѣдственно Русь не только принадлежала къ Славянской народности, но и была изъ Славянъ славнѣйшая, т. е. мужественная и добродная, а потому, естественно, между Славянами она, какъ высшее сословіе, имѣла **первенство** и **владычество**.

Теперь понятными для насъ становятся въ высшей степени замѣчательныя слова митрополита Иларіона въ похвальномъ словѣ вел. князю Владиміру: «Сій славный отъ славныхъ рождься, благородный отъ благородныхъ Каганъ нашъ Владимеръ» [1]).

Слово **моужъ** въ значеніи доблестнаго мужа, витязя, богатыря употреблено въ лѣтописномъ сводѣ преподобнаго Нестора, въ разсказѣ о единоборствѣ отрока Періаслава съ печенежскимъ богатыремъ.

Святославъ говоритъ: «потягнѣмъ **моужьскы**, братие и дроужино». Объ Андреѣ Боголюбскомъ въ Ипатскомъ спискѣ, подъ 1149 г., говорится: «Отецъ же его Дюрги, стрый Вячесловъ и братья его вся радовахуся, видивше (Андреа) жива, и **мужи** отьни похвалу ему даша велику: зане **мужьскы** створи, паче бывшихъ всѣхъ ту».

Русскимъ же именемъ, въ смыслѣ знати, насмѣхается Владиміръ Галицкій кіевлянину Петру Бориславичу: «И якоже съѣха

---

[1]) Твор. Св. Отц. годъ второй, кн. II, стр. 223.

Петръ съ княжа двора, и Володимиръ пойде къ божници къ святому Спасу на вечернюю: и якоже бы на переходѣхъ до божници, и ту видѣ Петра ѣдуща и поругася ему: поѣха моужъ Руский объимавъ вся волости;—и то рекъ иде на полати» [1]).

Доброродіе значило въ древности именно: nobilitas, εὐγένεια. Вмѣсто доброродіе находимъ позднѣе въ древнихъ письменныхъ памятникахъ слова: **благородство**, сословіе благородное. Отсюда и слово—**добро** древнѣе, чѣмъ слово—**благо**, какъ въ смыслѣ **родовомъ**, такъ и въ смыслѣ **имущественномъ**, почему и всѣ тѣ письменные памятники, въ которыхъ стоитъ слово **добро** вмѣсто **благо**, должны быть, по изводу, древнѣе тѣхъ, гдѣ первое слово замѣнено послѣднимъ. Для примѣра приводимъ выписки изъ:

Лѣтописца Русскихъ Царей, по списку Переяславля Суздальскаго стр. 15.	Лѣтописнаго свода, по списку Лаврентія мниха, П. С. Р. Л. т. I, стр. 28.
В лѣто 6477. Въсхоте Святославъ ити въ Періаславець жити оставя Киевъ, глаголя: то есть срѣда земли моеи, яко тоу всѣ добро сходится отъ всѣхъ царствъ.	Въ лѣто 6477. Рече Святославъ къ матери своей и къ боляромъ своимъ: «не любо ми есть въ Кіевѣ быти, хочю жити въ Переяславци на Дунаи, яко то есть середа въ земли моей, яко ту вся благая сходятся: отъ Грекъ злато, паволоки, вина, овощеве розноличныя, изъ Чехъ же, изъ Угоръ сребро и комони, изъ Руси же скора и воскъ, медъ и челядь.

Обратимся теперь къ Византійцамъ, и здѣсь также мы найдемъ свидѣтельства, что Руссы были благородное племя. Но прежде, чѣмъ мы коснемся греческихъ текстовъ, приведемъ изъ неизвѣстнаго Ѳеофанова продолжателя мѣсто о нашествіи Руссовъ на Константинополь, переведенное въ X вѣкѣ Григоріемъ, епископомъ Болгарскимъ, и возстановимъ правильное чтеніе этого мѣста: «Іоуня же мѣсяца 11 день, четврътагонадесяте индикта, приплу Русь на Костянтинь градъ лодіами тысящь 10, иже и скѣди глаголемь. отъ рода Варяжска сущимъ». Здѣсь прежде всего обращаетъ на

[1]) См. П. С. Р. Л. т. II, Ипатьевская Лѣтопись, стр. 72, 1152 г.

себя вниманіе неправильное чтеніе словъ: иже и скѣди глаголемъ, не имѣющее никакого смысла и происшедшее отъ поправки и передѣлки позднѣйшими переписчиками. Оно очень просто, безъ всякой натяжки, возстановляется слѣдующимъ чтеніемъ: ихже и Кіане глаголемъ; потому что соотвѣтствующія сему слова находимъ въ Лѣтописцѣ епископа Григорія по списку Переяславля Суздальскаго, стр. 7: «Поляне, Кіане, яже зовуться Русь», также и потому, что тѣ же самые Руссы называются въ греческомъ текстѣ еще дромитами, значившими въ древности, какъ мы докажемъ въ другомъ мѣстѣ, тоже, что и Кіане. Слово дромиты въ греческомъ текстѣ относится прямо къ слову Руссы, чего не могъ не разумѣть нашъ древній славянскій переводчикъ. Затѣмъ, въ выше приведенномъ мѣстѣ, мы не можемъ не замѣтить, что позднѣйшіе переписчики поставили, вмѣсто слово племени, слово родъ, принимая эти слова за тождественныя, между тѣмъ какъ въ X вѣкѣ этимъ словамъ придавалось каждому особенное значеніе.

Далѣе мы находимъ совершенно необходимымъ исправить чтеніе приведеннаго нами мѣста также и относительно слова Варяжска. Для этой поправки мы должны обратиться къ тому греческому тексту, откуда Григорій передаетъ византійскія показанія о Руссахъ.

Прежде всего мы не можемъ не сдѣлать нѣкотораго замѣчанія по поводу этого текста о знаменитомъ открытіи, сдѣланномъ нѣкогда П. М. Строевымъ касательно того, будто-бы Несторъ, при составленіи своего лѣтописнаго свода, говоря о нападеніи Руссовъ на Царьградъ, повторяетъ дословно Георгія Амартола. Ученый издатель древняго текста лѣтописи Нестора, Я. И. Бередниковъ, въ приложеніяхъ къ I тому Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей, на стр. 242, приводя текстъ болгарскаго перевода о нападеніи Руссовъ на Константинополь, приписываетъ это мѣсто также Георгію Амартолу. Между тѣмъ это свѣдѣніе о Руссахъ попало въ Криницу изъ Григоріева Съборьника, который заимствовалъ и перевелъ его вовсе не изъ Амартола, а изъ неизвѣстнаго Θеофанова продолжателя. Русскій составитель Криницы, перенося въ свой трудъ часть Съборьника Григорія и передѣлывая его по своимъ понятіямъ, нисколько не думалъ, конечно, о вѣрности славянскихъ переводовъ греческому подлиннику и, затѣмъ, искажалъ этотъ пере-

водъ по своему. Отсюда мы видимъ у него, между прочимъ, и ту замѣну греческаго числа Іюня одиннадцать числомъ восемьнадцать, которая могла явиться очень легко отъ дурно прочитаннаго древняго славянскаго написанія перваго числа 11 (ӑі), принятаго за 18 (ӣі). Ни о какихъ справкахъ съ греческимъ текстомъ, въ видахъ хронологической вѣрности, передѣлыватель Григоріева труда, конечно, не помышлялъ. Но обратимся къ самому тексту. Въ греческомъ текстѣ неизвѣстнаго Ѳеофанова продолжателя мы читаемъ не *Βαράγγων*, а *Φράγγων*. Григорій, переводчикъ X вѣка, знатокъ греческаго языка, не могъ не передать этотъ текстъ вѣрно и правильно, не могъ написать въ переводѣ Варяжска, когда, согласуясь съ подлинникомъ, онъ долженъ былъ сказать Франжска, что было вполнѣ согласно также и съ современнымъ ему византійскимъ значеніемъ этого слова, передававшимъ именно то понятіе о сословіи добродныхъ мужей, къ какому принадлежали Руссы, и котораго нисколько не выражало слово Варяжска, поставленное,— нѣтъ никакого сомнѣнія,—позднѣйшимъ переписчикомъ и поновителемъ древнѣйшаго Григоріева текста, не разумѣвшимъ уже ни древняго значенія слова Франжска, ни того греческаго текста, откуда въ древній славянскій переводъ попало это слово. Здѣсь мы видимъ всю необходимость вѣрнаго сличенія нашего древняго текста съ греческимъ его подлинникомъ, какъ для того, чтобы избѣгать разнаго ошибочнаго чтенія, введеннаго позднѣйшими переписчиками, такъ и для того, чтобы иногда даже восполнять и поправлять и самый греческій текстъ, утраченный по мѣстамъ въ своемъ подлинномъ видѣ.

Приводимъ греческій текстъ съ русскимъ его переводомъ.

а) Theophan. Contin. ed. Bonn. 423—425.

Δεκάτης καὶ τετάρτης ἰνδικτιῶνος, Ἰουνίῳ δὲ μηνὶ ἑνδεκάτῃ, κατέπλευσαν οἱ Ρῶς κατὰ Κωνσταντινουπόλεως μετὰ πλοίων χιλιάδων δέκα, οἳ καὶ Δρομῖται λεγόμενοι, οἳ ἐκ γένους τῶν Φράγγων καθίστανται. Наши ученые изслѣдователи до сихъ поръ обращали все свое вниманіе исключительно на одно только слово въ этомъ важномъ свидѣтельствѣ древности о Руссахъ, именно на слово: *Δρομῖται*, оставляя при этомъ безъ всякаго изслѣдованія два не менѣе знаменательныя слова: *λένους* и *Φράγγων*. Слово *γένος* они смѣшивали обыкновенно съ сло-

вомъ γένεσις и принимали оба эти слова совершенно въ одинаковомъ значеніи, между тѣмъ какъ слово: γένος значитъ племенство (nobilitas), благородное происхожденіе, а слово γένεσις значитъ просто рожденіе, происхожденіе, начало, родъ.

При разсмотрѣніи этого мѣста многимъ изъ ученыхъ представлялся вопросъ: слово: Δρομῖται (Дромиты) относится ли здѣсь къ слову: Ρῶς (Русы), или же къ слову: πλοῖα (корабли)? По нашему мнѣнію, самое греческое словосочиненіе положительно и ясно рѣшаетъ этотъ вопросъ въ пользу того, что слово: Дромиты относится здѣсь прямо къ Руссамъ, а отнюдь не къ кораблямъ; въ противномъ же случаѣ предъ словами καὶ Δρομῖται здѣсь никакъ не стояло-бы οἱ, а τῶν, и, далѣе, мы читали бы не λεγόμενοι, а λεγομένων, чего, однакожъ, мы никакъ не видимъ въ греческомъ текстѣ, почему и мѣсто это переводимъ и понимаемъ согласно точному, подлинному его смыслу, такимъ образомъ:

Индикта четырнадцатаго, Іюня же мѣсяца одиннадцатаго (дня), приплыли въ Константинополь на десяти тысячахъ лодій Русы, называемые и Дромитами, которые происходятъ изъ племени Франговъ (доброродныхъ мужей).

По поводу этого мѣста, весьма важнаго во многихъ отношеніяхъ, г. академикъ Куникъ входитъ въ необыкновенно подробныя изысканія и предположенія, относительно производства слова: Дромиты; при чемъ особенно задается вопросомъ: отъ δρόμος, или отъ δρόμων происходитъ это слово. Съ своей стороны, мы никакъ не думали, чтобы при томъ или другомъ рѣшеніи этого вопроса, подвигался къ своему окончанію основной вопросъ о самомъ значеніи слова: Дромиты. Какъ въ первомъ, такъ и въ послѣднемъ случаѣ оно можетъ прямо указывать на названіе Руссовъ Дромитами-Куявянами по быстроходнымъ лодьямъ ихъ—куявамъ.

Русскіе по душѣ и по плоти не могутъ, при этомъ, не пожалѣть, что г. академикъ Куникъ не обратилъ глубокаго и тонкаго своего изслѣдованія на другое нисколько не менѣе важное въ этомъ мѣстѣ слово: Φράγγοι (Франги) и, при томъ, съ чисто русской точки зрѣнія, которая одна, при надлежащемъ объясненіи этого слова, могла-бы исцѣлить нашего знаменитаго ученаго отъ нерусскаго пристрастія къ Варяго-маннамъ, по вопросу о происхожденіи Руси.

Такое добровольное отреченіе нашего русскаго академика отъ варяго-маніи, безъ сомнѣнія, положило бы доброе начало такому же отреченію отъ чуждыхъ русскому міру взглядовъ и помогло бы многимъ русскимъ историкамъ излечиться отъ нерусскаго недуга въ рѣшеніи русскихъ вопросовъ.

Разсмотримъ ближе древнее значеніе слова Φράγγος, имѣвшее въ VIII, IX и X вѣкахъ совершенно одно и тоже значеніе, что и латинское слово: Francus. Но что-же значило слово Φράγγος—Francus? Въ актахъ указанныхъ вѣковъ открывается ясно прямое, положительное значеніе этихъ словъ. Такъ въ декретѣ короля Хильдеберта въ гл. 8 читаемъ:

«Ita ut si francus fuerit, ad nostram praesentiam dirigatur» (по этому, если то будетъ мужъ добродный, то онъ поставляется въ нашемъ присутствіи). Здѣсь слово francus употреблено въ смыслѣ знатнѣйшихъ мужей, изъ добродья, вельможъ, высшихъ сановниковъ. Въ томъ же смыслѣ употребляется слово francus въ Capitulare Compendiense 757 года, гл. 5: «Si francus homo accepit mulierem» (если мужъ добродный беретъ въ замужество жену и пр.). Тотъ же самый смыслъ утверждаетъ за этимъ словомъ Hincmarus Remensis Opusc. 33, гл. 1: «Et de alia terra, quam franci homines in suis proprietatibus dederunt» (и изъ другой земли, которую добродные мужи отдали въ своихъ владѣніяхъ и пр.). Такой же точно смыслъ имѣетъ слово francus homo въ древнихъ формулахъ Bignonii гл. 2, 3; и это же именно значеніе дается ему въ капитулахъ Карла Великаго и другихъ. Въ древнихъ рукописяхъ 799 года по Henschen. in Comment. ad vitam Ludgeri Episcopi § 1 слово francus значитъ собственно добродный, nobilis. Отсюда и всѣ благородные мужи, свободные отъ всякой дани и низшихъ должностей, назывались безразлично, вообще Franci, какъ это видно у Турпина въ его исторіи Карла В. гл. 1. Въ томъ же самомъ смыслѣ употребляется это слово и въ Capitul. 6 Caroli M. a. 805 c. 8, гдѣ говорится: de servis, qui francas feminas accipiunt (о рабахъ, берущихъ въ замужство благородныхъ женъ). Слово francus, по своему производству, состоитъ изъ двухъ словъ: fry и ank (fryanch), изъ которыхъ первое значитъ по-шведски свободный, а послѣднее—юношу, въ смыслѣ отличительнаго названія многихъ благородныхъ племенствъ того вре-

мени [1]). Изъ всѣхъ этихъ неоспоримыхъ показаній ясно видно, что слово francus, franci, Φράγγοι, — въ то именно время, когда писалъ Григорій, значило мужей добродныхъ, почему это именно слово онъ и долженъ былъ употребить, говоря о племенствѣ Руссовъ, такъ какъ слово Руссы имѣло, въ его время, совершенно одно и то же значеніе, что и Франки, а потому Григорій и долженъ былъ сказать объ нихъ, что они отъ племени Франжска, а не Варяжска, какъ ошибочно передаетъ позднѣйшій переписчикъ это слово, нисколько уже не понимая древняго его значенія. Но при возстановленіи настоящаго, подлиннаго смысла Григоріевой лѣтописи, мы, съ своей стороны, не можемъ не замѣнить слово Варяжска, словомъ: Франжска, при чемъ позволяемъ себѣ не согласиться съ Штриттеромъ, который дѣлаетъ предположеніе о томъ, не разумѣются ли здѣсь подъ словомъ Φράγγοι—Варанги, какъ и съ С. А. Гедеоновымъ, который говоритъ: «Эти безсмысленные Франки не ввели въ заблужденіе Русскаго лѣтописца, онъ не думаетъ здѣсь о Фрягахъ, а исправляетъ, какъ слѣдуетъ, греческое Φράγγας — своимъ русскимъ Варяги». Съ своей стороны мы думаемъ, что не древняго византійскаго писателя слѣдуетъ здѣсь поправлять новѣйшею ошибочною передѣлкою древняго славянскаго текста, а совершенно наоборотъ, какъ мы уже сказали выше. Слово Франги (Φράγγοι) греческаго текста передается совершенно вѣрно латинскимъ переводчикомъ неизвѣстнаго Өеофанова продолжателя словомъ Franci. Эти слова въ VIII, IX и X вѣкахъ, по понятіямъ Грековъ и западныхъ Европейцевъ, какъ мы уже видѣли, означали именно сословіе мужей, власть предержавшихъ, управлявшихъ народомъ, людьми разныхъ поколѣній, землею, по которымъ Галльскія области, правимыя ими, впослѣдствіи назывались Франціею, подобно тому, какъ земля, управляемая Германнерами, названа была Германіею, а управляемая Руссами назвалась Русью, почему писатель греческій X вѣка и не могъ не назвать Руссовъ также Франгами, говоря о Руссахъ, какъ о сословіи мужей доброродныхъ, что и дѣйствительно онъ сдѣ-

---

[1]) См Glossarium manuale ad scriptores etc. ex magnis glossariis Car. du Fresne, D. Du Cange et Carpentarii etc. t. III. Halae. 1774, слово: Francus.

лалъ, какъ мы видимъ это въ греческомъ подлинникѣ не по одному списку, а также и у латинскихъ его переводчиковъ. И такъ, при правильномъ чтеніи, это мѣсто, о нашествіи Руссовъ на Константинополь, должно читаться: «Іуня же мѣсяца 11 день четвртъгонадесяте индикта, приплу Русь на Костянтинь градъ лодіами тысѧщь 10, иже и Кияне глаголемь отъ племени Франжска сущимь».

Приведемъ теперь слова Симеона Магистра о нашествіи Руссовъ на Константинополь, и замѣтимъ, что все сказанное нами выше, по поводу такого же описанія у неизвѣстнаго Ѳеофанова продолжателя, относится одинаково и къ приведенному здѣсь мѣсту.

Symeon Magister, ed. Bonn. 746.

Τῷ ἐνιαυτῷ ἐκείνῳ κατέπλευσαν οἱ Ρῶς οἱ καὶ Δρομῖται λεγόμενοι, οἱ ἐκ γένους τῶν Φράγγων ὄντες, κατὰ τῆς Κωνσταντινουπόλεως, μετὰ πλοίων χιλιάδες δέκα.	Въ тоже время приплыли въ Константинополь Русы, называемые Дромитами, изъ племени Франговъ, на десяти тысячахъ лодій.

Перейдемъ затѣмъ къ любопытному извѣстію о происхожденіи русскаго имени отъ нѣкоего мужественнаго Росса, которое сохранилось у Симеона Логоѳеты. Симеонъ Логоѳета, писавшій около 1140 года, говоритъ, что Россы имя свое получили отъ нѣкоего храбраго Росса, когда они для освобожденія себя отъ бѣдствій подклонились подъ его управленіе. Здѣсь встрѣчается очевидное согласіе съ сказаніемъ лѣтописца нашего о призывѣ въ Новгородъ Рюрика, князя Руссовъ, распространившихъ по нашей странѣ свое племенное (доброродное) русское имя [1]. Приведемъ собственныя слова Симеона Логоѳеты:

Symeon Mag. ed. Bon. pag. 707.

Ῥῶς δὲ, οἱ καὶ Δρομῖται, φερώνυμοι ἀπὸ Ῥῶς τινὸς σφοδροῦ διαδραμόντες ἀπηχήματα τῶν χρησαμένων ἐξ ὑποθήκης ἢ θιοκλυτίας τινὸς καὶ ὑπερσχόντων αὐτούς, ἐπικέκληνται. Δρομῖται δὲ	Дромиты (Поляне—Куевяне), нынѣ называемые Руссы, прозвались этимъ именемъ отъ нѣкоего мужественнаго Росса съ тѣхъ поръ, какъ имъ удалось, по волѣ и милости боговъ, избавиться отъ ига народа, овладѣвшаго ими и угнетавшаго ихъ. Дроми-

[1]) См. Буткова Обозр. Нестор. Лѣтоп. с. 43.

ἀπὸ τοῦ ὀξέως τρέχειν αὐτοῖς προσεγένετο. Ἐκ γένους δὲ τῶν Φράγγων καθίστανται.	тами же (Куевянами) они названы по быстротѣ хода (ихъ лодокъ-куявъ); они происходятъ отъ племени Франговъ.

Припомнимъ сказанное нами прежде (Москвитян. 1844 г. № 1-й, въ отд. наукъ стр. 22), что легкія суда Руссовъ назывались куявами и что городъ, бывшій на сборномъ мѣстѣ ихъ лодокъ, по этому названъ Куявою (впослѣдстіи Кіевомъ), а самый народъ, на нихъ плававшій, Куявлянами. Отсюда изъ Кіева (Куявы) Руссы-Куявяне, по свидѣтельству Константина Багрянороднаго, дѣлали опустошительные набѣги на Константинополь. Теперь понятно, что слово куява, означавшее лодку быструю на ходу, было переведено на греческій языкъ однозначащимъ словомъ δρόμων (naves cursoriae, по Прокопію); и какъ Руссы, нападавшіе на Византію, называли себя отъ лодокъ куявъ—куявянами, такъ и Греки, по ихъ примѣру, отъ тѣхъ же лодокъ — δρόμον (дромонъ) стали называть Куявянъ—Δρομῖται—(Дромитами).

Въ древнѣйшей, первоосновной лѣтописи нашей, относя ее не позднѣе какъ къ X вѣку, слова: веліе моужіе, или тоже, что дроузіи и моужіе, были синонимами Руссовъ, и выражали собою, какъ мы уже видѣли, то понятіе племеньства, доброродія, которое впослѣдствіи выражалось уже иначе, а именно: понятіе веліе моужіе, дроузіи смѣнилось словомъ: большіе бояре, а понятіе— моужіе, дроужина, словомъ: меньшіе бояре. Необходимо, однакоже, замѣтить, что, хотя въ позднѣйшихъ вѣкахъ названіе велий моужъ,—синонимъ Русса, и замѣнилось словомъ: бояринъ; но какъ боярство жаловалось за заслуги и не могло переходить по наслѣдству, то санъ боярина былъ только титуломъ чести, а никакъ не представителемъ наслѣдственнаго доброродства; почему слово: бояринъ нисколько не выражало въ точности того древняго понятія, какое соединялось съ названіемъ велия моужа и моужа, — синонимовъ Руссовъ, — выражавшихъ преимущественно исконное племеньство, т. е. потомственное доброродство. Моужъ и велий моужъ былъ представителемъ восходящаго отъ него и

нисходящаго доброродства. Бояринъ, пожалованный въ этотъ санъ изъ простородья и, вслѣдствіе сего, возведенный въ доброродные, передавалъ нисходящему отъ него потомству только номинальныя, а не кровныя права на доброродство. Но долго еще въ памяти народной и въ памяти древнихъ родовъ племенныхъ Руссовъ, если и не въ служебныхъ сферахъ, хранилось первобытное понятіе о значеніи велия моужа. Такъ напр., въ рукописи, недавно пріобрѣтенной Публичною Библіотекою: Толкованіе въ кратцѣ 16-ти словъ святаго Григорія Богослова чтомыхъ митрополита раклійскаго куръ Никиты,—въ концѣ ея находится слѣдующее послѣсловіе: «написаша же сія книгы повелѣніемъ господина велія мужа, благодатію же Божіею и дѣйствомъ Святаго Духа, раба Христова князя Василья Васильевича Шуйскаго, тогда же ему предръжащу скипетръ Новаграда Великого».

Князь Василій Васильевичъ Шуйскій былъ намѣстникомъ и воеводою въ Новгородѣ при великомъ князѣ Іоаннѣ III Васильевичѣ въ 7013 (1505) году.

Не можемъ не указать здѣсь на замѣчательное явленіе въ судьбахъ древнихъ Руссовъ. Участь ихъ у насъ на Руси, между Славянами, была совершенно иная, нежели на Западѣ, гдѣ, какъ мы уже говорили, вездѣ, при покореніи Славянъ другими народностями, Руссы, какъ вожди Славянства, какъ доброродство, племенство ихъ, обыкновенно вырѣзывались и такимъ образомъ уничтожались. Наши Славяне, отъ времени Рюрика, никогда не были покорены; оттого и Руссы ихъ не были вырѣзаны. Между тѣмъ эти Руссы, эти племенные, доброродные вожди народа и у насъ также мало по малу подверглись, если не конечному уничтоженію, то такому крайнему умаленію въ числѣ, что, наконецъ, даже вовсе забылось ихъ древнее, племенное значеніе, не смотря на то, что именемъ ихъ прозвалось громадное пространство земель съ своимъ многочисленнымъ населеніемъ. Какая же была причина такому умаленію числа древнихъ правительственныхъ Руссовъ между не покоренными никѣмъ Славянами? Причина этому была очень естественная и простая. Руссы, эти доброродные мужи, вожди народа, разъ прибывшіе изъ Новгорода на югъ, не умножались впослѣдствіи вновь прибывавшими съ сѣвера Руссами. Послѣднее по-

явленіе доброродныхъ мужей, съ Сѣвера, которымъ розданы были для управленія города, совершается еще при Владимірѣ, но далѣе мы уже не видимъ никакого пополненія вымиравшимъ и погибавшимъ въ битвахъ Руссамъ. Въ Лѣтописцѣ Русскихъ Царей (стр. 16, 17) мы читаемъ: «Рѣша Варязи (Володимеру): градъ преяхомъ, възложимъ на нихъ дань окоупа по 2 гривны на человѣка. И рече Владимиръ: пождите, донележе коуны съберуть за мѣсяць. И ждаша и не дасть имъ. И рѣша Варязи: сольстилъ еси нами, но покажи намъ поуть въ Грѣки. Он же рече: идете. И изъбра собѣ отъ нихъ моужи добры и смыслены и храбры, и раздаа имъ грады, а прочіи идоша ко Царюграду. И посла прѣдъ ними слы ко царю, глаголя: се идуть к тебѣ Варягы, не мозі ихъ дръжати въ градѣ, да не сътворять ти яко здѣ, но расточі я разно, а семъ не поущай». И въ то время, какъ многихъ Руссовъ смерть похищала и въ градахъ и на поляхъ брани, другіе изъ древнихъ родовъ ихъ, какъ выразительно замѣчаютъ наши древніе дѣеписатели «исхудали и извелись». По причинамъ такого, частію, умаленія и, частію, исхуданія древняго русскаго племенства, древнихъ доброродныхъ мужей, неизбѣжная сила необходимости замѣщала ихъ людьми изъ Славянъ, отличавшимися какою либо выдающеюся яркою доблестью, какими-либо необычайными, особенными заслугами, какъ мы уже видѣли этому примѣръ на Періаславѣ при Владимірѣ. Эти-то люди, пожалованные въ м о у ж е й и в е л і и х ъ м о у ж е й, получили, впослѣдствіи, званіе бояръ и дружины. Выраженіе—моужъ дроужинникъ сохранилось дольше, частію же употреблялось безразлично въ значеніи просто м о у ж а. Примѣры этому находятся въ позднѣйшихъ редакціяхъ какъ лѣтописнаго свода, такъ и русской правды; въ древнѣйшихъ же законахъ русскихъ, какъ мы убѣждены, замѣны этой не существовало, и какъ въ лѣтописцѣ Григорьевомъ, такъ и въ древней Русской Правдѣ, слова бояринъ не находилось. Позднѣйшее замѣщеніе этимъ словомъ древнѣйшаго: велий моужъ случилось уже тогда, когда слово: моужъ, какъ синонимъ слову: Роусъ, утратило первоначальное свое значеніе. Во всѣхъ позднѣйшихъ дополненіяхъ къ Ярославовой правдѣ выраженіе: моужие, это уже не собственно Роусы, не родовые моужие, не племеньство Роусовъ, а уже Роусы, такъ сказать, титулованные, титулярные

Роусы, или моужие, т. е. людие, Словене, простая чадь, пожалованные, произведенные въ Роусовъ. Примѣры подобнаго производства мы уже встрѣчаемъ занесенными въ лѣтописи какъ у Византійцевъ, такъ и въ нашемъ русскомъ временникѣ. Мы видимъ уже во времена Святослава людей простородныхъ пожалованными въ моужие, т. е. возведенными въ званіе Руссовъ. Кедринъ въ т. II, стр. 678, говоритъ: «Іюля двадцатаго дня вышли изъ Доростола всѣ Руссы подъ предводительствомъ и распоряженіемъ Икмора, почетнѣйшаго мужа у Скиѳовъ, занявшаго послѣ смерти Сфетелла второе мѣсто въ Русскомъ войскѣ. Икморъ достигъ этого высокаго званія, хотя и не происходитъ изъ знатнаго рода и не по одной благосклонности къ нему Святослава, но своими воинскими доблестями». При великомъ князѣ Владимірѣ мы видимъ занесенное въ русскій временникъ такое же производство въ моужие изъ простородья отрока Періаслава и отца его. Позднѣе, при Ярославѣ, въ Русской Правдѣ, мы не встрѣчаемъ ни одного собственно русскаго имени. Въ ней мы находимъ мужей уже только чисто съ словенскими именами. Вотъ эти имена по списку академическому [1]): «Правда оуставлена Роуськой земли, егда съвокоупилъ Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ, Коснячко, Перенѣгъ, Микыфоръ Кыянинъ, Чюдинъ Микула». По списку Троицкому [2]): «Оуставъ Володимѣрь Всеволодовича. Володимѣръ Всеволодовичъ, по Святополцѣ, созва дружину свою на Берестовѣмъ: Ратибора Киевьско тысячьского, Прокопью Бѣлогородьского тысячьского, Станислава Переяславьского тысячьского, Нажира, Мирослава, Іванка Чюдиновича, Олгова мужа». По списку Карамзинскому [3]): «Соудъ Ярославлихъ дѣтей. По Ярославѣ же пакы совъкоупившеся сынове его: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и моужи ихъ: Коснячко, Перенѣгъ, Никифоръ.

Какъ неопровержимое свидѣтельство о древнѣйшемъ, до христіанскомъ существованіи и началѣ русскихъ законовъ, вошедшихъ впослѣдствіи въ Ярославову Правду, служитъ упоминаніе о русскихъ законахъ въ договорахъ Олега и Игоря, а также и приводимое нами здѣсь мѣсто. Въ немъ также мы читаемъ слово моужъ, а не бояринъ. Вотъ это мѣсто: «аще будутъ рабьи

---

[1]) [2]) [3]) См. Рус. Правда, изд. Н. В. Калачова, 1846, стр. 3, 12, 21.

дѣти оу моужа, то задницы имъ не имати, но свобода имъ съ матерью [1]).

По происхожденію своему, законъ этотъ хотя и восходитъ къ глубокой древности, ко временамъ языческимъ, но какъ законъ не отмѣненный, онъ сохранялъ свою силу еще и во времена Ярославовы, для всего доброродія: друзій, веліихъ мужей и мужей.

Языческое — до христіанское происхожденіе этого узаконенія очевидно. Только въ язычествѣ моужие могли имѣть женъ веденицъ и хотей изъ рабынь. Только тогда дѣти какъ отъ женъ веденицъ, такъ и отъ хотій считались законными дѣтьми, съ тою только разницею, что дѣти отъ женъ веденицъ послѣ моужей,—отцевъ своихъ,—получали наслѣдство, а дѣти отъ хотій рабынь получали только вмѣстѣ съ своими матерями свободу, какъ это видно изъ вышеприведеннаго закона.

Въ извѣстныхъ вопросахъ Кирика Новгородскому епископу Нифонту, мы находимъ слѣдующія недоумѣнія, волновавшія тогдашнее бѣлое духовенство и вмѣстѣ епископское разрѣшеніе на эти вопросы. Приводимъ здѣсь эти недоумѣнія. Кирикъ говоритъ: «Рѣхъ ему: а оже, владыко, се друзіи наложници водять явѣ и дѣтя родять, яко съ своею, и друзи съ многыми отай робами, которое луче? Се недобро, рече, ни се, ни оно. Рѣхъ: владыко! аже пустити свободна? Сдѣ, рече, обычай нѣсть таковъ: а лѣпше иного человѣка въскупити, абы ся и другая на томь казнила». Не можемъ не замѣтить, по поводу этого мѣста, всей важности сличенія различныхъ древнихъ нашихъ памятниковъ, въ видахъ поясненія древнѣйшихъ выраженій въ нихъ, безъ чего невозможно никакое правильное ихъ пониманіе. Такъ, въ приведенномъ нами мѣстѣ, при сдѣланномъ нами сличеніи его съ другими подобными мѣстами, подлинный смыслъ его становится вполнѣ яснымъ. Въ немъ христіанское духовное лицо весьма естественно недоумѣваетъ, какъ примирить съ закономъ христіанскимъ не отмѣненные еще языческіе законы, дозволявшіе многоженство и относившіеся къ сословію доброродныхъ мужей, означаемыхъ словомъ друзіи. Въ этомъ смыслѣ и говорится: «обычай есть таковъ». Ученый издатель вопро-

---

[1]) Русск. Правда по Троицкому списку, стр. 92.

совъ Кирика, не имѣя въ виду этого древняго смысла древнихъ недоумѣній тогдашняго духовенства, не только и самъ впалъ въ недоумѣніе по поводу слова друзіи, но, по тому же поводу, неправильно, и даже прямо наперекоръ древнимъ спискамъ вопросовъ Кирика, прочелъ и обратилъ слово: есть совершенно въ противоположное: нѣсть, и вмѣсто словъ: обычай есть таковъ, напечаталъ: обычай нѣсть таковъ. А между тѣмъ первое древнее выраженіе указываетъ прямо на Русскую Правду, бывшую тогда еще въ силѣ, чѣмъ приблизительно опредѣляется также и самое время написанія вопросовъ Кирика. Чрезвычайно важный урокъ для изучающихъ древніе памятники и, особенно, для издателей ихъ! Урокъ о томъ, съ какою микроскопическою внимательностію необходимо относиться къ этому дѣлу вѣрнаго сохраненія для потомства дорогихъ завѣтовъ древности. Издатель вопросовъ Кирика, не смотря на всю глубокую свою ученость, за отсутствіемъ разносторонняго, не легкаго и весьма сложнаго сличенія этихъ вопросовъ съ другими памятниками, не только не разъяснилъ ни въ какомъ примѣчаніи древняго значенія слова друзіи, безъ котораго окончательно утрачивается всякій смыслъ какъ приведеннаго вопроса, такъ и отвѣта на него, у Кирика, но даже и вовсе оставилъ безъ всякаго вниманія это глубокознаменательное слово. А между тѣмъ здѣсь это слово рѣшаетъ необыкновенно важный вопросъ. Изъ этого мѣста мы узнаемъ то любопытное обстоятельство, что въ то древнее время, когда Кирикъ предлагалъ епископу свои вопросы,—на Руси, всилу Русской Правды, существовалъ у доброродныхъ мужей такой обычай, по которому не только по смерти добророднаго мужа, его наложницы, хоти и рабыни отпускались вмѣстѣ и съ дѣтьми, прижитыми отъ нихъ, на свободу, но тоже самое дѣлалось еще при жизни мужа, въ томъ случаѣ, если онъ желалъ прекратить съ ними сожительство. Въ смыслѣ этого-то обычая, Кирикъ и спрашиваетъ епископа: какъ слѣдуетъ поступить съ тѣмъ мужемъ, которому онъ внушаетъ, что многоженство противно христіанскому закону, и слѣдуетъ ли мужу, принявшему христіанство, совѣтовать отпустить всѣхъ своихъ хотей и рабынь на тѣхъ самыхъ правахъ свободы, какія предписывались законами Русской Правды для отпускаемыхъ наложницъ и рабынь, и, за тѣмъ, по христіанскому закону

остаться въ сожительствѣ съ одною только женою; на что епископъ, въ видахъ примиренія такихъ древне-языческихъ съ ново-христіанскими законами, относительно какъ самаго супружества, такъ и правъ его, даетъ отвѣтъ, что инаго человѣка, т. е. того, который имѣетъ много наложницъ, или рабынь, гораздо проще, или лѣпше убѣдить въскупитися, въ наказаніе всѣмъ его и наложницамъ и рабынямъ: абы ся и другая на томъ казнила.

Не можемъ не сказать при этомъ, какъ уже замѣтили выше, что все разсмотрѣнное нами мѣсто у Кирика, имѣетъ прямое отношеніе не только къ Русской Правдѣ, но и къ тому времени, когда вопросы Кирика были написаны. Очевидно, въ это время Русская Правда относительно всего своего состава, а слѣдственно и относительно языческихъ своихъ законовъ была еще на Руси во всей силѣ, и, значитъ, язычество еще сильно боролось съ христіанствомъ, чѣмъ самымъ опредѣляется глубокая древность и самыхъ вопросовъ Кирика. При такомъ порядкѣ вещей, служители христіанской вѣры не могли относиться къ язычеству иначе, какъ съ большимъ снисхожденіемъ. Въ противномъ случаѣ, рѣзко возставая противъ нѣкоторыхъ законовъ язычества, вошедшихъ въ плоть и кровь народную, опутавшихъ и проникшихъ собою весь семейный и гражданскій бытъ русскій, они не только оттолкнули бы отъ себя язычниковъ, но и прямо возставили бы противъ себя весь народъ. Съ наибольшею осмотрительностію и мягкостію надлежало, конечно, относиться къ законамъ о бракѣ, правахъ супруговъ и о наслѣдствѣ, особенно, гдѣ законы эти касались друзій т. е. князей, вельможъ и мужей, или, всего высшаго русскаго сословія, доброродія. Отсюда-то вопросы объ этомъ, какъ мы видимъ, такъ и занимаютъ Кирика. Оттого же отвѣтъ, данный ему епископомъ о томъ, чтобы вскупити инаго человѣка, какъ не составляющій одну изъ самыхъ мягкихъ, примирительныхъ мѣръ, и упраздняется другимъ совѣтомъ, совершенно противоположнымъ, который мы находимъ въ другомъ памятникѣ, именно въ отвѣтахъ Іоанна, митрополита русскаго, Іакову черноризцу. Вотъ что тамъ говорится по тому же предмету: «тож сътвори ти иж без студа и без разума иж двѣ женѣ імѣють, кромѣ сеа нашеа вѣры і греческо благовѣрное житіе.

Иже волхвованаа и чароданіа творяща, аще мужу и женѣ, словесе наказаніем показати, і обратити от злых; якож от зла непреложни будут, яро казнити на возбраніе злу, но не до смерти убивати, ни обризати сих телесе; не бо пріимает церковное наказаніе ученіа». [1]) Послѣдній совѣтъ, очевидно, болѣе согласенъ какъ съ христіанскими законами, такъ и съ тѣми, которыми Русь руководствовалась еще въ семейной своей жизни, на основаніи Русской Правды. Вообще, недоумѣніе по поводу браковъ, какъ и рѣшенія вопросовъ о нихъ, сильно занимавшія древнюю Русь, поясняютъ и другіе древніе письменные памятники. Такъ напр., въ грамотѣ в. к. Всеволода (Гавріила), данной имъ Новгороду, читаемъ: «А се изыскахомъ: у третьей женѣ и у четвертой дѣтемъ прелюбодѣйная часть въ животѣ. Аще будетъ полнъ животомъ, ино дастъ дѣтемъ третіей жены и четвертой по уроку; занеже тѣ и отъ закона отлучени. А человѣку ся получаетъ по грѣхомъ; занеже прелюбодѣйніи не благословенніи Богомъ. И азъ самъ видѣхъ тяжу промежу первою женою и дѣтей съ третьею женою и съ дѣтьми, и съ четвертою женою и съ дѣтьми. Изъ велика живота дати урочная часть по оскуду: а изъ мала живота, како рабочичищу часть, конь да доспѣхъ и покрутъ, по разсмотрѣнію живота: а тое все приказахъ епископу управливати, смотря въ номоканонъ. А мы съ своей души сводимъ». [2]) Этимъ мѣстомъ выясняется тотъ именно законъ Русской Правды, которымъ постановлялось: «аже будутъ рабіи дѣтии у мужа, то задница имъ не имати, но свобода имъ съ матерью», и который, очевидно, имѣлъ, какъ мы уже сказали выше, прямое отношеніе къ сословію доброродья, къ мужамъ. Любопытно также, въ приведенномъ выше мѣстѣ, то объясненіе, въ чемъ именно состояла, по правамъ наслѣдія, такъ называемая часть рабичищева (рабочища), изъ котораго мы узнаемъ, что именно ее составляли только конь, да доспѣхъ и покрутъ, по разсмотрѣнію живота, т. е. болѣе или менѣе цѣнные, глядя по состоянію, по достатку.

Не можемъ не обратить здѣсь вниманія, по связи съ нашимъ

---

[1]) См. Исторію Русск. церкви архіепископа Макарія т. II, стр. 346.
[2]) См. Исторію Русск. церкви архіепископа Макарія, т. II, стр. 362.

предметомъ, на такъ называемую статью Константинова Судебника «о безчестьи», помѣщенную въ Софійскомъ Временникѣ, вслѣдъ за Русскою Правдою и пользовавшуюся у насъ на практикѣ юридическимъ примѣненіемъ. «О безчестіи. А за безчестную гривну золота, аще будетъ баба была въ золотѣ и мати, взяти ему 50 гривенъ за гривну золота; аже будеть баба была въ золотѣ, а по матери ему не взяти золота, взяти гривна серебра, а за гривну серебра полъ осмы гривны кунъ [1]). Статью эту М. П. Погодинъ находитъ рѣшительно непонятною. Разбирая ее, онъ говоритъ: «Взяти ему». Кому же это «ему?» Обезчещенному мужу? «Мати, баба». Чьи? Обезчещенной жены? Что такое «безчестная гривна золота?» «50 гривенъ». Чего? серебра, золота, кунъ? Что такое «баба въ золотѣ?» что такое «а по матери не взяти золота?» Совершенно напротивъ, В. Лешковъ находитъ, что все въ этой статьѣ становится яснымъ, если только переставить въ ней знаки препинанія, — что онъ и дѣлаетъ, предлагая слѣдующее чтеніе статьи: «О безчестіи. А за безчестную (продажу) гривну золота, аже будетъ баба была (обезчещена); въ золотѣ имати; взяти ему (исцу за оскорбленіе бабки) 50 гривенъ (т. е. кунами) за гривну золота; аже будетъ баба была, въ золотѣ; а по матери ему не взяти золота, взяти гривна серебра; а за гривну серебра полъ-осмы гривны кунъ». Затѣмъ, для В. Лешкова остается тутъ только одинъ вопросъ: почему за бабку положена пеня въ 7 разъ большая, чѣмъ за мать? [2]).

Предоставляемъ нашимъ ученымъ юристамъ сличить приведенную выше статью съ греческимъ текстомъ, и положительно опредѣлить такимъ образомъ, на сколько вѣренъ переводъ ея,—причемъ, естественно, откроется, съ надлежащею достовѣрностью, и причина всякихъ неясностей въ ней и крайней ея непонятности, какую до сихъ поръ въ ней находили. Мы, съ своей стороны, непонятности этой въ ней не находимъ. Сличимъ ее съ указаніями, находящимися въ русскомъ лѣтописномъ сводѣ. Указанія, какія онъ представляетъ намъ, въ данномъ случаѣ слѣдующія: въ лѣтописномъ сводѣ по списку Переяславля Суздальскаго, въ Судѣ Ярослава, читаемъ:

---

[1]) Изслѣд. Замѣч. и лекціи М. П. Погодина т. VII, стр. 358.
[2]) Рус. народъ и государство, В. Лешкова, М. 1858, стр. 180, прим. 2.

«Аще кто жену зоветъ блядію, а будеть боярскаа жена. за срамъ. 5 гривенъ злата. а святителю такожъ. ажьли гражанка гривна 1 сребра. а епископу тажъ. а селянце. 60 коунъ. а святителю 3 гривны сребра» [1]).

Въ лѣтописномъ сводѣ по Ипатскому списку, подъ 1152 г., находимъ: «И види Ярослава сѣдяща на отни мѣстѣ въ черни мятли [2]) и въ клобуцѣ такоже и вси мужи его.»

При сопоставленіи этихъ указаній лѣтописнаго нашего свода съ вышеприведенною статьею: «о безчестіи» представляется возможность возстановить настоящее чтеніе этой статьи.

Чтеніе это, несомнѣнно, должно быть такое:

«О безчестіи. А за безчестную гривну золота, аже будетъ жена была въ золотѣ и мятли, взяти ему (святителю) 50 гривенъ за гривну золота, аже будетъ жена была въ золотѣ, а по мятли ему не взяти золота, взяти гривна серебра; а за гривну серебра пол-осмы гривнѣ кунъ». Каждый, вѣроятно, согласится, что, на основаніи приведенныхъ выше сходныхъ мѣстъ, само собой слѣдуетъ поставить здѣсь, на мѣсто словъ: баба, мати и матери, слова: жена и мятли. При возстановленіи такимъ образомъ чтенія, статья эта получаетъ ясность, осмысливается и дозволяетъ намъ видѣть въ ней слѣдующее, точно опредѣленное постановленіе.

Изложимъ это постановленіе современнымъ русскимъ языкомъ:

«О бесчестіи. Если жена была въ золотѣ и мантіи, то платить за бесчестье гривну золота; если же она была только въ золотѣ, то за мантію не платить, и платить не гривну золота, а гривну серебра».

Постараемся разъяснить это постановленіе.

Выше указано нами, что отличительными видимыми знаками достоинства мужей и ихъ женъ были монисты, золотыя украшенія и мантіи (мятли). Законъ имѣлъ, очевидно, въ виду, что всякій, оскорблявшій жену, бывшую въ золотѣ и мантіи, оскорблялъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, завѣдомо, супругу велія моужа, или моужа, а потому, естественно, подлежалъ и высшей пени; тотъ же, кто оскор-

---

[1]) Лѣтоп. Изборникъ по списку Переяславля Суздальскаго, л. 504 об.

[2]) Мятль-pallium, мятлемъ Vost. 1, 257, Germ. mantel cf. мантия (см. Lexic. palaeoslov—graeco-latin Fr. Miclosich, fasc. III, pag. 394.)

блялъ женщину, украшенную золотомъ, хотя бы и жену велия моужа, или моужа, но не бывшую въ мантіи, платилъ святителю меньшую пеню, именно гривну серебра, т. е. ту пеню, какая, какъ мы видѣли, полагалась за горожанку, а за мантію святителю платить не обязывался, какъ за оскорбленіе жены велия моужа по невѣдѣнію.

Не можемъ не сказать здѣсь нѣсколько словъ объ исторической и, частію, юридической сторонѣ дѣла. Статья о безчестіи не могла входить въ составъ Русской Правды. Она составляетъ неотъемлемую часть церковнаго устава. Написанная переписчикомъ въ концѣ Судебника царя Константина, въ Софійскомъ Временникѣ, она явилась тамъ, по всей вѣроятности, случайно. Статья эта особенно любопытна тѣмъ, что она представляетъ собою позднѣйшее мудрое поясненіе на статью «о безчестьи», находящуюся въ церковномъ уставѣ великаго князя Ярослава, и, читаемая вслѣдъ за этою статьею, даетъ ясный отвѣтъ на вопросъ, такъ затруднявшій М. П. Погодина: кому же это ему? Святителю.

Выше мы уже видѣли, что государственная территорія считалась общимъ наслѣдіемъ всего княжескаго рода и всѣхъ русскихъ мужей. Отсюда мы должны прямо заключить, что единство Русской земли есть произведеніе племенства добродныхъ мужей— Руссовъ, отъ которыхъ наши славянскія области и получили названіе Русской земли. Эти-то Руссы, по единству своихъ понятій, обычаевъ и воззрѣній на верховную власть, возбудили и поддержали связь и единство Русскаго княжескаго дома въ нашихъ славянскихъ областяхъ. Сама наша великокняжеская предержащая власть, какъ власть доброродныхъ князей и мужей Руссовъ, называлась не только въ X вѣкѣ, во времена Григорія, епископа Болгарскаго, властію Русскою, но даже и позднѣе, примѣръ чему мы видимъ уже въ концѣ XI вѣка. Такъ въ лѣтописномъ сводѣ по Ипатскому списку подъ 1078 годомъ читаемъ: «Всеволодъ же сѣде Киевѣ на столѣ отца своего и брата своего, переемь всю власть Рускую».

На основаніи всего того, что приведено выше, какъ изъ свидѣтельства древнѣйшей нашей лѣтописи, такъ и другихъ достаточно важныхъ древнихъ памятниковъ, теперь для каждаго ста-

петъ ясно знаменитое западное свидѣтельство о подлинномъ значеніи Руси. Говоримъ о Бертинскихъ лѣтописяхъ. Сопоставляя разсказъ ихъ со всѣми другими подобными нашими лѣтописными разсказами, особенно съ разсказомъ объ Аскольдѣ и Дирѣ, мы находимъ разительно совпадающій смыслъ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь рѣчь идетъ о Варягахъ,— о людяхъ простородныхъ, самозванно назвавшихся Руссами, лицами доброродными. Что говорятъ намъ Бертинскія лѣтописи? Въ нихъ повѣствуется, какъ нѣкоторые люди, посланные въ 839 г. императоромъ Ѳеофиломъ изъ Константинополя къ императору Людовику Благочестивому, назвавшіеся Росами, явившись при дворѣ, въ Ингельгеймѣ, были заподозрѣны тамъ относительно своего происхожденія и задержаны, для точнаго розысканія о нихъ, при чемъ открылось, что они были простые Свеоны. Странное толкованіе давалось такому самозванству этихъ людей извѣстными поклонниками Норманскаго рѣшенія вопроса о нашемъ происхожденіи. Предполагали, будто люди эти потому именно и назвали себя Россами, что они были не Россы, а Свеоны. Трудно придумать болѣе трудное объясненіе, но такъ дѣйствительно объяснялось это самозванство, по предвзятой напередъ идеи о тожествѣ Руссовъ съ Свеонами. Между тѣмъ все дѣло объясняется очень просто. Людямъ, назвавшимъ себя Россами, не было бы, конечно, никакой выгоды называть себя этимъ именемъ, если бы имя Руссовъ было только точно такимъ же названіемъ русскаго народа, какъ и слово Свеоны было названіемъ народа шведскаго. Но вполнѣ ясно, какую пользу могли извлечь эти простородные люди, Свеоны изъ названія себя Руссами въ тотъ вѣкъ, когда слово Руссы означало собою тѣхъ доброродныхъ мужей, тѣхъ правителей, предержащихъ власть, отъ имени которыхъ, впослѣдствіи, всѣ подвластныя имъ земли и людіе прозвалися Русскими. При такомъ только наименованіи себя моужами, Руссами, эти людіе Свеоны, и могли расчитывать на особое благоволеніе къ нимъ императора и увѣрять его о своей близости къ царю, который будто бы самъ прислалъ ихъ къ императору византійскому. На такомъ только правѣ своего доброродія они и могли основывать свои надежды на исполненіе императоромъ ихъ просьбы, относительно доставленія имъ средствъ и пособія къ возврату ихъ до-

мой чрезъ его державу. Ничего подобнаго не могли бы они, конечно, ожидать отъ ничего не значущей подмѣны одного названія другимъ, если имя Россовъ считали бы они, также какъ считаютъ его нѣкоторые ученые, въ защиту своей теоріи, однимъ только названіемъ народности. Изъ всего этого вполнѣ ясно, что и здѣсь, въ лѣтописяхъ Бертинскихъ, рѣчь идетъ также о подобномъ же самозванствѣ, о какомъ повѣствуетъ и наша лѣтопись въ своемъ сказаніи объ Аскольдѣ и Дирѣ. Странно, какъ до сихъ поръ ни одинъ изъ ученыхъ не задавалъ себѣ вопроса, почему именно эти люди, при самомъ появленіи своемъ во дворцѣ, возбудили уже противъ себя всеобщее подозрѣніе, какъ скоро назвали себя Руссами, и почему, какъ только императоръ Людовикъ Благочестивый вступилъ съ ними въ разговоръ о дѣлахъ политическихъ и придворныхъ, онъ тотчасъ же открылъ, что они не изъ числа Русовъ,—мужей доброродныхъ, а изъ—простородья? Отвѣтъ на это очень простъ и ясенъ: оттого, что они въ этихъ разговорахъ оказались людьми простородными, совершенно невѣжественными, не знавшими ни дворскихъ обычаевъ, ни современныхъ политическихъ событій, и, вообще, не соотвѣтствовавшими нисколько тому названію мужей, Руссовъ, какое они себѣ самозванно присвоили, что и подало поводъ императору приказать задержать ихъ и произвести строгое дознаніе, по которому и открылось, что они просто Свеоны. Другаго рѣшенія этому вопросу, на основаніи Бертинскихъ лѣтописей, логически сдѣлать невозможно.

Когда Одинъ, представитель древнѣйшей Русской династіи, во главѣ подвластныхъ ему Славянъ, удалился, какъ извѣстно, съ Юго-Востока на Сѣверъ, то тамъ, на берегахъ Балтійскаго прибережья, онъ основалъ древнѣйшее сѣверное Русское царство, которое впослѣдствіи, спустя много столѣтій, въ силу близкаго, сосѣдняго вліянія Скандинавовъ, мало по малу утратило и видоизмѣнило свое первоначальное древнее богопочитаніе, состоявшее въ

единобожіи. Съ другой стороны, также и въ древнѣйшихъ мѣстахъ осѣдлости Славянъ на Юго-Востокѣ, произошли не менѣе существенныя перемѣны въ ихъ культѣ. Тамъ, также по случаю замѣны древнѣйшей, власть державшей, Русской династіи другими династіями, вмѣстѣ съ уничтоженіемъ Руссовъ, уничтожилось и древнее славянское единобожіе. По древнему закону Славянъ: «чья земля, того и вѣра», новыя династіи, очевидно, державшіе многобожіе, привили это же самое богопочитаніе и къ народу. Такой новый культъ не могъ не оказать вліянія и на самый образъ властедержательства у Славянъ. Какъ единобожіе, по своей основной идеѣ единства, объединяло собою все въ Славянствѣ подъ единою, предержащею властію, подъ единовластіемъ, такъ многобожіе не могло оказать сокрушающаго, раздробляющаго вліянія на это единство. Происшедшая отсюда рознь, дробленіе выразилось въ новомъ демократическомъ началѣ власти. Древняя царская власть князя-главы, и его друзій—княжья и моужей, смѣнилась другимъ правленіемъ, властью старѣйшинъ, которая и выразилась въ демократическомъ народномъ представленіи о власти и о народѣ понятіями о бѣлой кости и черной кости.

Выше мы говорили о существенной необходимости правильнаго пониманія древнѣйшихъ выраженій въ письменныхъ нашихъ памятникахъ и, особенно, о важности нѣкоторыхъ изъ нихъ для объясненія самыхъ основъ въ строю всей древле-славянской жизни. Въ числѣ такихъ именно выраженій мы отмѣтили слова: дроузіи, моужие, племя и родъ. Для объясненія подлиннаго древняго ихъ значенія, обратимся къ древнѣйшимъ произведеніямъ нашей письменности. Здѣсь мы приведемъ прежде всего библейскія слова по переводу, находящемуся въ Съборьникѣ Григорія, епископа Болгарскаго. Цѣль наша, при этомъ двоякая: какъ та, чтобы представить изъ этаго древнѣйшаго памятника нашей письменности прямое подкрѣпленіе и поясненіе древнѣйшему смыслу объясняемыхъ нами словъ, такъ и та, чтобы познакомить нашихъ читателей съ самымъ этимъ памятникомъ.

И създа Богъ человѣка пръсть въземъ отъ земля и вьдоуноу въ	Καὶ ἔπλασεν ὁ Θεὸς τὸν ἄνθρωπον χοῦν ἀπὸ τῆς γῆς· καὶ ἐνεφύσησεν εἰς

лице его духъ животенъ и живоу силоу душа прия [1]).	τὸ πρόσωπον αὐτοῦ πνοὴν ζωῆς, καὶ ἐγένετο ὁ ἄνθρωπος εἰς ψυχὴν ζῶσαν.

Въ переводѣ Григорія, епископа Болгарскаго, выписка изъ сочиненія Іоанна Антіохійскаго:

«И бысть человѣкъ оживленъ душевнымъ естествомъ духъ же святый исъшедъ не самъ бысть человѣку душа. но душу сътвори. да оживляетъ тѣлесныи съсудъ. разумѣи же. егда и еще не бѣ человѣку душа яко мертвъ бѣгашеть тѣло не имы чютіа всемоу съставоу егда ли Господь вложи в онь душю. и съчта ю тѣлеси. и оукраси ею человѣка. и оживи ею тѣлесныи тотъ съсудъ. и бысть человѣкъ оумное чювство приемля въ душу живоу. душа же оубо не отъ пръсти есть. но отъ Божіа сътвореніа. сътворена легка. безътѣлесна оживляющи. и оукрѣпляющи тѣлесный съсудъ аще въ тѣлеси обрящеть несмоутимъ мозкъ ти подати ему свѣтъ. аще ли обрящеть емоу сердце оувѣтливо подаеть емоу разоумъ все оубо тѣло душа оживляеть, свѣщаніе жъ с мозкомъ и сердцемъ творить. понеже примѣшена есть тѣлеси сроднаго съоуза по съставу възрастно. душа оубо есть бесплотна и невидима и неизреченна. тѣло отъ пръсти. Божіимъ твореніемъ. видимо и осязаемо недоугы и болѣзни подъемля. душа же та Божіимъ повелѣніемъ тѣлеси причящьшися оживляеть плоть. и плоти силоу невидимо подаеть. въ влазѣ же еи будоущи телеснѣи и плоть красить и тѣлесный съсоудъ на веселие понуждаеть. сама бесплотна соущи. но Божиимъ съоузомъ съчтана тѣлеси, приемлеть пакы и плотныя страсти. тѣло оубо раны приемлющю. душа оубо въпиеть. и подъемлеть тѣлесныя болѣзни. аще оубо тѣло болить. душа оубо свѣтъ въспріимши отъ сердца и мозку оуказаеть болѣзни. аще ли приключится рана сердцю и мозку, и искачеть душа не тръпить сужичества, и въ тузѣ любимаго съоуза».

Въ приведенномъ мѣстѣ изъ перевода, находящагося въ Сборникѣ Григорія, мы не можемъ не замѣтить чрезвычайно важнаго философскаго его значенія. Какъ это мѣсто, такъ и слова библейскаго текста, ему предшествующія, очень явно служатъ опроверженіемъ извѣстному пантеистическому ученію стоиковъ. Въ текстѣ мы имѣемъ здѣсь необыкновенно важный варіантъ относительно сотворенія самой души человѣка. Все это мѣсто, приводимое Іоанномъ Антіохій-

[1] Быт. Глав. II, с.7.

скимъ, глубоко затрогиваетъ здѣсь вѣковой и, вмѣстѣ, самый современный, животрепещущій вопросъ о душѣ и о союзѣ ея съ тѣломъ. Вопросъ этотъ онъ рѣшаетъ въ строго научномъ философскомъ смыслѣ противу пантеизма. Мѣсто, приводимое для этаго Григоріемъ по Іоанну Антіохійскому, заключаетъ въ себѣ основныя положенія, лежащія и до сихъ поръ въ самомъ корню чистаго монотеизма. Считаемъ не излишнимъ кстати здѣсь замѣтить, что въ Діоптрѣ инока Филиппа заключается бесѣда души съ плотію, о разныхъ предметахъ: душа предлагаетъ плоти разные вопросы; плоть, разрѣшая эти вопросы, величаетъ душу своею госпожею и владычицею, а себя называетъ рабынею [1]).

Приводимъ еще нѣсколько библейскихъ изреченій, по переводу, находящемуся въ Съборьникѣ Григорія, епископа Болгарскаго: «Въ потѣ лица твоего яси хлѣбъ твой, дондеже възвратишися въ землю, отъ неяже взятъ еси, яко земля еси и въ землю пойдеши» [2]). Такъ говорилъ Господь Богъ первому человѣку по грѣхопаденіи. Въ этихъ священныхъ глаголахъ, давшихъ законъ всему будущему быту человѣчества, коренится начало не только общей жизни народовъ, но вмѣстѣ и того различія сословій, какое особенно мы наблюдаемъ у Словенъ. Законъ объ отношеніи человѣка къ небу и землѣ становится символическимъ выраженіемъ человѣческаго общественнаго строя во всѣ вѣка, во всѣхъ земляхъ и странахъ свѣта. Небо, земля и человѣкъ связаны между собою таинственнымъ, неразрывнымъ союзомъ. Покуда человѣкъ прельщается благами земли, онъ остается черною костью, онъ пребываетъ въ нисшемъ состояніи, въ дѣтствѣ. По мѣрѣ того, какъ онъ приходитъ въ мужество, т. е. начинаетъ нравственно постепенно улучшаться, совершенствоваться, душевно возноситься къ небу, онъ признается въ кругу своемъ старѣйшиною, онъ становится бѣла кость. Таковъ неизмѣнный законъ и въ тѣлесной людской природѣ: человѣкъ въ молодости имѣетъ на головѣ волосы темнаго цвѣта, когда онъ начинаетъ приближаться къ возрасту мудрости,

---

[1] См. въ Синод. библ. подъ № $^{170}/_{930}$ Діоптру инока Филиппа—рукоп. въ 4-ку, конца XV вѣка.

[2]) Изборникъ Григорія, еп. Болгарскаго, лист. 14. Кн. Быт. гл. III, ст. 19.

тогда волосы на головѣ его начинаютъ постепенно бѣлѣть. Свѣтъ, бѣлизна—отличительное качество всего высшаго, небеснаго: тма, чернота-отличіе земли, всего нисшаго. Небо ясно, свѣтло, бѣло; земля, какъ извѣстно, темнаго цвѣта, черна, отсюда, у древнихъ языческихъ Славянъ вѣрованіе въ Бѣлбога и Чернобога. По понятіямъ древняго, языческаго человѣка, Бѣлбогъ владычествовалъ на небѣ, Чернобогъ обиталъ въ преисподней земли. И здѣсь, у язычниковъ, мы видимъ бѣлый цвѣтъ, какъ выраженіе всего самаго высшаго, божественнаго, а черный цвѣтъ, какъ выраженіе нисшаго, земнаго. Вода—стихія высшая противъ земли, свѣтлая, бѣлая, напоминающая цвѣтомъ своимъ также небо, служила у Славянъ, какъ замѣчаетъ С. А. Гедеоновъ, выраженіемъ всего святаго, возвышеннаго. Отсюда мы видимъ, въ средѣ божествъ ихъ женскаго рода, божества-русалокъ. Замѣчательно, что у древнихъ Славянъ, у которыхъ женщины пользовались высокимъ уваженіемъ, какъ у Германцевъ, женщинѣ приписывалось названіе, производимое также отъ бѣлаго цвѣта, именно бѣла плоть. Названіе это и до сихъ поръ сохранилось въ древнихъ памятникахъ польскаго языка. По такому же значенію бѣлаго цвѣта въ Сибири, и до сихъ поръ волки бѣлой шерсти, которые составляютъ рѣдкое явленіе, называются князьками. Не лишнимъ считаемъ войти здѣсь въ нѣкоторыя историческія и филологическія подробности относительно того древняго символизма, отъ котораго ведетъ свое начало древнее значеніе бѣлой кости. Бѣлый цвѣтъ, начиная отъ самой глубокой древности, всегда считался символомъ, отличительной принадлежностью всего высшаго и самаго божества. Такъ у Пророка Даніила божество является облеченнымъ въ одежду бѣлую какъ снѣгъ, и власы главы его какъ волна чистая. Въ гл. VII, ст. 9 Пророка Даніила, по переводу, находящемуся въ Съборьникѣ Григорія, епископа Балгарскаго, читаемъ объ этомъ: «Видѣхъ дондеже престоли поставлени быша, и ветхыи деньми сѣде, и одѣніе его яко снѣгъ бѣло, и власи главы его яко влъна чиста, и престолъ его пламень огненъ, колеса его огнь поляи». Въ противоположность тому, все черное, темное, мрачное, означало всегда все нисшее, не божественное, земное. Такое различеніе свѣта отъ тьмы, а вмѣстѣ и бѣлаго отъ чернаго, мы

находимъ въ самомъ началѣ божественнаго откровенія, въ кн. Бытія гл. 1, ст. 4. Въ языческихъ древнѣйшихъ религіяхъ видимъ тоже самое. Таковы у Персовъ Ормуздъ и Ариманъ. Первый, превысшій надъ всѣмъ, возсѣдитъ на престолѣ изъ свѣта и окруженъ свѣтомъ, второй погруженъ въ вѣчный мракъ [1]). Тому же учатъ законы Ману у Индійцевъ: міръ погруженъ во мракъ, пока не является въ немъ свѣтъ отъ божества [2]). Въ египетскомъ ученіи по Пимандру, свѣтъ также божество; тьма все, противоположное ему [3]). Въ преданіяхъ, сохраненныхъ Греками, Озирисъ богъ свѣта, Тифонъ—духъ тьмы. Согласно съ такими же понятіями, цвѣтъ бѣлый былъ аттрибутомъ Юпитера, а черный Плутона. У Римлянъ сохранилось тоже самое преданіе, въ силу котораго, въ 1 день Января, консулъ, весь въ бѣломъ и на бѣломъ конѣ, ѣхалъ къ капитолію торжествовать побѣду Юпитера, бога свѣта, надъ гигантами, духами тьмы [4]). Въ Тибетѣ, какъ и въ Индіи и на о. Явѣ божество называется Not-Tkar, что значитъ бѣлый цвѣтъ [5]). У Китайцевъ находимъ такое же ученіе о свѣтѣ и тьмѣ, какъ и у древнихъ Персовъ. Yn и Yang у нихъ то же, что Ормуздъ и Ариманъ въ Зенд-Авестѣ [6]). Тоже самое ученіе перешло и въ Скандинавскія Эдды [7]). Отсюда же, у всѣхъ народовъ бѣлый цвѣтъ сталъ отличіемъ лицъ высшихъ, служащихъ божеству. У Евреевъ высшія духовныя лица облачались въ бѣлыя одежды [8]). Маги одѣвались также въ бѣлый цвѣтъ. Бѣлые кони были посвящены солнцу [9]). Въ Египтѣ бѣлая тіара украшала Озириса. Одежды его были также бѣлыя [10]). Въ

---

[1]) Boun-Dehesch, pag. 343, 344.

[2]) Laws of Manu, lib. 1, § 5, 6. Ср. Sir W. Jones, vol. III, 352.

[3]) Pimander, § 4.

[4]) Creuzer. Religions de l'Antiquité, VI, 796.

[5]) The Asiatic Journal 1835, Iuly, pp. 16—26.

[6]) Mmoir of Paultier upon the doctrine of Tao, p. 1—31, 37.

[7]) Ampère: Littérature et voyages, p. 394. Finn Magnusen. The el der Edda, p. 17 и The Edda of M. Mallet.

[8]) Cunaeus Respub. Hebracor. lib I, cap. I.

[9]) Brissot, de Regro Persarum, lib. II, initio. Anquetil: Zend-Avesta t. II, p. 529.

[10]) Apulcii Metamorph. lib. XI. Herodotus lib. II, 37.

ровъ жрецъ Flamen Dialis (исполнитель высшихъ священныхъ обрядовъ) носилъ бѣлый головной уборъ [1]). Жертвы Юпитеру приносились обыкновенно бѣлыя [2]). Тотъ же символъ бѣлаго цвѣта, съ такимъ же точно значеніемъ, былъ въ употребленіи и у браминовъ. Въ Скандинавіи, у Германцевъ, у Кельтовъ находимъ тоже самое. Плиній упоминаетъ, говоря о Друидахъ, что они носили бѣлыя одежды и приносили въ жертву бѣлаго быка [3]).

Вѣчная жизнь блаженныхъ духовъ у всѣхъ народовъ въ древности всегда имѣла символомъ также бѣлый цвѣтъ. Такъ, въ Ѳивахъ, тѣни умершихъ изображались въ бѣломъ одѣяніи [4]). По свидѣтельству Геродота, въ видахъ такого значенія бѣлаго цвѣта, погребались и умершіе въ бѣломъ же одѣяніи [5]). О томъ же обычаѣ въ древней Греціи упоминаетъ и Гомеръ. Пиѳагоръ убѣждаетъ своихъ учениковъ также соблюдать этотъ обычай [6]). Павзаній говоритъ о такомъ же обычаѣ у Мессенцевъ, которые погребали своихъ покойниковъ въ бѣлыхъ одеждахъ съ золотыми вѣнками на головахъ, въ знакъ побѣды надъ темными силами [7]). У Евреевъ такое же одѣяніе употреблялось при погребеніи [8]). У Японцевъ при бракосочетаніи, въ смыслѣ того, что невѣста начинаетъ новую, лучшую жизнь и умираетъ для прежней, она всегда бываетъ въ бѣломъ одѣяніи [9]). У Китайцевъ бѣлый цвѣтъ означаетъ высшее правосудіе [10]). По древнему обычаю, у христіанъ, оглашаемые облекались, на цѣлую недѣлю, въ бѣлыя одежды [11]).

---

1) Elihu Rich: the signif. of colours L., 1851, p. 22.
2) Aulus Gellius, Noct. Att. lib. X, cap. 15.
3) Plinii, lib. XVI и XXIV.
4) Description de l'Egypte, Planches.
5) Геродотъ, кн. II, гл. 81.
6) Iamblichus de vita Pythag. num. CLV.
7) Pausanius, in Messen, lib. IV.
8) Buftorf Scol. jud. cap. XLIX.
9) Titsingh, Cérémonies usitées au Japon.
10) Visdclou, Notice suv l'Y-King à la suite du Chouking. p. 428.
11) Solerius de Pileo.

Древнее значеніе бѣлаго цвѣта, какъ символа высшаго существа и, отсюда, высшаго состоянія, проникло и въ самое значеніе словъ. Такъ, у Грековъ слово бѣлый λευκὸς значитъ также: блаженный, счастливый, пріятный, радостный. Юпитеръ назывался, по этому же Leuceus. У Римлянъ слово кандидатъ — candidatus, имѣло такое же происхожденіе. Оно значило одѣтаго въ бѣлое платье, въ знакъ исканія повышенія. У Германцевъ слово бѣлый — weiss — значило одно съ мудростью, знаніемъ,—ich weiss, wissen. У Англо-Саксовъ слово бѣлый—white близко съ словомъ wit, остроуміе, witty, остроумный, и wisdom, мудрость.

Въ геральдикѣ встрѣчаемся съ тѣмъ же значеніемъ бѣлаго цвѣта [1]). Lamotte—le Vayer говоритъ: «бѣлизна нашей лиліи, нашихъ шарфовъ, нашей повязки — символъ нашей свободы [2])». Отсюда же, изъ глубокой древности, идетъ и значеніе слоновой кости, по ея бѣлому цвѣту, какъ символа правды, справедливости, истины. Всѣ истинныя сновидѣнія, по древнему ученію, приходили къ человѣку отъ высшаго міра, сквозь врата изъ бѣлой слоновой кости, а всѣ лживыя чрезъ врата изъ простаго рога. Юпитеръ возсѣдалъ на престолѣ также изъ бѣлой слоновой кости [3]). Хранящійся въ московской оружейной палатѣ тронъ великаго князя Іоанна III-го сдѣланъ также изъ слоновой кости.

Отсюда же идетъ и вообще значеніе бѣлой кости, какъ символа высшаго, царственнаго, даже божескаго происхожденія, на основаніи указаннаго выше значенія бѣлаго цвѣта. Въ доказательство тому, что, начиная отъ самой глубокой древности, кость и плоть служили символами поколѣннаго происхожденія, приводимъ нѣкоторыя мѣста изъ Ветхаго Завѣта по переводу, находящемуся въ Григоріевомъ Съборьникѣ.

Кн. Быт. гл. II, ст. 23.

Славянскій текстъ по переводу, находящемуся въ Съборьникѣ Григорія еписк. Болгарскаго, лист. 17.	Греческій текстъ по Лейпцигскому изд. 1698 с. 3.

[1]) Gassier: Histoire de la chevalerie Française p. 351—2. Anselm: Palais de l'honneur, p. 11 и 12. La Colombière, Science Héroique, p. 34.

[2]) Opuscules, p. 227. Paris, 1647.

[3]) Aulu Gellius, Noct. Att. lib. X, cap. 5.

И рече Адаамъ, се нынѣ кость отъ костіи мои и плоть отъ плоти моея си наречется жена. яко отъ мужа своего взята бысть си.	Καὶ εἶπεν Ἀδάμ· Τοῦτο νῦν ὀστο ἐκ τῶν ὀστέων μου, καὶ σὰρξ ἐκ τῆ σαρκὸς μου. αὕτη κληθήσεται γυνή, ὅτι ἐκ τοῦ ἀνδρὸς αὐτῆς ἐλήφθη.

2 кн. Цар. гл. V, ст. 1.

Славянскій текстъ по переводу, находящемуся въ Сборьникѣ Григорія, епископа Болгарскаго, лист. 233.	Греческій текстъ по Лейпцигскому изд. 1698, стр. 364.
Приидоша вся колѣна Израилева къ Давиду въ Хевронѣ глаголюще. и се кости твоя и плоти твоя и мы.	Καὶ παραγίνονται πᾶσαι αἱ φυλαὶ Ἰσραὴλ πρὸς Δαυὶδ εἰς Χεβρὼν, καὶ εἶπαν αὐτῷ· ἰδοὺ ὀστᾶ σου, καὶ σάρκες σου ἡμεῖς.
Славянскій текстъ Острожской Библіи, 1580. листъ 142.	Латинскій текстъ по Лейденскому изд. 1568.
И приидоша вси племена Израилеви къ Давиду въ Хевронъ и глаголаша ему. се кости твоя и плоть твоа мы есмы.	Et venerunt uniuersae tribus Israel ad Dauid in Hebron, dicentes: Ecce nos os tuum, et caro tua sumus.

2 кн. Цар. гл. XIX, ст. 12, 13.

Славянскій текстъ по переводу, находящемуся въ Съборьникѣ Григорія, епископа Болгарскаго, лист. 242 об.	Греческій текстъ по Лейпцигскому изд. 1698, стр. 389.
Братия моя есте кости моя, плоть моя вы есте. да почто бысте послѣдніи да возвратите царя въ домъ свой.	Ἀδελφοί μȣ ὑμεῖς ὀστᾶ καὶ σάρκες μȣ ὑμεῖς· ἱνατί γίνεσθε ἔσχατοι τοῦ ἐπιστρέψαι τὸν βασιλέα εἰς τὸν οἶκον αὐτοῦ.
И Авесалу рцѣте. нѣси ли ты кость моя и плоть моя ты еси и нынѣ ми сътвори Богъ и приложю ти быти се князю силну прѣд мною вся дни въ Ава мѣсто.	Καὶ τῷ Ἀμέσσαι ἐρεῖτε· οὐχὶ ὀστοῦν μου καὶ σάρξ μου σὺ, καὶ νῦν τάδε ποιῆσαι μοὶ ὁ Θεὸς καὶ τάδε προσθείη, εἰ μὴ ἄρχων δυνάμεως ἔσῃ ἐνώπιον ἐμοῦ πάσας τὰς ἡμέρας ἀντὶ Ἰωάβ.
Славянскій текстъ Острожской Библіи 1580, лист. 108.	Латинскій текстъ по Лейденскому изд. 1568.
Братія моя есте, и кости моя есте	Fratres mei vos, os meum et

и плоть моя вы есте, то почто бысте послѣдніи, еже възвратити царя в домъ его.	caro mea vos, quare novissimi reductis regem?
И Авесаю рцѣте нѣси ли кость моя и плоть моя ты еси. и нынѣ се ми да сътворитъ Богъ. и се да приложитъ аще не будеши князь силы, предо мною, по вся дни въ Иоава мѣсто.	Et Amase dicite, nonne os meum et caro mea es? Haec faciat mihi Deus et haec addat si non magister militiae fueris coram me omni tempore pro Joab.

Указанное нами выше древнѣйшее значеніе бѣлаго цвѣта сохранилось также и въ названіи Кагана Хозарскаго «святымъ» царемъ. У арабскаго писателя X вѣка Ибнъ-Даста, который говоритъ, что Хозары титулуютъ его «главою главъ», что они зовутъ его: «свіатъ царь», сказывается отчасти происхожденіе такого же соотвѣтственнаго народнаго названія царя Русскаго бѣлымъ царемъ, такъ какъ цвѣтъ бѣлый, свѣтлый прямо отвѣчалъ, въ изначальномъ, древнемъ, общераспространенномъ символизмѣ понятію о святости власти, или, что тоже, власти, освященной происхожденіемъ отъ божества. Отсюда, точно также, какъ въ церковной нашей письменности, царская власть, перешедшая въ славянскомъ мірѣ къ Руссамъ, какъ мы видѣли, преемственно отъ Хозаръ, сохранила въ ней тоже названіе, что и у Хозаръ, названіе Кагана [1]); такъ и въ народной рѣчи, тоже самое неотъемлемое свойство святости, соединявшееся съ понятіемъ верховной власти въ понятіяхъ славянскихъ народовъ и выражавшееся при династическомъ хозарскомъ управленіи словами «свіатъ царь», перешло, преемственно, и къ послѣдовавшему затѣмъ династическому управленію Руссовъ, и выразилось въ народномъ говорѣ, на основахъ древняго символизма, хранящагося въ народныхъ преданіяхъ, выраженіемъ: «бѣлый, свѣтлый, пресвѣтлый». Далѣе, по такому же названію самого царя, и все его царство должно было прозваться святой и бѣлой Русью; точно также, какъ по этой же русской, царственной власти, и всѣ земли славянскія,

[1]) А. Я. Гаркави: Сказаніе мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ СПБ. 1870, стр. 266.

управляемыя ею, стали издревле называться Русью. Впослѣдствіи названіе Бѣлой Руси сохранилось не вездѣ; но названіе бѣлаго царя живетъ и до сихъ поръ широко, почти повсемѣстно, въ памяти народовъ славянскихъ. Относительно названія царя Славянъ каганомъ при русской династіи, по примѣру предшествовавшей, хозарской династіи, еще не изгладившейся изъ памяти Славянъ Херсонскихъ, даже въ позднѣйшія времена св. Владиміра равноапостольнаго, мы имѣемъ самыя древнія почтенныя свидѣтельства. Такъ, у русскаго митрополита Иларіона св. Владиміръ называется каганомъ.

Значеніе бѣлаго и чернаго цвѣта, замѣчаемое въ человѣкѣ единично и выражающее отношеніе его къ небу и землѣ, проходитъ постепенно по всему человѣческому роду какъ въ союзѣ двухъ, въ бракѣ, такъ и въ размноженіи отъ этого союза семьи, родовъ. Отъ человѣка, вступившаго въ бракъ, раждаются дѣти, является семья; ее составляютъ отецъ, мать и ихъ дѣти. Изъ нѣсколькихъ семей образуется родъ. Родъ составляютъ родоначальники и ихъ дѣти; родоначальники, — это старцы; дѣти ихъ,—это человѣки, простая чадь; старцы, убѣленные сѣдиною,—это бѣла кость; юноши—дѣти ихъ, украшенные темными волосами,—эта черна кость. Такое различіе бѣлой и черной кости явилось, по древнимъ первобытнымъ понятіямъ, для старцевъ, какъ представителей власти, и для ихъ чадъ, какъ обязанныхъ повиноваться, покорствовать отеческой власти, по одной изъ самыхъ древнихъ заповѣдей, данныхъ человѣчеству, которая, по переводу, находящемуся въ Съборьникѣ Григорія, епископа Болгарскаго, читается такъ: «чти отца своего и матерь свою. да ти добро будеть. долголѣтенъ будеши на земли блазѣи юже Господь Богъ твой дасть тебѣ [1])». Изъ нѣсколькихъ родовъ образуются поколѣнія, изъ нѣсколькихъ поколѣній общины, изъ нѣсколькихъ общинъ, заселившихъ извѣстную мѣстность, образуются уже цѣлыя политическія единицы, земли, народцы. Здѣсь родоначальники являются представителями старѣйшинства, а подчиненныя ихъ дѣти начинаютъ называться чадь, люди е.

---

[1]) См. Съборьн. Григорія, епископа Болгарскаго л. 100. Кн. Исходъ XX, 211.

На этихъ старѣйшинъ, старцевъ, старшинъ переходитъ древнее патріархальное названіе бѣлой кости; на чадь же, на людие переносится изъ той же патріархальной древности прозваніе черной кости, черные людие [1]. Между ними, естественно, является потребность собраній совѣщательныхъ—вѣча. Нѣсколько такихъ народцевъ, имѣвшихъ между собою внутреннюю, домашнюю связь, единеніе, чрезъ единство рѣчи, сливались въ одинъ народъ. Въ древнихъ нашихъ памятникахъ народъ ἔθνος, populus, называется языкъ, старѣйшины народные именуются моужие, подчиненные имъ людие—людъ (plebs).

Въ поясненіе указаннаго нами древнѣйшаго значенія слова моужие, приводимъ изъ кн. Іова гл. 1, ст. 1, 3, по славянскому тексту Острожской библіи: Мужъ бѣ въ земли Хусъ именемъ Іовъ. . . . . и бяше человѣкъ тои добра роду отъ востокъ солнечныхъ.

Подобное же тому читаемъ въ исторіи Льва Діакона, по перев. Д. Попова стр. 61, гдѣ сказано: «Онъ (Іоаннъ Цимисхій) происходилъ отъ знатнаго рода; по отцѣ былъ благороднѣйшій сущихъ отъ востокъ солнца, а по матери двоюродный братъ самому (императору) Никифору».

Еще большее поясненіе для древняго значенія слова: моужъ мы находимъ въ Съборникѣ Григорія, епископа Болгарскаго, листъ 363 об.

И отшедъ отъ Палестины прия Египетъ. и покоривы и вниде въ Александрию великоую и тоу обличи побѣдоу свою. сътворивъ Египетъ покоривъ Римоу. постави власти тѣми Египтеи въ Александріи пръваго князя отъ мужь своихъ именемъ Корнилия Гальскаго. емоуже нарече санъ Авгоусталіи своего емоу имени знаменіе. И прешедъ сии

Καὶ ἔξορμήσας ἐκ τῆς Παλαιστίνης παρέλαβε καὶ τὴν Αἴγυπτον· καὶ ὑποτάξας αὐτὴν εἰσῆλθεν ἐν ᾿Αλεξανδρείᾳ τῇ μεγάλῃ, καὶ ἐκεῖ ἐθριάμβευσε τὴν ἰδίαν νίκην, ποιήσας καὶ τὴν Αἴγυπτον ὑπὸ Ῥωμαίους. καὶ ἔδωκεν ἄρχειν αὐτῶν τῶν Αἰγυπτίων ἐν ᾿Αλεξανδρείᾳ τῇ μεγάλῃ ἐν πρώτοις ἄρχοντα ἐκ τῶν ἰδίων αὐτοῦ ἀνθρώπον ὀνόματι Κορνήλιον Γάλλον· ᾧτινι ἔδωκεν ἀξίαν αὐγουσταλίου τοῦ ἰδίου ὀνόματος σήμαντρον. Καὶ ἐκ τῆς Αἰγὺπτου περάσας ὁ αὐτὸς

[1]) Черные люди Двинскіе земли, см. Истор. Гос. Рос. Карамзина т. V, прим. 244. См. Истор. мѣстн. управленія, Градовскаго, т. I, стр. 19.

Августъ море. пріиде въ Римъ. възнесъся съ хвалою, якоже покори міръ [1]) весь и примоучивъ боляры. Царствова самъ оу величаніи сыи. оубивъ Броута. иже бѣ оубилъ Кесаря острыя [2]) емоу. егожъ Броута остави да набдить Фасалию. пославъ воя оусѣкну и въ оупатию Ковласия и Палиона. якоже Лоукіанъ премоудрыи роумьскыи хитрець списа.	Αὔγουστος ἀνῆλθεν ἐπὶ τὴν Ῥώμην, ὑπτιωθεὶς καὶ ἀπονενοημένος, ὡς ὑποτάξας τὸν κόσμον· καὶ τυραννήσας τὴν σύγκλητον ἐβασίλευσεν ἀφ' ἑαυτοῦ ἐν ὑπερηφανίᾳ ὤν, ἀνελὼν καὶ τὸν Βροῦτον τὸν φονεύσαντα τὸν Καίσαρα τὸν αὐτοῦ θεῖον. ὅντινα Βροῦτον φυλάττοντα τὴν Θεσσαλίαν μετὰ βοηθείας πέμψας ἀπεκεφάλισεν ἐπὶ τῆς ὑπατείας Καλβισιανοῦ καὶ Πολλίωνος, καθὼς Λουκανὸς ὁ σοφὸς Ῥωμαίων ποιητὴς συνεγράψατο [3])

Такъ становится ясно, что въ глубокой славянской древности слово моужъ принималось въ высокомъ значеніи такихъ, власть предержащихъ, личностей, изъ которыхъ происходили первые, или владѣтельные князи, получавшіе санъ царскій, или нареченіе августомъ.

Въ лѣтописномъ разсказѣ объ избраніи словенскими племенами единовластнаго правителя, мы читаемъ, что Словене, конечно, тѣ, у которыхъ не было никакого правленія, и которые составляли потому одну безразличную массу народа, нестройную, и, потому, безсильную и беззащитную отъ сосѣднихъ, болѣе устроенныхъ и воинственныхъ племенъ, — что эти Словене платили дань разноплеменнымъ набродникамъ, приходившимъ къ нимъ изъ-за Балтійскаго восточнаго моря (austrwegr) и извѣстными подъ общимъ именемъ Варяговъ, происшедшемъ, какъ думаютъ иные, отъ этого моря (wagr волна). Варяги эти, вольная рать, сбиравшаяся по берегамъ Варяжскаго моря и нападавшая оттуда на разныя приморскія страны, состояли изъ разныхъ сосѣднихъ Славянству племенъ. Въ числѣ ихъ находились люди лучшихъ родовъ, мужи добронародные, также и изъ поморскаго Славянства. Люди храбрые, смышленые, дѣятельные, люди, свѣдущіе въ ратномъ и морскомъ дѣлѣ, они не менѣе того были свѣдущи и относительно мирныхъ племенныхъ обычаевъ и порядковъ своей родины. Мужи эти назывались въ Варяжствѣ

---

[1]) Въ подлинникѣ — Римъ.
[2]) Въ подлинникѣ — стыя.
[3]) См. Хронику Іоанна Малалы, изд. Бон. стр. 224.

и у Славянъ Варягами-Руссами. Литовцы звали ихъ gudai, т. е. также добродными. Скандинавы назвали ихъ Руссами, быть можетъ именно отъ того, какъ замѣчаетъ одинъ нашъ ученый, что слово Ros по скандинавскому значитъ слава; почему подвластное имъ простородье и называлось Славянами. Словенъ Литовцы называли Krewy, и этимъ именемъ—Кривитина, въ смыслѣ раба, сына рабыни, робичича, обзываетъ презрительно Рогнѣда ненавистнаго ей Владиміра. Безъ этого различія между Руссами и Славянами, ни для кого до сихъ поръ не могло быть понятно настоящее значеніе этого слова Кривитина. Но возвратимся къ Варягамъ. Прочіе Варяги, не изъ доброродныхъ мужей славянскихъ, не изъ Руссовъ, назывались просто Варягами. Эти послѣдніе, обирая незаконную, вовсе неправую (не по праву) дань съ сосѣднихъ Словенъ, были, наконецъ, изгнаны ими, и Словене, оставшись безъ этаго грознаго бича надъ собою, предались всякой неурядицѣ и родовымъ распрямъ. Въ этомъ опасномъ положеніи, боясь, естественно, новыхъ налоговъ и мщенія отъ изгнанныхъ ими Варяговъ, многіе изъ нихъ рѣшились итти отыскивать себѣ защиты и управы среди воинственныхъ, доброродныхъ мужей своихъ—Руси, ратовавшихъ также въ рядахъ Варяжскихъ. Гдѣ вѣрнѣе, какъ не у нихъ, они могли надѣяться найти себѣ защиту противъ Варяговъ иноплеменниковъ? Гдѣ надежнѣе, какъ не у своихъ соплеменниковъ въ Варяжствѣ они могли избрать для себя славныхъ и добрыхъ правителей, не чуждыхъ нравамъ и обычаямъ своего племени. Туда, къ Варягамъ Руси, и обратились Словене, изгнавши отъ себя сбродную, разноплеменную вольницу Варяжскую.

У другихъ славянскихъ племенъ, такіе же доброродные мужи—Русь, вѣроятно, еще ранѣе того уже ставились во главѣ правленія, если не окончательно ошибка все то, что указывается разными учеными, какъ напр. Эверсомъ, Нейманомъ и др., относительно русскаго имени на югѣ Славянства, еще задолго до того времени, о которомъ говорится въ настоящемъ разсказѣ нашего лѣтописца, какъ о началѣ единовластнаго русскаго правленія въ Славянствѣ.

Какъ бы то ни было, но именно къ Варягамъ-Руссамъ, судя по самому важному для насъ свидѣтельству,—свидѣтельству нашихъ

лѣтописей,—обратился славянскій міръ, ища для себя управы и защиты. Съ тѣхъ самыхъ поръ и земля Славянская стала называться Русскою землею, по имени единовластныхъ добородныхъ кровныхъ своихъ правителей. Не называлась она Варяжскою, по очень естественной причинѣ — разноплеменности своей со всѣми остальными Варягами, кромѣ Варяговъ-Руссовъ. Такъ, сословное названіе Руссовъ обратилось мало по малу въ племенное, сначала на сѣверѣ, а за тѣмъ и на югѣ, и, наконецъ, только въ этомъ племенномъ и земскомъ смыслѣ стало оно употребляться и во всѣхъ нашихъ лѣтописяхъ. Древнѣйшее сословное значеніе имени Руси изгладилось, затѣмъ, навсегда изъ памяти потомства.

Руссы, избравшіеся на управленіе древнею нашею родиною, были, безъ сомнѣнія, очень близки по своему разговору, по одинаковости образа жизни, занятія, обычаевъ и, вѣроятно, даже по привычному говору, со всѣми остальными товарищами своими по ремеслу—Варягами-Скандинавами. Отсюда, конечно, такое множество скандинавскихъ словъ зашло и въ словенскую рѣчь, особенно по ратному и морскому дѣлу, по морской и сухопутной топографіи, по прозванію лицъ, званій и мѣстностей. Таковы напр., имена и названія, встрѣчающіяся въ договорахъ Олега и Игоря, таковы древле-русскія названія Днѣпровскихъ пороговъ, сохранившіяся у Константина Багрянороднаго, и многія другія.

Сборнымъ мѣстомъ Варяговъ были разные берега Балтійскаго и Нѣмецкаго моря, гдѣ, вмѣстѣ съ другими Варягами, проводили, вѣроятно, большую часть жизни и наши Варяги-Руссы. Конечно, это не значило еще, чтобы и у нихъ, какъ и у другихъ Варяговъ, не было другой родины, кромѣ какого нибудь Упландскаго берега. Всѣ Варяги принадлежали по родинѣ къ разнымъ странамъ, въ томъ числѣ и Руссы. Родиною ихъ, по свидѣтельству нашего лѣтописца, не была ни Швеція, ни Норвегія, ни Англія, ни Готская земля, но Русь. Они были роду Варяжскаго только въ томъ смыслѣ, какъ и Новгородцы, по нашему лѣтописцу, считаются родомъ Варяжскимъ, хотя по племени, по происхожденію, они тѣже Славяне. По крайнѣй мѣрѣ никто еще до сихъ поръ не указалъ положительно въ современной Рюрику географіи, такой же опредѣленной родины для Варяговъ-Руссовъ, какъ указалъ ее нашъ лѣ-

тописецъ для Варяговъ-Шведовъ, Норвежцевъ, Англичанъ, Готовъ. Этой родины, кромѣ міра славянскаго, куда и звали ихъ Славяне, какъ Русь, какъ своихъ доброродныхъ мужей, для управленія славянскимъ простородіемъ, конечно, и не отыщетъ для нихъ никогда никакая громадность ученаго труда.

Что Русь безспорно означала, во времена призванія своего при Рюрикѣ, мужей избраннаго, лучшаго, добророднаго сословія, отвергать этого нѣтъ никакой возможности, если только твердо держаться на почвѣ важнѣйшихъ, т. е., лѣтописныхъ нашихъ данныхъ. Что же говоритъ наша лѣтопись? Лѣтописецъ утверждаетъ прямо, что Рюрикъ взялъ съ собою все Русь? Это его дружина, состоящая исключительно изъ людей его рода, бояръ, доброродныхъ. Всего только двое изъ нихъ, были не изъ этого высшаго, добророднаго сословія, — чего никакъ не опускаетъ оговорить нашъ лѣтописатель,—но и тѣ принуждены были удалиться изъ сонма Руси,— такъ какъ именно только Русь, т. е., мужей доброродныхъ, призывали и желали къ себѣ Словене. Этимъ то мужамъ и розданы были для управленія разные города въ земляхъ славянскихъ. Остальные двое, Аскольдъ и Диръ, какъ не доброродные, отправились искать себѣ счастья у другихъ населеній, остававшихся еще безъ управленія, и менѣе разборчивыхъ въ выборѣ для себя правителей. Такими именно оказались для нихъ наслѣдіе Кія, Щека и Хорива, гдѣ они и остались княжить, собравши около себя только Варяговъ, но не Руссовъ, такъ какъ, естественно, Русь, т. е., мужи доброродные, не захотѣли бы стать въ зависимость отъ нихъ, какъ отъ простыхъ Варяговъ. Отсюда, въ это именно время, земля Словенская раздѣлилась на два главныя управленія; одно изъ нихъ, чисто аристократическое, мы видѣли на сѣверѣ, въ Новгородѣ, а другое, простонародное, на югѣ, въ Кіевѣ, пока не пришелъ туда Олегъ. Но судьба того и другаго скоро за тѣмъ перемѣнилась.

Нельзя не замѣтить при этомъ, что во всемъ этомъ разсказѣ нашего лѣтописца мы встрѣчаемся съ необыкновенно послѣдовательно проведенною главной мыслью событія о характерѣ первоосновнаго добророднаго единовластія на Руси. Здѣсь не опущено ни одной существенной черты, необходимой для изображенія того, какъ началась и распространилась между Славянами, въ данное

время, правительственная власть древнихъ добродныхъ мужей Руси. Олегъ, узнавши что простые Варяги, Аскольдъ и Диръ, сдѣлались князьями и управляютъ въ Кіевѣ, выдавая себя за Руссовъ, какъ это именно они сдѣлали въ походѣ своемъ подъ Царьградъ, отправился противъ нихъ съ дружиною въ Кіевъ. Для удостовѣренія въ ихъ самозванствѣ, онъ, не объявляя напередъ о себѣ открыто, пригласилъ ихъ, какъ мужей добродныхъ, какъ мужей Рюрикова, русскаго, т. е., правительственнаго, княжескаго рода, итти вмѣстѣ съ нимъ въ Греки. Они приняли такое приглашеніе, и пришли къ нему. Олегу не оставалось болѣе никакого сомнѣнія въ томъ, что Аскольдъ и Диръ выдаютъ себя за Руссовъ, за добродныхъ, и княжатъ въ силу правъ доброродія. Укоривъ ихъ за такое нарушеніе воли славянскихъ народовъ, желавшихъ имѣть у себя правителями мужей исключительно добродныхъ, дѣйствительно Руссовъ, княжившихъ по праву доброродія, онъ казнилъ Аскольда и Дира, какъ самозванцевъ и сѣлъ самъ княжить и царствовать въ Кіевѣ.

Подобное же обстоятельство встрѣчается и въ западныхъ лѣтописяхъ. Извѣстный случай, описанный въ лѣтописяхъ Бертинскихъ, о томъ, какъ, въ 839 году, нѣкоторые люди, изъ посольства императора Ѳеофила назвали себя передъ императоромъ Людовикомъ благочестивымъ Росами, а потомъ оказались Свеонами, легко можетъ быть объясненъ тѣмъ, что они также были изъ простыхъ Скандинавскихъ Варягъ, но прославляли себя въ Царьградѣ за людей благороднаго славянскаго сословія, за Руссовъ, также какъ и Аскольдъ и Диръ, которые не были ни Руссами по сословію, ни Славянами по народности. Объявивши себя уже разъ за благородныхъ мужей, за Руссовъ, въ Царѣградѣ, эти Свеоны не могли уже, конечно, назвать себя иначе и у Франковъ, въ присутствіи византійскаго посольства, считавшаго ихъ въ Византіи за Руссовъ.

Совершенно на оборотъ, и настоящіе Руссы, т. е., мужи добродные славянской народности, находившіеся въ дружинѣ Варяговъ, которая слыла нерѣдко подъ общимъ именемъ Норманновъ, легко могли быть принимаемы, по своему Варяжеству, тѣми же Франками, за природныхъ Нормановъ, тогда какъ въ Греціи эти же Руссы-Варяги назывались настоящимъ своимъ именемъ—Руссами.

Вообще же, весьма вѣроятно, что древнѣйшее благородное, высшее сословіе въ славянскомъ мірѣ, называвшееся у Варяговъ Руссами, называлось иногда у другихъ племенъ другими именами, а у самихъ Славянъ просто князьями, болярами, мужами. Изъ варяжскихъ набѣговъ имя Руссовъ стало извѣстно во многихъ мѣстахъ. Этимъ именемъ могли называться также и подвластные Руссамъ, какъ высшему, правительственному сословію, земли и племена. Великій примѣръ этому у насъ передъ глазами съ самыхъ первыхъ временъ русскаго единовластія на Руси.

Оставляя, впрочемъ, въ сторонѣ подобныя соображенія, хотя и основанныя прямо на нашемъ лѣтописцѣ, обращаемся только къ этому самому важному свидѣтельству въ пользу всего, что касается прямо славянскаго нашего міра. Всякіе иноземные источники, какъ и всякіе доводы a priori, какъ бы не были они обширны, не должны отвлекать нашего вниманія отъ нашего главнаго, кореннаго основанія,—нашихъ лѣтописей.

Въ лѣтописцѣ нашемъ мы читаемъ: «И избрашася 3 браты съ родомъ своимъ, и пояша по собѣ все Русь.... и сдѣла градокъ.... и сѣде тоу, княжа, и раздая моужемъ своимъ волости и грады ставити.... И бѣста оу него два моужа не его рода и болярина....» Это Аскольдъ и Диръ. Не ясно ли изъ всего этаго разсказа, строго выдѣляющаго изъ Руси все, что не Русь, что не добророднo, что не ея рода и болярина, что не моужи, которымъ однимъ раздаются волости и города, не ясно ли, что лѣтописецъ здѣсь прямо самъ опредѣляетъ намъ, что такое Русь. Рюрикъ беретъ съ собою все только Русь. Съ нимъ идетъ только одна эта Русь. Русь эта вся состоитъ, за исключеніемъ Аскольда и Дира, изъ мужей Рюрикова рода, который родъ далѣе Олегъ называетъ княжимъ, или, что тоже, правительственнымъ родомъ, почему этимъ только мужамъ и раздаются волости и грады; Аскольдъ же и Диръ, какъ люди не этаго рода и не болярина, устраняются отъ управленія. Что же, такое, послѣ всего этого, эта Русь, все только Русь, какъ совокупность однихъ только князей и мужей. Трудно, почти невозможно, еще яснѣе, чѣмъ у нашего лѣтописца, выразить, что эта именно Русь значитъ просто и прямо одно только высшее, правительственное сословіе у Славянъ, называвшееся у Варяговъ вообще

Русью, а у насъ: князьями и болярами, или мужами. Вся эта Русь не принадлежитъ между Варягами ни къ Шведамъ, ни къ Норвежцамъ, ни къ другимъ иноплеменникамъ. Она стоитъ вся особнякомъ отъ всѣхъ ихъ. «Сице бо ся зваху тые Варязи Русь, яко се друзіи (Варязи) зовутся Свое, друзии же Урмане, Англяне, друзіи Гъте; тако и си (Варязи зовутся) Русь». Русь эта, какъ Славянская, конечно, свободно говоритъ съ Славянами на ихъ языкѣ и знаетъ хорошо ихъ обычаи и порядки. Славяне ищутъ прямо въ ней ѳдной, и ни у кого другаго изъ Варягъ князя для себя, который бы владѣлъ ими и судилъ по праву. Кто же эта Русь? Отвѣтъ, на нашъ взглядъ, здѣсь въ нашемъ лѣтописцѣ до того ясенъ, что мы можемъ только удивляться, какъ до сихъ поръ мы его не замѣчали. Русь, это вообще высшее благородное сословіе у Славянъ, раздѣлявшее, въ далекое время, ратные подвиги съ дружинами варяжскими. Изъ этой то Руси, у Варяговъ, Славяне и приняли для себя князя. И съ этого то времени особенно они стали извѣстны подъ именемъ Руси, хотя и прежде того лѣтописецъ называетъ Понтъ Русскимъ моремъ, и многіе племена Славянъ Русскими (Славяне, Поляне, Древляне и др.), а другіе (Чудь, Меря, Весь и др.) данниками, дающими дань Руси. Кромѣ того «Роустіи князи» брали дань и съ Козаръ.

А что же такое были Словене?

Литовцы называли Славянъ Krewy, (Schaf. Sl. Al. II, 111). Доброродная Рогнѣда презрительно обзываетъ Владиміра Кривитиномъ, какъ сына Малуши, бывшей, вѣроятно, изъ простородья: «не хочу Кривитина розути» (Л. Р. Ц. стр. 16). Въ другихъ спискахъ нашей лѣтописи слово: Кривитина передано слово робичичъ, означающимъ сына простолюдина. Ниже мы укажемъ и самыя причины, по которымъ произошла замѣна древняго слова: «Кривитинъ», переставшаго уже быть понятнымъ въ то время, новѣйшимъ словомъ: «робичичъ», выражавшимъ отчасти тотъ древній смыслъ, какой соединялся въ глубокой древности съ словомъ Кривитина. Названіе Словенинъ въ лѣтописяхъ нашихъ вездѣ противополагается названію Руса. Сами Славяне говорятъ о себѣ, какъ мы видимъ это въ житіи св. Меѳодія: «Мы, Словяне,

простая чадь [1]). Подобное рѣзкое различіе между Русью и Словенами продолжается до позднихъ годовъ XI столѣтія. Не сказывается ли во всемъ этомъ, что Словенинъ, какъ противоположность Руса, сословія высшаго, добророднаго, означаетъ просто народъ. Отсюда становится понятнымъ, почему вездѣ въ нашихъ лѣтописяхъ и другихъ древнихъ памятникахъ, мы видимъ предпочтеніе, оказываемое Русу предъ Словениномъ; такъ, пеня за убіеніе Руса, выше, чѣмъ за Славянина; такъ, наконецъ, какъ мы видѣли выше, Олегъ приказываетъ сдѣлать знамена для Русовъ парчевыя, а для Словенъ кропійныя.

Предоставляя другимъ исчерпать подробнѣе тѣ доказательства, какія существуютъ въ пользу того положенія, что Русь и Словене составляли въ древности одинъ народъ, но не одно сословіе, мы обращаемся къ вопросу о томъ, что такое значило въ древности слово: племя. Отвѣтъ на это опять мы беремъ только изъ языка древнихъ письменныхъ памятниковъ и, преимущественно, изъ самыхъ нашихъ лѣтописей. Ихъ мы считаемъ для нашего славянскаго вопроса важнѣе всего другаго, и въ нихъ мы находимъ слѣдующее опредѣленіе для настоящаго древняго смысла слова: племя.

Всѣмъ извѣстно, что не только въ древней славянской письменности, но даже и въ наше время, въ языкѣ нѣкоторыхъ Славянъ, выраженія: племенитъ, племеньнъ, племеньство, племеньштина относились обыкновенно къ доброродству, значили: доброродный и доброродство (nobilis, nobilitas). Такъ, напримѣръ, въ переводѣ Виландова Агаѳона, сдѣланномъ еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ посвященіи этого перевода, говорится: «Племенитой Госпожи Еѵстахіи одъ Арсиѣъ, првой у Народу своме писательки, као ревносной ове кньиге Спомоѣницы, за знакъ Благодарности и Высокопочитанія свога посвеѣуе Преводитель» [1]).

---

[1]) См. житіе Меѳодія въ изслѣдов. М. И. Сухомлинова о Древн. Рус. Лѣт. стр. 73.

[1]) См. Виландовъ Агаѳонъ, частъ Прва, у Будиму, у ѵпографіи Кралѣв. Унїверсїтета, 1820.

Въ такомъ же точно смыслѣ встрѣчаемъ мы въ нашемъ лѣтописномъ сводѣ и слово племя, какъ выраженіе благородства, благороднаго происхожденія, или доброродства (nobilitas). Въ подтвержденіе этому приводимъ здѣсь нѣсколько примѣровъ изъ Русскаго лѣтописнаго свода.

1147 г.

Здѣ есть ворогъ (Игорь) князя нашего и вашь, а хочемъ и оубити, тоже поидемъ бится за свои князь с дѣтми. И рече имъ Володимиръ: того вы брате не казалъ, Игоря поблюдуть стороже ве, а мы поидемъ къ брату, якоже ны велитъ. И рекоша Кианы: мы вѣдаемъ, оже того братъ твой не велѣлъ сътворити, но мы хощемъ оубити Игоря: мы вѣдаемъ оже не кончати добромъ съ тѣмъ племенемъ ни вамъ, ни намъ, коли любо [1]).

Не можемъ на Володимире племя руки възняти на Гюргя, но оже на Олговичи, хотя и съ дѣтми идемъ съ тобою . . . . . Игоръ ворогъ нашего князя и нашь не въ порубѣ, но въ святѣмъ Өедорѣ, а убивше того къ Чернигову пойдемъ по своемъ князи, кончаимы же ся съ ними. Тоже слышавше народъ, оттолѣ пойдоша на Игоря въ святый Өедоръ. И рече Володимиръ: «того вы братъ мой не велѣлъ, Игоря блюдуть сторожи, а мы пойдемъ къ брату ны велѣлъ». Рекоша же Кіяне: «мы вѣдаемъ, оже не кончати добромъ съ тѣмъ племенемъ ни намъ, ни вамъ, коли любо». [2])

1175. Тѣмъ въ память убьенья твоего, страстотерпьце княже Андрею . . . . . . Ты же, страстотерпьче, молися ко всемогущему Богу о племени своемъ, и о сродницѣхъ, и о землѣ Руськой, дати мірови миръ [3]).

1180. А въ Володимери племени кто ми ближни, тотъ добръ [4]).

1223. Мстиславъ Нѣмый, мнѣвъ, яко Данилъ сбоденъ бысть, потече и самъ въ нѣ, бѣ бо мужь той крѣпокъ, понеже ужика сы Роману, отъ племяни Володимера, прирокомъ Мономаха [5]).

[1]) Лѣтоп. свода по списку Переяславля Сузд. с. 58.
[2]) П. С. Р. Л. т. II, с. 32,33.
[3]) Тамъ же с. 113.
[4]) Тамъ же с. 122.
[5]) П. С. Р. Л. т. I, с. 218.

Изъ всѣхъ этихъ примѣровъ для каждаго здѣсь очевидно, что слово племя употребляется въ нашемъ лѣтописномъ сводѣ въ смыслѣ русскаго доброродства, какъ относящееся прямо къ русскому княжескому роду. Тоже самое слово племя употреблено въ этомъ сводѣ также и въ насмѣшку, будучи отнесено къ людямъ простородья, получившимъ въ управленіе Коломыю отъ боярина Доброслава, котораго лѣтописецъ, не безъ глумленія, также называетъ вокняжившимся, т. е. присвоившимъ себѣ русскую княжескую власть. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ занесено это въ нашъ лѣтописный сводъ по Ипатскому списку:

1240. Бояре же Галичьстіи Данила княземъ собѣ називаху, а самѣ всю землю держаху; Доброславъ же вокняжилъся бѣ и Судьичь, поповъ внукъ, и грабяше всю землю, и въшедъ въ Бакоту все Понизье прія, безъ княжа повелѣнія, Григорьи же Васильевичь собѣ Горную страну Перемышльскую мышляше одержати, и бысть мятежь великъ въ землѣ и грабежь отъ нихъ. Данилъ же, увѣдавъ, посла Якова столника своего съ великою жалостью ко Доброславу, глаголя къ нимъ: «князь вашъ азъ есмь, повелѣнія моего не творите, землю грабите; Черниговьскихъ бояръ не велѣхъ ти, Доброславе, пріимати, нъ дати волости Галичкимъ, а Коломыйскюю соль отлучити на мя», оному же рекшу: «да будеть тако». Во тъ же часъ Якову сѣдящу у него, пріидоста Лазорь Домажирѣчь и Иворъ Молибожичь, два безаконьника, отъ племени смердья и поклонистася ему до землѣ; Якову же удивившуся и прашавшу вины, про что поклонистася, Доброславу же рекшу: «вдахъ има Коломыю»; Якову же рекшу ему: «како можеши безъ повелѣнія княжа отдати ю сима, яко велицiи князи держать сію Коломыю на роздаваніе оружьникомъ, си бо еста не достойна ни вотьнина држати» [1])

Оставаясь вѣрнымъ этому древнѣйшему значенію слова племя въ смыслѣ доброродства, значенію, уже не соблюдаемому позднѣе, какъ это мы увидимъ далѣе, Григорій не дозволяетъ себѣ употреблять слова: племя для передачи имъ греческаго слова: φυλή, какъ дѣлаютъ это другіе позднѣйшіе переводчики. Такъ, напримѣръ, въ переводѣ св. писанія, гдѣ позднѣйшія редакціи неправильно употребляютъ для передачи греческаго слова: φυλαί на славянскій языкъ слово: племена, Григорій передаетъ его вѣрно словомъ: колѣна.

---

[1]) П. С. Р. Л. т. II, с. 179.

Приводимъ здѣсь, для сравненія, какъ его переводъ, такъ и другіе позднѣйшіе изъ пр. Даніила гл. VI, ст. 25 и гл. VII, ст. 14, гдѣ встрѣчается помянутое нами слово.

Пророка Даніила гл. VI, 25.

Славянскій текстъ по переводу, находящемуся въ съборникѣ Григорія, епископа Болгарскаго, л. 295.

Тогда Даріи царь напса къ всѣмъ людемъ. колѣномъ. языкомъ живоущимъ по всей земли. миръ вамъ оумножися.

Славянскій текстъ Острожской Библіи 1580.

Тогда Дарій царь въписа всѣмъ людемъ, племенемъ, языкомъ живущіимъ въ всей земли: миръ вамъ оумножится.

Греческій текстъ по Лейпцигскому изд. 1697 г.

Τότε Δαρεῖος ὁ βασιλεὺς ἔγραφε πᾶσι τοῖς λαοῖς, φυλαῖς, γλώσσαις, τοῖς οἰκοῦσιν ἐν πάσῃ τῇ γῇ· εἰρήνη ὑμῖν πληθυνθείη.

Русскій текстъ по переводу на нынѣшнее русское нарѣчіе архимандрита Макарія.

Тогда царь Дарій написалъ всѣмъ народамъ, племенамъ и поколѣніямъ, живущимъ по всей землѣ: да возрастаетъ благоденствіе ваше!

Гл. VII, ст. 14.

Славянскій текстъ по переводу, находящемуся въ съборникѣ Григорія, епископа Болгарскаго, л. 295 об.

И томоу дана бысть власть и честь и царство и вси людіе. колѣна. языци, томоу имоуть слоужити. и власть его власть вѣчная яже не преидеть. и царствіе его не тлѣеть.

Славянскій текстъ Острожской Библіи 1580.

И тому ся дасть власть, и честь и царство, и вси людіе, племена,

Греческій текстъ по Лейпцигскому изд. 1697.

Καὶ αὐτῷ ἐδόθη ἡ ἀρχὴ καὶ ἡ τιμὴ καὶ ἡ βασιλεία, καὶ πάντες οἱ λαοί, φυλαί, καὶ γλῶσσαι αὐτῷ δουλεύσουσιν· ἡ ἐξουσία αὐτοῦ, ἐξουσία αἰώνιος, ἥτις οὐ παρελεύσεται, καὶ ἡ βασιλεία αὐτοῦ οὐ διαφθαρήσεται.

Слав. текстъ въ похв. словѣ св. Владиміру митр. Иларіона, по изданію Прибавл. къ твор. св. Отцовъ 1844, стр. 238, отдѣльн. оттиска стр. 37.

Вси языки, людіе, племена Тому поработаютъ.

языцы тому поработають. и власть его, власть вѣчная, яже не мимо идеть, и царство его не расыплется.	

Изъ этого неупотребленія Григоріемъ, епископомъ Болгарскимъ, слова: племя не въ древнѣйшемъ, а въ позднѣйшемъ его значеніи, въ томъ, въ какомъ употребляютъ его другія позднѣйшія редакціи, доказывается одинаково безспорно какъ то, что Григорію, какъ древнѣйшему славянскому писателю X вѣка, свойственно было знаніе и употребленіе именно только древнѣйшаго значенія словъ, такъ равно и то, что самый переводъ Св. Писанія, находимый въ его съборьникѣ, есть переводъ Св. Писанія древнѣйшій.

Опредѣливши древнее значеніе слова: племя, мы обращаемся теперь къ древнему же смыслу слова: родъ. Это послѣднее слово въ древности обыкновенно означало кровность, или единокровность происхожденія, и потому, въ отличіе отъ слова: племя, означавшаго собственно доброродство, слово родъ одинаково относилось какъ къ доброродью, такъ и къ простородью, что видно и въ самомъ составѣ этихъ обѣихъ древнихъ выраженій, слагающимся изъ двухъ словъ, изъ коихъ одно слово, это—родъ. Не приводя многихъ другихъ поясненій на древнее значеніе этого послѣдняго слова, мы ограничиваемся только слѣдующимъ примѣромъ. Въ лѣтописномъ нашемъ сводѣ, въ церковномъ уставѣ в. к. Ярослава читаемъ: А кто оуставленіе святыхъ правилъ порушитъ или дѣті мои или родъ мои отца моего [1] . . . . [2]).

Изборникъ Григорія, епископа Болгарскаго, листъ 489 об.	Полн. Собр. Русск. Лѣт. т. I, стр. 32—34.
В лѣто 6488. Приде Владимиръ с Варяги къ Новоуградоу, рече посадьникомъ Яропольчимъ: идѣте къ братоу моемоу и рците емоу: Влади-	Въ лѣто 6488. Приде Володимиръ съ Варяги Ноугороду, и рече посадникомъ Рополчимъ: «идѣте къ брату моему и рцѣтѣ ему: Володимеръ ти иде на тя,

[1]) Лѣтописный съборникъ по списку Переяславля Суздальск., стр. 44.
[2]) *Окончанія статьи въ бумагахъ князя М. А. Оболенскаго не оказалось.*

миръ идеть на тя. И сѣде в Новѣградѣ пристроися бити. И посла къ Рогволодоу в Полтескъ, глаголя емоу Владимиръ: вда за мя дщерь свою. Онъ же рече дщери своеи: хощеши ли за Владимира. Онажъ рече: не хощоу Кривитина розоути, но Ярополка хощоу. Бѣ бо Рогволодъ пришелъ зъ заморіа и имять власть в Полотьсцѣ. А ины с нимъ выиде Туръ, а тъи в Тоуровѣ, отъ негоже и Тоуровци прозвашася. И придоша отъ Роговолода послании и повѣдаша рѣчь и оукоръ Рогнѣдинъ. Владимиръ же, събравъ воа, Варяги, Словѣны, Чюдь, Кривичь, иде на Рогъволода. Всъ же время хотяхоу отвести Рогнѣду за Ярополка, приде Владимиръ на Полотескъ и оуби Рогволода и сына его 2, а Рогнѣду взя женѣ. И поиде на Ярополка къ Кіевоу и воамъ многымъ с нимъ. И затворися Ярополкъ в Кіевѣ с людми своими и со Блудомъ милостникомъ. И ста Владимиръ обрывся на Дорогжичии межи Капичемъ; ровъ сіи часъ. Владимиръ же посла к воеводѣ Блоудоу рече: поприаи ми, аще одолѣю братоу моемоу, имѣти тя имамъ во отца мѣсто и честь возмеши отъ мене; не азъ почалъ братію бити, но онъ; азъ же тогожъ боюся

пристраивайся противу биться». И сѣде въ Новѣгородѣ, и посла ко Рогъволоду Полотьску, глаголя: «хочю пояти дъчерь твою собѣ женѣ». Онъ же рече дъчери своей: «хочеши ли за Володимера?» она же рече: «не хочю розути робичича, но Ярополка хочю». Бѣ бо Рогъволодъ пришелъ изъ заморья, имяше власть свою въ Полотьскѣ, а Туръ Туровѣ, отъ него же и Туровци прозвашася. И придоша отроци Володимерови, и повѣдаша ему всю рѣчь Рогънѣдину дъчери Рогъволожѣ князя Полотьскаго, Володимеръ же собра вои многи, Варяги и Словѣни, Чюдь и Кривичи, и поиде на Рогъволода. Въ се же время хотяху Рогънѣдь вести за Ярополка; и приде Володимеръ на Полотескъ, и уби Рогъволода и сына его два, и дъчерь его поя женѣ, и поиде на Ярополка. И приде Володимеръ Кіеву съ вои многи, и не може Ярополкъ стати противу, и затворися Кіевѣ съ людми своими и съ Блудомъ; стояше Володимеръ обрывся на Дорогожичи, межю Дорогожичемъ и Капичемъ, и есть ровъ и до сего дне. Володимеръ же посла къ Блуду, воеводѣ Ярополчю, съ лестью глаголя: «попріяй ми; аще убью брата своего, имѣти тя хочю во отца мѣсто, и многу честь возьмешь отъ мене; не язъ бо почалъ братью бити, но онъ, азъ же того убоявъся

придохъ на нь. И рече Блоудъ Владимироу: азъ боудоу тобѣ въ сердце и въ пріазнъ. И забы Блудъ хлѣба Ярополча, посылааше таи къ Володимироу, веля подъстоупити подъ градъ, а Ярополка мысля оубити и не възмогъ въскорѣ и замысли лесть, повелѣ Ярополку: не изълази изъ града, а река: Киане слются к Володимироу, веля емоу пристоупати ратію, а тебе хотять предати, побѣгни из града и затворись въ градѣ Родинѣ. Послоуша Ярополкъ съвѣта его, вышедъ затворись в Роднѣ на оусты Рси, а Владимиръ в Кіевъ вниде. И обсѣдоша Ярополка в Роднѣ без пищи емоу соущоу. И бѣ в немъ гладъ великъ. И бѣ притча и нынѣ: без хлѣба аки в Роднѣ. И рече Блоудъ къ Ярополку: видиши ли, колко вои оу брата, смирися с нимъ, лестно рече. И рече Ярополкъ: будь такъ. И посла Блоудъ къ Володимиру: оуже сбыстьтся мысль твоя и приведоу Ярополка к тобѣ и пристрои оубити его. Владимиръ же то слышавъ вышедъ въ дворъ теремны отни, сѣдъ тоу с вои дроужиною своею. И рече Блоудъ Ярополкоу: поиди къ братоу и рціему: что ми ни вдаси, азъ

придохъ на нь». И рече Блудъ къ посломъ Володимеримъ: «азъ буду тобѣ въ сердце и въ пріязньство». О злая лесть человѣчьска! Якоже Давыдъ глаголеть: ядый хлѣбъ мой възвеличилъ есть на мя лесть. Се бо лукавьствоваше на князя своего лестью. И паки: языки своими льстяхуся; суди имъ, Боже, да отпадуть отъ мыслій своихъ, по множьству нечестья ихъ изрини я, яко прогнѣваша тя, Господи. И паки то же рече Давыдъ: мужь въ крови льстивъ не приполовить дній своихъ. Се есть съвѣтъ золъ, иже свѣщевають на кровопролитье; то суть неистовіи, иже пріемще отъ князя или отъ господина своего честь, ли дары, ти мыслять о главѣ князя своего на погубленье, горьше суть бѣсовъ таковіи: якоже Блудъ преда князя своего, и пріимъ отъ него чьти многи, се бо бысть повиненъ крови той. Се бо Блудъ затворися съ Ярополкомъ, льстя ему, слаше къ Володимеру часто, веля ему пристряпати къ граду бранью, а самъ мысля убити Ярополка; гражены же не бѣ льзѣ убити его. Блудъ же не възмогъ, како бы погубити и, замысли лестью, веля ему не излазити на брань изъ града; льстяче же Блудъ Ярополку: «Кіяне слются къ Володимеру, глаголюще: приступай къ граду, яко предамы ти Ярополка; побѣгни за градъ». И послуша его

приимоу. И иде. Рече же емоу нѣкто Варяжко: не ходи, княже, оубіють тя. Рече Блоудъ: то ты милостникъ оу князя. И рече Варяжко: всякъ милостникъ подобенъ еси зміи запазушнѣи, а ты побегни, княже, в Печенеги и приведи воя. И не послоуша его. И прииде Ярoплъкъ к Володимеру. И яко поиде въ двери и подяста и два Варяга мечи подъ пазухи, Блоуду же затвори двери, не дасть Ярополчимъ никомоу внити. И тако оубиенъ бысть Ярополкъ. Варяжко виде и побеже въ Печенеги и много воева с Печенегы на Владимера, едва привабі и заходивъ ротѣ. И заляже Владимеръ женоу Ярoплъковоу Грекиню черницю и не праздноу, отъ нея же родися Святоплъкъ, иже оуби Бориса и Глѣба; отъ грѣховнаго бо корени злыи породъ бываетъ; понеже была бѣ мати его черницею; а второе Владимиръ залеже ю не по бракоу; прелюбодѣичищь бысть оубо; того ради и отець его не любляше; бѣ бо отъ двою отцу, отъ Ярополка и отъ Владимира. Рѣша же Варязи: градъ преяхомъ, възложимъ на нихъ дань окоупа

Ярополкъ, изъбѣгъ предъ нимъ, затворися въ градѣ Родьни на усть Рси, а Володимеръ вниде въ Кіевъ и осѣде Ярополка въ Роднѣ, и бѣ гладъ великъ въ немъ; есть притча и до сего дне: бѣда аки въ Роднѣ. И рече Блудъ Ярополку: «видиши, колько вой у брата твоего? нама ихъ не перебороти; твори миръ съ братомъ своимъ»; льстя подъ нимъ се рече. И рече Ярополкъ: «такъ буди». И посла Блудъ къ Володимеру, сице глаголя: «яко сбыстся мысль твоя, яко приведу къ тобѣ Ярополка, и пристрой убити и.» Володимеръ же то слышавъ, въшедъ въ дворъ теремный отень, о немъ же преже сказахомъ, сѣде ту съ дружиною своею; и рече Блудъ Ярополку: «поиди къ брату своему и рьчи ему: что ми ни вдаси, то язъ пріиму». Поиде же Ярополкъ, рече же ему Варяжько: «не ходи, княже, убьють тя; побѣгни въ Печенѣги и приведеши вои». И не послуша его. И приде Ярополкъ къ Володимеру; яко полѣзе въ двери, и подъяста и два Варяга мечьми подъ пазусѣ. Блудъ же затвори двери и не да по немъ ити своимъ; и тако убьенъ бысть Ярополкъ. Варяжько же видѣвъ, яко убьенъ бысть Ярополкъ, бѣжа съ двора въ Печенѣги (и много воева съ Печенѣги на Володимера *Ипат. Хл. Радз.*), и одва привабии, заходивъ къ нему ротѣ. Володи-

по двѣ гривны на человѣка. И рече Владимиръ: пождите, донележе коуны съберуть за мѣсяць. И ждаша, и не дасть имъ. И рѣша Варязи: сольстилъ еси нами, но покажи намъ поуть въ Грѣки. Он же рече: идете. И изъбра собѣ отъ них моужи добры и смыслены и храбры, и раздаа имъ грады, а прочіи идоша ко Царюграду, и посла предъ ними слы ко царю, глаголя: се идуть къ тебѣ Варягы, не мозі их дръжати въ градѣ, да не сътворятъ ти яко здѣ, но расточі я разно, а семъ не поущай.

меръ же залеже жену братьню Грекиню, и бѣ непраздна, отъ нея же родися Святополкъ. Отъ грѣховьнаго бо корени золъ плодъ бываеть, понеже бѣ была мати его черницею, а второе, Володимеръ залеже ю не по браку; прелюбодѣйчищь бысть убо, тѣмъ и отець его не любяше, бѣ бо отъ двою отцю отъ Ярополка и отъ Володимера. Посемъ рѣша Варязи Володимеру: «се градъ нашь, и мы пріяхомъ е, да хочемъ имати окупъ на нихъ по 2 гривнѣ отъ человѣка». И рече имъ Володимеръ: «пождѣте, да же вы куны сберуть за мѣсяць». Ждаша за мѣсяць, и не дасть имъ, и рѣша Варязи: «сольстилъ еси нами, да покажи ны путь въ Греки»; онъ же рече имъ: «идѣте». И избра отъ нихъ мужи добры, смыслены и храбры, и раздая имъ грады; прочіи же идоша Царюграду въ Греки. И посла предъ ними слы, глаголя сице царю: «се идутъ къ тебѣ Варязи, не мози ихъ держати въ градѣ, оли то створять ти зло, яко и сдѣ, но расточи я разно, а сѣмо не пущай ни единого».

Здѣсь мы имѣемъ предъ глазами двѣ редакціи древняго нашего русскаго временника: одну, очевидно, древнѣйшую, другую болѣе позднюю. Въ первой мы видимъ простое изящное изложеніе дѣла; во второй, гдѣ она не повторяетъ дословно древней редакціи, представляются и неправильности и замѣна краткихъ ясныхъ словъ другими излишними. Такъ, напримѣръ, когда въ первой говорится: и посла къ Рогволоду въ Полтескъ, въ позднѣйшей читаемъ: и посла Рогъволоду Полотьску; и далѣе, гдѣ въ первой Вла-

диміръ при этомъ посольствѣ говоритъ прямо отъ своего лица простыми словами: вда за мя дщерь свою, въ позднѣйшей редакціи находимъ многословную фразу: хочу пояти дъчерь твою собѣ женѣ. Выраженіе это напоминаетъ собою тотъ же самый оборотъ мысли и слова, который былъ занесенъ во временникъ по другому поводу въ другое мѣсто нашей лѣтописи, гдѣ передѣлыватель и поновитель ея пріурочилъ такое же точно предложеніе и въ тѣхъ же точно словахъ къ великой княгинѣ Ольгѣ. Не малое отступленіе отъ простоты прямо историческаго разсказа и пожертвованіе обстоятельнымъ описаніемъ событія для общаго, неопредѣленнаго выраженія, бросаются въ глаза также и при безцѣльно переиначенной народной поговоркѣ: безъ хлѣба аки въ Роднѣ. Выраженіе, которымъ позднѣйшая редакція замѣняетъ эту поговорку: бѣда аки въ Роднѣ, нисколько не выражаетъ того обстоятельства, отъ котораго именно получила она свое начало въ народѣ, какъ это въ дословной точности сохранено древнѣшею редакціею. За тѣмъ всѣ остальныя слова въ позднѣйшей редакціи заимствованы буквально изъ древнѣйшей, за исключеніемъ замѣчательной замѣны слова Кривитинъ словомъ робичичъ.

Удивительно, какъ наши ученые и до сихъ поръ, со времени изданія Лѣтописца Русскихъ Царей, т. е. въ теченіи не менѣе 30 уже лѣтъ, не обратили никакого вниманіи на разительную разницу, представляемую двумя этими редакціями. Непостижимо, какъ для благоговѣющихъ предъ драгоцѣнною памятью преподобнаго Нестора перваго не послышалось здѣсь мудрое, изящное простотою и ясностію его слово. Какъ не почувствовали они той красоты и чистоты, въ какой сохранила его намъ вполнѣ древнѣйшая его редакція, и не поскорбѣли глубоко о томъ, на какое искаженіе обрекла его редакція болѣе поздняя. Мы можемъ еще допустить, что отвѣтъ Рогнѣды: не хощу Кривитина розоути, отвѣтъ, въ которомъ въ трехъ, не болѣе, словахъ отражается вся тогдашняя, современная ей эпоха народной жизни, со всѣмъ строемъ руководящихъ, основныхъ ея понятій, что отвѣтъ этотъ могъ быть понятъ въ надлежащемъ его смыслѣ и оцѣненъ по своей важности только очень немногими нашими учеными; но мы никакъ не можемъ допустить, чтобы кто-либо изъ внимательныхъ, просвѣщенныхъ читате-

лей отечественной нашей лѣтописи могъ не замѣтить громадной разницы вообще между подлиннымъ высокимъ своею правдивою простотою и неподдѣльностью слогомъ преподобнаго Нестора и позднѣйшимъ его искаженіемъ. Тѣмъ менѣе можемъ мы допустить, чтобы кто-либо, замѣтивши эту разность, дозволилъ себѣ, прикрываясь личиной мнимой непонятливости, глумиться надъ памятью нашего русскаго лѣтописателя и приписывать ему искаженіе его слова, а у него отнимать собственныя слова. Если бы даже и одно только приведенное нами мѣсто, достойное быть отмѣченнымъ золотыми буквами, сохранилось отъ него до нашего времени въ своей неискаженности, то уже судя и по этимъ немногимъ строкамъ, мы должны были бы угадать въ нихъ великаго лѣтописателя, вполнѣ постигавшаго и передававшаго во всей точности и краткой полнотѣ самый духъ описываемой имъ эпохи, какъ это доказывается заключающимися въ немъ варіантами. Варіанты эти хотя и были уже замѣчены Д. В. Полѣновымъ, но никто еще не попытался объяснить ихъ. Громадная важность особенно одного изъ этихъ варіантовъ не подлежитъ, однакожъ, никакому сомнѣнію. Въ немъ сказывается вполнѣ, какъ уже мы замѣтили, цѣлая описываемая эпоха. При надлежащемъ изслѣдованіи причинъ происхожденія этого варіанта въ немъ же опредѣляется приблизительно и самое время появленія позднѣйшей редакціи. Въ другомъ мѣстѣ мы, съ своей стороны, не могли не прослѣдить подробно древняго слова К р и в и т и н ъ; теперь же мы обратимся, съ такимъ же разъясненіемъ и къ позднѣйшей его замѣнѣ словомъ: р о б и ч и ч ъ. Вполнѣ ясно, что первое изъ этихъ словъ стало уже непонятнымъ во времена позднѣйшаго передѣлывателя нашей лѣтописи и было замѣнено новымъ, болѣе понятнѣйшимъ для передѣлывателя выраженіемъ подъ вліяніемъ какихъ-то письменныхъ произведеній. Мы, съ своей стороны, можемъ указать даже тотъ памятникъ, подъ вліяніемъ котораго явилась здѣсь эта перемѣна. Извѣстно, что въ древности на Руси пользовалось великимъ уваженіемъ слово митрополита Иларіона: о з а к о н ѣ М о и с е о м ъ д а н н ѣ е м ъ е м у и о б л а г о д а т и и и с т и н ѣ І и с у с ъ - Х р и с т о м ъ б ы в ш и м ъ, къ которому присовокуплена п о х в а л а К а г а н у н а ш е м у В л а д и м і р у. Въ словѣ этомъ главнѣйшая мысль, связывающая его съ похвалою

Владиміру, очевидно, та, что написатель желалъ представить близкое сравненіе между происхожденіемъ двухъ законовъ рабства и свободы, іудейскаго и христіанскаго, плоти и духа, и происхожденіемъ самого Владиміра по плоти и духу. Говоря о законѣ іудейскомъ, онъ развиваетъ смыслъ извѣстнаго иносказанія о двухъ сынахъ Авраама, одномъ, рожденномъ отъ Агари, сынѣ рабыни, и другомъ, рожденномъ отъ Сарры, сынѣ свободныя. Здѣсь онъ упоминаетъ о томъ, что какъ сынъ рабы былъ изгнанъ, такъ и Іудеи были разсѣяны, и какъ Исаакъ, сынъ свободныя, сталъ наслѣдовать Аврааму, такъ и христіане стали владычествовать. Примѣненіе къ Владиміру здѣсь ясно то, что и онъ, нѣкогда, въ язычествѣ, сынъ рабыни по плоти, теперь сталъ сыномъ свободы по духу, христіаниномъ, и потому призванъ владычествовать и торжествовать. Замѣчательно здѣсь особенно слово: робичичъ, которое митрополитъ Иларіонъ съ особеннымъ намѣреніемъ, искусно вводитъ въ библейскій текстъ, только намекая на плотское происхожденіе великаго князя Владиміра. Приводимъ древній славянскій текстъ кн. Быт. гл. VII, ст. 15, по переводу, находящемуся въ изборникѣ Григорія, епископа Болгарскаго: и роди Агарь сынъ Авраамоу. и прозва Авраамъ имя сыноу своему, иже роди Агарь, Измаилъ [1]). Очевидно, что Иларіонъ пользуется этимъ самымъ текстомъ, передѣлывая его въ точной соотвѣтственности сообразно съ основною мыслію своего слова, слѣдующимъ образомъ: роди же Агарь раба отъ Авраама робичищь, и нарече имя ему: Измаилъ. Вотъ, сколько намъ извѣстно, впервые употребленное въ древней нашей письменности слово робичищъ, въ явномъ примѣненіи къ великому князю Владиміру, какъ тонкій намекъ на происхожденіе его по плоти. Словомъ этимъ, въ томъ иносказательномъ смыслѣ, какой здѣсь придается ему по отношенію къ христіанству Владиміра, какъ новому, славному, духовному его рожденію, снимается всякій укоръ съ неславнаго рожденія его по плоти, какъ сына рабыни. А когда же явилося впервые въ нашемъ лѣтописномъ сводѣ слово: робичичъ по отношенію къ великому князю Владиміру? Мы думаемъ, что первое

---

[1]) Слово Иларіона по изданію Прибавл. къ твор. св. Отцовъ, 1844, стр. 226.

появленіе его относится къ концу XIII столѣтія. Лѣтописатель Волынскій, прославляя память князя Владимірскаго Владиміра Васильковича и преемника его Мстислава, присвоилъ себѣ трудъ митрополита Иларіона и, передѣлавъ по своему произволу, помѣстилъ его въ лѣтописный сводъ, въ примѣненіи къ своему предмету. По всей вѣроятности, въ это же время передѣланъ былъ и текстъ приведеннаго нами мѣста о сватовствѣ Владиміра къ Рогнѣдѣ, и въ отвѣтѣ ея Владиміру на его предложеніе замѣнено слово Кривитинъ словомъ робичичъ.

Съборьникъ Григорія, епископа Болгарскаго, л. 481 об.	Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. т. I, стр. 4.
Поляномъ же живущимъ особь. владѣющи роды своими. и́ быша. 3 браты владѣюще роды своими. имя единому Кій. имя 2-моу Щекъ•третіему Хоривъ. и сестра ихъ Лыбедь. и сѣдяше Кии на горѣ. идеже нинѣ оувозъ Боричевъ. а Щекъ сѣдяше на горѣ. гдѣ нынѣ Щековица. а Хоривъ на трѣтьей горѣ. еже нинѣ Хоривица, и сътвориша градъ въ имя брата старѣйшаго нарекоша Кіевъ. и бѣшя окрестъ града лѣсъ и боръ великъ. и бяху ловяще зверь. и бѣху мудри и смыслені. и нярицахуся Поляне. отъ нихже суть Поляни Киеве и до днесь. нѣціи же невѣдоуще рѣша. Кіи есть прѣвозникъ былъ. оу Киева бо бяше тогда превозъ съ оноя страны Днепра. аще бо бы	Поляномъ же живущемъ особѣ и володѣющемъ роды своими, иже и до сее братьѣ бяху Поляне, и живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ. Быша 3 братья, единому имя Кій, а другому Щекъ, а третьему Хоривъ, сестра ихъ Лыбедь. Сѣдяше Кій на горѣ, гдѣ же нынѣ увозъ Боричевъ, а Щекъ сѣдяше на горѣ, гдѣ нынѣ зовется Щековица, а Хоривъ на третьей горѣ, отъ него же прозвася Хоревица; и створиша градъ, во имя брата своего старѣйшаго, и нарекоша имя ему Кіевъ. Бяше около града лѣсъ и боръ великъ, и бяху ловяща звѣрь; бяху мужи мудри и смыслени, нарицахуся Поляне, отъ нихъ же есть Поляне въ Кіе-

превозникъ былъ Кій. то не бы ходилъ къ Царюграду. но съй Кій княжаше в роду своемъ. приходившу емоу къ Царюграду и миръ сътворши и чьсть приимъ отъ царей и оттолѣ къ Дунаю приде и виде любезно мѣсто и градъ сдѣла. се есть 2градъ нареченъ Кіевець. Киеви же пришедшу въ свой градъ Кіевъ. и ту животъ скончa. и Щекъ. и Хоривъ и сестра ихъ Лыбедь.

вѣ и до сего днѐ. Ини же не свѣдуще рекоша, яко Кій есть перевозникъ былъ; у Кіева бо бяше перевозъ тогда съ оноя стороны Днѣпра, тѣмъ глаголаху: на перевозъ на Кіевъ. Аще бо бы перезозникъ Кій, то не бы ходилъ Царюгороду; но се Кій княжаше въ родѣ своемъ; приходившю ему ко царю, якоже сказаютъ, яко велику честь пріялъ отъ царя, при которомъ приходивъ цари. Идущю же ему опять, приде къ Дунаеви, възлюби мѣсто и сруби градокъ малъ, хотяше сѣсти съ родомъ своимъ, и не даша ему ту близь живущіи; еже и до нынѣ наричютъ Дунайци городище Кіевець. Кіеви же пришедшю въ свой градъ Кіевъ, ту животъ свой скончa, а братъ его Щекъ и Хоривъ и сестра ихъ Лыбедь ту скончашася.

По поводу важныхъ свѣдѣній, сообщаемыхъ въ приведенномъ нами мѣстѣ относительно древнѣйшихъ событій Кіевской Руси, до сихъ поръ обыкновенно думали, что извѣстіе о происхожденіи Кіева занесено на страницы нашей лѣтописи изъ народнаго сказочнаго преданія преподобнымъ Несторомъ. Такъ объясняли это мѣсто Шлецеръ и, за нимъ, Карамзинъ, Шафарикъ и Погодинъ, державшіеся, начиная съ Шлецера, одинаковаго съ нимъ мнѣнія, того именно, что въ разсказѣ Нестора передается сказочное преданіе, основанное на обращеніи древнихъ именъ горъ и рѣкъ въ имена личностей Кія, Щека и Хорива и Лыбеди, т. е., въ олицетвореніи этихъ именъ съ придачею баснословныхъ вымысловъ и разсказовъ о небывалыхъ обстоятельствахъ ихъ жизни. Мнѣніе это повторялось до сихъ поръ и многими другими учеными, на томъ основаніи, что Несторъ ничего, кромѣ простаго народнаго преданія, не могъ ниоткуда получить о Кіѣ.

Въ новѣйшее время, академикъ И. И. Срезневскій, не отвергая той же мысли, замѣчаетъ только, что это мѣсто сохраняетъ въ себѣ два преданія: одно—о Кіевѣ и о Кіѣ, а другое—о Кіевцѣ. Первое изъ этихъ преданій онъ считаетъ за Русское мѣстное, Кіевское, другое же за преданіе Дунайское, которое могло быть принесено кѣмъ-нибудь изъ Болгаръ. Такъ можно было дѣйствительно думать, предполагая, что мѣсто это написано преподобнымъ Несторомъ и что, слѣдовательно, въ немъ записаны два весьма отдаленныя преданія, дошедшія до благочестиваго инока только по слухамъ. Не скрываемъ, что мы и сами, печатая въ «Москвитянинѣ» въ 1844 году, нашу «Догадку о происхожденіи наименованія г. Кіева», увлекались общимъ мнѣніемъ и полагали, что преданіе о Кіѣ, Щекѣ, Хоривѣ и Лыбеди не болѣе, какъ только сказка, а преданіе о Кіѣ превозникѣ не болѣе, какъ только легенда, записанныя преподобнымъ Несторомъ. Но точка зрѣнія на эти преданія совершенно должна измѣниться, какъ скоро мы убѣждаемся, что мѣсто это написано не Несторомъ, въ эпоху очень далекую отъ самого событія, но гораздо ближе къ нему, и именно не позднѣе X вѣка и, притомъ, записано епископомъ Болгарскимъ Григоріемъ, сопоставившимъ первое изъ этихъ преданій о Кіѣ съ другими достовѣрными свидѣтельствами.

Въ настоящее время, когда мы находимъ много документальныхъ, неоспоримыхъ доказательствъ въ пользу того факта, что первыя страницы лѣтописи нашей, стоящія во главѣ всего лѣтописнаго нашего Свода, какъ его первооснова, принадлежатъ несомнѣнно Григорію, епископу Болгарскому, значеніе приведеннаго выше мѣста получаетъ для насъ особенную важность. Григорій, помимо народнаго преданія, могъ черпать свои свѣдѣнія, конечно, и изъ другихъ письменныхъ свидѣтельствъ, какія только могли существовать въ его время относительно Полянъ-Кіянъ и стольнаго града Кіева, того новаго своего отечества, которому онъ посвящалъ себя и всю просвѣтительную свою дѣятельность. Принимая несомнѣнно за написателя приводимыхъ нами строкъ никого другаго, какъ Григорія, мы не можемъ не отнестись къ нимъ еще съ большею внимательностію, не только какъ народному преданію, но какъ преданію, провѣренному при самомъ занесеніи его въ нашу лѣто-

пись еще въ X вѣкѣ, во время наиболѣе близкое къ событію, историческою критикою такого высокообразованнаго мужа, какимъ былъ епископъ Болгарскій Григорій. Разсмотримъ это мѣсто, а вмѣстѣ и вполнѣ ясно указанныя въ немъ самыя причины его происхожденія.

Григорій, прибывши на Русь и находясь въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ высшему правительственному строю Руси, безъ сомнѣнія, не могъ не надѣяться узнать отъ него и не могъ не занести въ свою лѣтопись того преданія о происхожденіи Кіева, какое онъ получилъ на первый, естественно возникавшій въ немъ вопросъ, о происхожденіи этого города. Какъ очевидно, онъ имѣлъ уже свои особенныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ изъ другихъ источниковъ, и эти-то свѣдѣнія онъ хотѣлъ сравнить съ народнымъ преданіемъ, какъ и наоборотъ, преданіе это онъ желалъ провѣрить по другимъ извѣстнымъ источникамъ и сопоставить съ ними. Отсюда мы и видимъ на его страницахъ какъ то, такъ и другое. Съ своей стороны, при сравненіи ихъ обоихъ, относясь къ нимъ критически, онъ отдаетъ предпочтеніе предъ простонароднымъ преданіемъ о перевозчикѣ Кіѣ другому свѣдѣнію о томъ же предметѣ, почерпнутому имъ изъ другихъ, вѣроятно, греческихъ источниковъ о Кіѣ, гдѣ Кій является царственнымъ мужемъ, вождемъ боевыхъ славянскихъ дружинъ въ походѣ подъ Царьградъ.

Григорій, очевидно, поступаетъ въ этомъ случаѣ чрезвычайно благоразумно. Не желая утратить распространеннаго, современнаго ему, народнаго преданія о Кіѣ, какъ о превозникѣ, онъ бережно заноситъ его въ свою лѣтопись. Съ другой стороны, подвергая это преданіе строго научной критикѣ, на основаніи другихъ, извѣстныхъ ему свидѣтельствъ, говорившихъ не въ пользу этого преданія, но противъ него, онъ отрицаетъ его вѣроятность и утверждаетъ, что Кій не могъ быть превозникъ, такъ какъ онъ ходилъ на Цареградъ. Такая мудрая постановка вопроса и положительное утвержденіе, что Кій ходилъ на Цареградъ, сдѣланная ученымъ епископомъ Болгарскимъ, естественно, заставила насъ обратиться къ тѣмъ источникамъ, изъ которыхъ Григорій могъ почерпнуть приводимое имъ свидѣтельство о Кіѣ. Мы стали искать его, конечно, у Византійцевъ. Къ неожиданной нашей радости, дѣйствительно, одно изъ тѣхъ свидѣ-

тельствъ, которыми, безъ сомнѣнія, могъ пользоваться, въ данномъ случаѣ Григорій, намъ посчастливилось вскорѣ открыть.

Вотъ одинъ изъ источниковъ, изъ котораго, по ясному его смыслу, понятному для Григорія, онъ не могъ не вынести тѣхъ свѣдѣній о происхожденіи Кіева, которыя и сообщилъ въ своей лѣтописи на ряду съ народнымъ преданіемъ. Зная хорошо высокое, какъ древнее, такъ и современное еще ему, общественное значеніе моужей, онъ легко понималъ въ словахъ Грека то, чего могли не понять въ нихъ позднѣйшіе ихъ читатели, утратившіе уже память о древнемъ значеніи слова моужие. Свѣдѣнія о мужѣ Кіѣ встрѣчаются именно у Ѳеофилакта Симмокатскаго, писавшаго свою лѣтопись въ первой половинѣ VII вѣка (629). Извѣстіе это повторяется, безъ перемѣны, также въ хронографѣ Ѳеофана (879), а оттуда и въ сочиненіи Анастасія Библіотекаря (886).

Мы читаемъ у Ѳеофилакта по латинскому переводу, помѣщенному у Стриттера т. II, ч. I, стр. 59, слѣдующее: At enim Gepida enarrabat omnia, et minima quaeque rerum indicabat, dicebatque, captivos illos subesse Musocio (Μουσωκιον, Goar ad Theophanem p. 603. Cod. Pal. legit Μονσεγιον. Barb. Μεσεκιον) cuidam nomine, quem barbari regem appellarent, при чемъ указано въ ссылкѣ на выраженіе греческаго подлинника: τον λεγόμενον ῥήγα τῶν βαρβάρων φωνῆ. Это самое выраженіе переводитъ русскій переводчикъ Стриттерова труда, г. Свѣтовъ (ч. I, о Славянахъ) такимъ образомъ: «которому Славяне приписываютъ княжескій титулъ (Ῥῆξ).

Въ приведенномъ нами мѣстѣ мы встрѣчаемся съ чрезвычайно замѣчательнымъ выраженіемъ греческаго подлинника: τόν λεγόμενον ρὴγα τῶν βαρβάρον φωνῆ т. е. подъ властію нѣкоего Мусокія (мужа Кія) называемаго Ῥηξ на ихъ варварскомъ языкѣ. Латинскій переводчикъ слово Ῥηξ принимаетъ въ смыслѣ латинскаго слова Rex и переводитъ его царемъ. Но, очевидно, что здѣсь въ первоначальной греческой рукописи никакъ не могло находиться слово Ῥηξ, такъ какъ слово это, что не подлежитъ никакому возраженію, никогда въ славянскомъ языкѣ не существовало. Какое же слово стояло здѣсь, по всей вѣроятности, въ первой редакціи греческаго подлинника?

Безъ всякаго сомнѣнія, никакое другое, кромѣ слова Ῥῶς, какъ вполнѣ выражавшаго на варварскомъ языкѣ то понятіе, какое соединялось въ древности съ словомъ моужа-властеля. Относительно того, какимъ образомъ это слово Ῥῶς измѣнилось въ греческомъ текстѣ въ слово ῥῶξ и ῥήξ, мы принимаемъ слѣдующее, наиболѣе вѣрное предположеніе. Позднѣйшіе переписчики греческаго текста, понимавшіе значеніе этого варварскаго слова, и желавшіе передать его, сколько возможно, понятнѣе для своихъ соотечественниковъ, вѣроятно, замѣнили слово Ῥῶς довольно подходящимъ по смыслу словомъ ῥῶξ, измѣнившимся впослѣдствіи въ слово ῥήξ. Слова ῥῶξ и ῥήξ происходятъ отъ одного глагола ῥήγνυμι — разбиваю, разрываю; у Гомера мы находимъ производное отъ него слово Ῥηξήνωρ, въ смыслѣ мужа силы и неодолимой храбрости для прорванія рядовъ воиновъ. Слово это составлено изъ ῥήγνυμι — разбиваю и ἀνήρ мужъ. Очевидно, что Грекъ, вмѣсто слова Ῥῶς поставилъ здѣсь первоначально слово ῥῶξ, а впослѣдствіи другіе переписчики слово ῥήξ, выражавшее тоже самое понятіе: мужа силы и неодолимой храбрости. Писатель VI вѣка Іоаннъ Малала и позднѣйшіе составители хронографовъ, найдя таковую передачу слова царя (βασιλέως) для мѣстныхъ царей чрезъ слово риксъ (ῥήξ) весьма приличною и наглядно отличающею мѣстныхъ царей отъ кесарей (βασιλέων)—императоровъ Константинопольскаго двора, стали эту формулу употреблять все чаще и чаще при наименованіи языческихъ царей, установляя притомъ существенное различіе между мѣстными царями, принявщими христіанскую вѣру, которыхъ хронисты именуютъ царями-кесарями, и языческими мѣстными царями, которымъ даютъ только титулъ рикса. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Въ съборьникѣ Григорія, епископа Болгарскаго, въ выпискахъ изъ хронографа Іоанна Малалы говорится, что во время Тирскаго царя Финика, философомъ Иракломъ случайно была открыта краска багоръ (κογχύλη — коньхиль), понравившаяся царю своимъ цвѣтомъ. Финикъ велѣлъ изготовить свои царскія одежды изъ матерій, окрашенныхъ этою краскою, и запретилъ своимъ подданнымъ носить одѣянія изъ тканей подобнаго цвѣта.

Листъ 33. Тѣм же царіе мѣстъ рекше ригесъ мѣстніи князи оуслышавше се. ови одѣніа. ови же застогы златы и окровница оумысливше собѣ. багряныи и чръвленыи. червяще быліемъ носити да боудутъ знаеми своемоу народу.

Малалы греческій текстъ изд. Бон. стр. 33.

Λοιπὸν οὖν οἱ κατὰ τόπον βασιλεῖς, ἤτοι ῥῆγες καὶ τοπάρχαι, ἀκηκοότες τοῦτο, οἱ μὲν περιβόλαια, οἱ δὲ φίβλας χρυσᾶς καὶ μανδύας ἐπενόησαν ἑαυτοῖς, πορφύρεα ἢ ῥούσεα βάπτοντες αὐτὰ ἀπὸ βοτανῶν τινῶν, καὶ ἐφόρουν διὰ τὸ γινώσκεσθαι τῷ ἰδίῳ πλήθει.

Іоаннъ Малала, описывая начало царствованія Юстиніана говоритъ:

а) Въ лѣта си царствова въ Коньстянтинѣградѣ Иоустиніанъ. Пръсомъ же царствова Коадисъ Дарасфенъ (старыи) сынъ Перезовъ. в Римѣ же бѣ риксъ Атларихъ. внукь Алемариряковъ. въ Африкии же риксъ Свидарихъ. въ Индии же Ексумитомь и Америтома царствоваше Иадасъ. христьянъ бывъ. въ Лазакии же царствоваше Замана.

Малалы греческій текстъ изд. Бон. стр. 429.

Ἐν δὲ τοῖς χρόνοις τούτοις, ὡς προεῖπον ἐβασίλευσεν ὁ θειότατος Ἰουστινιάνος, τῶν δὲ Περσῶν βασιλεὺς Κωάδης ὁ Δαράσθενος, ὁ υἱὸς Περόζου, ἐν δὲ Ῥώμῃ Ἀλλάριχος, ἔκγονος τοῦ Οὐαλεμεριακοῦ, τῆς δὲ Ἀφρικῆς ῥὴξ Γιλδέριχ ὁ ἔκνονος Γινζιρίχου, τῶν δὲ Ἰνδῶν Αὐξουμιτῶν ἐβασίλευσεν Ἄνδας ὁ γεγονὼς χριστιανός, τῶν δὲ Ἰβήρων Σαμαναζός.

б) И в то лѣто приложися яко Грекомъ рекше, семоу царю отъ Оунъ нарицаемыхъ Савиръ [1]) жена нѣкто стратница [2]) добра и множествомъ и смысломъ именемъ Въа риксъ вдовица имоущи сына мала два и с нима сто [3]) тысяща доръ, яже во власти дръжа Оунъски страны по своего мужа Влаха оумертвии любленіемъ божественнаго Оустиніана дары мно-

Малалы греческій текстъ изд. Бон. стр. 430, 431.

Ἐν δὲ τῷ αὐτῷ χρόνῳ προσιῤῥύη Ῥωμαίοις ῥήγισσα ἐκ τῶν Σαβείρων Οὔννων, γυνή τις ἀνδρεία καὶ πλήθει καὶ φρονήσει, ὀνόματι Βώα, χήρα, ἔχουσα δὲ μικροὺς υἱοὺς δύο καὶ ὑπ' αὐτὴν χιλιάδας ἑκατὸν ἥτις ἐδυνάστευσε τῶν Οὐννικῶν μερῶν μετὰ τὴν τοῦ ἰδίου ἀνδρὸς Βλὰχ ἀποβίωσιν. καὶ προτραπεῖσα ὑπὸ τοῦ βασιλεως Ἰουστινιανοῦ ξενίοις πολλοῖς βασιλικῆς φορεσίας

---

[1]) Въ подлинникѣ: Савинъ.

[2]) Въ подлинникѣ: страница.

[3]) Слово сто въ подл. пропущено

гыми бисера и сосуды златыми и сребреными, ризнѣмь [1]) златомь поставленая. отъ Акада царя Пръска отъ иного языка въ Оунихъ оутренихъ рикса два именемъ Стоураксъ и Еглонъ да помогаете емоу идоущи на Римь, и ятъ сы Воя риксъ идуща въ Пръсы чръсъ свою землю къ Къадоу царю Пръскомоу, соущима има съ двѣманадесять тысящь ею же множество посѣче своими моужи Стуракса же ригѫ единого же емше связана посла в Коньстянтинъ градъ къ Оустиніаноу. и въстокнѫ и обоноу оу святаго Конана [2]).

Еллинскій лѣтописецъ Московской Синодальной Библіотеки, № 280.

В то же время в Рими живущи вдовицею царица Евдоксѣя, яже бѣ за Оулентинианомъ царемъ дщи Θеодосія и Евдокии, жалящися на Максимьяна моучителя, оубившаго моужа ей, въцарившася оубѣди Зиньзириха Оуандала ригѫ Африкыйскаго прити на Максимьяна царя на Римъ.

καὶ σκευῶν διαφόρων ἐν ἀργύρῳ καὶ χρημάτων οὐκ ὀλίγων, συνελάβετο δορυαλώτους καὶ ἄλλους ῥῆγας δύο Οὔννους, οὕστινας ἦν προτρεψάμενος Κωάδης ὁ τῶν Περσῶν βασιλεὺς εἰς τὸ συμμαχῆσαι αὐτῷ κατὰ Ῥωμαίων. καὶ παραλαβοῦσα αὐτοὺς ἡ αὐτὴ Βῶα ῥήγισσα παριόντας ἐπὶ τὰ Περσικὰ πρὸς Κωάδην, βασιλέα Περσῶν, μετὰ πλήθους βοηθείας χιλιάδων κʹ ὥντινων τὰ πλήθη κατεσφάγη ἐν τῇ συμβολῇ· τὸν δὲ ἕνα ῥῆγα αὐτῶν ὀνόματι Τύραγξ συλλαβομένη δέσμιον ἔπεμψεν ἐν Κωνσταντινουπόλει τῷ βασιλεῖ Ἰουστινιανῷ, καὶ ἐφούλκισεν αὐτὸν πέραν ἐν τῷ ἁγίῳ Κόνωνι.

Хроника Іоанна Малалы изд. Бон. стр. 365.

Ἐν αὐτῷ δὲ τῷ καιρῷ ἐν τῇ Ῥώμῃ διάγουσα ἡ δέσποινα Εὐδοξία, γενομένη χήρα, γυνὴ Βαλεντινιανοῦ βασιλέως, θυγάτηρ δὲ Θεοδοσίου βασιλέως καὶ Εὐδοκίας, λυπουμένη κατὰ Μαξίμου τοῦ τυράννου τοῦ φονεύσαντος τὸν ἄνδρα αὐτῆς καὶ βασιλεύσαντος, προετρέψατο δὲ Ζινζίριχον τὸν Οὐάνδαλον, τὸν ῥῆγα τῆς Ἀφρικῆς, ἐλθεῖν κατὰ Μαξίμου, βασιλέως τῆς Ῥώμης.

При сличеніи славянскаго перевода съ греческимъ текстомъ оказывается: 1) что въ хроникѣ Малалы въ началѣ разсказа пропущены имена царей Гунскихъ Стиракса и Глониса, которые у Θеофана находятся на соотвѣтствующихъ нашему переводу мѣстахъ и именуются, согласно съ нашимъ переводомъ, Στύραγξ — Стоураксъ, у Малалы Τύραγξ, Γλών—Еглонъ, у Малалы Γλώμ.

2) Царица Савиръ названа Въа риксъ, у Θеофана Βοα ῥήξ, у Малалы Βῶα ῥήγισσα., у Анастасія Boazer, у Кедрина Baretz,

[1]) Въ подлинникѣ: и инѣмъ.

[2]) Въ подлинникѣ: Коняка.

изъ чего видно, что позднѣйшіе хронисты Анастасій и Кедринъ уже не понимали значенія слова ῥήξ.

3) Въ греческомъ текстѣ Малалы говорится: «Βώα, χήρα, ἔχουσα δὲ μικροὺς υἱοὺς δύο καὶ ὑπ' αὐτὴν χιλιάδας ἑκατὸν». Въ латинскомъ переводѣ: «Vidua Boa mater erat filiorum duorum parvulorum, quae exercitum CCCIϽϽϽ militum sub se habens». У Ѳеофана: «Boa rex, vidua, adductis secum Unnorum millibus centum». Вмѣсто вышеприведенныхъ греческихъ словъ хроники Малалы и словъ Ѳеофановой хроники латинскаго перевода, въ Григоріевомъ хронографѣ говорится: «Въа риксъ вдовица имоущи сына мала два и с нима тысяща доръ, яже во власти дръжа Оунъскы страны, по своего мужа Влаха оумертвии».

Не можемъ не обратить здѣсь вниманія на важное разнорѣчіе, встрѣчаемое между древнѣйшимъ нашимъ славянскимъ хронистомъ и греческими хрониками. Тогда какъ у послѣднихъ мы читаемъ: у Малалы что Воа риксъ имѣла подъ своею властію сто тысячъ, а у Ѳеофана, что она привела съ собою сто тысячъ Унновъ; у Григорія говорится, что она имѣла тысяща доръ. Очевидно, что Григорій, при составленіи своего хронографа, руководствовался не одними указанными выше греческими хрониками, а имѣлъ подъ рукою еще какой-либо неизвѣстный для насъ источникъ, по которому онъ пополнялъ означенныя выше хроники, иначе не могли бы явиться въ данномъ мѣстѣ, въ его съборникѣ, приведенныя выше: тысяща доръ. Слова эти обличаютъ въ ихъ написателѣ знатока древне-византійской исторической литературы, обращавшагося къ ней съ строго-критической и необыкновенно вѣрной оцѣнкой. При этомъ въ нихъ сообщается такой именно фактъ, который не могъ, конечно, ускользнуть отъ вниманія такого ученаго, который особенно дорожилъ всякими точными свѣдѣніями о Славянахъ: прямое свидѣтельство о томъ, что онъ былъ не Грекъ, а Славянинъ, хотя и въ совершенствѣ изучившій греческихъ современныхъ писателей. Приведенныя выше слова особенно удостовѣряютъ о Григоріѣ, какъ своемъ написателѣ, вполнѣ вѣрномъ исторической дѣйствительности въ сообщаемыхъ имъ свѣдѣніяхъ о дорахъ, не чуждыхъ древле-славянскому міру. Что же такое были были эти доры, о которыхъ говоритъ здѣсь Григорій, и которые не могли не занимать его горячаго

вниманія къ славянскому дѣлу. Доры, какъ свидѣтельствуетъ Прокопій [1]) и древняя готская хроника [2]) были часть Готѳовъ, Готѳы-Трапозиты, жившіе издавна въ Тавріи и не послѣдовавшіе за Ѳеодорикомъ. Здѣсь они остались подъ защитою Гуновъ и Онгровъ, и, будучи не многочисленны, не могли выставить болѣе трехъ тысячъ, хотя и отборныхъ воиновъ. Эти-то доры и могли находиться въ распоряженіи Воа риксъ, какъ свидѣтельствуетъ Григорій, чѣмъ самымъ опредѣляется отчасти и самое отношеніе Воа риксъ, какъ царицы Унновъ, къ этимъ Дорамъ, или Готѳамъ-Трапезитамъ, какъ ей подвластнымъ и населявшимъ гористую часть полуострова Тавріи. Страна эта, по-готѳски, называлась Доріею.

4) Въ греческомъ текстѣ Малалы сказано: Τὸν δὲ ἕνα ῥῆγα αὐτῶν ὀνόματι Τύραγξ συλλαβομένη δέσμιον ἔπεμψεν ἐν Κωνσταντινουπόλει τῷ βασιλεῖ Ἰουστινιανῷ, καὶ ἐφούλκισεν αὐτὸν πέραν ἐν τῷ ἁγίῳ Κόνωνι. Латинскій переводчикъ это мѣсто передаетъ такъ: unumque etiam ex regibus, cui Tyranx nomen, in vincula conjectum, Constantinopolim Justiniano imperatori transmisit, qui etiam eum, in ripa ulteriore, juxta S. Cononem in furcam egit т. е. «одного изъ царей Тиранкса отослала въ кандалахъ въ Константинополь къ императору Юстиніану, который повѣсилъ его на противоположномъ берегу около св. Конона». Этого послѣдняго извѣстія о казни Стиракса у Ѳеофана нѣтъ. Григорій переводитъ: Стоуракса же Ригѫ единого же емше связана посла въ Констянтинъ градъ къ Оустиніану и въстокнѫ и обоноу оу святаго Конана. Предоставляя знатокамъ древле-греческаго языка опредѣлить, кто вѣрнѣе передалъ смыслъ подлинника—Григорій или латинскій переводчикъ; съ своей стороны замѣчу, что слово въстокнѫ не объяснено ни нашимъ ученымъ филологомъ А. Х. Востоковымъ, ни знаменитымъ Миклошичемъ, который въ своемъ словарѣ объясняетъ только слово тъкнѫтие латинскимъ fixio; а потому я полагаю, что подъ словомъ въстокнѫ должно разумѣть, либо посаженъ на колъ, или пригвожденъ, такъ какъ обѣ эти казни были въ то время въ употребленіи и считались болѣе мучительными, чѣмъ повѣшеніе.

---

[1]) Procop. de bello goth. t. IV, c. 4, p. 517, 573.

[2]) Isidori Chronic. gothicum, quae desunt in Procopio, p. 252.

5) Царица Боа названа стратница добра. Это выраженіе также должно обратить на себя вниманіе. Въ греческомъ текстѣ царицѣ Боѣ придается эпитетъ ἀνδρεία отъ слова ἀνήρ мужъ. А какъ, по понятіямъ X вѣка, которыя вполнѣ усвоилъ себѣ Григорій, подъ словомъ мужъ разумѣлось лицо изъ племеньства, добропородное, и какъ въ славянскомъ языкѣ слово мужъ не имѣетъ соотвѣтственнаго себѣ въ женскомъ родѣ выраженія, то Григорій, не рѣшившись назвать царицу Боу мужатицей, перевелъ ἀνδρεία словомъ стратницу, признавая за нимъ значеніе, соотвѣтственное слову мужъ. Стратница происходитъ отъ слова страта, стратигъ; стратница (στρατεία) — епитетъ Минервы-воительницы.

6) Выраженіе: Оунны, нарицаемые Савиръ, наводитъ насъ на мысль, что Гунны были моужіе правители, изъ племеньства доброродныхъ. Они у византійскихъ историковъ называются Гуннами-сабирами и другими народными именами, потому что они властвовали надъ тѣми странами и народностями, отъ которыхъ и получили придаточное наименованіе.

7) Для насъ весьма важенъ этотъ разсказъ о царицѣ Савиръ Боѣ во первыхъ потому, что ясно указываетъ на то, что Григорій, при составленіи своего хронографа по великому изложенію, пользовался какъ хроникою Іоанна Малалы такъ и хронографомъ Θеофана; при этомъ, переводя изъ обоихъ источниковъ, онъ искусно составлялъ свой собственный разсказъ, не опуская изъ нихъ ничего существеннаго. Во вторыхъ разсказъ этотъ важенъ потому, что Григорій, соединяя слова Θеофана о томъ, что Боа сдѣлалась союзницей и другомъ цесарю Юстиніану, съ разсказомъ Малалы о дарахъ царицѣ Савиръ, выразился особенно характеристично въ слѣдующихъ словахъ: любленіемъ божественнаго Юстиніана. Это выраженіе напоминаетъ намъ выраженіе тогоже Григорія при повѣствованіи его о пребываніи в. к. Ольги въ Константинополѣ, гдѣ императоръ Константинъ рече ей слово к любви. Слово любленіе, употребленное здѣсь въ древнѣйшомъ своемъ смыслѣ, нашимъ знаменитымъ ученыкъ переводчикомъ Григоріемъ, безъ сомнѣнія, не могло бы ни ввести въ недоразумѣніе и кривотолки позднѣй-

шихъ нашихъ дѣеписателей и разныхъ лѣтописныхъ поновителей и поправителей, если бы оно встрѣтилось въ нашей Русской лѣтописи, еще болѣе, чѣмъ слово к любви, употребленное тѣмъ же нашимъ писателемъ Григоріемъ. Дѣйствительно, здѣсь слово любленіе могло бы очень легко послужить поводомъ для древнихъ начетчиковъ къ различнымъ соблазнительнымъ представленіямъ и толкованіямъ, къ которымъ древніе нащи начетчики питали большую наклонность и охоту. Эти свойства ихъ, какъ извѣстно, особенно нравятся нѣкоторымъ нашимъ исторіографамъ и необыкновенно цѣнятся ими. Едва ли древніе исправители лѣтописнаго нашего свода могли бы понять тотъ подлинный смыслъ, какой заключался въ словѣ — любленіе, и по которому, въ приведенномъ нами мѣстѣ, прямо говорится о такомъ же точно мирномъ, наступательномъ и оборонительномъ союзѣ, заключенномъ верховною правительницею, или стратницею Сабировъ Боа съ императоромъ Іустиніаномъ, какого домагался позднѣе отъ такой же правительницы Славянъ в. к. Ольги императоръ Константинъ. Сходство между тѣмъ и другимъ событіемъ вполнѣ достойное замѣчанія. Царственное единовластіе вдовы Боа надъ Сабирами, по смерти мужа ея Влаха и по случаю малолѣтства сыновей ея вполнѣ совпадаетъ съ таковымъ же точно единовластіемъ в. к. Ольги, управлявшей самодержавно Славянами, по смерти царя Игоря, по случаю малолѣтства Святослава, и указываетъ на одно и тоже древле-славянское право, по которому вдова, въ случаѣ малолѣтства дѣтей, принимала по наслѣдству отъ мужа единодержавіе. Отсюда Боа и называется стратницею, а в. к. Ольга доказываетъ при дворѣ Цареградскомъ, что она имѣетъ свои самостоятельныя права на царское вѣнчаніе, какъ вдова, единовластная павительница Руси, а не какъ только супруга (августа) умершаго царя Игоря.

Объясненное нами выше слово Ῥὴξ встрѣчается также въ позднѣйшихъ памятникахъ греческаго языка. Такъ, у Константина Багрянодарскаго мы читаемъ: «Ἰστέον ὅτι ὁ ῥὴξ Ἰταλίας ὁ μέγας Λοθάριος, ὁ πάππος τοῦ περιβλέπτου ῥηγὸς Οὕγωνος, ἀπὸ τῆς γενεᾶς τοῦ μεγάλου Καρούλος κατήγετο, περὶ οὗ πολὺς ἔπαινος ἐγκώμιά τε καὶ διηγήματα καὶ περὶ

πολέμους ἀνδραγαθήματα [1]). Здѣсь слово ῥήξ употреблено въ смыслѣ царя. Во всякомъ случаѣ, необыкновенно важно встрѣтить въ византійскихъ письменныхъ памятникахъ отдаленной древности, еще въ концѣ VI вѣка, это слово Ῥῶς — Русъ, какъ прямо однозначительное съ словомъ властеля, моужа, царя.

Тоже самое слово Русъ и въ томъ же самомъ смыслѣ царя, правителя, мужа, встрѣчаемъ мы и у арабскаго писателя Ибнъ Даста, въ началѣ X вѣка, гдѣ онъ, описывая Русь той же Кіевской мѣстности, говоритъ: «Русь имѣетъ царя, который зовется Хаканъ-Русь [2]).

Теперь, когда уже изъ приведенныхъ выше мѣстъ стало несомненнымъ древнѣйшее значеніе синонимъ: Ῥῶς, Ῥῶξ, ῥήξ, царь, Росъ, или Русь, является возможность дать объясненіе и тому, что значило въ древности доселѣ не объясненное названіе Славянъ Рокса-алане. Извѣстно, что Славяне, относительно общественнаго своего строя, имѣли въ древности два рода управленія: одно подъ единодержавною властію царей, а другое, дробившееся на мелкія общинныя, вѣчевыя народоправства, о чемъ свидѣтельствуетъ и Григорій, въ лѣтописи своей, говоря: «По нихъ же (Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ) родъ ихъ нача княжити. А Древляне собѣ, а Дрягвичи собѣ жить, а Словене собѣ Новгородци, а Полочане такожъ безъ князей». Тоже самое подтверждается и свидѣтельствомъ византійскихъ писателей, называющихъ Славянъ однихъ просто Скиѳами, а другихъ царскими Скиѳами. Это же мы видимъ и у Славянъ-Аланъ, изъ которыхъ одни называются просто Алане, а другіе Рокс-Алане, т. е. Алане, признававшіе надъ собою власть царскую: Ῥῶς-Ἀλανοί—Россалане, Ῥῶξ-Ἀλανοί—Роксалане, Ῥήξ-Ἀλανοί—Риксалане, царскіе Алане, царскіе Скиѳы (*βασιλέων Σκύθαι*), жившіе, по Геродоту, между Днѣпромъ и Азовскимъ моремъ, и занимавшіе (по изысканіямъ г. пр. Надеждина) всю нынѣшнюю Таврическую и часть Екатеринославской губерніи [3]). Нѣкоторая часть

---

[1]) См. Corpus Scriptor. Histor. Bysant. Constant. Porphyrog. de administr. imperii, vol. III, p. 114.

[2]) См. Извѣстія о Хозарахъ, Буртасахъ, Болгарахъ, Мадьярахъ, Славянахъ и Руссахъ Ибнъ-Даста изд. Д. А. Хвольсона, 1869, стр. 35.

[3]) Записки Одесскаго Общ. Исторіи и Древн., т. I, стр. 85.

этихъ-то Россоланъ, т. е. Аланъ, управлявшихся царями, жившихъ на Дону, подъ именемъ Руси, удалилась, какъ говоритъ преданіе, изъ мѣстъ, которыя они занимали прежде, къ побережью Балтійскаго моря вмѣстѣ съ Одиномъ, гдѣ и сохранили свое царское управленіе, такъ какъ положительно извѣстно, что ихъ династія — цари моужие ихъ, Русь, существовала и позднѣе на сѣверѣ славянскаго міра, откуда и призваны были въ Новгородъ первые наши властели—Русы. Такимъ древнимъ передвиженіемъ нѣкоторыхъ Россаланъ или царскихъ Аланъ, не утратившихъ своей династіи, съ юго-востока на сѣверъ весьма просто объясняется тотъ до сихъ поръ не легко поддававшійся рѣшенію вопросъ, который указывалъ съ недоумѣніемъ на Русь на югѣ (напр. въ Корсуни русскія письмена) еще гораздо прежде, чѣмъ явилась Русь съ сѣвера въ Ладогѣ, Новгородѣ, и потомъ уже въ Кіевѣ. Вопросъ этотъ рѣшается вполнѣ удовлетворительно, какъ скоро становится извѣстнымъ, что южная до-Рюриковская Русь таже самая династія — Русь, которая управляла нѣкогда царскими Аланами, Россаланами, и которая за тѣмъ, удалившись на сѣверъ, была снова призвана оттуда Новгородскими Славянами для водворенія у нихъ порядка, власти и, за тѣмъ, снова утвердилась на югѣ, въ Кіевѣ.

Въ рукописной запискѣ Іорнанда, хранящейся въ Медіоланѣ, въ библіотекѣ Амвросіанской, написано Rossomanorum вмѣсто Roxolanorum [1]). Кромѣ важнаго доказательства тому, что въ то время, когда была написана эта записка, слово Россъ и Роксъ употреблялось безразлично одно вмѣсто другаго, какъ синонимъ, здѣсь же мы находимъ достаточно вѣское свидѣтельство въ пользу того, что подъ Россоланами разумѣлись именно Славяне, находившіеся подъ управленіемъ Руссовъ. Списатель Іорнандовой записки, понимая такое именно значеніе Роксоланъ, потому, безъ сомнѣнія, и назвалъ ихъ Россоманами,—что произвелъ это названіе отъ Славянскихъ мужей—властелей Руссовъ, по примѣру того,

---

[1]) См. въ Моск. Гл. Архивѣ М. И. Д. портфель Миллера № 47: „Подробное описаніе о народахъ въ Россіи въ древнія времена жившихъ“, № 3, л. 9 об.

какъ назвалась Германія отъ своихъ мужей—правителей, Herrmänner, — какъ назвалась и Франція отъ своихъ мужей правителей-Франковъ.

Вполнѣ удовлетворительное рѣшеніе не легкаго вопроса объ Россоланахъ, какое даетъ намъ правильно понятое древнѣйшее значеніе слова: Россъ, Роксъ, Риксъ, царь, Русь, приводитъ насъ къ рѣшенію также и другаго немаловажнаго, до сихъ поръ нерѣшеннаго, вопроса о томъ, что слѣдуетъ разумѣть у Іорнанда подъ Ethel rugi. Разсмотримъ для этого самый составъ слова Ethel rugi. Прежде всего, что значило слово rugi? Ругами—Rugi Нѣмцы X в. называли Руссовъ. Извѣстно, что в. кн. Ольга названа Regina Rugorum (Pertz. I. 624); епископъ Адальбертъ названъ Rugis ordinatus episcopus (ib. I. 625). Здѣсь мы можемъ указать даже самую причину такого названія Руссовъ Ругами. Вполнѣ очевидно, что слово Rugi обязано своимъ происхожденіемъ названію рига, риксъ, которымъ, какъ мы уже видѣли, назывались мужие властели — Руссы. Но что же значитъ слово: Ethel? Слово это означаетъ тутъ названіе мѣстное географическое, указывающее на мѣсто обитанія тѣхъ Руссовъ, или Руговъ, которые назывались Этель-ругами. За тѣмъ, зная уже, что Руссы, доброродное племенство, царственно властвовавшее у Славянъ-Аланъ, назывались риксами, ригами, и что Славяне жили нѣкогда на Волгѣ, мы не должны нисколько затрудняться признать въ цѣломъ составѣ слова Ethel rugi — Волжскую Русь, т. е., Славянъ, подъ династическимъ управленіемъ Руссовъ, такъ какъ уже извѣстно, что въ древности всѣ восточные народы рѣку Волгу называли Ателемъ или Этелемъ. Такое объясненіе вполнѣ просто и естественно, и нѣтъ никакихъ причинъ усомниться въ такомъ древнемъ значеніи слова Ethel-Rugi, т. е. Волжская Русь. Все это, взятое вмѣстѣ, одинаково согласно и неопровержимо свидѣтельствуется древнѣйшими письменными памятниками, понятыми въ ихъ настоящемъ, современномъ написанію ихъ, смыслѣ, о томъ, что слово Русь — слово чисто славянскаго происхожденія и означало въ самой глубокой древности моужей властелей-добродныхъ, племенитыхъ, nobiles; а Каганъ-Русь, по еврейски נְשִׂיא רֹאשׁ (нэси рошъ), по, гречески ἄρχων Ῥῶς, (князь

Росъ, значило князь-глава, верховный или главенствующій, великій князь, царь. Славянское происхожденіе слова Русь подтверждается: а) бытностью Руси Кавказской, о которой говорятъ пр. Іезекіиль, Іосифъ Флавій, Өеодоритъ и Іеронимъ, и о которой упоминаетъ, въ VI вѣкѣ, Шахиръ-Эддинъ вмѣстѣ съ Хозарами и Славянами, а Табари, въ VII в., вмѣстѣ съ Хозарами; б) бытностью Руси Волжской, о которой упоминаетъ Іорнандъ, и в) бытностью Руси Донской, о которой говоритъ Массуди, какъ о властвовавшей надъ 50 тысячъ Славянъ и владѣвшей серебряными рудниками въ Донецкомъ кряжѣ.

Что касается до того, почему нѣкоторые мусульмане носили у Хозаръ названіе Ларсія или Аларсія... *(пробѣлъ)*, которое до сихъ поръ такъ безуспѣшно старались объяснить многіе изъ иностранныхъ ученыхъ, то названіе это, по свойству народнаго нашего говора, объясняется, кажется, довольно легко. Алларсія, значитъ Аллахъ—Русь. Изъ 12 отрывка Массуди видно, что Ларсіями или Алларсіями Хозары называли преимущественно нѣкоторыхъ мусульманъ, служившихъ въ войскѣ Хакана. Очевидною причиною къ такому названію служило то, что они исповѣдывали мусульманскую вѣру, которой, какъ извѣстно, главнѣйшимъ характеристическимъ религіознымъ выраженіемъ служитъ слово Аллахъ, употребляемое постоянно магометанами. По этому-то слову, Хозары и называли всѣхъ Руссовъ, исповѣдывавшихъ магометанскую вѣру: Аллахъ—Русь, или Алла—Русь.

Но обратимся опять къ нашему предмету, — къ мужу Кію. У Өеофилакта, вслѣдъ за приведеннымъ нами выраженіемъ, тотчасъ же сказано: Eum (musocium) triginta parasangis ab eo loco habitare, а у Өеофана читается: Musugium (Μȣσȣγιον) avtem barbarorum regem ad trigesimum lapidem morari referebat. Приведенныя нами мѣста русскій переводчикъ и сократитель Стриттерова труда, г. Свѣтовъ, передаетъ такимъ образомъ: «оные плѣнники находились во владѣніи нѣкоего Мусокія (Өеофанъ его Мусугіемъ, Анастасій Мусакіемъ называютъ), которому Славяне приписываютъ княжескій титулъ (Ῥῆξ), и коего столица не болѣе, какъ въ 30-ти парасангахъ отстоитъ». Любопытное это свѣдѣніе должно обратить на себя особенное вниманіе ученыхъ изслѣдователей; оно, кажется,

указываетъ на мѣстность Кіевца, о которой упоминается въ нашей первоосновной лѣтописи. Кіевецъ могъ быть построенъ и заселенъ Кіемъ. Здѣсь говорится о 30 парасангахъ. Парасанга (parasanga)—путевая мѣра у древнихъ Персовъ, равнялась 30 стадіямъ римскимъ. Стадія—верста въ 125 шаговъ, или 625 футовъ. Lapis—миля въ 1000 шаговъ, слѣдовательно, 30 парасангъ составляютъ не очень большое разстояніе; оно никакъ не могло указывать на Кіевъ-Полянскій, а по всему вѣроятію относится къ Болгарскому Кіевцу [1]).

А. Ѳ. Вельтманъ, въ книгѣ Аттила и Русь IV и V в., говоритъ: «Если при Несторѣ (читай при Григоріѣ) Дунайцы знали мѣстность, которою владѣли временно Кіевляне или Гунны историковъ, на Дунаѣ, то, безъ сомнѣнія, при Іорнандѣ эта мѣстность была еще въ живой памяти. О Кіевомъ или Гуннскомъ городкѣ онъ и упоминаетъ при слѣдующемъ случаѣ:

«Остроготы (вытѣсненные Гуннами въ 376 году изъ-за Дуная) жили въ трехъ отдѣльныхъ мѣстностяхъ подъ управленіемъ братьевъ князей Видимира, Тодомира и Велемира.

«Велемиръ поселился при озерѣ (Pelso, Pleso; по слав. Плесо—озеро); Тодомиръ между Scarniunga и Aqua-nigra (Schwarzbach; а владѣнія Видимира находились между областями братьевъ. Сыновья Аттилы, считая ихъ своими подданными, бѣглыми рабами изъ предѣловъ подвластныхъ Гуннамъ, напали на земли Велемира, такъ что братья его объ этомъ не знали. Велемиръ хотя и съ малыми силами, но удержалъ ихъ напоръ, разбилъ на голову, и они бѣжали въ ту часть Скиѳіи, которая прилегаетъ къ Дунаю и называется ими Hunnivar».

Hunnivar, означая Гунскій варошъ, т. е. градецъ, замокъ, есть явно переведенное названіе Кіева-градца; но положеніе его опре-

---

[1]) Проф. Ѳ. Морошкинъ въ примѣчаніяхъ своихъ къ опыту Истор. Рос. гос. и гражд. зак. соч. Рейца, на стр. 341, говоритъ: «Въ Болгаріи встрѣчаются русскія названія городовъ, напр. Переяславъ (Болгарскій), Кіевъ Κίαβα), вѣроятно, тотъ самый, который у Нестора названъ Кіевецъ, основанный, по сказанію его, не перевощикомъ, а побѣдоносными основателемъ г. Кіева. Попадается также нѣсколько разъ г. Πλησκόβα (Плесковъ).

дѣлить уже трудно; по нѣкоторымъ же соображеніямъ онъ могъ быть въ устьяхъ Дуная. Значеніе этой мѣстности, въ военномъ и торговомъ отношеніи, для древнихъ Руссовъ было велико: Кіевецъ долженъ былъ лежать на пути воднаго сообщенія Кіева съ Византіей; во время же войны въ устьяхъ Дуная было обычное соединеніе сухопутнаго войска, шедшаго чрезъ Бессарабію (Бѣло-Сербію), съ морскими силами».

Профессоръ А. А. Котляревскій въ своемъ сочиненіи о погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ, приводя слѣдующія слова изъ Ѳеофилакта: «Priscus auctoritate imperatoris ad Istrum movet, ut ab eo Sclavorum gens flumen trajicere prohibita, vel nolens securitatem et otium Thraciae praestaret. Ajebat siquidem Prisco imperator, barbaros nunquam quieturos, ni Romani Istrum quam acerrime custodirent», замѣчаетъ, что въ самомъ разсказѣ о вторженіи Приска въ землю Славянъ, они сначала называются собственнымъ именемъ, а потомъ уже общимъ нарицательнымъ barbari; и по самому ходу событій видно, что здѣсь разумѣются исключительно Славяне; нѣтъ никакого упоминанія о другомъ какомъ нибудь народѣ, вездѣ говорится лишь объ однихъ Славянахъ; наконецъ, важно въ этомъ случаѣ и имя князя, которое Византійцы передаютъ на свой ладъ Μυσοχιος Μυσυχιος, т. е., измѣнивъ несвойственный имъ славянскій звукъ ж въ σ и прибавивъ греческій суффиксъ ως. Приведенное въ славянскую форму, это имя не представитъ ничего противнаго славянскому именослову: корень мѫж дастъ происхожденіе и другимъ собственнымъ славянскимъ именамъ.

Здѣсь А. А. Котляревскій, безъ сомнѣнія, прочелъ бы это слово нѣсколько иначе, еслибъ онъ ближе ознакомился по древнѣйшимъ нашимъ памятникамъ съ древнѣйшимъ значеніемъ слова мужъ. Въ такомъ случаѣ не встрѣтилось бы надобности измѣнять въ словѣ Μυσυχιος и буквы ι на ȣ, какъ дѣлаетъ А. А. Котляревскій, а только слѣдовало бы, держась совершенно вѣрнаго замѣчанія его, о замѣнѣ у Грековъ нашей буквы *ж* буквою σ и придачѣ ος, прочесть просто мужъ Кій.

Далѣе А. А. Котляревскій изъ приведенныхъ имъ соображеній вполнѣ достовѣрно заключаетъ, «что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ свидѣтельствомъ 6 вѣка о существованіи у Славянъ обычая праздно-

вать поминки по усопшемъ, при чемъ попойка въ честь его составляла необходимую часть религiознаго обряда. Слова лѣтописца оставляютъ въ неизвѣстности: были ли эти поминки немедленно по смерти извѣстнаго лица, или здѣсь разумѣются перiодичныя, срочныя поминки, справлявшiяся по истеченiи извѣстнаго времени. И то и другое имѣло мѣсто въ быту языческихъ Славянъ, но въ настоящемъ случаѣ вѣроятнѣе будетъ предположить поминки перiодическiя, быть можетъ годовщину, такъ какъ въ предыдущемъ лѣтописецъ вовсе не упоминаетъ о приключившейся смерти брата Мѫжока [1]) (Μυσώκιος)». По поводу этого слова мы уже выше доказали, что здѣсь слѣдуетъ читать мужъ Кiй. Въ этомъ же самомъ свидѣтельствѣ мы встрѣчаемся съ важнымъ указанiемъ относительно того, что у этого мужа Кiя былъ дѣйствительно братъ, который въ описываемое время уже умеръ и по немъ совершалась тризна.

Такимъ образомъ, въ приведенномъ и поясненномъ нами историческомъ византiйскомъ памятникѣ 6 вѣка открываются для нашей исторiи слѣдующiя новыя положительныя данныя: 1) что извѣстiя о Славянахъ, находимыя нами у Θеофилакта, относятся не къ однимъ Дунайскимъ, а и къ нашимъ Кiевскимъ Славянамъ; 2) что Кiй былъ не миθическое лицо, а историческая личность, и дѣйствительно былъ княземъ у Кiянъ-Полянъ; 3) что Болгарскiй Кiевецъ отстоялъ отъ мѣста, указаннаго Θеофилактомъ, на 30 парасангъ; 4) что слово Роусъ было синонимомъ слову царь еще въ 6 вѣкѣ, и даже гораздо ранѣе; 5) что у Кiя былъ дѣйствительно братъ и что, судя по этому, свидѣтельство нашей лѣтописи о другомъ его братѣ и сестрѣ также можетъ считаться достовѣрнымъ, и, наконецъ, 6) опредѣляется самое время, когда княжилъ у Кiянъ-Полянъ мужъ Кiй, именно между 590—593 годами. Не можемъ не замѣтить также, по поводу всего сказаннаго, что, очевидно, по имени этого Кiя, мужа Руса, т. е., мужа, княжившаго у Кiевскихъ Славянъ еще въ концѣ 6 вѣка, какъ это ясно изъ указаннаго нами византiйскаго источника, — которымъ, безъ сомнѣнiя, пользовался первый нашъ лѣтописатель, Григорiй, епи-

[1]) См. о погребальныхъ обычаяхъ языч. Славянъ А. А. Котляревскаго, стр. 45—46.

скопъ Болгарскій, сопоставивши его съ современнымъ ему мѣстнымъ Кіевскимъ преданіемъ,—могли Поляне-Кіяне, по правителю своему Р у с у, называться также и Р у с ь ю. Кромѣ того, по всей вѣроятности, отъ имени того же м у ж а Р у с а К і я сталъ называться К і е в о м ъ и стольный городъ ихъ К у я в а, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ въ первоосновной лѣтописи нашей было доказано, что первый князь С л а в я н ъ - П о л я н ъ былъ К і й. Какъ извѣстно, и какъ мы уже достаточно разсмотрѣли это въ другомъ мѣстѣ, К і е в ъ, въ еще болѣе отдаленныя времена, назывался не Кіевомъ, а Кꙋквою отъ слова кꙋкв, или лодій, однодеревокъ, употреблявшихся на бывшемъ при немъ перевозѣ. Народное преданіе о происхожденіи этого древнѣйшаго названія Кіева хранилось еще тамъ въ дни прибытія туда Григорія и сохранено имъ въ его лѣтописи, вмѣстѣ съ памятью о первомъ, княжившемъ тамъ, м у ж ѣ К і ѣ. Иначе нѣтъ никакой исторической возможности объяснить, почему именно древняя Кꙋква стала позднѣе называться, какъ называется и до сихъ поръ, не Кꙋквою, а Кіевомъ. Отрицать прямыя лѣтописныя показанія, какъ отечественныя, такъ и иноземныя, въ пользу такого именно происхожденія этихъ двухъ названій, нѣтъ никакой разумной возможности. Никакіе авторитеты даже Шлецера и другихъ ученыхъ, повторявшихъ только его мнѣніе, безъ всякихъ самостоятельныхъ новыхъ изысканій и провѣрокъ, не могутъ обязывать насъ принимать на слово остроумныя гаданія вмѣсто прямыхъ лѣтописныхъ показаній. Amicus Plato, sed magis amica veritas!

До сихъ поръ изслѣдователями береговъ Понта Эвксинскаго отъ Днѣпра до устья Дуная не было обращено надлежащаго вниманія на то показаніе о древнемъ пути Руссовъ въ Царьградъ, какое сохранилось намъ отъ Константина Багрянороднаго. Въ этомъ показаніи говорится о Днѣпровскомъ лиманѣ, о Бѣлгородѣ [1])

---

[1]) Въ спискѣ городовъ русскихъ, географическомъ памятникѣ XIV в. говорится: „на устьѣ Дуная Новое Село, Аколятря, на море Карна, Каварна; а на сей странѣ Дуная: на усть Днѣстра надъ моремъ Бѣлъгородъ“.

(Aspron, Alba Civitas), рѣкѣ Бѣлой (Albus fl.) и объ островѣ св. Ѳеерія (S. Aetherii). Сопоставляя съ этимъ показаніемъ свидѣтельства Страбона, Безымяннаго, въ его «Периплѣ» и Плинія, мы должны придти къ тѣмъ неизбѣжнымъ заключеніямъ, что городъ Тира (Tyra), рѣка Тирасъ (Tyras) и островъ Тирагетовъ въ поразительной точности соотвѣтствуютъ указаннымъ Константиномъ Багрянороднымъ мѣстностямъ: Бѣлгорода, рѣки Бѣлой и острова св. Ееерія. Основанія для этого представляются въ слѣдующемъ: Константинъ Багрянородный говоритъ: «Днѣстръ въ устьяхъ своихъ образуетъ обширный лиманъ, который простирается до самого моря, гдѣ лежитъ островъ св. Айѳерія». Въ настоящее время островъ этотъ уже почти не существуетъ, также точно какъ и названіе рѣки Бѣлой. Причина этому — послѣдствіе особенностей туземныхъ, постепенныхъ противудѣйствій водъ рѣки Днѣстра въ борьбѣ съ водами Чернаго моря, изъ коихъ первыя стремятся промыть берега материка для своего истока, а вторыя, подмывая также материкъ съ противуположной стороны, образуютъ наносныя формаціи. При этомъ, естественно, какъ тѣ, такъ и другія постоянно разрушительно дѣйствовали на материкъ съ двухъ противуположныхъ сторонъ. Вслѣдствіе этой-то, издревле существующей въ этомъ мѣстѣ борьбы водъ, отъ обширнаго древняго Тирагетскаго острова, простиравшагося отъ истока изъ Днѣстровскаго лимана рѣки Бѣлой (въ древности рѣки Тираса) отъ той мѣстности, гдѣ находилась башня Неоптолема и мѣстечко Гермонакса [1]), по всему протяженію рѣки Бѣлой (р. Тираса) до самого впаденія ея въ море, остаются нынѣ едва только замѣтные, небольшіе слѣды острова; рѣка Бѣлая, затянувшаяся съ одной стороны, въ своемъ устьѣ, пескомъ, образовала позднѣйшій Будацкій лиманъ, и такимъ образомъ, усиливъ прибрежное полноводье, прорвала наиболѣе узкую часть острова св. Айѳерія, по направленію прямаго теченія Днѣстровскихъ водъ, которыя и полились съ того времени въ море такъ называемымъ нынѣ Цареградскимъ гирломъ, наиболѣе широкимъ

[1]) Strabo, Geogr. lib. VII, cap. 3, § 16: ἐπὶ δὲ τῷ στόματι τοῦ Τύρα πύργος ἐστὶ Νεοπτολέμου καλούμενος καὶ κώμη Ἑρμώνακτος λεγομένη.

и полноводнымъ; рѣка же Бѣлая, превратясь въ лиманъ, утратила свое рѣчное названіе и стала именоваться Будацкимъ лиманомъ. Никто (какъ основательно замѣчаетъ г. Беккеръ) изъ древнихъ писателей не говоритъ, чтобы на этомъ мѣстѣ находился лиманъ, и даже Страбонъ, столь точный во всемъ, упоминаетъ только о двухъ озерахъ, между Дунаемъ и Днѣстромъ, прилежащихъ къ Истру [1]).

Въ поясненіе указаннаго нами древняго положенія этой мѣстности, мы выписываемъ здѣсь нѣсколько мѣстныхъ наблюденій надъ нею, сдѣланныхъ Д. Ч. Одесскаго Общества Исторіи и Древностей г. Беккеромъ. Вотъ что онъ говоритъ о свойствахъ почвы при устьѣ Днѣстровскаго лимана. «Каждый, достаточно знакомый съ характеромъ здѣшнихъ рѣкъ, едва ли откажетъ моему мнѣнію въ совершенной справедливости и точности. При изслѣдованіи разсмотрѣнныхъ нами выше береговыхъ странъ, строго должно отличать формаціи древняго историческаго времени отъ перемѣнъ позднѣйшихъ столѣтій и, особенно, ясно указывать на измѣненный видъ почти всѣхъ земель, орошаемыхъ рѣками. Стремленіе къ образованію пересыпей и къ отдѣленію, посредствомъ косъ, рѣчныхъ лимановъ такъ обще у здѣшнихъ рѣкъ, что если рука человѣка не будетъ здѣсь сильно дѣйствовать и не пойдетъ смѣло наперекоръ постепенному дѣйствію природы, то, по прошествіи нѣсколькихъ столѣтій, вслѣдствіе образованія пересыпей, прямое сообщеніе Дуная и Днѣстра съ моремъ должно совсѣмъ прекратиться. Чего при устьѣ Сулины можно опасаться только современемъ и съ чѣмъ предусмотрительное правительство нашего отечества борется всѣми возможными средствами, при устьѣ Днѣстровскаго лимана отчасти уже и теперь осуществилось. Взглядъ на карту Манганари ясно показываетъ намъ дѣйствительность. Именно, входъ въ лиманъ, бывшій въ древности, безъ сомнѣнія, совершенно свободнымъ, теперь загораживаетъ предъ моремъ довольно значительная, ежегодно увеличивающаяся пересыпь Днѣстровскаго лимана, такъ что большіе корабли находятъ свободный проѣздъ только при Цареградскомъ, южномъ, а небольшія суда, кромѣ того, еще

---

[1]) См. Geograph. VII, cap. 3, § 15, c. 360.

при Очаковскомъ сѣверномъ гирлѣ. Мало того, песокъ, вносимый теченіемъ въ лиманъ, не можетъ уже безпрепятственно достигать моря, задерживаемый пересыпью, далеко воздвигнувшеюся предъ устьемъ, и потому частію способствуетъ къ распространенію постоянно увеличивающейся пересыпи, частію садится предъ устьемъ, по обоимъ берегамъ лимана. Впрочемъ эта осадка песка гораздо значительнѣе на южномъ или правомъ берегу лимана, нежели на противоположномъ ему, и именно по той весьма простой причинѣ, что теченіе на южной сторонѣ гораздо сильнѣе. Этимъ легко объясняется то, почему Цареградское гирло гораздо менѣе терпитъ отъ наплыва песка, и почему тамъ фарватеръ вдвое глубже, нежели у болѣе сѣвернаго прохода. Сильное теченіе парализуетъ дѣйствіе моря, и часть наносимаго имъ песка вытѣсняетъ въ море, тогда какъ другая его часть накопляется на южномъ берегу, и вполнѣ образовавшеюся косою отдѣляетъ совершенно Будацкій лиманъ отъ Днѣстровскаго. Будацкій лиманъ, который, до самой сѣверной оконечности Кимбецкаго лимана, причислялся древними къ Днѣстровскому лиману или рѣкѣ Тирасу, могъ быть разсматриваемъ какъ нераздѣльная часть означенной рѣчной области, тѣмъ болѣе, что теченіе Тираса, сильнѣйшее на южной сторонѣ, уносило прѣсную рѣчную воду до высокихъ береговъ Кимбецкаго лимана, и именно до южной его высоты. Здѣсь только теченіе встрѣчало сильное сопротивленіе со стороны выдавшейся земли, и обращаясь отчасти къ морю, а отчасти стремясь съ ослабленною силою на югъ отъ башни Неоптолемовой по берегу, смѣшивалось все болѣе и болѣе съ солеными волнами берега. Вся пересыпь, которою теперь Будацкій лиманъ отдѣляется отъ моря, есть формація новѣйшаго времени и образовалась изъ песка, который вносится теченіемъ Днѣстра чрезъ Цареградское гирло въ море, и который служилъ морскимъ волнамъ отчасти для образованія этой пересыпи съ морской стороны. Если сравнимъ эту пересыпь съ тою, которая нынѣ отдѣляетъ Будацкій лиманъ отъ Днѣстровскаго, и спросимъ себя, которая изъ нихъ древнѣе, то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что образованіе пересыпи со стороны Днѣстровскаго лимана представляется позднѣйшимъ. Въ пользу этого мнѣнія говоритъ незначительная твердость тамошняго материка, на которомъ было легко, посредствомъ

не болѣе двухъ сотъ искуственныхъ каналовъ, возстановить почти вполнѣ прямое соединеніе съ Днѣстровскимъ лиманомъ».

Такимъ образомъ мы видимъ, что нѣтъ никакихъ естественныхъ причинъ усумниться въ томъ, что въ древности, какъ свидѣтельствуетъ Плиній, въ устьяхъ Днѣстра существовалъ протяженный островъ Тирагетовъ (insula spatiosa). Въ томъ же, какъ мы видѣли, удостовѣряютъ насъ и другіе древніе писатели. Островъ этотъ существовалъ еще въ такомъ же протяженномъ видѣ и во времена Константина Багрянороднаго, такъ какъ онъ положительно свидѣтельствуетъ, что въ его время въ устьяхъ Днѣстра находился островъ, называвшійся св. Айѳерія, къ которому приставали Руссы на пути своемъ въ Царьградъ. Островъ этотъ, въ древнемъ своемъ видѣ, простирался по всему протяженію рѣки Бѣлой (нынѣшняго Будацкаго лимана). Во времена Константина Багрянороднаго, какъ названіе острова, такъ и другихъ близь лежащихъ мѣстностей, уже измѣнилось. Древній городъ Тира сталъ называться Asprou, Alba civitas, Бѣлгородъ; верховья древняго Тираса до Днѣстровскаго лимана стали называться Данастромъ, а истокъ его въ море, по близости Бѣлгорода, рѣкою Бѣлой, все же около лежащее пространство—Бѣлобережьемъ. Поэтому мы находимъ, что ученый Муральтъ вполнѣ правъ въ своемъ заключеніи о существованіи острова Тирагетовъ именно въ устьяхъ Днѣпра, хотя и неправъ въ томъ, что не подкрѣпилъ своего положенія прямымъ свидѣтельствомъ Константина Багрянороднаго и тѣмъ самымъ далъ возможность опровергать себя нѣкоторымъ изслѣдователямъ [1].

---

[1]) Въ статьѣ своей: „Les Colonies de la coté Nord-Ouest de la Mer Noire depuis le Danube jusqu'au Boug", напечатанной въ Mémoires de la Société d'Archéologie et de Numismatique de St. Pétersbourg, v. III, 1849, p. 182, ученый археологъ Муральтъ говоритъ слѣдующее: L'ancienne île de Tyragètes, devant l'embouchure du Dniester ou Tyras, est maintenant une langue de terre coupée par deux canaux servant d'écoulement aux eaux du liman. Près de cette île déserte, qui a huit verstes de longueur et une à deux de largeur, se trouve le village Bougasi, habité par des pêcheurs auxquels le fleuve et la mer apportent leur tribut. Le nom de Tyragètes est composé de Tyras, fleuve connu dejà dans l'antiquité par ses nombreux poissons, et du

Изъ внимательнаго разсмотрѣнія древнихъ свидѣтельствъ объ упомянутыхъ нами мѣстностяхъ вполнѣ очевидно, что еще въ древности онѣ уже были населены Славянами. Вотъ что по этому поводу говоритъ знатокъ славянскихъ древностей Шафарикъ: «Тирангиты (Tyrangity, Τυραγγῖται): полагаю, что и эти сосѣди Бастарновъ, жившіе въ верхнемъ и среднемъ Днѣстрѣ, нѣкогда называвшемся Тирасъ (откуда и имя ихъ Тирангиты, т. е. Тирожильцы), были скорѣе происхожденія Славянскаго, чѣмъ Гетскаго. Несторъ въ окрестностяхъ рѣки Тираса помѣщаетъ Тиревцевъ или Тиверцевъ (такъ различно читается это имя въ рукописяхъ), многочисленный Славянскій народъ. И теперь еще тамошніе Русскіе обитатели рѣку Тирасъ называютъ Тираль, а названія трехъ селеній въ восточной Галиціи именемъ Тирава, тоже, кажется, имѣютъ отношеніе къ названію самой рѣки. Отсюда видно, что Славяне находились на этой рѣкѣ гораздо прежде, чѣмъ она получила отъ Сарматовъ имя Данаструсъ (т. е. Данъистеръ, Днестеръ), что случилось около IV стол. по Р. Х. (120). У Страбона эти обитатели рѣки Тираса называются Тирегете (Tyregetae, Τυρηγέται); а у Плинія — Тирагете (Tyragetae), и помѣщены имъ на большомъ островѣ рѣки Днѣстра, котораго тамъ вовсе нѣтъ» [1]).

Самое названіе города Тираса, получившаго это наименованіе, какъ видно по приведенному выше указанію Шафарика, отъ Славянъ-Тиверцевъ, подтверждаетъ заселенность этой мѣстности именно Славянами. Тотъ же самый городъ названъ позднѣе Славянами же Бѣлгородомъ, какъ это доказываетъ греческій переводъ этого древняго славянскаго названія Аспро, Кастронъ, латинское Alba Civitas, Молдаванское Четате-Алба, и, наконецъ, позднѣйшее, турецкое Акерманъ. Воскресенская лѣтопись включаетъ его вмѣстѣ съ Сучавою, Романомъ, Серетомъ и Хотиномъ, въ число древнихъ городовъ русскихъ. Города эти, судя по географическому положенію ихъ, принадлежали Тиверцамъ или Уличамъ. Первые, какъ

---

nom de Gètes, qui s'abritaient aussi dans des cavernes existant aux deux côtés de la rivière et semblable aux semlianques, habitées encore de nos jours dans ces endroits.

[1]) См. Слав. Древн. т. I, кн. II, стр. 63.

мы уже видѣли, назывались такъ потому, что жили при рѣкѣ Тирасѣ, а послѣдніе потому, что занимали уголъ, образуемый Днѣстромъ, Дунаемъ и Чернымъ моремъ. Названіе южной части Бессарабіи, или буджака, ничто иное, какъ турецкій переводъ нашего слова уголъ. Уличане, какъ нѣкоторые предполагаютъ, могли поселиться здѣсь еще при Юстиніанѣ, который въ 545 году уступилъ Антамъ область, лежащую къ сѣверу отъ Дуная, съ древнимъ городомъ Туррисомъ или Турисомъ, который можно принятза Тирасъ. Плиній свидѣтельствуетъ, что Тирасъ замѣнилъ древьнюю Офіусу, существовавшую еще во времена Страбона. Въ настоящее время, безъ всякаго сомнѣнія, мы, Русскіе, были бы вправѣ возвратить этому городу настоящее, древнее славянское его названіе Бѣлграда, а не называть его на нашемъ русскомъ языкѣ не по-русски, а по-турецки Аккерманомъ. Надѣемся, что когда нибудь это справедливое наше благожеланіе приведется въ исполненіе.

Съ приведенными нами древними свидѣтельствами о сказанныхъ мѣстностяхъ вполнѣ согласуется и свидѣтельство нашего перваго лѣтописателя. Таковъ именно разсказъ его о походѣ Олега подъ Царьградъ. По всему очевидно, что лѣтописатель нашъ почерпалъ свои свѣдѣнія изъ близкихъ, достовѣрныхъ источниковъ, и не въ очень отдаленное время отъ событія. Ни въ какихъ ни сказкахъ, ни устныхъ разсказахъ не могли бы сохраниться такія свѣдѣнія. Да едва-ли и вообще пользовались сказками и народными разсказами въ былое время наши дѣеписатели, развѣ только самыми близкими, современными и, притомъ, по большей части, только чудесными, какъ напр., разсказами о какомъ-нибудь явленіи на небѣ, и т. п. Преданіями же о нашемъ древнемъ язычествѣ монастырскіе наши писатели не могли особенно дорожить. Какъ бы, впрочемъ, ни было, а древнія, точныя, географическія и историческія свѣдѣнія могли быть занесены въ нашу лѣтопись только первымъ, высокопросвѣщеннымъ нашимъ лѣтописателемъ. Свѣдѣнія эти, какъ мы уже сказали, въ разсказѣ о походѣ Олега подъ Царьградъ, вполнѣ согласуются съ древними, приведенными нами свидѣтельствами о мѣстности древняго Бѣлграда, рѣки Бѣлой, острова св. Айѳерія и обитателяхъ ихъ Славянахъ. Въ разсказѣ этомъ, прежде всего, поразительна та послѣдовательность, съ какою пере-

числяются различныя поколѣнія Славянъ, которыя, безъ сомнѣнія, могли собираться въ войско Олега лишь постепенно, по мѣрѣ того, какъ онъ подвигался по пути своему къ Цареграду. Послѣдними изъ нихъ показаны Тиверцы, такъ какъ они дѣйствительно, какъ мы уже видѣли, были ближайшіе изъ всѣхъ другихъ Славянъ на пути Олега къ Византіи. О нихъ же прибавлено, что они были толковины, т. е. кочевники, и потому наиболѣе склонные и способные къ наѣздничеству, къ конной рати. Ясно также становится теперь, при надлежащемъ вниманіи къ этому драгоцѣнному разсказу, почему именно Славяне избирали тотъ именно путь при своихъ походахъ подъ Византію, какой описанъ у Константина Багрянороднаго и о которомъ мы имѣли уже случай говорить въ I отдѣлѣ нашего изслѣдованія. Путь этотъ былъ для нихъ, конечно, самый естественный, а потому и обычный путь, такъ какъ на немъ, вступая въ Бѣлобережье, они были уже вполнѣ безопасны отъ однихъ враговъ Пацинаковъ, въ виду другихъ Грековъ. Безопасность эта состояла именно въ томъ, что здѣсь въ Бѣлобережьѣ они уже встрѣчали своихъ Славянъ, Тиверцевъ и Уличанъ. По этой же самой причинѣ и Святославъ, во время постигшей его невзгоды, укрывается сюда же, въ Бѣлобережье.

Приступая къ разсмотрѣнію древнѣйшаго описанія обрядовъ славянскаго погребенія, состоявшаго въ сожженіи умершаго, мы считаемъ не лишнимъ привести любопытную замѣтку, по тому же поводу, найденную нами въ рукописи начала XV в., хранящейся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ. Въ ней мы узнаемъ, какъ объясняли себѣ Славяне самую причину всесожженія своихъ умершихъ, а именно на вопросъ: «что ради творяху всесожженіе? Сказ. Да не вкуситъ того иноплеменникъ ни песъ». Сюда же относятся изрѣченія, изданныя Вукомъ Караджичемъ въ числѣ сербскихъ пословицъ (Српское народное пословице):

Чтобъ мое тѣло воронъ не клевалъ;
Чтобъ мое тѣло морскія рыбы не ѣли.
Чтобъ не вытащили изъ моей утробы кроваваго ножа.

Чтобъ вѣтеръ не разнесъ моего мяса.
Чтобъ мое огнище не погасло отъ моей крови [1]).

За тѣмъ, приводимъ описаніе славянскаго погребенія по Григоріеву лѣтописцу, въ сличеніи его съ такимъ же разсказомъ по Полному Собранію Русскихъ Лѣтописей.

Изборникъ Григорія, епископа Болгарскаго.	Полн. Собр. Рус. Лѣт. т. I, стр. 6.
И егда кто оумираше в них творяху тризноу велію. и потомъ склад грамаду дровъ велію. полагахоу мрътвеца и съжигаху. и посемъ събравше кости. въкладаху въ соудъ. и поставляхоу на распоутіи на стлъпѣ. и в коурганы ссыпаху иже творять Вятичи и нинѣ, и Кривичи. и прочіи поганіи. не ведоуще закона Божиа. сами суть законъ.	Аще кто умряше, творяху трызну надъ нимъ и посемъ творяху кладу велику, и възложахуть и на кладу мертвеца, сожьжаху, а посемъ собравше кости, вложаху въ судину малу и поставяху на столпѣ на путехъ. еже творять Вятичи и нынѣ. Си же творяху обычаи Кривичи, прочіи поганіи, не вѣдуще закона Божья, но творяще сами собѣ законъ.

Здѣсь мы встрѣчаемся съ чрезвычайно замѣчательнымъ описаніемъ древняго погребенія у Славянъ. Описаніе это, какъ мы находимъ его въ первоосновномъ лѣтописцѣ епископа Болгарскаго Григорія, сдѣлано, очевидно, съ бывшей предъ глазами дѣйствительности. Оно такъ обстоятельно, такъ исторически правдиво, такъ вѣрно другимъ современнымъ свидѣтельствамъ, что нѣтъ никакой возможности усомниться въ его собственной современности. Притомъ же, въ немъ мы видимъ классически простой, ясный разсказъ, безъ всякаго лишняго слова, достаточно сохранившійся и до нашихъ дней, съ древнимъ своимъ языкомъ, въ Лѣтописцѣ Русскихъ Царей. Съ разсказомъ этимъ вполнѣ совпадаетъ такой же современный разсказъ древняго арабскаго писателя Ибнъ-Даста, жившаго лишь немного ранѣе, чѣмъ Григорій, именно въ началѣ X вѣка. Приводимъ этотъ разсказъ по переводу Д. А. Хвольсона:

[1]) См. Ѳ. Буслаева Историч. очерки Рус. нар. слов. т. I.

«Когда умираетъ кто-либо изъ нихъ, они сожигаютъ трупъ его. Женщины ихъ, когда случится у нихъ покойникъ, царапаютъ себѣ ножемъ руки и лица. На слѣдующій день по сожженіи покойника, отправляются на мѣсто, гдѣ оно происходило, собираютъ пепелъ и кладутъ его въ урну, которую ставятъ за тѣмъ на холмъ. Чрезъ годъ по смерти покойника, берутъ кувшиновъ двадцать меду, иногда нѣсколько больше, иногда нѣсколько меньше, и несутъ ихъ на тотъ холмъ, гдѣ родственники покойнаго собираются, ѣдятъ, пьютъ и за тѣмъ расходятся» [1]).

Сравнивая приведенное выше описаніе Григоріева лѣтописца съ приводимымъ нами здѣсь же описаніемъ того же самого погребенія у Славянъ, изъ позднѣйшей передѣлки его, находящейся въ I т. П. С. Р. Л., всякій, безъ сомнѣнія, убѣдится, что первое изъ этихъ описаній составляетъ ту первоначальную основу, тотъ близкій, точный снимокъ съ современнаго наблюденія, которые въ послѣднемъ описаніи неискусно переиначены позднѣйшимъ передѣлывателемъ и поновителемъ разсказа, не стоявшимъ лицемъ къ лицу съ самымъ событіемъ и не знавшимъ хорошо дѣла. Позднѣйшая передѣлка эта обличаетъ сама себя. Межъ тѣмъ, какъ въ первомъ описаніи мы видимъ, какъ замѣтили уже выше, классически стройный, простой, ясный разсказъ событія, здѣсь мы встрѣчаемся не только съ ненужными повтореніями, многословіемъ, и не только неточностями, невѣрностями описываемому событію, но даже и прямо съ искаженіями его. Такъ напримѣръ, къ чему тутъ эти повторенія: творяху тризну, и посемъ творяху кладу велику, которыхъ нѣтъ въ первоначальномъ лѣтописцѣ, изящно избѣгающемъ ненужнаго употребленія въ другой разъ того же слова, не прибавляющаго ничего къ самому дѣлу. Въ лѣтописцѣ, напротивъ, вмѣсто этого ненужнаго повторенія слова творяху, мы находимъ иное, очень необходимое для подробнаго, обстоятельнаго описанія слово, именно: «склaдъ грамаду дровъ велію полагахоу мрътвеца и съжигахоу». Здѣсь въ этомъ словѣ

---

[1]) См. Извѣстія о Хозарахъ, Буртасахъ, Болгарахъ, Мадьярахъ, Славянахъ и Руссахъ Абу-А. А. Бенъ О. Ибнъ-Даста, перев. Д. А. Хвольсона СПБ., 1869, стр. 29.

грамада, замѣненномъ позднѣе словомъ клада мы видимъ въ Григоріевомъ лѣтописцѣ совершенно кстати древнее значеніе этого слова въ смыслѣ большаго костра, склада дровъ; тогда какъ слово: клада, если принимать его тутъ въ древнемъ же смыслѣ, означаетъ не костеръ, не складъ, а просто только бревно, вслѣдствіе чего и выходитъ безсмыслица. Очевидно, слово это употреблено здѣсь уже въ позднѣйшемъ смыслѣ — простой кладки дровъ, но не въ древнемъ смыслѣ груды, костра громады дровъ. Вообще, что касается до употребленія словъ и до построенія рѣчи въ позднѣйшемъ разсказѣ о языческомъ обычаѣ погребенія у Славянъ, то кромѣ замѣны древнихъ словъ новѣйшими, самыя формы рѣчи въ основномъ, древнѣйшемъ описаніи правильнѣе, чѣмъ въ послѣднемъ, или, лучше сказать, совершенно правильны, тогда какъ послѣднія страдаютъ нисколько не художественною примѣсью къ такъ называемому неопредѣленному виду неидущаго къ дѣлу однократнаго вида глаголовъ: «умряше, сожьжаху и пр. Древнія слова замѣнены новѣйшими. Такъ напримѣръ, вмѣсто слова: сосоудъ находимъ судину,—вмѣсто древней громады, какъ уже видѣли, поставлена некстати клада, означавшая въ древности, напр. въ Сборникѣ 1073 года, просто бревно.

Кромѣ всего, что бросается прямо въ глаза изъ неправильностей позднѣйшей передѣлки этого описанія, нельзя не замѣтить также того, что позднѣйшій передѣлыватель, безъ всякаго основанія, незнакомый, какъ современный наблюдатель, съ дѣломъ, замѣнилъ совершенно произвольно и совершенно неправильно древнее выраженіе: на распоутіи словомъ: на путехъ, что никакъ не одно и тоже, и первое, конечно, ближе къ дѣйствительности.

Вообще, въ первомъ описаніи, изящество, стройность, послѣдовательность разсказа не оставляютъ желать ничего лучшаго. Не то въ послѣднемъ. Когда первое въ концѣ разсказа просто говоритъ: иже творять Вятичи и нынѣ (т. е., въ его время, во время современника, наблюдателя, записавшаго обычай), — и Кривичи и прочіи поганіи. не ведоуще закона Божиа. сами суть законъ, — послѣднее распространяется такимъ образомъ: еже творять Вятичи и нынѣ. Си же творяху обычаи Кривичи и прочіи поганіи, не вѣдуще закона Божья, но тво-

ряще сами себѣ законъ. Гдѣ больше смысла, гдѣ больше ясности, краткости, художественности въ разсказѣ, да рѣшитъ самъ каждый безпристрастный сличитель обѣихъ описаній.

Въ первоначальномъ разсказѣ Григорія о языческомъ обрядѣ погребенія у Славянъ необыкновенно замѣчательно еще одно обстоятельство, подтверждающее собою вполнѣ неопровержимо, хотя и безъ словъ, разсказъ о томъ же у арабскаго писателя Ибнъ-Даста. Описывая обычаи славянскаго погребенія, Ибнъ-Дастъ говоритъ: «женщины ихъ, т. е. Славянъ, когда случится у нихъ покойникъ, царапаютъ себѣ ножемъ руки и лица». По поводу этого мѣста г. Котляревскій въ своемъ изслѣдованіи: «О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ», говоритъ (стр. 56): «Грубое выраженіе печали терзаніемъ лицъ и рукъ мы встрѣтимъ далѣе и въ положительныхъ свидѣтельствахъ старины, и въ теперешнихъ народныхъ нравахъ».

Объ этихъ-то именно царапинахъ, или нарѣзахъ и умалчиваетъ древнѣйшій нашъ лѣтописатель Григорій. Казалось бы, такимъ умолчаніемъ онъ долженъ поперечить Ибнъ-Дасту. Нисколько, а совершенно напротивъ онъ вполнѣ подтверждаетъ его, какъ писатель современный этому языческому обряду, но самъ не язычникъ, а христіанинъ, порицающій языческіе обычаи. Обо всемъ прочемъ въ этихъ обычаяхъ древній славянскій дѣеписатель нашъ отзывается, что обычаи эти существуютъ у Славянъ, потому что они, какъ язычники, не вѣдаютъ закона Божія, а сами себѣ законъ. Къ такимъ именно Славянамъ-язычникамъ, соблюдавшимъ эти обряды, принадлежали въ его время Вятичи, Кривичи и проч. У нихъ, въ это время, еще сжигались усопшіе. Но у нихъ ли однихъ дѣлались и нарѣзы по усопшемъ? Вполнѣ вѣроятно, что обычай этотъ, какъ и у древнихъ Израильтянъ, былъ распространенъ и у нихъ, съ такой силою, что возставать противъ него было бы и преждевременно, и опасно. Очень вѣроподобно, что обрядъ этотъ оставался еще даже и у большинства Славянскихъ христіанъ, обращавшихся изъ язычества. Возставать противъ невинныхъ нарѣзовъ, или царапинъ на лицѣ и на рукахъ у женщинъ было бы болѣе вредно, чѣмъ полезно. Благоразумнѣе было не проповѣдывать противъ нихъ, ни порицать ихъ, какъ порицались другіе,

болѣе предосудительные обряды, а при всякомъ удобномъ случаѣ просто только преходить ихъ молчаніемъ. Такъ и дѣлаетъ древнѣйшій нашъ лѣтописатель. Осуждая сожженіе мертвецовъ, онъ проходитъ молчаніемъ нарѣзы по усопшемъ на лицѣ и на рукахъ. Какъ бы то ни было, но, вѣроятно, это было совершенно необходимо. Иначе, для чего же было бы дѣлать ему тоже самое и не въ одномъ этомъ случаѣ. Пиши онъ позднѣе, не во времена еще сильнаго языческаго большинства, не въ X вѣкѣ, и, конечно, ему никакой надобности не было бы умалчивать объ этихъ нарѣзахъ. Живи Григорій позднѣе X вѣка, онъ къ этому отнесся бы совершенно иначе. Не то было, конечно, въ древнѣйшія времена. По этому, безъ сомнѣнія, не только въ этомъ мѣстѣ своего собственнаго разсказа, но даже и въ переводѣ ветхозавѣтныхъ книгъ, входившаго въ составъ переведеннаго имъ хронографа, онъ также вынужденъ былъ исключить всѣ мѣста, гдѣ говорится о нарѣзахъ по усопшемъ. Что это было необходимо, на это мы находимъ въ изборникѣ Григорія, епископа Болгарскаго, положительныя доказательства. Мы выше уже говорили, что Григорій, составляя свой изборникъ, включилъ въ него нѣкоторыя части ветхозавѣтныхъ книгъ. Обращаемся теперь къ изборнику Григорія, въ которомъ помѣщены всѣ сполна книги Моисеевы, Что жъ мы находимъ? Григорій вынужденъ былъ исключить почти цѣлый 28 стихъ изъ XIX гл. книги Левитъ. По переводу на нынѣшнее русское нарѣчіе этотъ стихъ читается: «ради умершаго не дѣлайте нарѣзовъ на тѣлѣ вашемъ и не накалывайте на себѣ письменъ. Я Господь (Богъ вашъ)»; отъ всего стиха Григорій въ своемъ изборникѣ, на листѣ 121, оставляетъ только слова: азъ есмь Господь Богъ вашъ. А что такое исключеніе не было нисколько дѣломъ у него одной случайности, простаго недосмотра, или описки, доказательства этому на лицо. Тоже самое дѣлаетъ онъ еще и въ другомъ мѣстѣ, гдѣ говорится о тѣхъ же нарѣзахъ.

Въ книгѣ Второзаконія, гл. XIV, ст. 1, по переводу на нынѣшнее русское нарѣчіе сказано: «вы сыны Господа Бога вашего не дѣлайте нарѣзовъ на тѣлѣ вашемъ и не выстригайте волосъ надъ глазами вашими по умершемъ». На листѣ 156 об. Григоріева изборника читаемъ: «и сынове боудете Господа Бога вашего

и не възложите плѣши между очима на мрътвѣ». Въ книгѣ Пророка Іереміи въ гл. XVI, ст. 6, сказано: «и умрутъ на землѣ сей и великіе, и малые; не будутъ погребены и оплакиваемы, и никто не дѣлаетъ за нихъ нарѣзовъ на себѣ»; а въ главѣ XLVIII ст. 5 Іеремія, говоря о несчастіи Филистимлянъ, восклицаетъ: «доколѣ будешъ ты изрѣзываться?» т. е. доколѣ будешъ ты дѣлать себѣ нарѣзы въ печали? Эти главы въ изборникѣ Григорія въ полномъ составѣ опущены.

Наконецъ, гдѣ Іеремія, въ гл. XLI, ст. 5, говоритъ о плачущихъ Израильтянахъ, пришедшихъ съ обритыми бородами и въ разодранной одеждѣ, съ нарѣзами, и тутъ лѣтописатель нашъ исключаетъ слово нарѣзы.

Въ изборникѣ Григорія, на листѣ 288, читаемъ: «и пріидоуть моужи отъ Сȣхемъ. и отъ Салима. и отъ Самария 80 моужь брадами остригаными. и расторгавше ризы и биющеся. и мана и ливанъ въ роукахъ ихъ. вънести въ храмъ Господенъ.

Никто, конечно, другой, кромѣ современника этого сильно распространеннаго обычая, обычая нарѣзовъ по усопшемъ, никто, кромѣ одного и того же лица, написавшаго какъ лѣтописецъ, такъ и переводившаго хронографъ, гдѣ содержатся показанныя мѣста, не могъ бы такъ настойчиво, такъ послѣдовательно видѣть и преслѣдовать вездѣ одну и ту же важную причину для умолчанія о нарѣзахъ. Причина эта, именно въ X вѣкѣ, во времена прибытія Григорія, епископа Болгарскаго, въ Кіевъ, съ цѣлью просвѣтительно дѣйствовать на народъ черезъ могущественное вліяніе в. к. Ольги и окружающихъ ея вліятельныхъ лицъ, очевидно, должна была состоять въ томъ, чтобы щадить и не вызывать противъ себя излишне языческое большинство, тѣмъ болѣе, что большинство это, какъ извѣстно, оказывало громадное вліяніе на сына великой княгини, Святослава. Для насъ это умолчаніе служитъ одинаково несомнѣннымъ свидѣтельствомъ, какъ въ пользу правдивости разсказа арабскаго писателя Ибнъ-Даста, такъ и въ пользу того, что нашъ первый славянскій лѣтописатель, умолчавшій объ этихъ нарѣзахъ, писалъ никакъ не позднѣе того же X вѣка и былъ одно и тоже лицо съ Григоріемъ, епископомъ Болгарскимъ, составившимъ описанный нами изборникъ.

Въ русскомъ лѣтописномъ сводѣ мы встрѣчаемъ замѣчательное преданіе объ Обрахъ, до сихъ поръ никѣмъ не объясненное. Оно читается такъ:

«Въ сіи же врѣмена быша Оборі, ижъ въеваша царя Іракліа и мало его не яша. Сіи же Обори воеваша и на Словены и примучаша Дулебы Словены жь, и въпрягаху в телѣги 3 или 4 ли 5 женъ Доулебль Оборина повезти. Быша бо Оборі тѣломъ велици, а оумомъ гръди, и разгнѣвася Богъ и погубі а, и помрошя вси; есть же пословица в Руси и до сего дни: погибоша, рече, яко Обори безъ останка» [1]).

Очевидно, подъ Обрами здѣсь невозможно разумѣть цѣлаго народа, какъ потому, что невѣроятно, чтобы цѣлый народъ, какъ говорится въ лѣтописи, погибъ весь безъ останка, такъ и потому, что не менѣе невѣроятно, чтобы весь народъ, какъ также говоритъ лѣтопись, былъ умомъ гордъ и тѣломъ великъ, за что и разгнѣвался Богъ и погуби я. Ни сколько не большую вѣроятность представляетъ въ приведенномъ разсказѣ объ этихъ Обрахъ еще и то обстоятельство, будто Обры, повоевавши Славянъ, запрягали въ телѣги по три, по четыре и по пяти женъ. Но что же такое были Обры и что значитъ это странное отношеніе ихъ къ женамъ славянскимъ?

Отвѣтимъ прежде на первый вопросъ. Обры были тоже, что Руссы, что Хозары, что Болгары и другія династіи у Славянъ. Погибель ихъ всѣхъ до одного объясняется весьма естественно тѣмъ древнимъ восточнымъ обычаемъ, о которомъ мы упоминаемъ въ другомъ мѣстѣ и по которому всякая династія, при паденіи своемъ, уничтожалась, вырѣзывалась другою династіею, замѣнявшею ее. Также точно, по свидѣтельству лѣтописи, погибли и Обры. Изъ другихъ источниковъ извѣстно, что ихъ смѣнили Болгаре. Необычайное отношеніе Обровъ къ женамъ славянскимъ, при подчиненіи ими себѣ Дулебовъ, объясняется также, съ достаточною вѣроятностью, не той безсмысленностью, которая едва-ли могла овладѣвать когда либо гордымъ умомъ Обровъ, побуждая ихъ замѣнять славянскими женщинами воловъ, а совершенно другою причиною, заключавшею въ себѣ гораздо большій смыслъ и, при томъ, смыслъ,

---

[1]) Лѣт. Переясл. Сузд. стр. 3.

весьма понятный для древняго южнаго Славянина. Причина эта, очевидно, состояла въ слѣдующемъ. Обры, подчинивъ себѣ Дулебовъ, какъ вполнѣ вѣроятно, брали себѣ женъ и хотей изъ этого, ставшаго подвластнымъ имъ населенія. Для Дулебовъ такія близкія связи съ новыми ихъ властедержателями, не могли заключать въ себѣ ничего кромѣ лестнаго и почетнаго для нихъ. Но при такомъ отношеніи Обровъ къ дѣвамъ славянскимъ могло нерѣдко случаться, что Обры, не смотря на все высокое, религіозное почтеніе къ чистотѣ дѣвственности между Славянами, вынуждены были обращаться иногда къ обще употребительному, также у южныхъ Славянъ, обычаю опозоренія, за несоблюденіе дѣвственной чистоты тѣми Славянками Дулебскаго населенія, которыхъ они избирали себѣ въ жены и хоти.

Обычай этотъ, сохранившійся еще и до сихъ поръ на югѣ Россіи, состоитъ въ томъ, что на виновную и вмѣстѣ на ея мать надѣваютъ ярмо и водятъ по селенію, при многолюдномъ собраніи народа, въ виду собравшейся громады. Преданіе, говоря объ отношеніи Обровъ къ Славянкамъ и о запряганіи ими послѣднихъ въ телѣги, по всей вѣроятности, сообщаетъ потомству только этотъ древній обычай опозоренія дѣвъ, не сохранившихъ, до вступленія въ бракъ, дѣвственной чистоты.

Лѣтописный Сборникъ, по списку Переяславля Суздальскаго, стр. 5.	Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей т. I, стр. 8.
В лѣто 6370. Изгнаша Словене Варягъ за море. и начаша быти безъ власти. и бысть въ нихъ войны. и зло въстаніе родъ на родъ. и паки смѣрившеся рѣша в собѣ. поищемъ собѣ князя [1]) и поставимъ надъ собою царствовати.	Въ лѣто 6370. Изгнаша Варяги за море, и не даша имъ дани, и почаша сами въ себѣ володѣти, и не бѣ въ нихъ правды, и въста родъ на родъ, быша въ нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся. Рѣша сами въ себѣ: «поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву».

[1]) Вѣроятно, въ первоосновной лѣтописи Григорія здѣсь было слово: властеля; Несторъ первый, вмѣсто этого слова, поставилъ: князя, руководствуясь задачею написать сказаніе о князьяхъ, въ Кіевѣ княжившихъ, въ поганствѣ будучихъ, но слова: царствовати, какъ въ его время для всѣхъ понятнаго, не коснулся.

Изъ сличенія этого мѣста по обоимъ лѣтописнымъ спискамъ, ясно сказывается характеръ какъ первоначальнаго лѣтописнаго подлинника, такъ и позднѣйшей его передѣлки. Въ первомъ изъ нихъ мы видимъ ту же, какъ и во всемъ лѣтописцѣ, строго проведенную идею спасительнаго для Славянъ единовластія, безъ котораго, т. е., когда они были безъ власти, между ними идутъ войны, родъ злобно возстаетъ на родъ, вслѣдствіе именно чего, смиряясь отъ такого горькаго урока, они и рѣшаются обратиться ко власти единой, рѣшаются искать себѣ князя съ правомъ царственнымъ, единовластнымъ. Здѣсь ни одного слова лишняго, ни одного слова, не выражающаго одну и ту же мысль. Кромѣ того вся эта сильная, сжатая, какъ бы тацитовская рѣчь, носящая на себѣ явную печать глубокой древности, обличаетъ въ своемъ написателѣ ученаго историка, высоко образованнаго по древнимъ классикамъ. Не то вовсе бросается въ глаза въ другихъ спискахъ, передѣлавшихъ и во многомъ исказившихъ какъ разсказъ, такъ и слогъ нашего древняго лѣтописца. Въ нихъ господствующая нить мыслей о единовластіи, о царственности порвана, утрачена, затерялась. Слова, употребленныя въ нихъ, не держатся крѣпко ни на какой руководящей идеѣ; отсюда большею частію видѣнъ только одинъ наборъ словъ, нисколько не выражающихъ сути дѣла, словъ лишнихъ, не нужныхъ, даже повтореній. Такъ, напримѣръ, въ позднѣйшихъ спискахъ говорится: когда Варягъ изгнали, то не дали имъ дани. Да развѣ можно было платить дань изгнанникамъ? Не тавтологія-ли это? И еще, не лишній-ли, безполезный наборъ повтореній, эти слова: и быша въ нихъ усобицѣ, и воевати почаше сами на ся. Не видно также здѣсь, какъ видно въ первомъ лѣтописцѣ, и самой причины для исканія единовластія; не сказано: смѣрившеся, рѣшя в собѣ: поищемъ собѣ князя и т. д. Можемъ отчасти заключить даже о времени, когда послѣдовала эта неискусная передѣлка древнѣйшаго, мудраго лѣтописца: а именно, тутъ же читаемъ, что когда Славяне стали володѣть сами въ себѣ, то не стало въ нихъ правды. Слово: правды здѣсь явное свидѣтельство о томъ, что мѣсто это передѣлано уже не ранѣе временъ Ярославовой Правды, ибо тутъ прямо разумѣется, что въ эти времена безурядицы не могло быть у нихъ правильнаго суда, а судъ этотъ, при Ярославовыхъ законахъ, иначе, конечно, не назывался, какъ правдою.

Невольно также обращаетъ здѣсь на себя особенное вниманіе слово: царствовати. До сихъ поръ это важное слово оставлялось безъ всякаго разсмотрѣнія нашими учеными въ связи его съ другими, параллельными мѣстами въ древнихъ нашихъ памятникахъ, и безъ надлежащаго объясненія его другими однозначительными, синонимическими древними выраженіями. Приведемъ здѣсь эти мѣста и объяснимъ въ нихъ подлинный смыслъ этого слова. Такъ, въ Лѣтописцѣ Русскихъ Царей, на стр. 6, читаемъ объ Олегѣ: сѣде Олегъ княжа и царствоуа въ Кіевѣ. Въ лѣтописномъ сводѣ по Ипатскому списку (П. С. Р. Л. т. II, стр. 43. Нов. изд. стр. 266) подъ 1149 годомъ находимъ, что Юрій говоритъ Изяславу: «дай ми Переяславль, ать посажю сына своего оу Переяславли, а ты сѣди царствуя въ Кіевѣ». Изъ сопоставленія этихъ мѣстъ, гдѣ употребляется въ лѣтописномъ разсказѣ слово: царствовати, ясно видно, что въ древности это слово было синонимомъ слова: властвовать, слово же царствовать употребляется Григоріемъ, епископомъ Болгарскимъ, въ его лѣтописцѣ въ смыслѣ единовластія. Такъ, говоря о Словенахъ, когда они изгнали Варягъ за море и начали быти безъ власти, онъ, по самому смыслу рѣчи, ясно даетъ разумѣть, что Славяне жили безъ власти объединяющей, и прямо намекаетъ на прежде сказанное имъ въ его лѣтописцѣ (стр. 2): «по нихъ же родъ ихъ нача володѣти, а Деревляне собѣ, а Дрягвичи собѣ жить, а Словене собѣ Новгородци, а Полочане такожъ безъ князей». Изъ этихъ его же собственныхъ словъ очевидно, что въ то самое время, о которомъ онъ выше говоритъ, власть родовая, не единая, не царственная, производившая зло въстаніе родъ на родъ, у Словенъ была. Не было у нихъ въ это время только благодѣтельнаго для Славянъ единовластія, той царственной, объединяющей власти, которую вездѣ такъ превозноситъ воспитанникъ великаго Болгарскаго царя Симеона, и мысль о которой онъ вездѣ такъ настойчиво проводитъ въ своемъ лѣтописцѣ. Въ доказательство тому, что въ самой глубокой древности, въ древле-славянскомъ языкѣ, слово: царство и слово: власть были, однозначительны, приводимъ мѣста изъ двухъ древнѣйшихъ переводовъ Пророка Даніила.

Пророка Даніила гл. IV.

Греческій текстъ по Лейпциг. изд. 1697 г. р. 945.

Ст. 26. Καὶ ὅτι εἶπαν, ἐάσατε τὴν φυὴν ῥιζῶν τοῦ δένδρον [1]). ἡ βασιλεία σου μένοι, ἀφ'ἧς ἄνγνῷς τὴν ἐξουσίαν τὴν οὐράνιον.

Славянскій текстъ, извлеченный изъ перевода древнѣйшаго толкованія Пророковъ въ спискѣ 1047 года, писанномъ для Новгор. князя Ярослава Владиміровича попомъ Упиремъ Лихимъ.

Ст. 23. . . отънележе оувѣси царьство небесное.

Славянскій текстъ по переводу еп. Григорія, л. 294 об.

Ст. 23. И якоже рече остависте стеблокорѣніе дрѣву. царство твое тебе ждеть дондеже разоумѣеши власть небесноую.

Славянскій текстъ Острожской Библіи 1581 г.

Ст. 23. И еже рече, оставите проникновеніе коренія дуба въ земли царство твое тебѣ будетъ, отнележе оувѣси власть небесную.

Встрѣчающееся здѣсь въ греческомъ текстѣ слово: ἐξουσία значитъ право, сила, власть, сопряженное со властію званіе; отсюда ἐξουσιαστικὸς — самовластный. Оно переведено въ спискѣ Упиря словомъ: царство, а Григоріемъ переведено словомъ: власть. Изъ сдѣланнаго нами сопоставленія этихъ двухъ древнѣйшихъ параллельныхъ мѣстъ, гдѣ встрѣчается слово: царство и власть, каждый можетъ убѣдиться, что въ древности оба эти слова были совершенно равнозначительны между собою. Изъ сопоставленія же съ этими мѣстами еще другихъ мѣстъ, приведенныхъ нами выше, становится также ясно, что въ глубокой древности подъ словами: власть и царство разумѣлось именно единовластіе, а позднѣе—первенствующая, великокняжеская власть.

Теперь, кажется, уже никто не будетъ болѣе глумиться надъ встрѣтившимся здѣсь въ Лѣтописцѣ Русскихъ Царей словомъ: царствовати. Съ тѣмъ же самымъ словомъ встрѣчаемся мы, какъ сейчасъ нами указано, въ лѣтописномъ сводѣ и по Ипатскому списку подъ 1149 годомъ. Позднѣе, 1219 г. неизвѣстный

---

[1]) Въ переводѣ Григорія, епископа Болгарскаго, Пророка Даніила, въ гл. IV, ст. 7, 11, 17, 23 и др. слово δένδρον переводится словомъ *дрѣво;* въ переводѣ же древнѣйшаго толкованія Пророковъ по списку 1047 г. слово δένδρον переводится словомъ *дубъ*.

намъ сократитель и поправитель лѣтописей Григорія и Нестора перваго, видя что смыслъ слова: царствовати сдѣлался для его современниковъ уже непонятнымъ, и, находясь самъ подъ вліяніемъ обнародованной Ярославомъ Русской Правды, естественную, ясную и простую рѣчь Григорія: поищемъ собѣ власгеля и поставимъ надъ собою царствовати, замѣнилъ своимъ искуственнымъ поясненіемъ и толкованіемъ: поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву. Эта поправка, сдѣланная во времена раздробленія власти, распавшейся на удѣлы, перешла за тѣмъ и во всѣ позднѣйшіе списки лѣтописнаго свода.

Лѣтописецъ Русскихъ Царей лист. 486 об.	Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей т. 1, стр. 23.
Олга же бѣ въ Кіевѣ съ сыномъ Святославомъ дѣтичемъ.	Вольга же бяше въ Кіевѣ съ сыномъ своимъ съ дѣтьскомъ Святославомъ и кормилецъ его Асмудъ, воевода бѣ Свѣнелдъ, тоже отецъ Мистишинъ.

Всякій безпристрастный изслѣдователь, конечно, замѣтитъ, что текстъ Лѣтописца Русскихъ Царей представляетъ здѣсь неоспоримо древнѣйшій и болѣе простой разсказъ лѣтописателя X вѣка Григорія, епископа Болгарскаго; текстъ же лѣтописнаго свода Полн. Собр. Рус. Лѣт. заключаетъ въ себѣ текстъ лѣтописателя XI вѣка преп. Нестора I, которому почему-то понадобилось первоначальный текстъ нѣсколько исправить и отъ себя сдѣлать добавки, какъ это очевидно изъ того дополненія, какое мы видѣли въ этомъ послѣднемъ текстѣ. Въ этомъ дополненіи, между прочимъ, говорится о Свѣнельдѣ, какъ отцѣ Мистиши. По поводу этого упоминанія о Мистишѣ И. И. Срезневскій говоритъ: «замѣтка о Свѣнельдѣ, какъ объ отцѣ Мистиши въ 945 г. указываетъ на то, что въ то время, когда эта замѣтка сдѣлана, былъ на виду и другой Свѣнельдъ, если не два или три, и что его надобно было отличить именемъ сына. Сынъ Свѣнельда Мистиша ни разу болѣе не вспоминается и ни почему другому не нашелъ себѣ права на память лѣтописца; онъ былъ, слѣдовательно, важенъ для лѣтописца

только какъ современникъ, и могъ быть замѣченъ только современникомъ, слѣдовательно еще въ X вѣкѣ». Причина упоминанія о Мистишѣ гораздо правдоподобнѣе объясняется тѣмъ, что Несторъ, первый лѣтописатель, жившій въ началѣ XI вѣка, повѣствовавшій о Лютѣ Свѣнельдичѣ, убитомъ на охотѣ Олегомъ Древлянскимъ въ 975 г., необходимо долженъ былъ показать родственныя отношенія Люта Свѣнельдича къ Свѣнельду. Эта родственная связь и указана ясно лѣтописателемъ. Изъ самаго названія Люта Свѣнельдичемъ уже очевидно, что онъ былъ внукъ Свѣнельда. Но внукъ отъ кого? Отъ сына Свѣнельдова Мистиши. Поэтому-то лѣтописатель и долженъ былъ дополнить текстъ первоосновной лѣтописи, упомянувъ въ ней о Свѣнельдѣ, какъ отцѣ Мистиши, не потому что Мистиша былъ только современникомъ лѣтописателя X вѣка, а потому что онъ былъ отцемъ Люта Свѣнельдича, о смерти котораго пр. Несторъ повѣствовалъ съ нѣкоторою подробностью.

Изборникъ Григорія, епископа Болгарскаго — Лѣтописецъ Русскихъ Царей, лист. 482.	Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. т. I, стр. 5.
Посѣмъ приидоша Оугре Бѣліи. и наслѣдишя землю Словенскую. и пръвыхъ Волохъ выгнаша. иже бѣ прѣже сѣли.	Посемъ придоша Угри Бѣліи, наслѣдиша землю Словеньску,
Сіи оубо Оугри почаша быти тогда въ Цариградѣ царь Ракліи. иже ходилъ на Ходроя пръскаго.	си бо Угри почаша быти при Иракліи цари, иже находиша на Хоздроя, царя Перьскаго.
воева лѣтъ 6. и не оуспе къ запоуску сырному. и разрѣшиша ему въ вторыи день заговѣти. патриархъ съборомъ. и взяшя за то епитемью и царь и царица за немощь тѣлеснаго грѣха. и мяснаго. и зарекноваша. 2-е лѣтъ того не творити. и постигоша до тогожъ года. Латына бо ходшия с ними. и взяша обычаи самовльныи. запоущати	

мясъ въ второкъ Ѳеодоровы недѣли. за слабость невѣріа ис прилики царя Іракліа. его же избави Боже душа наша.

Въ этомъ мѣстѣ лѣтописца мы встрѣчаемся въ первыхъ же строкахъ, съ начатымъ повѣствованіемъ о походѣ царя Ираклія на Хозроя Перскаго и объ осадѣ Цареграда Аварами и Славянами. Разсказъ этотъ, однакоже, мгновенно прерывается, и, безъ сомнѣнія, былъ исключенъ изъ Лѣтописца Русскихъ Царей сократителемъ Григоріевой лѣтописи. Ниже мы укажемъ самую причину такого исключенія. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ никто изъ нашихъ историковъ не замѣтилъ этого перерыва въ лѣтописи и не обратилъ вниманія на тотъ выпущенный изъ нея разсказъ, который не могъ не находиться въ первоосновной Григоріевой лѣтописи, по своей связи съ событіями изъ исторіи Кіевскихъ Славянъ и о ихъ походахъ подъ Царьградъ, о коихъ онъ повѣствовалъ. Иначе, т. е., внѣ этой связи, нечего было бы ему и упоминать тутъ ни объ Ираклiѣ, ни о Хозроѣ, ни объ Уграхъ, ни объ Обрахъ. Заглянувши внимательнѣе въ византійскіе разсказы, касающіеся сколько-нибудь Словянъ, и сопоставляя эти разсказы съ нашею лѣтописью, мы, съ своей стороны, не можемъ не быть убѣждены, что, въ указанномъ выше мѣстѣ, Григорій, упоминая объ Ираклiѣ и о Хозроѣ, поступаетъ совершенно цѣлесообразно, такъ какъ въ томъ разсказѣ о нихъ, который онъ повелъ-было въ своей лѣтописи, и который, очевидно, прерванъ по нѣкоторымъ причинамъ, указываемымъ нами ниже, позднѣйшею редакціею нашего лѣтописнаго свода, необходимо должно заключаться, по ходу описываемаго дѣла, повѣствованіе о походѣ Обровъ, или Аваровъ, вмѣстѣ съ Козарами на Царьградъ; а въ этомъ походѣ участвовали и Славяне кіевскіе, нѣкогда данники Хозаръ. У греческихъ хронистовъ такъ разсказывается объ этомъ походѣ:

Chronicon Paschale, ed. Bonn. I, 719, 723, 723.

Die XXXI mensis Julii, Chaganus accessit ad proelium paratus,

Пасхальная хроника, изд. Бон. I, 719, 723, 724.

Въ 31 день Іюля, хаганъ подступилъ уже готовый къ сраже-

mansitque a prima luce usque ad horam XI bellum fortiter ciens a porta Polyandrii usque ad portam Qvinti, atque adeo ulterius: ibi enim plurimum militem statuit in ipsius urbis conspectu, in reliqua vero muri parte Sclavos (Σκλάβους), ac primam quidem eorum aciem pedestrem nudam (πέζων Σκλάβων γυμνῶν), alteram pedestrem loricatam (πέζων ζαβάτων).— Nocte feriae secundae, sub diliculum, non potuere eorum (Avarum) trabariae (μονοξύλα) fallere nostras excubias, ac ad Persas trajicere, Sclavis omnibus, qui in trabariis inventi sunt, vel in mare praecipitatis, vel a nostris interfectis. Sed et Armenii ex Blachernarum muro egressi, ignem in porticum, quae aedi St. Nicolai adjacet, immiserunt. Cumque Sclavi, qui ex trabariis in mare natandi gratia se demiserant, Avares esse, qui ad mare stationem haberent, ex igne conjicerent huc venere, ubi ab Armenis sunt interfecti. Pavci vero alii ex Sclavis, natatu evadentes, cum ad Chagani castra pervenissent, illius jussu trucidati sunt. — Quidam ajunt, Sclavos, cum quod actum fuerat vidissent, castris relictis recessisse,

нію, и съ разсвѣта до 11 часовъ неутомимо занимался расположеніемъ войскъ отъ воротъ Поліандра до воротъ Квинта и далѣе: тамъ онъ поставилъ большое число воиновъ въ виду самого города; на остальной же мѣстности около стѣны расположилъ двѣ пѣхоты Славянъ: одну безъ латъ, другую въ латахъ. — Ночью, во вторникъ, подъ разсвѣтъ, однодеревки Аваровъ не могли обмануть нашу стражу и переправить Славянъ къ Персамъ; всѣ Славяне, находившіеся на однодеревкахъ, были брошены въ море, или умерщвлены нашимъ войскомъ. Когда Армяне съ Влахернской стѣны пустили огонь на галлерею, прилегающую къ храму св. Николая: то Славяне, заключая изъ этого, что туда пришли Авары, имѣвшіе свой станъ при морѣ, спустились въ оное на однодеревкахъ, гдѣ и были умерщвлены Армянами. Немногіе изъ Славянъ спаслись вплавь, и когда они прибыли въ лагерь Хагана, то, по приказанію его, были убиты. Нѣкоторые говорятъ, что прочіе Славяне, увидавши случившееся, оставили свой лагерь и отступили, почему и проклятый

eoque execrandum Chaganum reverti illosque sequi coactum fuisse.

Nicephorus Patriarcha, ed. Bon. 20, 21.

Abari dissoluta — pace — expeditione facta castra ad Constantinopolin admovent, ibique suburbana omnia incendio vestant.— Erant in eorumdem exercitu Sclavinorum auxiliares copiae bene multae, quas illi secum adduxerant: quibus et signum dederant, ut cum accensas faces ex Blachernarum munitione conspexissent, quam alam nuncupant, statim actuariis lembis irrumperent, et remigio ad urbem subvecti, tumultum ac terrorem injicerent, per quem, nullo prohibente, ipsi de muris subito impetu facto urbem invaderent.

Quibus ad Bonum patricium perlatis, mox biremibus et triremibus instructis, armisque dispositis, ad eum locum, unde signum attollendum erat, classem dirigit, eodemque tempore biremes contrarium ad littus applicat. Inde facibus erectis signum dari jubet. Hoc ubi Sclavi conspicati sunt, e fluvio, quem Barnissum vocant, recte ad urbem navigiis feruntur. At nostri obviam progressi, in

Хаганъ принужденъ былъ вернуться назадъ и послѣдовать за ними.

Никифоръ патріархъ, изд. Бон. 20, 21.

Авары, нарушивши мирныя условія, дѣлаютъ походъ противъ Константинополя, и около него опустошаютъ всѣ города огнемъ. Въ рядахъ ихъ много находилось вспомогательнаго славянскаго войска, которое они привели съ собой. Между Аварами и Славянами было условлено, что какъ скоро послѣдніе увидятъ на Влахернскомъ укрѣпленіи, называемомъ крыломъ, тотчасъ бросились бы на лодки и, подошедши къ городу, произвели смятеніе и ужасъ, чрезъ что Авары, сдѣлавши нечаянное нападеніе, со стѣнъ безъ всякаго препятствія завладѣли бы городомъ.

Объ этомъ дано было знать патрицію Бону, который, тотчасъ устроивши двухвесельныя и трехвесельныя суда и расположивши на нихъ войско, направляетъ флотъ къ тому мѣсту, откуда долженъ быть поданъ сигналъ, и въ то же время двухвесельными судами пристаетъ къ противоположному берегу. Оттуда приказываетъ дать

medium receptos et circumventos opprimunt, tantaque caedes hostium facta est, ut mare ipsum purpureo colore tingetur. Inter caesorum cadavera Sclavinae quoque mulieres inventae sunt. Quae cum omnia barbari conspexissent, obsidionis ac morae pertaesi in patriam revertuntur.

сигналъ поднятыми вверхъ факелами. Славяне, увидавши это, изъ рѣки Барнисса несутся прямо къ городу на своихъ лодкахъ. Но наши, вышедши на встрѣчу, удерживаютъ и окружаютъ ихъ, и такое было пораженіе враговъ, что самое море окрасилось пурпуровымъ цвѣтомъ. Между трупами убитыхъ найдены были и славянскія женщины. Варвары, увидавши это, сняли осаду, и возвратились въ отечество.

Замѣтимъ мимоходомъ то подтвержденіе, какое встрѣчаемъ здѣсь, согласно съ другими извѣстіями, указанными нами выше, по другому поводу, о томъ, что обычный путь Славянъ, въ ихъ приступахъ къ Царьграду, былъ отъ Бѣлграда по рѣкѣ Вариссѣ (Барниссѣ).

По поводу этого же разсказа припоминаемъ вполнѣ основательное заключеніе, выводимое С. А. Гедеоновымъ изъ сопоставленія различныхъ греческихъ извѣстій, вмѣстѣ съ этимъ разсказомъ, гдѣ онъ говоритъ: «рѣчь идетъ о войнѣ персидскаго царя Хозроя съ императоромъ Ираклiемъ и объ осадѣ Константинополя въ 626 году войсками персидскими и союзными. Византійцы описываютъ это происшествіе слѣдующимъ образомъ:

Sarbarum vero cum reliquo exercitu Constantinopolim versus misit (Chosroës), ut initis pactis cum Unnis (Abaros quidam vocant), Bulgaris, Sclavis et Gepedibus, una cum eo urbem impressione facta obsiderent... Abares etiam e Thracia profecti ad urbem applicantes eam vi obti-

Хозрой послалъ Сарвара съ остальнымъ войскомъ къ Константинополю, чтобы онъ, заключивши условія съ Гуннами (нѣкоторые называютъ ихъ Аварами), Болгарами, Славянами и Гепидами, вмѣстѣ съ ними осадилъ городъ... Авары, отправившись изъ

nere nitebantur... Dei tandem virtute et ope... profligati sunt; multisque suorum copiis terra et mari amissis, cum magno rubore et dedecore domos repetierunt. (Theoph. Chron. ed. Bonn. I. 485, 487).

Өракіи и, подойдя къ городу, старались овладѣть имъ... наконецъ силою и помощію Божіею разбиты, — и, потерявши большую часть своего войска на сушѣ и на морѣ, съ великимъ трудомъ и безчестіемъ возвратились домой.

Sarbarum cum reliquis copiis ad Constantinopolim proficisci jubet, ut initis pactis cum Hunnis occidentalibus, qui et Avares nominantur, ac Sclavinis et Gepidis, urbem obsidere atque oppugnare curet etc. (Cedren. ed. Bon. II. 727 — 729).

Хозрой повелѣваетъ Сарвару съ остальнымъ войскомъ отправиться къ Константинополю, чтобы онъ, заключивши условія съ западными Гуннами, называемыми также Аварами, Славянами и Гепидами, осадилъ и завоевалъ городъ.

Зонара (ed. Franc. 1587, p. 98, c. 3.) говоритъ о хаганскихъ войскахъ въ общемъ смыслѣ.

Изъ сличенія между собою этихъ извѣстій видно, что войско Хозроя состояло съ одной стороны изъ Персовъ, стоявшихъ на Азійскомъ берегу; съ другой—изъ Аваровъ, Болгаръ и Славянъ; послѣдніе составляли, по обыкновенію, морское вооруженіе, ибо искуство мореплаванія оставалось всегда чуждо кочевымъ монголо-турецкимъ народамъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы узнаемъ отъ Менандра (ed. Bonn. 332—336) и Өеофилакта (ed. Bonn. 246), что при переправѣ чрезъ Дунай лодіи для Аваровъ всегда изготовлялись Славянами, а въ случаѣ войны съ ними, доставлялись Аварамъ отъ римскаго императора. Масуди говоритъ о Хазарахъ, что они кораблей не имѣли и вовсе не вѣдали мореплаванія (Fraehn, Ibn. Fossl. 246) [1].»

Въ древнихъ письменныхъ памятникахъ нашихъ мы находимъ описаніе того же самаго событія. Въ пятую Субботу вел. поста, или въ Субботу акаѳиста, установлено несѣдальное пѣніе (акаѳистъ)

[1]) Отрыв. изъ изслѣд. о Варяжск. вопросѣ. Спб. 1862, стр. 56.

Богородицѣ въ память чудеснаго спасенія Царяграда отъ Персовъ и Аваровъ въ 626 году. Въ повѣсти о несѣдальномъ мы читаемъ слѣдующій разсказъ о томъ же самомъ событіи:

В лѣто Ираклия. греческаго царя Хозрои. иже перьскоу власть имѣ. посла Сарвара своего воеводоу. со множествомъ вои. во всю восточноую страну иже подъ греческою властию. протещи ꙗкоже нѣкоей мол'нии огненѣи. попаляющи и пожигающи. и погоубляющи. Сей же оубо со многимъ безбоꙗзньствомъ въсточ'ноую страноу разоряꙗ и погоубляꙗ приключьшаꙗся в ней Греки. никомоу же соущоу возбраняющоу. или многое его нашествіе пресѣкающю. и еще гречестѣи силѣ паче смиренѣ соущи тяжкимъ и звѣрообраз'нымъ соуровьствомъ. иже тогда греческоую правящаго власть мучительски. а не царьски. Фокоу глаголя воина. достигъ же и Халкидона Сарваръ. положь и прочаꙗ и около его воꙗ и вся ꙗже разорение того великаго царствующаго града оуготовляеть. то бо емоу оумысливщю. и свѣтоующоу. и всѣми образы тщащеся. сицеваꙗ зря царь Ираклий. по моучителѣ Фоцѣ вновѣ приимъ царство и зѣло в болѣзни и в тоузѣ бывъ. оставль царство. по евъскипонтоу. рекше по великому морю. собравъ и еще соущоую воиньскоую силоу и внезапоу никому же вѣдящю. въ перьскиꙗ страны отъиде. оувѣдѣв' же царево отшествие скыфьскый каганъ. и абие ꙗтъся дѣлоу. море оубо кораблей исполни. еже отъ единаго древа въ долготоу сътворении того дѣля варъварскимъ ꙗзыкомъ кѵѥвы нарицаются. землю же наполни кон'никъ и пѣш'ца. соущим же въ царствоущемъ градѣ людие. Сергиемъ тогда соущимъ патриархомъ оутѣшаеми бяхоу. и оучими. не отпасти надежде. но дерзайте оубо чада глаголаше. но на Бога оупование спасениꙗ нашего възложихомъ. и к немоу роуцѣ и очи отъ всеꙗ душа возведемъ. и отъ обишедшихъ ны золъ разрѣшить. и вся соущаꙗ на ны раж'женеть. варварьскаꙗ свѣщаниꙗ. сицевыми словесы оукрѣпльшася отъ патріарха соущиа въ градѣ людие пребывахоу вси вѣрою возмогающе. еже къ пречистѣй Богородици и из неꙗ благоизволив'шаго родитися. за человѣколюбие Христа Бога нашего. и чающе милости его видѣти на себе. терпяще надѣющися. еꙗже и помалѣ сподобишася. и надежи тощи отпадоша. отъ царя же оставлен'ный на охранение града патрікии. Вон'носъ именемъ елико мощно бѣ противоу ратнымъ мудровати, вся дѣйства творя и не лѣняшеся. хощеть бо рече Богъ. непраздномъ и бездѣлнымъ сѣдѣти. нынѣ что сдѣловати, и промыслити намъ. на того же

все имѣти спасение чаꙗние чаꙗти. такобо Ісусъ сынъ Нав'винъ. ловлениꙗ и хитрости творити. на Аг'геꙗны заповѣда. и Гедеонъ на Мадиамы. водами и свѣщами вооружъ. Вонносъ же патрикие. стены оубо града оутвержаше. и вся ꙗже на бранноую потребоу творꙗше. Сергий же патриархъ священныꙗ иконы Божия Матере. на нихъ же паче и Младенецъ Спасъ въображенъ. и на роукоу Матерню носиться. сию въсприимъ патриархъ прехожаше по стѣнамъ градоу. оубо симъ на оутвержение оустроаа. варварамъ же противнымъ страхъ и бѣгание и пагоубоу. ꙗже вмалѣ гражаномъ же нашедши. послѣ же ратныя пагоубѣ преда. понеже оубо иже на Халкидона ополъчишася Персяне. начаша зажигати соущаꙗ около Халкидона. ближняꙗ и іна вся творити. елико же обычаи есть. плѣноующимъ дѣлати. и грады разроушати. Такоже и Скиѳяне и варвари подобнаꙗ Персомъ творяще ꙗвляхоуся. приимъ же пакы патриархъ нероукотворенный образъ Господа и Спаса нашего Ісусъ Христа и пречистыꙗ Богородица божественоую ризоу. и еще же и животворящеꙗ древа. и по стѣнамъ града преходяй со слезами моляшеся глаголя. въстани Господи помози намъ. и да разидоутса врази твои ищезноуть ꙗко дымъ. и растаются ꙗко воскъ. отъ лица огню. и не оубо триемъ днемъ минувшимъ по бывшемъ пожарѣ. и пристоупи все воиньство къ градоу. скыфьскаго воеводы. толикъ же бѣ сън'мъ противныхъ. и на множество безчислено счетаны. и ороужнымъ одѣꙗниемъ оутвержени. ꙗкоже истинно изрещи. бѣша же 10 Скыфъ собратися на единаго Гречина но обаче воевода. и побарающіа по христианехъ пречистаꙗ Владычица. скораꙗ призывающимъ помощница. приключившимся воиномъ въ божественѣй еꙗ церкви. нарицаемѣй пигии. многи отъ воюющихъ Скыфъ оубиша. Таковое же бывшее поможеньемъ всесильныя воеводы христиꙗномъ Богоматере. не токмо ратныхъ падение предъ Греци. но и воевода скыфскаго шатание в недооумѣние ниизложи. таковымъ воеводьствомъ Богоматере. но еще хотящее прилоучитися. конечнаꙗ имъ погибель. вмалѣ послѣжде. ꙗкоже се оузрѣвше ратнии толикое падение своихъ предъ гражданы. ꙗко начало знамению погибели ихъ. познавати имъ тогда сътворшее сиꙗ и отъ сего оубо разсмотривши Греци. и д'ръзости наполнивъшеся многи совокупление на брань по вся дни готово творяхѫ к нимъ. имоуще побарающю Божию Матерь. и крѣпчаиша показающихъ и скыфскиꙗ козни и силоу ихъ препирающи. и искоушение еже въ бранехъ. по сих же общею волею отъ

патриарха. и градоу началника и отъ люди послани быша нѣции. съ дары глаголати Скиѳомъ и на миръ ихъ призывати. онъ же каганъ звѣрообразенъ сый. а не ꙗко человѣкъ. сребролюбенъ же паче нравомъ. дары же приꙗтъ. смирениижъ свѣщеваемаꙗ небрегъ. но и послан'ники бездѣлны отсла. се едино рекъ имъ. не блазнитеся о Бозѣ во иже вѣроуете. всячески ꙗже оубо оутре градъ вашь ꙗко птицю роукою моею возмоу и поуста его положию милосердиꙗ же ради моего во единой ризѣ всѣхъ васъ свобожю и идѣте отъ града идѣже хощете. иного же оубо паче сего человѣколюбиꙗ на вы не имамъ показати. многа же первѣе на Христа Бога нашего. и на рожешоую его злаꙗ хоулившоу. таковаꙗжъ отъ посланныхъ слышавше. соущии во градѣ жытелие. елици священници. и еликъ причетъ и иночествоующи. и в'сь людьский народъ востенавши отъ среды сердца. къ святымъ божественымъ церквамъ бяхоу притичюще и роуцѣ на небо воздѣющи и со слезами многими моляхуся глаголюще. застоупниче нашь Господь Господи. призри отъ святаго своего жилища и вижь сквернаго варвара сего и соущихъ с нимъ дръзноувшихъ хоулити святое и великое твое имя. низложь его защитниче нашь Господи. да не речеть. гдѣ есть Богъ ихъ. ты бо еси Богъ нашь. иже гордымъ противляꙗйся. и смиренныꙗ призирая. Твоя бо держава не прикладна и владычество не раздрушимо. слыши словеса варвара сего. ꙗже посла понося тебѣ владоущемоу всѣми. избави градъ достоꙗниа твоего и люди наречен'ныꙗ во твое имя. и тако моляхоуся плачюще людие. Богъ же Персомъ къ каганоу приходъ иже свѣщаша възбрани оубивъ не мало иже дроугъ къ дроугоу посылаахоу. по два же и по три дни на краехъ биющеся и по мѣстомъ находяще брань творяще не почивахоу. дѣло же бяше по свѣщанию готовляемо отъ обоихъ по земли оубо козни. стѣнобитныꙗ приближахоуся на разорение града. по морю же оуряжахоу скиѳьскаꙗ моноксила многочисленаꙗ ꙗкоже въ едино время и въ единъ часъ. оударити бранию на царствоующий градъ. по земли же купно и по морю. внегда же творяшеся таковаꙗ брань. каганъ поемъ елико имяше кон'никъ избран'ныхъ. к частемъ оустиꙗ великаго моря. прииде перьскимъ воемъ показоуꙗся таковже и перьский воевода подобнаꙗ ему творяше. паче же овъ оубо отъ Асиꙗ или же отъ Евтропиꙗ. ꙗко же дивиꙗ звѣря рыкаста на царствоующии градъ. готоваа мняще на ловъ себе имѣти. но кто возъглаголеть бывшаꙗ тогда чюдеса Божиꙗ.

или кто иже к намъ благосердие дивныꙗ исповѣдати възможеть. но ꙗко же каганъ кератьскоую пазоухоу наполни моноксилы. и с᾿ соущими в нихъ оружники. покоушаашеся и по земли оубо борющимися. стѣны градоу низвергноути по морю же борющимъ в пазоусѣ кератьстѣй. готово имѣти на градъ вхождение. похоулѣный же Господь Богъ нашь. молитвами рождьшаꙗ его. иже всюдѣ Богъ и Дѣваꙗ Владычица бездѣлны и тщетныи надежа ихъ показа. толикаго множества на коейждо странѣ стѣны гречестѣй вой противныхъ побиша. ꙗко к томоу не мощи живымъ сжигати мертвыхъ. Се же бысть тѣмъ. иже посухоу борющимся. и на землю стѣны низвергъноути ноудящимся. моноксила же коупно. и с᾿ соущими въ нихъ вои. противоу влахерньстѣй Божии церкви. Богородица Владычица потопи внезапоу оужасно. и ноужноую боурю въздвигъ. ꙗкоже бо близъ церкви еꙗ божественыꙗ бывша. зѣло възвыси вся море и раздѣлься божественымъ маниемъ въ раздѣление. вся въскорѣ потопи. и погроузи и с᾿ самѣми моноксилы. и бяше видѣти тамо неисказан᾿ное велие чюдо. море бо равны горамъ волны творяше и образомъ дивиꙗго звѣря распыхашеся и волняшеся оубо на враги Божіꙗ Матери. соурово оуба наскакаше и немилостивно поꙗдаше. ꙗкоже нѣкогда и Египтяномъ створи. гонящимъ древняго Израиля образомъ страннымъ пѣша ходяще сквозѣ ня. тако предъборющи по своемъ градѣ Богородицѣ и застоупающи. безъ крове побѣды. показа образомъ таковымъ и воеводьствомъ. иже оубо на еꙗ достоꙗние брань безмирноую наведшая и проужие на ня воздвигшаꙗ. скоро потопивши. дѣло морьскими строуꙗми сътворши. на ню же единоу спасениꙗ надеждю возложьше и жребиꙗ. отпадшихъ лютѣ бестрастенъ по естеству всюдѣ сохранши. тогда оубо и самъ старѣйшина ихъ каганъ самовидець бывъ своихъ вои погибели. тоу нѣгдѣ съ храбрыми с кон᾿ники на высоцѣ мѣстѣ стоꙗ. роуками по лицю и по пер᾿сехъ биꙗшеся. соущии же вноутрь града и противу врагомъ брань творяхоу. понеже оубо видѣша в морѣ бывшоую врагомъ погибель. и абие божественою силою възмогше и дивныꙗ Богородица крѣпостию ограждьшеся. врата градоу отверзъше кричаще восклицаше на враги истикахоу толикаже радость и сила обдержаша градскыя воꙗ. варвари же боꙗзнь велиꙗ и бѣ видѣти преславное воеводьство Владычици нашеꙗ Богородица ꙗко и малии отроци таже и жены оустремишася на варвари. и въ самыꙗ воꙗ врагъ нашихъ вхожаше, и толико оубийство варваромъ створи-

іпи. елико невозможно словомъ изрещи тамо воистинноу свершися речен'ное единъ гоняше тысящю. а два тмоу. Такву пречистаа и Дѣваа Богородица и владычица крѣпость некрѣпкимъ. и силоу немощнымъ дарова. ѩкоже солнцю зашедшю. и нощи наставши бранныѩ съсоуды ѩже бяху на колесехъ привезли варвари. на взятие градоу всѣхъ огневи предаша. и благодать Богородици оустроившимъ своихъ троудовъ. и кознидѣлателемъ самѣмъ запалителемъ быти. святитель же и вси града людие. руки на небо вздѣвше съ слезами благодарение поѩху и глаголахоу. десница твоя Господи прославися въ крѣпости. деснаѩ твоѩ роука скроуши врагы Господни. и множествомъ славы твоеѩ. стерлъ еси соупостаты. и тако оубо безоумный каганъ съ множествомъ бесчисленыхъ вои пришедъ. съ срамомъ возвратися. такоже и перьскиѩ воѩ приведый воевода. роукоу на оустѣхъ положивъ и лице закрывъ. ѩко отъ толикыхъ тысящь мало число с' собою оуведъ. и съ срамомъ въ свою страну возвратися. такоже божественнаго смотрѣниѩ и благости. слоужытелница пречистаѩ и пренепорочнаѩ Богородица христианьскаѩ державнаѩ помощница. еже о нашемъ застоупленіи крѣпость показа. тако великое намъ и преславное спасение дарова. ей же на въспоминание таковаго благодѣѩниѩ. нынѣшний молебный. вселюдьскый зборъ творимъ и всенощьный здѣваемъ праздникъ. благодарьственыѩ пѣсни приносяще. иже и несѣдално вселеньскаѩ церковь. прирекши праздникъ сей. Матери Божии празновати во время ее. егда и побѣда Божиею Материю бысть акафисто нарек'ши. сирѣчь несѣдално. понеже тако створиша церковници тогда и людие града вси. еи же подобаеть всяка слава честь и покланяние.

E memoriis populorum, Stritteri, tom. III, pag. 549 — 551.

Когда императоръ Ираклій, чрезъ провинцію Лазовъ, хотѣлъ вступить въ Персію, съ царемъ которой Хозроемъ велъ войну; въ то время онъ отправляетъ пословъ съ дарами къ турецкому [1]) начальнику заключить съ нимъ военный союзъ противъ Персовъ. Послѣдній обѣщалъ помощь. Обрадованный этимъ Ираклій самъ

---

[1]) Ясно, что нужно разумѣть здѣсь Хозаровъ, какъ это видно изъ самого повѣствованія.

отправился къ нему. Турецкій начальникъ, услыша о прибытіи императора, съ большимъ войскомъ вышелъ къ нему на встрѣчу и, сойдя съ коня, со всѣми своими спутниками, палъ на землю. Императоръ, видя такое уваженіе со стороны Турокъ, подъѣзжаетъ къ ихъ полководцу и объявляетъ свое желаніе имѣть съ нимъ крѣпкую и искреннюю дружбу, съ наименованіемъ его сыномъ. Такимъ образомъ онъ наконецъ былъ допущенъ до объятія императора, возложившаго на голову Турка свою корону. По приглашенію, по сему случаю, къ пиру, императоръ подарилъ ему всѣ необходимые для онаго сосуды и домашнюю утварь вмѣстѣ съ царскою одеждою и серьгами изъ жемчуга, — а также роздалъ своими руками и другія серьги чиновникамъ, сопровождавшимъ его. Послѣ сего императоръ, испугавшись, чтобы не испытать надъ собою того, что сдѣлалъ Аваръ, скрѣпилъ союзъ болѣе прочными связями; ибо, показавъ изображеніе дочери своей Евдоксіи, онъ сказалъ ему: сначала, когда Богъ насъ соединилъ, то Онъ восхотѣлъ, чтобы ты былъ моимъ сыномъ. Такъ, слышишь, если ты мнѣ поможешь противъ враговъ, торжественно обѣщаю тебѣ, что дочь моя и августа римская будетъ твоею женою. Варваръ, плѣнившись красотою копіи, почувствовалъ любовь къ самому оригиналу и чрезъ то сдѣлался еще болѣе склоннымъ къ скрѣпленію союза.

Ѳеофанъ Анастасій: Когда Ираклій узналъ, что Персы намѣревались завладѣть Константинополемъ, то раздѣлилъ все войско на три отряда: одинъ оставилъ для защиты города, другой приказалъ брату своему Ѳеодору двинуть противъ Сая [1]), съ третьимъ отправился самъ въ область Лазикскую и тамъ на нѣсколько времени остановившись, пригласилъ къ военному союзу восточныхъ Турокъ, которыхъ называютъ Хозарами [2]) (Затѣмъ описываются подвиги Ѳеодора противъ Персовъ). Далѣе Хозары [3]), разрушивши Каспійскіе дефилеи, ворвались въ Персію и подъ руководствомъ своего вождя Зіебила [4]), титулуемаго каганомъ, проникли въ провинцію Адроегу [5]). И вездѣ,

---

[1]) Полководца персидскихъ войскъ.

[2]) τοὺς Τούρκους ἀπὸ τῆς ἑώας, οὓς Χαζάρους ὀνομάζουσιν.

[3]) Χαζάρεις.

[4]) Σιεβήλ. Anast. Zihebil.

[5]) Ἀδροήγαν. A. въ страну Адроигскую.

гдѣ они ни проходили, брали въ плѣнъ Персовъ и опустошали огнемъ города и поля. Между тѣмъ императоръ, оставя Лазику, рѣшился присоединиться къ нимъ и пошелъ на встрѣчу. Зіебилъ [1]), увидя императора, подошелъ къ нему, облобызалъ его и поклонился до земли, въ глазахъ Персовъ города Тифили [2]). Турецкое же войско, какъ бы объятое страхомъ величія императора, все упало на землю внизъ лицомъ, оказавши этимъ необыкновенный родъ почести, обыкновенный впрочемъ у языческихъ народовъ; равнымъ образомъ и войска ихъ начальника, взойдя на скалу, лежали въ такомъ же положеніи. При семъ Зіебилъ представилъ императору сына своего, у котораго только еще пробивался пушокъ на щекахъ; его радовали слова императора, а взглядъ его и благоразуміе приводили въ изумленіе. Наконецъ Зіебилъ назначилъ императору союзниковъ во время войны—40 т. человѣкъ отборныхъ и храбрыхъ, а самъ возвратился въ свою страну. Императоръ, соединившись съ ними, пошелъ противъ Персовъ.

Кедринъ: «Въ десятый годъ царствованія Ираклій покорилъ подъ свою власть Лазовъ и искалъ помощи у восточныхъ Турокъ, называемыхъ и Хозарами. Потомъ Хозары, разрушивши Каспійскіе . . . . подъ руководствомъ вождя своего Зіебила . . . Зіебилъ встрѣтилъ императора и весьма дружески привѣтствовалъ его со всѣмъ своимъ войскомъ, и оставя ему сына своего, въ качествѣ военнаго союзника, возвратился домой. Императоръ, усилившись отъ этой помощи, пошелъ на Хозроя». Опущенное здѣсь выражается въ тѣхъ же словахъ, какъ и у Ѳеофана.

Разсказы эти не во всѣхъ подробностяхъ согласны между собою, какъ это очевидно изъ ихъ сличенія: и вотъ, безъ сомнѣнія, самая прямая, естественная причина, почему, удержавши въ нашей древней письменности одинъ изъ этихъ разсказовъ, благочестивый сократитель Григоріевой лѣтописи нашелъ, конечно, вполнѣ необходимымъ исключить другой, долженствовавшій, по связи событій, быть непремѣнно занесеннымъ въ нашу первоосновную лѣтопись, въ указанномъ нами выше мѣстѣ. По этой причинѣ мы и не находимъ въ русскомъ лѣтописномъ сводѣ этого разсказа, а нахо-

---

[1]) Anast., какъ выше.

[2]) Анастасій имя города опущаетъ: въ глазахъ Персовъ изъ города.

димъ въ замѣнъ его весьма замѣтный перерывъ, пробѣлъ, до сихъ поръ, однако, никѣмъ не замѣченный.

Въ драгоцѣнномъ паннонскомъ жизнеописаніи Константина Философа находится одно извѣстіе, до сихъ поръ необъясненное достаточно и тѣмъ не менѣе важное относительно вопроса, насъ занимающаго. Въ бытность св. Константина въ Херсонѣ, онъ встрѣтился тамъ съ русскимъ христіаниномъ и нашелъ евангеліе и псалтирь, писанныя по-русски. Вотъ это подлинное извѣстіе: «И обрѣт же Константинъ тоу еvангеліе и ѱалтирь роушьскыми (росьскы и русскыми) писмены писано, и человѣка обрѣть глаголюща тою бесѣдою, и бесѣдовавъ (бесѣдова) съ нимь, и силоу рѣчи пріємь, своеи бесѣдѣ прикладае различіи письменъ (различная письмена), гласнаа и съгласнаа, и къ Богоу молитвоу дрьже (вар. творя), и вскорѣ начетъ чисти и сказовати. И дивляхоусе емоу, Бога хвалеще» [1]).

---

[1]) И. И. Срезневскій весьма, по моему, основательно и остроумно возразилъ Шафарику на то, что русскія письмена эти — готескія или варягорусскія, а не славянскія. „Будь этотъ русскій языкъ, говоритъ нашъ почтенный славянистъ, не славянское нарѣчіе, а какое-нибудь чужое, отличное не однимъ выговоромъ словъ, Константинъ не могъ бы съ перваго раза вступить въ разговоръ съ Русскимъ и „принять силу рѣчи“ съ одною помощію сравненія ея съ своимъ природнымъ языкомъ—съ своею бесѣдою, замѣчая отличія произношенія звуковъ гласныхъ и согласныхъ. При этомъ, безъ сомнѣнія, надобно допустить предположеніе, что природнымъ языкомъ Константина былъ языкъ славянскій, предположеніе впрочемъ совершенно умѣстное, доказываемое правильностію словосочиненія и словоизмѣненія въ древнѣйшихъ текстахъ чтеній евангельскихъ. Если же допустить, что подъ именемъ русскаго языка жизнеописатель разумѣлъ одно изъ нарѣчій нѣмецкихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ зналъ, о чемъ говорилъ, то природнымъ языкомъ Константина надобно считать нѣмецкій—или же по крайней мѣрѣ надобно отдѣлить, какъ позднѣйшую вставку, выраженія: „своей бесѣдѣ прикладае различіи письменъ гласная и согласнаа“. Изв. II Отд. Ак. Н. Т. I. с. 296). Позволяю себѣ прибавить здѣсь, что въ томъ случаѣ, если русскія письмена—варяжскія или готескія, то надобно отдѣлить, какъ позднѣйшую вставку, и слова: „и бесѣдовавъ съ нимъ и силу рѣчи пріемъ“, такъ

Совершенно независимымъ путемъ пришедши къ предположенію, весьма вѣроятному, о томъ, что на полуостровѣ Таврическомъ могли проживать Славяне Русскіе и христіане въ X и даже въ IX в., мы находимъ извѣстіе о томъ, что въ первой половинѣ IX в. Константинъ Философъ нашелъ въ Херсонѣ одного Русскаго Славянина, у котораго видѣлъ евангеліе и псалтирь, писанныя русскими письменами [1]).

Признаюсь, не вижу, никакой необходимости отвергать безусловно все это мѣсто; довольно только вспомнить, что задолго до Кирилла и Меѳодія Славяне принимали христіанство, имѣли письменность, употребляли особыя черты и рѣзы, греческія и римскія

какъ Константинъ Философъ, былъ ли онъ Грекъ или Славянинъ, не могъ бесѣдовать по-нѣмецки и такъ скоро пріять силу рѣчи. Если считать позднѣйшею вставкою всѣ эти слова и выраженія, то и всѣ предъидущія слова—такая же вставка, иначе въ ней нѣтъ никакого смысла. Почтенный профессоръ Горскій приписываетъ это мѣсто русскому вліянію и позднѣйшему времени. Едва ли нельзя не усомниться въ возможности когда либо доказать неопровержимыми доводами, что это мѣсто простой вымыселъ. Допустивъ это послѣднее, все-таки надо согласиться, что выдумать это могъ только одинъ Русскій; Болгарину же, напр., никогда этого не могло придти въ голову. Мѣсто это однако находится не только въ русскихъ спискахъ Житія Кириллова, но и въ Болгарскомъ, именно Рыльскомъ XV вѣка. Правописаніе послѣдняго едва-ли содержитъ какіе либо намеки на русское вліяніе, на русское письмо. О. М. Бодянскій полагаетъ, что это извѣстіе выдумано во время „вѣроисповѣдной борьбы Русскихъ съ западными соплеменниками". (О врем. изобрѣт. Слав. письм. CLVII, примѣч. 97).

[1]) Нѣтъ никакой необходимости полагать, что то было цѣлое евангеліе, цѣлый псалтирь. Нельзя здѣсь не помнить, что христіанство стало распространяться у Славянъ задолго до IX в., что Лѣт. Межиборск. еп. говоритъ о Вернерѣ (около 1101 г.): „Libros Schlavonicae linguae sibi fieri jussit, ut latinae linguae charactere idiomata linguae Schlavorum exprimeret." А про Старградскаго свящ. Бруно (ок. 1156 г.) у Бодричей говоритъ Гельмольдъ: Quibus sacerdos Dei Bruno juxta creditam sibi legationem sufficienter administravit verbum Dei, habens sermones conscriptos verbis slavicis, quos pronunciaret opportune". Изъ нѣдръ же Восточной Церкви могли задолго до IX в. выходить проповѣдники (сами же крещеные Славяне) и пользоваться народнымъ словомъ. Подвигъ св. славянскихъ апостоловъ тѣмъ нисколько не умаляется.

письмена. Богатство и обработанность языка памятниковъ славянскихъ IX в., дошедшихъ до насъ въ спискахъ XI в., позволяютъ, кажется, предположить періодъ болѣе или менѣе слабыхъ попытокъ, не оставшихся однако безъ послѣдствій и приготовившихъ цвѣтущее, по истинѣ изумительное состояніе славянской прозы IX и X в.

Нѣкоторые ученые задавались уже вопросомъ, и приходили къ отрицательному его рѣшенію относительно того, дѣйствительно ли могли св. Кириллъ и Меѳодій, сравнительно въ весьма непродолжительное время перевести сами на славянскій языкъ все Св. Писаніе. Съ другой стороны имѣется древнее, прямое удостовѣреніе біографа Меѳодіева, что Меѳодій всѣ книги Св. Писанія, кромѣ Маккавеевъ, перевелъ не болѣе какъ въ 6 мѣсяцевъ, именно начиная съ марта къ дню св. Димитрія Солунскаго въ октябрѣ. Но сами ли св. братья перевели все Св. Писаніе, или же только, подъ ихъ руководствомъ, люди скоропишущіе переписали уже готовый переводъ, ими прежде уже исправленный и дополненный, объ этомъ мы не имѣемъ никакихъ древнихъ, прямыхъ поясненій. Естественный ходъ дѣла заставляетъ сомнѣваться, чтобы въ такое короткое время, какъ 6 мѣсяцевъ, возможно было, безъ подготовительныхъ трудовъ, перевести все Св. Писаніе и, притомъ, перевести съ замѣчательнымъ совершенствомъ, какъ это видимъ, напр., на Пятокнижіи; выраженіе же древняго памятника о томъ, какъ совершилось это дѣло, указывающее на скорую переписку, на скоропись, на борзописцевъ, заставляетъ предполагать, что черновой переводъ могъ быть сдѣланъ и выправленъ еще гораздо ранѣе, а что въ сказанное время требовалась только быстрая его переписка тѣми именно буквами, какія были придуманы и найдены за лучшія нашими св. первосвятительствующими.

Не станемъ повторять еще высказаннаго уже не разъ мнѣнія о древности и важности Григоріева изборника, какъ и о великомъ значеніи самого Григорія, одного изъ ближайшихъ преемниковъ первопросвѣтительной деятельности всеславянскихъ учителей, особенно для насъ, для Руси. Ставимъ прямо только самый вопросъ,

который неизбѣжно возникаетъ при первомъ близкомъ взглядѣ на указанный нами переводъ Св. Писанія: откуда могъ явиться этотъ переводъ какъ въ Архивской, Румянцовскихъ (Описаніе Востокова № XXVII и XXVIII) и Москов. Духовн. Академіи (№ 12) рукописяхъ, такъ и въ Григоріевомъ изборникѣ, — переводъ, сдѣланный съ еврейскаго, но не съ общеизвѣстнаго позднѣйшаго еврейскаго текста, а скорѣе съ самаритянскаго, и притомъ съ поправками его по LXX и съ признаками глаголическаго первоначальнаго написанія? По пути къ рѣшенію этого вопроса, оставляя за собой, какъ уже извѣстное ученому міру, все спорное, все второстепенное по вопросу о первичной редакціи древнѣйшаго славянскаго перевода Св. Писанія, обращаемъ вниманіе только на самыя главныя, выдающіяся указанія, которыя прямо могутъ вести насъ къ нашей цѣли.

Указанія эти мы находимъ въ слѣдующемъ:

1) Переводъ этотъ очень древній. Это несомнѣнно изъ того, что въ немъ встрѣчаются: а) древнѣйшія слова и обороты, вообще слѣды древнѣйшаго болгарскаго языка не только XI, но и X вѣка; б) переводъ этотъ во многомъ сходенъ со спискомъ пяти книгъ Моисеевыхъ, сдѣланнымъ въ XV вѣкѣ съ рукописи, писанной въ 1136 году діакономъ Кирикомъ въ Новгородѣ; в) точно также сходенъ въ немъ и переводъ Пророковъ со списками XV в. съ рукописи, писанной въ 1047 году для Новгородскаго князя Владиміра Ярославича, и наконецъ г) сходенъ онъ и съ тѣми мѣстами изъ Пятикнижія и др. св. книгъ, какія приводятся въ памятникахъ письменности нашей XI вѣка: въ словѣ митрополита Иларіона (1037—1050), въ сочиненіяхъ мниха Іакова и преподобнаго Нестора.

2) Переводъ этотъ не тотъ, какой мы находимъ у славянскихъ христіанъ со временъ св. Кирилла и Меѳодія. Въ послѣднемъ, при нѣкоторомъ сходствѣ его съ указаннымъ древнѣйшимъ переводомъ, явно выказывается гораздо бо́льшая выправка и бо́льшая вѣрность греческому тексту по LXX, какъ напр. въ Острожской библіи и другихъ.

3) Переводъ, находимый нами у Григорія, какъ и въ помянутыхъ рукописяхъ, не могъ быть сдѣланъ тогда, когда уже существовалъ славянскій переводъ св. Кирилла и Меѳодія. Тогдашнее просвѣщенное и сочувственное LXX-ти, православное духовенство ревновало и оберегало себя отъ всего чуждаго ему. Всякій другой

переводъ подвергся бы, естественно, клейму отверженія, какъ ересь, а переводъ съ еврейскаго, различный отъ LXX, какъ жидовство.

4) Съ другой стороны, дѣйствительно жидовство не могло имѣть никакихъ поводовъ переводить Св. Писаніе съ подлинника и выправлять его по LXX, какъ это мы видимъ въ указанномъ нами переводѣ.

5) Переводъ этотъ могъ первоначально явиться еще ранѣе, чѣмъ переводъ св. Кирилла и Меѳодія, и могъ быть сдѣланъ прямо съ еврейско-самаритянскаго текста, или могъ быть на столько исправленъ по LXX, сколько дозволяло имъ время при множествѣ проповѣдническихъ трудовъ ихъ. Затѣмъ, этотъ же самый переводъ могъ все болѣе и болѣе исправляться, пока, наконецъ, не явился въ настоящемъ своемъ видѣ.

Здѣсь мы касаемся одного важнаго вопроса, на который наводитъ насъ изборникъ Григорія, епископа Болгарскаго. Въ изборникѣ этомъ сохранился переводъ книгъ Св. Писанія Ветхаго Завѣта, почти въ полномъ его составѣ, за исключеніемъ немногихъ книгъ. Переводъ этотъ сдѣланъ съ еврейскаго языка, какъ это несомнѣнно по многимъ мѣстамъ въ немъ, указывающимъ прямо на еврейскій подлинникъ; съ другой стороны, нѣкоторою близостію своею къ LXX, онъ обличаетъ самаритянскій изводъ этого подлинника, также близкаго, какъ извѣстно, къ LXX. Есть въ немъ и разности съ греческимъ переводомъ. Нѣкоторыя имена собственныя, какъ и многія выраженія, исправлены въ немъ, очевидно, прямо по LXX. Исправлены также и тѣ мѣста, которыя особенно отличаютъ самаритянское чтеніе отъ еврейскаго, какъ напримѣръ, извѣстныя мѣста въ кн. Бытія о родословіи патріарховъ и во Второзаконіи, гдѣ, въ самаритянскомъ текстѣ, находимъ названіе Геризина вмѣсто Гевала.

Но прежде, нежели мы приступимъ къ разбору перевода Св. Писанія, находящагося въ Григоріевомъ изборникѣ, мы не можемъ не обратить вниманія ученыхъ изслѣдователей на другой также древній славянскій переводъ съ еврейскаго подлинника, находящійся въ рукописяхъ XV вѣка: въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Мини-

стерства Иностранныхъ Дѣлъ въ рукописи подъ № $\frac{354}{803}$, въ Румянцовскомъ музеѣ, въ рукописяхъ, описанныхъ Востоковымъ подъ №№ 27 и 28 и въ Московской Духовной Академіи, въ рукописи подъ № 12. Переводъ этотъ, носящій, по словамъ А. Х. Востокова, всѣ признаки болгарскаго языка X и XI вѣка, весьма древенъ. Въ немъ особенно замѣчательно раздѣленіе Пятикнижія на части, совершенно соотвѣтствующія раздѣленію его въ еврейскомъ текстѣ по субботнимъ чтеніямъ. Въ греческихъ рукописяхъ Пятикнижія нѣтъ такого раздѣленія. У насъ оно встрѣчается не въ однихъ только полныхъ спискахъ Библіи, но и въ отдѣльныхъ, какъ то: въ рукописяхъ Румянцовскаго Музея № XXVII и XXVIII и Московской Духовной Академіи № 12, въ пергаментной рукописи XV вѣка.

Но гдѣ, когда, у какихъ Славянъ, — восточныхъ или западныхъ, — и при какихъ обстоятельствахъ могъ явиться подобный переводъ? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, мы должны войти въ нѣкоторыя историческія соображенія и обратить особенное вниманіе на Хозаръ.

Первый нашъ лѣтописатель Григорій, епископъ Болгарскій, также свидѣтельствуетъ, что «в тоже врѣмя придоша отъ Скѹѳь сирьчь отъ Козаръ. рекоміи Блъгарѣ. и сѣдоша по Дунаю насѣлници Словеномъ быша» [1]. Эти Дунайскіе Болгары, какъ уже доказано нашей исторической наукой, были племени по преимуществу славянскаго. Св. Димитрій Ростовскій также былъ того мнѣнія, что бесѣдоваху Козаре языкомъ славянскимъ, и наши Запорожцы свидѣтельствуютъ, что казаки наши до XVIII вѣка назывались также Казарами. Это послѣднее свидѣтельство указываетъ на то, что нѣкогда предки ихъ входили въ составъ той народности, которою правили Хозары.

О Хозарахъ нѣкоторые писатели говорятъ, что они стоятъ во главѣ государства еврейскаго, или, что тоже, большая часть народовъ, имъ подвластныхъ, исповѣдуютъ іудейскую вѣру.

По свидѣтельству извѣстной раввинской книги Козри, изданной

---

[1]) Лѣтоп. Рус. Царей, стр. 2.

Букхсторфомъ, которую раввинъ Іуда Галеви первый обнародовалъ по-арабски въ XII вѣкѣ, мы знаемъ, что еще въ 740 г. хазарскій каганъ Буна обратился отъ языческаго къ іудейскому закону по слѣдующему достопримѣчательному случаю. Получивши предостереженіе въ сновидѣніи, онъ началъ сомнѣваться въ истинѣ своей языческой вѣры; вслѣдствіе чего, имѣлъ бесѣду объ этомъ предметѣ сначала съ языческимъ философомъ о дѣлахъ вѣры, потомъ съ однимъ христіаниномъ, а послѣ съ магаметаниномъ, изъ которыхъ, однакоже, никто не удовлетворилъ его. Наконецъ, онъ приказалъ привести къ себѣ іудейскаго раввина и остался такъ доволенъ его отвѣтами, что послѣ этого отправился съ своимъ полководцемъ къ горамъ Гарсанъ, гдѣ жили Іудеи, и приказалъ обрѣзать себя въ одной пещерѣ, потомъ, мало по малу, и всю свою землю обратилъ въ іудейскую вѣру, велѣлъ привести къ себѣ раввиновъ и доставить священныя книги Іудеевъ [1]).

По поводу этого повелѣнія, даннаго отъ хозарскаго кагана Евреямъ, очевидно, для нихъ представлялся теперь самый благопріятный случай приложить къ дѣлу своей проповѣди между язычниками тотъ же самый способъ, какой еще въ глубокой древности былъ осуществленъ ими въ переводѣ LXX. Имъ предстояла необходимость перевести на хозарскій, или, что то же, на славянскій, или болгарскій языкъ, свой законъ, Пятикнижіе. Не безъ такого, конечно, необходимаго орудія пропаганды, не безъ этого понятнаго для Славянъ писаннаго ветхозавѣтнаго закона, могли являться Евреи, позднѣе, также и къ Владиміру, стараясь обратить и его къ іудейству. Несомнѣнно одно, что для такого перевода, для передачи въ немъ звуковъ славянской рѣчи соотвѣтственными знаками, настояла неустранимая необходимость пріискать или придумать для того какія либо буквы. За образецъ для этихъ буквъ дѣятельные и ученые еврейскіе пропагандисты, по извѣстной любви своей ко всему еврейскому, и въ видахъ тѣснѣйшаго сближенія съ іудействующими, не могли, конечно, избрать ничего другаго, кромѣ своего роднаго алфавита, съ дополненіемъ его, относительно недостающихъ въ немъ звуковъ для славянской рѣчи знакомыми имъ знаками по

---

[1]) См. П. Ф. Суши Истор. разсужденіе о Хозарахъ. М. 1846, стр. 33—38.

образцу другихъ, извѣстныхъ имъ восточныхъ алфавитовъ. Такою только азбукою могли Евреи передать славянскую рѣчь въ своемъ переводѣ на нее Пятикнижія, или книгъ своего закона. За тѣмъ, при такомъ славянскомъ переводѣ, дѣло пропаганды Евреевъ могло уже совершаться легко. Славяне съ особенной охотой стали обучаться такой, для нихъ собственно составленной азбукѣ, такъ какъ эта азбука поддерживала ихъ народность и горячо затрогивала національное ихъ чувство. Какая же была эта азбука? Азбула эта была та прославленная Глаголица, за которую преломлено столько копій и мечей въ нашей славянской литературѣ. Сомнѣваться въ этомъ нельзя потому, что всѣ признаки, весь отличительный характеръ ея начертанія—чисто восточные, и какъ несомнѣнно дознано, она носитъ на себѣ всѣ примѣты еврейскаго самаритянскаго происхожденія. Явиться съ такими примѣтами ни у какихъ другихъ Славянъ, кромѣ восточныхъ, кромѣ Хозаръ, она не могла.

То же самое отношеніе, какое мы видимъ у Глаголицы къ той азбукѣ, какая должна была явиться впервые у восточныхъ Славянъ, ясно открывается и въ разсматриваемомъ нами переводѣ Св. Писанія сравнительно съ тѣмъ, въ какомъ впервые долженствовало явиться слово Божіе Ветхаго Завѣта у тѣхъ же Славянъ. Въ немъ явны несомнѣнныя примѣты: 1) какъ глаголическаго его извода, такъ 2) того еврейскаго подлинника, съ котораго онъ былъ сдѣланъ.

Въ подкрѣпленіе первой части вышеприведеннаго положенія, приводимъ изъ этого древнѣйшаго перевода съ еврейскаго языка на славянскій доказательства, по указанію Шафарика, основанныя на глаголическихъ словахъ, оборотахъ рѣчи и словоизмѣненіяхъ. . . . . . *(въ рукописи пробѣлъ)*.

Изъ приведенныхъ нами мѣстъ оказывается вполнѣ убѣдительнымъ, что переводъ этотъ не могъ быть сдѣланъ никѣмъ кромѣ ученыхъ Евреевъ, для обращенія къ іудейству Хозаръ. При такомъ могущественномъ орудіи іудейской пропаганды, успѣхъ ея между восточными Славянами былъ самый обширный. Успѣшность такой проповѣди іудейства не могла не обратить на себя вниманія, не могла не возбудить ревности многихъ проповѣдниковъ также и между христіанами, которыхъ также, какъ извѣстно, было не мало между хозарскими Славянами. Воспользоваться для своей пропо-

вѣди той же готовой уже азбукой, вошедшей уже у тамошнихъ Славянъ въ употребленіе, было, безъ сомнѣнія, дѣломъ первой важности для христіанъ. Преложеніе на славянскій языкъ евангелія не могло не быть первымъ послѣдствіемъ усвоенія такой азбуки. Обращенные въ христіанство Славяне и Болгары составляли, какъ извѣстно, уже немалую часть всего населенія Хозаріи. Какъ по численности своей, такъ и по гражданскому своему значенію, они равнялись не менѣе одной трети между магометанами, евреями и христіанами. Язычники въ Хозаріи хотя и составляли большинство простородья, но не пользовались, вѣроятно, особеннымъ вліяніемъ. Арабскіе писатели Ибнъ Хауканъ и Массуди (943—948), приводимые Френомъ и Досономъ, говорятъ, что у Хозаръ «судей было только семь, и изъ нихъ двое магометанъ, которые разбирали дѣла по своему закону; двое изъ Хозаръ, кои судили по своему іудейскому закону; двое изъ христіанъ, кои въ сужденіяхъ своихъ слѣдовали евангелію, и одинъ только для другихъ язычниковъ, который въ разборѣ дѣлъ держался природнаго разсудка». По всему вѣроятію, христіане изъ Хозаръ, при такой полной свободѣ вѣроисповѣданія, вели, по временамъ, открытую словесную вѣроисповѣдную борьбу съ іудеями и магометанами, не нарушавшую нисколько взаимномирныхъ и дружественныхъ гражданскихъ ихъ отношеній. Какъ послѣдствіе въ соревнованіи той и другой проповѣди между Хозарами, іудейской и христіанской, является, около 855—858 г., прибытіе къ греческому императору Михаилу пословъ хозарскихъ, съ требованіемъ совѣта и содѣйствія относительно присылки къ нимъ какого-либо ученаго, который бы въ состояніи былъ состязаться съ Евреями и Сарацинами. Царь вмѣстѣ съ патріархомъ избрали для этого Константина Философа. Узнавши о немъ, послы хозарскіе не могли не пожелать воспользоваться даромъ его краснорѣчія, и вмѣстѣ съ тѣмъ не могли не пожелать видѣть его и бесѣдовать съ нимъ. Съ своей стороны точно также и Кириллъ не могъ не желать этой бесѣды, приготовляясь на проповѣдь свою къ Хозарамъ. Естественно, онъ не могъ отправиться туда безцѣльно, т. е. безъ надежды на успѣшность тамъ христіанской своей проповѣди, составлявшей всю задачу, всю основу его жизни. На чемъ же могли основываться такія надежды? Безъ со-

мнѣнія, успѣхъ проповѣди былъ бы положительно немыслимъ, а за тѣмъ и самый путь для проповѣди безцѣленъ, если бы проповѣднику былъ незнакомъ туземный языкъ, если бы онъ зналъ, что можетъ не встрѣтить никакой почвы, никакой подготовки къ воспринятію истинъ вѣры, или что въ туземномъ населеніи эта почва такъ мала, а противное вліяніе такъ сильно, что сама проповѣдь въ ней невозможна. Поэтому, если Кириллъ отправился на проповѣдь къ Хозарамъ, то, безъ всякаго сомнѣнія, онъ зналъ что нибудь лучше о Хозаріи. Все это онъ могъ узнать, и дѣйствительно зналъ изъ своей бесѣды съ хозарскими послами. Бесѣду онъ могъ легко вести съ ними, по сходству языка ихъ съ другими славянскими нарѣчіями, хорошо уже ему извѣстными. При разговорѣ съ Хозарами, Кириллъ старался узнать отъ нихъ подробно обо всѣхъ условіяхъ духовнаго быта въ ихъ народѣ, о главныхъ вѣроисповѣдныхъ его различіяхъ и, преимущественно, о томъ, не имѣется ли уже у нихъ какихъ-либо своихъ славянскихъ письменъ и даже переводовъ на ихъ языкъ какихъ-либо книгъ Св. Писанія. Слыша отъ нихъ объ обращеніи многихъ въ ихъ народѣ къ іудейству, онъ распрашивалъ ихъ о тѣхъ мѣрахъ, какія были особенно въ ходу у Евреевъ при ихъ пропагандѣ и, между прочимъ, положительно узналъ, что у Хозаръ уже существовали славянскіе переводы св. книгъ, сдѣланные Евреями, такъ какъ безъ такихъ переводовъ они не могли бы, конечно, и обращать Славянъ въ іудейство. Въ паннонскомъ житіи св. Кирилла, составленномъ однимъ изъ его учениковъ, мы находимъ, въ его возраженіи латинянамъ, защищавшимъ триязычную проповѣдь, слѣдующія его слова: «мы же многы роды знаемъ, книгы оумѣюща и Богу славоу въздающа своимъ языкомъ кождо. Ѩвѣ же соуть си: Ормени, Перси, Авазъги, Иверіи, Гугди, Готьѳи, Обри, Турсіи, Козари, Аравляни, Егуптяни, Соури и иніи мнози». Изъ этихъ словъ каждый убѣдится свидѣтельствомъ самого св. Кирилла, что у Хозаръ, въ это время, были уже письмена, были и священныя книги, точно также, какъ и у многихъ другихъ народовъ. При такихъ свѣдѣніяхъ, полученныхъ св. Кирилломъ о Хозаріи, вся цѣль поѣздки его туда становится вполнѣ ясною. Узнавши о тѣхъ благопріятныхъ условіяхъ, которыя онъ находилъ особенно для своей проповѣди, именно о существовавшихъ уже тамъ

славянскихъ письменахъ и книгахъ, онъ могъ радостно надѣяться на самую обильную духовную жатву въ этой странѣ. Съ такими свѣтлыми надеждами онъ и прибылъ въ Корсунь.

Здѣсь, въ Херсонѣ, откуда и св. Владиміру возсіялъ первый свѣтъ вѣры, суждено было св. Кириллу обрѣсти впервые славянскія письмена. Въ паннонскомъ житіи мы читаемъ: «и дошедъ до Корсуня наоучися ту жидовьстѣи бесѣдѣ и книгамъ, осмъ чястіи грамотикіа преложь, и отъ того разумъ боліи въспріимъ. самарянинъ нѣкый тоу живяше, и приходя къ нему, сътязашеся с нимъ, и принесе самарен'скы книгы, и показа ему, и испрошь ꙗ у него филосоѳъ затворився въ храмѣ, на молитву ся наложи, и отъ Бога разумъ пріимъ, чести начя книгы бес порока. . . . . обрѣте же тоу евангеліе и псалтирь рускыми письмены писано, и человѣка обрѣтъ глаголюща тою бесѣдою, и бесѣдова с нимъ, и силу рѣчи пріимъ, своей бесѣдѣ прикладаа различнаа писмена, гласнаа и съгласнаа, и къ Богу молитву творя, въскорѣ начятъ чести и сказати, и мнози ся ему дивляху, Бога хваляще». Въ этомъ разсказѣ мы видимъ, какъ св. Кириллъ постепенно усвояетъ себѣ познаніе той письменной и изустной рѣчи, которую онъ обрѣлъ въ Корсуни. Рѣчь эта была: глаголитскія письмена и русское мѣстное нарѣчіе. Прежде всего св. Кириллъ знакомится только вообще, какъ и слѣдовало ожидать, съ чтеніемъ книгъ ветхозавѣтныхъ, переведенныхъ на славянскій языкъ и написанныхъ Глаголицей. Для этого онъ прежде всего изучаетъ азбуку, знакомится короче съ самымъ начертаніемъ глаголическихъ буквъ. За тѣмъ, онъ ближе изучаетъ это письмо. Для этого онъ начинаетъ перелагать съ него, конечно, на свой природный языкъ, существовавшее уже тогда руководство, или 8 частей грамматики, и оттого онъ еще болѣе узнаетъ предметъ своего изученія, или, какъ говоритъ жизнеописаніе,—«и отъ того разумъ боліи въспріимъ». Наконецъ, когда какой-то Самаритянинъ, вѣроятнѣе же всего, какой-нибудь іудействующій Славянинъ, приноситъ ему свои книги, т. е., конечно, ветхозавѣтныя книги, переведенныя на туземное славянское нарѣчіе и писанныя Глаголицей и указываетъ ему какъ читать ихъ, тогда св. Кириллъ начинаетъ читать уже безошибочно, «и отъ Бога разумъ пріимъ, чести начя книгы бес порока». Послѣ такого изученія ветхозавѣтнаго,

славянскаго, глаголическаго извода, св. Кириллъ обращается къ изученію другаго новозавѣтнаго перевода и еще псалтири, обрѣтенныхъ имъ у русскаго христіанина. При этомъ онъ изучаетъ также и самое то нарѣчіе, на какомъ былъ сдѣланъ этотъ переводъ,—«человѣка обрѣтъ глаголюща тою бесѣдою, и бесѣдова с нимъ». Затѣмъ, понявши различія этого нарѣчія отъ другихъ, извѣстныхъ ему славянскихъ нарѣчій, онъ легко сталъ не только читать, но и писать на немъ, «и силу рѣчи пріимъ, своей бесѣдѣ прикладаа различнаа писмена, гласнаа и съгласнаа, въскорѣ начятъ чести и сказати». Дѣйствительно, все это изученіе не могло не быть дѣломъ совершенно легкимъ для св. Кирилла, достаточно уже знавшаго славянскія нарѣчія, но не знавшаго только славянской, глаголитской азбуки. Эту-то азбуку онъ и изучилъ скоро и легко, слагая гласныя и согласныя ея буквы.

Выше мы видѣли, въ житіи св. Кирилла, что онъ, прибывши въ Корсунь, обрѣлъ тамъ книги жидовстіи и самаренскы. Какія же это были книги? Безъ сомнѣнія, книги эти были не просто еврейская библія, писанная еврейскими буквами, не одинъ только еврейско-самаритянскій текстъ библіи, которыя, безспорно, были извѣстны ученому Кириллу и ранѣе Херсонеса. Другихъ же никакихъ еврейскихъ книгъ, кромѣ ветхозавѣтныхъ, конечно, онъ встрѣтить тамъ не могъ. Да если бы онѣ и существовали, что положительно невѣроятно, то для чего жъ понадобилось бы изученіе ихъ славянскому апостолу, имѣвшему въ виду обращеніе не собственно Евреевъ къ христіанству, а только защиту отъ нихъ, какъ и отъ жидовствующихъ,—славянскихъ христіанъ. Изученіе же еврейскаго языка для устныхъ преній на немъ съ Евреями было бы едва ли даже посильно для кого бы то ни было въ непродолжительное, конечно, время остановки Кирилла въ Корсуни, по пути его въ Хозарію; да и кромѣ того такое, изученіе было и совершенно не нужно, такъ какъ пренія съ Евреями на еврейскомъ языкѣ были бы, конечно, мало понятны для большинства какъ для христіанскихъ, такъ и для іудействующихъ Славянъ, а потому и безполезны. Другое дѣло представляли споръ съ іудействующими Славянами и убѣжденіе ихъ на родномъ ихъ языкѣ къ обращенію въ христіанство. При этомъ, оказывалось уже существенно

необходимымъ изученіе какъ славянской глаголитской азбуки, такъ и тѣхъ книгъ, какими они руководствовались и на какія, конечно, ссылались въ дѣлѣ защиты своей вѣры. Изучить самый текстъ, самыя выраженія этихъ книгъ, имѣть ихъ на случай даже подъ руками, чтобы правильно истолковать ихъ, все это, при предстоявшихъ преніяхъ, было совершенно необходимо для Кирилла. Этими-то книгами онъ и долженъ былъ заняться при первомъ удобномъ случаѣ. Случай этотъ, какъ извѣстно, представился ему въ Корсунѣ. Въ немъ онъ нашелъ книги не только іудействующихъ, но и христіанскихъ Славянъ; въ немъ же, для пониманія этихъ книгъ, онъ долженъ былъ, конечно, изучить, и еврейско-самарянскія буквы, или сходныя съ ними глаголитскія, которыми, по всему вѣроятію, была передана въ нихъ славянская народная рѣчь въ славянскихъ переводахъ Св. Писанія, и даже, быть можетъ, было написано какое-нибудь руководство къ пониманію самыхъ буквъ, или, вообще, славянской рѣчи, подъ именемъ 8 частей грамматики, которую также изучалъ св. Кириллъ.

Подъ еврейско-самарянскими книгами здѣсь, безъ сомнѣнія, нѣтъ никакой необходимости, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ г. Гильфердингъ, видѣть только еврейско-самаритянскія книги, т. е., еврейско-самаритянскій текстъ библіи, къ изученію котораго, конечно, не предстояло никакой надобности св. Кириллу. Это было бы для него однимъ излишнимъ отвлеченіемъ отъ его главнаго, важнѣйшаго дѣла—проповѣди между Славянами, и отъ изученія, для этой цѣли, только того, что близко относилось къ этому дѣлу. Такое близкое отношеніе къ его проповѣди представлялъ, безспорно, славянскій переводъ ветхаго и новаго христіанскаго закона, обрѣтенный имъ въ Корсуни. Очевидно, подъ книгами жидовскими и самарянскими, тутъ прямо разумѣлись только книги ветхозавѣтныя, хотя и не одинъ только еврейско-самарянскій текстъ библіи, извѣстный Кириллу, какъ ученому богослову, еще и прежде. Что подъ книгами жидовскими въ глубокой древности, какъ и позднѣе, разумѣлись на Руси, именно только ветхозавѣтныя книги, въ этомъ мы можемъ повѣрить черноризцу Поликарпу, который такъ именно называетъ ветхій завѣтъ, говоря о затворникѣ Никитѣ (1078 г.): «весь изъ устъ умѣаше: Бы-

тіе, Исходъ, Левита, Числа, Судіи, Царства и вся пророчества по чину и вся книгы жидовскіа [1]). Эти-то ветхозавѣтныя книги въ жидовскомъ переводѣ ихъ на славянское нарѣчіе и предстояло изучить св. Кириллу. Для ознакомленія своего съ разностями того славянскаго нарѣчія, на какое былъ сдѣланъ этотъ переводъ, для чего требовались сличенія этого нарѣчія съ другими славянскими же, уже извѣстными Кириллу, нарѣчіями, ему предстояла необходимость ознакомиться не только съ устною, но и съ тою письменною рѣчью, какая существовала у жидовствующихъ и самарянствующихъ Славянъ въ Корсунѣ. При такомъ знакомствѣ, становилось для него доступнымъ также и чтеніе тѣхъ славянскихъ евангелія и псалтири, которыя онъ нашелъ тамъ же. Въ другихъ мѣстахъ, конечно, трудно было и найти ихъ. Рукописи въ славянствѣ не распространялись еще быстро. Въ Корсуни св. Кириллъ очень скоро и легко выучился бесѣдѣ и книгамъ жидовствующихъ; при чемъ научился также и легко читать по еврейско-самарянски, т. е., безъ всякаго сомнѣнія, читать книги, писанныя этою азбукою, или сходною съ нею, такъ какъ изучать, вѣроятно, давно уже извѣстное ему, какъ византійскому ученому, собственно самаритянское чтеніе, конечно, не приходилось. Очевидно, онъ просто только сличилъ принятую уже Славянами, еврейско-самарянскую, или сходную съ ней, азбуку съ звуками извѣстнаго уже ему славянскаго языка, и какъ славянское нарѣчіе у Хозаръ, конечно, немного разнилось отъ другихъ славянскихъ нарѣчій, то Кириллъ и могъ легко научиться понимать его. Азбука, обрѣтенная имъ здѣсь въ Корсуни, въ 855 году, очевидно, была та, какою былъ сдѣланъ первоначальный, древнѣйшій славянскій переводъ Пятикнижія, Евангелія и Псалтири, существовавшій у іудействующихъ и христіанскихъ Славянъ въ Хозаріи, т. е. Глаголица. Мысль Шафарика о томъ, что Кириллъ обрѣлъ въ Корсуни письмена готскія, а не славянскія, не русскія, опровергается сама собою, такъ какъ извѣстно, что Кириллъ еще прежде того изучалъ уже готскій языкъ и даже самъ имѣлъ готское

[1]) См. рукопись Кіево-печер. патерика.

евангеліе Улфилы [1]) и, слѣдственно, не имѣлъ никакой надобности учиться этому языку еще въ Корсуни. Г. Гильфердингъ справедливо замѣчаетъ, что это гаданіе Шафарика, будто Русскій, съ которымъ бесѣдовалъ Кириллъ, былъ не Русскій, а Готѳъ, нисколько не соотвѣтствуетъ общему смыслу извѣстія. «Да и возможно ли», говоритъ онъ, «чтобы Моравскій Славянинъ, писавшій житіе Кирилла, когда Русь уже существовала на Днѣпрѣ, подъ именемъ Русскаго разумѣлъ не Русскаго, а Готѳа? [2]). Другая мысль Шафарика о томъ, будто Кириллъ изобрѣлъ Глаголицу, а Кириллица изобрѣтена будто бы не имъ, не выдерживаетъ тоже положительно никакой критики.

Изъ всего, что до сихъ поръ мы разсмотрѣли, невозможно не придти къ тому заключенію, что дѣло переводовъ Св. Писанія на славянскій языкъ завершилось окончательно только послѣ путешествія св. Кирилла въ Хозарію. Въ этомъ путешествіи св. Кириллъ, нашедшій у жидовствующихъ и христіанствующихъ Славянъ въ Хозаріи, уже готовый переводъ Пятикнижія, какъ и Новаго Завѣта, написанный славянскими буквами, составленными по образцу буквъ еврейско-самаритянскихъ, и зная хорошо славянскія нарѣчія, легко научился читать по этимъ буквамъ, для чего, вѣроятно, пріобрѣлъ для себя и списокъ найденнаго имъ перевода и, затѣмъ уже, по окончаніи своей проповѣди между хозарскими Славянами, возвратясь въ Царьградъ, переложилъ эту славянскую азбуку на родственную ему греческую, дополнивъ ее, для выраженія излишнихъ противу греческаго языка звуковъ славянской рѣчи, буквами, заимствованными имъ изъ другихъ извѣстныхъ ему восточныхъ языковъ. Устроивъ такимъ образомъ новую, болѣе удобную и болѣе цѣлесообразную для сближенія съ Византіей, азбуку Славянамъ, Кириллъ приступилъ къ преложенію пріобрѣтенныхъ имъ въ Хозаріи списковъ перевода Св. Писанія съ прежней славянской азбуки, составленной по еврейско-самаритянскимъ буквамъ

---

[1]) См. о переводѣ евангелія на славянскій языкъ. Кирилло-Меѳод. сборникъ, стр. 224, 225.

[2]) Собр. сочин. т. I, С.-Пб. 1868, стр. 309.

на новую, названную по немъ Кириллицей. За возможность введенія Кириллицы во всеобщее народное употребленіе у новообращенныхъ въ восточное православіе Славянъ, ручалась поддержка всего единомысленнаго православнаго духовенства. При такомъ преложеніи древнихъ переводовъ книгъ Св. Писанія на новоизобрѣтенную азбуку, св. Кириллъ, естественно, не могъ оставить этихъ переводовъ безъ свѣрки ихъ съ LXX-ю и безъ исправленія по нимъ. Въ этомъ дѣлѣ помогали ему и были его продолжателями какъ св. Меѳодій, такъ и другіе споспѣшники, ревнители православія, преимущественно болгарскіе, и такое преложеніе шло и завершилось необыкновенно быстро. Такъ, по всей вѣроятности, должно было начаться и закончиться это величайшее дѣло проповѣди св. Кирилла и Меѳодія для всего славянскаго міра. Переводы, найденные ими въ Хозаріи, и написанные древнѣйшею азбукою, менѣе удобною для письма чѣмъ Кириллица, естественно, должны были скоро уступить мѣсто переводамъ, исправленнымъ и написаннымъ этою новой азбукою. Развѣ только очень немногіе остатки первобытнаго древняго славянскаго письма могли, какъ рѣдкость, уцѣлѣть гдѣ-нибудь по чистой случайности. Никакой поддержки къ своему распространенію въ новыхъ спискахъ они, конечно, не могли ни у кого имѣть. Вѣрнѣе всего, даже и бывшіе уже въ употребленіи списки ихъ намѣренно уничтожались. Только переводы новые, исправленные по LXX и переписанные Кириллицей могли въ это время находить вездѣ все болѣе и болѣе возраставшее къ себѣ сочувствіе и должное уваженіе. Въ послѣдствіи и эти переводы должны были, конечно, смѣниться новыми, еще болѣе исправленными: древнѣйшіе собственно Кирилловскіе изводы ихъ могли, за тѣмъ, сохраниться только въ самомъ небольшомъ числѣ. Чрезвычайно важно было бы самое ревностное розысканіе и обслѣдованіе этихъ драгоцѣнныхъ остатковъ отъ величайшаго изъ подвиговъ св. Кирилла и Меѳодія.

Не думаемъ, чтобъ было возможно любителямъ отечественныхъ древностей не обратить, при этомъ, особеннаго вниманія на такую драгоцѣнность, какъ переводъ, сохранившійся до нашихъ дней въ драгоцѣнномъ сборникѣ Григорія, епископа Болгарскаго.

Богатство памятниковъ нашихъ еще такъ мало разработано и

такъ мало оцѣнено по достоинству! Другое дѣло, на Западѣ, гдѣ такъ ревниво дорожатъ всякой древней своей собственностью. По чувству понятнаго патріотизма, намъ, Русскимъ особенно дорого было бы рѣшить не противъ себя вопросъ о томъ, не намъ ли, не Руси-ли, гдѣ такъ сохранилось и развилось и Православіе и письменность по первоосновамъ, заложеннымъ св. Кирилломъ и Меѳодіемъ,—завѣщано храненіе и первыхъ святыхъ трудовъ ихъ по переводу Св. Писанія, сохраненныхъ для Руси знаменитымъ сотрудникомъ болгарскаго царя Симеона, епископомъ Григоріемъ, въ его изборникѣ. Сколько бы западные враги Православія и Руси, какъ въ явныхъ, такъ и не явныхъ подспудныхъ своихъ сторонникахъ, раболѣпствующихъ Западу, ни желали отнять у насъ наши права на все завѣщанное намъ и вѣрно сохраненное нами отъ всеславянскихъ апостоловъ, завѣщаніе ихъ написано на Руси самыми крупными, яркими и безчисленными чертами. Не къ этимъ-ли древнѣйшимъ чертамъ относится и сохранившійся у насъ отъ глубокой древности указанный нами выше переводъ Св. Писанія? Считаемъ священнымъ долгомъ своимъ предложить вниманію отечественныхъ нашихъ ученыхъ этотъ, безъ сомнѣнія, чрезвычайно важный вопросъ.

Говоря объ этомъ переводѣ, мы оставляли пока въ сторонѣ другой вопросъ, который неизбѣжно и одновременно затрогивался вмѣстѣ съ первымъ. Это извѣстный, не менѣе важный вопросъ о томъ, какимъ письмомъ, какими буквами могъ быть написанъ первоначально тотъ переводъ Пятикнижія, Евангелія и Псалтири, который, если вѣрить свидѣтельству древности и не оставлять его безъ надлежащаго вниманія, былъ обрѣтенъ св. Кирилломъ въ Хозаріи и за тѣмъ, безъ сомнѣнія, былъ употребленъ имъ въ дѣло, какъ первичный, вполнѣ уже готовый переводъ нѣкоторыхъ книгъ Св. Писанія на вѣковое, святое пользованіе всему славянскому міру. Нѣкоторыми учеными, какъ извѣстно, высказано уже было, по этому случаю, не безосновательное предположеніе, что переводъ этотъ могъ быть написанъ первоначально буквами глаголическими, что св. Кириллъ въ Хозаріи обрѣлъ Глаголицу. Не вдаваясь здѣсь въ безконечный споръ, поднятый по поводу этого предположенія, мы, съ своей стороны, обращаемъ здѣсь вниманіе нашихъ ученыхъ только на тотъ новый докумен-

тальный матеріалъ, для рѣшенія этого вопроса, какой открывается намъ въ безспорно древнѣйшемъ славянскомъ переводѣ книгъ Св. Писанія, дошедшемъ до насъ изъ глубокой древности въ изборникѣ болгарскаго епископа Григорія, какъ и въ указанной нами архивской рукописи.

Не представляется никакой невѣроятности въ томъ, что св. Кириллъ, вмѣстѣ съ славянскимъ переводомъ Пятикнижія и Евангелія, обрѣлъ въ Хозаріи и древнѣйшія славянскія буквы, которыми былъ написанъ этотъ переводъ. А какія же это другія древнѣйшія славянскія буквы, какъ не Глаголица? Никакія другія въ славянствѣ никому до сихъ поръ неизвѣстны. Кириллица тогда еще не существовала. При томъ же, дѣйствительно, по мнѣнію знатоковъ дѣла, Глаголица носитъ на себѣ всѣ признаки еврейско-самаритянскаго происхожденія. Тѣ же примѣты находимъ мы и въ древнѣйшемъ славянскомъ переводѣ Пятикнижія, указанномъ нами. Въ немъ же оказываются нѣкоторыя примѣты и первоначально-глаголическаго его извода. Что вѣроятнѣе, какъ не предположеніе, основанное при этомъ прямо уже на положительныхъ документахъ, на свидѣтельствѣ древнѣйшаго славянскаго перевода Св. Писанія, что переводъ этотъ есть позднѣйшій списокъ того перевода, который обрѣтенъ былъ св. Кирилломъ въ Хозаріи, имъ же исправленъ по LXX, имъ же, вмѣстѣ съ Меѳодіемъ, переложенъ съ Глаголицы на Кириллицу и подъ ихъ же руководствомъ пополненъ и переписанъ двумя борзописцами въ очень короткое время? Обрѣтеніе первой славянской азбуки, Глаголицы, относится при этомъ къ 855 г., ко времени поѣздки въ Хозарію, а изобрѣтеніе Кириллицы къ 858—862 г., ко времени преложенія всего Св. Писанія на славянскій языкъ. Что невѣроятнаго въ томъ, что ученые Евреи, или жидовствующіе Славяне въ Хозарахъ, въ видахъ прозелитизма и сближенія съ собою, по вѣрѣ, всѣхъ другихъ Славянъ, изобрѣли, для обращенія ихъ къ жидовству переводомъ книги Пятикнижія, особую азбуку по образцу еврейско-самаритянской, вѣроятно, распространенной въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ и до сихъ поръ, по близости, находимъ Караимовъ, держащихъ законъ, какъ и Самаритяне, преимущественно по Пятикнижію. При успѣшномъ вліяніи такого способа обращенія, не могли не воспользоваться этимъ же способомъ,

этою же азбукою, и христіанствующіе Славяне, въ видахъ противодѣйствія жидовству, и съ своей стороны перевели на славянскій же языкъ и передали тою же азбукою и Новый Завѣтъ. И дѣйствительно, какъ мы видимъ, Кириллъ въ Хозаріи находитъ и еврейско-самарянскія книги у Славянъ, т. е. славянскій переводъ Ветхаго Завѣта съ еврейско-самаритянскаго текста, писанный буквами по образцу еврейско-самаритянскихъ, и, вмѣстѣ, въ славянскомъ же переводѣ и Новый Завѣтъ. Не воспользоваться такимъ важнымъ открытіемъ, такою драгоцѣнною находкою, естественно, онъ не могъ. Не могъ также не возбудиться еще большею ревностью ни св. Кириллъ, ни св. Меѳодій, видя успѣшность такого способа проповѣди между Славянами. Но, при этомъ, самый успѣхъ сближенія Славянъ съ Іудеями, черезъ сходство письменъ, какъ это было ясно на Славянахъ въ Хозаріи, не могъ не внушить и первой мысли св. Кириллу объ изобрѣтеніи, по примѣру существовавшей уже азбуки у Славянъ, другой азбуки, болѣе удобной и болѣе способной къ сближенію и къ союзу новообращенныхъ съ самымъ средоточіемъ тогдашняго восточнаго христіанства—съ Византіею, его родиною по вѣрѣ. Такую азбуку, составленную по образцу греческой азбуки, онъ и далъ Славянамъ въ Кириллицѣ. Съ другой стороны, въ видахъ противодѣйствія такому удобству сближенія съ Цареградомъ чрезъ письмена, ревнивый Западъ поспѣшилъ противупоставить тотъ же способъ сближенія съ собою Славянъ, тоже орудіе, также письмена. Съ этой цѣлью, лаская національному чувству Славянъ, онъ сталъ отстаивать Глаголицу передъ Кириллицею, сталъ усвоивать ее новообращеннымъ въ латинство Славянамъ, сталъ подмѣнять ее исподоволь, мало по малу, латинскими буквами, какъ это мы и видимъ въ позднѣйшей Глаголицѣ, и, напослѣдокъ, гдѣ только успѣлъ, замѣнилъ ее вовсе, окончательно и безповоротно, чисто латинскими буквами. Такъ, начавши съ латинизаціи нашей древле-славянской Глаголицы, присвоивши ее себѣ, онъ кончилъ тѣмъ, что принесъ ее въ жертву своимъ политическимъ и религіознымъ тенденціямъ, окончательно уничтожилъ ее и замѣнилъ латинской.

Во всякомъ случаѣ, Глаголица не принадлежитъ Западу, какъ не принадлежитъ ему и Кириллица. Присвоивать Глаголицу себѣ Западъ можетъ только развѣ въ силу неправильнаго, незаконнаго и

уже нисколько не научнаго захвата. По всему вѣроятію, Глаголица была обрѣтена у восточныхъ Славянъ тѣмъ же св. Кирилломъ, которымъ изобрѣтена и дана Славянамъ также и Кириллица. Противъ такой вѣроятности до сихъ поръ не предъявлено и никогда не существовало никакихъ неоспоримыхъ возраженій. Въ защиту же ея говорятъ невольно и друзья и враги по вопросу о Глаголицѣ. Въ этой вѣроятности неизбѣжно примиряются всякія pro и contra. Разсмотримъ послѣ тѣ важнѣйшія древнія свидѣтельства, которыя стоятъ на сторонѣ обрѣтенія, а не изобрѣтенія св. Кирилломъ Глаголицы. Свидѣтельства эти говорятъ ясно, что не только Кириллица, но и Глаголица изначально и вполнѣ принадлежитъ, по всему праву, намъ, Руси, а не Западу.

Далѣе мы печатаемъ здѣсь нѣсколько мѣстъ изъ безспорно древнѣйшаго славянскаго перевода книгъ Св. Писанія, сохранившагося на Руси. Если не прямо, то тѣмъ не менѣе близко, переводъ этотъ относится къ тѣмъ мало еще извѣстнымъ, мало разобраннымъ нашимъ памятникамъ, на основаніи которыхъ не одинъ только вопросъ о Глаголицѣ, но и другіе, не менѣе важные вопросы могутъ быть подвинуты на пути къ окончательному своему разрѣшенію, не умозрительно только, а документально. Въ немъ явны какъ примѣры глаголитизма, такъ и примѣры первоначальной, драгоцѣнной редакціи. Приглашаемъ нашихъ ученыхъ славянистовъ обратить на нихъ подобающее вниманіе науки.

О путешествіи св. братій Кирилла и Меѳодія изъ Корсуни въ Хозарію и объ апостольской ихъ дѣятельности тамъ, такъ говоритъ высокопреосвященный Макарій: «Изъ Корсуни оба брата отправились на корабляхъ Меотическимъ озеромъ къ Кавказу, прошли чрезъ Кавказскія горы къ Каспійскимъ вратамъ, гдѣ тогда находились Казары, и съ честію были приняты хазарскимъ ханомъ. Послѣ неоднократныхъ жаркихъ преній о вѣрѣ съ Казарами, Сарацинами и особенно съ Евреями, какія имѣлъ, въ присутствіи самого хана, Константинъ, и которыя записалъ потомъ Меѳодій, раздѣливши на восемь главъ или словесъ, братія-апостолы, съ помощію Божіею, достигли цѣли своего посольства: самъ князь, бояре его и множе-

ство народа увѣровали во Христа и приняли св. крещеніе. Тогда, оставивши у нихъ, для дальнѣйшихъ успѣховъ благовѣстія, священниковъ, пришедшихъ изъ Херсонеса, Константинъ и Меѳодій, сопутствуемые множествомъ освобожденныхъ, по ихъ просьбѣ, изъ плѣна Грековъ, и съ благодарственнымъ письмомъ отъ кагана къ греческому императору, возвратились на свою родину». Всѣ эти съѣдѣнія почерпнуты въ извѣстіяхъ, современныхъ жизни самихъ равноапостольныхъ братьевъ, и, значитъ, такихъ, подлинность которыхъ, по крайней мѣрѣ въ основныхъ чертахъ, какъ говоритъ высокопреосвященный, здравою критикою не можетъ быть отвергнута. Въ этихъ же извѣстіяхъ, именно въ паннонскомъ житіи св. Кирилла мы находимъ описанія его преній съ іудеями, и въ этихъ преніяхъ приводятся различныя мѣста изъ Св. Писанія. Судя по несомнѣнной древности того памятника, въ которомъ приводятся эти мѣста, нельзя не заключить, что онѣ принадлежатъ самой первичной редакціи перевода Св. Писанія. Приводимъ нѣкоторыя изъ этихъ мѣстъ въ сличеніи ихъ съ такими же мѣстами по библіямъ, находящимся у насъ подъ руками.

Книги Быт. гл. XLIX, ст. 10.

Славянскій текстъ по переводу, находящемуся въ изборникѣ Григорія, еп. Болгарскаго, лист. 66.	Житіе Константина Философа по рукописи библ. Московской Дух. Академіи подъ № 19.
Не оскоудеетъ бо кизязь отъ Иоуды и владыка отъ стегноу его. дондеже придеть емоуже щадится. и то чааніе языкомъ.	Не оскудѣетъ князь отъ Іуды, ни игуменъ отъ стегну его, дондеже пріидетъ, емуже ся щадитъ, и тъи чяаніе языкомъ.
Славянскій переводъ съ еврейскаго по рукописи XV вѣка, хранящейся въ Моск. Глав. Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ подъ № $\frac{354}{803}$.	Славянскій текстъ Острожской библіи 1580 г.
Не скнчается князь отъ Іюды. ни старѣишина отъ плода его дондѣже пріидеть намѣненіе ему и тъи чааніе языкомъ.	И не скончается князь отъ Іоуды ни старѣишина отъ чреслъ его. дондеже пріидетъ намѣненіе ему и той чааніе языкомъ.

Примѣч. Намѣненіе, намѣненіе — ἀποκείμενα, sorte destinatum. Миклошичъ въ своемъ лексиконѣ (Palaeoslovenico-Graeco-Latino. Vindobonae. 1863. fasciculo III, pag. 407), приводя это слово, указываетъ, что оно употреблено кн. Бытія гл. 49, ст. 10, въ харатейномъ кодексѣ на сербскомъ языкѣ, XVI вѣка, in folio, принадлежавшемъ прежде Михановичу и содержащемъ въ себѣ Пятикнижіе и нѣкоторыя другія части Ветхаго Завѣта (Pont—Mih.). Pentateuchus et aliae quaedam Veteris Testamenti partes, cod. chart. saec. XVI. in fol. serb. olim A. Mihanowić (Fascicul. VI. pag. XVII. in compendio).

Необыкновенно важное подтвержденіе глубокой древности обоихъ памятниковъ, сохранившихъ въ себѣ одинаковый переводъ этихъ мѣстъ Григоріева изборника, какъ и житія св. Кирилла, очевидно слѣдуетъ изъ разительнаго сходства самого ихъ перевода. Несомнѣнная древность одного изъ нихъ несомнѣнно подтверждается древностью другаго. Не менѣе важно здѣсь удостовѣреніе также и въ томъ, что мѣста эти принадлежатъ одинаково къ самой первичной редакціи славянскихъ переводовъ Св. Писанія, такъ какъ никакого другаго извода не могъ имѣть подъ рукою древнѣйшій написатель паннонскаго житія. Позднѣйшія, очевидно, исправленныя редакціи далеко разнятся отъ первичнаго извода, какъ это видно изъ приведенныхъ нами мѣстъ по рукописи XV вѣка и по Острожской библіи. Въ житіи св. Кирилла мы видимъ только небольшую, вѣроятно, позднѣйшую замѣну древняго слова в л а д ы к а, какъ стоитъ оно въ и з б о р н и к ѣ Г р и г о р і е в о м ъ, другимъ словомъ и г у м е н ъ. Но оба памятника совершенно одинаково сохранили всѣ прочія выраженія, и, въ томъ числѣ, довольно рѣдкія: «е м у ж е щ а д и т с я, и е м у ж е с я щ а д и т ъ».

Книги прор. Іереміи гл. XXXI, ст. 31, 32, и 33.

Славянскій текстъ по переводу, находящемуся въ изборникѣ Григорія, еп. болгарскаго, лист. 126.	Житіе Константина Философа, по рукописи библ. Моск. Духов. Академіи подъ № 19.
Се днье грядуть глаголетъ Господь и завѣщаю домоу Израилеву и домоу Июдову завѣтъ новъ.	Се дніе грядуть глаголетъ Господь и завѣщаю дому Іудову и дому Израилеву завѣтъ новъ.

Не по завѣтоу иже завѣщахъ отцемъ ихъ въ дни емшю ми я за роукоу ихъ извести я отъ земля Египет'скыя ꙗко ти не прѣбыша въ завѣте моемъ. и азъ нерадихъ о нихъ глаголетъ Господь.

ꙗко завѣтъ. иже завѣщаю домоу Израилеву и домоу Іюдову. по днехъ онѣхъ глаголетъ Господь даꙗ законы моя въ помышление ихъ. и на сердци ихъ напишю я. и боудоу имъ Богъ. и ти боудоуть мнѣ людие.

Не по завѣту, иже завѣщахъ отцемъ вашимъ, пріимшу ми руку ихъ извести ихъ изъ земля Егупетьскыя, ꙗко и ти не пребыша въ завѣтѣ моемъ и азъ возненавидѣхъ я.

ꙗко се завѣтъ мои, иже завѣщаю дому Израилеву, по днехъ онѣхъ, рече Господь, даю законы моа въ помышленіа ихъ, и на сердцихъ ихъ напишу я, и буду имъ Богъ, и ти будутъ ми въ люди.

Славянскій текстъ Острожской библіи 1580 г.

Се дніе грядутъ, глаголетъ Господь, и завѣщаю дому Израилеву и дому Іоудину завѣтъ нов'.

не по завѣту иже завѣщахъ отцемъ их', въ день, в онь же появшу ми за руку ихъ, и възвести я отъ земля Егупет'ски, ꙗко тіи не пребыша в' завѣтѣ моемъ, и азъ небрегохъ ихъ глаголетъ Господь.

ꙗко се завѣтъ иже завѣщаю дому Израилеву по днехъ тѣхъ глаголетъ Господь. даю законы моя въ оумы ихъ, и на сердцыхъ ихъ напишу я, и буду имъ въ Богъ и тіи будутъ ми въ люди.

Книги прор. Іереміи гл. VI, ст. 16 и 17.

Славянскій текстъ по переводу, находящемуся въ изборникѣ Григорія, еп. болгарскаго, лист. 285.

Тако глаголеть Господь, станете на поутехъ и видите и въпросите о стезяхъ Господняхъ вѣчныхъ. и видите кыи есть цоуть благъ. и ходите по немоу. и обрящете святыню душамъ вашимъ. и рѣша не пойдемъ.

Поставихъ на васъ блюстителя.

Житіе Константина Философа по рукописи Моск. Духовн. Академіи подъ № 19.

Тако глаголеть Господь въседръжитель. станете на путехъ и видите, и въпросите на стъзя Господня вѣчныя, и видите, которыи есть путь истин'ныи, и ходите по нему, и обрящете оцѣщеніе душамъ вашимъ и рѣша не идемъ.

Поставихъ въ васъ блюстителя,

слышите гласъ трубы. и рѣша не послушаемъ. сего ради оуслышать ꙗзыци и пасоущеи стада в нихъ.	послушайте гласа трубы, и рѣша не послушаемъ. сего ради услыша ꙗзыци и пасущіи стада въ нихъ.

Славянскій текстъ Острожской библіи 1580 г.

Сія рече Господь стоите на путехъ и видѣте, и въпросите отъ стезь древнихъ, ихъже будетъ путь благъ. и ходите по нихъ, и обрящете прохлажденіе душамъ вашимъ. и рекоша, не ходимъ.

И поставихъ на васъ стража, и рекохъ, слышите гласъ трубы. и рекоша не оуслышимъ. сего ради слышите ꙗзыцы и познайте събраніе.

Мѣста изъ пророчества Іереміи, одинаковыя по древнѣйшему своему изводу какъ въ изборникѣ Григоріевомъ, такъ и въ житіи св. Кирилла, также подтверждаютъ одинаковую древность этого первичнаго извода. Замѣчательно, что тотъ же самый порядокъ, въ какомъ приводятся мѣста изъ этого пророчества въ изборникѣ Григоріевомъ, соблюденъ и въ житіи св. Кирилла. Именно мѣста эти въ обоихъ памятникахъ приводятся въ такомъ порядкѣ: прор. Іереміино гл. XXXI, ст. 31, 32, 33, а затѣмъ гл. VI, ст. 16 и 17.

Въ свидѣтельствахъ въ пользу древняго, чисто славянскаго происхожденія и употребленія Глаголицы нѣтъ никакой возможности усомниться, хотя разработка и оцѣнка этихъ свидѣтельствъ и совершалась, не всегда согласными между собою во взглядахъ, извѣстными нашими славянистами. Всѣ эти свидѣтельства можно подраздѣлить: 1) на такъ называемыя отрицательныя и непрямыя свидѣтельства въ пользу древности глаголитизма, относящіяся къ тому, чѣмъ или какимъ изобрѣтеніемъ не можетъ быть Глаголица, иначе: кѣмъ не могла она быть изобрѣтена; и 2) на положительныя и прямыя, удостовѣряющія въ томъ, что Кириллъ изобрѣлъ только Кириллицу, и что славянскія или русскія письмена, бывшія и до него еще въ употребленіи и обрѣтенныя имъ въ Корсуни, были никакъ не готскія, а славянскія, и по условіямъ своего мѣстнаго существованія, какъ и по извѣстнымъ обстоятельствамъ обрѣтенія ихъ св. Кирилломъ, не могутъ не совпадать съ всеобще признанными отличительными примѣтами Глаголицы, и что, слѣдовательно, Глаголица существовала у Славянъ еще раньше, чѣмъ Кириллица; и какъ никакихъ другихъ буквъ, кромѣ

этихъ обрѣтенныхъ св. Кирилломъ въ Корсуни русскихъ буквъ, т. е., Глаголицы, у Славянъ, ранѣе Кириллицы, не было, то Глаголица и должна, по всему праву, быть признана за азбуку русскую или славянскую, самую древнюю, существовавшую у юго-восточныхъ Славянъ и въ Черноморской Руси еще задолго до Кириллицы, а никакъ не за какое-либо позднѣйшее изобрѣтеніе, будетъ ли то кирилловское или западное.

Разсмотримъ эти свидѣтельства, на сколько дозволитъ намъ объемъ нашего изслѣдованія, посвященнаго, по преимуществу, другимъ предметамъ.

Въ числѣ первыхъ, отрицательныхъ, непрямыхъ свидѣтельствъ въ пользу древности глаголитизма, мы видимъ явныя доказательства тому: 1) что Глаголица никакъ не могла быть изобрѣтеніемъ ни Кирилла, ни Климента, ни Богомиловъ, ни Патарековъ, ни позднѣйшимъ, и 2) что происхожденіе древнѣйшей Глаголицы отнюдь не паннонское, да и не болгарское. Въ числѣ вторыхъ, прямыхъ, положительныхъ свидѣтельствъ въ пользу обрѣтенія св. Кирилломъ въ Корсуни именно Глаголицы, мы находимъ достовѣрныя древнѣйшія показанія, неоспоримо убѣждающія: 1) въ дѣйствительномъ обрѣтеніи св. Кирилломъ именно славянскихъ, или русскихъ, а не какихъ-либо другихъ письменъ въ Корсуни; а также въ томъ, 2) что письмена эти не могли имѣть никакого другаго, кромѣ мѣстнаго происхожденія, именно еврейско-самаритянскаго и славянскаго; и 3) что Глаголица носитъ на себѣ явные слѣды такого же именно происхожденія, а потому и есть эти самыя древнѣйшія славянскія письмена.

Относительно того, что Глаголица не была изобрѣтеніемъ св. Кирилла, существуютъ слѣдующія доказательства.

Мнѣніе объ изобрѣтеніи Кирилломъ Глаголицы было высказано, какъ извѣстно, Шафарикомъ въ его послѣднемъ трудѣ о Глаголицѣ [1]). Никакихъ новыхъ документовъ въ подтвержденіе этого мнѣнія представлено Шафарикомъ не было. Изъ числа же тѣхъ, на которые онъ особенно указываетъ въ защиту этого новаго своего

---

[1]) Ueber der Ursprung und die Heimath des Glagolitismus. Von P. J Safarik. Prag. 1858.

мнѣнія, онъ представляетъ одинъ только документъ, не отличающійся, какъ извѣстно, большою достовѣрностью. Это краткое житіе Климента, въ которомъ говорится о Климентѣ, какъ о составителѣ другаго алфавита для Славянъ, для большей ясности въ чтеніи и письмѣ; а какъ алфавитовъ у Славянъ всего только два, Кириллица и Глаголица, и какъ первая оказывается, по разнымъ соображеніямъ, относительно происхожденія своего моложе послѣдней, и, при томъ, яснѣе для чтенія и письма, то Шафарикъ и заключаетъ отсюда, что она-то именно и была изобрѣтена Климентомъ, и что слѣдовательно, за тѣмъ, изобрѣтеніе Глаголицы должно быть приписано только Кириллу, такъ какъ никакой другой еще изобрѣтатель азбуки для Славянъ, по древнимъ свидѣтельствамъ, неизвѣстенъ. Всѣ подобныя соображенія Шафарика, какъ уже доказано, держатся на одномъ только весьма недостовѣрномъ документѣ—краткомъ житіи Климента—и потому не имѣютъ никакого ручательства за свою непреложность; никакихъ же другихъ болѣе основательныхъ подтвержденій въ пользу изобрѣтенія Кирилломъ Глаголицы до сихъ поръ никѣмъ еще не представлено.

Вмѣстѣ съ уничтоженіемъ достовѣрности въ пользу изобрѣтенія Глаголицы св. Кирилломъ, рушится всякая возможность приписывать ее изобрѣтеніе также и Клименту, такъ какъ никакого доказательства въ пользу такого изобрѣтенія нигдѣ мы не отыщемъ, а за тѣмъ ни Климентъ, ни Кириллъ одинаково не могутъ быть признаны за ея изобрѣтателей.

Что касается до того предположенія, высказаннаго нѣкоторыми учеными, будто бы Глаголица была изобрѣтеніемъ Богумила и составляла собственность его послѣдователей и Патарековъ, то такое предположеніе, какъ извѣстно, рѣшительно опровергается самыми глаголитскими памятниками, въ которыхъ нѣтъ ни слѣда какихъ либо богомильскихъ или патарекскихъ заблужденій. Если же эти лжеучители и держались упорно глаголитскаго письма, то, конечно, только за его старину, за его бо́льшую древность передъ Кириллицей, какъ и вообще всѣ староверы.

Относительно позднѣйшаго происхожденія древней Глаголицы передъ Кириллицей славянская наука не имѣетъ также никакихъ доказательствъ. Но что происхожденіе древней Глаголицы, какъ не пан-

ионское, такъ и не болгарское, то въ этомъ прямымъ доказательствомъ несостоятельности предположеній о такомъ именно происхожденіи Глаголицы можетъ, неоспоримо, служить самый споръ, нерѣшенный и до сихъ поръ, между защитниками обѣихъ этихъ крайнихъ мнѣній. Очевидно, самый этотъ споръ уже доказываетъ, что ни то, ни другое изъ нихъ не имѣетъ за себя никакого неоспоримаго, перевѣшивающаго свидѣтельства.

Но обратимся къ прямымъ положительнымъ свидѣтельствамъ въ пользу обрѣтенія св. Кирилломъ въ Корсуни именно славянскихъ, или русскихъ, а не другихъ какихъ либо письменъ.

Письмена, обрѣтенныя св. Кирилломъ въ Корсуни называются, въ древнемъ житіи его, прямо русскими. Что эти русскія письмена не были нисколько готскими, какъ думаетъ Шафарикъ, а за нимъ и нѣкоторые другіе, то, какъ мы уже упомянули выше, наука не имѣетъ никакихъ основаній понимать свидѣтельство современника и ближайшаго ученика св. Кирилла, совершенно въ противность его собственному заявленію, и подъ названными имъ «русскими» письменами разумѣть «не-русскія», а готскія письмена. Никакими также и другими письменами изъ числа какихъ бы то ни было извѣстныхъ письменъ онѣ, одинаково, быть не могли, иначе объ этомъ, безъ сомнѣнія, упомянулъ бы написатель житія Кириллова, и, говоря о ихъ названіи, не назвалъ бы ихъ, конечно, русскими, а назвалъ бы настоящимъ ихъ именемъ.

Какія же, всего естественнѣе, могли быть эти «русскія», или, что тоже, прямо славянскія, а не какія либо другія письмена, обрѣтенныя св. Кирилломъ въ Корсуни, послѣ чего онъ вскорѣ изобрѣлъ свои новыя славянскія письмена «не на тужемъ основаніи»?

Для рѣшенія этого вопроса разсмотримъ ближе только самыя древнія и достовѣрныя свидѣтельства объ этомъ предметѣ. Изъ того же, помянутаго выше, древнѣйшаго житія св. Кирилла мы узнаемъ, что у западныхъ Славянъ, къ которымъ отправлялись на проповѣдь св. братья, послѣ обрѣтенныхъ ими русскихъ письменъ въ Корсуни и путешествія ихъ въ Хозарію, не было еще никакихъ своихъ, особенныхъ славянскихъ письменъ. Изъ этого очевидно, что корсунскія письмена, извѣстныя юго восточнымъ Славянамъ, въ это время не были еще въ употребленіи у прочихъ Славянъ,

не были имъ даже извѣстны. Храбръ говоритъ, что Славяне, до христіанства, «погани суще, не имѣяху книгъ, но читаху и гадаху чертами и рѣзами», подъ чѣмъ, безъ сомнѣнія, онъ разумѣетъ древнѣйшее время употребленія славянскихъ рунъ. Не эти, конечно, руны обрѣлъ св. Кириллъ въ Корсуни, такъ какъ онъ обрѣлъ не рѣзы и черты, но письмена и книги. Храбръ также свидѣтельствуетъ, что, позднѣе, уже по принятіи христіанства, «крестившежеся» Славяне «греческими и римскими письмены нуждахуся писати словѣнскую рѣчь безъ устроенія». Не эти опять письмена обрѣлъ Кириллъ въ Корсуни; ибо такія, хотя бы и неустроенныя, греческія и римскія письмена не представляли бы ему никакого затрудненія для чтенія написанной ими, хорошо знакомой ему какъ Солунянину, славянской рѣчи. Всѣ Солуняне, а тѣмъ болѣе ученый Кириллъ, просвѣтитель Славянства, какъ извѣстно, часто бесѣдовалъ по-славянски; что же касается до греческихъ и римскихъ буквъ, то изучать ихъ св. братьямъ также не было надобности. Не были эти письмена также и готѳскія, которыя, какъ извѣстно, были хорошо знакомы св. Кириллу, такъ какъ онъ не только изучилъ готѳское евангеліе, но даже и пользовался нѣкоторыми выраженіями изъ него, при своемъ преложеніи чтеній евангельскихъ [1]).

Русскія письмена, обрѣтенныя въ Корсуни св. Кирилломъ, были для него совершенно новыми, незнакомыми ему письменами. Письмена эти, какъ свидѣтельствуетъ житіе св. Кирилла, были какія-то жидовско-самарянскія и русскія письмена, которыя изучалъ и которымъ скоро научился св. Кириллъ, какъ и бесѣдѣ по-жидовски и по-русски. Выше мы уже объясняли, что ни бесѣда, ни письмена эти не могли быть ни еврейскими, ни самаритянскими, а обыкновенными рѣчью и письменами, такъ какъ славянскому апостолу не было, конечно, никакой надобности учиться ни бесѣдовать, ни читать по еврейско-самарянски, тѣмъ болѣе, что уже и прежде того Константинъ Философъ, какъ ученый объяснитель Соломоновой надписи на чашѣ, не могъ не знать еврейскаго языка. Имѣя въ виду, при поѣздкѣ въ Хозарію, исключительно обращеніе только жидовствующихъ Славянъ, св. Кириллъ, безъ всякаго сомнѣнія, изучалъ въ

[1]) Невоструевъ. Кирилло-Меѳод. Сборн. 224—225.

Корсуни, на пути въ Хозарію, только ихъ бесѣду, только ихъ письмена, и какъ эта бесѣда, такъ и эти письмена были, весьма естественно, тотъ славянскій устный и письменный языкъ, то славянское нарѣчіе, которымъ говорили и писали Хозарскіе Славяне, какъ христіане, такъ и жидовствующіе, и даже самые Евреи, жившіе въ Хозаріи. Письмена, употреблявшіяся для выраженія славянской рѣчи въ этой, по преимуществу іудействовавшей странѣ, не могли, конечно, не отличаться своимъ мѣстнымъ, восточнымъ, еврейскимъ характеромъ, и какъ не чисто еврейскія, а только составленныя для русской, т. е., славянской, рѣчи, по образцу еврейскихъ или самаритянскихъ буквъ и древне-славянскихъ рунъ, или чертъ и рѣзъ, по выраженію Храбра, они и названы въ житіи св. Кирилла то жидовскими, то самарянскими, то русскими. Этой-то рѣчи, этимъ-то письменамъ, дѣйствительно настояла существенная потребность поучиться, въ Корсуни, славянскимъ апостоламъ, въ видахъ предстоявшей имъ славянской ихъ проповѣди въ Хозаріи, и они, дѣйствительно, какъ мы видимъ, прежде всего, занялись изученіемъ, какъ этой бесѣды, такъ и книгъ, писанныхъ этими письменами, носившими на себѣ всѣ примѣты своего чисто мѣстнаго еврейско-славянскаго происхожденія.

Такія же точно примѣты, такой же точно характеръ и у Глаголицы. Очевидно, она и есть тѣ самыя письмена, которыя обрѣлъ св. Кириллъ у юго-восточныхъ Славянъ въ Корсуни и съ помощію которыхъ, вскорѣ за тѣмъ, онъ изобрѣлъ и новыя письмена для всѣхъ Славянъ, переложивши на эти письмена обрѣтенныя имъ древнѣйшіе глаголическіе переводы книгъ жидовскихъ, т. е. Ветхаго Завѣта и, кромѣ того, Евангелія.

Характеръ Глаголицы, какъ мы уже сказали, вполнѣ оправдываетъ такое ея происхожденіе.

Неизвѣстными составителями Глаголицы были, неоспоримо, восточные ученые и, всего вѣрнѣе, хозарскіе евреи. Это ясно изъ того еврейско-самаритянскаго и финикійскаго характера, какимъ отличаются въ ней нѣкоторыя буквы, какъ, напр., тѣ, которыя напоминаютъ собою еврейскія: алефъ, ге, іодъ, цаде, кофъ, шинъ; буква: «твердо» взята прямо съ эѳіопскаго. Отсюда же заимствованы въ Глаголицу многія петли и колечки при разныхъ ея бук-

вахъ: буква: «буки» похожа на финикійскую (киликійскаго начертанія), на древне-еврейскую, арамейскую и пальмирскую, взятую въ обратномъ положеніи и съ добавкой одной черты. Вообще, по розысканію нѣкоторыхъ ученыхъ, всѣ глаголическія начертанія взяты изъ семитическихъ алфавитовъ, и частію изъ оботритскихъ и пальмирскихъ рунъ. Ученый Ганушъ находилъ даже въ самомъ названіи славянскихъ буквъ нѣкоторое сходство съ именами сѣверныхъ и другихъ рунъ. Вообще, составъ славянскаго алфавита онъ почиталъ плодомъ развитія цѣлыхъ столѣтій, и, конечно, такое развитіе Глаголицы, судя по отличительнымъ ея признакамъ, указываетъ прямо на мѣстное, восточное, еврейско-славянское ея начало.

Самое названіе древнѣйшей Глаголицы азбукой болгарской — Abecenarium Bulgaricum—также вполнѣ оправдываетъ сказанное ея хозарско-еврейское происхожденіе. Извѣстно, что въ составѣ народностей, подвластныхъ Хозарамъ, была не малая доля также и Болгаръ. Языкъ болгарскій и языкъ славянскій считался за одно, Болгаре были тѣ же Славяне, отличавшіеся отъ другихъ славянскихъ народностей, какъ и другія, только своимъ родовымъ происхожденіемъ, да династическимъ управленіемъ и прозваніемъ, по своимъ добророднымъ мужамъ (болярамъ, бол'арамъ, боярамъ), стоявшимъ нѣкогда подъ управленіемъ высшей и общей для всѣхъ доброродныхъ славянскихъ племенствъ, династіи хозарской. Большой разницы отъ другихъ восточныхъ славянскихъ нарѣчій, какъ уже доказано въ славянской наукѣ, языкъ болгарскій не представлялъ. Между тѣмъ, развитіе богатой христіанской письменности въ этой восточной славянской народности явилось, какъ извѣстно, ранѣе противъ другихъ Славянъ; да и письмена славянскія, Глаголица — буквица, — были принесены св. Кирилломъ изъ Хозаріи отъ восточныхъ Болгаръ и Славянъ прежде къ западнымъ Болгарамъ, а затѣмъ уже св. Кириллъ отправился къ Моравамъ [1]) со

[1]) Ассемани Calend. eccl. t. III. p. 18. Шлецеръ ч. II, стр. 416. Куникъ „Донесен. о матеріал. для ист. Болг. Церкви“ (Записки Ак. Наукъ, V, 254—256). Синаксарь XV в. (Изв. II Отд. Ак. Наукъ, V, 384).

вновь изобрѣтенной имъ въ Константинополѣ азбукой Кириллицей—литерицей.

Во всякомъ случаѣ, языкъ болгарскій назывался безразлично то болгарскимъ, то славянскимъ, то русскимъ, а сами св. братья назывались болгарскими книжниками[1]). Отсюда и названіе древле-славянской азбукѣ, т. е., Глаголицѣ, весьма естественно дано было по Болгарамъ,—почему въ Болгаріи,—откуда, по всей вѣроятности занесена она была въ Парижъ, — она и называлась болгарскою, какъ въ Корсуни, у Славянъ, управлявшихся племенствомъ Руссовъ, называлась она русскою, а у Славянъ, управлявшихся племенствомъ Хозаръ, называлась хозарскою. Замѣчательно, что никакихъ памятниковъ собственно хозарскаго языка не существуетъ даже на монетахъ, да не могло, конечно, и быть ихъ, такъ какъ языкъ хозарскій былъ, какъ мы уже видѣли выше, тотъ же славянскій, болгарскій, или русскій языкъ.

Древность Глаголицы сравнительно съ Кириллицей доказывается, между прочимъ:

1) самой неизвѣстностью объ эпохѣ ея составленія;

2) отсутствіемъ всякаго достовѣрнаго свидѣтельства о ея изобрѣтателѣ;

3) отсутствіемъ всякаго доказательства въ пользу появленія ея послѣ Кириллицы;

4) невозможностью изобрѣтенія ея ни у западныхъ Славянъ, принявшихъ латинскую вѣру и ревниво стоявшихъ за употребленіе только латинскихъ буквъ; ни у Славянъ, принявшихъ православіе отъ Византіи, и, потому, естественно державшихся только греческаго алфавита;

5) самымъ видомъ глаголическаго письма, гораздо менѣе простымъ и менѣе красивымъ, чѣмъ позднѣйшая Кирилловская азбука, и, отъ того, конечно, не составлявшимъ позднѣйшаго развитія и усовершенія этой послѣдней.

6) Одно даже названіе Глаголицы, или буквицы, хотя и позднѣйшее, но прямо производимое отъ славянскаго слова: глаголать, какъ и названіе ея буквы: «глаголь», и другихъ буквъ въ ней

---

[1]) Кирилло-Меѳод. Сборн. 95—105.

указываютъ на происхожденіе ея внѣ позднѣйшаго греческаго, какъ и римскаго вліянія на ея образованіе. (Ясно, что это названіе дано ей въ хозарской славянской буквѣ, составителями ея евреями, говорившими только по-славянски и не находившимися нисколько ни подъ тѣмъ, ни подъ другимъ вліяніемъ). Названія эти могли перейти и въ Кириллицу, но, конечно, уже, по примѣру Глаголицы, какъ первоначальной славянской азбуки, образовавшейся вдали отъ византійскаго вліянія, въ такой славянской странѣ, какова была, напр., Хозарія. Названіе буквы: «еръ», въ abecenarium bulgaricum) «peller», указываетъ на еврейское: «пиллелъ» פִּלֵּל, separavit, довольно близко выражающее значеніе этой буквы въ славянской письменности, какъ служащей для раздѣленія одного слова или даже слога отъ другаго. Тоже указаніе даетъ и названіе буквы ш «sa», иже—ise, какъ и другія названія, напоминающія еврейское произношеніе.

7) Свидѣтельство похвальнаго слова Константину и Меѳодію объ азбукѣ, вновь изобрѣтенной Кирилломъ «не на тоужемь основании», ясно указываетъ на уже бывшую тогда у Славянъ азбуку, которую Кириллъ замѣнилъ другою, вновь имъ составленною, на другомъ основаніи, именно, на греческомъ, какъ это мы и видимъ въ Кириллицѣ, а не на восточномъ, лежавшемъ въ составѣ Глаголицы.

8) Нигдѣ еще не найдено никакихъ палимпсестовъ, гдѣбы Кирилловское письмо было стерто или выскоблено, но есть такіе, которые писаны Кириллицей по уничтоженной Глаголицѣ.

9) Кирилловскія прибавки въ глаголитскихъ рукописяхъ составляютъ только позднѣйшія толкованія или дополненія.

10) Встрѣчаются кирилловскіе списки съ глаголитскихъ подлинниковъ, а не на оборотъ,—по крайней мѣрѣ, въ древнѣйшее время.

11) Въ такихъ древнѣйшихъ спискахъ кирилловскія буквы употребляются въ числовыхъ знакахъ по глаголитскому способу. Таковы же въ нихъ собственно глаголитскія слова, выраженія и разныя формы словопроизводства и измѣненія въ окончаніяхъ. На оборотъ же, въ глаголитскихъ спискахъ не встрѣчается примѣтъ списковъ кирилловскихъ.

Наконецъ 12) въ рукописяхъ глаголитскихъ,—разумѣемъ только

древнѣйшія, булгарской, а не хорватской семьи,—содержится гораздо больше старыхъ выраженій, нежели въ рукописяхъ кирилловскихъ.

Кирилловское правописаніе, какъ и вообще грамматика и слогъ совершеннѣе, и, слѣд., позднѣе, глаголитскихъ.

Таковы немаловажныя свидѣтельства въ пользу древнѣйшаго происхожденія первоначальной глаголической письменности у Славянъ.

Въ заключеніе всего сказаннаго, позволимъ себѣ одно только замѣчаніе. Мы, съ своей стороны, не можемъ не удивляться, какъ до сихъ поръ не было обращено самаго главнаго вниманія, по вопросу о Глаголицѣ, на слѣдующее, самое простое и естественное сопоставленіе двухъ самыхъ важныхъ и неоспоримо древнихъ и достовѣрныхъ свидѣтельствъ въ данномъ отношеніи. Изъ такого сопоставленія, безъ всякихъ мелочныхъ соображеній, само собою опредѣляется, какъ отношеніе Глаголицы къ Кириллицѣ, такъ и обрѣтеніе первой св. Кирилломъ именно въ Херсонесѣ.

Вотъ это сопоставленіе, окончательно рѣшающее, для всякаго безпристрастнаго изслѣдователя, излишне усложненный вопросъ о Глаголицѣ.

Изъ сказанія черноризца Храбра мы узнаемъ, что св. Кириллъ обрѣлъ въ Корсуни русскія письмена; Храбръ же удостовѣряетъ, что Кириллъ изобрѣлъ азбуку для Славянъ, составивши ее изъ имѣвшейся уже славянской азбуки, съ дополненіемъ 14 буквъ ея остальными 32 буквами [1]). Но эти 14 буквъ прямо глаголическія, остальныя же-греческія. Какъ еще прямѣе, на вразумленіе потомства, могъ бы свидѣтельствовать Храбръ о томъ, что эти 14 славянскихъ, т. е., глаголическихъ буквъ существовали ранѣе Кириллицы и, за тѣмъ уже, вошли въ составъ Кириллицы, а слѣдственно что и вся Глаголица, изъ которой онѣ взяты въ Кириллицу,

---

[1]) „И сьи (Кириллъ) сътвори имъ 30 письменъ и 8, ова оубо по чину, грьчьскихъ письменъ, ова же по словѣньстѣй рѣчи . . . И якоже они подобльшеся жидовьскимъ письменемъ сътвориша, тако и сьй грьчьскимъ . . . четыринадесять по словеньску языку сия суть: б, ж, ѕ, ц, ч, ш, щ, ъ, ы, ь, ѣ, ю, ж, ѫ.“

древнѣе Кириллицы, и обрѣтена была св. Кирилломъ же въ Корсуни, куда она перешла изъ Хозаріи, гдѣ и была составлена для Славянъ по образцу еврейскаго алфавита? Если бы кто, желая оставаться безпонятнымъ даже и къ такому ясному, положительному свидѣтельству Храбра о Глаголицѣ, задался еще такимъ вопросомъ: дѣйствительно-ли, однако, эта именно славянская азбука, эта самая Глаголица, а не другая какая-либо славянская же или что одно и тоже, русская азбука обрѣтена была св. Кирилломъ въ Корсуни,—то и на такой вопросъ отвѣтъ готовъ въ указанномъ первомъ, не менѣе древнемъ и достовѣрномъ свидѣтельствѣ.

Житіе св. Кирилла прямо удостовѣряетъ, что по возвращеніи св. братьевъ изъ поѣздки отъ восточныхъ Славянъ, изъ Хозаріи, гдѣ въ Корсуни обрѣли они русскія, или славянскія письмена, было положительно уже извѣстно для всѣхъ, какъ и для самаго императора, что никакихъ другихъ письменъ у западныхъ Славянъ, къ которымъ шли св. братья, не существуетъ. [1]) Храбръ также нисколько не противорѣчитъ этому, когда говоритъ, что Славяне,—конечно западные, читаютъ и гадаютъ чертами и рѣзами, что они вынуждаются писать буквами греческими и латинскими безъ устроенія [2]), тогда какъ у восточныхъ Славянъ, по свидѣтельству житія Кириллова, уже существовали въ это время русскія письмена и переводы Св. Писанія [3]). Не ясно-ли послѣ того, что эти только русскія, или, что тоже, славянскія письмена, а никакія другія не существовали въ это время, что ихъ-то обрѣлъ св. Кириллъ въ Корсуни, ихъ-то дополнилъ греческими буквами для составленія новой славянской азбуки, и что письмена эти не что иное какъ Глаголица. Убѣдиться въ этомъ можетъ каждый совершенно наглядно, сличивъ Кириллицу и Глаголицу.

---

[1]) Царь Михаилъ, на вопросъ Кирилла, передъ поѣздкой его въ Моравію, о томъ: аще имоуть боукви въ языкъ свой, отвѣчалъ: дѣдъ мой, и отецъ мой, и иніи мнози, искавше того, не обрѣли соуть, то како азъ то могоу обрѣсти (Житіе св. Кирилла).

[2]) „Прежде оубо (Кирилла) Словене не имѣху книгъ, нъ чрътами и рѣзами чьтѣху и гатааху, погани суще; крестившежеся, римьсками и гръчьскыми писмены нуждаахуся писати словѣньску рѣчь безъ устроениа."

[3]) Житіе св. Кирилла. въ Чт. Моск. Общ. Ист. 1863, II, Отд.III, стр. 11, 12, 23.

Что касается до помянутаго выше древле-славянскаго перевода, то очевидное происхожденіе его не позднѣе временъ св. славянскихъ учителей отъ хозарскихъ евреевъ, какъ и глаголическій, первоначальный изводъ его, свидѣтельствуется:

1) различными, указанными ниже, мѣстами въ немъ, современными св. братьямъ, а также митрополиту Иларіону, впослѣдствіи уже измѣненными;

2) различными, также приведенными ниже, доказательствами изъ этого перевода, свидѣтельствующими неоспоримо, какъ о первоначальномъ его глаголитизмѣ, такъ и о его происхожденіи не отъ LXX, а прямо съ еврейскаго подлинника, котораго во времена славянскихъ первопросвѣтителей, какъ и ранѣе и позднѣе, могли держаться только евреи, давно уже, еще съ первыхъ вѣковъ христіанства, переставшіе употреблять LXX и замѣнившіе его, какъ извѣстно, сначала переводомъ Аквилы, а потомъ другими переводами, или же подлинникомъ.

3) Переводъ, разсматриваемый нами, сдѣланъ, какъ мы уже доказали, при посредствѣ знаменитаго, лучшаго халдейскаго таргума Онкелоса, чѣмъ также неоспоримо свидѣтельствуются труды ученыхъ еврейскихъ раввиновъ. Такой замѣчательный переводъ не какихъ-либо немногихъ отдѣловъ Св. Писанія, а цѣлыхъ и многихъ книгъ изъ него, безспорно, не могъ не имѣть особенно важнаго побужденія для своего совершенія, какимъ, какъ мы также доказали, могло быть, конечно, господство іудейской вѣры въ Хозаріи, между хозарскими Славянами, которые при этомъ, не могли же, безъ сомнѣнія, обходиться въ своихъ синагогахъ безъ отечественнаго перевода В. Завѣта. Тамъ же, какъ извѣстно, еще въ VIII вѣкѣ, уже были христіане, имѣвшіе епископомъ сосѳенскаго затворника [1]), которые не могли также не имѣть въ своемъ богослуженіи славянскаго перевода Св. Писанія. Къ сожалѣнію, такой знаменитый памятникъ славянской древности и до сихъ поръ не обратилъ на себя внимательнаго, подробнаго изслѣдованія, и едва-ли даже не вовсе неизвѣстенъ для западныхъ ученыхъ, ознакомившихся первоначально изъ отзывовъ Добровскаго черезъ Альтера, только по Пражской и по Острож-

---

[1]) Житіе преп. Стефана на 28 Ноября.

ской библіямъ съ славянскими переводами Св. Писанія [1]). Помимо всего прочаго, даже и однѣ только сокровища древле-славянскаго языка, казалось бы, должны были давно уже возбудить всю ревность нашихъ филологовъ къ изученію этихъ драгоцѣнныхъ памятниковъ отечественной письменности. Къ несчастію, этого не случилось. Безъ всякаго близкаго изслѣдованія, по однѣмъ только непонятнымъ для науки и совершенно бездоказательнымъ предубѣжденіямъ, древнѣйшіе эти переводы оставлены въ покоѣ безъ всякаго строгаго изученія. Покой, конечно, дороже всего. И невозмутимо покоятся великолѣпные экземпляры этихъ рукописей прямо на глазахъ у дѣятелей нашей науки. Такъ, конечно, оно покойнѣе.

Замѣтимъ къ слову, по поводу глаголитизмовъ нашего древлеславянскаго перевода съ еврейскаго подлинника, что и въ другихъ нѣкоторыхъ переводахъ Св. Писанія, по древнѣйшимъ глагольскимъ памятникамъ, какъ и въ Кирилловскихъ, списанныхъ съ нихъ, изложеній напоминаетъ болѣе еврейскій, чѣмъ греческій подлинникъ. Такимъ объясненіемъ дѣла вполнѣ устраняется то нелѣпое предположеніе нѣкоторыхъ западныхъ ученыхъ, на основаніи извѣстной западной легенды о Людмилѣ [2]), будто бы св. братья переводили Св. Писаніе отчасти съ латинскаго перевода, болѣе близкаго къ современному еврейскому тексту, нежели LXX. Близость къ этому тексту въ начальномъ переводѣ св. Кирилла объясняется очень просто тѣмъ, что нѣкоторыя «словенскыя книги» преложены св. Кириломъ «въ малѣхъ лѣтѣхъ» не прямо съ LXX, а только съ поправками по LXX съ глаголическаго древнѣйшаго перевода ихъ, сдѣланнаго съ еврейскаго языка, въ Хозаріи.

Происхожденіе перевода LXX поясняетъ, отчасти, происхожденіе и этого древнѣйшаго первоначальнаго славянскаго перевода.

Исторія этого перевода разсказывается, какъ извѣстно, весьма различно, но вообще, какъ предполагаетъ большинство ученыхъ,

---

[1]) Michaelis, vol. II, pp. 153 — 158, 636, 637. Griesbach, Prolegomena, v. I, pp. CXXVII—CXXXII. Becker, Monogrammatica Hermeneutices, pp. 108, 109.

[2]) S. Cyrillus .... inventis novis apicibus sive literis, vetus et novum testamentum pluraque alia de græco sive latino sermone in Sclavonicum transtulit idioma... (Добров. стр. 29. Шлецеръ II, стр. 417).

начиная съ прошлаго вѣка, напр. Vives [1]), Scaliger [2]), Van-Dale [3]), D-r Prideaux, D-r Hody [4]) и многіе другіе; позднѣе переводъ этотъ былъ произведеніемъ александрійскихъ іудеевъ, которые, съ давнихъ временъ, употребляли греческій языкъ, ставшій для нихъ, такимъ образомъ, природнымъ. О такихъ-то эллинствующихъ Іудеяхъ говорится въ Новомъ Завѣтѣ подъ именемъ эллиновъ и эллинистовъ [5]).

По общеупотребительности греческаго языка въ Александріи и другихъ странахъ, гдѣ жили эти евреи, они, забывши свой собственно-еврейскій языкъ, не могли разумѣть на немъ Св. Писанія. Отсюда, для чтенія въ синагогахъ, имъ сталъ совершенно необходимъ переводъ В. Завѣта на другой, вполнѣ понятный для нихъ, греческій языкъ. Такой именно переводъ для евреевъ-эллинистовъ былъ тѣмъ же самымъ необходимымъ условіемъ при ихъ чтеніи Св. Писанія, какимъ, въ другое время, для другихъ евреевъ, говорившихъ халдейскимъ языкомъ, были различные халдейскіе переводы и поясненія (таргумы), читавшіеся также въ синагогахъ послѣ еврейскаго текста, ставшаго уже мало понятнымъ для евреевъ. Въ числѣ такихъ евреевъ-эллинистовъ находилось, вѣроятно, также и много не собственно евреевъ, а такъ называемыхъ прозелитовъ еврейскихъ, или іудействовавшихъ, какъ обрѣзанныхъ, такъ и не обрѣзанныхъ, изъ разныхъ язычниковъ, говорившихъ тѣмъ же греческимъ языкомъ. Для всѣхъ такихъ переводъ LXX оказывался вполнѣ удовлетворительнымъ относительно существенныхъ потребностей ихъ синагоги при чтеніи Св. Писанія.

Подобные же переводы на другіе языки Ветхаго Завѣта были, безъ сомнѣнія, такою же необходимостью для евреевъ, послѣ окончательнаго разсѣянія ихъ по разнымъ языческимъ странамъ. Таковы извѣстные еврейскіе переводы на греческій

---

[1]) On Augustine: de Civitate Dei, l. VIII, c. 42.

[2]) On Eusebius's Chronicle, no. MDCCXXXIV.

[3]) Diss. super Aristea, de LXX interpretibus Amstel. 1705. 4-to.

[4]) De Bibliorum Graecorum Textibus, versionibus graecis et latina vulgata, libr. IV, cui praemittitur Aristeae Historia, f⁰, Oxon. 1705.

[5]) Іоан. XII: 20. Дѣян. VI: 1. XI: 20.

же языкъ: Аквилы, потомъ неизвѣстнаго еврея IX или X вѣка, далѣе, арабскій переводъ Равви Саадія Гаона того же вѣка, персидскій XI и XII вѣка. Не только въ видахъ прозелитизма, — при чемъ, безъ такихъ переводовъ, евреи не могли знакомить желающихъ обращенія язычниковъ съ своими св. книгами,—но и прямо для собственнаго чтенія этихъ книгъ въ синагогахъ, имъ необходимы были переводы Св. Писанія съ еврейскаго, забытаго ими языка, на тѣ именно языки, какими въ какой странѣ они говорили, по давней привычкѣ, какъ своимъ природнымъ языкомъ. Забытыя древнія еврейскія буквы, естественно, замѣнялись, при этомъ, особымъ новымъ алфавитомъ, составленнымъ частію изъ еврейскаго алфавита, частію изъ другихъ, извѣстныхъ имъ, буквенныхъ знаковъ, и особенно изъ тѣхъ, какіе находили они въ обитаемыхъ ими языческихъ странахъ. Подобіемъ такого алфавита можетъ служить наша Глаголица, составленная, какъ извѣстно, частію, изъ еврейскихъ буквъ, частію изъ другихъ восточныхъ шрифтовъ, и, частію, изъ древнихъ славянскихъ рунъ, евреями, обитавшими въ Хозаріи, совершенно ославянившимися и, потому, говорившими на болгарскомъ, или, что тоже, славянскомъ языкѣ. Примѣромъ для такого именно устроенія новой азбуки евреямъ могъ служить тотъ же переводъ LXX-ти, о которомъ не безосновательно предполагалось въ ученомъ мірѣ, какъ напр., профес. Tychsen'омъ, что онъ былъ сдѣланъ для египетскихъ Іудеевъ, говорившихъ по гречески, не прямо съ библейскаго подлинника, писаннаго еврейскими буквами, но съ утраченнаго еврейскаго текста, писаннаго не еврейскими, а смѣшанными еврейско-греческими буквами [1]). Позднѣе и у Оригена, въ Hexapla, какъ свидѣтельствуетъ Епифаній, шестой столбецъ былъ занятъ еврейскимъ текстомъ, писаннымъ не еврейскими, а греческими буквами [2]). Примѣромъ такого древняго перевода В. Завѣта съ еврейскаго на нееврейское, мѣстное, общеупотребительное нарѣчіе евреи, безъ сомнѣнія, не могли не воспользоваться, особенно въ Хозаріи,—этой странѣ, по преиму-

---

[1]) Tentamen de variis codicum hebraicorum Vet. Test. Mss. generibus. Rostock, 1772, 8°, pp. 48—64, 81—124.

[2]) Origenis Hexapla, Prael. Diss., t. I, p. 16.

ществу іудействовавшей, — въ виду множества, находившихся въ ней славянскихъ прозелитовъ. Составленная ими, для такого славянскаго перевода, новая азбука должна была, при этомъ, конечно, отличаться всѣми признаками какъ еврейскаго, такъ и мѣстнаго славянскаго происхожденія, что мы и видимъ на Глаголицѣ. Нигдѣ, кромѣ Хозаріи, не существовало болѣе побудительныхъ причинъ для такого перевода Св. Писанія на славянскій языкъ.

Примѣромъ такой пропаганды не могли не воспользоваться, безъ сомнѣнія, и Хозарскіе христіане. Они также, какъ и евреи, говорившіе тѣмъ же славянскимъ языкомъ, не могли, конечно, не воспользоваться прежде всего сдѣланнымъ евреями славянскимъ переводомъ Пятикнижія и Псалтири, а за тѣмъ, ознакомившись съ тѣми глаголитскими буквами, какими былъ написанъ этотъ переводъ, не могли не употребить этихъ же буквъ для написанія и своихъ переводовъ четвероевангелія и другихъ христіанскихъ богослужебныхъ книгъ. . . .

---

1) Сличеніе текста Св. Писанія—Изборника Григоріева съ текстами Острожской библіи 1580 и похвальнаго слова митрополита Иларіона св. Владиміру.

2) Тексты Св. Писанія, доказывающіе, что ветхозавѣтныя книги переведены съ еврейскаго языка [1]).

Изборникъ Григорія, еп. Болгарскаго, л. 44 об.	Острожская библія 1580, лист. 6 об.
Кн. Быт. гл. XVI, ст. 2.	
Рече же са́рра къ авраа̑моу се заключи мѧ г҃ь б҃гъ не ража̑ти. влѣѕи оу̑бо̀ къ рабѣ моей. и родиши ѿ нем.	Рече́ же са́ра къ авра́амꙋ, се заключи́ мѧ г҃ь не ражда́ти, вън́иди оу̑бо къ рабѣ̀ мое́и и̑ роди́ши ѿ не̑м.

Славянскій текстъ въ похвальномъ словѣ св. Владиміру митрополита Иларіона, по изд. Прибавл. къ Твореніямъ Св. Отцовъ 1844 г. стр. 225; въ отдѣльн. оттискѣ стр. 24.

Сарра же глагола къ Аврааму: се заключи мя Господь Богъ не раждати, вниди [2]) убо къ рабѣ моей Агари, и родиши отъ нея.

Изборникъ Григорія л. 45.	Острожская библія 1580, л. 6 об.
Кн. Быт. гл. XVI, ст. 2 — 4.	
Ст. 2. Послꙋша же авраамъ рѣчи са́ррины.	Ст. 2. Послꙋша́ же авраа́мъ гл҃анїѧ са́рина.
Ст. 4. Вълѣзѣ (к) агарїи.	Ст. 4. И вън́иде къ агарѣ.

[1]) Между сдѣланными княземъ М. А. Оболенскимъ выписками текста изъ книгъ Ветхаго Завѣта, находился листокъ, на которомъ написано: Пятикнижіе Моисеево переведено въ глубокой древности съ еврейскаго языка, затѣмъ поправлено св. Кирилломъ съ перевода на греческій LXX толковниковъ, по разнымъ спискамъ этаго перевода, а потому нашъ славянскій текстъ не имѣетъ исключительнаго сходства ни съ одною изъ извѣстныхъ древнихъ греческихъ рукописей; въ немъ встрѣчаются однѣ мѣста, сходныя съ Александрійскимъ спискомъ, другія тождественны съ Ватиканскимъ спискомъ.

[2]) Въ Архив. и Синод. спискахъ влѣзи.

Въ похвальномъ словѣ св. Владиміру митрополита Иларіона, по изд. Прибавл. къ творен. Св. Отцовъ 1844, стр. 226; въ отдѣльномъ оттискѣ стр. 25.

Послуша Авраамъ рѣчи Саррины, и вниде къ рабѣ ея Агари.

Изборникъ Григорія, л. 45. об.	Острож. библія 1580, л. 7.

Кн. Быт. гл. XVIII ст. 1—2.

Ст. 1. Ꙗвиже сѧ авраамоу бгъ. оу доуба мамврїа. сѣдѧщю ѥмоу прѣ дверми коуща ѥго въ полоуднє.	Ст. 1. Ꙗвиже сѧ ѥмꙋ бгъ оу дꙋба мамврїѧ, сѣдѧщему прѣ двєми храмꙋ ѥго въ полꙋднє.
Ст. 2. Възрѣв же ѡчима своима, оузрѣ. и сє триє моужи стоꙗхꙋ връхоу ѥго. и видѣвъ притече въ срѣтенїє имъ ѿ двєри коуща ѥго. и поклонисѧ до землѧ.	Ст. 2. Възрѣв же очима своима. и оузрѣ, и сє трїє мꙋжи стоѧхꙋ прѧмо ѥмꙋ, и видѣвъ и притечє въ срѣтєнїє имъ ѿ двєрїи храма ѥго, и поклонисѧ до землѧ.

Въ похвальномъ словѣ св. Владиміру митрополита Иларіона, по изд. Прибавлен. къ творен. Св. Отцовъ 1844, стр. 226, въ отдѣльномъ оттискѣ стр. 25.

Явился Богъ Аврааму, сѣдящему ему предъ дверми куща своеа, въ полудне, у дуба Мамврійскаго.

Авраамъ же тече въ срѣтеніе Ему и поклонися Ему до землѣ.

Изборникъ Григорія л. 47 об.	Острожск. библія 1580, л. 8 об.

Быт. гл. XXI, ст. 8.

И възрастє ѿрочѧ и ѿдои ѥ. и сътвори авраамъ гостьвитвоу вєлико. въ днь єгда ѿдоитсѧ исаакъ снъ єго.	И възрастє отроча, и ѿдоєно, и сътвори авраамъ оучрєжєнїє вєлїє, въ днь єгда ѿдоисѧ ісаакъ снъ єго.

Въ похв. сл. св. Владиміру митр. Иларіона, по изд. Приб. къ тв. Св. Отцовъ 1844, стр. 226; въ отдѣльномъ оттискѣ стр. 25.

Яко отдоися отроча Исаакъ и укрѣпѣ, и сътвори Авраамъ гостивству велику, егда отдоися Исаакъ сынъ его.

Изборникъ Григорія, л. 47 об.	Острожская библія 1580 г.

Быт. гл. XXI, ст. 9—10.

Ст. 9. Видѣвши же са́рра с҃на агаріина египтѧнынѧ. иже бы аврамоу, играющю съ ісаакомъ с҃номъ своимъ.	Видѣвши же са́рра, с҃на агарина егѵптѧнынѧ, иже бысть авраа́мꙋ, игра́юще съ ісаа́комъ с҃номъ своимъ.
Ст. 10. И рече авраамоу ѿжени рабꙋ сию и съ с҃номъ ея. не причѧстибося с҃нъ рабы сеѧ съ с҃номъ моимъ ісаакомъ.	И рече къ авраа́мꙋ, ѿжени рабꙋ сію и съ с҃номъ ея, не причаститъ бо ся с҃нъ рабы сея, съ с҃номъ моимъ ісаа́комъ.

Въ похв. сл. св. Владиміру митр. Иларіона, по изд. Прибавл. къ творен. Св. Отцовъ 1844 г., стр. 227; въ отд. оттискѣ стр. 26.

Видѣвши Сарра сына Агарина, играюща съ сыномъ своимъ Исаакомъ, рече къ Аврааму: отжени рабу и съ сыномъ ея: не имать бо наслѣдовати сынъ рабынинъ сына свободна.

Изборникъ Григорія л. 65.	Острож. библія л. 24.

Бытія гл. XLVIII, стр. 19.

И не ра́чи. но́ ре́че вѣдѣ чадо вѣдѣ. и то боудетъ. в люди сіи възнесетсѧ. но братъ его меншіи боліи его бꙋдеть и племѧ его боудеть въ множество ꙗзыкъ.	И не хотѧше. и рече вѣмъ чадо вѣмъ, и то́и бꙋдетъ в людъ и то́й взнесе́тсѧ, но́ братъ его мнїи бꙋдетъ болїи его, и сѣмѧ его бꙋдетъ въ мно́жество ꙗзы́комъ.

Въ похв. сл. св. Владиміру митр. Иларіона, по изд. Прибавл. къ твореніямъ св. Отцовъ 1844, стр. 229; въ отд. оттискѣ стр. 28.

Вѣмъ чадо, и тъ будетъ въ люди, и възнесется: но братъ его мній болій его будетъ, и племя его будетъ въ множество языкъ.

Изборникъ Григорія, л. 187.	Острож. библія 1580, л. 112 об.

Кн. Судей гл. VI, ст. 36—40.

Ст. 36. И рече гедеѡнъ къ г҃у. аще спсаеши рꙋкою моею і҃илѧ. ꙗкоже г҃ла.	И ре гедео́нъ къ б҃у, аще истинно спса́еши рꙋко́ю моею і҃илѧ, ꙗкоже г҃ла.

Ст. 37. Сѐ ӑзъ положю рꙋно влънѧно на тоцѣ. ти ӑще роса боудеть на рꙋнѣ точню. ӑ по всѣи земли соуша. то оуведѣ. ıако спсаеши рꙋкою моею ӏилѧ. ıакоже гла.

Ст. 38. Й бысть тако. й ѡбоутревъ гедеонъ. на оутрїа й йзви рꙋно. и йскопа роса йз роуна плъна ѡпаница воды.

Ст. 39. Й рече гедеѡнъ къ бгу. да сѧ не разнѣваеть ıарость твоѧ на мѧ. да глю ӑще единою, в рꙋнѣ да боудеть пакы. в роунѣ точию соухота. ӑ по всѣи землй роса да боудеть.

Ст. 40. И сътвори бгъ тако в тоу ноіщь. а по всей землй роса.

Сѐ ӑзъ положꙋ рꙋно волнѧно на тоцѣ, и ӑще роса бꙋдет на рꙋнѣ точїю, ӑ по всеи землй сꙋша, то оувидѣ ıако спсаеши рꙋкою моею ӏилѧ, ıакоже гла.

Й бысть тако, й ѡбꙋтрѣвъ гедеонъ на оутрїѧ, изби рꙋно ї йскапа из рꙋна роса, й наполни чашу воды.

Й ре гедеонъ къ бгꙋ, да не разгнѣваетсѧ ıарость твоѧ на мѧ, да глю еще едїною, ї йскꙋшꙋ еще едїною, в рꙋнѣ семъ, да бꙋдетъ в рꙋнѣ точїю сꙋша, ӑ по всеи землй роса бꙋдетъ. и сътвори бъ в тꙋ нощь тако, й бысть сꙋхо на рꙋнѣ точїю, ӑ по всеи землй роса.

Въ похв. сл. св. Владиміру митр. Иларіона, по издан. Прибавл. къ творен. св. Отцовъ 1844, стр…, въ отдѣльномъ оттискѣ стр. 28.

Рече Гедеонъ къ Богу: аще Ты рукою моею спасаеши Израиля, да будетъ роса на рунѣ токмо, по всей же земли суша; и бысть тако. Рече же паки Гедеонъ къ Богу: да будетъ суша на рунѣ токмо, по всей же земли роса; и бысть тако.

Изборникъ Григорія, л. 285. | Острож. библія 1580, л. 108.

Пророка Іереміи гл. XXXI, ст. 34.

Й не ймꙋть наоучити к томоу кождо йскрьнѧго своего. й кождо брата своего глѧ разоумѣи га ıако вси оуведѧть мѧ ѿ мала до велика глетъ гь. ıако млтвъ боудꙋ беззаконїемъ йхъ й грѣхъ й не ймамъ помѧноути къ томоу.

Й не наоучатъ кождо ближнѧго своего, кождо брата своего глѧ, познай га. ıако вси познаютъ мѧ ѿ малаго й до великаго, ıако млтивъ бꙋдꙋ неправдамъ йхъ, й грѣхи йхъ не помѧнꙋ к томꙋ.

Въ похв. сл. св. Владиміру митр. Иларіона, по изд. Прибавл. къ Твореніямъ св. Отцовъ 1844, стр. 230, отд. оттиска стр. 29:

И не научитъ кійждо искрьняго своего и человѣкъ брата своего, глаголя: познай Господа; яко увѣдятъ Мя отъ малыхъ и до великаго.

Пророка Даніила гл. IV, ст. 24.

Славянскій текстъ по переводу Григорія, епископа Болгарскаго, Изборника его л. 294 об.:

Сего ради црю съвѣтъ мои годѣ тобѣ боуди. и грѣхы твоя млтїю избави. и неправды твоя щедротами нищи. негли боудеть трьпѣние и прегрѣшенїемь твоимь.

Славянскій текстъ, какъ онъ находится въ полныхъ спискахъ библіи:

Съвѣтъ мои да ти бꙋдетъ вгоденъ и грѣхы своя милостьми расыпли, и неправды твоя щедротами оубогыихъ.

Славянскій текстъ въ похв. словѣ св. Владиміру митр. Иларіона, по изд. Прибавл. къ Твор. св. Отцовъ 1844, стр. 243, отд. оттиска стр. 42:

Съвѣтъ мой да будетъ ти годѣ, царю Навуходоносоре, и грѣхы твоа милостынями оцѣсти, и неправды твоа щедротами нищихъ.

Кн. Бытія гл. XLIX, ст. 14.

Славянскій текстъ, находящійся въ Изборникѣ Григорія, епископа Болгарскаго, л. 67:

Исахаръ тобѣ имя, воля добра и помысли. почїваи посмѣдоу (помѣжду) причастїа.

Славянскій текстъ перевода съ еврейскаго по Архивской рукописи XV вѣка, № 354/803:

Исахарь же доброе помысли. почивал. посредѣ причастїа.

Славянскій текстъ Острожской библіи:

Исахар же доброе помысли, почивая посредѣ предѣлъ.

Книги Бытія гл. XLIX, ст. 14:

Иссахаръ оселъ крѣпкій лежитъ между протоками водъ.

Примѣч. Vigesimus primus Chalifa, Mervan, vocatus fuit Hvmar Ulgiezira, id est, asinus Mesopotamiae, quo nomine propterea insignitus dicitur quod in bello consisteret. Dici enim solet, asinus bellicus nescit fugere. Elmacini Historia Saracenica de rebus gestis Muslimarum, edit. Erpenii, Lugd. Bat. 1625 in 4, pag. 106.

Кн. Быт. гл. XLIX, ст. 14.

По LXX: «Иссахаръ пожелалъ добраго».

По евр. подлиннику: «Иссахаръ оселъ костливый» (крѣпкій).

По самаритянской: «Иссахаръ оселъ чужеземцевъ».

Разница въ томъ, что LXX прочитали слово המר — (оселъ) за חמר (пожелалъ), а самаритянская приняла слово גרם (кость) за גרים (чужеземцевъ).

Откуда въ LXX взялось слово: «д о б р о», этого не рѣшаютъ комментаріи.

Кн. Числ. гл. III, ст. 50.

Въ славянскомъ переводѣ, по обѣимъ рукописямъ, переводъ прямо съ еврейскаго подлинника очевиденъ въ этомъ стихѣ изъ того, что число 1365 «отъ первенецъ сыновъ Израелевыхъ» передано тѣмъ самымъ счетомъ, какой употребителенъ именно у евреевъ, и въ которомъ, какъ извѣстно, при изображеніи числа не буквами, а словами, какъ напр., въ этомъ стихѣ, — порядокъ чиселъ идетъ отъ меньшаго числа къ большему, а не обратно, какъ въ другихъ языкахъ. Въ еврейскомъ подлинникѣ читаемъ именно: пять и шестьдесятъ и триста и тысяча, какъ и въ славянскомъ переводѣ.

Книги Числъ гл. III, ст. 50.

Славянскій переводъ съ еврейскаго по Архивской рукописи XV вѣка (№ $\frac{354}{803}$):	Славянскій текстъ по переводу, находящемуся въ Изборникѣ Григорія л. 128 об.:
Ѿ прьвенецѣ сновь иилевъ. взѧ сребрѡ є҃. з҃ и т҃. тысоуща сиклъ.	Ѿ прьвѣнецъ сновъ ї҃илвъ. и взѧ сребро є҃ и з҃ и т҃ и ҂г сиклъ.

Кн. Числъ гл. VII, ст. 85.

Славянскій переводъ съ еврей-	Славянскій текстъ по переводу,

скаго по Архивской рукописи XV вѣка (№ $\frac{354}{803}$), л. 130 об.:

л҃ р҃. сиклъ. в кажд҃ блюдѣ сребренѣ о҃ сиклъ каждо ѿпаница.

находящемуся въ Изборникѣ Григорія л. 132.

р҃ [1]) и҃ л҃ сиклъ. каждо [2]) блюдъ сребреныхъ. а по о҃ сиклъ. каждо [3]). ѿпаница.

Книги Числъ гл. IV, ст. 4.

Славянскій переводъ съ еврейскаго по Архивской рукописи XV вѣка, л. 123:

Се же дѣлеса с҃новь каафовъ. въ храмѣ свѣдѣнїа с҃таа с҃тыхъ.

Латинскій текстъ по Лейденскому изд. 1568 г.:

Hic est cultus filiorum Caath. Tabernaculum foederis et sanctum sanctorum.

Славянскій текстъ по переводу, находящемуся въ Изборникѣ Григорія, л. 128 об.:

Се же дѣлеса с҃новъ каафовъ. посредѣ с҃нвъ левгинъ. по сонмоу и҃. и по домомъ ѿчьства и҃ въ храмѣ свѣдѣнїа с҃то с҃ты.

Греческій текстъ по Лейпцигскому изд. 1697 г.:

Καὶ ταῦτα τὰ ἔργα τῶν υἱῶν Καὰθ ἐν τῇ σκηνῇ τοῦ μαρτυρίου ἅγιον τῶν ἁγίων. Въ другихъ спискахъ: Καὶ ταῦτα τὰ ἔργα τῶν υἱῶν Καὰθ ἐκ μέσου υἱῶν Λευὶ κατὰ δήμους αὐτῶν, κατ' οἴκους πατριῶν αὐτῶν ἐν τῇ σκηνῇ τοῦ μαρτυρίου.

Славянскій текстъ Острожской библіи 1580 г.:

Сїя же дѣлеса с҃новъ каафовъ, ѿ среды с҃новъ левїинъ, по сонмꙋ ихъ, и по домомъ ѿчьства ихъ, въ храмѣ свѣдѣнїя с҃того с҃тыхъ.

Русскій текстъ по переводу на нынѣшнее русское нарѣчіе, изд. 1868, стр. 202.:

Вотъ служеніе сыновъ Кааѳовыхъ, (Левитовъ по родомъ ихъ, по семействамъ ихъ) въ скиніи собранія носить (?) Святое Святыхъ.

---

[1]) Въ подлинникѣ: т҃.—[2]) кожо.—[3]) кожо.

Кн. Числ. гл. IV, ст. 14.

Въ самаритянскомъ текстѣ, какъ и въ LXX, въ концѣ стиха (послѣ словъ: «и распрострутъ на немъ покровъ изъ кожи та'гашъ [1]) и положатъ шесты»), прибавлено еще: «взяли одежду пурпуровую и покрыли омывальникъ и подставку его, и поставили въ покрышку изъ кожи та'гашъ, и возложили на носилки».

Кн. Числъ гл. IV, ст. 49.

Славянскій текстъ по переводу, находящемуся въ Изборникѣ Григорія, л. 129 об.:

Гласомъ г҃нимъ съглѧдаа в рꙋцѣ моисїинѣ. мꙋжа по моꙋжикъ дѣлесемъ и҆. еже възвизаахꙋ сии съглѧдашасѧ си ꙗкоже повелѣ г҃ь моисею.

Греческій текстъ по Лейпцигскому изд. 1697:

Διὰ φωνῆς Κυρίου ἐπεσκέψατο αὐτοὺς ἐν χειρὶ Μωυσῆ, ἄνδρα κατ' ἄνδρα ἐπὶ τῶν ἔργων, καὶ ἐπὶ ὧν αἴρουσιν αὐτοί, καὶ ἐπεσκέπησαν, ὃν τρόπον συνέταξε Κύριος τῷ Μωυσῇ.

Славянскій переводъ съ еврейскаго по Архивской рукописи XV вѣка, № 354/803, л. 125:

Повелѣнїемъ г҃нимъ съглѧдаша въ рꙋцѣ мѡѷсїинѣ. мꙋжа по мꙋжюкъ делѣсемъ ихъ. и҆ е҆же възвизахꙋ сїи. ꙗко҃ повелѣ г҃ь мѡѷсею.

Латинскій текстъ по Лейденскому изд. 1568:

Juxta verbum Domini recensuit eos Moyses, unumquenque juxta officium et onera sua sicut praeceparat ei Dominus.

Славянскій текстъ Острожской библіи 1580:

Повелѣнїемъ г҃нимъ. и҆ съглѧдаша и҆хъ рꙋкою моѷсїевою, мꙋжа по слꙋженїи е҆го, по дѣлесемъ е҆го, и҆ е҆же възвизахꙋ сїи, съглѧдани сꙋть, ꙗкоже повелѣ г҃ь моѷсїю.

Русскій текстъ по переводу на нынѣшнее русское нарѣчіе, изд. 1868, стр. 204:

По повелѣнію Господню чрезъ Моисея опредѣлены они каждый къ своей работѣ и ношенію и исчислены, какъ повелѣлъ Господь Моисею.

---

[1]) Слово: та'гашъ во всѣхъ переводахъ передается словомъ: синій, или яхонтоваго цвѣта.

Кн. Числ. гл. IV, ст. 49.

Съ еврейскаго:

«По повелѣнію Іеговы сдѣлали перепись (пересмотръ) чрезъ Моисея мужу—мужу[1]) на службу его и на нощеніе, и переписаны (пересмотрѣны) были, какъ (или: которыхъ) повелѣлъ Іегова Мошеху».

Въ славянскомъ переводѣ слова подлинника: איש איש переданы почти съ буквальною точностью, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ томъ именно смыслѣ, какой они имѣютъ въ еврейскомъ текстѣ, означая есь народъ, или каждаго въ народѣ, отъ мужа до мужика.

Книги Числъ гл. V, ст. 22.

Греческій текстъ по Лейпцигскому изд. 1697 г.:

Καὶ εἰσελεύσε τὸ ὕδωρ τὸ ἐπικαταρώμενον τοῦτο εἰς τὴν κοιλίαν σου πρῆσα γαστέρα καὶ διαπεσεῖν μηρόν σου. Καὶ ἐρεῖ ἡ γυνή· γένοιτο, γένοιτο.

Латинскій текстъ по Лейденскому изд. 1568 г.:

Ingrediantur aquae maledictae in ventrem tuum et utero tumescente putrescat semur. Et respondebit mulier Amen, amen.

Славянскій текстъ по переводу, находящемуся въ Изборникѣ Григорія, л. 130:

Й да внидетъ вода си́ кленомаа въ чрево твоє й надш҃ю(т) ти й оу҆тробꙋ. й ѿбарить стегно твоє. й да ѿвѣщаєть жена бꙋди.

Славянскій переводъ съ еврейскаго, по Архивской рукописи XV вѣка, л. 126 об.:

И ѿпадє стєгно твоє и ѿвѣщаѥ҃ жена та амєнь. а҆минь.

Славянскій текстъ Острожской библіи 1580:

Й да внидетъ вода́ кленома́ѧ сі҃ въ чре́во твое́, и надышетъ ті҃ оутробꙋ, й ѿтпаде́тъ стегно́ твое́ й҃ ѿтвѣща́етъ жена́ та҃ бꙋди то, бꙋди то.

Русскій текстъ по переводу на нынѣшнее русское нарѣчіе, изд. 18.. лист. 217:

И да пройдетъ заклинательная вода сія во внутренность твою, чтобы надуть чрево (твое), и изсушить бедро (твое), и пусть скажетъ жена: аминь, аминь.

[1]) т. е., всякому,—или всему народу.

Русскій текстъ по переводу на нынѣшнее русское нарѣчіе изд. 1868 г., лист. 205:

И да пройдетъ вода сія, наводящая проклятіе, во внутренность твою, чтобы опухъ животъ (твой) и опало лоно (твое); и скажетъ жена: аминь, аминь.

Кн. Числъ, гл. XIII, ст. 23.

Славянскій переводъ съ еврейскаго по Архивской рук. XV вѣка, № $\frac{854}{803}$, л. 137:

Й възыдѡша ѿ полꙋдни. и прїидоша до хеврѡна. таже бꙗше ахеманѣ, шетаи(?) й тамлаи рѡженїа енакова. Хеврѡнъ семью лѣтъ преже танама сталъ преже егѵпта съградисꙗ.

Латинскій текстъ по Лейденскому изд. 1568 г.:

Ascenderuntque ad meridiem, et venerunt in Hebron, ubi erant Achimam et Sisai et Tolmai filii Enac, nam Hebron septem annis ante Tanim urbem Aegypti condita est.

Славянскій текстъ по переводу, находящемуся въ Изборникѣ Григорія, л. 134 об.:

Йзыдоша ѿ пꙋстынꙗ. й прїидоша до хеѡна. Йже бѣꙗше ахевенъ. й сеси и фаламинъ рожениꙗ еньнакова. хевронъ же. з. ю лѣтъ преже танина египетска съглꙗдисиꙗ (съградисꙗ).

Греческій текстъ по Лейпцигскому изд. 1697 г.:

Καὶ ἀνέβησαν κατὰ τὴν ἔρημον, καὶ ἀπῆλθον ἕως Χεβρὼν καὶ ἐκεῖ Ἀχιμὰν, καὶ Σεσσὶ, καὶ Θελαμεὶν, γενεαὶ Ἐνάχ. καὶ Χεβρὼν ἑπτὰ ἔτεσιν ᾠκοδομήθη πρὸ τοῦ Τανὶν Αἰγύπτου.

Славянскій текстъ Острожской библіи 1580 г.:

Й възыдоша въ пꙋстынꙗ, й прїидоша до хеврона, й тамо живꙗше ахиманъ й сесїи, и ѳелами, рожденїа енакова хевронъ же вселисꙗ семь лѣтъ прежде танинемъ градомъ егѵпетьскиѳ.

По переводу на нынѣшнее русское нарѣчіе изд. 1868, стр. 220:

И пошли въ южную страну и дошли до Хеврона, гдѣ жили Ахиманъ, Сесай и Ѳалмай, дѣти Энаковы: Хевронъ же построенъ былъ семью годами прежде Цоана (города) египетскаго.

Книги Числъ гл. XXIII, ст. 6.

Славянскій переводъ съ еврейскаго по Архивской рукописи XV вѣка, л. 150:

възвратисѧ к нему. се҃ же стоѧше оу всесъжженіи свой и вси кн҃зи моавли с нимъ.

По переводу, находящемуся въ Изборникѣ Григорія, л. 140 об.:

И҆ възврати҃ к҆ немоу. се́и же стоѧ҃ше въ всесъжеженіи свой. и҆ вси кн҃зи моавли с ни҃ и бы҃ дх҃ъ бж҃іи на валаамѣ.

Латинскій текстъ по Лейденскому изд. 1568 г.:

Reversus invenit stantem Balac juxta holocavstum suum, et omnes principes Moabitarum.

Греческій текстъ по Лейпцигскому изданію 1697 г.:

Καὶ ἀπεστράφη πρὸς αὐτὸν καὶ ὁ δὲ ἐφειςήκει ἐπὶ τῶν ὁλοκαυτωμάτων αὐτοῦ. Καὶ πάντες οἱ ἄρχοντες Μωὰβ μετ' αὐτοῦ. Καὶ ἐγενήθη πνεῦμα θεοῦ ἐπ' αὐτῷ.

Кн. Числъ гл. XXIV, ст. 17.

Славянскій переводъ съ еврейскаго по Архивской рукописи XV вѣка, л. 151 об.:

И се нн҃ѣ вижю его, но не теперь[1]) и зрю его но не близко. възіаеть ѕвѣзда ѿ іакова. и въстанеть жезлъ ѿ иі҃лѧ, и погубить кнѧзѧ моавлѧ. и҆ плѣнить всѧ сн҃ы ситувы.

По переводу въ Изборникѣ Григорія, л. 141:

оутои нынѣ ѡблажаю[2]) тъ не приближитсѧ. въсиѧ звѣзда ѿ іакова и҆ въстанеть чл҃къ ѿ іилѧ. и погоу-

Латинскій текстъ по Лейденскому изд. 1568 г.:

Videbo eum, sed non modo. intuebor illum, sed non prope. Orietur stella ex Sacob et consurget virga de Israel et percutiet duces Moab, vastabitque omnes filios Seth.

Греческій текстъ по Лейпцигскому изд. 1697 г.:

Δείξω αὐτῷ, καὶ οὐχὶ νῦν· μακαρίζω, καὶ οὐκ ἐγγίζει. ἀνατελεῖ ἄστρον ἐξ Ἰακὼβ, ἀναστήσεται ἄνθρωπος ἐξ Ἰσραὴλ.

---

1) Въ подлинникѣ: но третье.

2) Въ подл. обнажа.

бить кнзѧ моавлѧ. и плѣнить всѧ сны сифовы.	καὶ θραύσει τοὺς ἀρχηγοὺς Μωὰβ, καὶ προνομεύσει πάντας υἱοὺς Σήθ.

Книги Исхода гл. II, ст. 8.

Славянскій переводъ съ еврейскаго по Архивской рукописи XV вѣка, л. 37:	Латинскій текстъ по Лейденскому изд. 1568 г.:
И рє ей дщи фарашнова. иди шєши же ѡтроковица. призва мтрь отрочати.	Respondit, vade. Perrexit puella et vocavit matrem suam.
По переводу въ Изборникѣ Григорія, л. 90:	Греческій текстъ по Лейпцигскому изд. 1697 г.:
Рече же єи дъщи фараѡнѧ, иди. шедши же дѣвца възва матерь ѡтрочѧ сє.	Ἡ δὲ εἶπεν ἡ θυγάτηρ Φαραὼ, πορεύου. ἐλθοῦσα νεᾶνις, ἐκάλεσε τὴν μητέρα τοῦ παιδίου.

Книги Исхода гл. VI, ст. 20.

Греческій текстъ по Лейпциг. изд. 1697:

Καὶ ἔλαβεν Ἀμβρὰμ τὴν Ἰωχαβὲδ θυγατέρα τοῦ ἀδελφοῦ τοῦ πατρὸς αὐτοῦ ἑαυτῷ εἰς γυναῖκα· καὶ ἐγέννησεν αὐτῷ τόν τε Ἀαρὼν, καὶ τὸν Μωυσῆν, καὶ Μαριὰμ τὴν ἀδελφὴν αὐτῶν. τὰ δὲ ἔτη τῆς ζωῆς Ἀμβρὰμ ἑκατὸν τριάκοντα δύω.

Латинскій текстъ по Лейденскому изд. 1568.

Accepit avtem Amram uxorem Jocabed patruclem suam, quae peperit et Aaron et Moysen et Mariam, fueruntque anni vitae Amrami centum triginta septem.

По переводу въ Изборникѣ Григорія, л. 92:

Поѧ же амъврамъ иаховетъ. дщерь стрыѧ своєго собѣ женѣ. роди же ємоу аррона. и моусеѧ и маріамъ сестроу єго. лѣтъ же житиѧ. амъврамова. р. и. л. и з.

Славянскій переводъ съ еврейскаго по Архивской рукописи XV вѣка, л. 43:

Поѧтъ же амьврамь. иѡхавефь дщерь стрыѧ своєго себѣ женꙋ. роди

же ему аарона и моусея и маріамь сестру ихъ. лѣт же житіа амьврамова рлѕ.

Славянскій текстъ Острожской библіи 1580, л. 27 об.:

Поятъ же амврамъ, іохаведѣ дщерь брата отца своего, себѣ въ жену. роди же ему аарона и моусія, и маріамъ сестру ихъ. лѣтъ же житіа амврамова, рлз.

По переводу на нынѣшнее русское нарѣчіе, изд. 1868 л. 89:

Амрамъ взялъ Іохаведу, тетку свою, себѣ въ жену; и она родила ему Аарона и Моисея (и Маріамь сестру ихъ). А лѣтъ жизни Амрама было сто тридцать семь [1]).

Книги Исх. гл. XXXII, ст. 17.

Славянскій переводъ съ еврейскаго по Архивской рукописи XV вѣка, л. 74 об.:	Латинскій текстъ по Лейденскому изд. 1568 г.:
Оуслышавь же сіи гласы агглъскы. кричаща. и рѣ к мωусею, гла ратны в полцѣ.	Audiens autem Iosue tumultum populi vociferantis, dixit ad Moysen. Ulutatus pugnae auditur in castris.
По переводу въ Изборникѣ Григорія, л. 107:	Греческій текстъ по Лейпцигскому изд. 1697 г.:
оуслышав же сии ісусъ гласъ агглъскы кричаща. рече же моисею гла ратныи въ полцѣ.	Καὶ ἀκούσας Ἰησοῦς τῆς φωνῆς τοῦ λαοῦ κραζόντων, λέγει πρὸς Μωυσῆν, φωνὴ πολέμου τῇ παρεμβολῇ.

Книги Исхода гл. XXX, ст. 24.

Славянскій переводъ съ еврейскаго по Архивской рукописи XV вѣка, л. 73.	Латинскій текстъ по Лейденскому изд. 1568.
И греш. ф сиклъ. и у стго масла гину [2]) (масло древяное).	Casiae autem quingentos siclos, in pondere sanctuarii, oleum de olvetis mensuram hin.

[1]) У LXX толковниковъ 132, 137. Въ самаритянской библіи 138.

[2]) Въ подл. инну.

По переводу въ Изборникѣ Григорія, л. 106:	Греческій текстъ по Лейпцигскому изд. 1697 г.:
҃г їрєѡ҃ 1) пѧть сотъ, сикълꙋ 2) ст҃го и масло древѧное.	Καὶ ἴρεως πενταχοσίους σίχλους τοῦ ἁγίου, καὶ ἔλαιον ἐξ ἐλαιῶν εἶν.

Исх. гл. III, ст. 14.

Славянскій переводъ съ еврейскаго по Архивской рукописи XV в.:

ѡ наказанїи г҃ни како прє҃ фараѡнωмъ г҃лти.

Рє҃ г҃ь к моѵсеѡви. азъ есмь егее егее ешеръ егее. рє҃ же сице. г҃ли с҃нѡ҃ изл҃вы҃ сы҃и мѧ пꙋсти к вамъ

Латинскій текстъ библіи по Лейденскому изд. 1568:

Dixit Dominus ad Moysen. EGO SVM QVI SVM. Ait, sic dices filiis Israel. QVI EST, misit me ad vos.

Изборникъ Григорія л. 90 об.:

Рече г҃ь къ мойсею. азъ ѥсмь соущии. рече же тако. г҃ли къ с҃номъ ї҃илвымъ. соущии мѧ поустилъ къ вамъ.

Греческій текстъ библіи по Лейпцигскому изд. 1697:

Καὶ εἶπεν ὁ Θεὸς πρὸς Μωυσῆν, λέγων, Ἐγώ εἰμι ὁ Ὤν· καὶ εἶπεν, οὕτως ἐρεῖς τοῖς υἱοῖς Ἰσραήλ, ὁ Ὢν ἀπέσταλκέ με πρὸς ὑμᾶς.

Славянскій текстъ Острожской библіи 1580:

Й рече б҃ъ къ моѵсїю азъ ѥсмь ѥже ѥсмь, и рече тако г҃ли с҃номъ ї҃илвымъ сый м҃ѧ посла къ ва҃.

По переводу на нынѣшнее русское нарѣчіе изд. 18. . . л...

Богъ сказалъ Моисею (говоря): Я есмь Тотъ, Который есмь, и сказалъ: такъ скажи сынамъ Израилевымъ: Тотъ, Который есть, послалъ меня къ вамъ.

По переводу на нынѣшнее русское нарѣчіе изд. 1868, стр. 84:

Богъ сказалъ Моисею: Я есмь Сущій (Іегова), и сказалъ: такъ скажи сынамъ Израилевымъ: Сущій послалъ меня къ вамъ.

По поводу этого стиха, мы не можемъ не коснуться одного важнаго вопроса въ современной библейской критикѣ. Вопросъ этотъ о томъ, какъ правильнѣе произносить священное имя Божества въ еврейскомъ текстѣ библіи. Пунктуація масоретскаго текста для чтенія слова יהוה, какъ думали и утверждали

1) Въ подл. пропущено слово: їрєѡ҃.

2) Въ подл. сиколꙋ.

Гезеніусъ въ своемъ Thesaurus (pag. 577, в.) и Генстенбергъ въ своемъ: Authentie des Pentat.. (t. I, s. 222, 226 и 227),—служила скорѣе къ тому, чтобъ скрыть надлежащее произношеніе этого слова, а не раскрыть его. Пунктуація эта означала только своими согласными знаками: *о* и *а* въ согласныхъ буквахъ въ этомъ словѣ, когда оно читается, какъ Іегова, что здѣсь слѣдовало произносить Адонаи, а другими гласными: *е*, *о* и *и*, когда читается Іегови, что слѣдовало бы произносить Элогим. Ученые еврейскіе комментаторы библіи не говорятъ ничего о такой причинѣ масоретской пунктуаціи, какъ напр. S. Cahen, въ своемъ переводѣ библіи съ еврейскаго подлинника, и полагаютъ только, что настоящее чтеніе слова יהוה неизвѣстно.

Нѣмецкіе экзегеты утверждаютъ, напротивъ, что чтеніе этого слова должно быть именно Jahveh отъ глагола הוה, היה, havah или hajah, употребленнаго какъ существительное и, въ этомъ случаѣ, измѣненнаго въ iahveh въ смыслѣ существа (ens) вѣчно пребывающаго. Другіе думаютъ, что чтеніе Іегова, а не Іагве можетъ быть правильнѣе на томъ основаніи, что оно указываетъ человѣку на божество какъ на самую жизнь — חוה — и благость, или милосердіе, по Абенъ-Эздрѣ; и что слово iahveh было бы только неважнымъ измѣненіемъ и, потому, только излишнимъ повтореніемъ слова אהיה — Eheje — sum qui sum, или просто sum, — я есмь, которымъ называетъ себя само Божество. Слово это встрѣчается, какъ извѣстно, всего только однажды во всей библіи, именно, въ разсматриваемомъ нами ст. 14 гл. III, кн. Исхода. Во всѣхъ библейскихъ переводахъ, какъ древнихъ такъ и новѣйшихъ, слово это замѣнено другими словами. Въ одномъ только древнѣйшемъ халдейскомъ переводѣ Онкелоса и, по немъ, у Кагена, да въ нашемъ древле-славянскомъ переводѣ оно сохранено безъ измѣненія. Въ другихъ переводахъ оно передается различно. Такъ, по LXX оно переводится: ἐγώ εἰμι ὁ Ὤν, по Вулгатѣ: sum qui sum, по Мендельзону: я есмь существо, которое пребываетъ вѣчно, и пр. Судя по этому сходству съ Онкелосомъ, который, какъ извѣстно, былъ во всеобщемъ, древнѣйшемъ употребленіи у Евреевъ, мы можемъ не безосновательно заключать о глубокой древности и самаго нашего перевода. Очевидно,

онъ сдѣланъ былъ не только съ еврейскаго, но вмѣстѣ и съ халдейскаго, какъ и съ самаритянскаго текста, съ позднѣйшими выправками по LXX-ти. По крайней мѣрѣ, мы сочли долгомъ своимъ опредѣлить эту важную черту его характеристики, никѣмъ до сихъ поръ еще въ немъ не замѣченную. Припомнимъ кратко здѣсь, что извѣстно объ Онкелосѣ. Комментарій его скорѣе переводъ, чѣмъ истолкованіе на еврейскій текстъ; имъ передается этотъ послѣдній слово въ слово, даже до одинаковой музыкальности относительно обычнаго способа чтенія его въ еврейской синагогѣ. Употребленіе этого таргума вслѣдъ за чтеніемъ еврейскаго текста Пятикнижія ведетъ свое начало отъ первыхъ вѣковъ по Р. Х., а самое написаніе его отнесено Bauer'омъ и Jahn'омъ не позднѣе, какъ ко 2 вѣку по Р. Х., а другими даже къ 1-му вѣку.

Книги Іисуса Нав. гл. XXIV, ст. 12.

Греческій текстъ по Лейпцигскому изд. 1697:

Καὶ ἐξαπέστειλε προτέραν ὑμῶν τὴν σφηκίαν καὶ ἐξαπέςειλεν αὐτοὺς ἀπὸ προσώπου ἡμῶν δώδεκα βασιλεῖς τῶν Ἀμοῤῥαίων, ̕ὀυκ ἐν τῇ ῥομφαίᾳ σόυ οὐδὲ ἐν τῷ τόξῳ σου.

Латинскій текстъ по Лейденскому изд. 1568:

Misique ante vos crabrones: et cicci eos de locis suis, duos reges Amorrhaeorum non in gladio et in arcu tuo.

По переводу въ Изборникѣ Григорія, л. 172 об.:

И̓ поусти пре́д ва́ми сершени и̓ ѿгна́ша и̓ слица ва́шего. в҃і. црѧ а̓морейска не ѡ̓роужіемъ твоимъ. ни роженикомъ твоимъ.

Острожская библія 1580, л. 108 об.:

И̓ посла́ первѣе шершъни, и̓ ѿгна̀ша ѿ лица́ вашего два царѧ аммоѿреиска. не ѻ̓рѹжіемъ твои̑, ниже лѹкомъ твои̑.

По переводу на нынѣшнее русское нарѣчіе изд. 1868, л. 39:

Я послалъ предъ вами шершней, которые прогнали ихъ отъ васъ, двухъ царей Амморейскихъ; не мечемъ твоимъ, и не лукомъ твоимъ сдѣлано это.

Книги Іисуса Нав. гл. IX, ст. 21.

Греческій текстъ по Лейпцигскому изд. 1697:

Ζῆσον, καὶ ἔσονται ξυλοκόποι καὶ ὑδροφόροι πάσῃ τῇ συναγωγῇ, καθάπερ εἶπαν αὐτοῖς οἱ ἄρχοντες.

Латинскій текстъ по Лейденскому изд. 1568:

Sed sic vivant, ut in usus universae multitudinis ligna caedant aquasque comportent.

По переводу въ Изборникѣ Григорія, л. 113 об.:

И҆ рекоша имъ кн҃зи. да сѹть живи и҆ боудоуть дровоносци и҆ водоносци всемоу сонмѹ. и҆ сътвориша весь сънемъ ꙗкоже рекоша имъ кн҃зи.

Острожская библія 1580, л. 101 об.:

И҆ рекоша и҃ кн҃зи да живѹтъ си҆. и҆ бѹдѹтъ древоносцы и҆ водоносцы всемѹ соньмѹ, и҆ сътвори весь соньмъ ꙗ҆коже рекоша имъ кн҃зи.

По переводу на нынѣшнее русское нарѣчіе изд. 1868, л. 14:

И сказали имъ начальники: пусть они живутъ, но будутъ рубить дрова и черпать воду для всего общества. (И сдѣлало все общество) такъ, какъ сказали имъ начальники.

Книги Іисуса Нав. гл. VIII, ст. 2.

Καὶ ποιήσεις τὴν Γαΐ, ὃν τρόπον ἐποίησας τὴν Ἰεριχὼ καὶ τὸν βασιλέα αὐτῆς· καὶ τὴν προνομὴν τῶν κτηνῶν προνομεύσεις σεαυτῷ. Κατάστησον δὲ σεαυτῷ ἔνεδρα τῇ πόλει εἰς τὰ ὀπίσω.

Латинскій текстъ по Лейденскому изд. 1568:

Faciesque urbi Hai et regi ejus, sicut fecisti Jericho et regi illius, praedam vero, et omnia animantia diripietis vobis: pone insidias urbi post eam.

По переводу въ Изборникѣ Григорія, л. 172 об.:

И҆ да сътвориши ге́и ꙗкоже сътвори иерихоноу и црю еѩплѣни же скоты еѩ да плѣнишi собѣ. оустрой же моужа собѣ заставъ за собою.

Острожская библія 1580:

И҆ да сътвориши га́ю и҆ ц҃рю е҆го, ꙗ҆коже сътвори і҆ерихонѹ и҆ ц҃рю е҆го. полѡ҃же и҆ скоты е҆го да плѣниши себѣ, оустрои же себѣ посадѹ града за собою.

По переводу на нынѣшнее русское нарѣчіе, изд. 1868:

Сдѣлай съ Гаемъ и царемъ его тоже что сдѣлалъ ты съ Іерихономъ и царемъ его, только добычу его и скотъ его раздѣлите себѣ. Сдѣлай засаду позади города.

(Къ статьѣ о Глаголицѣ).

. . . .

Словѣномъ живоущимъ по горамъ симъ. Въ этомъ новомъ разсказѣ конца также нѣтъ, и онъ также, очевидно, прерванъ. Ясно, какая то неумышленно грубая, или умышленно дерзновенная рука поднята была на эти разсказы, и уничтожила въ нихъ все остальное. Судя по началу перваго разсказа, можно, по всей вѣроятности, заключить, что въ немъ шла рѣчь болѣе подробно о первой письменности и о распространеніи христіанства у восточныхъ Славянъ и о проповѣди между ними св. Апостола Андрея Первозваннаго. Но къ несчастію этотъ разсказъ, какъ и многія другія мѣста изъ лѣтописца Григоріева, утратились для насъ безвозвратно.

Знаменитый славистъ П. І. Шафарикъ, въ послѣднемъ своемъ сочиненіи: О происхожденіи и родинѣ глаголитизма,—къ источникамъ 1-го разряда, къ памятникамъ IX и X столѣтій, въ которыхъ говорится о дѣятельности славянскихъ первоучителей, причисляетъ Паннонскія житія Кирилла и Меѳодія, а къ источникамъ 2-го разряда лѣтопись Нестора.

Зная теперь, что въ основѣ Русскаго лѣтописнаго свода лежитъ не сказаніе преподобнаго Нестора, а Лѣтописецъ Русскихъ царей Григорія, епископа Болгарскаго, писателя X вѣка, ученые должны его Лѣтописецъ причислить къ источникамъ 1-го разряда.

Далѣе Шафарикъ говоритъ: «перечитавъ со всѣмъ вниманіемъ исчисленные источники, я не колеблюсь объявить, что изъ всѣхъ мѣстъ, гдѣ говорится объ изобрѣтеніи Константиномъ азбуки, проистекли для меня, какъ неопровержимое послѣдствіе, слѣдующія три положенія»:

«Во первыхъ: Славяне до Кирилла и Меѳодія не имѣли никакихъ собственныхъ буквъ, для писанія книгъ».

Соглашаемся съ Шафарикомъ, что южные Славяне не имѣли никакихъ собственныхъ буквъ, для написанія книгъ, а писали по славянски латинскими и греческими буквами, а потому—то св.

Кириллъ, которому, какъ природному Славянину, конечно, не могло нравиться, что его соотечественники пишутъ буквами латинскими, и дѣлаетъ слѣдующій замысловатый отвѣтъ императору Михаилу, желая вызвать самодержца на отданіе повелѣнія изобрѣсти національную азбуку: «и троудьнь сы и болынь тѣломь, сь радостию идоу тамо, аще имають боукьвы вь языкь свои». Императоръ говоритъ: «дѣдь мои и отиць мои и ини мнози, искавъше того, не соуть того обрѣли, то како азь могоу то обрѣсти»? Здѣсь въ особенности должно обратить на себя вниманіе слово обрѣсти. Императоръ здѣсь ясно дѣлаетъ намекъ на то, что такъ какъ Кириллъ уже обрѣлъ азбуку въ Херсонѣ у Славянъ восточныхъ, непригодную для Моравлянъ, то ему и слѣдуетъ изобрѣсти вновь такую азбуку, которую бы излюбили южные Славяне. Согласившись съ Шафарикомъ, что южные Славяне не имѣли никакихъ собственныхъ буквъ для своей письменности, мы не можемъ, однакоже согласиться съ знаменитымъ ученымъ, чтобы Славяне восточные также не имѣли собственныхъ буквъ для написанія книгъ, и вотъ на какомъ основаніи:

П. І. Шафарикъ, изучавшій съ особенною тщательностію Паннонскія житія, не обращаетъ, однакоже, должнаго вниманія на слѣдующій разсказъ: «Въ Венетии же бывьшоу кмоу сьбрашесе нань кпискоупи и попове и чрьноризьци, іако и врани на сокола, и вьздвигоше триюзычьноую юресь, глаголюще: человѣче, ськажи намь, како ты юси сьтворилъ нынѣ Словѣномь книгы и оучиши ю, ихъже нѣсть никьтоже инь прьвѣе обрѣль, ни апостоли, ни римьскыи папа, ни Богословь Григорию, ни Июронимь, ни Авьгоустинь? мы же три токмо юзыкы вѣмы, имиже достоить въ книгахъ славити Бога юврейскыи, юлиньскыи и латиньскыи. Отвѣща же философь кь нимь: не идеть ли дьждь оть Бога на вьсе равьно? или сльньце такожде не сиюеть ли на вьсе? ни ли не дыхаюмь на аиерь равьно вьси? и како вь не стыдитесе, три юзыкы мѣнеще тьчию а прочимь вьсѣмь юзыкомь и племенемь слѣпомь велеще и и глоухомь быти? сьможите ми, Бога твореще немощьна, іако не могоуща сего дати, или завистьлива, іако не хотеща? мы же народь много знаюмь книгы оумѣюще и Богоу славоу вьздающе, кьждо своимь юзыкомь. іавѣ

же соуть си: Арьмени, Перьси, Авазьги, Івери, Соугьди, Готьѳи, Обри, Тоурьси, Козари, Аравляне, Єгупьти и Соури и ини мнози. аще ли не хощете оть сихь разоумѣти, понѣ оть книгь познаите соудию».

Изъ приведеннаго мѣста ясно видно, что самъ апостолъ Славянъ, св. Кириллъ свидѣтельствуетъ, что Козары имѣли книги, писанныя на ихъ языкѣ.

На основаніи только что разсмотрѣннаго нами мѣста по Лѣтописцу Григорія, епископа Болгарскаго, какъ и многихъ другихъ, столь же древнихъ, свидѣтельствъ, мы присоединяемся къ мнѣнію знаменитаго слависта Шафарика, проф. Григоровича и многихъ другихъ ученыхъ о томъ, что Глаголица есть древнѣйшая славянская азбука. Но, сверхъ того, по пути нашихъ изысканій, мы пришли къ нѣкоторымъ, совершенно противоположнымъ заключеніямъ, относительно выводовъ Шафарика. Мы убѣдились, что:

1) Св. Кириллъ первоначально обрѣлъ Глаголицу и, затѣмъ уже, изобрѣлъ Кириллицу. Къ числу до сихъ поръ незамѣченныхъ указаній на то, что св. Кириллъ прежде обрѣлъ, и за тѣмъ изобрѣлъ славянскую азбуку, т. е. обрѣлъ глаголитскую буквицу и изобрѣлъ кирилловскую литерицу, служатъ два однородныхъ пріема, употребленныхъ св. Кирилломъ, о коихъ упоминается въ Паннонскомъ житіи св. Константина Философа. Первое, когда св. Кириллъ при начатіи изученія обрѣтенной имъ Глаголицы въ Херсонѣ, гдѣ онъ затворився въ храмѣ на мл҃тву см наложи, и ѿ бг҃а разумъ пріимъ чести нача книгы бес порока.

Второе, когда по порученію византійскаго правительства, св. Кириллъ приступилъ къ составленію новой азбуки: философь по пръвомоу обычаю на мл҃тву се наложи и сь инѣми поспѣшьникы, вьскорѣ на се кмоу богь іави, послоушаіе молитвь своихъ рабь, и авиіе сьложи письмена и начеть бесѣдоу писати ѥѵаггельскоу: испрьва бѣ слово, и слово бѣ оу бога, и богь бѣ слово и прочеіе.

2) На пути своемъ въ Хозарію, для проповѣди тамошнимъ Славянамъ, онъ обрѣлъ въ Корсуни книги жидовскія, т. е. ветхій завѣтъ въ переводѣ на славянскомъ языкѣ, а также Евангеліе и Псалтирь, писанныя русскими письменами.

3) Что, прибывъ въ Хозарію, св. Кириллъ обрѣлъ тамъ славянскія рукописи, писанныя Глаголицей и содержавшія въ себѣ переводы на славянскій языкъ книгъ, какъ Ветхаго, такъ и Новаго Завѣта, а равно, вѣроятно, и нѣкоторыхъ богослужебныхъ книгъ. Рукописи эти, какъ драгоцѣнную, давно желанную находку, онъ, безъ сомнѣнія, пріобрѣлъ и привезъ съ собою въ Константинополь, гдѣ, обучивши глаголитскимъ письменамъ нѣкоторыхъ своихъ учениковъ, онъ немедленно принялся за переписку уже готовыхъ, привезенныхъ имъ переводовъ богослужебныхъ книгъ.

4) Вскорѣ за тѣмъ, по порученію византійскаго правительства, св. Кириллъ отправился на проповѣдь въ Болгарію, гдѣ, совершая богослуженіе на общедоступномъ для Славянъ языкѣ, онъ, какъ извѣстно, произвелъ на нихъ самое радостное, благотворное впечатлѣніе въ пользу христіанства: и ради быша Словени ꙗко слышати величїѧ Бж҃їѧ своимъ ꙗзыкомъ.

5) Слухъ о такой необыкновенно успѣшной проповѣди быстро достигъ и до другихъ Славянъ. Одни изъ нихъ, именно Моравы, вслѣдъ же за тѣмъ прислали пословъ къ императору, съ просьбою о присылкѣ и въ ихъ страну христіанскаго проповѣдника, на что византійское правительство охотно и согласилось.

6) Но, принимая въ соображеніе, что вмѣстѣ съ распространеніемъ съ востока между Славянами глаголитскихъ славянскихъ рукописей, византійское правительство не могло не опасаться также и распространенія чрезъ нихъ между вновь обращенными православными Славянами различныхъ еретическихъ толковъ, вкравшихся въ переводы Св. Писанія, употребительные у секты жидовствующихъ, особенно распространившейся между хозарскими Славянами,—Православная Византійская Церковь, въ мудрой заботливости о своихъ чадахъ, естественно, не могла не пожелать замѣны письменности глаголитской другою, менѣе опасной для духовнаго единенія, письменностію. Къ этой же цѣли побуждало ее и то, всегда присущее ей, стремленіе ея къ объединенію съ своими чадами, которое простирала она и на близкихъ къ ней по вѣрѣ Славянъ. Этому новому объединенію, какъ и противодѣйствію еретическимъ толкамъ, вполнѣ способствовала замѣна Глаголицы такою новою азбукой, которая могла бы наиболѣе сбли-

жать новообращенныхъ Славянъ съ Византіей. Такую азбуку и ввѣрено было составить св. Кириллу, для проповѣди на ней слова Божія всему православному славянскому міру, предъ новымъ путешествіемъ его въ Моравію. Составленная имъ вновь, по греческому алфавиту, азбука удовлетворяла окончательно обѣимъ указаннымъ выше цѣлямъ, какъ противодѣйствію жидовству, равно распространенію еретическихъ книгъ, такъ и сближенію съ Византіей.

7) Вмѣстѣ съ пріобрѣтеніемъ этой новой азбуки, принятой подъ покровительство св. Церковію, какъ и византійскимъ правительствомъ, рукописи, переписанныя съ Глаголицы новыми Кирилловскими письменами, быстро размножились и скоро вытѣснили глаголицу изъ всеобщаго употребленія. При этомъ, естественно, дѣло не обошлось также и безъ противодѣйствія новой азбукѣ, со стороны приверженцевъ старины, какъ и сторонниковъ славянской національности, защищавшихъ ее противъ перемогавшаго византійскаго вліянія. У этихъ славянскихъ староверовъ, Глаголица, вѣроятно, еще долго держалась въ употребленіи. Эту же древнюю славянскую азбуку удержали у себя и нѣкоторые еретики, какъ напр. богомилы и патарены; ее же, изъ желанія противодѣйствовать восточному православію, приняло подъ свое покровительство и римское духовенство, вслѣдствіе чего она и стала, впослѣдствіи, достояніемъ окатоличенныхъ Славянъ.

Отрывки изъ Обрядника Византійскаго Двора Константина Порфирогенита [1])

Что должно наблюдать при коронаціи императора.

(Constant. Porphyrog. de cerem. aulae Bysant., p. 191, cap. 38.)

Всѣ приходятъ въ другомъ одѣяніи и сенатъ и начальникъ схолъ и другія должностныя лица, и вынимаютъ нужное для процессіи оружіе. По приготовленіи всего, императоръ, одѣтый въ свой скарамангій и пурпуровый плащъ, выходитъ изъ августала, при сопровожденіи кубикуляріевъ и идетъ къ оноподу, гдѣ первый торжественный пріемъ дѣлается патриціями, при словахъ церемоніарія: повелите! и возглашеніи остальныхъ: на многія и благія лѣта! Отсюда отправляется процессія къ великому консисторіону, гдѣ уже собрались консулы и прочіе сенаторы; здѣсь императоры останавливаются въ киборіѣ, имъ сенаторы и патриціи кланяются до земли; затѣмъ императоры даютъ знакъ препозиту, и силенціарій возглашаетъ: повелите, а прочіе: на многія и благія лѣта! Потомъ императоры чрезъ схолы идутъ къ храму, гдѣ стоятъ толпы народа въ другой одеждѣ; здѣсь они знаменуютъ его только крестомъ. Когда старшій императоръ взойдетъ въ хорологіонъ, привѣшивается занавѣсъ; тутъ онъ, сверху дибитезія и дизакія надѣваетъ плащъ, и, съ зажженными въ золотыхъ воротахъ свѣчами, вмѣстѣ съ патріархомъ идетъ въ храмъ, гдѣ въ солеѣ молится со свѣчами предъ святыми дверьми, и восходитъ съ патріархомъ на амвонъ. Здѣсь патріархъ читаетъ молитву надъ хламидой и, по окончаніи ея, кубикуляріи надѣваютъ ее на императора. Потомъ патріархъ опять говоритъ молитвы надъ короной, и когда кончитъ ихъ, беретъ и возлагаетъ на главу императора, при троекратномъ восклицаніи народа: святый, святый, святый! Слава въ вышнихъ Богу, миръ на землѣ! Послѣ того: ему великому им-

---

[1]) См. изслѣдованіе князя М. А. Оболенскаго „О первоначальной русской лѣтописи", отд. I, стр. 55.

ператору и августу многія лѣта, и проч. Императоръ въ коронѣ идетъ въ метаторій и возсѣдаетъ на тронъ; къ нему подходятъ вельможи, кланяются и цѣлуютъ его колѣна: первый занавѣсъ—магистры, второй—патриціи и военачальники, третій—протоспафаріи, четвертый—искусные въ военномъ дѣлѣ, начальники ексвубитовъ, иканатовъ и нумеровъ, спафаріи, сенаторы и консулы; пятый—спафаріи, шестый—страторы, седьмый—начальники схолъ, осмый—кандидаты кавалерійскіе, девятый—секретари и доместики, десятый—секретаріи, веститоры, силенціаріи, одиннадцатый—императорскіе мандаторы и пѣхотные кандидаты, двѣнадцатый—трибунскіе начальники флота. Въ то время препозитъ говоритъ: повелите! Всѣ желаютъ тутъ благополучнаго и долгаго царствованія императору и отходятъ. Что же касается до любви и общенія, по обычаю торжествъ, все совершается по порядку.

Восклицанія народа при коронаціи императора.

По обычаю торжественнаго празднества, когда императоры придутъ въ святую церковь и выполнятъ всѣ церемоніи, необходимыя въ этой процессіи, тогда они идутъ вмѣстѣ съ патріархомъ на амвонъ, гдѣ лежатъ на антиминсѣ хламида и короны; патріархъ читаетъ молитву надъ хламидой, и послѣ передаетъ ее старшему императору, который съ препозитами надѣваетъ ее на новопроизведеннаго императора, затѣмъ патріархъ опять читаетъ молитву надъ коронами, и сначала своими руками возлагаетъ корону на великаго императора, а сей коронуетъ новопоставленнаго, и въ это время два народныя общества возвышеннымъ голосомъ восклицаютъ: достоинъ! и поклоняются скиптрамъ и прочимъ сосудамъ съ бандами, поставленнымъ по правую и лѣвую сторону; между тѣмъ всѣ сенаторы и депутаты отъ народа стоятъ къ востоку, на правой сторонѣ амвона.

Пѣвчіе тогда говорятъ: слава въ вышнихъ Богу и миръ на землѣ! Народъ повторяетъ тоже трижды. Пѣвчіе: въ людяхъ христіанскихъ благоволеніе! Народъ тоже трижды. Пѣвчіе: потому что помиловалъ Богъ народъ свой. Народъ тоже трижды. Пѣвчіе: сей великій день Господень. Народъ тоже трижды. Пѣвчіе: сей день жизни римской. Народъ тоже трижды. Пѣвчіе: сія радость и слава міра. Народъ тоже. Пѣвчіе: въ который вѣнецъ царскій. Народъ тоже.

Пѣвчіе: на главу твою достойно возложенъ. Народъ тоже. Пѣвчіе: слава Богу, вѣнчавшему главу твою! Народъ тоже. Пѣвчіе: слава Богу, показавшему тебя царемъ! Народъ тоже. Пѣвчіе: слава Богу, прославившему тебя такъ! Народъ тоже. Пѣвчіе: слава Богу, благоволившему такъ тебѣ! Народъ тоже. Пѣвчіе: но вѣнчавшій тебя своею рукою. Народъ тоже. Пѣвчіе: сохранитъ тебя многія лѣта въ порфирѣ. Народъ тоже. Пѣвчіе: съ августами и порфирородными. Народъ тоже. Пѣвчіе: на славу и возбужденіе Римлянъ. Народъ тоже. Пѣвчіе: да услышитъ Богъ народъ вашъ. Народъ тоже. Пѣвчіе: многія, многія, многія. Народъ: многія лѣта, многія. Пѣвчіе: многія вамъ лѣта дай Богъ, самодержцы римскіе. Народъ: многія вамъ лѣта. Пѣвчіе многія вамъ лѣта дай Богъ, августы римскія. Народъ: многія вамъ лѣта. Пѣвчіе: многія вамъ лѣта, счастіе скипетровъ. Народъ: многія вамъ лѣта. Пѣвчіе: многія тебѣ лѣта дай Богъ, императоръ римскій. Народъ: многія тебѣ лѣта. Пѣвчіе: многія тебѣ лѣта, Богомъ вѣнчанный. Народъ: многія тебѣ лѣта. Пѣвчіе: многія вамъ лѣта, владыки, съ августами и порфирородными. Народъ: многія вамъ лѣта. Пѣвчіе: но Творецъ и Господь всѣхъ. Народъ тоже. Пѣвчіе: вѣнчавшій васъ своею десницею. Народъ тоже. Пѣвчіе: умножитъ лѣта ваша съ августами и порфирородными. Народъ тоже. Пѣвчіе: для совершеннаго спокойствія Римлянъ. Послѣ сего, два народныя общества молятъ о счастіи, говоря: многія лѣта императорамъ, и прочія хвалы и благожеланія высказываютъ и отходятъ.

* * *

Что должно соблюдать при коронаціи августы.

(Constant. Porphyrog. de ceremon. avlae Bysant. cap. 40, p. 202).

Императоръ приходитъ въ августеонъ въ коронѣ и хламидѣ, дѣлаетъ производства (раздѣляетъ новыя почести) и около третьяго часа садится среди триклина. Церемоніарій, по обыкновенію, приводитъ въ порядокъ занавѣсы; а препозитъ, по знаку, данному императорами, идетъ съ остіаріями и виргами и призываетъ первый занавѣсъ — магистровъ, второй — патриціевъ, третій — сенаторовъ, потомъ консуловъ, начальниковъ, кандидатовъ, експрефек-

товъ и военачальниковъ и т. д. Патріархъ чрезъ дафну входитъ въ храмъ св. Стефана и принимаетъ императоровъ. Когда всѣ занавѣсы наполнятся, то, по мановенію императоровъ, препозитъ отходитъ, зоветъ патріарха и отводитъ въ августеонъ. Въ то время входитъ императрица, долженствующая короноваться, въ сопровожденіи кубикуларіевъ. Императоры встаютъ и вмѣстѣ съ патріархомъ и августою въ мафоріонѣ идутъ къ мѣсту, гдѣ ставится антиминсъ, патріархъ читаетъ обыкновенныя молитвы, по окончаніи которыхъ императоры снимаютъ съ августы мафоріонъ и надѣваютъ на нее хламиду; затѣмъ патріархъ читаетъ молитву надъ короной и, по совершеніи молитвы, передаетъ ее императору, а сей возлагаетъ ее на главу августы; потомъ патріархъ прощается съ императорами и выходитъ чрезъ осмиугольную комнату, а императоры и августа садятся на троны: первые съ правой, а послѣдняя съ лѣвой стороны св. Стефана. Тогда входятъ патриціи и всѣ прочіе, сдерживаемые силенціаріями, припадаютъ къ ногамъ ихъ, цѣлуютъ оба колѣна и привѣтствуютъ ихъ; послѣ поздравленія императоры даютъ знакъ препозиту, и онъ говоритъ «повелите»; всѣ молятъ долгихъ и счастливыхъ лѣтъ императорамъ и такимъ образомъ расходятся. Послѣ того входитъ секретъ женщинъ: занавѣсъ 1-й — зосты, занавѣсъ 2-й—жены патриціевъ, 3-й—жены протоспаѳаріевъ и спаѳаріевъ, 4-й—консуловъ, 5-й—страторовъ, 6-й—начальниковъ, кандидатовъ, 7-й — секретарей и доместиковъ, 8-й —силенціаріевъ; 9-й—распорядителей императорскихъ, начальниковъ иканатовъ, 10-й трибунскихъ начальниковъ флота, 11-й—протекторовъ и центуріевъ. Всѣ они входятъ по порядку, цѣлуютъ колѣна императоровъ и августы и составляютъ консисторіонъ. Когда препозитъ, по данному знаку императорами, скажетъ: «повелите», то онѣ удаляются. Остальные изъ городскихъ жителей порядками и числами распредѣляются въ трибуналѣ 19 ложъ: патриціи стоятъ въ оноподіѣ, а сенаторы въ портикѣ. Выходитъ августа, сопровождаемая кубикуляріемъ, и вмѣстѣ съ ней идутъ императоры до золотой руки и возвращаются. По входѣ ея въ оноподіонъ, патриціи съ прочими сенаторами повергаются на землю, и вставши, даютъ знакъ препозиту, который говоритъ: «повелите», желаютъ ей долгихъ и счастливыхъ дней, и сопровождаютъ ее въ иліаконъ трибунала. Консулы и прочіе сенаторы сходятъ, а патри-

ціи по обѣимъ сторонамъ стоятъ на лѣстницѣ, и когда покажется августа, то народъ восклицаетъ: «святый, святый, святый! слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ!» Наконецъ народныя общества, которыя собираются для коронаціи, читаютъ акты. Потомъ августа зажигаетъ свѣчи для поклоненія кресту, а народъ восхваляетъ императоровъ и ее. По окончаніи этого, августа кланяется на обѣ стороны и возвращается чрезъ августеонъ. Консулы стоятъ въ портикѣ, патриціи при золотой рукѣ, и затѣмъ даются угощенія.

Восклицаніе народа при коронаціи августы.

По совершеніи обряда коронаціи въ триклинѣ августеона, августа, сопровождаемая по обыкновенію сенатомъ, отсюда выходитъ; при чемъ сенаторы выходятъ чрезъ великія ворота трибунала; начальники же порядка становятся въ томъ мѣстѣ трибунала, гдѣ стоятъ крестъ, скиптры и прочіе сосуды съ знаменами, а два народныя общества предъ скиптрами и сосудами съ бандами. Далѣе, когда августа, сопровождаемая препозитомъ и прочими чинами кубикула, остановится въ иліаконѣ, то два народныя общества восклицаютъ: «святый, святый, святый!» и тутъ же покланяются скиптрамъ и сосудамъ съ бандами. Пѣвчіе между тѣмъ говорятъ: «слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ!» Тоже повторяетъ народъ трижды. Пѣвчіе: въ людяхъ христіанскихъ благоволеніе! Народъ тоже трижды. Пѣвчіе: потому что Богъ помиловалъ народъ свой. Народъ тоже. Пѣвчіе: сей есть великій день Господень. Народъ тоже трижды. Пѣвчіе: сей есть день жизни римской. Народъ тоже трижды. Пѣвчіе: онъ радость и слава міра. Народъ тоже трижды. Пѣвчіе: въ который вѣнецъ царскій достойно положенъ на головѣ твоей. Народъ тоже трижды. Пѣвчіе: слава Богу, Господу всѣхъ. Народъ тоже трижды. Пѣвчіе: слава Богу, показавшему тебя императрицею. Народъ тоже трижды. Пѣвчіе: слава Богу, вѣнчавшему главу твою. Народъ тоже трижды. Пѣвчіе: слава Богу, такъ благоизволившему. Народъ тоже трижды. Пѣвчіе: но который вѣнчалъ тебя своею рукою. Народъ тоже трижды. Пѣвчіе: сохранитъ тебя многія лѣта въ порфирѣ. Народъ тоже трижды. Пѣвчіе: на славу и спасеніе Римлянъ. Народъ тоже трижды. Пѣвчіе: да услышитъ Богъ народъ вашъ. Народъ тоже трижды.

Восклицаніе къ императорамъ.

Пѣвчіе: многія, многія, многія! Народъ: многія лѣта, многія. Пѣвчіе: многія вамъ лѣта императоры римскіе! Народъ: многія вамъ лѣта! Пѣвчіе многія вамъ лѣта, рабы Господни!. Народъ: многія вамъ лѣта! Пѣвчіе: многія вамъ лѣта, счастіе скиптровъ! Народъ: многія вамъ лѣта! Пѣвчіе: многія тебѣ лѣта, императоръ римскій! Народъ: многія тебѣ лѣта! Пѣвчіе: многія вамъ лѣта, владыки съ августами и порфирородными! Народъ: многія вамъ лѣта! Пѣвчіе: но Творецъ всѣхъ и Господь. Народъ тоже трижды. Пѣвчіе: который своею рукою васъ короновалъ. Нарсдъ тоже. Пѣвчіе: да умножитъ лѣта ваша съ августами и порфирородными. Народъ тоже. Пѣвчіе: для совершеннаго спасенія Римлянъ. Потомъ два общества восхваляютъ, говоря: многія лѣта императорамъ! и проч., наконецъ желаютъ счастія и уходятъ.

* *
*

Что должно соблюдать при избраніи кесаря.

(Const. Porphyrog. de cerem. avlae e corp. script. hyst. Bysant. p. 217).

Избраніе въ кесари бываетъ по просьбѣ сената и всего войска, и если, по приказанію императоровъ, оно должно происходить въ воскресенье, то совершается при этомъ слѣдующая церемонія: въ тотъ день приходятъ всѣ начальники и войско въ трибуналъ ареи, находящійся снаружи 19 ложъ, и по обыкновенію восхваляютъ императоровъ, за тѣмъ просятъ за кесаря и получаютъ отвѣтъ или непосредственно отъ самого императора, или онъ объявляетъ свою волю чрезъ другихъ. Засѣдаютъ императоры въ великомъ триклиніѣ 19-ти ложъ; патріархъ же, пришедши, дожидается въ храмѣ св. Стефана. Послѣ того, какъ императоры возсядутъ, въ первый занавѣсъ входятъ магистры, а въ прочіе, по обыкновенію, другія лица; такимъ образомъ наполняютъ всѣ занавѣсы. По приказанію императоровъ, носящіе дибетезіи, хламиды и свои короны высказываютъ мнѣніе о кесарѣ, и, въ случаѣ общаго согласія на его избраніе дается императорами знакъ препозиту, который говоритъ: «повелите». Тогда послѣ поклоненія императорамъ, секретъ удаляется, патри-

ціи составляютъ консисторіонъ въ галлереѣ 19 ложъ, прочіе сенаторы стоятъ на ступеняхъ площадки по обѣимъ сторонамъ белведера; скиптры же, знамена, сосуды съ крестомъ и народомъ находятся въ трибуналѣ, гдѣ помѣщается и антиминсъ, на которомъ положены хламиды съ фибулами и головными украшеніями, называемыми кесарскими. Шествующихъ съ патріархомъ императоровъ принимаютъ патриціи въ галлереѣ, которые, сопутствуя имъ, входятъ въ трибуналъ, на ступеняхъ коего становятся по обѣимъ сторонамъ; императоры же съ патріархомъ идутъ въ иліаконъ, гдѣ старшій изъ нихъ, если ему угодно, занимается съ народомъ, который можетъ представлять ему обо всемъ. По приказанію императора, препозитъ и магистръ отходятъ и приводятъ имѣющихъ быть пожалованными въ достоинство кесаря въ дибитисіяхъ и кампотубахъ, ибо хламиды и фивлы сверху хламидъ и кесарскія одежды съ боку хламидъ лежатъ на антиминсѣ, предъ которымъ становится патріархъ, а императоры стоятъ съ боковъ, сзади патріарха діаконъ, а за симъ желающіе получить достоинство кесаря. Тогда императоры и кесари берутъ свѣчи и ихъ зажигаютъ; діаконъ говоритъ: въ мирѣ Господу помолимся. Императоръ, обратившись лицемъ къ востоку, отвѣчаетъ: Господи, помилуй. По совершеніи діакономъ ектеніи, и отвѣта народа: ты, Господи, патріархъ читаетъ молитву: Богъ и Господь нашъ, и, послѣ словъ: нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, народъ отвѣчаетъ: аминь. За тѣмъ патріархъ беретъ хламиду съ фивлами и передаетъ веститорамъ, которые, развернувъ ее, держатъ предъ императорами. По совершеніи сего, препозитъ и магистръ приводитъ производимыхъ въ кесари на глаза императоровъ, которые простираютъ руки и надѣваютъ на кесарей хламиду и ихъ цѣлуютъ. Пѣвчіе говорятъ: счасливо, счасливо; тоже повторяетъ народъ трижды. Тогда патріархъ, по обыкновенію, знаменуя трижды крестомъ народъ, говоритъ: миръ всѣмъ; народъ отвѣчаетъ: и духови твоему. Діаконъ: главы наши Господу преклонимъ. Народъ: ты, Господи. Тогда народъ немного наклоняетъ голову, что дѣлаютъ также императоры, кесари и патріархъ, который и читаетъ вторую молитву. По окончаніи ея, народъ говоритъ: аминь, патріархъ беретъ кесарскія короны, и, цѣлуя ихъ, передаетъ для цѣлованія императорамъ, а они подаютъ ихъ для того же кесарямъ. Потомъ импе-

раторы, поднявши ихъ надъ головою произведеннаго кесаря, дѣлаютъ знакъ креста, съ произношеніемъ святыя Троицы и надѣваютъ на его голову; въ то время весь народъ и пѣвчіе восклицаютъ: счастливѣйшій, счастливѣйшій, счастливѣйшій! Народъ трижды: счастливѣйшій. Пѣвчіе: многія лѣта императорамъ! дай Богъ, дай Богъ великимъ императорамъ многія лѣта! Богомъ поставленнымъ императорамъ и т. д. По совершеніи провозглашенія кесарей, императоры съ ними и патріархомъ пришедши въ триклинъ 19 ложъ, возсѣдаютъ на тронахъ, а кесари по сторонамъ. Тогда горожане и народъ становятся по своимъ мѣстамъ, съ боку входятъ желающіе оказать любовь, цѣлуютъ колѣна старшаго и младшаго императоровъ, а также одно колѣно кесаря, сидящаго съ правой стороны, и одно колѣно сидящаго съ лѣвой стороны и, поклонившись, даютъ любовь, потомъ входитъ весь секретъ, первый занавѣсъ—магистры и прочіе по порядку, какъ принято; сенатъ, поклонившись, даетъ любовь, затѣмъ препозитъ говоритъ: «повелите»; императоры и кесари выходятъ и перемѣняютъ ложи и короны, потомъ исполняется обрядъ празднества, какъ предписано уставомъ. Для любви и общенія выходятъ сначала императоры и съ ними кесари, и входятъ вмѣстѣ въ метаторіумъ и исполняютъ все по обычаю празднества, какъ показано въ обрядникѣ.

Народныя возгласы при производствѣ кесаря.

Когда императоры съ патріархомъ проходятъ чрезъ великій триклинъ 19 ложъ въ солярій трибунала, въ которомъ находится антиминсъ съ положенными на немъ хламидой, короной и цесарскими украшеніями, пѣвчіе говорятъ: да явится божественное величіе! Народъ трижды: да явится. Пѣвчіе: да явятся императоры римскіе. Народъ трижды: да явятся. Пѣвчіе: да явятся августы римскія. Народъ трижды: да явятся. Пѣвчіе: да явятся императоры съ августами. Народъ трижды: да явятся. Когда императоры взойдутъ и станутъ въ соляріи трибунала, а патріархъ и сзади его діаконъ въ антиминсѣ, то знаменутъ народъ трижды. Депутаты отъ двухъ обществъ говорятъ: святый, святый, святый! и просятъ мѣрнымъ голосомъ: Владыки вселенной, примите умоляющихъ рабовъ вашихъ: какъ рабы дерзаемъ просить, съ благоговѣніемъ чтимъ владыкъ, благосклонно внемлите, щедрые владыки, мольбамъ

народа своего, обрадуйте, владыки, рабовъ своихъ, просимъ съ потупленнымъ взоромъ о спасенiи города вашего. Да явится рабамъ вашимъ кесарь, просимъ сего мы, рабы ваши, благосклонные владыки, для величайшей славы сената, полнаго счастiя войска и радости вашей. По данному знаку препозитомъ, депутаты умолкаютъ, и когда императоръ скажетъ нѣсколько словъ къ народу и помолится, пѣвчiе возвышеннымъ голосомъ говорятъ: вѣнцедатели услышали молитвы наши, сдѣлавъ участникомъ свой народъ такой великой радости, утѣшили общество, возвеличивъ славу Римлянъ, милостiю вѣнчавшаго васъ; но Творецъ всего и Господь умножитъ лѣта ваши съ августами и кесаремъ и сохранитъ въ порфирѣ державство ваше на многiя лѣта, да услышитъ Богъ народъ вашъ, христолюбивые, ратуйте по Богѣ. Въ то время будущiй кесарь стоитъ сзади дiакона и беретъ отъ препозита вмѣстѣ съ императорами свѣчи, и троекратнымъ поклоненiемъ благодарятъ Бога, а весь народъ обращается лицемъ къ востоку, за тѣмъ кандидатъ на кесарство вводится препозитомъ и первымъ магистромъ и дiаконъ говоритъ: съ миромъ Господу помолимся; народъ: Господи помилуй. Послѣ сего патрiархъ читаетъ приличныя торжеству молитвы, по окончанiи которыхъ, народъ отвѣчаетъ: аминь; затѣмъ патрiархъ беретъ хламиду и передаетъ ее веститорамъ, веститоры держатъ ее раскинутою предъ императорами, препозитъ и первый магистръ подводятъ къ нимъ назначеннаго кесаря, и въ то время императоры своими руками одѣваютъ его и поздравляютъ, а пѣвчiе восклицаютъ: счастливо, счастливо, счастливо; народъ повторяетъ тоже трижды. За тѣмъ патрiархъ три раза знаменуетъ народъ крестомъ и говоритъ: миръ вамъ. Народъ: и духови твоему. Далѣе дiаконъ: главы наши Господу преклонимъ. По совершенiи торжественнаго обряда головопреклоненiя т. е. послѣ того, какъ императоры и кесарь преклоняютъ головы, и прочтенiя молитвъ, патрiархъ беретъ кесарскую корону и поцѣловавъ ее, для того же передаетъ императору, а сей кесарю; потомъ императоръ, поднявши корону надъ головою кесаря, дѣлаетъ крестообразный знакъ и говоритъ: во имя Отца, и Сына и Св. Духа, и надѣваетъ ее на голову кесаря. Пѣвчiе говорятъ: счастливѣйшiй, счастливѣйшiй, счастливѣйшiй! Народъ повторяетъ тоже. Потомъ пѣвчiе: многiя

лѣта и проч., многія лѣта счастливѣйшему кесарю, наконецъ: мы рабы императорскіе, мы рабы кесаря, дай имъ жизнь, Сыне Божій, дай имъ, Сыне Божій, побѣду. По окончаніи этого, императоры съ патріархомъ и кесаремъ отправляются въ триклинъ 19 ложъ, гдѣ засѣдаютъ, и дѣлается поклоненіе.

* * *

Что должно наблюдать при производствѣ въ патриціи.

(Constant. Porphyrog. de ceremon. avlae, p. 244).

При входѣ императора въ комнату, находящуюся предъ храмомъ св. Θеодора, внутри завѣсы, препозитъ (распорядитель) призываетъ веститоровъ (одѣвателей), которые надѣваютъ на императора верхнюю одежду (χλαμίδα); по уходѣ ихъ, препозитъ возлагаетъ на него корону; и онъ въ коронѣ выходитъ изъ этой комнаты и садится на свой тронъ, поставленный на золотомъ трехъступенномъ помостѣ. Между тѣмъ начальники (ἄρχοντες) становятся по обѣ стороны помоста, а кубикуларіи (постельничіе) и спаѳокубикуларіи (съ палашами) сзади трона, въ видѣ полукруга, куда желающіе взойти должны проходить чрезъ восемь занавѣсъ: протоспаѳаріи же евнухи стоятъ близъ трона. Потомъ минсураторъ, или папіасъ великаго дворца беретъ курильницу, и идя съ ней со стороны поднятой занавѣсы золототриложника, кадитъ на императора три раза и уходитъ; въ то время, препозитъ, по поданному императоромъ знаку, становится среди начальниковъ и, распростерши руки вмѣстѣ съ своей хламидой, кланяется ему, не сгибая колѣнъ, дѣлая этимъ только приличіе, какого требуетъ обрядъ дня. Такимъ образомъ съ двумя остіаріями (придверниками), несущими предъ нимъ свои жезлы, идетъ въ трипетонъ, и оттуда зоветъ назначенныхъ для сей церемоніи магистровъ. Около занавѣса при входѣ въ золототриложникъ стоятъ два силенціарія, которыми, при зовѣ магистровъ препозитомъ, приподымается занавѣсъ, и магистры съ препозитомъ входятъ въ первой занавѣсъ; препозитъ становится близъ занавѣса, а магистры стоятъ за нимъ; препозитъ даетъ знакъ остіаріямъ отойти внутрь занавѣса. Когда

онъ внутри занавѣса получитъ знакъ отъ императора, то киваетъ головой минсуратору и кубикулярію, для поднятія занавѣса, входитъ и становится на своемъ мѣстѣ. Магистры же, взошедши внутрь занавѣса, падаютъ на землю, и потомъ, вставши, становятся въ своемъ порядкѣ послѣ начальниковъ съ той и другой стороны ложа. Тотчасъ, послѣ этого, по мановенію императора, препозитъ входитъ на средину и, поклонившись, какъ прежде, идетъ съ двумя остіаріями въ трипетонъ, и призвавши проконсуловъ, вводитъ ихъ во 2-й занавѣсъ; здѣсь они, поклонившись, становятся по обѣ стороны, сзади магистровъ, препозитъ же становится на свое мѣсто и это дѣлаетъ при входѣ въ каждый занавѣсъ. Потомъ, снова, по данному знаку, идетъ въ трипетонъ, зоветъ патриціевъ и военачальниковъ, и приводитъ ихъ въ третій занавѣсъ: они, какъ и прежніе, кланяются и занимаютъ свое положеніе. Должно знать, что префектъ, если онъ и не патрицій, принимается въ третій занавѣсъ патриціевъ; если же квесторъ, или логоѳетъ, или начальникъ казнохранилища, или изъ вельможъ, занимающихъ первыя должности, не будутъ патриціи, то никто изъ нихъ съ патриціями не входитъ, но съ сенатомъ. Далѣе препозитъ снова, по знаку императора, остановившись на срединѣ и поклонившись ему, отходитъ съ двумя остіаріями въ трипетонъ и вводитъ сенатъ въ четвертый занавѣсъ, и исполняетъ тѣ же церемоніи. Вмѣстѣ съ сенаторами съ боку, съ правой стороны становятся веститоры, съ лѣвой логоѳетъ съ асикритами и референдарій, несущій бѣлый плащъ. Должно замѣтить, что асикриты, веститоры, логоѳетъ и деканъ при входѣ не падаютъ на землю, но становятся по обѣимъ сторонамъ, сзади секрета; сенатъ же, какъ сказано, исполняетъ все, какъ и прежнія лица. Послѣ сего препозитъ, взошедши опять, становится на свое мѣсто, и по мановенію императора, входитъ на средину и, сдѣлавши ему почтеніе, идетъ съ остіаріями и жезлами въ трипетонъ, и вводитъ начальниковъ схолій въ пятый занавѣсъ, которые исполняютъ такіе же обряды. Препозитъ же становится на свое мѣсто и опять, по данному знаку, идетъ на средину, кланяется и, вышедши, приводитъ кандидатовъ къ шестому занавѣсу, и они, исполнивши тѣ же обычаи, становятся въ своемъ порядкѣ. Препозитъ, вышедши опять и поклонившись, приводитъ домести-

ковъ къ 7-му занавѣсу, которые выполняютъ тѣ же церемоніи; потомъ приводитъ експрефектовъ къ восьмому занавѣсу. Такимъ образомъ, наполнивши восемь занавѣсовъ, въ осмый входятъ церемоніарій и силенціарій съ обѣихъ сторонъ позади секрета, и если желающій получить достоинство патриція взошелъ въ одинъ изъ занавѣсовъ и стоитъ въ мѣстѣ секрета, то императоръ призываетъ препозита и того, кого желаетъ возвести въ достоинство патриція, объявляетъ имя его препозиту, а сей церемоніарію, который, взявши съ собой силенціарія и кандидата, тотчасъ выводитъ ихъ на средину, на видъ императора. Если же кандидатъ находился внѣ занавѣсовъ, чрезъ которыя всѣ восемь не дозволяло ему пройти его достоинство, то съ нимъ долженъ быть церемоніарій съ силенціаріемъ, императоръ же зоветъ препозита и объявляетъ ему имя желающаго получить достоинство патриція; препозитъ становится посреди секрета и, поклонившись, идетъ съ двумя остіаріями, зоветъ кандидата и вводитъ его, имѣющаго красный плащъ. Церемоніарій и силенціарій сопутствуютъ ему и поставляютъ его въ срединѣ секрета предъ императоромъ; а препозитъ взошедши въ комнату, беретъ отъ второкласнаго чиновника (secundicerio) табулы (доски, на которыхъ написанъ указъ) и передаетъ ихъ императору; кандидата же подводятъ къ нему церемоніарій и силенціарій и приказываютъ пасть ка ногамъ его, которыя, а также и колѣна, цѣлуетъ; потомъ, получивши отъ императора табулы, цѣлуетъ его руки; въ это время отводятъ его назадъ въ средину секрета и поставляютъ между начальниками ложа, а силенціаріи раздѣляются по правую и по лѣвую сторону; изъ нихъ правый ведетъ перваго магистра и поставляетъ его по правую руку произведеннаго патриція; магистръ, поклонившись императору, молитъ ему долгоденствія, и потомъ отходитъ и становится на свое мѣсто. По совершеніи поклоненія и благодарности первымъ магистромъ, тотчасъ силенціарій беретъ другаго магистра и поставляетъ его съ лѣвой стороны новопроизведеннаго патриція, сей торжественно благодаритъ императора и молитъ о его благополучіи; по отходѣ, сего магистра принимаетъ правый силенціарій, соблюдая тѣ же обряды. Впрочемъ всѣ, взошедшіе чрезъ восемь занавѣсовъ, кромѣ секретаріевъ, веститоровъ и референдарія, каждый по своему чину, подходятъ,

окруженные силенціаріями, къ произведенному патрицію и съ правой, и съ лѣвой стороны и исполняютъ то, что исполняли правой и лѣвой магистры. Послѣ же поклоненія и изъявленія всѣми благодарности императору, церемоніарій и силенціарій, взявъ новопоставленнаго патриція, ведутъ его къ императору; здѣсь, поклонившись до земли, цѣлуетъ его ноги и колѣна, благодаритъ и отходитъ на свое мѣсто; потомъ препозитъ, по данному знаку императоромъ, говоритъ: повелите. Такъ всѣ, моля о благополучіи императора, выходятъ, а онъ, вставъ съ трона, идетъ въ комнату св. Ѳеодора; препозитъ, снявъ съ головы его корону, призываетъ веститоровъ, которые перемѣняютъ на немъ хламиду. Произведенный же въ патриціи отходитъ чрезъ скилы въ гипподромъ; предъ нимъ силенціарій несетъ табулы, и взойдя въ храмъ св. Стефана, зажигаетъ свѣчи, и, помолившись, выходитъ оттуда, и окруженный вельможами, скевофорами, отрядами войска, деканами и діетаріями, проходитъ чрезъ гипподромъ и баню, входитъ въ консисторіонъ, и зажегши здѣсь свѣчи, удаляется, въ совопровожденіи сихъ лицъ чрезъ екскубіи (стражи) и схолы. Принимаютъ его потомъ въ обществѣ Венетовъ, гдѣ императоръ зажигаетъ свѣчи, потомъ проходитъ чрезъ великія ворота, и ему, какъ обыкновенно при пожалованіи въ патриціи, восклицаютъ: «ὁ δεῖνα», (Боже мой?) и «ты патрицій» и димархъ (начальникъ народа) передаетъ ему либелларій (свидѣтельство). Подойдя близко къ мѣднымъ воротамъ, принимаетъ его Празинское общество; димархъ передаетъ ему свидѣтельство; здѣсь онъ стоитъ посрединѣ, какъ обыкновенно бываетъ при пріемахъ. Оттуда идетъ чрезъ мѣдныя ворота къ святому колодцу, зажигаетъ свѣчи, и послѣ того входитъ въ великую церковь, и стоя предъ святыми дверьми, молится; патріархъ, послѣ прозванія его, молится надъ преклоненною его главою; потомъ пріобщаетъ его святаго тѣла и крови Господа нашего Іисуса Христа и, привѣтствуя его, отпускаетъ. Патрицій, принесши дары въ церковь, выходитъ, чрезъ средній храмъ, въ отдѣленіе оглашенныхъ, гдѣ перемѣняетъ свою одежду—скарамангіонъ, и надѣваетъ багряный плащъ. Потомъ сѣвши на коня, вмѣстѣ съ силенціаріемъ, которыйноситъ предъ нимъ табеллы и пурпуровый плащъ, удаляется. Остальные же, о которыхъ мы сказали выше, провожаютъ его

до дома пѣшкомъ; всѣхъ ихъ патрицій принимаетъ дома; въ столѣ силенціарій сидитъ близь патриція по лѣвую сторону, какъ того требуетъ его достоинство; патрицій дѣлаетъ подарки силенціаріямъ и военачальникамъ, и потомъ всѣ возвращаются въ свои дома, благодаря Бога и восхваляя милостивѣйшаго императора.

Дѣйствія и восклицанія народа при пожалованіи патриціемъ.

По совершеніи обыкновенной церемоніи, при производствѣ въ патриціи, во дворцѣ, онъ выходитъ оттуда для процессіи, въ сопровожденіи силенціарія, несущаго патрикійскій дипломъ, и идетъ въ церковь св. Стефана въ гипподромѣ и зажигаетъ тамъ свѣчи. Потомъ, сопровождаемый вельможами, приходитъ въ консисторіонъ и здѣсь зажигаетъ свѣчи: такимъ образомъ шествуетъ и въ церковь Господа, гдѣ, въ портикѣ кандидатовъ, находятся вельможи, множество щитоносцевъ, всѣ діэтаріи и деканы. Сопровождаемый ими патрицій отходитъ къ мѣднымъ кортинскимъ воротамъ, здѣсь церемоніймейстеръ говоритъ: остановись; нумерарій же, держа занавѣсъ говоритъ: облегчи себя патрицій въ семъ мѣстѣ. Церемоніймейстеръ повторяетъ тоже; отсюда патрицій вышедши переходитъ чрезъ схолы, при сопровожденіи сказанныхъ лицъ. Празинское общество, находясь въ храмѣ Св. Апостолъ въ схолахъ, принимаетъ патриція, и, когда онъ станетъ на торжественномъ мѣстѣ, народъ говоритъ: прежде всего восхвалимъ Господа вселенной. Пѣвчіе: дай Богъ великимъ императорамъ и самодержцамъ многія лѣта! Народъ повторяетъ тоже трижды. Пѣвчіе: дай Богъ благочестивѣйшимъ августамъ многія лѣта! Тоже повторяетъ народъ трижды. Пѣвчіе: порфиророднымъ многія лѣта! Народъ говоритъ тоже трижды. Потомъ пѣвчіе читаютъ акты: «кто достойно не восхвалитъ единаго безсмертнаго царя», трижды, и «раздѣляющаго достоинство достойнымъ», трижды; «и тебя славно почтили», трижды, «свѣтлымъ достоинствомъ патриція», трижды; «но творецъ и Господь всего умножитъ лѣта ихъ съ августами и порфиродными». Послѣ того димархъ передаетъ патрицію свидѣтельство, и пѣвчіе говорятъ: дай Богъ тебѣ, дай Богъ тебѣ, дай Богъ тебѣ! Народъ повторяетъ трижды: ты еси патрицій! Пѣвчіе: хорошо ты поступилъ, оборона благодѣтелей! Народъ: хорошо ты поступилъ! Пѣвчіе: хорошо ты

поступилъ, любовь начальниковъ! Народъ: хорошо ты поступилъ. Пѣвчіе: хорошо поступилъ благородный отъ предковъ. Народъ: хорошо поступилъ. Пѣвчіе: хорошо ты поступилъ, дай Богъ тебѣ, патриційй римскій! Народъ хорошо ты поступилъ. Пѣвчіе: хорошо ты поступилъ для любящаго тебя народа. Народъ: хорошо ты поступилъ. Пѣвчіе: по заслугѣ возлюбили тебя владыки, какъ отличнаго и достойнаго мужа. Народъ: хорошо поступилъ. Пѣвчіе: но творецъ и Господь всего. Народъ: хорошо поступилъ. Пѣвчіе: тебя патриційй, сохранитъ на многія лѣта! Когда отсюда выдетъ патриційй, народъ сопутствуетъ ему спереди, говоря апелатикъ 4-го гласа: «Коронованные вышнимъ промысломъ по заслугѣ своей и мудрѣйшіе благодѣтели почтили тебя, какъ любезнѣйшаго раба, высшими почестями, произвели тебя знаменитаго протоспаѳарія и благороднаго предками въ свѣтлое достоинство патриція. Такимъ образомъ народъ сопровождаетъ патриція до Венетовъ; тамъ выполняется поэма, и потомъ пѣвчіе говорятъ: Святый Боже, сохрани патриція. Народъ трижды: Святый Боже. Общество Венетовъ принимаетъ патриція въ Халкѣ, и при пріемѣ соблюдается такой же порядокъ, какой и прежде, при пріемѣ Празинами; сверхъ того говоритъ апелатикъ 4-го гласа: «хранимые Богомъ», какъ выше сказано. Далѣе, чрезъ Хитъ Халкскій, патриційй идетъ къ святому колодцу, и зажигаетъ свѣчи; послѣ сего входитъ въ солею, гдѣ стоитъ антиминсъ. Патріархъ выходитъ изъ святилища и беретъ его патентъ и полагаетъ на антиминсѣ, потомъ читаетъ молитву, послѣ которой передаетъ патентъ патрицію, который за тѣмъ кладетъ на антиминсъ апокомвіонъ (родъ одежды). Наконецъ патріархъ входитъ въ святилище и идетъ къ антиминсу, гдѣ пріобщаетъ патриція, какъ и императоровъ въ торжественные дни. По совершеніи сего, патриційй отходитъ на скамью патриціевъ и надѣваетъ пурпуровый плащъ; отсюда отправляется домой верхомъ, сопровождаемый сказанными лицами и двумя обществами, изъ которыхъ каждое говоритъ свой апелятикъ; силенціарій, который носилъ пурпуровый плащъ, также на конѣ сопутствуетъ патрицію, держа его дипломъ. По пріѣздѣ патриція домой, спутники и два народныя общества возвращаются въ свои мѣста; остаются же у патриція въ его домѣ въ тотъ день препозиты, другіе патриціи, коммисары, два димарха, и силенціарій. Препозиты получаютъ шитыя одежды, съ пурпуровой обшивкой, а димархи авдіи.

ОБЪ ИЗДАНІИ ДРЕВНИХЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ ПАМЯТНИКОВЪ.

Позволяемъ себѣ высказать еще нѣсколько общихъ нашихъ мыслей, отчасти уже заявленныхъ нами еще и прежде по поводу нѣкоторыхъ собственныхъ нашихъ изданій. При тѣхъ требованіяхъ, какія предъявляетъ современная филологія, касательно обнародованія историческихъ памятниковъ, я всегда находилъ, что изданіе древнихъ нашихъ рукописей собственно для филологовъ должно быть непремѣнно особое отъ изданія ихъ для историковъ.

Основаніемъ для такихъ двухъ именно разныхъ изданій рукописей мнѣ представляется во 1-хъ ясно сознаваемая невозможность совмѣстить оба эти рода печати въ одномъ текстѣ, и во 2-хъ, совершенная необходимость вполнѣ удовлетворить въ предполагаемыхъ новыхъ изданіяхъ нашихъ отечественныхъ рукописей, двумъ одинаково важнымъ, но неодинаковымъ потребностямъ какъ филолога, такъ и историка. Не могу не повторить здѣсь уже высказанную мною однажды мысль и осуществленную на самомъ дѣлѣ, что древнія наши лѣтописи непремѣнно слѣдуетъ издавать обще-славянскою Кирилловскою азбукою. Я считаю, при этомъ, конечно, излишнимъ излагать, какъ важно на мой взглядъ самое точное воспроизведеніе въ печати всякаго, даже малѣйшаго, значка древней рукописи, по которому неустанно развивающаяся наука нерѣдко возстановляетъ совершенно новое, несравненно болѣе правильное чтеніе рукописи, и тѣмъ иногда проливаетъ новый, небывалый еще свѣтъ какъ на самую рукопись, такъ и на важные факты для исторіи. Этой первой, самой существенной потребности въ этомъ дѣлѣ Археографическая Коммиссія удовлетворяетъ во всей полнотѣ своимъ фотолитографическимъ изданіемъ. Съ другой стороны, безъ всякаго сомнѣнія, не менѣе важно и такое изданіе, которое сообщаетъ историку вполнѣ установленное уже послѣднимъ словомъ современной науки это правильное чтеніе, и, затѣмъ, даетъ уже возможно очищенную отъ всякой ошибочности, здоровую пищу для

собственно историческихъ изысканій. Изданій подобнаго рода мы также можемъ надѣяться особенно отъ трудовъ той же Коммиссіи.

Трудно отдать предпочтеніе какой либо изъ этихъ двухъ потребностей—филологической или исторической, въ ученомъ изданіи нашихъ древностей; соединить же удовлетвореніе ихъ въ одномъ изданіи представляется, какъ мы уже сказали, задачею не менѣе нерѣшимою; потому-то я и никакъ не могу не высказаться за двоякій въ одно и тоже время, родъ изданія, именно за изданіе филологическое и за другое еще изданіе, особенное для историковъ.

Думаемъ, что удовлетвореніе этихъ двухъ, одинаково важныхъ, потребностей особенно желательно въ наше время. Онѣ касаются предмета немаловажнаго для всей нашей славянской семьи, и особенно важнаго для насъ, Русскихъ. Предметъ этотъ, которому мы посвящаемъ наше изслѣдованіе, и о которомъ высказываемъ наше убѣжденіе, это именно самыя основы не только духовнаго, но и свѣтскаго нашего просвѣщенія, самыя коренныя начала всего вообще развитія славянской мысли, письменности и цивилизаціи.

Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ во имя этихъ первоначалъ всего умственнаго и гражданскаго своего устроенія, во имя великой идеи духовнаго и кровнаго единства и объединенія славянскихъ племенъ, какъ во Христѣ, такъ и въ мысли, такъ и въ словѣ, чрезъ посредство единой власти, единаго равноправія передъ закономъ и, наконецъ, единства буквъ письменности,—Русь глубоко почтила память святыхъ первоподвижниковъ славянства, достойно оцѣнивши все великое значеніе ихъ высокаго подвига, особенно нами, Русскими, продолженнаго и продолжаемаго, для насъ не остается ничего важнѣе, въ отношеніи къ памяти нашихъ первоучителей, какъ расширить, сколько возможно, наши познанія о самомъ началѣ своего просвѣщенія, о началѣ тѣхъ идей нашего государственнаго и общественнаго строя, какія именно заложены въ основу всего нашего бытія. Коренное отличіе наше отъ Запада въ этомъ отношеніи, какъ все болѣе и болѣе начинаютъ сознавать знатоки славянскаго быта, это наше Православіе, дозволяющее всѣмъ народамъ свободное богослуженіе каждому на родномъ его языкѣ. Оно то сохранено для насъ неповрежденно отъ притязаній Рима нашими первоучителями и утверждено именно Россіей, какъ религія любви, соединяющей рав-

нoправно всѣ племена и всѣ народы, какъ дѣло самой истины, а не гоненій за вѣру, какъ истинно христіанская религія духа, а не одинъ обрядъ мертвой буквы. Отсюда идея возможно близкаго объединенія всѣхъ братій Славянъ на самыхъ широкихъ основаніяхъ, присущая самымъ кореннымъ, завѣтнымъ славянскимъ ожиданіямъ; отсюда въ самомъ первоначалѣ Православія протестъ противъ мертвящей формы, возстававшей въ Римѣ на благовѣстіе истины славянскою рѣчью, свободное отъ монополіи исключительной, триязычной проповѣди. Отсюда же и то стремленіе нашей Церкви, которое отъ самыхъ древнихъ временъ ея въ мірѣ славянскомъ, всегда влекло нашихъ просвѣтителей къ общенародному, наивозможно широкому и всестороннему раскрытію истины на общепонятномъ языкѣ, а не къ латинской замкнутости отъ народа. Въ тѣхъ же основахъ Православія, въ самомъ корнѣ его лежитъ еще и та существенная его потребность, въ силу которой, возвышая народный духъ къ высшимъ истинамъ вѣры, оно, съ одной стороны никогда не пренебрегало и свѣтскимъ, умственнымъ, научнымъ развитіемъ народа, а съ другой,-никогда не преставало заботиться и о наилучшемъ устройствѣ государственнаго народнаго быта, о возвеличеніи политическаго народнаго значенія, по современнымъ понятіямъ объ этомъ величіи. Эту-то истинно вселенскую, каѳолическую православную вѣру принесли славянамъ и крѣпко отстаивали ее, въ свое время, первые наши славянскіе учители. Утвердить и защитить ее въ послѣдствіи суждено уже самимъ Славянанъ. Россія потрудилась въ этомъ отношеніи болѣе всѣхъ другихъ Славянъ, не отпавшихъ отъ этой вѣры. Она много пострадала и до сихъ поръ не престаетъ страдать, вынося на себѣ всю тяжесть клеветъ за Православіе. Потому-то, для нея такъ и дорога память первыхъ славянскихъ подвижниковъ на этомъ пути, дорога въ древнихъ памятникахъ ея просвѣщенія каждая черта, выясняющая высокую дѣятельность ея первоучителей, какъ и ближайшихъ учениковъ ихъ, развивавшихъ далѣе ту же просвѣтительную силу. Въ ней залогъ всего будущаго развитія Россіи, то зерно, которое даетъ ей плоды и въ настоящемъ ея величіи. Отъ этого особенно, не говоря уже о многомъ другомъ, такъ важно для насъ изученіе нашихъ лѣтописей, которыми Сла-

вяне были едва ли не богаче всѣхъ другихъ народовъ. Поле разработки ихъ столько же обширно и важно, какъ обширенъ и важенъ тотъ подвигъ, какой въ дѣлѣ духовнаго и гражданскаго просвѣщенія и преуспѣянія предложенъ Славянамъ первыми апостолами и основоположниками славянской мысли и письменности.

Говоря о изученіи и разработкѣ нашихъ лѣтописей, мы не можемъ не отдать здѣсь посильной дани глубокаго нашего уваженія той новѣйшей критикѣ, которая неустанно стремится къ различенію въ нихъ первоначальныхъ историческихъ фактовъ отъ позднѣйшаго искаженія ихъ переписчиками. Но мы крайне сожалѣемъ, что до сихъ поръ мало было обращаемо вниманія на возстановленіе настоящаго правильнаго чтенія многихъ, совершенно испорченныхъ мѣстъ въ нашихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ. Ясное пониманіе этихъ мѣстъ по наиболѣе древнему списку ихъ выясняло бы все болѣе и болѣе, по мѣрѣ критической разработки ихъ, самыя первоосновы русской исторіи, заключающіяся собственно въ лѣтописныхъ ея данныхъ. Отсюда задача критики не только очистить историческую, естественную истину отъ приставнаго къ ней, впослѣдствіи, вымысла, но и указать, по возможности, въ какомъ именно видѣ должна была явиться эта истина въ первоначальномъ ея описаніи; что составляло ея источникъ; не существуетъ ли онъ гдѣ либо еще и до сихъ поръ въ первобытномъ своемъ видѣ, во всей своей цѣлости, или хотя въ отрывкахъ, и гдѣ самыя вѣрныя ближайшія на него указанія. Съ цѣлью такого именно отношенія къ нашимъ лѣтописямъ, мы въ другомъ мѣстѣ, высказывали уже нашу мысль о громадной важности, при историческихъ изслѣдованіяхъ, того обширнаго и не легкаго въ научномъ своемъ рѣшеніи вопроса, откуда именно черпали свои свѣдѣнія наши лѣтописатели, въ какомъ видѣ получали они ихъ первоначально; не сохранились ли гдѣ либо эти источники, что въ лѣтописяхъ нашихъ находится самобытнаго, и что заимствовано; на сколько заимствованныя свѣдѣнія подверглись измѣненіямъ и какой смыслъ имѣли подобныя перемѣны. При этомъ мы старались, по возможности, возбудить вниманіе нашихъ ученыхъ къ разработкѣ того особенно ближайшаго вопроса въ этомъ

дѣлѣ—на сколько именно лѣтописатели наши пользовались собственно славянскими переводами византійскихъ и другихъ источниковъ, и какіе именно эти переводы. Въ видахъ посильной дѣятельной помощи съ своей стороны такому важному дѣлу по предмету отечественной исторической науки, въ то именно время, какъ уже открыто столько замѣчательныхъ древне-славянскихъ переводовъ, мы приступили сами къ изданію, и уже издали начало одного изъ нихъ, чрезвычайно важнаго для всей исторіи нашего первоначальнаго умственнаго развитія. Мы говоримъ о Лѣтописцѣ Русскихъ Царей. Подготовка къ изданію той рукописи, въ которой находится этотъ драгоцѣнный памятникъ, составляетъ теперешніе наши труды, и о немъ-то мы намѣрены говорить далѣе.

При этомъ изданіи, какъ и при другихъ нашихъ изданіяхъ, мы постоянно всегда держались (и будемъ держаться), такъ названнаго нами, графическаго способа изданія, наиболѣе подходящаго къ новому фотолитографическому способу, имѣя въ виду опять ту же современную потребность исторической критики, для которой особенно важно изучать самый точный текстъ лѣтописи, дающій не рѣдко возможность знатоку дѣла достигать до истиннаго историческаго смысла, иногда даже по одному какому-нибудь, едва замѣтному древнему значку въ ней, и такимъ образомъ опредѣлять и возсозидать въ цѣльности весь основный остовъ истины, точно также какъ для естествоиспытателя нерѣдко одинъ сохранившійся остатокъ, одна кость какого-либо животнаго даетъ полную возможность возстановить цѣльное, ясное понятіе о томъ живомъ организмѣ, какому нѣкогда принадлежала та или другая, отжившая уже, часть его. Въ такомъ только возможно точномъ, дагеротипномъ видѣ своемъ, всякая рукопись даетъ всѣ способы для просвѣщенной критики, вооруженной орудіями современной исторіи, палеографіи и археологіи, усиливающими ея зоркость и проницательность, достигать до такого правильнаго чтенія лѣтописей, при которомъ становится первоначальная истина ея источниковъ, часто скрывающаяся безъ того невидимкой подъ умышленными или неумышленными, фальшивыми взглядами позднѣйшихъ списателей. Свѣтъ этой истины озаряетъ, затѣмъ, нерѣдко цѣлую область, цѣлый періодъ древности въ первоначальномъ, настоящемъ ихъ видѣ, и

самый источникъ такого свѣта, та или другая древняя рукопись, гдѣ, въ позднѣйшей редакціи истина закрывалась до тѣхъ поръ баснею, возвращаетъ себѣ полное право не на глумленіе надъ лѣтописью изъ за этой басни, а на все глубокое уваженіе къ ней въ потомствѣ всякаго ученаго, дорожащаго дѣломъ истины. Кромѣ того, такимъ только путемъ, какъ мы уже замѣтили, опредѣляется и самый характеръ того времени и тѣхъ редакцій, которыя привнесли въ область древней истины позднѣйшій вымыселъ, легенду, какъ дань своему вѣку, какъ дань господствовавшимъ тогда понятіямъ. И, наоборотъ, по знакомству съ умственнымъ характеромъ того или другаго времени, того или другаго сословія въ немъ, узнается приблизительно и самое время списанія лѣтописи, скрывающееся нерѣдко во мракѣ. А какъ лѣтописи безспорно служатъ живой картиной, самымъ вѣрнымъ отраженіемъ характера цѣлаго народа, въ тотъ или другой моментъ его развитія, то, при правильномъ взглядѣ на эти памятники народной жизни, и самая эта жизнь народа, въ различныя историческія ея эпохи, которыя безъ того не рѣдко остаются многое число лѣтъ сокрытыми въ миѳическомъ туманѣ, самая эта народная жизнь выступаетъ изъ этого мрака и все ближе и ближе подступаетъ къ намъ, ярко освѣщенная исторической истиной, возстановленной и вполнѣ утвержденной не однѣми догадками, но и правильнымъ чтеніемъ, какъ и правильнымъ толкованіемъ правильно изданныхъ древнихъ рукописей.

Что безъ такого именно изданія, т. е., безъ изданія въ настоящемъ своемъ видѣ, всякая лѣтопись, мало по малу, гибнетъ отъ времени и теряется для потомства, какъ и напротивъ все сохраненіе ея въ вѣкахъ зависитъ единственнно отъ передачи ея вѣкамъ, въ печати, во всей ея цѣльности, въ строго графическихъ, или, безъ сомнѣнія, еще лучше, въ фотолитографическихъ изданіяхъ, объ этомъ, конечно, никакое сомнѣніе не можетъ уже имѣть мѣста. Дѣло это говоритъ каждому наглядно само за себя. Таково же, по несомнѣнной своей важности, и дѣло изученія и разработки отечественныхъ нашихъ лѣтописей, въ настоящемъ ихъ видѣ. Распространяться обо всемь этомъ еще болѣе, значило бы доказывать аксіомы. Здѣсь, мы хотѣли только указать на эти непреложныя истины, по поводу дальнѣйшаго нашего объясненія о другомъ пред-

метѣ и по неизбѣжной связи ихъ съ этимъ предметомъ. Для того-то именно мы и упомянули здѣсь какъ о значеніи, такъ и объ изданіи нашихъ отечественныхъ лѣтописей, а также и о томъ отношеніи къ нимъ людей науки, при какомъ единственно залагаются твердыя основы не только въ историческую, но даже и въ народную, духовную и гражданскую жизнь нашу.

ПЕРВЫЯ ЛѢТОПИСНЫЯ УПОМИНАНІЯ О ГОРОДѢ

ОБОЛЕНСКѢ.

Подъ 1147 годомъ въ первый разъ упоминается въ лѣтописяхъ о городѣ Москвѣ, гдѣ Юрій Владиміровичъ Долгорукій угощалъ въ этомъ году Святослава Ольговича. Но еще немного ранѣе того, а именно подъ 1146 годомъ, въ тѣхъ же лѣтописяхъ встрѣчается положительное извѣстіе и о городѣ Оболенскѣ; только, къ сожалѣнію, это извѣстіе до сихъ поръ не только не было приведено въ надлежащую ясность, но, можно сказать, совершенно ускользало отъ проницательности нашихъ ученыхъ.

Въ Ипатьевскомъ изводѣ Волынской лѣтописи читаемъ: «А Святославъ възвратися, поиде уверхъ Окы, и пришедъ ста на усть Поротвѣ въ городѣ Лобыньскѣ». А подъ 1147 годомъ: «Въ лѣто 6655 иде Гюрги воевать Новгорочкой волости, и пришедъ взя Новый Торгъ и Мьсту всю взя, а ко Святославу присла Юрьи, повелѣ ему Смоленьскую волость воевати; и шедъ Святославъ и взя люди Голядь, верхъ Поротвѣ, и тако ополонишася дружина Святославля. И прислав Гюрги и рече: «приди ко мнѣ, брате, въ Москву». Святославъ же ѣха къ нему съ дѣтятемъ своимъ Олгомъ, въ малѣ дружинѣ, поима съ собою Володиміра Святославича; Олегъ же ѣха напередъ къ Гюргеви, и да ему пардусъ. И пріѣха по немъ отецъ его Святославъ и тако любезно цѣловастася, въ день пятокъ, на Похвалу Святѣй Богородици, и тако быша весели. Наутріи же день повелѣ Гюрги устроити обѣдъ силенъ, и створи честь велику имъ, и да Святославу дары многы съ любовію, и сынови его Олгови и Володиміру Святославичю, и мужѣ Святославлѣ учре-

ди, и тако отпусти и; и обѣщася Гюрги сына пустити ему, якоже и створи. Святославъ же оттуда възвратися къ Лобыньску, и оттуда иде къ Нериньску и перешедъ Оку, и ста; и бысть къ Велику дни на Веребницю, и ту преставися добрый старечь Петръ Ильичь, иже бѣ отца его мужь, уже бо отъ старости не можаше ни на конь всѣсти, бѣ ему лѣтъ 90». Изъ этого повѣствованія ясно видно, а) что городъ Лобынскъ былъ не вдалекѣ отъ устья рѣки Протвы и на лѣвой сторонѣ рѣки Оки, по ея теченію, а не на правой; б) что Святославъ шелъ вверхъ по Окѣ по правой ея сторонѣ и, чтобъ стать на устье Протвы, ему необходимо слѣдовало переправиться на лѣвую сторону рѣки Оки; а потому прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе ученыхъ издателей и изслѣдователей лѣтописей на то обстоятельство, что въ текстѣ подлинной Волынской лѣтописи несомнѣнно стояло слово прешедъ, вмѣсто котораго переписчикъ Ипатьевскаго извода этой лѣтописи поставилъ пришедъ, потому что если оставить чтеніе, принятое издателями Ипатьевскаго извода, т. е. слово пришедъ, то не будетъ смысла, и дальнѣйшая конструкція фразы должна быть слѣдующая: пришедъ ста на устьѣ (а не на усть) Поротвы въ городѣ Лобынскѣ. Переписчики Хлѣбниковскаго и Ермолаевскаго изводовъ догадывались, что въ этомъ мѣстѣ есть какая-то неправильность въ чтеніи, а потому и старались исправить ее, но не отгадали, гдѣ именно здѣсь находится ошибочность, и вмѣсто исправленія слова «пришедъ», они поправили слово «усть» и поставили—Хлѣбниковскій на усть и, а Ермолаевскій на устѣ, въ той мысли, что если допустить, что именно слово пришедъ должно здѣсь имѣть мѣсто, въ такомъ случаѣ ближайшее къ нему слово усть должно было имѣть иное окончаніе, т. е. пришедъ ста на устьѣ.

Если же возстановить настоящее чтеніе слова прешедъ (т. е. перешедъ), то въ совокупности съ послѣдующими словами здѣсь будетъ совершенно правильное чтеніе и по смыслу и по старинному способу выраженія: «прешедъ ста на усть Поротвѣ въ городѣ Лобыньскѣ». Необходимость здѣсь слова перешедъ (а не пришедъ) обусловливается именно неизбѣжностію переправы чрезъ Оку для того, чтобы съ праваго берега ея стать на устьѣ Протвы, впадающей въ Оку съ лѣвой стороны, что еще яснѣе видно изъ

описанія обратнаго (изъ Москвы) пути Святослава, гдѣ именно и сказано: «Святославъ же оттуда возвратися къ Лобыньску, и оттуда иде къ Нериньску и перешедъ Оку и ста; и бысть къ Велику дни на Веребницю, и ту преставися добрый старечь Петръ Ильичь».

Теперь обратимся къ объясненію вопроса, что это были за города: Лобыньскъ, Нериньскъ и г. Веребница.

Городъ Лобыньскъ. Такого города на р. Протвѣ не существовало, а потому переписчикъ Хлѣбниковскаго извода переименовалъ его въ Любыньскъ, а переписчикъ Ермолаевскаго извода въ Любенскъ. Но ни тому, ни другому не удалось попасть на настоящее названіе города.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ подлинной Волынской лѣтописи стояло: въ городѣ ѡбъ͆лньскѣ, къ ѡбъ͆еньскоу. Простодушный переписчикъ этой лѣтописи Ипатьевскаго извода, не обладавшій, очевидно, географическими свѣдѣніями, исказилъ настоящее названіе города Оболенска, поставивъ букву *л*, находившуюся надъ этимъ словомъ подъ титломъ, въ строчку и въ началѣ слова. Онъ, какъ видно, не зналъ о существованіи рѣчки Оболенки, отъ которой городъ Оболенскъ получилъ свое названіе, а потому и недоразумѣвалъ, какъ прочесть ему въ обветшаломъ уже спискѣ лѣтописи неясно сохранившееся названіе города; но предположивъ, что городъ получилъ названіе отъ лба, онъ не колеблясь написалъ Лобыньскъ. Превращеніе Оболенска въ Лобыньскъ очень просто; въ древней лѣтописи стояло: ѡбъ͆ньскъ; извѣстно, что буква *ъ*, въ древнихъ русскихъ рукописяхъ, въ срединѣ словъ писалась вмѣсто *о* и произносилась за *о*; у слѣдующей же буквы *е* горизонтальныя черточки, вѣроятно, стерлись отъ времени, и такимъ образомъ обѣ эти буквы переписчикъ легко могъ счесть за одну букву *ы*; поставивъ же букву *л* (бывшую на верху слова подъ титломъ) впереди слова, потому что это мѣсто нашелъ для него болѣе удобнымъ и осмысленнымъ, онъ написалъ: Лобыньскъ. Число буквъ и начертаніе ихъ осталось совершенно тоже, что и было, разница произошла только въ перестановкѣ буквы *л*. Это такъ естественно, что, кажется, не требуетъ разъясненій.

Позднѣйшіе переписчики и изслѣдователи, инстинктивно, должно быть, чувствовали, что городъ Лобынскъ названъ въ лѣтописяхъ

не своимъ именемъ, а потому и старались съ своей стороны исправить ошибку переписчика; но думая исправить чужую ошибку, они создали въ свою очередь свои новыя ошибки; придавая этому городу новыя, также несвойственныя ему, названія, они до того затемнили подлинное лѣтописное о немъ извѣстіе, что и самое это извѣстіе перешло въ область сказаній проблематическихъ; такъ что составитель Патріаршей или Никоновской лѣтописи говоритъ: «А Святославъ иде вверхъ по Окѣ рѣцѣ, и пришедъ ста на усть Поротвы рѣки въ Любинцѣ Омосовѣ. . . Того же лѣта преставися князь Иванко Юрьевичь, внукъ Володимера Мономаха, у князя Святослава Олговича на усть Поротвы рѣки въ Любинцѣ Амосовѣ, мѣсяца Марта въ 29 день».

Н. М. Карамзинъ, въ примѣч. 299 на II т. И. Г. Р., приводитъ представленную выше выписку изъ Вол. лѣтописи въ слѣдующемъ сокращенномъ видѣ: «А Святославъ пойде вверхъ по Окѣ и пришедъ ста на усть Поротвы въ городѣ Любыныцѣ, что по объясненію исторіографа значитъ: въ станѣ Любутскомъ, Тульской губерніи, въ Алексинской округѣ. А П. М. Строевъ, поправляя Карамзина, принимаетъ въ своемъ указателѣ къ ист. Г. Р. городъ Любыницъ за городъ Любутскъ, что нынѣ село Любуцкое Калужской губерніи и уѣзда.

Если переписчикъ Вол. лѣтописи изъ города Оболенска сдѣлалъ Лобынскъ, то это вовсе неудивительно и очень легко могло произойти отъ его добродушной простоты, не вредя его добросовѣстности. Позднѣйшіе переписчики, какъ жители югозападной Россіи, не особенно знакомые съ географическимъ положеніемъ Россіи сѣверной, въ случаѣ недоразумѣнія относительно названія какого-нибудь сѣвернаго города или мѣстечка, переписывая лѣтопись, естественно дѣлали свои соображенія, по которымъ и переиначивали имена ихъ, какъ имъ казалось правильнѣе. Такъ, подъ тѣми же 1146—1147 годами Вол. лѣтописи вмѣсто Брянскъ читается Добрянскъ, вм. Колтескъ—Полтескъ, вм. Москва—Московъ, Москова: что же удивительнаго, если вмѣсто Оболенска, мы встрѣчаемъ въ спискахъ этой лѣтописи и Любынскъ и Любенскъ?

Въ выпискѣ, приведенной Н. М. Карамзинымъ, названіе никогда не существовавшаго Лобынска замѣнено названіемъ Любыныцъ,

также никогда не существовавшимъ. Исторіографъ думаетъ объяснить, что подъ этимъ названіемъ надо разумѣть станъ Любутскій, Тульской губерніи въ Алексинской округѣ. Но, во 1-хъ, это превращеніе Лобынска въ Любыцынъ ни на чемъ не основано, а во 2-хъ, еслибы это былъ станъ Любутскій, то онъ и въ лѣтописи также носилъ бы названіе стана, а не города, и въ 3-хъ, наконецъ, Протва течетъ не по Тульской губерніи и не впадаетъ въ Оку съ правой стороны, на которой находится Алексинскій округъ, а съ лѣвой.

П. М. Строевъ, полагавшій, что Любыкыцъ Карамзина, или Лобынскъ лѣтописи есть городъ Любутскъ Калужской губерніи, Калужскаго уѣзда, точно также упустилъ изъ виду подлинное лѣтописное указаніе на то, что Лобынскъ стоялъ близъ устья Протвы на лѣвой сторонѣ рѣки Оки, тогда какъ его Любутскъ, теперь село Любутское, стоитъ на правой сторонѣ рѣки Оки и на лѣвой сторонѣ рѣчки Любучи, по обѣ стороны рѣчки Средней.

Вообще видно, что какъ Карамзинъ, такъ и Строевъ строили только догадки, что это былъ за городъ, названный въ лѣтописи Лобынскомъ, но какой это былъ дѣйствительно городъ, этого вопроса не рѣшили и для себя самихъ. Они сами чувствовали, что дѣйствовали здѣсь на угадъ, и, пріурочивая къ Лобынску указанныя ими мѣста, полагали, что авось удастся попасть на слѣдъ...

Между тѣмъ дѣло объясняется очень просто. Въ книгѣ Большаго Чертежа сказано: «А въ рѣку въ Лужу пала рѣчка Суховъровъ (Суховровъ), а рѣчка Суховровъ вытекла близко Оки, противъ Алексина и потекла чрезъ Оболенскую дорогу [1]). А въ другомъ мѣстѣ: «А отъ усть Поротви вверхъ 30 верстъ Оболенескъ (градъ Оболенскъ)» [2]). Упоминаемая здѣсь дорога встрѣчается въ лѣтописяхъ и актахъ подъ именемъ Оболенской дороги, Оболенскаго шляга; она вела изъ Черниговскихъ княженій въ Новгородскіе предѣлы, изъ коихъ впослѣдствіи образовалось великое княжество Московское; стало быть, Оболенскъ былъ неизбѣжной и при томъ самой важной станціей на этой большой дорогѣ, потому что отъ

---

[1]) См. кн. Больш. Черт. изд. въ 1838 г., стр. 119,

[2]) Тамъ же, стр. 121.

него и самая дорога получила свое названіе; такимъ образомъ, въ Оболенскѣ гораздо естественнѣе было останавливаться князю Святославу, чѣмъ въ какомъ-нибудь другомъ городѣ, или станѣ, куда вели только проселочные пути, и тѣмъ болѣе естественно, что Оболенскъ былъ однимъ изъ удѣльныхъ городовъ князей Черниговскихъ.

Сравнивая сказанія лѣтописи съ указаніемъ Большаго Чертежа, уже по одной аналогіи можно было заключить, что Лобыньскъ на устьѣ Протвы Волынской лѣтописи Ипатьевскаго извода есть ни что иное, какъ городъ Оболенскъ на устьѣ Протвы книги Большаго Чертежа. А нынѣ, послѣ вышеприведенныхъ нами доказательствъ, конечно, можно считать это вопросомъ уже окончательно рѣшеннымъ.

Городъ Оболенскъ лежитъ по теченію рѣки Протвы, на правой ея сторонѣ. Черезъ средину его протекаетъ рѣчка Оболенка, съ правой стороны рѣка Супрута, а съ лѣвой рѣчка Людна. Всѣ эти рѣки впадаютъ въ рѣку Протву.

Городъ Оболенскъ былъ въ древности защищаемъ землянымъ валомъ и рубленою оградою съ башнями. Валъ окруженъ былъ со всѣхъ сторонъ водою, съ сѣверо-восточной стороны обтекала его Протва, съ западной Супрута, съ юго-восточной Людна, а съ южной устроенъ былъ ровъ, который, наполняясь водою рѣчки Оболенки, соединялъ между собою Людну и Супруту.

Въ городѣ было нѣсколько церквей, изъ коихъ уцѣлѣли понынѣ только двѣ: церковь Успенія Пресвятыя Богородицы и церковь Св. чудотворца Николая, которая создана была въ честь ангела князя Николая Святоши Черниговскаго.

Въ 1368 г. городъ Оболенскъ былъ взятъ приступомъ войсками вел. князя Литовскаго Ольгерда, который убилъ здѣсь удѣльнаго князя Константина Ивановича Оболенскаго, и истребилъ жителей и разрушилъ укрѣпленія. За тѣмъ Оболенскъ подпалъ подъ власть Литвы, и все болѣе и болѣе утрачивалъ свое значеніе, между тѣмъ какъ по другую сторону Протвы, въ отпоръ Литвѣ, возникъ новый городъ Серпуховъ, который отнялъ у Оболенска окончательно стратегическое значеніе его, какъ сильно укрѣпленной и вооруженной крѣпости.

Профессоръ московскаго университета, И. Д. Бѣляевъ, въ из-

вѣстномъ своемъ историческомъ изслѣдованіи о географическихъ свѣдѣніяхъ въ древней Россіи, говоритъ: «Война Юрія (Долгорукаго) съ Изяславомъ Мстиславичемъ за Кіевъ хорошо знакомитъ Суздальцевъ съ страною Вятичей. Такъ, въ 1146 году Юрьевъ сынъ Иванъ исходилъ всю землю Вятичей, убѣгая отъ преслѣдованія Изяславовыхъ союзниковъ, Черниговскихъ князей Давыдовичей, онъ, вмѣстѣ съ Святославомъ Ольговичемъ, изъ Новгорода Сѣверскаго отступилъ къ Карачеву, который, по выраженію лѣтописи, стоялъ въ лѣсной землѣ; потомъ они отодвинулись къ Брянску (въ лѣтописи Добрянскъ, но это названіе не должно вести къ сомнѣнію или мысли, что подъ Добрянскомъ должно разумѣть не Брянскъ, а другой городъ, ибо въ лѣтописяхъ XV вѣка, во время войны Іоанна III-го съ Литвою, во многихъ мѣстахъ очень ясно указывается, что Добрянскъ и Брянскъ одинъ и тотъ же городъ). Послѣ того они пошли къ Козельску, а отъ Козельска на востокъ, прямо къ Дѣдославлю, что за Упою (гдѣ, кажется, потомъ былъ Дѣдиловъ); потомъ двинулись на сѣверъ, къ рѣкѣ Осетру, и остановились въ городѣ Колтескѣ, гдѣ скончался Иванъ Юрьевичъ. Святославъ же съ Юрьевыми Суздальцами и съ своею дружиною, по смерти Ивана, обратился къ западу, къ верховьямъ Оки, и остановился въ городѣ Лобынскѣ, на устьѣ Протвы: далѣе, идя вверхъ Протвы по направленію къ Смоленскимъ владѣніямъ, Святославъ, по приказу Юрія, покорилъ племя Голядь, жившее при верховьяхъ Протвы. Въ слѣдующемъ году, Юрій угощалъ Святослава въ Москвѣ (въ первый разъ упоминаемой въ лѣтописяхъ), которая, кажется, была пограничнымъ городомъ Суздальскихъ владѣній съ Новгородскими и Черниговскими, ибо въ лѣтописи, подъ 1176 годомъ, упоминается, что Лопасня, лежащая первая на югѣ отъ Москвы, была Черниговскій городъ и составляла удѣлъ Олега Святославича; а относительно сосѣдства Москвы съ Новгородскими владѣніями можно заключить изъ того, что Волокъ-Ламскій, находящійся въ 100 верстахъ отъ Москвы, въ XV вѣкѣ еще принадлежалъ Новгороду, да и самая Москва, кажется, была выстроена первоначально на Новгородской землѣ; прежнее ея названіе Кучкова села встрѣчается только въ Новгородскомъ краѣ, гдѣ между землевладѣльцами въ XV вѣкѣ сохранялась фамилія Кучковичей. Отъ Москвы Свя-

тославъ опять возвратился къ Лобынску, потомъ вступилъ въ городъ Неринскъ, подъ которымъ переправился чрезъ Оку на степную сторону. Отъ Неринска онъ опять двинулся къ Дѣдославлю, откуда отправилъ пришедшихъ къ нему Половцевъ къ верховьямъ Угры на Смольнянъ, а самъ пошелъ къ Девягорску и занялъ всю землю Вятичей до Брянска и Воробьина, т. е. все Подесенье, Мценскъ, Домагощь и Блову; занявши всю землю Вятичей, Святославъ, вмѣстѣ съ пришедшимъ къ нему Глѣбомъ Юрьевичемъ, выступилъ изъ Мценска и перешелъ въ страну Сѣверянъ, гдѣ прежде всего занялъ Курскъ, оттуда двинулся во владѣнія Переяславскія къ Выреву, и занялъ все Посемье, потомъ пошелъ къ Вьяханю и Попашу».

Изобразивъ въ этомъ очеркѣ, на основаніи лѣтописныхъ указаній, походъ Святослава съ Юрьевыми Суздальцами, авторъ книги говоритъ, что «этотъ походъ представляетъ собраніе географическихъ подробностей о землѣ Вятичей, доселѣ остававшейся, по нашимъ лѣтописямъ, совершенно неизвѣстною, и обнимаетъ географическими свѣдѣніями всю страну по Окѣ и Деснѣ отъ Москвы почти до Чернигова. Благодаря предпріимчивости Юрія и усердію его добрыхъ Суздальцевъ, мы получаемъ теперь нѣсколько ясное понятіе о томъ, что этотъ, доселѣ неизвѣстный, край, совершенно забытый прежними нашими лѣтописями, кипѣлъ жизнію и дѣятельностію неменьше другихъ краевъ Руси; что въ немъ было множество городовъ, которые лежали преимущественно по теченію рѣкъ, на путяхъ сообщенія, и слѣдовательно были выстроены съ торговыми цѣлями; нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь пролегала одна изъ значительныхъ дорогъ отъ Днѣпра въ Камскую Болгарію, на которую намекаютъ и арабскіе писатели (Истахри Lib. Clim. p. 37. Идриси Géogr edit. Jaubert, II, 401). Кѣмъ и когда построены упоминаемые здѣсь города, до насъ теперь это не относится; для географіи важно только то, что здѣсь существовали города, что и этотъ край не былъ пустынею, а пользовался извѣстностью у современниковъ».

Вполнѣ раздѣляя мнѣніе г. профессора, что «для географіи важно только то, что здѣсь были города», мы полагаемъ однакожъ, что для отечественной исторіи и вообще для науки не малую долю

важности имѣютъ и свѣдѣнія о томъ, какіе именно были эти города, исчезли ли они, не оставивъ по себѣ и слѣдовъ, или на ихъ развалинахъ возникли новые; или, наконецъ, они сами продолжаютъ существовать и доселѣ, только подъ другими наименованіями. Важны эти свѣдѣнія въ томъ отношеніи, что они, воскрешая предъ нами древній нашъ бытъ, въ послѣдовательной преемственности нашихъ историческихъ измѣненій, даютъ видѣть прочность, живучесть и, можно сказать, неизмѣнность въ существенныхъ чертахъ нашего народнаго духа. . . Главнѣйшія основы государственной жизни теперешней Россіи были положены въ древнѣйшей нашей гражданственности и, не измѣняясь въ существѣ, а только видоизмѣняясь въ своихъ внѣшнихъ формахъ, переходили изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ, до нашего времени. Это всего яснѣе подтверждаютъ именно наши древніе города и села, которыхъ большая часть существуетъ и до сихъ поръ, хотя мы часто и не догадываемся о ихъ существованіи по той простой причинѣ, что одни изъ городовъ будучи переименованы въ селенія, потеряли право на географическую извѣстность, другіе, бывъ нѣкогда значительными селеніями, получили въ позднѣйшее время титулы городовъ, и ихъ извѣстность началась только со дня наименованія ихъ городами, хотя первоначальное ихъ основаніе часто гораздо древнѣе множества такъ называемыхъ старыхъ городовъ. Письменные наши памятники передаютъ намъ имена древнихъ городовъ и селеній, за немногими исключеніями, въ невѣрномъ, искаженномъ видѣ, такъ что часто очень трудно подъ лѣтописнымъ наименованіемъ узнать настоящее подлинное названіе города или селенія. Самымъ надежнымъ, самымъ вѣрнымъ источникомъ для точнаго опредѣленія подлиннаго наименованія такихъ городовъ и селеній, а слѣдственно и для исправленія лѣтописныхъ искаженій служитъ вѣковое народное преданье, которое благоговѣйно хранитъ въ своей сокровищницѣ нашу древность, какъ святыню. Прибѣгая къ этой сокровищницѣ, мы и въ современной жизни отыщемъ многіе и ясные слѣды древности, и если ученый міръ интересуется археологическими находками, выкапываемыми въ древнихъ курганахъ, часто мелочными и ничего не объясняющими, то, конечно, еще интереснѣе въ современной

жизни отыскать слѣды жизни древней и древней гражданственности, или, говоря яснѣе, объяснить значеніе и указать мѣста древнихъ нашихъ городовъ, упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ, но изчезнувшихъ, повидимому, безслѣдно. Къ такимъ городамъ, по мнѣнію нашихъ ученыхъ, принадлежатъ и упоминаемые въ Волынской лѣтописи Ипатьевскаго извода подъ 1146—1147 годами города: Лобынскъ, Неринскъ, Веребейна и Колтескъ,—между тѣмъ какъ въ настоящемъ изслѣдованіи мы надѣемся представить данныя, достаточныя для того, чтобы убѣдиться въ живучести этихъ городовъ, которые, не смотря на всѣ невзгоды, постигавшія ихъ въ продолженіи вѣковъ, уцѣлѣли и до сихъ поръ.

Самыя первыя данныя для этой цѣли представляются самими лѣтописями. Мы полагаемъ, что разсказъ о походахъ Святослава Ольговича, передаваемый Волынскою лѣтописью, внесенъ въ нее изъ Суздальскихъ временниковъ и, можетъ быть, изъ стараго Ростовскаго лѣтописца, къ сожалѣнію до сихъ поръ не отысканнаго. Въ рукахъ южнаго составителя лѣтописи этотъ сѣверный разсказъ неизбѣжно долженъ былъ нѣсколько видоизмѣниться: отъ того въ немъ являются неожиданные перерывы, вставки, очевидно взятыя изъ другихъ источниковъ, и искаженія названій сѣверныхъ городовъ и мѣстностей. А потому прежде всего необходимо возстановить, на сколько это возможно, повѣствованіе въ первоначальномъ его видѣ. Это мы и постараемся сдѣлать.

Сказаніе Волынской лѣтописи по тексту Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей (т. 2, стр. 28—30).

«Давыдовича идоста къ Дьбряньску, а Всеволодовичь Святославъ въ Корачевъ, и посла Козельску ко Святославу, стрьеви своему, рекъ ему: «Изяславъ ти Мьстиславличь пошелъ Кіеву; а Давыдовича съ Смоленьскимъ Ростиславомъ хочета ити по тебѣ,» И тако Давыдовича пришедша ста Дьбряньскѣ, а Святославъ съ Козельска иде до Дѣдославля, же иде Святославъ къ Осетру; и ту отступи его Иванко Берладникъ къ Ростиславу Смоленьскому князю, вземъ у Святослава 200 гривенъ серебра, же 12 гривни золота. Пришедшю же Святославу въ Колтескъ городокъ, и ту присла ему Гюргій въ помочь тысячю брени...ць дружины Бѣлозерьское; Святославъ же перебравъ дружину, и хотѣ ѣхати съ Бѣлозерьци на Давыдовичю

къ Дѣдославю; и въ то время поча изнемогати Иванко Гюргевичь, и бысть боленъ велми. Святославъ же не ѣха отъ него, ни дружины пусти. Она же слышавша, оже Гюрги прислалъ къ нему въ помочь, и не смѣста по немъ ити; но съзвавша Вятичѣ и реша имъ: «се есть ворогъ нама и вамъ, а ловите его убити лестію и дружину его избити, а имѣніе его на полонъ вамъ»-и тако възвратистася изъ Дѣдославля. Въ тоже веремя поидоста Гюргевича, Ростиславъ и Андрей къ Рязаню, на Ростислава на Ярославича; Ростиславъ же выбѣже изъ Рязаня въ Половцѣ къ Ельтукови. Въ то же веремя Святославъ отпусти воѣ свое въ Половцѣ, давъ имъ дары многы, ихъже мы преди написахомъ: идоша съ ними Половцѣ мнози. Въ тоже веремя преставися Иванко Гюргевичь, мѣсяца февраля въ 24, въ понедѣлникъ, на ночь масленое недѣлѣ; а заутріи день пріѣхаста надъ онь брата два, Борисъ и Глѣбъ, и створиста плачь великъ; и тако сърятавше тѣло его, идоша съ нимъ Суждалю, къ отцю, съ жалостью. А Святославъ възвратися, поиде у верхъ Окы, и пришедъ ста на усть Поротвѣ въ городѣ Лобыньскѣ; и ту присла къ нему Гюрги, утѣшивая рче: «не тужи о сыну моемъ, аще того Богъ отъялъ, а другій ти сынъ пришлю»—и присла Гюрги дары многы, паволокою и скорою, и женѣ его, и дружину его одари повелику.

Въ лѣто 6655. Иде Гюрги воевать Новгорочкой волости, и пришедъ взя Новый Торгъ и Мьсту всю взя, а ко Святославу присла Юрьи, повелѣ ему Смоленьскую волость воевати; и шедъ Святославъ и взя люди Голядь, верхъ Поротвѣ, и тако ополонишася дружина Святославля. И приславъ Гюрги и рече: «приди ко мнѣ, брате, въ Московъ». Святославъ же ѣха къ нему съ дѣтятемъ своимъ Олгомъ, въ малѣ дружинѣ, поима съ собою Володимира Святославича; Олегъ же ѣха напередъ къ Гюргеви, и да ему нардусъ. И пріѣха по немъ отець его Святославъ, и тако любезно цѣловастася, въ день пятокъ, на Похвалу святѣй Богородици, и тако быша весели. На утріи же день повелѣ Гюрги устроити обѣдъ силенъ, и створи честь велику имъ, и да Святославу дары многы, съ любовію, и сынови его Олгови и Володимиру Святославичю, и мужѣ Святославлѣ учреди, и тако отпусти и; обѣщася Гюрги сына пустити ему, якоже и створи. Святославъ же оттуда възвратися къ Лобыньску, и оттуду иде къ Нериньску, и перешедъ Оку и ста.

И бысть къ Велику дни на Веребницю, и ту преставися добрый старечь Петръ Ильичь, иже бѣ отца его мужь, уже бо отъ старости не можаше ни на конь всѣсти, бѣ ему лѣтъ 90. Въ тоже лѣто постави Изяславъ митрополитомъ Клима Смолятича, выведъ изъ Заруба; бѣ бо черноризечь скимникъ, и бысть книжникъ и философъ, такъ якоже въ Руской земли не бяшеть. Рече бо Черниговскій епископъ: «азъ свѣдѣ, яко достоить съшедшеся епископомъ митрополита поставити». И снидошась Черниговьски епископъ Онофрій, Бѣлогородьскій епископъ Θеодоръ, Переяславьскій епископъ Еуθимій, Гюргійскій епископъ Демьянъ, Володимерьскій Θедоръ, Новгородьскій Нифонтъ, Смоленьскій Мануилъ, рекоста: «не есть того въ законѣ, яко ставити епископомъ митрополита безъ патріарха, но ставить патріархъ митрополита; а не поклонивѣ ти ся, ни служивѣ съ тобою, зане не взялъ еси благословенія у святоѣ Софьи, ни отъ патріарха; аще ли ся исправиши, благословишися отъ патріарха, и тогда ти ся поклонивѣ: мы взяли отъ Михаила отъ митрополита рукописаніе, яко не достоить намъ безъ митрополита въ святѣй Софьи служити». Онъ же на ня про то тяжко сердце имѣя. Онофрій же Черниговьскій рече: «азъ свѣде, достоить ны поставити, а глава у насъ есть святаго Климента, якоже ставять Греци рукою святаго Ивана». И тако сгадавше епископи, главою святаго Климента поставиша митрополитомъ. Святославъ же пришедъ ста у Нериньска, и тогда придоша къ нему сли изъ Половець, отъ уевъ его, съ Василемъ Половциномъ, 60 чади прислалися бяхуть, тако рекуче: «прашаемъ здоровія твоего; а коли ны велишь къ собѣ со силою прити?» Въ тоже время прибѣгоша изъ Руси дѣцкы, и повѣдаша ему Володимира въ Черниговѣ, а Изяслава у Стародубѣ. Святославъ же приде къ Дѣдославлю, и ту придоша къ нему друзіи Половцѣ, Токсобичи, иістави къ нимъ Судимира Кучебича и Горѣна, и посла я на Смолняны, и повоеваша верхъ Угры. Въ тоже веремя выбѣгоша посадничи Володимери и Изяславли изъ Вятичь, изъ Браньска, и изъ Мьченьска и изъ Блове; и оттуда иде Девягорьску, иде заемъ вси Вятичи и до Брянескъ и до Воробіинъ, Подесенье, Домагощь и Мценескъ. Въ тоже веремя придоша къ нему Бродничи, и Половци придоша къ нему мнози, уеве его. Въ тоже веремя Изяславъ Давыдовичь изъ Новагорода иде Чернигову. Въ тоже веремя приде Гюргьвичь Глѣбъ ко Святославу Девягорьску,

и оттуда идоша Мцьнеску, Святославичемъ, и съ Гюргевичемъ, и съ Половци; и ту даявъ имъ дары многы и поиде къ граду на Изяславича. И въспадши угониша и посли отъ Володимира Давыдовича и отъ Всеволодича, рекуче: «не имѣй на ны въ томъ жалобы, но будемы вси за одинъ мужь, и не помяни злобъ нашихъ, а крестъ къ намъ цѣлуй, а отцину свою възми, и что есми взяли твоего, а то ти възворотимъ»—и цѣловаше крестъ и не управиша. Того же лѣта посла Володимиръ и Изяславъ Давыдовича изъ Чернигова послы къ Изяславу, князю Кіевьскому, река: «брате! се заялъ Олговичь Святославъ волость мою Вятичѣ, поидивѣ на нь; аже и проженевѣ, то поидевѣ на Дюрдѣя Суждаль; любо съ нимъ миръ створимъ, любо ся съ нимъ бьемъ». Изяславъ же Мьстиславичь сдума съ Давыдовичема и съ Всеволодичемъ Святославомъ поити на Дюргя и на Святослава». . . . . . .

. . . . [1])

---

[1]) Конца статьи нѣтъ. Къ ней же принадлежитъ листокъ, на которомъ читаемъ слѣдующее: „Въ Силезіи, на берегу Одера, въ округѣ Ополіенскомъ (Оболенскомъ) „(Opoliensis ducatus)“. Въ Силез. грамотахъ (см. Silesiacarum Rerum Scriptores. Lipsiae, 1729 p. 664—677) въ 856 г. упоминается Runderia marcus, въ 973 Rodenfordi locus и Ruczeborg, 979 г. Ruchenstad и потомъ 1251 г. Герцогство Руденское (Ducatus Rudensis s. Vielunensis). Въ 1252 году Владиславъ Герцогъ Ополіенскій или Оппельнскій выкупаетъ приданое своей племянницы въ Ратиборскихъ владѣніяхъ, землю Руденскую, которая нынѣ называется Волынскою (volens redimere terram Rudensem s. Vielunensem). (См. Specil. Eccles. Магдебур. грам. in Reichs-Archiv.— Rerum Silesiacarum Scriptores. Lipsiae, 1729, fol. auct, Fr. With. de Sommersberg. p. 677).

См. примѣчанія проф. Морошкина къ Опыту Ист. Госуд. и Гражд. Законовъ проф. А. Рейца, стр. 349.

ГОРОДЪ ОСЕТРЪ.

Въ Волынской и Воскресенской лѣтописяхъ сказано, что Святославъ изъ Дѣдославля пошелъ къ Осетру, но въ Патріаршей или Никоновской лѣтописи стоитъ: «и пребывъ во градѣ Осетрѣ.» Мы полагаемъ, что и въ Волынской лѣтописи здѣсь подразумѣвается городъ Осетръ, а не рѣка. Святославъ шолъ на городъ Осетръ для того, что противъ этого города былъ перевозъ чрезъ рѣку Оку; переправившись здѣсь на лѣвую сторону рѣки, онъ попадалъ тотчасъ на трактовую Коломенскую дорогу. Городъ Осетръ стоялъ на рѣкѣ Окѣ, возлѣ устья рѣки Осетра; въ послѣдствіи на этомъ мѣстѣ князь Рязанскій Ростиславъ Ярославичъ основалъ въ 1153 году городъ Ростиславль [1]).

[1]) Смотри Никонов. лѣтоп. стр. 137: того же лѣта (6661) князь Ростиславъ Ярославичъ Рязанскій созда во имя свое градъ Ростиславль у Оки рѣки.“ И книгу Большаго Чертежа, стр. 122—123: „А ниже Коширы 20 верстъ, Ростиславль, а подъ Ростиславлемъ пала въ Оку рѣка Осетръ, а рѣка Осетръ вытекла отъ Тулы, отъ Серпуховской дороги, съ правой стороны дороги. А отъ усть рѣки Осетра, отъ Ростиславля, до усть рѣки Москвы 20 верстъ.“